ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сборник посвящается 150-летнему юбилею со дня рождения выдающегося тотемского художника, патриота Русского Севера Феодосия Михайловича Вахрушова (1870–1931)

РУССКИЙ СЕВЕР - 2020: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2020

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Рос)
Р89

Печатается по решению научно-методического совета МБУК «Тотемское музейное объединение»

Издание выпущено в рамках проекта «Агентство музейного развития "Лоция"», поддержанного грантом Благотворительного фонда Владимира Потанина в рамках программы «Эффективная филантропия» (грантополучатель – Тотемское музейное объединение)

Автор идеи, куратор проекта *– А. М. Новосёлов*
Составитель и редактор *– О. В. Полоцкая*

Редакционно-издательская коллегия:
Новосёлов А. М. (директор МБУК «ТМО»), Полоцкая О. В. (редактор электронных баз данных МБУК «ТМО»), Правдина М. Б. (кандидат культурологии, учёный секретарь МБУК «ТМО»), Якушева Л. А. (кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»).

Рецензенты:
Ермолин Е. А., кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, Ярославль – Москва;
Красильников Р. Л., доктор филологических наук, профессор, Москва.

Материалы выпускаются в авторской редакции

Р89 **Русский Север-2020:** проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет [редколлегия: Новосёлов А.М. (ответственный редактор) и др.]. - Вологда: Полиграф-Периодика,2020. - 586 с.: ил.

ISBN 978-5-91965-204-5

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-91965-204-5

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2020
© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2020
© Оформление. ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2020

Новосёлов Алексей Михайлович,
директор МБУК «Тотемское музейное объединение»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийская научная конференция «Русский Север. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» с международным участием проводится на вологодской земле уже в четвёртый раз. Родившись в Тотемском музейном объединении (ТМО) на абсолютном энтузиазме и даже без какого-либо достойного финансового обеспечения, проект за три года существования успел стать привлекающим внимание учёных, краеведов, музейщиков всего Северо-Западного региона, а также получить поддержку Вологодского государственного университета (в лице ректора В. В. Приятелева и кафедры теории, истории культуры и этнологии) и администрации Тотемского района.

Кроме того, конференция обрела устойчивое финансирование, став частью масштабного и очень важного проекта Тотемского музейного объединения – создания на базе ТМО ресурсного центра для малых городов и сёл страны «Лоция». Проблемы сохранения историко-культурного наследия, популяризации краеведения, пропаганды бережного отношения к сохранённому облику городов и сёл являются одними из ключевых для развития современных малых территорий, и Благотворительный фонд Владимира Потанина, поддержавший и поддерживающий наши начинания, безусловно, понимает важность развития данных тем. Зачастую именно историко-культурное наследие может стать важной «точкой сборки», за которой начинается интенсивное развитие территории. Опыт Тотьмы, в последнее десятилетие всем городом и районом отстаивавшей тотемские картуши во всероссийском конкурсе «Россия 10», вкладывавшейся в издание иллюстрированного альбома «Осколки времени. Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков», получившей ряд грантов на социокультурные инициативы и на реновацию общественных пространств, включая набережную Кускова,– служит этому неплохим подтверждением.

Думается, что за три года существования конференция «Русский Север. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» сложилась как феномен. У неё есть ряд черт, или, если можно сказать,– характерных особенностей, которые её сопровождают и, хочется верить, будут сопровождать.

Во-первых, мы выпускаем сборник до начала мероприятий либо прямо в дни конференции. Представленные доклады можно увезти с собой в текстовом виде или прочитать тут же. Это видится чрезвычайно важным, ведь все мы знаем, как долго и тяжело обычно издаются труды краеведческих конференций по всей стране, и зачастую выпущенный спустя годы материал уже теряет актуальность.

Во-вторых, наша принципиальная позиция связана с междисциплинарностью конференции. Тематика «проблемы изучения и сохранения наследия» дает нам очень широкое поле для исследования: тут и источниковедение, и культурология, и литературоведение, и этнография, и фольклор, и вопросы сохранения памятников, и география, и туризм. Возможность для пересечения в одной точке специалистов разного профиля, одинаково влюблённых в регион,– это, на наш взгляд, очень важно. Именно так зарождаются порой очень неожиданные связи.

В-третьих, несмотря на плодотворное сотрудничество с Вологодским государственным университетом, мы всегда проводим основную научную программу вне областного центра – ведь именно небольшие города, деревни и сёла стали местом, где складывался особый «культурный код» Русского Севера. Потому лишь первый день конференции проходит в Вологде на базе ВоГУ, а основные кульминационные мероприятия всегда бывают в Тотьме. Кроме того, в последний день мы выезжаем на какую-либо соседнюю с Тотьмой территорию, где, как нам кажется, неплохо развиваются процессы сохранения и изучения культурного наследия. Среди таковых территорий в 2017 году были деревни и сёла Тотемского района с сохранёнными памятниками «тотемского барокко» (Варницы, Матвеево, Вожбал, Усть-Печеньга), в 2018 году – «духовная родина» поэта Николая Рубцова село Никольское, город Солигалич и ставший в последнее время чрезвычайно известным туристский комплекс «Терем в Асташово», в 2019-м – город Вельск, где был отреставрирован объект культурного наследия «Дом Кичева» и открылся музей традиционных крестьянских росписей Поважья. При этом мы не ограничиваем себя рамками одного региона, справедливо полагая, что и север Костромской области, и юг Архангельской, где мы были, вполне вписываются в географические и культурологические рамки изучаемого нами края.

В-четвёртых, богатая культурная программа всегда является неотъемлемой частью конференции, такой же необходимой, важной и нужной, как научная часть. Традицией стали проведение

зимних «Рубцовских костров» в заречном бору за рекой Сухоной, посещение новых экспозиций и выставок ТМО, презентации новых книжных изданий. Кроме того, в прошлом году гости конференции смогли посмотреть спектакль Тотемского народного театра.

Мы стараемся показывать участникам конференции исторические здания Тотьмы, потому места открытия конференции и проведения научных заседаний периодически меняются. За три года гости смогли посетить зал домовой церкви Сергия Радонежского Тотемского духовного училища, актовый зал Петровской ремесленной школы, храм Успения и ряд других площадок, которые не всегда доступны для простого туриста.

Наконец, немаловажным является тот факт, что на конференциях сформировалась особая дружеская и творческая атмосфера, появился круг постоянных участников, без которых мы уже не мыслим проведение этих мероприятий. Это заместитель директора культурно-исторического центра «Светочъ» Василий Копытков, чьи весомые труды (в соавторстве с О. Б. Зенковой и А. В. Кузнецовым) уже традиционно становятся своеобразной «Книгой в книге» внутри наших сборников, москвичи Николай Решетников, Андрей Кортович, Иван Николаев, Марк Головизнин, Оксана Буковецкая, петербурженка Лидия Рахманова, вологжане Марина Черкасова, Дмитрий Пшеницын, Людмила Якушева, устюжанка Светлана Ромашкина и многие другие. Традиционно на конференции выступают и публикуются в сборнике все научные сотрудники Тотемского музейного объединения, за что хотелось бы выразить им искреннюю благодарность.

Отдельно хотелось бы отметить достойное представительство на конференции двух соседних районов, отдельные территории которых входили в состав бывшего Тотемского уезда – Бабушкинского и Нюксенского. Коллеги из Бабушкинского районного исторического музея Елена Сысоева и Дженни Синицына, Нюксенского районного краеведческого музея Лия Романова являются частыми и желанными гостями «Русского Севера». В 2020 году мы идём на любопытный эксперимент: впервые в сборнике работ конференции отдельным разделом публикуются избранные доклады межрегиональных «Леденгских чтений», состоявшихся в селе имени Бабушкина 2 августа 2019 года. Нам кажется, что это мероприятие, впервые собравшее на бабушкинской земле столь представительную аудиторию, достойно того, чтобы стать постоянным и с периодичностью если не раз в год, то хотя бы раз в два года собирать в замечательном интересном райцентре краеведов, учёных, историков, изучающих восток Вологодской области.

Мы очень рады нашим дружеским и партнёрским связям с образовательными учреждениями, музеями, галереями, частными учреждениями культуры и просто независимыми исследователями из Архангельска, Каргополя, Вельска, Котласа, Северодвинска, Няндомы, поселка Октябрьский Устьянского района, Кенозерского национального парка (Архангельская область), Сыктывкара, Усть-Цильмы (республика Коми), Петрозаводска, Беломорска (республика Карелия), Вологды, Череповца, Белозерска, Грязовца (Вологодская область). Всегда значимое количество участников прибывает к нам на конференции из Москвы и Санкт-Петербурга. Радостно, что круг любителей Русского Севера и авторов материалов о нём не ограничивается рамками столиц и Северо-Западного федерального округа: участниками конференций были представители Ханты-Мансийского автономного округа, республики Саха-Якутия, Красноярского края, Ярославской, Нижегородской, Свердловской, Мурманской, Московской областей, а также Китая (2018, 2019), Австрии (2019), Эстонии (2020) и Румынии (2020).

Хотелось бы отметить роль конференции «Русский Север» в целом ряде позитивных процессов, проходящих на территории Тотьмы и Тотемского района. В рамках конференции 2019 года состоялись сбор мнений, экспертная сессия и общественные обсуждения проекта реновации набережной Кускова в городе Тотьма для подачи заявки на конкурс Минстроя РФ. Архитектурно-планировочное решение и культурную повестку программ на будущей набережной вместе с архитектором, специалистом российско-французского проектного бюро ORCHESTRA DESIGN Евгенией Желтухиной и социальным антропологом Мариной Байдуж обсуждало более 70 человек – гостей конференции и представителей общественности Тотемского района. Уже в конце апреля стало известно, что Тотьма стала победителем конкурса Минстроя и получит 54 миллиона на реновацию набережной; работы должны начаться в 2020 году. Думается, что поддержка наших экспертов из числа гостей мероприятия – Ивана Николаева, Дмитрия Пшеницына, Василия Копыткова, Николая Решетникова, Любови Кубецкой и других,– оказала заметное влияние на принятую в итоге и победившую в конкурсе концепцию.

Проведение конференции «Русский Север» придало новый импульс краеведческим исследованиям Среднего Посухонья. За три года существования мероприятия в районе были изданы два альбома серии «Осколки времени: Тотьма на фотографиях из фондов ТМО» (авторами выступили практически все сотрудники

музея), первый в истории альбом-путеводитель по району «Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее» (отв. ред., составители А. В. Кузнецов, А. М. Новосёлов), краеведческий альманах «Толшма» (составитель зав. музеем Н. М. Рубцова ТМО Г. А. Мартюкова), внушительная монография историка Дмитрия Пшеницына «Солигаличский торговый тракт, или история волости Толшма», книга В. В. Копыткова и О. Б. Зенковой «Между Негрой и Сученгой: история забытой обители», детский путеводитель С. В. Кузнецовой по палеонтологической экспозиции ТМО «Путешествие по следам сухонопуса», издания АНО «Бирюзовый дом» «Толшменская картина мира» и «Толшма от устья к истокам». Сотрудничество краеведов, установившееся в рамках конференции, помогло выпустить новые издания и о других территориях Русского Севера: так, в 2019 году тотьмичом А. В. Кузнецовым и москвичом В. В. Копытковым был выпущен «Исторический именослов Красноборья», посвящённый территориям Верхнего Подвинья Архангельской области.

Сотрудничество с представителем музея «Кижи» Людмилой Харебовой, участницей первых двух конференций «Русский Север», стало основой для заключения партнёрского соглашения музея «Кижи» и Тотемского музейного объединения. Людмилой Станиславовной была описана вся коллекция старопечатных книг из фондов Тотемского музейного объединения, а также подготовлены и опубликованы статьи на эту тематику. Участник конференций, представитель ООО «Образ Севера» Ольга Соколова (Вологда) отреставрировала более 30 предметов из коллекции «Деревянная скульптура» ТМО. Проведённые работы дали серьёзный импульс для формирования новой экспозиции «Открытое хранение деревянной скульптуры» в музее церковной старины, а также для изучения темы и выявления новых имён иконостасных мастеров, резчиков по дереву Тотемского уезда (исследования В. А. Притчиной, С. Н. Ромашкиной).

Предыдущие конференции были посвящены памяти двух выдающихся людей, не столь давно ушедших от нас: художника Г. И. Попова, певца «северной картины мира» в искусстве (2018) и профессора, доктора наук А. В. Камкина, выдающегося историка и педагога (2019). Четвёртую всероссийскую научную конференцию «Русский Север - 2020» с международным участием мы решили посвятить художнику Феодосию Михайловичу Вахрушову, 150-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году.

Феодосий Вахрушов (1870–1931) – человек, который очень ярко олицетворяет собой образ патриота родного края, разностороннего, эрудированного и подкованного в самых разных

вопросах. Родившись в Тотьме, Вахрушов получил образование в Санкт-Петербургской Академии художеств; будучи учеником выдающихся мастеров, в том числе И. Е. Репина, он долго жил в Царском Селе, работал над заказами в Киево-Печерской лавре и Петербурге, но по своему собственному желанию вернулся в Тотьму, где прожил почти два десятка лет и внёс огромный вклад в культурную жизнь края. Казалось, что Вахрушов успевал везде: писал пейзажи своей любимой Сухоны, спасал культурные ценности разграбляемых церквей, входил в первые краеведческие объединения Тотьмы, много помогал музею, ездил в краеведческие экспедиции, играл в местном театре, попутно оформляя декорации и программы спектаклей.

Сложно сказать, насколько повезло Вахрушову с сохранением памяти о себе. С одной стороны, безусловно, да. Редкий художник бывает удостоен памятника в своём родном городе, да ещё спустя три десятилетия после смерти – и редкий памятник оказывается в период финансового кризиса отреставрирован усилиями неравнодушных тотьмичей без привлечения бюджетных средств. О парке Вахрушова, где располагается памятник, знают сейчас практически все местные жители, а в новом микрорайоне Ляпунька одна из улиц малоэтажных домов названа в честь художника. Сохраняется дом Вахрушова – без музеефикации, но с новой мемориальной табличкой и обустроенным в прошлом году уголком пешеходной зоны рядом. Наконец, весомую часть художественного отдела в краеведческом музее составляют работы Вахрушова, воссоздана его мастерская.

Меж тем, богатое наследие художника пока остаётся не слишком изученным широким кругом людей – не только простых посетителей, но и специалистов. Для столь серьёзного мастера, в творчестве которого сплелись очень разные виды и жанры искусства, количество написанного и изданного о Вахрушове обидно мало. Фактически, лишь изданная трёхтысячным тиражом брошюра С. Г. Ивенского, совпавшая по времени выхода с установкой памятника мастеру в Тотьме, и несколько каталогов Вологодской областной картинной галереи говорят о Феодосии Михайловиче как о признанной величине и позволяют несведущему человеку более или менее полно ознакомиться с его творчеством. В областном центре Вахрушова в основном вспоминают в преддверии очередных юбилейных дат, а в московском палеонтологическом музее он вообще оказался безымянным «художником Вахрушиным» – если верить надписи на этикетке к принадлежащему кисти

мастера этюду. Даже в родной для художника Тотьме иногда тема Вахрушова остаётся скрыта под пластом каких-то других, более явных и для туриста, и для местного жителя исторических смыслов: мореходство, солеварение, творчество поэта Николая Рубцова.

Издавая этот сборник, мы делаем ещё один шаг к тому, чтобы исследования обширного и чрезвычайно любопытного художественного наследия Феодосия Вахрушова продолжались. Пока они в основном представлены материалами сотрудников Тотемского музейного объединения (В. А. Притчина, М. Б. Правдина, О. В. Полоцкая) и Вологодской областной картинной галереи (И. Б. Балашова), но в истории наших конференций уже бывали примеры, когда заданная тема давала толчок и импульс к углублённой научной работе. Возможно, среди участников мероприятия и читателей этого сборника возникнет интерес к исследованию творчества нашего художника-земляка, а планируемая в 2020 году работа по оцифровке и размещению в сети Интернет всех произведений Ф. М. Вахрушова из собрания ТМО должна упростить обращение к его художественному наследию.

Отдельно хочется сказать о Кокшеньге – той местности бывшего Тотемского уезда, что с большой любовью воспевалась в искусстве Феодосия Вахрушова, запечатлевшего на холсте множество местных деревянных храмов. Готовясь к конференции «Русский Север-2020», мы даже не сомневались, что на пятый день мероприятия нашу традиционную поездку необходимо совершить именно туда, на территорию современного Тарногского района. Но всё же решили совершить предварительный визит, дабы определиться с ключевыми точками, где мы можем остановиться в ходе однодневного путешествия. Возвращались обратно со смешанными чувствами – и, как могут видеть участники мероприятия, Кокшеньги в программе конференции нет.

Что ни говори, а Тарногскому району Вологодчины страшно не повезло. Ещё какой-то век с небольшим назад здесь была потрясающая местность, по концентрации красот и старины не уступающая Каргополью, Кенозерью и Красноборью. Местные деревянные церкви, подпиравшие шатрами небо, дома с охлупнями и широкие речные долины с холмами изображались не только Вахрушовым, но и Иваном Билибиным, Игорем Грабарем. А какие названия церквей и местностей – песня: Тюреберь, Шевденицы, Долговицы, Верхний и Нижний Спас, Маркуша, Лохта...

Сложись бы двадцатое столетие несколько иначе, окажись бы местные руководители менее воинственными безбожниками и

более рачительными хозяевами,– в Тарногу бы сейчас не иссякал поток любителей Русского Севера. Но, увы, теперь ценность этой местности катастрофически понизилась. От всего созвездия деревянных храмов остались только героически восстанавливаемый Александрой Пешковой и её командой Введенский храм на Ромашевском погосте, куб с алтарём Зосимо-Савватиевской церкви в Тюребери да воссозданный Георгиевский Поцкий, перевезённый в архитектурно-этнографический музей Вологодской области «Семёнково». Всё. Что-то сгорело само, как чудный шатровый храм в Верхнем Спасе, что-то было снесено, что-то рухнуло от времени и невостребованности. Если учитывать тот факт, что местные древности сначала, ещё в 1920-е, очень хорошо повывозил Тотемский музей (и по сей день у нас масштабнейшая кокшеньгская коллекция), а потом здесь мамаем прошли вологодские, московские и питерские коллекционеры – то картина становится ещё более печальной.

Безусловно, есть радость от сохранившихся природных красот, всё ещё многочисленных домов-богатырей и – в большинстве случаев – отсутствия депрессивности в облике сёл и деревень (поля пашутся, комбайны работают, деревни сплошь из развалённых домов не встречаются, некоторые кафе в Тарноге лучше, чем в Тотьме).

И вместе с тем – горечь от того, какие удивительные памятники эта земля потеряла, от того, что их уже не воссоздать, от того, что Кокшеньга – край удивительных, стойких людей, давшая миру таких выдающихся краеведов, как Попов, Едемский, Величутин,– теперь не может даже поставить какие-либо, пусть даже скромные, стенды и повесить какие-никакие таблички у тех домов, где они родились и жили. От дома выдающегося этнографа и краеведа Михаила Едемского в деревне Рыкаловской остался только фундамент, дом одного из выдающихся директоров музея в Тотьме и тарногских краеведов-исследователей Василия Величутина в Лохте стоит с покосившимся забором и заросшим донельзя садом – и хорошо, что наш друг, краевед Александр Кузнецов знал, где вообще эти дома искать. В Игумновской преподавала будущая детская писательница и подруга Анны Ахматовой Наталья Дилакторская, а в Заборье она гостила,– но следов этого не найти ни в ландшафтах, ни в музеях Тарноги. Зато в центре села теперь стоит то ли ульем, то ли стилизацией под бочонок мёда новодельный «дом пчелы» – наверное, это неплохо для привлечения туристов, но разум отчаянно протестует.

Где эти люди с фотографий Едемского и из дневников Силинского? Где эта жизнь, этот быт, эти традиции самостояния и какая-то особая красота места, отчётливо различимая в строках и снимках книги «У Спаса на Погосте», в строчках из дневника Натальи Дилакторской, в акварелях Феодосия Вахрушова?

Притом нельзя сказать, что символы советской власти здесь заслужили лучшую жизнь, нежели деревянные храмы: памятник продотрядникам, убитым на Кокшеньге, сейчас зарос, сиротливо стоит где-то в кустах на окраине Верхнего Спаса, ни цветочка от благодарных потомков – зато, судя по мусору, рядом активно отдыхает местный люд.

Всё же русский XX век сделал с памятью народа что-то совершенно невообразимое, прямо по шекспировскому Гамлету – «Порвалась дней связующая нить, как мне теперь её восстановить».

Пробуем.

Раздел первый

ФЕОДОСИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАХРУШОВ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Правдина Мария Борисовна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФЕОДОСИЯ МИХАЙЛОВИЧА ВАХРУШОВА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

Судьбу наследия Феодосия Михайловича Вахрушова можно назвать счастливой. Самым большим собранием его работ обладает Тотемское музейное объединение. Кроме этого, произведения художника хранятся в Вологодской областной картинной галерее, Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Нижегородском государственном музее изобразительных искусств, Ирбитском государственном музее изобразительных искусств, Российском музейно-выставочном центре РОСИЗО, Краснодарском краевом художественном музее им. Ф. А. Коваленко, в Плесском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

На сегодняшний день в собрании музея имеется 980 работ художника[1]. В период с 1915 по 1931 год автор сам передавал свои произведения, в конце 1910-х – 1920-е годы активно сотрудничал с музеем и выполнял его заказы. К этой группе произведений относятся портреты вождей, руководителей государства и активных участников установления советской власти в Тотьме, агитационные материалы для оформления экспозиции музея, проекты памятников революционным деятелям. Согласно некрологу, опубликованному в № 108 газеты «Рабочий леса» за 9 декабря 1931 года, художник скончался в 1 час ночи 8 декабря, похороны состоялись в 1 час дня 10 декабря, а 11-м декабря датируются первые акты передачи. Согласно записям в книге поступлений № 2,

[1] 874 ед. в основном фонде, 81 ед. в научно-вспомогательном фонде и 25 ед. на временном хранении до рассмотрения ЭФЗК (Экспертной фондово-закупочной комиссии музея).

Акинф Михайлович Вахрушов выполнил волю брата и передал его наследие в Тотемский краеведческий музей. Передача была осуществлена спешно, всего за три дня – с 11 по 13 декабря 1931 года. Первоначально было поставлено на учет 423 единицы: живописные и графические произведения, мемории – наиболее ценная часть коллекции.

Впоследствии собрание пополнялось единичными произведениями от разных лиц, в том числе: в 1950–1960-е годы в музей поступили работы мастера из семьи брата художника – от вдовы А. М. Вахрушова[2], в 1998, 1999, 2002, 2015 годах представительница династии Дилакторских – Елена Станиславовна Дилакторская передала часть семейного собрания. Судя по всему, первоначально наследие Ф. М. Вахрушова не было поставлено на учет в полном объеме, а хранилось в архиве музея в личном фонде художника. По мере его систематизации, сотрудники музея ставили на учет произведения мастера: в 1975 году – более двухсот единиц (преимущественно рисунки и орнаменты), в 2002 году – ранние произведения (альбомы с зарисовками, академические рисунки) – около 300 единиц. В настоящее время при систематизации мемориального архивного фонда художника среди документов и фотографий выявлено еще 25 произведений автора (графические и живописные пейзажи, ранее исключенные из учетной документации, но сохраненные нашими предшественниками произведения, экслибрисы).

Произведения Ф. М. Вахрушова бережно хранились в фондах Тотемского музейного объединения в течение 85 лет, зачастую в тех же рамах, паспарту и папках, в которых они поступили в музей, экспонировались в залах художественного отдела краеведческого музея и на временных выставках. Научное описание, атрибуция и инвентаризация коллекции были осуществлены в течение трех последних лет – с 2016 по 2019 годы. Первыми открытиями, сделанными в процессе этого исследования, хотелось бы поделиться с профессиональным сообществом.

При атрибуции произведений художника важным является вопрос их датировки. Единичные работы имеют авторскую датировку, часть других можно датировать по косвенным признакам. Так, в собрании Тотемского музейного объединения имеется несколько альбомов художника с зарисовками. Все они небольших размеров, легко помещаются в карман. Две картонные переплетные

[2] Подробнее об этом: Неизвестный Вахрушов. // Старинная Тотьма. Тотемское музейное объединение [электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/totma35?w=wall-9368277_23701 (дата обращения 17.10.2019).

крышки из серого холста вмещают бумажный блок с листами. К нижней крышке подклеен холщовый цилиндрический держатель для карандаша. На картонных сторонках у правого края врезаны две тканевые завязки. Сотрудники музея затруднялись в их датировке, предполагая, что относятся они к раннему периоду творчества. Совсем недавно при научном описании коллекции эти предположения подтвердились находкой на форзаце. Была обнаружена синяя треугольная марка переплетной мастерской, обращенная вершиной вниз. В ней в центре в окружности изображен тисненый взлетающий грифон, в трех углах – печатный текст: «ОК», «СПБ», «1871». С большой долей вероятности можно предположить, что альбом изготовлен в мастерской Отто Франциевича Кирхнера (1848–1901), основанной в 1871 году на Малой Морской ул., 14 в Санкт-Петербурге. Вероятнее всего, в бытность свою в Санкт-Петербурге с 1884 по 1897 г., Феодосий Вахрушов приобрел в мастерской Кирхнера этот альбом для карандашных зарисовок.[3]

К сожалению, лишь 14,5% произведений из собрания музея имеют подпись автора, которую также можно считать датирующим фактором. До революции Феодосий Михайлович подписывал свои работы следующим образом: «θВахрушовъ» или монограммой из переплетенных букв «θВ». После революции в связи с переходом на новый алфавит ему пришлось отказаться от фиты в начале своего имени, имеющего греческое происхождение, и подпись видоизменилась: «ФВахрушов» и «ФВ» соответственно.

Еще одним важным источником, позволяющим датировать произведения Феодосия Вахрушова, являются каталоги выставок, экспонентом которых он был. Дореволюционные каталоги им бережно хранились и поступили в музей в составе коллекции. Немногочисленные каталоги выставок советского времени были скомплектованы нашими предшественниками. К сожалению, датировку произведений по каталогам нельзя считать абсолютно достоверной, потому что зачастую в дореволюционных изданиях отсутствовали изображения и приводились минимальные сведения об экспонируемых произведениях (не указывалась техника исполнения и размеры). При совпадении названий их сложно идентифицировать.

Таким образом, большинство произведений художника при отсутствии косвенных источников, позволяющих уточнить время создания, датируются десятилетиями, соответствующими хронологическим периодам его творчества: 1884–1897 – петербургский

[3] Собрание ТМО-37260/1-25 ИЗО-701-725.

период, 1897–1913 – украинский период, начало XX века – произведения, написанные им во время летних каникул в Тотьме, 1914–1931 – тотемский период.

Еще одним косвенным признаком, позволяющим датировать произведения Ф. М. Вахрушова, являются особенности авторского стиля, проявлявшиеся под влиянием популярных в то время течений в искусстве. Так, портреты, написанные им в конце XIX – начале XX столетия содержат черты импрессионизма. В проектах интерьеров и монументально-декоративных росписей, дизайне печей и предметах обстановки явно нашла отражение эстетика модерна. А портреты революционных деятелей и карикатуры отличает гипертрофированно шаржированная манера исполнения.

Произведения, передававшиеся в музей в советское время в авторских рамах и владельческих окантовках, зачастую не раскантовывались и хранились в том виде, в котором поступили. В учетной документации фиксировались сведения лишь о лицевой стороне работы, признанной наиболее ценной с художественной и идеологической точки зрения. Таким образом, при научной инвентаризации коллекции было выявлено 163 двусторонних произведения Ф. М. Вахрушова (рисунки, этюды, картины), большая часть которых ранее не была известна и только сейчас, спустя 90 лет после смерти автора, вводится в научный оборот. Наиболее интересные из этих произведений будут впервые представлены публике в рамках юбилейной выставки к 150-летию художника «Феодосий Вахрушов. Свобода быть собой», подготовленной Тотемским музейным объединением.

Особую ценность и интерес представляют ранние работы художника. Так, после освобождения от рамы подписного академического этюда, на котором изображен пожилой натурщик, на его обороте была обнаружена жанровая сцена у Большого Царскосельского пруда. На ней большая компания отправляется в путешествие на лодке, любознательные мальчишка с обручем и девочка смотрят им вслед, франтоватый мужчина явно наслаждается общением с двумя дамами на набережной[4]. Картина интересна как пример ученической работы будущего мастера, сохранившая реалии быта ушедшей эпохи (наряды и аксессуары) и уголок пейзажного парка. Не менее интересным оказался оборот неоднократно экспонировавшегося холста «В Кокшеньгской деревне весною»[5], созданного мастером в 1920-е годы. Перед нами

[4] Собрание ТМО-7764 ИЗО-889.
[5] Собрание ТМО-7677 ИЗО-972.

предстает жанровая сцена в Царскосельском парке: в бликах солнечного света изображена девочка в белом кружевном платье, шляпке и чулочках, склонившаяся к проплывающему мимо белому лебедю. Искушенному зрителю, возможно, покажется не совсем пропорциональной фигура, угловатым лебедь… Пусть так, но мы видим, что художнику удалось передать большее – девичью беззащитность и ранимость, хрупкость

Ф. М. Вахрушов. Картина двусторонняя. Лицевая сторона. Натурщик (сидящий старик). Академический этюд. 1884–1897. Холст, масло. 106,3×73,5 см. ТМО-7764 ИЗО-889

Ф. М. Вахрушов. Картина двусторонняя. Оборотная сторона. В Царскосельском парке. 1884–1897. Холст, масло. 73,5×106,3 см. ТМО-7764 ИЗО-889

Этюд двусторонний. Лицевая сторона. Ф. М. Вахрушов. Стога на лесном сенокосе. 1920-е. Холст, масло. 61,4×72,8 см. ТМО-7538 ИЗО-1679

бытия и впечатление от струящегося солнечного дня! В этой ранней работе уже проглядывает мастерство будущего художника: подкупает его внимание к деталям, игра света и тени, колорит. Видимо, Ф. М. Вахрушову были дороги юношеские царскосельские воспоминания, раз он эти холсты в числе прочих перевез из Санкт-Петербурга в Тотьму.

Еще одним открытием, вызвавшим резонанс в прессе[6], стало обнаружение на обороте при раскантовке пейзажа «Стога на лесном сенокосе», написанного ориентировочно в Тотемском уезде

[6] Неизвестный Вахрушов. // Старинная Тотьма. Тотемское музейное объединение **[электронный ресурс]** // Режим доступа: https://vk.com/totma35?w=wall-9368277_23790 (дата обращения 29.10.2019); Боженович Е. В Вологодской области обнаружена уникальная картина Феодосия Вахрушова. // Vologa-poisk.ru [электронный ресурс]. Режим доступа: https://vologda-poisk.ru/news/obschestvo/v-vologodskoy-oblasti-obnaruzhena-unikalnaya-kartina-feodosiya-vahrushova (дата обращения 09.01.2020); На обороте пейзажа из фондов музея в Тотьме обнаружили портрет Александра II. // Newswo [электронный ресурс]. Режим доступа: https://newsvo.ru/news/123325 (дата обращения 02.01.2020).

Этюд двусторонний. Оборотная сторона. Неизвестный художник. Портрет императора Александра II. 1870-е (?). Холст, масло. 72,8×61,4 см. ТМО-7538 ИЗО-1679

в 1920-е годы, мужского портрета, большая часть которого была замалевана зеленой краской.[7] Без записей оставались только часть лица и награды на мундире. В чертах лица без труда узнавался император Александр II. В собрании музея нет ни одного живописного портрета этого императора. Судя по технике исполнения и структуре холста, портрет вполне может оказаться и прижизненным (тип А. А. Харламова, 1874 г.)[8]. Вероятно, происходит он из какого-то тотемского присутственного места, а был использован Феодосием Михайловичем в голодные 1920-е годы для написания собственного полотна из-за отсутствия материала. В настоящее время произведение передано для расчистки и укрепления в мастерскую реставрации станковой живописи Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова, которой руководит художник-реставратор 1-й категории, доцент А. А. Козьмин.

Вероятнее всего, появление такого количества двусторонних работ связано с нехваткой в Тотьме художественных принадлежностей в 1920-е годы, о чем имеются неоднократные упоминания в переписке членов семьи Дилакторских[9]. Ф. М. Вахрушову приходи-

---

[7] Собрание ТМО-7538 ИЗО-1639.

[8] Благодарность за подсказку А. В. Суворову. // Вариант [электронный ресурс]. Режим доступа: https://lermontovgallery.ru/spravochnik-antikvariata/otsenka-prodazha-kartin-a-a-kharlamova/?fbclid=IwAR1s2C277dqyGl3fAoRytY8idH-tw9Dcmcgp3nNHB8-4gAPHuXNcG4S7D04 (дата обращения 17.12.2019).

[9] См. статью В. А. Притчиной «Неопубликованные материалы о тотемском художнике Ф. М. Вахрушове» в настоящем издании.

лось записывать обороты ранее созданных холстов или наносить красочный слой на уже имевшиеся работы, состояние сохранности которого в настоящее время вызывает глубокую озабоченность, так как содержит многочисленные осыпи. Аналогичная ситуация строгой экономии существовала и в музее. Нам известна этикетка к предмету из экспозиции, написанная тушью и пером на обороте визитной карточки последнего тотемского городского главы А. М. Киренкова. А выполненные Ф. М. Вахрушовым в ноябре 1931 года по заказу музея рисунки со сценами из крестьянского быта имеют в качестве оборотов диаграммы с показателями Тотемского сельхозсоюза за 1925–1927 гг. Они демонстрируют число товариществ и их количественный состав, капиталы, баланс, мощность кредитуемых хозяйств, задолженность, торгово-сбытовые операции[10]. Благодаря этой сопутствующей информации, произведения художника приобрели еще и ценность исторического источника.

Анализ коллекции позволяет выявить жанровые предпочтения художника. В творческом наследии Ф. М. Вахрушова преобладают пейзажи (277 ед.), причем с явным перевесом летних (111 ед.) и осенних (106 ед.) видов. 177 произведений можно отнести к архитектурному пейзажу: источником вдохновения мастера были преимущественно храмы. Вторым по распространенности в собрании жанром является орнамент (229 ед.). Явное тяготение большинства образцов к эстетике модерна позволяет датировать листы первым десятилетием XX столетия. Далее следуют портреты (143 ед.), жанровые сцены (113 ед.), произведения на библейские темы и религиозные сюжеты (57 ед.), шаржи (52 ед.), анатомические рисунки (42 ед.), интерьеры (35 ед.), ню (19 ед.), экслибрисы (10 ед.), натюрморты (9 ед.) и театральные декорации (7 ед.) Соотнесение жанра и даты создания произведения позволяет сделать вывод о широком жанровом разнообразии в дореволюционный период творчества мастера и заметном преобладании пейзажа в послереволюционный период, что, как представляется, связано с попыткой уйти от идеологического прессинга.

В качестве ближайшей перспективы исследования планируется произвести анализ и систематизацию изобразительных материалов (фотографии и репродукции) в составе архива художника с целью установления сюжетов, источников и прототипов его произведений, уточнить датировку некоторых работ и обнародовать полный электронный каталог коллекции работ Ф. М. Вахрушова в составе собрания Тотемского музейного объединения.

[10] Собрание ТМО-8229 ИЗО-1663, ТМО-7865 ИЗО-1666.

Автор выражает признательность за возможность поработать с коллекциями хранителю фонда «Живопись. Графика» Н. И. Фирсовой и заведующей архивным отделом Е. В. Филипповой.

Притчина Валентина Алексеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ХУДОЖНИКЕ ФЕОДОСИИ МИХАЙЛОВИЧЕ ВАХРУШОВЕ

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения художника Ф. М. Вахрушова, человека, оставившего нам большое художественное наследие. К сожалению, изданных материалов о жизни и творчестве художника немного. В книжке С. Г. Ивенского «Феодосий Михайлович Вахрушов»[11], изданной в 1960 году, более полно впервые на Вологодской земле прозвучало имя художника Вахрушова, где автор даёт некоторый анализ его жизни и творчества. Книга создавалась в 1959 и первой половине 1960 года. Известно, что Ивенский приезжал в Тотьму, собирал воспоминания, беседуя с тотьмичами, работниками музея. О переписке автора книги с В. Е. Величутиным, работником Тотемского краеведческого музея, я узнала из дневника краеведа, хранящегося в Тарногском музее традиционной народной культуры[12].

«На днях получил от директора Вологодской областной картинной галереи т. Ивенского С. Г. тетрадь с репродукциями Вахрушова Ф. М. картин и портретов. Под репродукциями он просит написать названия подлинников картин и портретов, хранящихся в нашем музее, написать номера хранения и размеры. Это ему необходимо для издания книги о нашем земляке художнике Ф. М. Вахрушове»[13].

9 сентября В. Е. Величутин в своём дневнике пишет*: «Сегодня в газете «Ленинское знамя» помещена моя заметочка о книге С. Ивенского «Ф. М. Вахрушов». «Наш земляк художник Ф. М. Вахрушев[14] (родился в 1870 г. – умер в 1931 г.) оставил после себя богатое*

---

[11] Ивенский С. Г. Ф. М. Вахрушов.– Вологда, 1960.

[12] Величутин В. Е. Дневник. Архив Тарногского музея традиционной народной культуры.

[13] Там же. 8 мая 1959 г.

[14] Долгое время краеведы ошибались в написании фамилии художника, неверный вариант написания (через Е) до 2017 года фигурировал и в табличке на памятнике *(прим. редактора)*.

художественное наследство. Его картины экспонируются во многих музеях страны. Особенно богатое наследство его работ находится и экспонируется в нашем краеведческом музее. На днях Вологодское книжное издательство выпустило в свет книгу о Ф. М. Вахрушеве. Автор книги, директор областной картинной галереи. С. Г. Ивенский в последние годы собрал богатый биографический материал о художнике и его творчестве. В конце книги помещены 33 репродукции картин и этюдов художника, большинство из них с картин, находящихся в Тотемском краеведческом музее. Цена книги 4 рубля. Тираж 3000 экземпляров. Научный сотрудник музея В. Е. Величутин.»[15]

Ф. М. Вахрушов. Фото кон. 20-х гг. XX в.

В дневнике краеведа содержатся сведения ещё о некоторых событиях, связанных с Ф. М. Вахрушовым. *«28 го июля. С 12 часов дня совещание музейных работников начало свою работу. 29 го. Вечером после 6 часов все участники совещания ходили на Владимирское кладбище /за реку Сухону/ на могилу художника Феодосия Михайловича Вахрушова, на которой только что в июле 1959 года была поставлена деревянная с калиточкой оградка, оборудована цементная плита с надписью: «Ф. М. Вахрушов 1870–1931 гг.» Это было обеспечено Тотемским краеведческим музеем»*[16].

На протяжении нескольких лет я изучала жизнь и творчество художника Ф. М. Вахрушова, работая в архивах, записывая воспоминания тотьмичей, собирая документы и фотографии. Результатом этой работы стали статьи, изданные в краеведческих

---

[15] Величутин В. Е. Книга о нашем земляке – художнике Ф. М. Вахрушеве. // Ленинское знамя. № 108. 9/IX – 1960 г. С. 4.

[16] Величутин В. Е. Дневник. Архив Тарногского музея традиционной народной культуры. 28 и 29 июля 1959 г. Памятник с плитой были заменены в 2016 году, также на средства музея и на собранные при поддержке журнала «Фома» народные средства *(прим. редактора)*.

Ивенский С. Г. Дом художника Ф. М. Вахрушова в Тотьме. Кон. 50-х гг. XX в. Картон, масло

сборниках разных лет.[17] В данной статье представлены неопубликованные ранее материалы. Особенно интересны сведения, полученные из Санкт-Петербурга от Е. С. Дилакторской. В её семье на протяжении многих десятилетий хранились дневники, письма, открытки, имеющие непосредственное отношение к художнику Вахрушову.

Учителя Дилакторские Людмила Васильевна и Леонид Николаевич проживали с художником по соседству, семьи их были очень дружны. Их дочь Наташа с детства вела дневник. Хотелось

[17] *Притчина В. А.* Кокшеньга в дневниках детской писательницы Наталии Леонидовны Дилакторской. Тарнога. Кокшеньгский край. Краеведческий сборник.– Вологда. 2013. С. 308–316; Притчина В. А. Страницы дневников рассказывают… // Двенадцатые Кирилловские чтения. Часть II. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. 2014. С. 23–28; *Новосёлов А. М., Притчина В. А.* Тотемская интеллигенция. Художник Вахрушов и учителя Дилакторские. // Осколки времени. Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX вв.– Вологда. «Древности Севера». 2017. С. 135–136; *Притчина В. А.* Портрет Наташи Дилакторской из фондов Тотемского музейного объединения: образ и личность. // Краеведческий музей в XXI веке. Традиции и новации в музейном деле.– Архангельск. 2018. С. 343–351.

бы обратить внимание на то, как девочка на страницах дневника называет художника: «Федос», «Федюхалыч», «пещерник», «Ф. М.» В первом своём дневнике из пяти существующих Наташа записывает стихотворение, которое они сочинили вместе с художником. Оно посвящено событиям первой мировой войны. На мой взгляд, начало стихотворения написано Вахрушовым, человеком умным, зрелым. Строчки, написанные Наташей в конце стихотворения (год написания не указан, девочке примерно 10–12 лет), выделяются несовершенством стиля и рифмы.

«Стихотворение это писали вместе Ф. М. В. и я.

Вильгельм германский обозлился
Войну России объявил
В доспех военный облачился
Из пушек грозных запалил.
Россия мирный шлёт ответ
Вильгельм войны желает страстно
Сомненья больше в этом нет
Его боялись не напрасно
(неразборчиво) *минувших ужас страшны*
Вильгельм кровавый возвратил
Военный клич в умах звенящий
Всех от покоя разбудил.
Геройски русские казаки
На стан немецкий понеслись
С позором бросились прусаки
Поджилки немцев затряслись.
Вильгельм напрасно кипятился
Напрасно воевать желал
Напрасно немец возгордился
Он трепки видимо не ждал»[18].

(и далее, скорее всего, строчки, написанные Наташей)

Что знают германцы.
И вторглись германцы
В мирную страну
Ведя безчестную
И гадкую войну.
Все что они знают

[18] Здесь и далее орфография и пунктуация, как в оригинале.

Лишь плюй! Да пли!
На сестёр они плюют
В соборы стреляли.
Злодеи безчестной земли,
Лишь знают свои плюй и пли».

Людмила Васильевна и Леонид Николаевич Дилакторские. 1901–1906 гг.

Упоминания в дневнике Наташи о Феодосии Михайловиче иногда очень кратки: *«ФМ обещает мне съездить куда-нибудь в субботу. Вот бы я была рада, конечно! Еще ни разу не ездила в лодке и не собирала грибов.»*[19]; *«Мама известила о случившемся ФМ.»*[20] (имеется ввиду арест Леонида Николаевича, отца Наташи); *«1 марта. Был. ФМ.В.»*[21]; *«Потом пришел ФМ и вечер прошёл очень весело и тепло – семейно...»*[22]; *«Вчера вечером был Ф. М. Разсказывал великие ужасы про Вологду»*[23]; *«7 апреля. Был ФМ. (пещерник)»*[24]; *«Был у нас Ф. М. Вахрушов»*; *«Дощли до Федюхалычева угла»*[26].

Наташа в дневнике более подробно описывает семейные праздники, указывая при этом, что подарил художник, или что ему подарили. Например, отец Наташи – Леонид Николаевич, на день своего рождения полу-

[19] Дневник № 2. 28 июля 1918 г.
[20] Там же. 4 августа 1918 г.
[21] Там же. 1 марта 1919 г.
[22] Там же. 15 марта 1919 г.
[23] Там же. 20 марта 1919 г.
[24] Там же. 7 апреля 1919 г.
[25] Там же. 23 мая 1919 г.
[26] Там же. 30 июня 1919 г.

чил от художника *«толстый карандаш (1/2 вер. диаметр)*[27], на День ангела – *«картину»*[28]. Мама Наташи – Людмила Васильевна, на день именин тоже получила от художника картину.[29] На пятнадцатилетие Наташе художник подарил *«рисунок тушью («Леденга») и 10 листов цветной бумаги…»*[30]. *«Вчера было рождение папы. Подарки получил самые неинтересные: от мамы конфет, от Васи ... молоко, от ФМ – зайца»*[31].

«Сегодня рождение Ф.М. Ему исполнилось 50 лет. Были на именинах. Хотя всё было хорошо, но такое неприятное настроение, что так бы и расплакалась. Угощали смородинным чаем, ватрушкой, пирогом с черникой и печеньем. Федос очень любезен, а мне так худо, так худо. Никто то меня не любит, никому я не нужна, и некрасива, и глупа и не образована…»[32].

От художника во время общения Дилакторские, в том числе и Наташа, получали различные новости о событиях в других городах в годы гражданской войны: *«Был за обедом ФМ. Получил он из Москвы от Бурелина письмо. Там крупа 1600 р пуд. Масло 200 р ф Чай 300 р. Черника сушёная 80 р фунт. Хлеб: 40–50 р ф. Сахарин 10 р грамм»*[33]. Общение было довольно тесным, и даже, рассказывая в дневнике о погоде, Наташа не может не вспомнить художника. *«Но и день сегодня! Тёплый, солнечный, ясный! Солнышко не пригревает, а жарит уже. Всё кричит, суетится, «вопит» по выражению ФМ. От снега почти не осталось и следа (у нас на дворе)»*[34].

Особенно впечатляют страницы дневника, где Наталия описывает совместные с художником поездки в лес за грибами. *«Ездила (совершенно неожиданно) на Леденгу с ворчащим всё время ФМ и Васей. Утром (и ночью) было страшно холодно, и я сибаритствовала в постели. Вечером 7 ав. был ФМ и звал мальчиков с собою. Поэтому мама в 7 час утра принялась их будить. Вася встал скоро, а Коля, сославшись на боль в ногах, сказал, что не поедет. «Ну» решила мама, «тогда иди за Наташу на площадку, а она пусть едет». Услышав такое разумное разсуждение, я не заставила себя долго ждать и в скором времени была готова. Взяв провизию, зашли за ФМ и вместе*

---

[27] Дневник № 2. 10 апреля 1919 г.
[28] Там же. 23 марта 1919 г.
[29] Там же. 16 сентября 1918 г.
[30] Там же. 15 марта 1919 г.
[31] Дневник № 3. 8 февраля 1920 г.
[32] Там же.
[33] Дневник № 2. 13 апреля 1919 г.
[34] Там же. 16 апреля 1919 г.

отправились на берег. Тут нас ждало неожиданное препятствие: цепи 3х лодок были замкнуты замком и перепутаны…

В последующие 10 мин (пока Вася ходил за ключом) я убедилась, что и ФМ умеет ворчать и злиться! Уладя это недоразумение, мы отправились в путь-дорогу. Маршрут наш был таков: высадиться перед Леденгой (на «эту» сторону Сухоны), если там много грибов, там и остаться, если мало, то переправиться на другую сторону в бор (по левую сторону Леденги). К 10^{mu} мы были на месте, отправились на разведки»[35]. Продолжение поездки в пересказе Наташи опубликовано в статье «Художник Вахрушов и учителя Дилакторские»[36].

Из месяца в месяц записывает Наташа Дилакторская события, связанные с художником *«22 августа. Заходила к ФМ, уносила газету. Видела его этюды – какая прелесть! Всего их двадцать – один другого лучше.»*[37]*; «10 сентября. Уговорили Ф. М. подать прошение в Реальное училище. «Закабалился» уж: Написал тут же.»*[38]*; «Вчера вечером у нас был Феод. Мих. Квартирант у них оказался очень неудобоваримым, всюду лезет, всем мешает; приехали «Божинька» и Иван Михайл. (который был в плену). Вид у Ф. М. очень удручённый и он очевидно уже мечтает о спасении в Кокшеньге.*[39]

Занимаясь с Наташей рисованием, художник оказал большое влияние на становление её характера, на отношение девушки к окружающим, на творческое восприятие мира. На страницах дневника Наташа перечисляет по месяцам темы уроков, отмечая при этом, что серьёзно начала увлекаться рисованием, беря уроки у Ф. М. Вахрушова ещё в 1916 году, т. е. в двенадцатилетнем возрасте. *«Февраль 19 Роясь у себя в «бумагах» нашла список работ у Ф. М.»*[40] Из этого списка становится понятно, что занятия с художником проходили четыре раза в месяц. Основными темами были: времена года, семейные праздники, встреча Нового года, события (война), происшествия, из жизни домашних и др.

Спустя три года Наташа хочет продолжить занятия рисованием с художником. *«В этом году я уже несколько раз просила Ф. М. взять*

---

[35] Дневник № 2. 8 августа 1918 г.

[36] Новосёлов А. М., Притчина В. А. Тотемская интеллигенция. Художник Вахрушов и учителя Дилакторские. // Осколки времени. Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX вв. Вологда. «Древности Севера». 2017. С. 135–136.

[37] Дневник № 2. 22 августа 1918 г.

[38] Там же. 10 сентября 1918 г.

[39] Там же. 15 мая 1919 г.

[40] Там же. 9 февраля 1919 г.

меня в ученицы, но у него всё была работа. Обещал дать ответ недели через 2. Сегодня папа сообщил очень печальную новость, резко меняющую дело. Мамаша Ф. М. заболела и совсем умирает! Конечно жаль её бедную, хотя с другой стороны так у ней мало радостей в жизни, что смерть явится прекращением ея терзаний. Может быть она конечно и поправится, но всё равно конец – близок. Слишком она дряхла стала за последнее время. Да и лет то уже порядочно. Не знаю, что и лучше? Во всяком случае о уроках пока нечего и думать! Хотелось бы, но что же делать?[41]

Ф. М. Вахрушов. Портрет Наташи Дилакторской. 1916 г. Холст, масло

Приезжая домой на каникулы, будучи студенткой Петроградского института дошкольного образования, а потом в отпуск из Ленинграда, Наталия Дилакторская продолжает общаться с художником. То уезжает вместе с ним на остров, то позирует Вахрушову для портрета, остаётся в курсе всех дел, происходящих в семье художника. «*Рисовал Федос меня сегодня. Рисует полуголую (в летней полотн кофт). Нарисовал глаза, похожи на мои, но красивее чем на самом деле. Говорю – не верно! А это говорит от поворота так. Не знаю – какой такой поворот? Рисовал долго, …рассказывала сказку – … и Федос стал слушать, и я повернулась сама. Ну ка вот – дело так не выйдет!» «А сейчас у Вахрушовых новое большое горе: Паня задержан и неизвестно надолго ли. Был сию минуту Федос. … – дал им денег … – хорошо, что оказались»*[42].

Находясь в Ленинграде, Наталия Дилакторская поддерживает переписку с художником, пытается продавать небольшие его работы, покупает и высылает ему краски. Интересны открытки, посланные Феодосием Михайловичем и письмо, которое художник

[41] Дневник № 2. 9 февраля 1919 г.
[42] Дневник № 4. 27 сентября 1924 г.

пишет в 1926 году в Ленинград Наталии: *«Если эта акварель с баркой будет куплена той дамой, то на эти деньги прошу купить мне акварельных красок, только хороших. Лучше всего бы заграничных, английских. Я живу по-стариковски. Работаю только акварелью». «Сижу и слышу, как идет дождь. Первый раз всё стаивает! Сухо! Позамерзало, и всё опять просело и если бы не р. Вологда, то пароход смог бы ходить. Вологодский лёд не пропускает»*[43].

Письма, открытки, хранящиеся в личном архиве Е. С. Дилакторской, дают новые сведения об общении семьи Дилакторских с художником. Через них узнаёшь, в каком бедственном положении оказалась семья Дилакторских в начале 30-х годов XX века. Болел глава семьи – Леонид Николаевич, случались припадки, во время которых находиться с ним было опасно, и Людмила Васильевна чувствует в трудную пору поддержку Ф. М. Вахрушова, которого часто попросту в их семье называли *«Федос».* Но глава семьи, Леонид Николаевич, чаще всех называет его по имени и отчеству. Привожу строчки из письма Леонида Николаевича дочери Наталии от 21 февраля 1927 г., где отец кратко описывает праздничный обед в честь жены Людмилы Васильевны*: «На обеде были – бабуня, Феодосий Михайлович и мы все, выпили по рюмочке за мамино здоровье и присутствующих. Вспомнили и вас обоих и выпили за ваше здоровье»*[44].

Очень часто дети Дилакторских, проживавшие в Ленинграде, выполняли разные заказы родственников, а также и художника. В сентябрьском письме 1928 года отец Наташи пишет о выполненном девушкою заказе – высылке бумаги для Ф. М. Вахрушова: *«Федос благодарит за посланную бумагу, при взгляде на бумагу слёзы умиления от высокого качества её, и тут же рядом тяжёлая слеза огорчения с шумом катится по его щетинистой щеке, увы – бумага в дороге смята, и смята отчаянно; трудно сказать, что и выберется. Уж мы пели тебе, пели, не посылай бумагу по почте, только с Колей, а если по почте посылать, то надо на «палку» накатать – но ещё раз увы – не послушалась нас, и столько чудной бумаги пропало. Думаем смочить и разгладить, но – последний раз – увы – это будет не то, что было бы на «несмятой». Пошли ещё с Колей, но непременно «Накатай» на палку, так как умный Коля, даже такой аккуратный, но*

---

[43] Научный архив ТМО. Фонд Ф. М. Вахрушова.

[44] Письмо Л. Н. Дилакторского Наталии от 21 февраля 1927 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

может невольно бумагу измять»[45]. В продолжение Леонид Николаевич сообщает Наташе о житейских делах: *«Я уговорил маму ехать на Леденьгу, я, конечно, не мог, Милочка в школе, и поехали мама и Федос, ждали и звали тебя, но не успели ответа получить, уехала, а когда вернулись вечером, то через какие-нибудь 10–15 минут полил дождь.»*[46] И в конце письма: *«Федос желает всего лучшего»*[47].

В 1930 году из Тотьмы в Ленинград от художника Наталии через Леонида Николаевича последовала новая просьба: *«Феодосий Михайлович просит купить ему акварельные краски (лимонной – светло-жёлтой) – ничем заменять не надо, если нет коробки...»* И далее отец рассказывает дочери об общении с художником. *«В воскресенье мы ездили с Феодосием Михайловичем на остров, пили чай. Сегодня я опять поеду доканчивать избушку, вчера Феодосий Михайлович строил её»*[48]. Людмила Васильевна, мать Наталии, тоже в письмах рассказывает о житейских делах художника: *«У Федоса срезали новую помчу, он зол, как чёрт»*[49].

Заслуживает внимания письмо Людмилы Васильевны детям от 18 января 1931 года. До даты смерти художника остаётся чуть меньше года. Но, судя по строчкам письма, Феодосий Михайлович по-прежнему пишет картины. *«Федос к рождению собирается определённо написать Наташе «красную маму»*[50]. Информация об этом портрете есть в следующем письме Л. В. Дилакторской. *«Суетился папа ужасно – старался изо всех сил. Имянины его праздновали 22, вместо 23, потому что это был выходной день. Были Макарова, Федос и Мар. Ан., а ещё наши новые квартиранты, Ерыкалова, совершенно случайно пришла ... ... (?). Федос мой красный портрет сделал, он уже у нас, пошлю его вместе с пальто»*[51]. До кончины художника осталось девять месяцев. Значит, портрет Л. В. Дилакторской, написанный художником для Наталии, одна из последних его работ.

---

[45] Письмо Л. Н. Дилакторского Наталии от 5/18 сентября 1928 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] Письмо Л. Н. Дилакторского Наталии от 11 июня 1930 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[49] Письмо Л. В. Дилакторской Наталии от 19 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[50] Письмо Л. В. Дилакторской детям от 18 января 1931 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[51] Письмо Л. В. Дилакторской детям от 25 марта 1931 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

О печальном событии, смерти Ф. М. Вахрушова, Людмила Васильевна Дилакторская в тот же день сообщает дочерям в Ленинград: *«Девочки мои дорогие! Большую печаль сообщу я вам. Умер Феодосий Михайлович. Осиротели мы с папой. Умер от воспаления лёгких в ночь 8 декабря в 1 ч. 25 мин. Так мне горько, так ужасно сиротливо. Ничего не могу писать. Целую вас крепко. Скажите Коле и Лёле. Я не буду им писать. Уж очень мне тяжело. Любящие вас мама, папа»*[52].

Даже после смерти Вахрушов как бы присутствует в доме Дилакторских. Отец Наталии, Леонид Николаевич, в письмах детям в Ленинград вспоминает Феодосия Михайловича: *«Я чувствую себя лучше и крепче. Сегодня выходил на улицу, что это такое бывает со мной во время этих приступов понять не могу, такой упадок сил, такая апатия, такое безразличие относительно ко всему окружающему, что я понять не могу, думаю, что это потому, что нет определённости к моему делу, нет определённой работы. Бывало меня спросит Федос, как Вы это пишете, чертите, и чем это радость. Я ему говорю, что за работой забываешь и невзгоды, и болезни, и окружающее»*[53].

В письме от 23 февраля 1933 года детям в Ленинград Людмила Васильевна Дилакторская пишет о смерти мужа, упоминая при этом Ф. М. Вахрушова: *«Было около двух часов ночи. Скончался папа почти в тот же час, что и Феод. Мих.»*[54] 28 августа 1934 г. Людмила Васильевна, радуясь успехам своего старшего сына Николая, пишет: *«Как жаль, что не жив папа, Федос, всплакнули бы от умиления, гордились...»*[55] Наташа Дилакторская в своём дневнике за 1933 год, рассказывая о разных людях, которым она посвятила свои стихи, указывает фамилию художника[56], со дня смерти которого минуло два года.

До своего ухода из жизни художник вместе со старшей сестрой Александрой Михайловной проживал в своём доме, который располагался при пересечении ул. Большой Садовой и Георгиевской

---

[52] Письмо Л. В. Дилакторской дочерям в Ленинград от 8 декабря 1931 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[53] Письмо Л. Н. Дилакторского Наталии от 3 сентября 1932 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[54] Письмо Л. В. Дилакторской детям от 23 февраля 1935 года. Личный архив Е. С. Дилакторской.

[55] Письмо Л. В. Дилакторской Наталии от 28 августа 1934 года. (м. б. 1937). Личный архив Е. С. Дилакторской.

[56] Дневник № 5. 22 августа 1933 г.

(ныне Ворошилова и Клочихина). Двухэтажный бревенчатый дом художника сегодня можно узнать сразу, на нём – памятная доска. В юбилейный для художника 2015 год её заменили, состоялось торжественное открытие. Дом был построен по личному проекту художника на средства, заработанные на Украине во время росписи Успенского собора Киево-Печерской лавры, в его просторных помещениях – светло и уютно. К сожалению, в доме сейчас квартиры обычных горожан, а могла бы быть картинная галерея художника. Впрочем, жители иногда разрешают подняться на второй этаж, где когда-то была мастерская живописца. Здание находится на балансе города, является памятником и представляет историческую ценность.

Семья учителей Шапковых в доме Вахрушовых проживала в начале 30-х гг. на квартире. Их комната располагалась на втором этаже напротив мастерской художника. Хочу остановиться на воспоминаниях их дочери Вали, с которой мне удалось познакомиться в 90-е годы. Девочке было 5 лет, когда умер художник, поэтому у неё сохранились лишь смутные воспоминания об этом событии. *«Однажды ночью я проснулась от ходьбы и шума в коридоре. Двери в мастерскую были открыты. Над художником склонилась его сестра. Горел свет. Потом мне рассказали, что художник умер. После его смерти жили в доме недолго. Я не помню, может они и продали дом в горпо, когда он умер. После смерти мы жили в его мастерской. Большой казалась. В ней одно большое тальянское окно. На косяке внизу крючок, чтобы ветром не распахивало. Мы открывали это окно и вылезали на железную крышу.»*[57]

Воспоминания Валентины Ильиничны Погожевой (Шапковой) свидетельствуют о том, что Вахрушов жил очень бедно, художник был уже пожилым человеком. Одевался плохо. Родители Вали держали корову и каждый день на горке оставляли художнику кринку молока и хлеб. Воспоминания тотьмички позволили, в какой-то степени, зафиксировать планировку дома Вахрушовых и усадебного участка, расположение отдельных предметов и мебели в доме. *«С той и другой стороны дома – деревянные мостки, перед ними – канава. Во двор дома вели ворота со стороны улицы Ворошилова. На воротах был звонок. Во дворе много росло ромашки лекарственной. Во дворе чисто. К северу от дома располагались хлев и ледник. За хлевом – росла черемуха. Выше стоял дом соседей Дилакторских, откуда часто была слышна музыка. К востоку от хлева*

[57] Воспоминания В. И. Погожевой. Личный архив автора статьи.

стоял во дворе сарай, за ним – баня. За домом с восточной стороны располагался огород, в нем был колодец».[58]

По воспоминаниям Валентины Ильиничны мне удалось составить схему расположения комнат и расположение в них предметов интерьера. На первом этаже размещалась кухня, её окна выходили на запад, из кухни – дверь в тёплый ход на второй этаж и маленькая комната. На первом этаже находилась также комната младшей дочери Александры Михайловны – Наташи. На кухне второго этажа была печка, медный умывальник, под ним большой эмалированный таз, в северо-восточном углу кухни стоял стол, внизу стола – полка с кринками. С западной стороны второго этажа – имитация окон. В коридоре стояла печь, холодная лестница из коридора вела во двор. На втором этаже с северной стороны размещалась мастерская художника.

Через стенку от мастерской был зал, в центре зала стоял большой стол, над ним висела лампа, в юго-восточном углу стоял фикус в деревянной бочке, по южной стене – тёмный столик, в зале также стояла кровать без подвесов, на кровати подушка, покрытая наволочкой узором в цветочек. Между окон с западной стороны висели картины – портреты, по этой же стене стоял письменный стол, над ним – зеркало. В северо-западном углу комнаты – чёрная этажерка, рядом с ней по северной стене – тёмно–коричневая горка, по середине северной стены стоял диван, ближе к северо-восточному углу – сундук расписной, который открывался со звоном. Над сундуком висела большая картина, на которой были изображены на берегу реки мальчики, одевающиеся после купания. Недалеко от сундука стояла печь, которая обогревала и спальню, и зал, её топка была из коридора.

Ввиду того, что в Тотьме сохранился дом Ф. М. Вахрушова, детали интерьера в нём, к которым прикасалась рука художника, имеются картины, сохранившиеся вещи, фотографии, документы, есть схема с описанием расположения предметов и мебели в помещениях, необходимо в доме художника создать мемориальную комнату-музей, где можно представить экспозицию о жизни и быте творческой интеллигенции города кон. XIX – нач. XX вв. на примере ярких представителей той эпохи: художника Ф. М. Вахрушова, учителей Л. В. и Л. Н. Дилакторских, детской писательницы Н. Л. Дилакторской, поэта Ф. П. Савинова, краеведов Д. А. Григоро-

[58] Воспоминания В. И. Погожевой. Личный архив автора статьи.

ва, Н. А. Черницына и др. Данный музей будет способствовать формированию имиджа уникального провинциального северного городка, передавать художественный и поэтический дух той эпохи.

Полоцкая Ольга Владимировна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

Ф. М. ВАХРУШОВ: КРАЕВЕДЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО. У ИСТОКОВ ОСНОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ТОТЬМЕ

В начале XX века в Российской Империи появляется целый ряд краеведческих обществ, чьи интересы были связаны с изучением определённой локальной территории: губернии, города, села. В роли исследователей выступали представители различных сословий и профессий: чиновники, учителя, священники. Они собирали этнографический материал, письменные источники, изучали флору, фауну, геологию, культуру, историю. Целью работы подобных обществ было в том числе создание музеев и библиотек, чтение публичных лекций, проведение экскурсий.

На территории Русского Севера в 1908 году было открыто Архангельское общество изучения Русского Севера, а годом позже Вологодское общество изучения Северного края[59]. 1 марта 1915 года члены организации, среди которых были и тотьмичи Н. В. Ильинский и Н. А. Черницын, провозгласили решение о необходимости создания отделения ВОИСК в Тотьме. Открыто оно было 15 мая того же года.

Художник Феодосий Михайлович Вахрушов, его братья Акинф и Пантелеймон, а также племянник Константин присоединились к Тотемскому отделению ВОИСК с начала его работы. Феодосий Михайлович, занимаясь творчеством, много ездил по территории уезда, делал зарисовки и эскизы, собирал предметы старины. В 1916 году он передал в музей Тотемского отделения ВОИСК[60] деревянный резной стол, привезённый с территории Кокшеньги[61]

---

[59] Трапезников В. Вологодское общество изучения Северного края и его музей как очаги родиноведения.– Вологда: издательство Вологодского общества изучения Северного края, 1916. С. 6.

[60] Отчёт Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края за 1916 год.– Тотьма: типография И. Я. Львова, 1917. С. 14.

[61] Собрание ТМО-6769 Д-669.

Ф. М. Вахрушов. Этюд. 1916. Спас на Кокшеньге до пожара. Холст, масло, карандаш графитный. 23,2×36,2 (подложка) 20,9х34,0 (холст). ТМО-7528 ИЗО-581

(современный Тарногский район), старинные серьги, а также написанную им картину «Спас на Кокшеньге»[62].

Константин Акинфович Вахрушов перед революцией находился на должности учителя образцовой школы при Тотемской учительской семинарии[63]. Поэтому не удивителен тот факт, что он состоял в школьно-педагогической комиссии, созданной при Тотемском отделе ВОИСК. Целью её работы стало ознакомление учащихся городских учебных заведений с историей и природой края, организация для них экскурсий. Кроме того, Константин Акинфович также являлся управляющим типографией И. Я. Львова, что позволяло ему по низким ценам (а иногда и бесплатно) заказывать для краеведческого общества афиши, бланки, объявления, буклеты и издания, написанные членами общества[64]. Также Константин Вахрушов был секретарём музейно-библиотечной комиссии, членом которой состоял его отец Акинф Михайлович. Комиссия занималась наполнением музея ВОИСК и библиотеки.

---

[62] Собрание ТМО-7528 ИЗО-581.

[63] Отчёт Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края за 1916 год. С. 2.

[64] Там же. С. 12.

К 1917 году количество экспонатов составляло 174 единицы, книг и журналов 327.

В августе 1920 года всё перечисленное выше имущество было передано Тотемскому отделу народного просвещения, а краеведческая организация ликвидирована 9 августа этого же года. Ещё через три месяца в Тотьме был открыт музей местного края. Из тех, кто стоял у истоков образования общества, к 1920 году в штат организации попал только Н. А. Черницын, который стал его директором[65]. Но всё же бывшие члены ВОИСК оказывали музею помощь, в их числе и Ф. М. Вахрушов.

В 1920 году он передал музею серию рисунков (21 ед.), сделанных на территории Кокшеньги ещё до революции. На них запечатлены ныне утраченные деревянные часовни, храмы и их внутреннее убранство. Некоторые предметы с рисунков в настоящий момент времени экспонируются в Тотемском музее: расписной деревянный подсвечник из Верховского храма, складень с изображением Николая Чудотворца. В 1920-е годы от Феодосия Вахрушова в фонды музея поступают образцы тканей, несколько прялок, два наборошника, головодец и борушка. Его как художника и дизайнера несомненно интересовали орнаменты на ткани, вышивка. Различные узоры, очевидно, срисованные с подобных предметов, достаточно часто встречаются в его эскизах. Также он состоял в историко-археологической комиссии при музее, куда входило 11 человек, в числе которых была

Ф. М. Вахрушов. Рисунок. 1920. Расписной деревянный подсвечник в Верховском храме Тотемского уезда. Бумага, карандаш графитный, акварель. 35,4×20,2 см. ТМО-7993 Инв. № ИЗО-689

[65] Полоцкая О. В. Музейное дело // Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 гг. Краеведческий альбом.– Вологда: Древности Севера, 2019. С. 210–211.

Ф. М. Вахрушов. Картина. 1929. Тотемский острог (крепость) в начале XVII века. Холст, масло. 65×142 см

археолог М. Е. Арсакова, художник Е. И. Праведников, директор музея Н. А. Черницын.

Помощь Феодосия Михайловича требовалась и при оформлении экспозиций музея. Например, совместно с художником Е. И. Праведниковым он нарисовал задники в отделе природы[66], написал ряд работ, где отражены сюжеты из истории Тотьмы. В 1930 году по заказу музея он создал серию рисунков на тему крестьянских восстаний в уезде. Пожалуй, сама масштабная его работа – это картина «Тотемский острог (крепость) в начале XVII века», написанная в 1929 году[67]. Для её создания, очевидно, потребовалась работа с документами XVII века и литературой, где была описана Тотемская крепость. Также Феодосий Михайлович, возможно, брал за образец изображения русских крепостей с полотен других художников[68].

Художника Вахрушова привлекали к работе над созданием довольно масштабных и довольно важных на то время идеологических выставок. В частности, совместно с Е. И. Праведниковым Вахрушов оформил выставку, посвящённую 55 годовщине со дня рождения В. И. Ленина, создал ряд портретов Луначарского, участвовал в подготовке музея к встрече юбилея событий октября

---

[66] Ивенский С. Г. Феодосий Михайлович Вахрушов.– Вологда, 1960. С. 28.

[67] Собрание ТМО-7515 ИЗО-70.

[68] О том, что художник был не совсем прав в изображении тотемской крепости-острога, можно прочесть в этом сборнике в материале А. В. Кузнецова и В. В. Копыткова, опубликованном в разделе «Книга в книге» (*прим. редактора*).

1917 года. При этом следует учитывать тот факт, что работал Феодосий Михайлович практически бесплатно. Как писал Н. А. Черницын, художник говорил о своём труде: «это нужно для всех»[69].

В 1920-е годы Феодосий Михайлович сотрудничал не только с Тотемским музеем, но и был сотрудником Вологодского «Музея иконописи», где занимался регистрацией и вывозом памятников искусства из Тотемского уезда. 1 января 1921 года был принят на должность вне штата в Вологодский краеведческий музей, совершил ряд поездок по территории Кокшеньги и Вельскому уезду. В 1922 году Феодосий Михайлович вынужден был покинуть должность, так как музей не мог выплачивать ему зарплату[70].

Художник также выполнял работы по заданию Геологического музея Академии наук в Москве. В 1925 году он побывал на месте палеонтологических раскопок В. П. Амалицкого на Северной Двине неподалёку от Котласа, сделал несколько зарисовок и написал две картины, одна из которых хранится в Тотемском музее[71]. Также он сотрудничал с Российским этнографическим музеем и написал 16 акварелей для Государственного исторического музея. В фонде Тотемского музея сохранилось несколько фотографий предметов, сделанных, очевидно, самим Феодосием Михайловичем в перечисленных выше музеях.

В 1928 году Феодосий Михайлович присоединился к Вологодскому губернскому обществу любителей краеведения, отделение которого открыли и при Тотемском музее. Это была некая попытка возрождения ВОИСКа. Художник стал членом историко-культурной секции общества, а его брат Акинф – экономической. Сведений о сотрудничестве последнего с музеем в период с 1920 до 1928 года не встречалось.

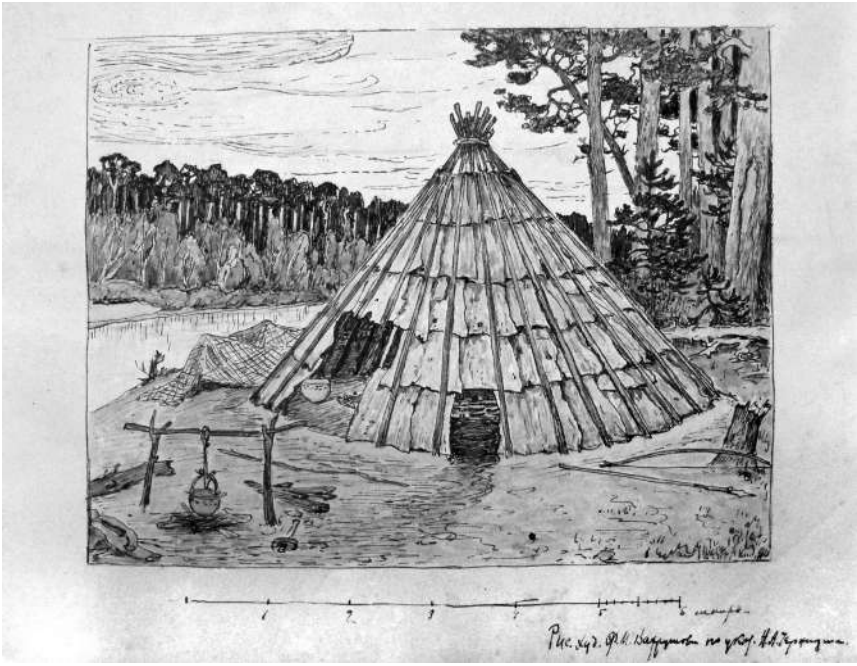
Каждый из членов общества определял для себя направление краеведческой работы. Феодосий Михайлович, например, планировал изучение особенностей быта населения уезда через призму декоративно-прикладного искусства. В планах была намечена экспедиция членов общества по Тотемскому уезду, и художник был готов принять в ней участие. Е. И. Праведников запросил у городских властей палатки, оборудование, провизию, но экспедиция по неизвестным причинам не состоялась.

---

[69] Черницын Н. А. Художник Ф. М. Вахрушов [рукопись].– Тотьма, 1931. Л. 3.

[70] Ивенский С. Г. Ук. соч. С. 28.

[71] В постоянной экспозиции московского палеонтологического музея заведующая отделом природы ТМО Светлана Кузнецова обнаружила картину Ф. М. Вахрушова на ту же тему. В этикетаже было указано имя создателя – «художника Вахрушина» (*прим. редактора*).

Ф. М. Вахрушов, Н. А. Черницын. Рисунок. 1928. Предполагаемая землянка на Усть-Царевской стоянке раннего энеолита. Бумага, тушь, перо, акварель. 17,9×24,2 см

Отдельные изыскания проводил Н. А. Черницын, и под его руководством Ф. М. Вахрушов в 1928 г. воссоздал на бумаге изображение жилища эпохи энеолита на месте Усть-Царевской стоянки[72].

По воспоминаниям Акинфа Вахрушова, Н. А. Черницына и Ф. М. Вахрушова связывали довольно хорошие отношения. Их сотрудничество продолжалось вплоть до смерти художника в 1931 году.[73] В речи, произнесённой на панихиде в день похорон художника, Николай Черницын назвал его «горячим патриотом отчизны» и «певцом северной природы»[74].

Практически 16 лет своей жизни Феодосий Вахрушов посвятил краеведческой работе. Благодаря его работе мы можем предста-

---

[72] Собрание ТМО-7880 ИЗО-367.

[73] Вахрушов А. М. Биографические сведения о художнике Ф. М. Вахрушове [рукопись].– Тотьма, 1951. Л. 1. об.

[74] Черницын Н. А. Ук. соч. Л. 3.

вить, как выглядели ныне утраченные памятники деревянного зодчества, расположенные на территории Тотемского уезда. Именно его живописные работы уже в 1920-е годы занимали значительное место в экспозиции музея. Художник комплектовал фонды вывезенными из деревень предметами декоративно-прикладного искусства. Он помогал создавать музей в условиях тяжёлого послереволюционного периода, когда трудно было достать даже краски. Это настоящий подвижнический труд, и не только Феодосия Вахрушова, но и его братьев, друзей, всех, кто создавал ВОИСК и заложил основу организации в Тотьме музейного дела.

Балашова Ирина Борисовна,
БУК ВО «Вологодская областная картинная галерея», г. Вологда

ФЕОДОСИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАХРУШОВ: ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

В 2020 году исполняется 150 лет со дня рождения Феодосия Михайловича Вахрушова. После Платона Семеновича Тюрина – это второй художник Вологодской губернии, окончивший Императорскую Академию художеств – высшее художественное заведение России. Этот живописец продолжил традиции великих русских пейзажистов А. К. Саврасова и И. И. Левитана на вологодской земле, проложил пути вологодской пейзажной живописи, по которым шли в XX веке и продолжают двигаться в XXI веке десятки вологодских художников. Кроме этого Ф. М. Вахрушов принимал самое деятельное участие в создании музеев нашего края – Тотемского краеведческого музея[75] и Вологодского областного краеведческого музея[76].

Но как мы отмечаем его 150-летие? Что сделано для увековечивания его памяти, пропаганды творческого наследия? Для ответа на этот вопрос позволю себе напомнить, что было сделано за многие годы, прошедшие со дня его смерти в 1931 году.

В своей речи на панихиде памяти Ф. М. Вахрушова в 1931 году[77] сообщил первые сведения о живописце первый директор Тотемского краеведческого музея Николай Александрович Черницын,

[75] Ныне Тотемское музейное объединение (ТМО).

[76] Ныне Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ).

[77] Собрание ТМО. НА-502 Н. А. Черницын. Феодосий Михайлович Вахрушов. 1931. Бумага, чернила, машинопись.

известный археолог. Они были не просто хорошо знакомы, но вместе создавали Тотемский музей, поэтому сведениям Н. А. Черницына можно доверять.

Второй источник информации по жизни и творчеству Вахрушова находим в тетрадке Василия Елизаровича Величутина[78], в 1950–54-х годах возглавлявшего ТКМ, его сведения дополняют информацию Черницына.

В 1950-х годах было положено начало проведению персональных выставок Вахрушова в Вологде, которые прошли в 1950, 1962, 1999, 2016 годах. В 1956 году в Тотемском краеведческом музее была открыта постоянная экспозиция его работ. Все эти акции привлекли внимание вологодских профессиональных искусствоведов к тотемскому живописцу. В 1957 году искусствовед Аркадий Николаевич Мунин в альманахе «Литературная Вологда» публикует статью «Певец северной природы» (заметки о творчестве художника Ф. М. Вахрушова)[79], по сути, это была первая публикация о живописце.

В 1960 году в Вологодском книжном издательстве выходит первая, и до сих пор единственная, книга о жизни и творчестве Ф. М. Вахрушова, написанная директором ВОКГ С. Г. Ивенским[80]. Ивенский ездил в Тотьму, где, вероятно, встречался с Н. А. Черницыным, В. Е. Величутиным, другими тотьмичами, знавшими Вахрушова. От них он почерпнул много как фактического, так и эмоционального материала, основанного на воспоминаниях этих людей о встречах с художником. Ивенский вел переписку с другом Вахрушова украинским живописцем Иваном Исидоровичем Ижакевичем (1864–1962), с которым они занимались монументальными росписями в Киеве. Тщательно были изучены результаты творческой деятельности Вахрушова в фондах Вологодской областной картинной галереи (ВОКГ) и Тотемского краеведческого музея. Эта небольшая монография до сих пор волнует горячим чувством восхищения, которое испытывал искусствовед от картин и этюдов периода расцвета тотемского художника. Это объяснялось еще и

---

[78] Собрание ТМО. РО-636. В. Е. Величутин. Феодосий Михайлович Вахрушов и его художественное наследие. Ноябрь 1954 г. Бумага, фотобумага, картон, машинопись, карандаш, синяя паста, чернила, фотопечать.

[79] Мунин А. Н. Певец северной природы (заметки о творчестве художника Ф. М. Вахрушова) // Литературная Вологда.– Вып. 3.– Вологда: Обл. кн. ред., 1957.– С. 269–279.

[80] Ивенский С. Г. Феодосий Михайлович Вахрушов (1870–1931).– Вологда: Вологодское книжное изд-во, 1960.

тем, что С. Г. Ивенский в ту пору активно занимался живописью и поэтому особенно чутко улавливал как сложности, которые стояли на пути Вахрушова, так и его достижения. В 1962 году вышел каталог персональной выставки Вахрушова в ВОКГ со статьями С. Г. Ивенского и И. Г. Козловой[81].

В 1990-х и начале 2000-х годов процесс изучения, пропаганды и увековечивания памяти Ф. М. Вахрушова поднялся на новый уровень. Было много планов, надежд, и они были близки к осуществлению. К 130-летию художника готовился большой комплекс мероприятий: открытие юбилейных персональных межмузейных выставок из творческого наследия художника в ВОКГ и в ТМО, в Тотьме готовились к открытию музея Феодосия Михайловича, планировался выпуск альбома. Из всего запланированного были реализованы только выставки художника. На открытие музея не хватило средств, каталог-альбом, которого так ждали и тотьмичи, и вологжане, так и не вышел.

Дело в том, что в конце 1990-х годов изучением Вахрушова занималась искусствовед областной картинной галереи Марина Николаевна Вороно, ею была проведена юбилейная выставка художника к 130-летию со дня рождения, велась работа по изучению архивов Тотемского музейного объединения и Академии художеств в Санкт-Петербурге, готовился монографический альбом, тезисами его стал материал статьи «Из Тотьмы старенькой, седой...»[82]. Но трагическая гибель помешала искусствоведу выполнить задуманное.

Одновременно, можно сказать, параллельно с работой М. Н. Вороно в Вологде, в Тотьме научным сотрудником ТМО Валентиной Алексеевной Притчиной велась кропотливая работа по установлению многочисленных потомков близких родственников художника, шло общение с людьми, помнившими Вахрушова. Появление дневника Натальи Дилакторской, дочери его тотемских друзей-соседей, содержащего интереснейшие факты о поздних годах его жизни, также стало новым поводом к изучению биографии художника. Некоторые свои изыскания В. А. Притчина опубликовала в газете «Кокшеньга» Тарногского района[83] и в нескольких издани-

---

[81] Феодосий Михайлович Вахрушов. 1870–1931: каталог выставки / ВОКГ; сост. И. Г. Козлова, вступ. Ст. С. Г. Ивенский.– Вологда: Обл. тип., 1962.

[82] Вороно М. Н. «Из Тотьмы старенькой, седой...» // Пятницкий бульвар.– 2005.– № 11.– С. 12–13.

[83] Притчина В. А. Феодосий Михайлович Вахрушов и Кокшеньгский край. // Кокшеньга. 15.07.2000. С. 5.

ях, но газетные, тем более районные, публикации, как правило, не попадают в поле зрения серьезных исследователей.

В последующие годы продолжалась работа по изучению и популяризации творчества Ф. М. Вахрушова. В 2010 году в Тотьме проводилась персональная выставка художника, в 2015 году к 145-летию художника в Вологодском музее-заповеднике (ВГИАХМЗ) прошла конференция «Ф. М. Вахрушов – между провинцией и столицей», а в Тотьме на доме художника была установлена новая мемориальная доска. На конференции выступали В. А. Притчина и я. В своем сообщении я позволила себе следующий вывод: «*Надо честно признать, что обретя высокий уровень мастерства в Петербурге в годы учебы в Императорской Академии художеств, особенно в последние годы в мастерской И. Е. Репина, а затем в годы работы в Киеве над выполнением росписей Успенской церкви Киево-Печерской лавры, Ф. М. Вахрушов, с 1914 года окончательно осевший в родной Тотьме, постепенно этот уровень потерял*[84]*, и вероятно, прекрасно это понимал. Поэтому творческое наследие нашего земляка отличается неровностью своего профессионального уровня. Что требует изучения его живописных полотен и этюдов. Это нисколько не умалит его художнических заслуг и места в истории вологодского изобразительного искусства*».

Вологодские художники всегда акцентировали свое внимание на наследии Вахрушова. И это, прежде всего, Г. Н. Осиев, В. К. Седов, Е. А. Соколов. В последние годы народный художник РФ, член-корреспондент РАХ, известный вологодский живописец-реалист В. Н. Страхов занимался в столичных архивах изысканиями по творчеству Ф. М. Вахрушова.

Для дальнейшей популяризации творчества замечательного художника-земляка необходимы серьезные исследования разных периодов его творчества, работы в пейзаже, портрете, монументальной живописи, графике, керамике. В ТМО, в ВОКГ, ВГИАХМЗ хранится более 2 тысяч картин, этюдов и рисунков Вахрушова, в ТМО имеется большой, интереснейший фотоархив. Из всего этого материала можно сформировать и опубликовать замечательный альбом о жизни и творчестве художника.

---

[84] С данной позицией не согласны тотьмичи – авторы статей данного раздела и редколлегия сборника. Надеемся, что дискуссия на конференции будет интересной и плодотворной *(прим. редактора)*.

Раздел второй

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Беженару Людмила Ефимовна,
д-р филолог. наук, доцент кафедры Славистики,
Ясский университет Ал. И. Куза, г. Яссы, Румыния

ТОТЬМА КАК ТЕКСТ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Концепт «Русский север» для русского исторического и современного сознания является важнейшим объектом национальной самоидентификации. В этой системе образов и понятий **город Тотьма**, имеющий статус одного из самых красивых населенных пунктов России, Тотьма как провинциальный город Русского Севера представляет собой феномен, отражающий многие социокультурные явления российской действительности. Это город интереснейших культурных «мифов», один из «самых ценных городов России», «город, колдующий воду» и город солеварения, город «со стилем» – «тотемское барокко», город с особым феноменом – «тотемские картуши», город «храмов-кораблей» с устремленными к небу куполами, который на протяжении почти девяти веков создает текст о себе самом. Тотьма – это еще (или прежде всего) и *город-текст*, имеющий множество прочтений и толкований. Тотьму можно услышать, можно увидеть, можно прочитать. Как текст на карте русской исторической памяти и в коллективной ментальности русского народа, как текст в произведениях писателей, ученых, краеведов; как город-знак со своей архитектурой, символикой, топонимикой.

Город как особая семиотическая сфера, как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням»[85] (Ю. Лотман), обращает на себя внимание специалистов в области символики архитектуры и семиотики города, внедривших в научный обиход такие понятия, как «семиотика пространства» (Р. Барт), «текст, код, знак, синтаксис,

[85] Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 282.

семантика пространства архитектуры» (Ч. Джейкс), «образ города» (К. Линч), предложивших *определение города как текста*. Город XXI века предстает как *пространство коммуникации*, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.) и являющееся знаковой средой обитания человека.[86]

В поисках «души» города Н. П. Анциферов создал модель анализа городского пространства (метафизики города), описал образ города через понятия «гений места, как архетип пространства», определил важнейшее направление изучения городской культуры: психология города, физиология города, анатомия города.

Наиболее полно вопросы исследования «городского текста» были раскрыты в трудах тартуско-московской семиотической школы, яркими представителями которой являются В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, З. Г. Минц и др. Данная школа своим объектом выбрала не географию или городскую архитектуру, а литературу о городе и определила наиболее значимые для семиотики города понятия: текст, символ и миф.

Говоря о городе как пространстве, Ю. М. Лотман выделяет два вида города: концентрический – город на горе, тяготеющий к замкнутости, и эксцентрические тяготеющие к разомкнутости, культурному диалогу. В. Н. Топоров под текстом города понимал все сообщения, отправляемые улицами, площадями, островами, садами, водами, памятниками, зданиями, людьми и т. д. Ученый утверждал, что город можно понять, как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте.

В трудах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и других представителей тартуско-московской школы имплицитно формировалась семиотическая модель культуры города, отправным материалом для которой стали тексты о Петербурге XI–XX веков. Общим для исследователей семиотики города является мысль о том, что город рассматривается, с одной стороны, *как текст*, а с другой – *как механизм порождения текстов*.

В этом смысле в последнее время растет интерес к *городским текстам провинции*. Текст провинциального города, или как его

---

[86] Булычев Е. П. Аспекты восприятия градостроительной культуры в провинциальной среде // Сборник трудов аспирантов, магистрантов и соискателей. Социально-гуманитарные науки.– Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. С. 4.

ещё называют, локальный текст, долгое время был вне поля зрения специалистов. В литературных источниках провинциальный текст как гетерогенная система стал закрепляться лишь в первой четверти XIX в., а предметом специального изучения он стал лишь в последние десятилетия в публикациях В. В. Абашева, М. В. Ахметовой, М. Л. Лурье, Н. Ю. Детковой, Е. В. Милюковой, Н. В. Осиповой, И. А. Разумовой, М. Г. Уртимцевой, А. Ф. Белоусова.

Н. Е. Меднис в своей работе «Сверхтексты в русской литературе» отмечает, что на сегодняшний день одной из наиболее удачных попыток описания провинции как текста является работа В. Абашева «Пермь как текст»[87]. Автор пермского текста пишет о «сетке семантических констант», которые становятся «доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций.»[88] Таким образом формируется *локальный/провинциальный* текст культуры, который возникает как будто вследствие и через противопоставление столичного своему иному. Столица здесь – активное, определяющее и вроде бы первичное начало. Несмотря на то, что на сегодняшний день научно проработанными являются лишь отдельные «провинциальные тексты», можно говорить о формировании устойчивого научного интереса к городу, называемому в научной литературе словосочетаниями «малый город», «нестоличный город», «провинциальный город», «русская провинция» или «уездный город». Н. Н. Габдулова выделяет в провинции две группы городов – малые исторические города и города индустриальные, копирующие столичный образ жизни.[89] Она же считает, что провинциальный менталитет, хранящий историю народа и вневременной дух бытия, составляет особенность провинциального города и создает «архетип провинциала».

С точки зрения *городского текста* и *локального городского текста* **Тотьма** хорошо вписывается в теории об образе города. Ибо это город, имеющий свою историю, свою мифологию, свою семиотику пространства, свою креативность и свои трансформации,

---

[87] Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века.– Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.– 404 с.

[88] Меднис П. Е. Сверхтексты в русской литературе, // Книжный развал [электронный ресурс]. Режим доступа: http://rassvet.websib.ru/text.htm?id=5&no=35. Дата обращения (17.09.2019).

[89] Габдулова Н. Н. Культурное пространство провинциального города. // Гуманитарные науки. Сборник трудов аспирантов, магистрантов и соискателей. Социально-гуманитарные науки.– Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. С. 41.

свое время и свое пространство коммуникации. Известный в Европе и на американском континенте, на побережье Тихого океана, на Аляске и Алеутских островах как «родина русских Колумбов», как город на воде, Тотьма – город на приречной холмистой местности – предстает перед нами как городское *пространство коммуникации.* Отстаивая свою семиотическую самобытность в диалоге со столичными текстами, провинциальные городские тексты организуют и свою локальную коммуникацию. По богатству своих культурных артефактов, сопричастности к событиям русской истории Тотьма не уступает другим малым городам России. В диалоге городских текстов *тотемский текст* самобытен и неповторим.

Пространственно Тотьма воспринимается как *город-история, город-музей, город-храм, «город зеленый и тихий»,* как писал о нем Николай Рубцов. Времена смешиваются в тексте города, в котором старое переплетается с новым и создает *тотальный характер текста города* как *значимого культурного центра Русского Севера*, способного существовать в различных проявлениях: художественном (литературном, архитектурном, музыкальном, ландшафтном, живописном, скульптурном), бытовом и фольклорном. Это культовое место считается тотьмичанами *центром мира,* где русский дух и дух города переплетаются воедино, создавая *тотемскую идентичность*, которая складывается из нескольких компонент: тишина, спокойствие, уединение, малоэтажность, «картуши», меценатство, черная лиса, угоры, родина русского солеварения. Это всё – Тотьма. Одно-двухэтажная, в основном деревянная, спокойная и несуетливая, душевная и музейная, «воцерковленная» в тотемское барокко.

Если воспользоваться терминами «воля к видению города» и «необъятная текстурология» Мишеля де Серто, можно определить Тотьму и *городом-панорамой*. В любом *городе-панораме* и в возможности «видеть все» Мишель де Серто находит *эротические эффекты* и *экстаз от чтения пространства*: «Но к какому классу эротических эффектов знания отнести экстаз от чтения этого пространства? Уже насладившись, я задаю себе вопрос – в чем источник удовольствия «видеть всё», смотреть сверху вниз, охватить самый необъятный из текстов, созданных человеком?»[90] Можно подняться на колокольню Входоиерусалимской церкви и посмотреть на Тотьму с высоты птичьего полета, прочитав ее

[90] Мишель де Серто. По городу пешком, // Социологическое обозрение. Том 7. № 2. 2008. С 24–38.

текст, оставивший свой яркий след в истории России. Сохранившиеся в нём природные ландшафты, дома и улицы, относящиеся к памятным событиям, придают особый, неповторимый колорит культурной атмосфере этого нестоличного города.

Удивление как эмоционально-психологическая составная городского текста в крошечной и уютной Тотьме на каждом шагу. Каждое здание с полным основанием можно рассматривать как «артефакт», произведение человеческого искусства, элементарную частицу русской культуры. Каждый из артефактов восхищает умением и творческой фантазией мастеров прошлого, той гармонией в пропорциях, которую они достигали, воплощая свои проекты в камне или дереве. Тотьма выделяется среди других городов своей визитной карточкой – *картуши* – которые за последние годы стали не только своеобразным *символом* города, но и средоточием общественной активности тотьмичей. Город имеет «свое лицо», свой имидж, узнаваем в конкурентной среде и имеет свой уникальный символ, который является носителем определенной концепции о нем.

Определение и рассмотрение **тотемского локального городского текста** с точки зрения его семиотической сферы с времен посада до приобретения современной *геопоэтической идентичности* – вопрос открытый и подразумевающий много труда, вдохновения, любви к этому северному краю. Раскрытие этой темы выходит далеко за рамки этой работы.

Под текстом Тотьмы можно понимать, вслед за Ю. М. Лотманом, и семиотику имени, рассматривая историю названия города и всевозможные варианты трактовок; и семиотику пространства, описывая городские архитектурные и исторические реалии, несущие огромное количество информации, в том числе и мифологической; и семиотику времени.

Каждый текст провинциального города для своего рассмотрения и исследования требует определённых исторических и культурных контекстов, системы дискурсов. С точки зрения *тотемского текста* нам представляется не менее важным и другой путь – рассмотрение семиотики текстов города: искусственно созданного текста городом о себе самом, текста о городе глазами ученых, историков, краеведов, иногородних и поэтического текста о городе (в частности, произведений XVI–XX – начала XXI века). В отличие от текстов столичных и текстов других малых городов, город Тотьма не получил своего заслуженного и адекватного воплощения в художественной литературе и не стал еще достоянием

широкого круга читателей и исследователей, поэтому пока остается замкнутым в своей локальности.

Тотьма – это *модель геопоэтического мира*, имеющая свою семиосферу, которая убедительно доказывает, что география, пейзаж, пространство, литература, ментальность, религия, история и слово связаны воедино в реальную культурологическую проблематику. *Тотемский текст* может дать ответ на вопрос «в чём же соль Тотьмы, удивительного места на карте России, где сама история создала столько поводов для модного ныне территориального брендинга»[91].

Тотьма как городской текст – это *локальный текст* и контекст русской культуры, который является носителем народных традиций, хранителем преемственности национальных черт русского характера; это база духовного возрождения *русскости* и ее историческая и культурная преемственность; это культурное наследие российской глубинки, которое должно быть сохранено для будущего, наступившего уже сегодня.

Черкасова Марина Сергеевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ТОТЬМА В СИСТЕМЕ ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ НА СЕВЕРЕ В XVI–XVI ВВ.

Побывавший в России в 1630-е годы член Голштинского посольства Адам Олеарий писал, что русские называют *ямом* те места, где меняют лошадей и получают новых[92]. Такое же примерно объяснение дается и в научной литературе. *Ямская гоньба* – это организованная система сообщения, где заранее заготовленные подводы с лошадьми всегда на известных пунктах/станах («ямах») ждут требования ехать дальше (от яма до яма) и где существуют специальные лица – ямники/ямщики, ведающие распорядок такого передвижения[93]. В самом деле, для России с её огромной терри-

---

[91] Творческое пространство АнтреСОЛЬ. // Тотемское музейное объединение [сайт]. Режим доступа: http://totmamuz.ru/portfolio/antresol/. Дата обращения (16.09.2019).

[92] Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М., 1996. С. 48.

[93] Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 28.

торией проблемы транспортного сообщения всегда имели особую актуальность. Не случайно ямские деньги являлись в Московской Руси одним из основных налогов, а Ямской приказ – важным центральным учреждением. Формы организации ямской гоньбы и её финансовое обеспечение прошли длительную эволюцию, отразив разные эпохи – древнерусскую, ордынскую, московскую. Татарское по происхождению слово *ям («дзям»)* ранее всего употребляется в ярлыке хана Менгу-Темира русскому духовенству 1267 г. и означало разновидность налога, наряду с известной ещё в Древней Руси подводой, данью, мытом и поплужным.

Белоозеро и Вологда стояли на стыке центральной России и Поморья. От этих городов ямские дороги шли далее на север – через Чаронду, Каргополь и Онегу к Белому морю. К югу от Вологды к середине XVI в. действовали ведущие к Москве Комельский и Обнорский ямы, а перегоны составляли: до Комельского яма 32–33 км, далее до Обнорского яма – 25–27 км. Средняя скорость передвижения на санях в то время в России, по подсчетам С. М. Каштанова, была 74 км в день, для сравнения в ту же пору в Англии – 112 км, во Франции – 86–90 км[94].

На левобережной стороне Сухоны функционировали Шуйский, Тотемский и Коченгский ямы, в районе Устюга – Бобровский ям[95]. Согласно царской указной грамоте наместнику Н. С. Глебову 1548 г., в Тотемском уезде из крестьян выбирались по 2–3 ямщика (видимо, с сохи), которых утверждали (приводя к крестному целованию) царские казначеи в Москве и там же у казенных дьяков ямщики получали 50 руб. на ямскую «стряпню»[96]. При тотемских ямщиках были дьячки (для текущего делопроизводства) и дворники, жившие в ямских дворах. Велись специальные «загонные книги», в которых учитывались отпускаемые подводы. Были определены размеры «прогонов», выплачиваемых проезжающими,– по 3 деньги на 10 верст и по 9 денег на 30 верст, а проводнику на 30 верст по 1,5 деньги.

Социально-правовой статус тотемских ямщиков определялся упомянутыми в акте 1548 г. жалованными грамотами: 1) несудимой, 2) «грамотой, по чему им на яму стряпати» и 3) «проезжей

---

[94] Каштанов С. М. К истории ямской гоньбы в XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. X. Ростов, 2000. С. 14–15, 24 – табл. 1.

[95] Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 1. Писцовые книги Русского Севера. М., 2001. С. 323, 327, 420.

[96] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. (АСЗ). Т. 4. М., 2008. № 100. С. 75–76.

о мытех». Упоминание о мытах указывает на право ямщиков на беспошлинный провоз товаров и проезд с торговыми целями. Однако за нарушение ими казённой винной монополии предусматривалась торговая казнь, высокий денежный штраф и изгнание из ямской слободы[97]. О торговле ямских охотников свидетельствуют таможенные книги Сухоно-Двинского пути 1620–1630-х гг., часто упоминающие Бобровский ям[98]. В таможенной книге Тотьмы 1627/28 г. множестве сведений о торговле ямщика Семена Монзика[99]. В рамках структурных реформ в России середины XVI в. был принят указ 1556/57 г. об освобождении ямщиков от податей и повинностей (городовой, острожной, мостовой и «всякого изделья»)[100].

Стоимость подводы отмечена в одной грамоте на Устюжну Железопольскую 1616 г. – 5 руб.[101] В 1620-е годы в системе ямской гоньбы на севере (Вологда, Тотьма, Сольвычегодск) «верным целовальникам», едущим в Москву с казёнными, таможенными и кабацкими сборами предоставлялась зимой одна подвода с санями на 3 чел., а летом – одна подвода с телегой на 2 чел. Была нормирована и грузоподъёмность подвод – зимой по 15 пудов, летом – по 10 пудов. Безопасность перевозок должны были обеспечивать сопровождавшие их стрельцы – зимой по 5 чел. для казны в 3 тыс. руб., летом – по 3 чел. для казны в 2 тыс. руб.[102]

В ходе исполнения «ямской гоньбы» в Тотемском уезде в XVI–XVII вв. его воеводами предпринимались неоднократные попытки «притянуть» к этой обременительной повинности соседние с Тотемским и Устюжским уездами крестьян Устьянских волостей. Те «поудалели» от Тотьмы на 250, а от Устюга на 300 верст и им удобнее была не натуральная гоньба, а денежная выплата за неё. По жалованной грамоте 1546 г. они были освобождены от обязанности «с сох на Тотемском яму с подводами стоять», чтобы их не гоняли к Устюгу, Соли Вычгодской, Вятке, Перми Великой, Яренскому городку, Удоре. В 1583 г. последовала ещё одна царская гра-

---

[97] АСЗ. Т. 4. С. 75–76.

[98] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. СПб., 2013. С. 151, 155, 165, 170, 171; Вып. 2. СПб., 2014. С. 14, 145, 149, 176, 179, 182, 185; Вып. 3. СПб., 2015. С. 59, 91; Вып. 4. СПб., 2016. С. 107; Вып. 5. СПб., 2017. С. 104, 107, 109.

[99] Таможенные книги Северо-Двинского пути XVII в. Вып. 4. СПб., 2016. С. 319.

[100] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 20. С. 44.

[101] Указные грамоты воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / Отв. ред. И.В. Пугач. М., 2012. С. 42.

[102] Указные грамоты городовым воеводам… С. 251, 368.

мота о том, чтобы тотьмичи не привлекали население Устьянских волостей к ямской гоньбе[103].

К 1598–1600 гг. И. Я. Гурлянд относил начальный этап формирования транспортной системы, призванной соединить центр и север России с Сибирью. Тогда в Вологде, Тотьме, Устюге, Яренске вологодский сын боярский Фёдор Скрябин произвел наборы по 50 чел. для организации ямов в Тобольском и Сургутском уездах. Служилый человек из Сольвычегодска Иван Погожего набирал по столько же «приборных людей» в Сольвычегодске, Кайгородке, Перми Великой и Соликамске[104].

В сентябре 1604 г. посадские люди Тотьмы, земские целовальники и крестьяне Уфтюжской волости Тотемского уезда наняли посадского человека Тимофея Яковлева с. Сухомесова исполнять ямскую гоньбу с 1,25 сохи на Тотемском яме. «Зона ответственности» последнего простиралась на 160 верст вверх по течению Сухоны до Шуйского яма и вниз по Сухоне на 130 верст до Бобровского яма. Коченгский ям между Тотемским и Бобровским в XVII в. уже не действовал, поскольку писцовые и переписные книги 1620-х и 1670-х годов на его месте указывают «слободку на Сухоне»[105]. По писцовой книге 1623–1625 гг. там была Спасо-Преображенская церковь, 27 жилых дворов и в них 32 чел.[106] В том же источнике говорится, что Коченгский ям «строили лет с 80», то есть в 1540-е гг. (одновременно с Тотемским ямом), заселив его переведёнными в «ямские охотники» крестьянами шести деревень, а землю от образовавшихся после такого перевода пустошей передали яму «в угодья»[107].

По Т. Я. Сухомесове была составлена подробная поручная запись от имени большой группы посадских людей Тотьмы и крестьян Окологородной волости. Среди них представители известных по другим источникам тотемских фамилий – Жугулевых, Литвиновых, Мясниковых, Омелиных, Чекалевых. В поручной был определён срок его службы – с 1 сентября 1604 по 1 сентября 1605 г. – и размер оплаты от посадской и крестьянской общин – 24 руб.

---

[103] Истомин А. А. Иммунитетные грамоты от ямской повинности как основа административной самостоятельности Устьянских волостей // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Вып. 2. СПб., 2017. С. 144.

[104] Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 176.

[105] Каталог писцовых книг Русского государства… С. 323, 325, 327, 331, 332, 334.

[106] Колесников П. А. Северная Русь (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда, 1971. С. 21–22.

[107] РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 480. Л. 339 об. – 345.

«на ямские отпуски и на подводы и на проводники и на стряпню»[108]. Если в дополнение к этому платежу Сухомесову было бы дано денежное жалованье из царской казны «по ямским книгам», то крестьяне Уфтюжской волости на эти деньги не должны были претендовать.

Т. Я. Сухомесов был обязан стоять на Тотемском яму «зиме и в лете по вся дни и часы с подводами, а летом с суды и с гребцы и с носники и с кормщики, с бечевами, дугами, хомутами и всякою ямскою порядне, что пригодитца на ямские отпуски». В указанных пределах от Шуйского до Бобровников (а это почти 300 верст) Сухомесов должен был обеспечивать передвижение царских воевод, посланников, дворян, всяких гонцов по подорожным грамотам, «хто куды ни погонит водяным путём и горным». Под последним имелась в виду левобережная, «ходучая» сторона Тотемского уезда вдоль Сухоны, поскольку правобережная сторона его оставалась ещё малоосвоенной, «дикой». Сухомесов также не должен был брать лошадей и людей под подводы в Уфтюжской волости и бить челом на земского целовальника «о придаточных деньгах». Если бы Сухомесов сбежал с Тотемского яма до установленного срока, связанные с этим убытки и обязанности по исполнению ямской гоньбы возлагались на поручителей.

В период руководства Ямским приказом кн. Д. М. Пожарским было принято уложение о ямской гоньбе 1620/21 г. Согласно ему, ямщики освобождались от воеводского суда на местах, их судил только Ямской приказ, не платили таможенные пошлины и «курили вино на себя»[109]. Устанавливался срок сыска беглых ямщиков с 1612/13 г., и это свидетельствует о мероприятиях первого царя из династии Романовых по восстановлению системы ямской гоньбы, нарушенной в тяжелые годы смуты[110].

За 1622 год по Уфтюжской волости Тотемского уезда сохранилось пять отписей ямщиков на получение от земских целовальников или посыльщиков платы за отправляемые «ямские отпуски». В двух их них упомянут Иван Тимофеев сын Сухомесов как ямщик

---

[108] Гос. музей-заповедник Ростовский кремль. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 288 (Колл. Б. Н. Эдинга). Оп. 1. № 1747. Об этом фонде подробнее см.: Рогушкина Е. В., Савина А. Ю. Рукописные документы из собрания Б. Н. Эдинга // История и культура Ростовской земли. 2006. Ростов, 2007. С. 15–19. Б. Н. Эдинг (1889–1919 гг.) – известный ростовский археолог, краевед, искусствовед, музейный работник.

[109] Законодательные акты… Тексты. С. 105–107. № 106.

[110] Законодательные акты… Комментарии. Л., 1987. С. 142.

Соли Тотемской[111]. Судя по отчеству и фамилии, это был сын Т. Я. Сухомесова поручной записи 1604 года. Ив. Сухомесов, судя по таможенной книге Тотьмы 1627/28 г., весьма активно занимался и торговлей[112]. В тех же двух отписях в качестве ямщика указан Михаил Иванов с. Литвинов, тогда как в поручной 1604 г. отмечен Василий Иванов с. Литвинов, вероятно, его родной брат. Приведённые факты указывают семейный характер социально-профессионального статуса ямщиков. Ямской гоньбой могли заниматься и братья, и сын после отца.

Пространство Уфтюжской волости было очерчено в писцовой книге 1623–1625 гг. Она располагалась в основном по течению р. Уфтюги (левого притока Сухоны), включала 2 погоста, 1 слободу, 28 деревень, а в них 115 крестьянских и бобыльских дворов, в них 174 чел.[113] Волость локализована на исторической карте Дм. Семушиным[114].

По группе тотемских актов 1614–1624 гг. видно, что за выполнение «ямских отпусков» брались как посадские люди, так и волостные крестьяне уезда. В апреле 1614 г. группа ямщиков Тотемского яма во главе с Ив. Семёновым получила «береженную» царскую грамоту, чтобы государевы посланники, сибирские казаки и стрельцы не требовали с них излишних подвод (не прописанных в подорожных грамотах)[115]. В 1617 г. поименно известна возглавляемая старостой группа тотемских ямщиков, среди которых отмечен представитель посадской верхушки Богдан Саблин[116]. В апреле того же года на них жаловался ехавший из Архангельска голландский гость Юрий Иванов с. Кленк, поскольку они на три дня задержали его на Тотемском яму, вопреки предъявленной им подорожной. От Тотьмы до Шуйского яма ему пришлось добираться за собственный счёт[117].

Ямские старосты могли выполнять и налоговые функции. Так, Добрынка Иванов в 1619 г. собирал деньги на «ямские отпуски»

---

[111] Гос. музей-заповедник… Колл. Б. Н. Эдинга. № 9, 10, 12, 20, 21.

[112] Таможенные книги Северо-Двинского пути XVII в. Вып. 4 … С. 89, 121, 181, 182, 187 и мн. др.

[113] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. кн. 480. Л. 388 об.

[114] Семушин Д. Русский Север. Пространство и время. Архангельск, 2010. С. 75, 116.

[115] Указные грамоты городовым воеводам и приказным 1613–1626 гг.– М., 2012. № 5. С. 158–159.

[116] Там же. № 58. С. 183.

[117] Там же. № 83. С. 195–196.

в размере по 10 руб. с сошки, но крестьяне ряда волостей (Старототемской, Вожбальской) из-за «великой скудости» не смогли их заплатить. Для выплаты старосте пришлось занимать деньги на короткий срок «под великие росты», в результате он был поставлен на правёж[118]. Тотемский ям, считавшийся бедным, содержался крестьянами окрестных волостей «20-ю сошками черными малыми», и в мае 1621 г. по царской указной грамоте проезжим людям запрещалось требовать себе корм, излишние подводы и более чем одного гребца на речное судно. Тем самым повторялись и расширялись нормы более ранней государевой грамоты от апреля 1614 г.[119] В 1621 г. случился какой-то не вполне ясный конфликт между ямщиками соседних ямов – Тотемского и Бобровского в Устюжском уезде, когда 12 ямщиков последнего попали в Тотьму в заключение. В урегулировании конфликта красноречива фраза из царской грамоты, обращённая к тотемскому воеводе М. А. Корсакову: «…а в тюрму без дела сажати не пригоже, люди они все наши»[120].

В царской грамоте от июля 1624 г., говорится о роли местного судостроения и судоходства для осуществления ямских отпусков по северным рекам. Тотемские ямские охотники нанимали у посадских людей и крестьян речные суда – дощаники, лодки, каюки – для обеспечения проезда гонцов, послов, воевод, сибирских казаков и стрельцов, торговых иноземцев до Шуйского яма. За это охотники платили судовладельцам «прогоны». Предоставлявшие речные суда с судовой снастью владельцы сильно завышали нормативы – вместо установленных в государевых актах расценок (от 20 алт. до 1 руб.) требовали по 5–6 и даже 10 руб. В июле 1624 г. государевой указной грамоте тотемскому воеводе М. О. Зелёного в ответ на коллективную челобитную тотемских ямщиков во главе со старостой Кузьмой Максимовым говорилось о недопустимости лишних прогонов на ямских охотниках[121].

---

[118] Указные грамоты городовым воеводам и приказным 1613–1626 гг.– М., 2012. № 115. С. 209.

[119] Там же. № 124. С. 215.

[120] Там же. № 144. С. 225–226.

[121] Там же. № 167. С. 240–241.

Приложение

№ 1

1604 г. сентября 1. – Поручная запись посадских людей Тотьмы земским целовальникам Уфтюжской волости по Т. Я. Сухомесову в выполнении им ямской гоньбы в течение года с 1,25 сохи вниз по Сухоне до Бобровского яма и вниз по Сухоне до Шуйского яма.

Се яз, Иван Семенов сын Желвачев, да яз, Тимофей Дмитреев сын Дедова, да яз, Овдей Третьяков сын Чекалева, да яз, Перфирей Иванов сын Нелюбина, да яз, Русин Петров сын Мясников, да яз, Добрыня Михайлов сын Жугулева и все тотомские посацкие люди, да яз, Василей Иванов сын Литвинова, да яз, Дружина, да яз, Тимофей Емельяновы дети Омелины Соли Тотомские из Окологородья, да яз, Петр Фефилатьев сын Худяков Старые Тотмы, поручилися есми Уфтюские волости земским целовальником Обросу Савину сыну да Якову Уланову сыну, да Григорью Михайлову сыну Кузнецову, да Дмитрею Семенову сыну Овсяникову, да Ивану Стефанову да и всем крестьяном Уфтюские волости по Тимофие по Яковлеве сыне Сухомесове Соли Тотомские по посадском человеке в том, что тот Тимофей нанялся с Уфтюские волости у целовалника у Оброса у Савина и у всех крестьян Уфтюские волости с сохи да с четверти сохи на Тотомской ям в ямщики на нынешней сто третей на десять год на весь год со уроком с Семенова дни Летопроводца сто третьяго на десять году да до Семенова же дни Летопроводца сто четвертаго на десять году. А найму Тимофею на ямские отпуски на подводы и на проводники и собе на стряпню рядили уроком у земского целовалника у Оброса и у всех крестьян на весь год по двацати по четыре рубля денег. И наперед тех ряженых наемных денег мне, ямщику Тимофию, взяти у земского целовалника у Омброса и у всех крестьян на ямские отпуски тринатцать рублев денег да на другой срок на Васильев день Кисарийского взяти тринатцать же рублев денег. А досталные наемные денги взяти четыре рубля на Николин день вешной нынешняго сто третьяго на десять году. А болше того мне, ямщику Тимофию, у целовалника и у всех крестьян на ямские отпуски не спрашивати.

А за те ряженые наемные денги по сей записе за нашею порукою ямщику Тимофию стояти на Тотомском яму в лете и в зиме по вся дни, а по вся чясы с подводами в лите с суды[122] и з гребцы и с носники и с кормщики и з бечивами, а в зиме с конскими подводами и проводниками и з санми и з хомуты и з дугами и со всякою порядне ю, что пригодитца на ямские отпуски. И отпущати ему за нашею порукой государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всея Руси воевод и послов и дворян, и посланников и всяких гонцов по подорожным, хто куды ни

[122] *Исправлено, в ркп с судыма.*

погонит водяным путем и горным, и зимою с Тотомского яму отпущати по рике по Сухоне на низ на сто на тритцать верст до Бобровского яму. А вверх по реке по Сухоне на сто на шездесят верст до Шуйского яму или хто куды ни погонит до сроку до Семенова дни Летопроводца сто четвертаго на десять году сентября до перваго числа. А Уфтюские волости у крестьян на Тотме на посаде ямщику Тимофию подводы силно не имати и в волосте на Уфтюге по подводы и по люди не посылати. А по наемные по ямские денги по записе по сроком ямщику Тимофию самому не ходити в волость и о придаточных денгах на ямские отпуски ямщику Тимофию на целовалника и на всех крестьян Уфтюжские волости не бити челом царю государю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси и грамот не навозити в придаточных денгах на крестьян.

А не учнет за нашею порукою по сей записи Тимофий с подводами по вся дни на Тотомском яму до сроку стояти и государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всея Руси воевод и послов, и дворян, и всяких гонцов по подорожным не учнет отпущати или и учнет Тимофий с Тотомского яму отпущати да не достоит на Тотомском яму с подводами по сей записи до сроку, да порущиком по сей записи в Тимофиево место на Тотомском яму с подводами за Уфтюскую волость стояти и государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича воевод и послов, и дворян, и всяких гонцов до сроку до Семенова дни Летопроводца сто четвертаго на десять году отпущати и с ыными ямщики в ямских отпусках за Уфтюскую волость считатися. И не привести нам, порущиком, по сей записе в Тотомских отпускех в пропускных судех и в битых и в розбитых и в проводникех и в носникех и в кормщикех и в бечевах и в конских подводах, и в проводных и в палых и в пропалых подводах и в санех и в хомутех и в дугах Уфтюския волости целовалнику Омбросиму и всем крестьяном никоторого убытка ни волокиты, ни проести. А что ся в тех в ямских отпускех в судех и в гребцех, и в носникех, и в кормщикех, и в бечевах, и в конских подводах, и в санях, и в хомутах, и в дугах Уфтюския волости целовалнику и всем кресьяном в нынешном сто в третьем на десять году учинитца убытка и волокиты и проести, ино те убытки всякие ямские по сей записе на нас, на порущикех, все сполна. А которой нас, порущиков, по сей записе в лицех, на том ямские отпуски и всякие ямские убытки по сей записе все сполна.

А пожалует государь и великий князь Борис Федорович всея Руси, прикажет выдать на Москве из казны по ямским книгам денги или с коих волостей с сох прикажет дати по ямским книгам на Тотомской ям денги на нынешной сто третей на десять год, ино те денги ямщику Тимофию по розчету за Уфтюскую волость, а нам, целовалнику и всем крестьяном, до тех денег дела нет.

А на то послуси: Сергий Филипов сын Лихачев да Второй Стефанов сын Булгаков, да Иван Михайлов сын Долгов.

Запись ямскую писал Васка Филипов сын Соли Тотомские земской диячек лета 7 тысяч сто третьяго на десять году сентября в 1 де.

На обороте: Поручик Ивашко руку приложил.

Послух Вторунко руку приложил.

Послух Сергейко руку приложил.

Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль». Ф. 288 (Колл. Б. Н. Эдинга). № 1747. Подлинник на 4-х узких непронумерованных столбцах. Благодарю научного сотрудника Ростовского музея Е. В. Рогушкину за помощь в подготовке данного источника к публикации.

№ 2

1622 г. сентября 21. – Отпись ямщика П. И. Фомина посыльщику Уфтюжской волости попу И. Иванову о получении денег о договору за «ямские отпуски».

Се яз. Уфтюские волости ямщик Пантелей Иванов сын Фомина, дал есми отпись Уфтюские волости посылщику вдовому попу Ивану Иванову сыну в том, что я, ямщик, взял у посылщика своих ряженых наемных денег по ямской записе собе на хлеб и на ямские отпуски первого Семеновского сроку на нынешной 131 года в Васильев день взял 6 рублев 23 алтына 2 денги. В том и отпись дал.

На то послуси: Федор Панкратов сын да Максим Иванов сын Литвинов, да Иван Тимофеев сын Сухомесов, Соли Тотомские ямщики.

И Отпись писал ямской диячек Ивашко Григорев сын Попов лета 7131 году сентября в 21 де.

Ростовский музей. Ф. 288. Оп. 1. № 1766.

Пахнин Анатолий Владимирович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ЕКАТЕРИНЫ ПРОХОРОВНЫ КУСКОВОЙ, СУПРУГИ ТОТЬМИЧА-МОРЕХОДА ИВАНА КУСКОВА

В настоящее время существует множество биографических статей, очерков и публикаций о жизни прославленного тотьмича Ивана Александровича Кускова, основателя крепости Росс в Калифорнии. Практически все они содержат в себе информацию о его супруге Екатерине Прохоровне, с которой Иван Александрович жил в Америке и привёз её на свою малую родину в Тотьму. Однако достоверной информации в этих статьях содержится

недостаточно, поскольку официальных источников с упоминанием Екатерины Прохоровны практически не сохранилось.

Авторы научных работ и публикаций о жизни Ивана Кускова в большинстве своём ссылаются на наиболее раннюю биографическую статью, опубликованную на страницах «Вологодских губернских ведомостей» в 1848 году[123]. Автором статьи является вологодский краевед Евгений Васильевич Кичин 1818 года рождения, который считается едва ли не современником Кускова. В данной статье супруга Ивана Кускова упоминается дважды.

«Жена господина Кускова, Екатерина Прохоровна, была дочь устюгского мещанина, жившего в Индии. Она по смерти отца и матери осталась круглой сиротой и каким-то случаем встретилась с Кусковым, который и взял её в замужество».

Не известно какими источниками пользовался сам Евгений Кичин при написании своей работы, но тот факт, что устюжский отец Екатерины жил в Индии, а дочь его оказалась волею судьбы в Америке, стоит под большим сомнением. Хотя имеется предположение, что автор имел в виду Вест-Индию, но название региону Вест-Индия дано первыми европейскими мореплавателями, ошибочно полагавшими, что они попали в Индию, двигаясь в западном направлении от Европы. И регион этот находится со стороны Атлантического океана, что практически исключает версию о возможности пребывания там устюжского мещанина.

Сведений о судьбе Екатерины Прохоровны после смерти Ивана Кускова также отказалось недостаточно. В статье Кичина говорится: *«Должная часть из имения и денег выдана была жене господина Кускова Екатерине Прохоровне, которая спустя три года по смерти мужа снова вышла замуж за тотемского винного пристава господина Попова и неизвестно, живет ли она до сих пор на свете».*

В дальнейшем многие исследователи раз за разом возвращались к изучению архивных документов с целью найти что-то новое в запутанной и увлекательной судьбе Ивана Кускова и его загадочной супруги.

В 1992 году в журнале «The Californians» была опубликована большая статья об основании Иваном Кусковым Форта Росс. В данной статье высказано предположение о вероятном отце Екатерины Прохоровны, некоем Прохоре Егорове, жившем когда-то в русском поселении в Калифорнии:

---

[123] Кичин Е. В. Иван Александрович Кусков (биография). // Вологодские губернские ведомости. № 4. 1848. С. 84–86.

«…Кусков предложил ей выйти за него замуж после смерти ее родителей. Если Катерина действительно когда-либо жила в самом Форте Росс, то вполне возможно, что родительская связь существовала с промышленником Прохором Егоровым, который является единственным человеком, занесенным в перепись Кускова 1821 года, чье имя соответствует отчеству Катерины…»[124]

Факт родственной связи Екатерины с Прохором Егоровым документально ничем не подтверждён, а вероятность их родства мала, поскольку автор ссылается исключительно на схожесть её отчества с именем русского промысловика.

Виктор Порфирьевич Петров, также занимавшийся изучением жизни Ивана Кускова, в своих работах писал: «*Большую помощь в управлении селением оказывала Кускову его жена Екатерина Прохоровна. Позднейшие исследования позволяют предположить, что Кускова была по происхождению индианкой. Отсюда, вероятно, и ее способности к местным языкам и диалектам. Вначале она занималась грамотой с алеутами и их детьми, а потом и с индейцами, с которыми у нее установились дружеские отношения*».[125]

В «Истории Русской Америки» под редакцией Н.Н. Болховитинова опубликована схожая информация: *«Женат Кусков был на природной американке с 52° северной широты. Он сам рассказывал, что поступил так по политическим видам, ибо плавал в течение 10 лет ежегодно из Новоархангельска в Калифорнию. Во время проезда его все народы, обитающие вплоть до Нутки, приезжали к нему с почтением, привозили разные провизии, а жене его, одноземке своей, доставляли каждый раз значительные подарки…»*[126]

То есть версия о происхождении Екатерины от устюжского купца в поздних исследованиях оказалась под большим сомнением, о чём в своих работах указывает и биограф Светлана Григорьевна Фёдорова. В одной из научных работ Екатерина Прохоровна Кускова уже обозначена как *«дочь колошенского тойона (кайда или цимшиан)».*

Светлана Григорьевна Фёдорова опубликовала биографию Ивана Кускова, включив в неё наибольшее количество документальных источников, основой которых по-прежнему была статья

---

[124] Watrous S. Ivan Kuskov: In «Steadfast Zeal for the Common Welfare». // The Californians. № 9. 1992. P. 18. *(перевод с английского выполнен А.В. Пахниным).*

[125] Петров В.П. Русские в истории Америки.– М.: Наука, 1991. С. 40.

[126] История Русской Америки, 1732–1867. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / Под ред. Н.Н. Болховитинова.– М.: Междунар. отношения, 1999. С. 249.

Евгения Кичина. Благодаря этим исследованиям открылось ещё несколько интересных фактов о Екатерине Кусковой.

«Ни в списке промышленников селения Росс и их семей (на 1 июня 1820 г.), ни в ведомости о находившихся в Россе людях (за октябрь 1821 г.), составленных И. А. Кусковым, в числе обитателей крепости Росс Екатерина Прохоровна не числится (правда, в списки не включен и сам правитель конторы Росс – И. А. Кусков)»[127]. Данная информация задаёт очередной вопрос: а жила ли супруга Ивана Кускова с ним в Форте Росс?

В письме в Кадьякскую духовную миссию правитель М. И. Муравьев 11 апреля 1822 года сообщал: *«Г-н коммерции советник Кусков в бытность свою в Павловской гавани хочет вступить в законное супружество с девицею Катериною. Поэтому покорнейше прошу духовную миссию сделать по сему распоряжение»*. То есть до самого отъезда из Америки до 1822 года Иван Александрович не был обвенчан со своей подругой жизни, что так же является поводом усомниться в том, что живущая с ним девица получала подарки от индейцев и помогала ему управляться делами крепости.

Однако те биографические сведения, что долгое время считались официальными, вознесли Екатерину Прохоровну в особый ранг – сильной женщины, во всём помогающей своему супругу в становлении отношений между русскими и индейцами в Калифорнии.

Владимир Васильевич Крючкин в статье «Великие женщины Русской Америки (в тени мужской славы)» так описывает деятельность Екатерины Прохоровны в Форте Росс: *«...Почти 30 лет вместе с мужем трудилась она в этой отдаленной точке Русской Америки. Да и как трудилась! Форт Росс в ее бытность был поселением с развитой инфраструктурой, с хорошей судоверфью, мастерскими, кузницами, складами, с развитым сельским хозяйством и промысловым морским охотхозяйством. Были там церковь, школы, где обучались грамоте и специальностям дети жителей форта Росс. Екатерина Кускова была не менее талантливой женщиной, чем Наталья Алексеевна Шелехова, но талант ее был особого рода – к различным языкам и диалектам. В короткий срок она выучила язык местного племени индейцев и основала для них школу. Причем, преподавание там шло на двух языках: русском и местном... И за все те*

---

[127] Фёдорова С. Г. Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова. // Проблемы истории и этнографии Америки: история и этнография стран Америки.– Москва, 1979. С. 235.

годы, которые Екатерина Кускова провела в форте Росс, у русских не было с ними ни одного столкновения… Во всем этом была, конечно, заслуга и Екатерины Кусковой. Она создала школу и для детей алеутов и креолов, где обучение тоже велось на двух языках: русском и местном».[128]

Благодаря сохранившейся посмертной описи И. А. Кускова также известно, что детей у него не было, ввиду чего наследниками считались его жена Екатерина Прохоровна и родной брат Пётр Кусков. Кроме движимого имущества, оцененного в более чем 70 тысяч рублей, наличными оказалось 12 055 рублей ассигнациями *«да сверх оной суммы из оказавшихся налицо выдано на расходы при похоронении тела Кускова на тысячу восемьсот рублей жене покойного и брату Петру Кусковым».*

Все те немногие вышеописанные сведения о судьбе Екатерины Прохоровны Кусковой за долгое время обросли различными предположениями и домыслами. Были версии, что она уехала со вторым мужем в Вологду, или даже в Великий Устюг. Также неизвестно были ли у неё во втором браке дети и сохранились ли её потомки. Куда делось всё унаследованное ею имущество Ивана Кускова?

Все эти вопросы на протяжении многих десятилетий оставались без ответа, пока не нашелся один документ, проливший свет на некоторые неизвестные факты из жизни Екатерины Кусковой. При изучении фондов Государственного архива Вологодской области по онлайн-базе, сотрудница Тотемского музейного объединения Ольга Владимировна Полоцкая обнаружила любопытный документ – *«Дело по прошению тотемского мещанина Петра Александровича Кускова об утверждении его в правах наследства к имению, оставшемуся после его брата»*. По данному делу была учинена *«Опись в Вологодском Уездном Суде по делу об оставшемся после покойной Губернской секретарши Катерины Поповой движимом имении и денежном капитале, отданном ею по духовному завещанию мужу своему Губернскому секретарю Николаю Попову и о прошении со стороны родственника Тотемского мещанина Петра Кускова»*[129].

При детальном изучении данного дела открываются многие ранее неизвестные факты из жизни Екатерины Прохоровны Кусковой, а также о судьбе наследства её первого супруга – Ивана

---

[128] Крючкин В. В. Великие женщины Русской Америки. В тени мужской славы. // Русский дом. [электронный журнал]. Режим доступа: http://www.russdom.ru/oldsayte/2002/200211i/20021135.html. Дата обращения: (12.11.2019).

[129] Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 235. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–112.

Кускова. Поскольку данный документ был писан в 1828 году собственноручно братом Ивана Кускова Петром, лично знавшим Екатерину Прохоровну, то о достоверности его содержания не может быть никаких сомнений.

В первом пункте *«Дела»* содержится следующая информация[130]:

«Брат мой родной коммерции советник Иван Александрович Кусков находясь на службе в Российско-Американской Компании в отдалённых американских колониях в марте прошлого 1823 года выехал в Тотьму, и того года октября 18 числа волею божею помер, оставив после себя немалочисленный капитал и жену свою вывезенную им с собою из Америки Катерину Прохоровну, которая в 1824 году вступила в другое супружество за служившего тогда в Тотьме помощника коллежского регистратора (что ныне губернский секретарь) Николая Иванова Попова, при вступлении взяла с собою в приданое разное заведённое её покойным первым мужем и моим братом платья и вещи означенные в прилагаемом к сему регистру 3133 от 1825 году полученному тотемским городовым магистратом между мною и ею раздатому. Полученный ей Катериной Прохоровной следующий из имения и капитала первого ее мужа и моего брата часть, как-то разных вещей, означенных в вышеписанном и прилагаемом регистре на 689 рублей, деньгами 163400 рублей, да акций на 1000 рублей, и от него Кускова за уступленные ею бобры и соболи 700 рублей, а всего поступило ей после первого её мужа имения и капитала на 21826 рублей. Из числа какового количества в Тотьме 1825 году Тотемским Городовым Магистратом по просьбе её Катерины Прохоровны с совета честных людей 10000 денег отправлено в Московский Опекунский Совет»[131].

Эти сведения подтверждают факт кончины Ивана Кускова 18 октября 1823 года и оставленный после себя немалочисленный капитал, который по распределению тотемского городового магистрата был разделен между Петром Кусковым и Екатериной Прохоровной. Но уже здесь имеются отличия от информации Евгения Кичина. Вдова Ивана Кускова Екатерина вступила в супружество с Поповым Николаем Ивановичем не через 3 года, а уже на следующий год. К тому же служил он не винным приставом, а помощником коллежского регистратора, а позднее губернским секретарём. Унаследованное от первого мужа имущество было использовано в качестве приданого (всего на 21826 рублей, из которых 10000 отправлено в Московский Опекунский Совет).

---

[130] Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала.

[131] ГАВО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 184. Л. 3.

Во втором пункте открывается ещё несколько любопытных фактов:

«Означенная невестка моя Катерина Прохорова быв покойным ей первым мужем и моим братом взята в супружество из отдалённых Северных Американок и вывезена 19 лет в Россию из-за 15 тысяч вёрст, настолько никакого об обычаях и законах здешних сведений не имела, и даже учёту государственной российской монете и ассигнациям не знала и от того часть наследственных денег после моим их получением израсходовала без всякой надобности а единственно по руководству в том мужа её заплатила за него немалую часть долгов, что видя я и желая доставить ей Катерине Прохоровне безбедное последующее время содержание в сентябре 1825 года ходил с прошением в Тотемский Городской Магистрат и просил оный по получению из последующего Опекунского Совета 10 тысяч билетов, отправив оные в Вологодскую Дворянскую опеку под её распоряжение и управление дабы означенная невестка мая Катерина Прохоровна пользовалась с этой суммы билетами, истинный капитал был бы и пользе её сохранен, по таковому моему прошению и по вышеписанным причинам Тотемским Городовым Магистратом присланный из Совета билет и был отослан в распоряжение Вологодской Дворянской опеки, однако ж по непринадлежности её Катерины к дворянскому сословию с предписанием Вологодского Городского Правления оной в Вологодский Городской Сиротский суд в опеку, из которой процентный назначенный капитал и деньги полученные оным из Совета ей до данного 1828 года не выдавались, подлинные билеты хранятся в том суде[132].

Факт американского происхождения Екатерины Прохоровны подтверждается *(«взята в супружество из отдалённых Северных Американок»)*, но о её способностях к языкам можно усомниться *(«настолько никакого об обычаях и законах здешних сведений не имела, и даже учёту государственной российской монете и ассигнациям не знала и от того часть наследственных денег после моего их получения израсходовала без всякой надобности»).* При этом известно, что большую часть имеющихся средств ушла на выплату долгов второго супруга *(«по руководству в том мужа её заплатила за него немалую часть долгов»).* Пётр Кусков, чтобы, с его слов, уберечь невестку от бездумной растраты средств, стал инициатором переправления из Московского Опекунского Совета 10 тысяч рублей в Вологодскую Дворянскую опеку. Но из-за того, что Екатерина не

[132] ГАВО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 184. Л. 5.

принадлежала к дворянскому сословию, эти выплаты не производились.

Также не трудно подсчитать возраст Екатерины *(«вывезена 19 лет в Россию»)*, что случилось в 1822 году, значит её предположительный год рождения – 1803 год, и моложе своего первого супруга она была на 38 лет.

Пункт третий: *«Со временем учреждения надупомянутым капиталом опеки невестка моя Катерина Прохорова дочь проживала с мужем своим Губернским секретарём Николаем Поповым служащим ныне в Вологодской Палате Гражданского Суда в числе приказных служителей в городе Вологде. 2 числа августа 1827 года волею божею померла, оставив после себя малолетнего сына Николая равно и всё полученное ею в наследство после первого мужа и моего брата Ивана Кускова разное описанное выше. Сего имения у мужа своего Николая Попова об отобрании которого от него по учреждению как над оным и капиталом равно и малелетним с сыном опеки в том же августе месяце ходил я с просьбою в Вологодский Городской Сиротский Суд, по моему оным судом тогда хотя и упреждена опека и требовано было от Попова для приведения в известность всё оставшееся после жены его имений но он отозвавшись от выдачи оного предьявил данное ему его покойной женою духовное завещание утвержденное Вологодской Городской Палатою, по которому всё её имение и капитал почитает он Попов принадлежащим себе. За каковым представлением духовного того суда посредством тотемского городского городничего в сем феврале месяце объявлено мне, чтобы я просил об оном имении и капитале в принадлежащем присутственном месте особо-личною правдою»*[133].

Датой смерти Екатерины Прохоровны является 2 августа 1827 года, и в это время ей было всего 24 года. Также видим, что во втором браке у неё рождается сын Николай. Но претензией Петра Кускова является факт завещания Екатерины Прохоровны, по которому всё её имущество, перешедшее от Ивана Кускова, предписывалось второму мужу – Николаю Попову, а не сыну или брату первого мужа. Об этом пишется в четвертом пункте дела.

«Поскольку упомянутая покойная невестка моя Екатерина Прохорова как выше значит никаких сообычаев и законов здешних сведений не имела, учету возможности не знала и учрежденной над капиталом её опекой была довольна покой во всю жизнь свою нимало не оспаривала. Следовательно, без ведома той опеки и в усласть

[133] ГАВО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 184. Л. 8.

мужу своему завещания никакого права не имела да нужды в этом ей ненастало поскольку после ей оставлен ко всему капиталу законный наследник сын, к тому ж капитал и имение у нее Катерины было не собственное а её мужа а моего родного брата Ивана Кускова в наследство, то и завещать оного помимо ближних сынов наследников не могла, а если с детьми то завещание то я завещаю единственно по уговору в том мужем своим Николаем Поповым же на основание Указа 7187».

Завещание Екатерины Прохоровны, приложенное к делу, подтверждает слова Петра Кускова о передаче ею всего своего имущества после кончины Николаю Попову.

«Во имя отца и сына и святого духа аминь.

Се Аз раба божья Губернская секретарша Катерина Прохорова дочь, жена Попова чувствую слабость своего здоровья пишу сие завещание будучи в полном уме и совершенной памяти в том, что когда угодно будет Всевышнему разлучить душу мою от тела то прошу мужа моего Губернского секретаря Николая Ивановича Попова тело моё предать земле по церковно-чиноположению и поминовение чинить соответственно моему достоянию, начто я с верою тою и за оказываемую мужем моим во всё продолжение супружеской жизни, коим любовь предоставляю по смерти моей в полное его мужа моего владение и распоряжение собственное моё движимое имение и капитал доставшихся мне после покойного первого мужа моего коммерции советника Ивана Александровича Кускова по наследству и по разделу на указную часть, как-то: билет хранящийся в Вологодском Сиротском Суде и по оному имеющие и принадлежащие мне деньги в Московском Откупном Совете десять тысяч рублей, две акции Российско-Американской Компании по пятьсот каждая по коим получение капитальной суммы или по ним по первому процентов, а по последним прибылей предоставляю в полную его мужа моего Николая Попова волю; ибо оной капитал завещевается ему от меня в вечное владение, равно платья и вещи какие оказаться могут, до которого имения и капитала другим наследникам дела нети или почему не вступаться и сохранить Оное свято. Августа дня 1827 года[134]*.*

К сему духовному завещанию вместо вышеписанной завещательницы Губернской секретарши Катерины Прохоровой дочери жены Поповой за неумением сей грамоте и писать по личному её прошению духовный её отец Вологодской градской Вознесенской церкви, что у рыбных рядов священник Василий Николаев Кириков руку приложил».

---

[134] ГАВО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 184. Л. 19.

Как мы видим из завещания, в нем подтверждается факт неумения Екатерины писать, поскольку завещание было написано Василием Кириковым, её духовным отцом. Можно предположить, что похоронена Екатерина Прохоровна была возле Вознесенской церкви в городе Вологде, в которой служил её духовный отец. Данная церковь находилась на месте недавно разрушенного спортивного комплекса «Труд».

В последнем пятом пункте стало известно, что сын Екатерины Прохоровны скончался в феврале 1828 года. *«Оставшийся после невестки моей Катерины Прохоровой сын Николай Попов в течение сего февраля месяца помер...».*

Таким образом, всё то имущество, оставшееся Екатерине Прохоровне после первого её мужа Ивана Кускова, бездумно тратилось, а впоследствии перешло её второму мужу и дальнейшая его судьба на сегодня не известна. Открытое дело по просьбе Петра Кускова длилось до 17 мая 1839 года (11 лет), и в итоге завещание было признано правомерным.

В деле также имеется «Прошение Николая Попова по выплатам процентов от акций Российско-Американской компании».

«По случаю производившегося в Вологодском уездном суде дела по просьбе Тотемского мещанина Петра Кускова об уничтожении оставленного покойной женою моею Катериной Прохоровой дочерью, духовного завещания на движимое имение и денежный капитал о предоставлении всем оного в полное мое распоряжение, но он Кусков входил с прошением в Тотемский Городовой Магистрат с тем, чтобы выдачу следующих мне по акциям Северо-Американской главной конторы на вложенной покойным означенной жены моей первым мужем Коммерции Советником Иваном Кусковым капитал 1000 рублей прибылей остановить; почему оный магистрат согласно таковому прошению Кускова и сделал от себя надлежащее Главной Северо-Американской Конторы отношение по поводу чего хоть дело о помянутом завещании жены моей решено в пользу мою, ...Контора августа сего, таковых прибылей в выдачу мне остановилась.

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было об окончании производившегося о духовном завещании покойной жены деле и с прописанным решением Правительствующего Сената утвердившем силу того завещания Тотемскому Городовому Магистрату отнестись, дабы он получал таковое сведение мое уведомить об оном и Северо-Американскую Главную Контору для безостановочной выдачи мне по Акциям прибылей, сколько по расчёту принадлежать будет.

Всемилостивый Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить ноября дня 1834 года. К поданию надлежит в Вологодский Губернский Суд. Прошение сие писал сам проситель Губернский Секретарь Николай Иванов сын Попов и к оному руку приложил»[135].

Что касается Петра Кускова, то до окончания судебных тяжб он попросту не дожил, поскольку скончался уже на следующий год после начала делопроизводства в апреле 1829 года. Известие о его кончине также хранится в вышеуказанном деле.

«Тотемский мещанин Пётр Александрович Кусков в минувшем апреле месяце волею божею помер. Единственный же наследник малолетний сын его Александр находится в Иркутске у тотемского купца Ивана Аринтьева Кузнецова во услужении...»[136]

Александр Петрович Кусков, племянник Ивана Александровича Кускова, вероятно, до конца своих лет прожил в Иркутске, где потомки его живут и по сей день. В 1915 году из Иркутска были присланы портреты с изображением Ивана и Екатерины Кусковых. Данные портреты являются источником споров и различных умозаключений. Наиболее подробное изучение истории появления проведено было Светланой Фёдоровой.

Впервые об одном из этих портретов сообщил в 1866 году в историческом очерке о Тотьме Василий Тимофеевич Попов: *«У родственников Кускова,*– писал он,– *сохранился до сего времени портрет И. А. Кускова»*. В небольшой статье, посвященной непосредственно истории двух портретов, Н. А. Черницын писал, что они поступили в Тотемский краеведческий музей от дальних родственников И. А. Кускова и якобы, по их утверждению, были привезены самим И. А. Кусковым в 1823 году из Америки. В «Книге поступлений основного фонда» Тотемского музея (начатой не ранее 1920 года) под № 7510 записано: *«Портрет И. А. Кускова, работа неизвестного художника, холст, масло, размер 61×49 см (с рамой), поступил в 1915 г. от А. Д. Кускова»; под № 7511: «Портрет жены Кускова Екатерины Прохоровны, уроженки г. Великого Устюга, холст, масло, размер 59×46 (с рамкой), поступил одновременно с № 7510»*.

Во время реставрации на оборотной стороне портрета И. А. Кускова была обнаружена надпись, начало которой из-за плохой сохранности бумаги и водяного подтека прочесть не представлялось возможным. Однако в конце строки можно разобрать: «...1813 Форт

---

[135] Там же. Л. 88.
[136] Там же. Л. 64.

Рос». По предположению Н. А. Черницына, портреты были написаны в 1813 году в Форте Росс художниками-креолами, присланными Барановым с Ситхи якобы для написания икон для «иконостаса церкви крепости Росс». Но если вспомним, что Екатерина Прохоровна рождена в 1803 году, то на момент написания портрета ей должно было быть всего 10 лет, либо на картине изображена не она, либо данный портрет был написан позднее. Чтобы раскрыть загадку портретов, понадобится отдельная научная работа, в которой необходимо сопоставить все известные детали и скрепить воедино.

Таким образом, благодаря всего одному судебному разбирательству, начатому по прошению брата Ивана Кускова, удалось открыть много ранее не известных фактов о жизни Екатерины Прохоровны Кусковой. Надеемся, что начавшиеся исследования будут продолжены.

Головизнин Марк Васильевич,
Институт глобализации и социальных движений, г. Москва

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ БАРОЧНОГО АРХИТЕКТУРНОГО КАРТУША. АСПЕКТЫ ВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЙ В АРХИТЕКТУРЕ И КУЛЬТУРЕ БАРОККО

Отправной точкой для написания настоящей работы (и для осмысления эволюции барочного картуша) послужила дискуссия двухлетней давности на конференции «Русский Север» 2018 года о том, что именно определяет самобытность тотемского архитектурного барокко – картушный декор или архитектурные формы. Примечательно, что в ответ на, казалось бы, хрестоматийный тезис о приоритетности архитектурных форм в определении лица любого стиля, кем-то из участников спора была брошена реплика: «Если представить себе, на минуту, что картушный декор тотемских храмов вдруг исчез, могли бы их архаичные формы породить и сам термин «Тотемское барокко» и был бы возможен настоящий научный спор?». Участники дискуссии не пришли к единому мнению, что особого удивления не вызывает. И специфика региональных школ русского барокко, и, как это ни странно покажется, генезис барокко как мирового феномена еще ждут своего окончательного осмысления.

Современный словарь архитектурных терминов дает следующие дефиниции терминов «картуш» и «барокко»[137].

Картуш (фр. от ит.) буквально – сверток, кулёчек 1) в египетских иероглифических текстах – овальное обрамление имени фараонов, 2) скульптурное или графическое украшение в виде плоского или выпуклого щита, обрамленного декоративными мотивами (завитками, закручивающимися краями изображенного пергамента и т. п.) или не до конца развернутого свитка, на котором помещаются надписи, гербы, эмблемы и др. Лепные и резные картуши украшали входы во дворцы; картуши изображались на старинных документах, географических картах, надгробных плитах. Употребляются в архитектуре, мемориальной скульптуре, в графике и геральдических композициях. Были распространены в XVI–XVIII веках. 3) Орнамент в садовом партере XVII–XVIII вв., напоминающий по форме полуразвернутый свиток с завитками. В центре картуша размещался вензель, эмблема владельца сада	**Барокко** – один из главенствующих стилей в европейской архитектуре и искусстве конца XVI – середины XVIII вв. Барокко утвердилось в эпоху интенсивного сложения наций в национальное государство (главным образом – абсолютных монархий) и получило наибольшее распространение в странах, где особенно активную роль играла феодально-католическая реакция. В стиле барокко создавались сады и парки Франции, Италии и др. стран, включая Россию. Характерны декор, пышность, пластичность, а иногда и вычурность, стремление придать природным материалам (растительности, рельефу, воде) архитектурные формы

Вообще, неполнота изученности проблемы и существование противоречий бросается в глаза именно при чтении энциклопедий и словарей – книг, которые, казалось бы, должны включать в себя наиболее общепринятые определения. Ниже мы попытаемся

[137] Согоян Н. Ш. Иллюстрированный словарь архитектурных терминов и понятий.– М.: Архитектура-С., 2017. С. 42, 141.

и прокомментировать, и дополнить данные дефиниции. Действительно, картуш, как обрамление эмблемы приобрел огромную популярность еще во времена Ренессанса, которая была полностью унаследована эпохой барокко. В те эпохи интеллектуального и эмоционального поиска эмблема концентрировала в себе всевозможные смысловые связи, затрагивающие словесность, риторику, живопись и праздничный ритуал, восходящий к мудростям древних. В XV–XVI столетиях европейцами были заново открыты египетские иероглифы. Читать их тогда никто не умел, но, апеллируя к труду греко-египетского автора V века до н. э. Гораполлона «Иероглифика», итальянские гуманисты считали, что за таинственным языком знаков, обнаруженных на пирамидах, скрывается зашифрованная от непосвященных мудрость рода человеческого[138]. Хотя, как стало известно в XIX веке, Гораполлон, старавшийся убедить потомков в том, что он посвящен в секретный смысл иероглифов, не умел их читать или понимать их смысл, но для людей Ренессанса и Барокко он оставался непререкаемым авторитетом. Многочисленные «книги эмблем», самой знаменитой из которых была книга Андреа Альчиато «Emblemata», апеллировали к Гораполлону и к «халдейским мудростям Зороастра». Как указано в аннотации к ее современному изданию,– эмблемы представляли сложные философские понятия в конкретной и доступной как зрительному, так и умственному восприятию форме. Сам Альчато называл эмблему «украшением истины иероглифической отделкой». Витиеватое обрамление, позже получившее французское наименование картуш, вдохновляло не только мастеров геральдических композиций, но и мастеров гравюр, каким был Альбрехт Дюрер. Кроме этого, эпоха Ренессанса знаменовала собой и развитие картографии, что удивления не вызывает, так как в этот период началась Эпоха Великих географических открытий. Нам представляется, что именно эти сведения позволили в свое время Станиславу Михайловичу Зайцеву трактовать тотемские картуши как «эмблемы», «клейма» или даже как символические изображения географических карт тотемских мореходов.

Вместе с тем вышеуказанные данные о происхождении барочного картушного орнамента как эмблемы не являются исчерпывающими. Витиеватый стенной узор зданий мог появиться как продукт закономерной эволюции окна и межоконного декора,

---

[138] Томан Р. Барокко. Архитектура. Скульптура. Живопись.– Кёльн: Könemann, 2000. С. 428.

которая происходила в Европе во времена средневековья и Ренессанса. Еще в эпохи, предшествующие зрелому Возрождению, в Италии наметился расцвет арочных окон, которые стали постепенно вытеснять прямоугольные или стрельчатые проемы. «Флорентийское окно», венецианское окно «Палладио», «окно Сансовино» – все они имели арочное оформление проема различной сложности. Соответственно этому менялись и формы оконного декора: колонки, фронтоны, контрналичники, в которых также стали появляться дугообразные элементы. Кроме этого, в эпоху барокко стены храмов стали украшаться окнами разных размеров и разной формы. Наряду с указанными выше арочными окнами, более традиционными прямоугольными проемами, возникли овальные окна типа «бычий глаз», расположенные часто над дверями или над другими окнами большего размера. Сами овалы могли располагаться и горизонтально, и вертикально. Рациональной основой вышеуказанной трансформации было стремление создать бóльшую игру света внутри барочных церквей, что усиливало воздействие на верующих. Кроме этого, в декоре стен появились «слепые окна» – неглубокие ниши, имитирующие оконный проем, куда могли помещаться иконы или скульптурные изображения. Они облегчали зрительное восприятие стен, которые становились все выше и массивнее. Как нам представляется, именно феномен межоконного декора, а не эмблемы, явился эстетической основой картушей храмов Тотьмы, многие из которых включают в себя дугообразный наличник, контрналичник и пространство между ними. Подтверждением тому служит факт, что на тех стенах тотемских церквей, где нет окон, нет и картушей.

Надо также сказать, что если «картуш-эмблема» есть продукт европейской эстетики, то картуш – деталь межоконного декора – явление значительно более интернациональное, встречающееся в архитектурах всех времен, как на Западе, так и на Востоке. Если говорить о русском барокко, то в некоторых региональных школах картуши есть элемент «растительного» декорирования стен и оконных наличников, имеющий очень древнее происхождение и распространенный, в частности, в народном деревянном зодчестве. В этой связи необходимо упомянуть храм Петра и Павла в Казани, построенный в самом начале XVIII столетия и, по легенде, при деятельном участии Петра Великого. Этот храм по архитектурным формам «восьмерик на четверике» примыкает к московскому стилю, называемому «нарышкинским барокко», однако многие элементы его композиции и особенно обильный

Собор Петра и Павла. Казань. Растительный декор и межоконные картуши – ложные окна

«растительный» орнамент стен не характерны для русской архитектуры той эпохи и, вероятнее всего, связаны с «восточной» татарской традицией. На стенах Петропавловского собора между оконными проемами второго яруса имеются «ложные окна» в виде картушей, в некоторых из них размещались иконы.

Значительно больше растительный декор использовался в школах «колониального барокко» в Латинской Америке, испанских и португальских колониях в Азии (Макао, Филиппины), равно как и в самих метрополиях Иберийского полуострова. Этот стиль в Испании получил название «Чурригереско» по фамилии его основателя Хосе де Чурригера (1665–1725). Как свидетельствуют данные литературы, испанские архитекторы, во-первых, использовали элементы мавританского стиля, распространенного в Гренаде и Андалузии, областях, лишь два столетия назад отвоеванных у мусульман, во-вторых, привлекали туземные, «колониальные» мотивы. Католическая церковь в Америке гораздо сильнее, чем в Старом свете, была озабочена тем, чтобы поразить и убедить неверующих. Архитектура с ее более или менее очевидной силой воздействия на зрителя, представлялась идеальным средством для достижения этих целей. На храмовых фасадах было представлено множество фигур и

орнаментов. Здесь также присутствовали индейские мотивы, растения и животные, призванные поражать воображение и поучать местное население[139]. В Португалии, еще до эпохи Барокко утвердился стиль «Мануэлино», также использовавший колониальные (индийские) мотивы декора стен. Примечательно, что в южнокитайском Макао, принадлежавшем Португалии формально до 1999 года, до наших дней сохранился т. н. «Дом мандарина» – дворцовый комплекс, построенный в португальско-мавританско-китайском стиле. В XVI – первой половине XVII-го веков Испания и Португалия были мировыми империями, во владениях которых «никогда не заходило солнце». Разумеется, римско-католическая церковь, разделившая по Тродесильясскому договору 1494 года мир между двумя этими странами, всемерно поддерживала амбиции их правящих династий.

Знакомство автора этих строк с архитектурой «колониального барокко» в Азии (Гоа, Макао, Филиппины), которая мало изучена в нашей стране, позволило задаться вопросом о многоплановых восточных влияниях на архитектуру и на культуру мирового барокко. Оснований для этого несколько.

1) Эпоха Барокко и, частично – Ренессанса совпадает с эпохой Великих географических открытий, когда представители католической церкви – иезуиты, доминиканцы, августинианцы устремились в самые отдаленные уголки мира для проповеди христианства. Для этого монахи учили местные языки и использовали понятные туземцам визуальные образы. Так, на стенах храмов Макао появились изображения морских чудовищ, выполненные по преданию крещеными китайцами и японцами, а на стенах филиппинских церквей – тропический растительный и антропоморфный орнамент.

2) Культурно-экономический базис Эпохи Возрождения (без которой не возникла бы Эпоха Барокко) зиждется на торговле с Ближним (а через Великий шелковый путь и с Дальним) востоком, которую вела Венецианская республика. Начиная с 1423 года в Венеции ежегодно чеканили до миллиона золотых дукатов. Государственный бюджет Венеции в то время равнялся бюджетам Франции и Англии. Венецианская экономика с конца XV века была самой сильной в Европе. Товары, проходящие через венецианские порты, распределялись по всей Европе при помощи банкирских

[139] Томан Р. Барокко. Архитектура. Скульптура. Живопись.– Кёльн: Könemann, 2000. С. 120–121.

семей Флоренции, в особенности семьи Медичи. Родиной Возрождения традиционно считается Флоренция, однако, если говорить более точно, то своим возникновением эпоха Возрождения обязана как Флоренции, так и Венеции. Первый город принес нам возрождение в культуре, второй – в экономике[140].

3) Существенным отличием Эпохи Барокко от породившего ее Ренессанса стала попытка вырваться за пределы влияния наследия античности, что проявилось и в архитектуре. Поиск культурных альтернатив античности был возможен именно на Востоке. На наш взгляд, отрицание классического наследия породило «реакцию отторжения» барокко в позднейшие периоды, его эстетическую трактовку критиками как парадоксальной вычурности и его политическое обоснование как идеологию феодально-католической реакции. Верно то, что Эпоха Барокко совпала с «контрреформацией» – борьбой католической церкви с протестантизмом. Но дело тут не только в «феодальной реакции», а в том, что теряющая политические рычаги управления Европой римско-католическая церковь устремилась в область духовного влияния. В этом отношении контрреформация была в определенной степени возвратом к учению Бл. Августина о «Граде Божьем» и приоритете веры над рассудком. Но, как известно, Августину в V веке н. э. удалось примирить античный рационализм с христианским вероучением именно за счет внесения в европейскую философию восточных категорий чувства и веры. У Августина неоплатоновское учение об экстазе перерастает в христианское учение об озарении. Церковная архитектура европейского и внеевропейского барокко служила (и, отметим, неплохо служила) возбуждению этих чувств в верующих по всему миру.

4) В XVII веке, когда политическое могущество в Европе переходит от Испании к Франции, в эстетике на долгие годы утверждается стиль рококо – барокко абсолютных монархий Европы. Одновременно с этим Францию, а затем и значительную часть Европы завоевывает стиль «шинуазри» – китайщина. В середине XVII-го столетия мода на всё китайское захватывает Францию. Становится модным собирать китайский фарфор, ткани, мебель, которые становятся предметами аристократической роскоши. Кабинеты в китайском стиле появляются во дворцах от Парижа до Санкт-Петербурга. Затем «шинуазри» проникает в садово-пар-

[140] Чик Ф. Д. К. Всемирная история архитектуры. Сооружения всех стран и континентов от IV тысячелетия до н. э. до наших дней.– М.: АСИ: Астрель, 2011. С. 443.

ковую архитектуру. В XVIII веке в германском Потсдаме во дворце Сан-Суси появляется «японский павильон», а в Нимфенбургском парке – «Пагоденбург». С развитием рококо в XVIII веке «китайщина» настолько глубоко проникла в архитектуру, что некоторые искусствоведы были склонны объяснять само происхождение стиля рококо из китайского влияния[141]. Как бы то ни было, следует признать большую связь рококо с «шинуазри», который в тот период захватил почти все области культурных проявлений эпохи. Что касается именно китайской архитектуры, то в ее утверждении в Европе сыграло роль ее «созвучие» стилю барокко, а именно, вписанность архитектурных форм в природный ландшафт, «раздробленность» пространства стены, многоярусность, богатая орнаменталистика.

5) Относительно влияния «шинуазри» на культуру русского барокко XVIII столетия мы ранее сообщали, что проводником этих влияний служила пограничная торговля в г. Кяхта, благодаря которой поток китайских товаров завоевал вначале Сибирь, а потом, через систему ярмарок, достиг центральной России и обеих столиц[142]. Как известно, существенную роль в «кяхтинском торге» играло тотемское купеческое землячество, базировавшееся в Иркутске. Следует, правда, оговориться, что купцы – тотьмичи по происхождению, державшие в руках промысел морского зверя в северной части Тихого океана и поставлявшие ценную добычу в Кяхту, по-видимому, ассоциировали себя не столько с их родной Тотьмой, сколько с Иркутском, где они обосновались на десятилетия и где копились их капиталы. В недавно изданном Словаре кяхтинского пинджина – своеобразном словнике русского языка, записанного китайскими иероглифами, который учили китайские торговцы в целях взаимопонимания с русскими партнерами, присутствуют российские топонимы Иркутск и Санкт-Петербург, но отсутствует Тотьма.

Помимо экономического влияния, русско-китайское влияние развивалось в XVIII–XIX веках и в духовной плоскости. Необходимость миссионерской деятельности на Дальнем Востоке породила

---

[141] Згура В.В. Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе.– М: РАНИОН, 1929. С. 20–22.

[142] Головизнин М.В. Сибирское храмовое барокко в европейском Предуралье: случайность или обратное движение культурной волны с Востока на Запад // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского.– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016.– Вып. IX. С. 141–170.

необходимость изучения китайского, монгольского языков, центром которого долгое время был Троице-Селенгинский монастырь в Западном Забайкалье. В Пекине в XVIII веке при русской миссии возник монастырь, где среди послушников были как русские, так и крещеные инородцы. Там же – в русской духовной миссии 14 лет служил Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) – знаток китайского языка и истории, первый русский синолог и переводчик.

Селенгинский чайный путь, идущий из Монголии через Селенгинск, Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ) к Байкалу и далее – к Иркутску, знаменит также тем, что вдоль него выстроено немало барочных храмов, которые по своим формам и, главное – картушному декору, напоминают храмы Тотьмы. «Щитовидные» межоконные картуши селенгинских храмов являются, на наш взгляд, переосмысленным бурятско-монгольским декором, который воплотился в местной школе барокко. Зависимость эволюции прибайкальского картуша от эволюции формы оконного проема можно проследить на примере самого знаменитого храма г. Иркутска – Крестовской (Крестовоздвиженской) церкви. На рисунке 2 видно, что более архаичные прямоугольные окна основного храма сопровождаются таким же прямоугольным межоконным декором и прямыми колонками,

Иркутск. Крестовская церковь. Эволюция оконных проемов и межоконного декора

богато украшенными узором из фигурного кирпича. В то же время арочные окна более позднего храмового придела окружены уже фигурными картушами, вполне барочными по форме.

Что же касается местного архитектурного «узорочья», то у кочевых народов Прибайкалья, исповедовавших ламаизм, орнамент изначально отличался необычным богатством, которое определяли геометрические, зооморфные, растительные, антропоморфные и пейзажные типы. По мере утверждения буддизма и появления стационарных храмовых построек, орнаментальные декорации, присущие жилищам кочевников, переходили на них. Характерной особенностью традиционного бурятско-монгольского орнамента, применяемого в архитектуре, является также богатый спектр тонов – от самых светлых через нейтральные до самых темных. Благодаря такому сочетанию тонов, постепенному переходу от светлого к более темному рисунок орнамента производит впечатление объемного[143]. Этот эффект имел как эстетический, так и практический смысл: в зависимости от угла падающего солнечного света размеры таких строений как бы увеличивались, благодаря чему постройки были лучше видны в условиях горно-степного рельефа.

Необходимо также отметить, что по мере проникновения русских поселенцев и русской администрации в Прибайкалье и необходимости охраны границ постепенно формировалось сословие т. н. «карымов» – бурятских казаков, поступавших на русскую службу и потомков смешанных русско-бурятских браков. Формально карымы, как состоящие на русской службе, должны были принять православие. На деле их мировоззрение очень долго представляло собой «двоеверие», где элементы православия сочетались с ламаистскими и анимистическими реликтами. Думается, именно поэтому на стенах храмов Прибайкалья и Иркутска, выстроенных в XVIII веке, сохранился своеобразный «монгольский» орнамент, а также изображения, напоминающие буддийские мандалы. К этому также стоит добавить, что русские переселенцы в тот период времени активно участвовали в постройке первых стационарных буддийских дацанов для бурят, чему, вероятно, способствовали веротерпимость буддистов и удаленность православного священноначалия. В XIX веке буддийские дацаны Забайкалья были перестроены в монгольско-китайском стиле, однако, предшествующий «культурный синтез» не прошел даром. Так, окна храмов Агин-

[143] Майдар Д., Пюрбеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры.– М.: Стройиздат, 1980 г. С. 46–47.

Храмовый декор в Агинском дацане (пос. Агинское, Забайкальский край). Дугообразные фронтоны окон и картуши стен

ского дацана обрамлены такими же наличниками с дугообразным фронтоном, какие присутствуют и на православных храмах Селенгинского края. На стенах Спасского собора в Старом Селенгинске дугообразные фронтоны наличников дополнены щитовидным картушем, нижняя часть которого выполняет функцию контрналичника. Эти щитовидные картуши по контуру аналогичны картушам тотемских храмов, находящихся от Прибайкалья на расстоянии почти 4000 км.

Спасский собор в Селенгинске (Бурятия). Дугообразные фронтоны окон и щитовидный картуш как деталь межоконного декора

Ранее мы приводили аргументы, что прибайкальское храмовое барокко является местной школой, в которой воплотились русская (московская, великоустюжская) украинская школы архитектурного барокко, обогащенные местным – бурятско-монгольским орнаментом.[144] Экономические процессы XVIII века, имевшие результатом экономический подъем Сибири и международной торговли в этом регионе, вслед за экспортом товаров вызвали и экспорт культурных влияний в западном направлении.

Кузнецов Александр Васильевич,
независимый исследователь, д. Устье, Тотемский район
Новосёлов Алексей Михайлович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

РАННИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР В ТОТЬМЕ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ ВОТЧИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ – НОВЫЕ ВЫЯВЛЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ ТОТЕМСКОГО БАРОККО

Наш иллюстрированный альбом «По следам тотемского барокко» выдержал уже два издания (2016 и 2018)[145]. В нём практически впервые в научно-популярной литературе был обобщён весь свод имеющихся материалов по изучению церковной архитектуры Тотемского уезда и сделаны некоторые промежуточные выводы, отправляющие вдумчивого читателя к дальнейшим исследованиям. В частности, удалось понять, что тотемское барокко – самобытный стиль, период жизни которого длился с 1740-х по 1800-е гг. и который охватил 23 храма на территории Вологодской (21) и Костромской (2) областей. Ещё 7 памятников, в облике которых просматриваются черты «тотемского стиля» (но лишь черты!), были выявлены на территории Иркутской области, республики Бурятия, Красноярского края. Притом прямая связь стиля с морскими вояжами тотьмичей, упоминаемая тотемским краеведом

[144] Головизнин М.В. Сибирское барокко с буддийским оттенком. // Восточная коллекция. № 3 (42). 2010. С. 100–110.

[145] По следам тотемского барокко : альбом-путеводитель / Александр Кузнецов, Алексей Новосёлов; МБУК «Тотем. муз. об-ние».– Вологда: Древности Севера, 2016.– 127 с. По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель / Александр Кузнецов, Алексей Новосёлов; МБУК «Тотем. муз. об-ние».– Вологда : Древности Севера, 2018.– 2-е изд., испр. и доп.– 135 с.

С. М. Зайцевым в своих работах, нами была поставлена под сомнение, поскольку прослеживается на примере лишь 5 храмов из 23 выявленных.

Не в полной мере ясно, как происходил экспорт стиля: из Тотьмы в Сибирь или из Сибири в Тотьму, поскольку церкви Тотемской округи и Прибайкалья строились примерно в одно и то же время. Две оппонирующие гипотезы выдвинули такие современные исследователи, как Лев Масиель Санчес (о влиянии тотемской архитектуры на сибирскую) и Марк Головизнин (о влиянии сибирской – на тотемскую). В своём альбоме мы согласились с версией Л. К. Масиеля Санчеса. В свою очередь М. В. Головизнин неоднократно приезжал в Тотьму и выступал на трёх всероссийских научных конференциях «Русский Север. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» с материалами[146], которые раскрывали различные аспекты китайской, монгольской, бурятской и прочей орнаментики применительно к декору северных храмов. Оригинальные исследования автора относительно восточных мотивов в архитектуре европейской России были также затронуты в рамках дискуссионных сессий данных конференций и нашли своих последователей.

Один из авторов данной статьи А. М. Новосёлов, вместе с М. В. Головизниным, уже четыре года подряд возглавляя секцию по архитектуре и промышленному наследию Русского Севера, до недавних пор не имел явной источниковедческой базы для того, чтобы убедительно опровергнуть гипотезу коллеги. Вместе с моим соавтором А. В. Кузнецовым мы всегда оппонировали М. В. Головизнину, полагая, что даты строительства в Сибири храмов с картушами совпадают с датами расцвета и угасания барочного стиля в Тотьме (1770-е годы и далее), однако зарождение тотемского барокко всё-таки относится к 1740-м годам. В данный период храмы с картушами в Сибири ещё не строились, и там доминировала местная архитектурная традиция. Картуши возникли в Иркутске только в 1770-е годы, когда, например, в Тотьме уже существова-

[146] См. *Головизнин М. В.* Реальность фактов и борьба парадигм в теории русской архитектуры. Взаимовлияние тотемской и прибайкальской школ барокко. // Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием. С. 80–91. Также: *Головизнин М. В.* Храмовое барокко Тотьмы, Вятки и западного Зауралья. Ирбитская ярмарка и кяхтинский торг как стимулы развития региональных школ. / Русский Север-2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник материалов Третьей всероссийской конференции с международным участием. С. 39–49.

ла великолепная Казанская церковь, сверху донизу украшенная клеймами, а на Вожбале уже был построен Благовещенский храм. Однако отсутствие достаточного количества документов по строительству, утратам и перестройкам этих зданий давало почву для справедливых замечаний оппонента относительно неясности внешнего облика построек в их первоначальном варианте.

Наконец, в 2019 году произошло событие, которое без преувеличения можно считать прорывом в исследовании тотемского барокко. Вологодским историком Андреем Меньшиковым в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) были найдены замечательные документы – «План и наружный вид Тотемского Богоявленского собора...» 1815 года и проект реконструкции И. А. Фохтом того же храма[147]. Эти документы почти полностью подтверждают наши слова, приведённые в альбоме «По следам тотемского барокко». Вот как мы писали о Богоявленском соборе в вышеупомянутом издании:

«*Главная тотемская городская церковь – Богоявленский собор – сначала стояла внутри стен старинного деревянного Острога, или Кремля. Краевед-священник П. П. Арсеньевский считал, что первый храм здесь был выстроен около 1543 года. После того, как в 1743 году остатки укреплений вместе с деревянной соборной церковью Рождества Богородицы сгорели, началось строительство каменного храма...* ***Эта церковь являлась одним из лучших образцов стиля тотемского барокко. Клейма покрывали все межоконные пролёты на стенах, хотя и не отличались разнообразием форм...*** *На этом же рисунке справа видна и соседняя с Богоявленской церковь «под колоколами» – Казанская, тоже с картушами*»[148].

Говоря об «одном из лучших образцов тотемского барокко», построенном полностью к 1749 году[149], мы ориентировались на единственный источник – панорамный рисунок города Тотьмы, выполненный неизвестным художником в начале XIX века. Рисунок экспонируется в краеведческом музее Тотьмы, имеются его

---

[147] Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 7068. Л. 74, 82. За указание на существование данных документов и их оцифровку авторы выражают благодарность историку А. И. Меньшикову (Вологда).

[148] По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель / Александр Кузнецов, Алексей Новосёлов; МБУК «Тотем. муз. об-ние».– Вологда: Древности Севера, 2016. С. 22–23.

[149] Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности. // Тотьма: Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995.

Богоявленский собор в Тотьме. Увеличение с рисунка Тотьмы начала XIX века, из фондов ТМО

репродукции и в печати[150]. Однако его всё же сложно было назвать полноценным историческим источником, поскольку мы не можем предполагать степень фантазии художника – зачастую неизвестные нам авторы имели тенденцию приукрашивать действительность или до неузнаваемости искажать на бумаге облик существовавших ранее храмов.

Причиной, по которой Богоявленский собор в первом его варианте 1749 года не дожил до наших дней или хотя бы до эпохи фотосъёмки, стало желание расширить небольшую церковь, не вмещавшую достаточное количество людей. Работы по расширению и достройке трапезной начались в 1811 году, но им помешал большой городской пожар 14 июня 1815 года. В нём соборный храм сильно пострадал. Было принято решение перестроить здание практически полностью, оставив только часть стен. Д. А. Григоров пишет: *«Главное здание собора с 1816 по 1822 г. было перестроено по новому плану архитектора Фохта, как сказано в церковной летописи, «в особенном западном вкусе». Верхний этаж был надстроен только над среднею частью здания, а с боков, с северной и южной сторон, были деревянные колонны. Над средней частью храма «квадратный купол» завершался, вместо бывшего пятиглавия, четырехгранным*

[150] Житие преподобного Феодосия Тотемского чудотворца. / Сост. Е. Р. Стрельникова.– Вологда: Учебная литература, 2005.– С. 6–7, 10–11.

шпилем вышиной в семь сажень. Новопостроенное здание храма по фасаду более походило на музей, адмиралтейство или другое какое-либо в этом роде здание, чем на православный храм, и вызывало удивление у проезжих»[151].

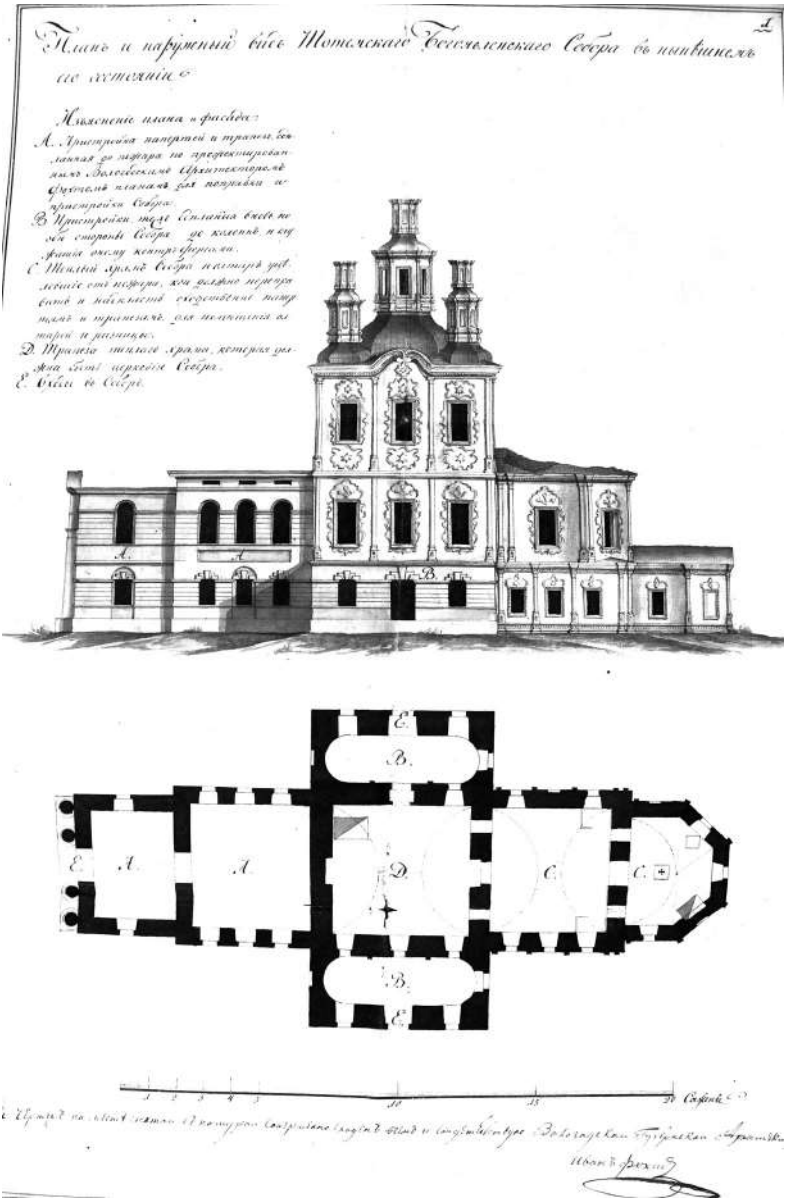
Этим удивительным «то ли музеем, то ли адмиралтейством» и завершилась история Богоявленского собора как памятника тотемского барокко. Самое интересное, что второй облик соборной церкви мы тоже могли представлять только по описаниям Григорова; в 1863–1872 годах собор снова перестроили, и снова очень существенно. Лишь благодаря недавним находкам А. И. Меньшикова мы можем представить внешний вид собора Богоявления в его первом и втором вариантах.

Обратим же внимание на «План и наружный вид Тотемского Богоявленского собора в нынешнем его состоянии» 1815 года. Очень хороший рисунок собора с южной его стороны и чертёж выполнены неизвестным автором и подписаны губернским архитектором Иваном Андреевичем Фохтом – тем самым, по плану которого уже началась перестройка храма.

На рисунке очень хорошо заметна та часть, которая до пожара уже подверглась реконструкции – она сильно выбивается из барочного облика церкви и фигурирует под буквами А *(«Пристройка папертей и трапез, сделанная до пожара по проектированным Вологодским Архитектором Фохтом планам для поправки и пристройки собора»* и В *(«Пристройки... сделанные вновь по обе стороны собора до колонн и служащие ему контрфорсами»)*. Эта часть здания уже напоминает тотьмичам современный облик первых этажей двухэтажного здания, оставшегося от собора Богоявления в наши дни. Из этих же слов, а также из книги Д. А. Григорова можно понять, что трапезная и паперть строились для расширения объёмов собора, а новые объёмы, пристроенные в качестве контрфорсов с юга и севера, должны были предохранять храм от разрушения (возможно, какие-то негативные процессы к тому времени уже начались). Но в контексте нашей темы нас больше интересует часть здания, отмеченная буквой С *(«Тёплый храм и алтарь, уцелевшие от пожара, кои должно переправить и надкласть сходственно папертям и трапезам для помещения алтарей и ризницы»)* – собственно, тот объём здания, что остался от первоначального собора постройки 1749 года. Что мы видим?

---

[151] Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности. // Тотьма: Историко-литературный альманах. Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995.

«План и наружный вид Тотемского Богоявленского собора в нынешнем его состоянии». 1815 год. ГАВО

Во-первых, нижний этаж здания, выполненный в стилистике московского барокко XVII столетия, с барочными фронтонами над окнами. Внутри этих фронтонов видны некие розетки.

Во-вторых, практически весь основной объём храма, двусветный второй этаж с алтарём, пострадавшим от пожара, представляет из себя замечательную оригинальную постройку в стиле тотемского барокко, притом картуши и фигурные завитки вокруг окон на стенах имеют явные повторы в церковном зодчестве последующего времени. Практически такие же или очень похожие украшения вокруг окон второго этажа имеют Благовещенская Вожбальская церковь (д. Мишуково Тотемского района), нечто подобное имелось также на Спасо-Преображенской Тиксненской церкви (д. Погост Тотемского района), судя по сбитым картушам.

Картуши на Казанской «церкви под колоколы» очень напоминали соборные

В свою очередь, над и под окнами третьего этажа уже появляются настоящие оригинальные тотемские картуши – судя по всему, первые из известных нам! Подобные картуши мы можем видеть на более позднем сохранившемся Христорождественском храме на Сондуге в Тотемском районе и на фотоснимке Казанской церкви-колокольни, стоявшей рядом с собором и сохранявшей эти картуши вплоть до конца 1930-х гг. Оригинальный фигурный элемент, также выполненный в общей стилистике клейм, венчающий весь храм и расположенный над верхним рядом картушей, напоминает аналогичные на Воскресенском храме в Медведево и Благовещенском – на Вожбале.

Наконец, пятиглавие храма выполнено в типичной барочной стилистике и очень напоминает сохранённое пятиглавие Троицкой церкви в Зеленской рыбачьей слободе (г. Тотьма). Отсутствующие в изучаемом нами документе купола, уничтоженные при пожаре, мы можем представлять только по рисунку; судя по всему, они были такими же некрупными луковичными.

Если сравнивать вновь найденный документ с рисунком Тотьмы из фондов ТМО, можно видеть, что в целом Богоявленский собор, по сравнению с изображённым художником, имел более крупные объёмы (даже до начала всех перестроек в 1811 году) и более интересный декор. Поэтому нашу фразу из альбома «По следам тотемского барокко» о том, что клейма собора не отличались разнообразием форм, можно считать не совсем справедливой.

Итак, если этот облик, с барочными фронтонами на первом этаже, искусным декором вокруг окон второго и настоящими полноценными картушами третьего этажей, можно считать исполненным в 1749 году, то мы можем наконец смело говорить о том, что зарождение тотемского барокко относится именно к этому периоду – четвёртому десятилетию восемнадцатого века.

Сопоставим период строительства Богоявленского собора (1743–1749) с появлением других храмов в Тотемском уезде в это же время.

В 1730 году появляется каменная церковь Иоанна Предтечи на Саблином конце в Тотьме, в 1736 году – первый этаж Благовещенской Вожбальской церкви, в 1743–1750 гг. – первый этаж Воскресенской Варницкой церкви (д. Варницы Тотемского района), а в 1746–1748 гг. – нижний же этаж Рождественского храма в Тотьме. Все эти постройки имеют барочные фронтоны над окнами первых этажей, равно как и строящийся Богоявленский собор. Это позволяет говорить о некоей архитектурной моде 1730-х – 1740-х, выражающейся в подражании московской школе семнадцатого столетия. Собор этой моде, безусловно, пытается соответствовать. Это ещё не тотемское барокко, но один из его предвестников.

А дальше – первые элементы, похожие на картуши, появляются только в 1750-е – 1760-е годы на Благовещенской Вожбальской, Воскресенской Медведевской (д. Медведево Тотемского района) и Троицкой в Дедовой пустыни (Тотемский район) церквях, то есть ***позже собора***[152]. Притом, зная дату постройки собора, мы уже видим, что эти церкви явно пытаются подражать именно соборному храму, а не какому-то ещё: мастера Благовещенского храма декорируют окна завитками так же, как мастера собора[153]; такие

---

[152] Более ранней является только загадочная Петропавловская церковь 1743 года, утраченная в том же пожаре 1815 года. Колокольня её на том же рисунке Тотьмы из фондов ТМО украшена картушами. Но, по сведениям из черновиков С. М. Зайцева, звонница появилась позже церкви, аж в 1770-е годы. Тема требует дальнейшего изучения.

[153] А дальше стиль двинулся на восток, и подобные завитки появились у построенной купцами Трескиными Успенской церкви в городе Енисейск (ныне – Красноярский край). Этот храм датируется 1793 годом.

Картуш на сохранившейся Христорождественской Сондугской церкви (Тотемский район), напоминающий соборные

же картуши, как на третьем ярусе соборной церкви, присутствуют в декоре скромного пустынского храма на Дедовом острове. В Медведево, вроде бы, присутствуют более простые филёнки и фронтоны, но само композиционное решение храма, само его построение практически копирует соборную церковь (за исключением только лишь того, что собор имел пять глав, а храм в Медведево – одну).

А такое же оформление, как у окон второго этажа, мы видим в декоре Христорождественского храма на Сондуге. Эта сельская церковь, будучи совсем не похожей на собор, замечательно соединила в себе многие черты его оформления: оконный декор и картуши будто бы списаны со стен соборного храма. Вероятно, и барочный портал, с утратами сохранившийся у сондугской церкви, подражал соборному[154].

Как нам кажется, данные факты могут весьма убедительно свидетельствовать о том, что Богоявленский собор, построенный в Тотьме в 1749 году, стал образцом для строительства барочных церквей в округе города и за её пределами в последующие

[154] Ещё один прекрасный барочный портал, датированный 1755 годом (более ранний, чем сондужский, но почти современник гипотетического соборного), имеется у храма Успения в Тотьме.

План перестройки Богоявленского собора в Тотьме по проекту И. А. Фохта. 1815. ГАВО

несколько десятилетий. Впоследствии архитектурная традиция, зародившаяся в облике главного храма Тотьмы, перешагнула границы уезда и губернии и вместе с мастерами-умельцами и тотемскими купцами-землепроходцами дошла до юго-восточных рубежей Империи, где была творчески переосмыслена с учётом многих архитектурных традиций, в том числе почерпнутых в архитектуре Востока.

Стоит обратить внимание и на интересный проект перестройки Богоявленского собора И. А. Фохтом – действительно, облик предполагаемого к возведению здания чрезвычайно причудлив для православной церкви. Колонны, шпиль, арочные окна скорее заставляют вспомнить о гражданской архитектуре Петербурга. Но изучение дальнейших трансформаций храма – задача совсем другой научной работы, и мы, публикуя здесь иллюстрацию перестроенного Фохтом собора, лишь впервые вводим в оборот данный документ и призываем историков архитектуры к новому исследованию.

Ещё об одном открытии, состоявшемся уже после выхода в свет второго издания альбома «По следам тотемского барокко»,

хотелось бы также упомянуть в данной статье. Летом 2018 года по восточным районам Вологодской области проехали участники экспедиции научно-исследовательского центра «Древности Севера» из Вологды. Их интересовали бывшие приходские церкви, фотоснимки которых нужно было сделать для выхода в свет «Церковно-исторического атласа Великоустюжской епархии». В селе Миньково Бабушкинского района участники экспедиции обратили внимание на своеобразный декор полуразрушенной Воскресенской церкви. На стенах её явно просматривались картуши! Открытием участники экспедиции не замедлили поделиться с нами, и мы, выехав на место, убедились: список храмов в стиле тотемского барокко расширяется до 24.

Границы Тотемского уезда в старину были куда более обширны, чем пределы современного района. Почти весь нынешний Бабушкинский район был когда-то тотемским. В старинной Вотчинской волости местные жители нашли возможность выстроить целых три церкви. Одна из них – Воскресения Христова – была возведена в деревне Миньково. По сведениям, собранным бабушкинским краеведом Галиной Илюшиной, здание этой летней церкви освятили в 1805 году[155], то есть довольно поздно для тотемского стиля. Правда, разрешение на начало строительства храма всё же относится к 1791 году, поэтому возведение церкви, скорее всего, приходится на рубеж XVIII–XIX веков, что вполне укладывается во временные рамки тотемского барокко.

Осмотр церкви, произведённый нами, подтвердил существование на её стенах клейм. На южной стене храма сохранился целый ряд картушей, довольно сильно разрушенных временем и людьми, но, тем не менее, видна их главная особенность – клейма сложены из фигурных кирпичей и являются частью кладки стены, как и на других зданиях в стиле тотемского барокко. На северной стороне Воскресенской церкви остался лишь один картуш, но зато – не тронутый разрушением. Остальная часть этой стены скрыта под более поздним приделом, и продолжение ряда картушей уже не видно.

Миньковские картуши почти точно повторяют клейма на стенах Николаевской Верхнееденгской церкви в Матвеево Тотемского района (1778–96), а алтарная часть, украшенная типичными барочными фронтонами, похожа на алтарь недостроенной Коченг-

[155] Из истории православных храмов Бабушкинского района. // отв. ред. Г.А.Илюшина.– Вологда: ИЦ ВГМХА, 2013. С. 37–39.

Плоскостные картуши Воскресенской Вотчинской церкви – единственные подобные в Вологодской области

ской Спасо-Преображенской церкви (также Тотемский район). Следовательно, Воскресенская церковь строилась артелью каменщиков, которые в качестве образца для неё использовали опыт ранее построенных церквей.

Из особенностей миньковских картушей можно отметить то обстоятельство, что их внутренняя часть заложена кирпичами на уровне наружных фигурных кирпичей, что напоминает декор некоторых сибирских барочных храмов. Ничего подобного на вологодской земле больше нет, это удивительный факт!

При советской власти храм в Минькове повторил судьбу многих церквей: был закрыт в 1930-е годы. Потом в здании, лишённом главок и куполов, с разобранными выше первого ряда окон стенами, размещались сельский клуб, зернохранилище, склад льнотресты, магазин. Относительно недавно в бывшей церкви находился сушильный завод, но после возгорания пожар уничтожил большую часть деревянных конструкций. Ныне миньковская Воскресенская церковь представляет собой жалкое зрелище. Надежд на её восстановление нет, так как рядом стоит Иоанно-Предтеченская действующая церковь второй половины XIX века, недавно восстановленная. Это здание к тотемскому барокко никакого отношения не имеет, оно создано в эклектичной манере.

Тем не менее, открытие нового архитектурного объекта в Миньково позволило расширить список церквей тотемского барокко до 24. Эта новость была озвучена на очередных межрегиональных «Леденгских чтениях» в селе имени Бабушкина 2 августа 2019 года одним из авторов данных строк. Бабушкинские краеведы мобилизовали все ресурсы, чтобы найти старые фотоснимки храма, поскольку до сих пор внешний вид церкви в её изначальном виде неясен. Надеемся, что эта работа увенчается успехом, и в одном из следующих сборников конференции «Русский Север» появится материал об истории Воскресенской Вотчинской церкви – ещё одного замечательного памятника блестящей полувековой истории тотемского барокко.

Галушкина Вера Николаевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НАРОДНЫЕ СУЕВЕРИЯ КРЕСТЬЯН ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В основе данной работы лежат записи корреспондентов Этнографического бюро Тенишева, которые работали в Тотемском уезде в конце XIX века, а также подробные этнографические записи из Шебенгской и Спасской волостей от учительницы Стародворского училища Н. Евфимьевой. Исследование охватывает довольно широкую территорию Тотемского уезда – это Вожбальская, Миньковская, Калининская, Погореловская, Спасская, Бережнослободская, Шебенгская, Шевденицкая волости, с. Брусенец, д. Монастыриха. В работе сделана попытка систематизировать имеющуюся разрозненную информацию по народным суевериям и предрассудкам, сгруппировать ее по темам, провести некоторый анализ.

Суеверие является производным от выражения «вера всуе». Всуе – попусту, напрасно, даром, тщетно. Суеверие, суеверство – ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, в знамения; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не видно.[156] Несмотря на то, что в православии запрещаются различные суеверия, гадания, вера в потусторонние силы, крестьяне

[156] Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия.– М.: Эксмо, 2004.– С. 736.

всегда были убеждены, что их окружает сонм более или менее недружественных духов. Крестьяне верили, что будущее можно определить по определенным знакам, а можно и воздействовать на него, предпринимая определенные магические действия. Из-за недостатка научных знаний различные явления жизни крестьяне пытались объяснить с помощью сверхъестественных доводов.

Основное занятие крестьянства – это земледелие. Череда дней земледельца была наполнена изнурительным трудом, и именно труд имел решающее значение в получении конечного результата, таким образом, для крестьянина было очень важным сохранить силы и возможность работать. Сакральное отношение жителей села к земле проявлялось в многочисленных аграрных обрядах, которые были с ней связаны. Перед началом сева крестьяне старались вымыться в бане, надеть чистое белье и в нем начинали сев. В этот день было принято ничего не давать другим – ни денег, ни продуктов, чтобы не лишиться урожая. Сеять хлеб ходили с топором за поясом, чтобы предохранить урожай от червобоя[157]. Когда кончалась жатва, то жница ложилась на полосу и каталась по земле, приговаривая: «Нивушка-матушка, отдай мне мою силушку, а возьми себе мою безсилицу»[158]. Последний сноп сжинался всеми членами семьи, которые жали всю страду; сжинался он в кружок, потом приносился в избу и ставился в переднем углу на лавке под иконы на 2–3 дня. Этим же снопом закармливали скот в субботу перед праздником Покрова[159], чтобы скотина была «солоще», т. е. ела без разбора всякий корм. В некоторых волостях (напр. Калининской, Спасской) последний сноп овса называли «бородой». Выражение «принести бороду» означало, что жатва кончена.

В Спасской волости в день Кузьмы и Демьяна[160] варили ячневую кашу на молоке, и когда ели, приговаривали: «Козьма и Демьян, иди кашки хлебать, помоги нам роботки роботать!»[161] Считалось, что эти святые помогают сохранить силы, особенно при молотьбе.

---

[157] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб.: Деловая полиграфия, 2008. С. 42.

[158] Там же. С. 99.

[159] 1 октября по ст. стилю, в церковном календаре – Покров Пресвятой Богородицы *(прим. автора).*

[160] 1 ноября по ст. стилю, в церковном календаре – день памяти святых Козьмы и Дамиана *(прим. автора).*

[161] Евфимьева Н. Культ и народное сельское хозяйство [рукопись], 1925 г. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 64). С. 36.

Жизнь крестьянина во многом зависела от благополучия, имеющегося у него скота, поэтому всевозможными ухищрениями, в том числе и магическими средствами, старались сделать так, чтобы скотина была здорова, всегда возвращалась домой с пастьбы. При передаче из рук в руки купленной лошади продавец и покупатель обертывали свои руки полой кафтана, и лошадь передавали обязательно с уздечкой, которая и не возвращалась. Когда новокупленную скотину (лошадь, корову) вели во двор, то на пути в воротах клали замок (или пояс хозяина[162]), чтобы она крепко держалась двора, а чтобы не убегала обратно, то первые куски навоза клали под нижнее бревно хлева[163].

Если овцы не приходили домой с пастьбы, нужно было взять камушки по числу овец и такого же цвета и положить их под кринку под стол с приговором: «Покажитесь мои овечки зверю камешками». Считалось, что тогда волки их не тронут[164].

Важнейшим домашним животным крестьян была корова – она считалась кормилицей, т. к. молочные продукты, особенно в голодное время, были существенной частью рациона, молоко, чаще всего сэкономленное во время постов, становилось эквивалентом денег: его обменивали на муку, хлеб и другие предметы первой необходимости. Кроме того, без коровьего навоза земли значительно снижали урожайность. В Калининской волости при отеле коровы и при первом удое молока (через 7 дней) совершалось окуривание коровы: в сосуд клали горячие угольня, на них кусочки церковного ладана (взятого обязательно в церкви), восковые свечи, оставшиеся с Крещения, и богородские травы. В фондах ТМО хранятся особые

ТМО-6091 КС-7. Кадильница. Глина, гончарство, формовка. Конец XIX века

[162] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы… С. 155.
[163] Там же, стр. 99.
[164] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости, 1917. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 13/2). С. 14.

глиняные сосуды – кадильницы[165], предназначенные специально для этих целей.

Из первого удоя варили овсяную кашу, которую первой обязательно пробовала хозяйка или вообще женщина, иначе верили, что от коровы будут родиться все бычки[166], а телочки все же считались предпочтительнее, их можно было выгоднее продать или оставить на обновление или расширение домашнего подворья. В Спасской волости скотину весной первый раз в поле выгоняли ветками вербы, которую принесли из церкви в Вербное воскресенье[167]. Когда хлестали коров вербой, приговаривали: «Сколько вербушек на вичке, столько бы родилось скотинки!»[168]

В Брусенце, когда уводили проданную корову в соседнюю деревню, веником заметали след за ней, чтобы она не уходила обратно к прежним хозяевам[169].

Множество примет и суеверий было связано с добычей и собирательством, так как этот вид хозяйственной деятельности был большим подспорьем в обеспечении семьи продуктами питания, позволял разнообразить крестьянский стол. Важно было обеспечить запас лесных даров на зиму. Отправляясь в лес за ягодами или грибами, приговаривали: «Тимошка-Тимошка[170], наполни лукошко, стогом вверх, по краям ровно», и гадали о том, сколько насобирают: бросали корзинку вверх и смотрели, как она упадет: если вверх дном, то ничего не насобираешь, если на боку, то будет полкорзинки, если прямо – то насобирается полная[171].

Рыбаки носили в карманах крошки артоса[172] – на удачу. Когда человек собирался на охоту или рыбалку, его нельзя было спрашивать, куда и зачем он пошел, чтоб не «обурочить» (лишить удачи). По этой же причине, встречая рыбака или охотника, нельзя

---

[165] Такой предмет носил еще название «кацея», имел форму небольшого горшочка с рядами маленьких отверстий в стенках и небольшой ручкой-петелькой *(прим. автора).*

[166] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 155.

[167] Шестое воскресенье Великого поста, в церковном календаре – Вход Господень в Иерусалим *(прим. автора).*

[168] Евфимьева Н. Культ и народное сельское хозяйство [рукопись], 1925 г. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 64). С. 34.

[169] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 42.

[170] Возможно, это иносказательное обращение к хозяину леса – лешему *(прим. автора).*

[171] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С.42.

[172] Хлеб, освященный на Пасхальной седмице *(прим. автора).*

было ему говорить: «Как много наловил-то!». Если спрашивали рыбака, много ли наловил рыбы, он никогда не говорил, что много, хотя бы у него и было наловлено более чем достаточно. Говорил: «На ушку-то наловил…»[173]. Это тоже, чтобы удача не отвернулась. Из-за таких примет охотники и рыбаки часто уходили на ловлю и возвращались украдкой, стараясь ни с кем не повстречаться.

Языческие представления прочно переплелись в народном сознании с православием. Так, почитая христианские праздники и дни разных православных святых, жители уезда старались производить в эти дни определенные магические действия. Особенно много таких поверий связано с днем Страстной недели, который в народной традиции получил название Великий четверг. Если на страстной неделе шел лед по Сухоне, утром в Великий четверг ходили до восхода солнца на реку умываться, чтобы не было веснушек, и чтобы не болеть весь год[174]. В Бережнослободской волости в Великий четверг нагие женщины на клюке объезжали свои дома 3 раза, чтобы избыть клопов и тараканов. На Кокшеньге использовали еще такое средство: хозяин дома объезжал избу три раза на помеле, подъезжал к окну и спрашивал сидящего под окном члена семьи: «Дома ли клоп?», а тот отвечал: «Нет клопа дома, клоп клопа съел и сам околел»[175]. В Шебенгской волости после этого обряда помело сжигали на загнете[176].

В Шевденицкой волости в Великий четверг девицы на невестах до солнышка одевались во всю скруту (наряд), приотворяли немного дверь из избы и говорили: «Суженый-ряженый, тебе пора жониться, а мне замуж выходить»[177]. В Спасской волости девушки в этот день перебирали и перекладывали все свои наряды вплоть до белья, чтобы «скруты не убывало, а прибывало»[178].

Чтобы коровы летом не оставались по ночам на пастьбе и не съели их волки, то в Великий четверг до восхода солнца хозяйка, забравшись на крышу, в печную трубу перекликала коров: «Белуха

---

[173] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 42.

[174] Там же. С. 47.

[175] Там же. С. 98.

[176] Заулок на шестке русской печи, куда сгребается жар *(прим. автора).*

[177] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости [рукопись], 1917 г. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 13/2). С. 17.

[178] Евфимьева Н. Культ и народное сельское хозяйство [рукопись], 1925 г. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 64). С. 27.

дома?», хозяин отвечал: «Дома!». «Чернуха дома?» – «Дома!». И так всех коров, сколько их есть. В этот же день подстригали коровам хвосты и клали их под матицу[179].

В Ивана Зачатьев день[180] – закармливали скотину снопами овса, приносимыми от гумна, чтобы скот был сытый и гладкий. В день Феклы Жареницы (Заревницы)[181] – если хорошая погода, то старались не сушить овин, чтобы он простоял всю зиму, не сгорел.

В Погорелове в Покров крестьяне брали большой овсяный сноп и кормили лошадей, а половину оставляли на Демьянов день[182] и махали им по стенам избы, приговаривая: «Кышьте блихи, мухи, тараканы и клопы и вся неугодная тварь, пришла сама хозейка – зима в дом»[183].

В Семенов день[184] было принято хоронить мух под передний угол, чтобы все они погибали и умирали с этого дня вплоть до зимы. В Калининской волости в этот же день хозяин или хозяйка хватали муху, выносили ее из избы и отпускали со словами: «Кышьте мухи вон – идет хозяйка в дом».[185]

Различные насекомые, видимо, немало досаждали крестьянам, т. к. множество поверий и обрядов были связаны именно с их искоренением. К примеру, в Брусенце, чтобы вывести клопов, дожидались прихода священника. Когда он уходил, хватали клопов, сколько можно, и бросали ему вслед, приговаривая: «Куда поп, туда и клоп»[186]. А в Калининской волости по окончании озимого посева опрокидывали борону зубьями на переднюю стену избы, проговорив при этом 3 раза: «Как борона царапала землю, так бы выцарапала всех клопов»[187]. В то же время наплыв чужих тараканов, появление вшей часто рассматривалось как признак, предвещающий богатство.

---

[179] Евфимьева Н. Культ и народное сельское хозяйство [рукопись], 1925 г. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 64). С. 27.

[180] 23 сентября по ст. стилю, в церковном календаре – зачатие Иоанна Предтечи *(прим. автора).*

[181] 24 сентября по ст. стилю, в церковном календаре – Феклы Иконийской *(прим. автора).*

[182] 1 ноября по ст. стилю, в церковном календаре – Козьмы и Дамиана *(прим. автора).*

[183] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 368.

[184] 1 сентября по ст. стилю, в церковном календаре – Симеона Столпника *(прим. автора).*

[185] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 149.

[186] Там же. С. 41.

[187] Там же. С. 194.

При постройке жилища также обязательно применялись определенные обряды: в Брусенце, Кокшеньге, Погорелове в заруб нижнего венца под красный угол подкладывали монеты, чтобы жить богато. В Калининской волости таким предметом был шейный крест – для святости. В новый дом перебирались ночью в полнолуние, тогда же перегоняли и скотину. В новый дом хозяин входил с иконой в руках, а хозяйка с хлебом-солью. В Погореловской волости после того, как была положена матица, хозяин 3 раза обходил дом с пирогом в руках, говоря: «Как красен этот пирог, пусть эдак будет красен и новой дом»[188]. На житье в новый дом крестьяне старались перейти на какой-нибудь двунадесятый праздник, но преимущественно на Введеньев день[189].

Для девушки очень важно было не засидеться «в девках» и поскорей выйти замуж. Чтобы ускорить это событие, в Покров день утром до восхода солнца девушки на невестах вставали, одевались, брали нож и бежали конопатить внутренний угол около выходной двери на улицу на мосту (в сенях) и при этом приговаривали: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня женишком»[190]. На Покровскую субботу девушки завечеровывали, т. е. этот вечер старались подольше посидеть, чтобы всю зиму вечеровать. Когда заплетали девушке косу (хвост по-здешнему), то потянув за волосы, старшая тетка девицы или бабка, которая заплетает косу, приговаривала: «Расти коса до пят, жонихи торопят. Коса из корню, женихи из городу, невеста из терему. По косу сват, по невесту жоних»[191]. Девушки, желая добиться успеха у жениха и быть хорошо принятыми в обществе, носили с собой особую траву под названием «мировая рука». Входя в дом, нужно было произнести ряд слов, в числе которых: «Я ведь иду с мировой рукой, так удивлялся бы весь мир православный моей красотой. Имели бы меня и почитали дороже дорогого гостя, наипаче отца и матери, и казалась бы я лучше всех девиц и краше всех молодиц…»[192]

---

[188] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 368.

[189] 21 ноября по ст. стилю, в церковном календаре – Введение во храм Пресвятой Богородицы *(прим. автора).*

[190] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости [рукопись], 1917. Из собрания Тотемского музейного объединения (н. а. № 13/2). С. 18.

[191] Там же.

[192] Народные поверья, связанные с лечебными травами.– Тотьма: Тотемский музей им. А. В. Луначарского, 1924. Л. 1.

Главной работой для девушек была обработка льна и подготовка приданого. Девушки стремились вырастить хороший «долгий» лен, напрясть много пряжи. При расстиле льна сбоку выстилался кружок – «зеркало», для того, чтобы лен во время лежки «глядел-ся в зеркало» и был светлее и белее[193]. В Шебеньге молодицы (те, которые первые годы замужем) в Святки старались начать прясть новую кудель, выносили ее на сарай и примечали: если закуржевеет[194] кудель – вырастет хороший лен, а не закуржевеет – лен не родится. Когда осенью к пряснице (прялке) привязывали первую куделю для пряхи, то приговаривали: «Коль долго воробушек на колышке сидит, столь долго куделюшка у пресенки прядись. Сколь долго печечка на мистичке стоит, столь долго прядеюшка за пресенкой сиди»[195]. Это, чтобы кудель быстрее испрялась, а пряха не ленилась, не бегала бы от прялки. Больше пряли до Рождества в осенние и зимние вечера и приговаривали: «Пряди, мотри, пряди – Филипповка не вынесет – Великовка не вывезет». Филипповка – Филиппов пост[196], т. е. если в это время не была сделана большая часть работы, нечего надеяться на Великий пост.

Со времен язычества некоторые верования были связаны с неодолимыми силами природы. Например, считалось, что пожар, вызванный ударом молнии, можно заливать только молоком[197]. От воды он еще больше будет вспыхивать. Чтобы не было пожара от молнии, в Троицын день несли из церкви веточки березы и втыкали их над воротами[198].

В корреспонденциях из с. Брусенец приводится общее имя ветров – варганы. Общее их количество – 12. И будто бы все они прикованы цепями к скале на острове посреди океана. Время от времени какому-нибудь ветру удается сорваться с цепи, и, пока он снова не попадет на цепь, по всей земле и происходят сильные бури и ураганы[199].

Немало суеверий было связано со смертью, покойниками, приготовлением к загробной жизни. Смерть считалась реальным

---

[193] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4.– СПб., 2008, стр. 155.

[194] Покроется инеем, заиндевеет *(прим. автора).*

[195] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости [рукопись], 1917 г. Из собрания Тотемского музейного объединения (н. а. № 13/2). С. 25.

[196] Рождественский пост, с 15 ноября по 24 декабря по ст. стилю *(прим. автора).*

[197] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 38.

[198] Евфимьева Н. Культ и народное сельское хозяйство [рукопись], 1925. Из собрания Тотемского музейного объединения (н. а. № 64). С. 43.

[199] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 38.

существом, хотя и невидимым. Имела образ страшных костей скелета с непременной принадлежностью – косой, которой она перерезала ту нить в человеке, которой прикрепляется душа к телу.

Крестьяне верили, что при рождении человека на небе появляется новая звездочка. Вместе со смертью человека падает на землю и его звезда. Поэтому многие при виде падающей звезды говорили: «Царствие небесное! – кто-то помер»[200]. В Спасской волости все, что оставалось от устройства гроба, т. е. щепки, стружки, гвозди, не сжигали, а складывали где-нибудь «на устороне» (в Калининской волости выбрасывали в реку), туда же бросали гребень, которым мертвеца причесывали, тряпку и мыло, которым его обмывали.[201]

Считалось, что если у покойника не закрыты глаза, или тело долго не коченеет, или останутся гвозди от гроба то это означает, что в доме скоро еще кто-то умрет.

Интересное поверье было записано в селе Брусенец: его жители, когда обрезали ногти, то обрезки собирали в одно место и хранили; а при погребении покойнику клали в гроб и его ногти, чтобы они помогли ему перебираться через какую-то высокую гору на том свете[202].

Предвестником смерти был и филин, прилетевший во двор, и собака, которая начинала выть поперек дороги, и зачесавшаяся переносица. Кроме того, запрещалось рубить дерево, посаженное руками человека: срубивший такое дерево непременно должен был в скором времени отправиться к праотцам.

С подобными суевериями иногда было связано даже переобустройство избы. Например, в Погорелове весь угол между лавкой и полом наглухо заделывали досками, т. к. считали, что если кошка будет лежать под лавкой в красном углу, то в семье обязательно кто-то умрет[203].

Ворохом поверий и магических обрядов было окутано такое важное в жизни каждого человека событие, как свадьба. Закономерно, что большинство магических действий были направлены на то, чтобы обеспечить новой семье безбедную жизнь, а для самих молодых важным было утвердить свое главенство в семействе. Считалось, что во время венчания тот, кто первый ступит на

---

[200] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 100.
[201] Иногда эти предметы клали в гроб *(прим. автора).*
[202] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 46.
[203] Там же. С. 366.

плат, подстилаемый молодым под ноги, тот и будет господствовать в супружеской жизни. Когда молодые ложились в постель, жена старалась перелезть через мужа, чтобы над ним верховодить. Верили, что если во время свадебного поезда будет сильная пурга – это к богатству и довольству супружеской жизни. Обеспечить богатую жизнь должна была и шуба, на которой сидели молодые во время свадебного пира, иногда под нее на лавку клали еще и серебряную монету.

В Миньковской волости, когда наряжали невесту к венцу, то за рубашку клали пряженик[204], краюшку хлеба, шерсть и лён, чтобы лучше родился хлеб и лён, и много было шерсти. После венчания невеста подавала пряженик свахе, и та старалась накормить им жениха, чтобы крепче любил жену. Волосы молодой после венчания тоже заплетали свахи. Верили, что если быстрей заплетали правую сторону – то муж будет в семье бо́льший (главный), а если левую – то жена[205].

В Шебеньге невесте в приданое никогда не давали кур. Верили, что если дадут курицу и она вскоре умрет – то это к счастью – хорошо заживут молодые и в семье будет лад, а если курица не умрет, то «распорхает» все житье и быть какой-нибудь беде[206].

В речь крестьян Тотемского уезда вплетались приговорки, призванные помочь. Встретившемуся по дороге желали: «Бог по пути» или «Скатертью дорога». Работающему говорили – «Бог на помочь» или «Божья помочь», или «Помогай бог», доящей женщине – «Море под коровой», стирающей и моющей женщине – «Бело мыть», рыбаку – «Клев на уду» или «Клев на рыбу». Когда пили вино перед пирогом с рыбой в присутствии наловившего ее человека, произносилось следующее: «Дай бог рыбаку на лов, а завидящему – глаза на лоб»[207]. При битье скота говорили: «Сахар мясо», и отвечали: «Сапай горстью»[208].

По свидетельствам респондентов, суеверия, обряды, заговоры стали стремительно исчезать из крестьянской жизни с приходом советской власти. Но несмотря на то, что долгие годы и церковь, и власть старались искоренить предрассудки из сознания человека, некоторые приметы и суеверия дожили и до наших дней.

---

[204] Сладкий пирожок, жареный в масле *(прим. автора).*

[205] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 344.

[206] Евфимьева Н. Этнографические записи из Шебенгской волости [рукопись], 1917. Из собрания Тотемского музейного объединения (н.а. № 13/2). С 35.

[207] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 42.

[208] Там же. С. 156.

Например, в источниках конца XIX – начала XX века встречаются следующие общеизвестные бытовые приметы. Кошка моется – к гостям. Ложка упадет – будет гостья, нож упадет – будет гость. Икается – где-то поминают добром или ругают. Поперхнуться во время еды – кто-то торопится. Если пойдешь куда-нибудь по делу и воротишься домой, забыв что-то – к неудаче. Соль просыпать – к ссоре. Кошка перебежит дорогу – к неудаче.

Несомненно, что в мире неопределенности суеверия действовали, как некий успокаивающий механизм. Они давали человеку иллюзию контроля над окружающим, ощущение безопасности и защищенности и в психологическом плане облегчали человеку существование. В целом, исследование народных суеверий Тотемского уезда способствует пониманию образа жизни крестьянина, его надежд и ожиданий, выявляет ценностные ориентации этой категории населения, подчеркивает важность отдельных сфер жизнедеятельности. Работа по исследованию суеверий требует продолжения. В дальнейшем необходимо систематизировать имеющуюся информацию по демонологии – верованиям в сверхъестественных существ.

Быков Александр Владимирович,
ООО «Центр краеведческих исследований «Пава»», г. Вологда

АЛЬБОМ НЕМЕЦКОГО ОХОТНИКА 1898–99 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX В.

Для жителей Западной Европы Россия была и остается страной-загадкой. Читая описания Московии XVI в., мемуары дипломатов и купцов, побывавших в Русском государстве в XVII–XVIII столетиях, не перестаешь удивляться их впечатлениям о жизни русских. Там и недоумение, и восхищение, и попытки понять, как же укротить эту огромную державу. Традиционно собрание таких сочинений называется «Rossica».

Девятнадцатый век не стал исключением – правда, к сочинениям, имеющим политическую подоплеку, добавились многочисленные частные воспоминания о поездках в тот или иной регион Российской империи, ценные описанием бытового материала.

После того как фотография в конце XIX в. стала общедоступным занятием, на смену рисункам художников пришли фотогра-

фические снимки. Они породили новое направление «Россики» – фотоиллюстрацию.

Представляем один из ранних известных источников такого плана – фотоальбом «Russland. 1898/99», посвященный путешествию по Вологодской губернии одного немецкого охотника.

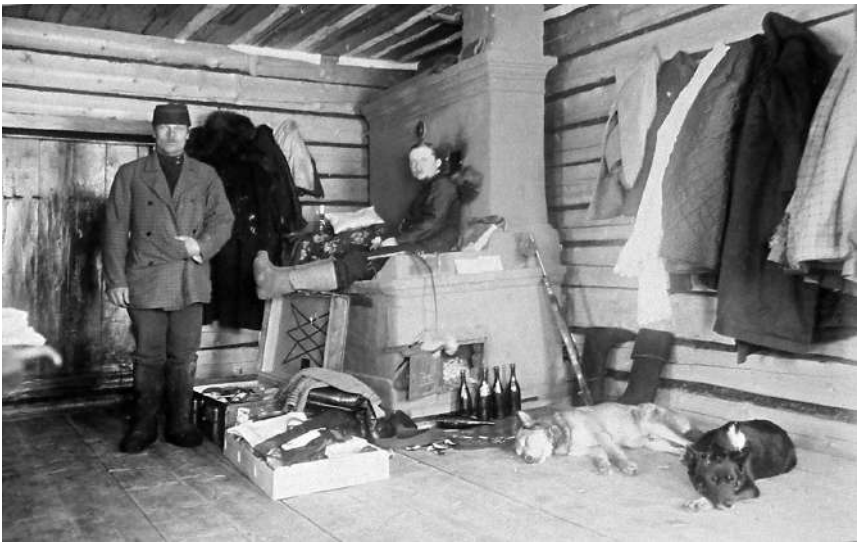
Оригинал альбома находится в Германии и неоднократно продавался на аукционах, все время увеличиваясь в цене. Выкупить этот ценный источник, оцененный владельцем в сумму 50 000 рублей, не представляется возможным, однако значительное количество снимков, помещенных в качестве иллюстрации к аукционному биду, позволяет узнать в общих чертах, что представляет из себя альбом и оценить значение фотографий как исторического источника, не нарушая владельческих прав обладателя.

Несколько слов о создателе альбома. Его звали Ролланд, в шутку на фото он именовал себя «oberfürsten», что можно перевести как «самый главный». Немец был не робкого десятка. Он приехал сюда, чтобы охотиться на медведя в берлоге с помощью традиционной «рогатины» – копья, которым кололи зверя. Это копье охотники называют «рожон». Русская пословица «лезть на рожон» – как раз по поводу этой смертельно опасной игры со зверем.

Как охотник Ролланд был удачлив. На фото из альбома запечатлены несколько трофеев германца, в основном некрупные медведи, которых ватага охотников добывала в берлогах. Немцу помогали русские мужики, и, судя по снимкам, между ними сложились почти дружеские отношения. Охота не медведя – это главная тема альбома, весьма интересный иллюстративный источник, где исследователь видит экипировку охотников, орудия промысла, способы транспортировки добытого зверя и другие важные детали, необходимые для исследования о русской зимней охоте.

Кроме этого, немецкий турист, по-другому квалифицировать поездку господина Ролланда нельзя, был увлечен познанием русской культуры. В альбоме немало фотографий фасадов и интерьеров крестьянских жилищ, церквей в различных частях Тотемского и Кадниковского уездов. В кадр попали уездная почта и железнодорожная станция.

Отдельным разделом в альбоме проходит еще одна «охота». Немца очень интересовали русские женщины, причем крестьянки, в своих традиционных костюмах. В альбоме есть несколько фотографий, где женщины разного возраста, но в основном, конечно, молодые, позируют фотографу в праздничной одежде на улице.

В интерьере крестьянской избы

Транспортировка убитого медведя

Крестьянки Тотемского уезда в праздничных костюмах около избы с поленницей

Можно детально рассмотреть особенности женского костюма разных волостей Тотемского уезда, где производилась съемка.

Бросается в глаза отсутствие традиционных головных уборов типа «сборник», «повойник» и девичьих повязок. Их заменили разноцветные платки. Традиционный «сарафанный» комплект еще повсеместно сохраняет свое присутствие. На одном из снимков виден даже зимний полосатый домотканый сарафан-«дольник», но это уже исключение из правила. Большинство крестьянок носят сарафаны из покупного материала различных ярких расцветок. Некоторые под сарафан надели нижнюю юбку с оборкой в тон.

Типы сарафанов различны. В основном это обычный «круглый», но у одной крестьянки сарафан на лифе, более характерный для соседнего Вельского уезда.

«Воротушки», надетые на крестьянках, ярких цветов с длинным или широким рукавом в три четверти и манжетами или рюшами на сборке. На всех женщинах – яркие ситцевые передники с фабричной набойкой. Обращает на себя внимание длина. Некоторые фартуки едва достигают колена, другие – чуть ниже. Это влияние городской моды. Женщины-отходницы, работавшие

в городах горничными, кухарками и прачками, по возвращении в деревню привозили свои городские наряды, которым местные начинали подражать. Правда, возможно, что длина передников была обусловлена и шириной покупной ткани, из которой кроили этот предмет костюма.

Такая мода продержалась недолго, в начале XX в. повсеместно в моду входят широкие и длинные белые передники с вышивкой и воланами. Они хорошо представлены в коллекциях музеев и на изобразительном материале 1900–1910 гг. Короткие фартуки из покупной ткани с набивным рисунком встречаются гораздо реже. Благодаря датировке альбома этнографы могут определенно конкретизировать время их бытования.

На фотографиях видим несколько видов поясов: традиционные браного ткачества, широко распространенные на севере, широкие, с поперечным линейным орнаментом «радужного» типа, распространенные в соседнем Великоустюгском уезде, широкие матерчатые «шитики» на пуговицах и даже кожаные пояса.

Несколько крестьянок обошлись вообще без пояса, ограничившись планкой-завязкой передника.

Две барышни, стремясь показать достаток, надели городское платье, но одна из них все-таки повязала традиционный широкий «устюгский» пояс с «полосатым» орнаментом.

Нелишним будет отметить наличие у некоторых крестьянок ниток различных бус – как городской бижутерии, так и натуральных «янтарей».

К сожалению, несколько важных «костюмных» фото из альбома в силу малого объема снимков оказались недоступны для увеличения. Наверняка они смогли бы дополнить уже имеющиеся сведения о местном женском костюме.

Наиболее пикантной частью альбома являются «эротические фото». Этот раздел после нашей публикации в «Живом Журнале» уже вызвал дискуссию в сети и полное неприятие со стороны ревнителей народной нравственности. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Видимо, немец был знатный «ходок» по женской части и настоял, чтобы в программу пребывания были включены и забавы другого рода. Фотографии позволяют реконструировать эти «игры».

Иностранец на улице усаживался на стул, и празднично одетые деревенские девки по одной подходили к нему, садились на колени для страстного поцелуя – наверняка не задаром! В альбоме нашлись несколько таких фотографий из разных деревень, что

Фрагмент целовального обряда, сценка «на коленях»

говорит о том, что развлечение было поставлено на широкую ногу. На память велось и фотографирование забавы. Мы не знаем, как долго вздыхал потом в Германии господин Ролланд, рассматривая эти фотографии, но полагаем, что они были очень важны для него. Обратимся к нескольким снимкам, наиболее характерным.

На одном из фото юная девушка в праздничном одеянии – сарафане с передником, сидит у заморского гостя на коленях, с интересом и без испуга смотрит на него.

Другое фото может повергнуть в шок ревнителей нравственности. Там снова наш германец, и у него на коленях очередная деревенская красавица. Он крепко сжал ее правую руку, не убежишь! Немного подвела техника. На длинной выдержке фотоаппарата девушка крутнула головой и частично смазала собственное изображение. Несмотря на это, кое-что все-таки можно разглядеть. Она без платка, в волосах гребенка, в косу заплетена лента. На барышне красивая цветастая рубашка-исподка с рукавом три четверти на сборке и красивыми цветами по фону – видимо, темно-красного или синего цвета. На шее у нее бусы, сарафан светлого ситца в цветочек, с оборкой по подолу, передник, контрастный к цвету сарафана: вероятно, красный в горошек, с красивым орнаментом в нижней части.

Слева от пары стоит группа девушек в праздничных нарядах, ждет своей очереди. Та, что слева, в белом фартуке, смеется, прикрыв ладонью лицо. Она следующая в очереди целоваться. Другие крестьянки, в том числе и постарше, с удивлением разглядывают причуды немецкого охотника. Вид у них весьма довольный, у некоторых на лице любопытство.

Ревнители нравственности могут не волноваться. Вся процедура происходила с ведома и под контролем мужиков и женщин старшего возраста и восходит к древней традиции, когда жена или дочь хозяина дома подносили гостю хмельного кваса и в ответ, с благодарностью за уважение, тот лобызал подавальщицу в уста и одаривал серебром. В данном случае мир принял барскую потеху именно в этом ключе, да и девушки смогли заработать себе на «конфекты». Ничего против устоев здесь не усматривали, но и сами устои уже были далеки от традиционного понимания. В поддержку этого тезиса мы отправляем желающих к чтению мемуаров северного крестьянина И. А. Юрова, изданных в Ярославле в 2017 г.

Для усиления впечатления от фотографий нами, используя современные технологии, была проведена раскраска нескольких снимков. Эффект превзошел все ожидания. Кроме усиления общего впечатления от цветной картинки, стали видны многие важные детали костюма, совершенно незаметные на черно-белом изображении. В будущем мы планируем опубликовать по возможности полно в монохромном и цветном вариантах снимки из альбома германца Ролланда, обогатив исследователей Русского Севера еще одним уникальным историческим источником.

Андреева Елена Павловна,
ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

НАИМЕНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ И НАДВОРНЫХ ПОСТРОЕК В ТОТЕМСКИХ ГОВОРАХ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье описывается лексика тотемских говоров, позволяющая судить о самобытности материальной культуры Русского Севера. В качестве основного источника работы использу-

ются Словарь вологодских говоров (далее СВГ)[209] и его картотека (далее КСВГ), достаточно полно отражающие специфику тотемских говоров. О полноте и достоверности привлеченного к анализу материала свидетельствует то, что вологодскими диалектологами было обследовано более 70 населенных пунктов Тотемского района. В качестве дополнительного источника привлекался Словарь вологодского режского говора (далее СРГ)[210], который фиксирует диалектную лексику Режи – сельского поселения Сямженского района, непосредственно граничащего с тотемскими говорами.

Выбранный аспект описания обусловлен как характером самого языкового материала, так и тем, что этнолингвистика, по словам Н. И. Толстого, ориентирует «исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции»[211]. Архаичный характер тотемских говоров позволяет утверждать, что диалектные названия хозяйственных помещений и надворных построек содержат ценную лингвоэтнографическую информацию, которая отчасти дополняет исследования историков и этнографов.

Как известно, одной из характерных черт севернорусской крестьянской усадьбы являлось наличие единой крыши для избы и хозяйственных построек, что обусловлено влиянием природно-климатических условий. И. В. Власова указывает время появления такого типа жилищ: «судя по документам начала XVII в., на Севере появились крытые кровлями дворы и началось «объединение» всех строений двора. К концу XVII в. окончательно сложилась севернорусская крестьянская усадьба – комплекс избы с крытым двухэтажным двором под единой крышей»[212]. Обратимся к данным тотемских говоров.

В составе анализируемой группы прежде всего выделяется частотное многозначное слово *двор*. Интерес представляют такие значения слова в русском литературном языке, как ‘крестьянский

---

[209] Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вып. 1–12.– Вологда: ВГПИ/ ВГПУ, 1983–2007.

[210] Словарь вологодского режского говора. / Научный редактор Л. Ю. Зорина; Мин-во образования и науки РФ, Вологод. гос. ун-т.– Вологда: ВоГУ, 2017.– 604 с.

[211] Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.– Москва: Индрик, 1995.– С. 27.

[212] Власова И. В. Типы жилых и хозяйственных построек XVI–XVIII вв. // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX веков.– Москва: Наука, 2001. С. 4.

дом со всеми хозяйственными постройками'; 'отдельное крестьянское хозяйство'[213]. Согласно данным Словаря русского языка XI–XVII вв., лексема *дворъ* в этих значениях отмечена в древнерусских памятниках, первая фиксация датируется XII в.[214] Более позднее значение – 'помещение, постройка для скота, хозяйственного инвентаря и т. п.' также является общерусским и фиксируется толковыми словарями современного литературного языка.

Продолжая наблюдения над историей слова *двор*, отметим его использование в тотемских памятниках деловой письменности: *СЪкли у двора дрова дворовые и в полинницы склали итог дали от сЪчи и от клажи шестнатцать алтын*. Кн. уч. Тот. пр. 1606 – ДПРС I, 48.[215] Как видим, анализируемое слово в значении 'огороженный участок земли с комплексом жилых и хозяйственных построек, расположенных на нем' известно тотемским говорам уже в начале XVII в. На фоне приведенных общерусских значений можно проследить формирование диалектной семантики слова. В вологодских говорах наблюдается дальнейшее сужение значения отмеченной лексемы, о чем свидетельствуют факты СВГ. Так, в тотемских говорах *двор* обозначает не отдельную постройку для скота и хозяйственных нужд, а 'часть крестьянского дома, где расположены хлев, кладовая, поветь и др.': *Мамка-то где? – Во дворе. Она пошла на двор корову управлять. Тот. Погор.* [КСВГ].

О. Н. Мораховская, исследуя семантическую структуру слова *двор*, выделяет 25 значений, которые возникают в результате развития семантики в направлении от общего к частному, детализации значения лексемы[216]. Об этом процессе свидетельствуют и данные тотемских говоров. При этом в контекстах, зафиксированных в СВГ, анализируемое слово нередко сохраняет такие архаичные черты, как синкретизм, диффузность значения.

Важно, что в русском народном сознании *двор* осмысливался и как сакральное место, где обитает мифологический персонаж – *дворовой*, *дворовушка*, от которого зависит благополучие скота. Об этом свидетельствуют данные вологодских говоров. Существовали особые правила, регламентирующие отношения с нечистой силой: *Прежде чем корову-то привести, дак нужно дворовушку*

---

[213] Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньева]. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1. С. 370.

[214] Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 4.– Москва: Наука, 1977, с. 190.

[215] Картотека Словаря промысловой лексики Северо-Восточной Руси XV–XVII вв.

[216] Мораховская О. Н. Крестьянский двор. История названия усадебных участков.– Москва: Наука, 1996.– 200 с.

задобрить. Влгд. [КСВГ]. Интерес представляют глаголы, образованные от слова *двор*, – *водвореть / водворить* в значении ‘совершать / совершить обряд введения нового животного в хлев’. *Корова родит телёнчика, надо его водворить. Водвореют скотину, дак уж обязательно кланеются в три уголка подклети, приговаривают: «Батюшко-доброходушко, матушка-доброхотница, примите мою животинку в чесь и радось. Сямж. Монаст.* [СРГ, с. 29–30].

В тотемских говорах употребляется и слово *зады*, внутренняя форма которого указывает на расположение хозяйственных помещений, расположенных в крестьянском дворе: *У нас хлев для овец, а коровы, лошади в задах. Тот. Погор.* Аналогичное значение указанных диалектных лексем известно и другим вологодским говорам: *Завела двор – зады. Во дворе хлев про мелкую скотину, про телёноцкя и про овець. Хар. Насон.* [СВГ, вып. 2, с. 11].

Частотным в тотемских говорах является общерусское слово *хлев* ‘специальное помещение для домашнего скота’. В хлеву размещались, как правило, некрупные животные: овцы, свиньи, телята. Показателен контекст: *Мы в передах* <‘передняя часть крестьянского дома, выходящая окнами на улицу’> *жили, а скотина в хлеву. Тот. Х*лев, как и другие хозяйственные постройки, находился в задней части дома. Его расположение внутри двора, нежилой части крестьянского дома, зависело от типа постройки. Так, в Сямженском районе Вологодской области записан контекст: *Лошади не в хлевах, в серёдке жили. Двор всегда бывает в серёдке, не на задах, а хлевы на задах. На дворе лошади, вверху сарай – повить, над ней грядки с сеном до самой крыши. Сейчас на дворе дрова и прочий хлам. И дом делал, и зад.* Сямж. Монаст. В Кирилловском районе отмечается иное расположение этого помещения: *У меня-то зад по-за хлеву. Кир. Ферап.*

Внутри хлева могли быть перегородки, о чем свидетельствуют слова *стая*, *стайка* в значении ‘отгороженные места в хлеву для коровы, овцы или других домашних животных’: *У меня в хлеву овцы в одной стае живут, а корова в другой. Тот. Погор.* Другое значение этих лексем – ‘летняя пристройка к крестьянскому дому, где стоял домашний скот или хранился хозяйственный инвентарь’: *В стае корова летом стоит. Это рядом с домом. Тот. Коров.* Согласно данным СлРЯ XI–XVII вв., лексема *стая* в значении ‘загон для скота; постройка для скота’ употреблялась уже в древнерусском языке[217].

[217] Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 28.– Москва: Наука, 2008. С. 37.

Помещение для скота в тотемских говорах номинируются и словами *скотня*, *скотуха.* Эти лексемы имеют прозрачную внутреннюю форму, в качестве мотивировочного признака выступает указание на назначение помещения. Однако единичные фиксации этих лексем в Словаре вологодских говоров и недостаточно информативные контексты не дают возможность детально охарактеризовать реалию: *Скотня летом пустая стоит: коровы на дворе*. Тот. Лев. Вероятно, анализируемые слова имеют то же значение, что и *скотнюха* ‘пристройка к крестьянской избе, отапливаемая беструбной печью и используемая для содержания скота’ [СВГ, вып. 10, с. 30–31]. Словарь русских народных говоров указывает, что эти лексемы известны не только тотемским говорам, но и ярославским, архангельским, примеры употребления слов не приводятся, что косвенно свидетельствует о низкой частотности этих лексем [СРНГ, вып. 38, с. 118].

По-видимому, в нижнем нежилом ярусе крестьянского дома располагалось помещение для зимнего хранения ульев с пчелами, о чем свидетельствует известное тотемским говорам слово *мшальник*: *Улья где держат, так называется мшальник. Тот. Погор.* [КСВГ]. В других русских говорах в этом значении употребляется однокоренное слова *мшаник.* [СРНГ, вып. 19, с. 47].

И. В. Власова отмечает, что «хозяйственный двор всех типов изб на Севере был двухэтажным, наверху помещался сеновал и чуланы-клети для хранения различных вещей, внизу – теплые хлева, конюшни»[218]. Об этом свидетельствуют и языковые факты. В тотемских говорах для обозначения ‘верхнего помещения над двором, используемого для сена, соломы, хозяйственного инвентаря’ употреблялось слово *поветь*: *Девки, помогите мне на поветь сходить, надо муку принести*. Тот. Мос. Другое значение этого слова – ‘сени в избе’: *Я вышла на поветь, а он там и стоит.* Тот. [КСВГ]. Помещение для хранения сена в нежилой части избы могло обозначаться также лексемами *сенница, сарай*: *На сенницу всё сено-то и ложили. Тот. Б. Горох. Сено-то мы на сарае храним. Тот. Мос.* В отмеченном значении данные слова широко использовались и в других вологодских говорах: *За год-от синничу несколько раз заполняём, скота-то много. Баб. Дем. Погост. Сена-то корове спусти с сарая. Баб. Кокш. Вон наверху сарай, к нему мост специальный вёл, на лошаде туда заезжали. Кир. Ферап.* [СВГ, вып. 9, с. 122; КСВГ].

---

[218] Власова И. В. Северное жилище XIX – начала XX в. // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX веков.– Москва: Наука, 2001. С. 226.

Помимо сеновала в этой части крестьянского дома находилось отдельное помещение, комната, служащая для хранения вещей и продуктов, а летом используемая в качестве спальни, – *клеть*. Слово *клеть* широко употребляется в современных вологодских говорах, в том числе в тотемских. Подробное описание реалии дается в следующем контексте, зафиксированном в СРГ: *У нас ведь зовут подклет, потому что на сарае ставили клеть, а поднизом жила скотина. Клеть на сарае в любом углу вырубается, комнатка такая, вроде цюлана, как будто банька такая. Она уж рубится вместе с сараем. В эту клеть и двери у неё есть, там хранят муку, мясо. Сямж. Монаст.* [СРГ, с. 193]. Данное слово фиксируется в древнерусских памятниках XI–XII вв.[219] Встречается лексема *клеть* в значении 'неотапливаемая бревенчатая или дощатая жилая постройка' и в старорусских тотемских источниках: *Да на монастыре клеть с сеньми. Гр. Тот. XVI в. – Тотьма I, 204.*[220]

В верхнюю часть крытого хозяйственного двора вел помост, покатый настил из бревен. Для его наименования в вологодских говорах, в том числе и тотемских, использовались отглагольные существительные *взвоз, зъезд, зъес и съезд*: *Дедко, сходи-ко пополадь взвоз. Тот. Не каждая лошадь на взвоз-от быстро взойдёт. Тарн. Ковриж. Сено-то поднимали по зъезду, прямо на лошаде и заезжают. В-У. Никул. Прямо по зъесу на лошади на сарай заезжали, лошадь по зъесу пройдёт и не заденет ницего. Хар. Никул. При дворе зъезд устраивали. Межд. Дор. Я сегодня со съезда-то свалилась, дак уж вся испобивалась. Вож. Заб.* [СВГ, вып. 1, с. 69; вып. 2, с. 180; вып. 10, с. 174].

Помимо слов, которые номинируют помещения, расположенные в нежилом пространстве избы, обратим внимание на названия отдельных пристроек к крестьянскому дому. Как правило, все эти лексемы имеют прозрачную внутреннюю форму: *придворник* 'пристройка к крестьянскому дому, обычно сзади или сбоку, для хранения дров, сена, хозяйственного инвентаря' *(Я пойду старьё вынесу в придворник. Тот. Погор.)*, *санник* 'пристройка к боковой или задней стене дома для различных хозяйственных принадлежностей или в летнее время для домашнего скота' *(Санник сами уж приделали, а так было без него. Тот. Б. Горох)*, *заслон* 'крытая пристройка к дому, в которой хранят дрова, орудия труда' *(Теперь у него новый заслон построен. Старый совсем сгнил. Тот. Слоб.)*, *мякинница* 'помещение,

[219] Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 7.– Москва: Наука, 1980. С. 168.

[220] Словарь промысловой лексики Северо-Восточной Руси XV–XVII вв. Вып. 2/ Ред. Ю.И. Чайкина.– Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. С. 52.

пристройка для хранения мякины, соломы', [СВГ, вып. 8, с. 46; вып. 9, с. 92; КСВГ; вып. 5, с. 15]. Некоторые из таких слов в тотемских говорах являются многозначными. Так, слово *закрылина* обозначает в одних населенных пунктах Тотемского района 'крыша на столбах или иных опорах для защиты от непогоды; навес' *(Я вот двор-от сломала да закрылину и поставила. Тот. Антуш. Сено-то надо под закрылину сносить. Тот. Бор.),* в других – 'помещение для хранения инвентаря, сарай' (Гли-ко, у Фетюнишны какая большая закрылина. Тот. Б. Горох. В закрылину-то натаскаешь, дак ничего, стоит и дожжом не мочит. Тот. Б. Горох.) [СВГ, вып. 2, с. 125].

В заключение отметим, что данные тотемских говоров в сопоставлении с фактами старорусских памятников деловой письменности и этнографическими исследованиями позволяют проследить функционирование слов как в синхронии, так и в диахронии. История анализируемых слов, широко распространённых в тотемских говорах, подтверждает утверждение О. Н. Мораховской о том, что диалектные различия находятся в прямой зависимости от внеязыковой действительности, то есть от различий собственно этнографических, от различий в самом устройстве крестьянской усадьбы[221]. Лексические данные говоров показывают, что в Тотемском районе в XX в. сохраняется архаичный тип крестьянской усадьбы, характерной особенностью которого является наличие единого комплекса, состоящего из жилого помещения и хозяйственных построек. Специфика семантики рассмотренных слов, а именно ее синкретизм, диффузность, объясняет то, что они свободно развивают производные значения и служат для номинации новых реалий. Для большей части слов, входящих в состав группы «Наименования хозяйственных помещений и надворных построек», характерна прозрачная внутренняя форма. В качестве продуктивных мотивировочных признаков, используемых в процессе номинации нежилого пространства крестьянского дома, выделяются следующие: 'местоположение помещения' *(перед, переды*, *серёдка*, *зады, придворник)*, 'назначение' *(скотня, сенница, сеновня, мякинница)*, 'место действия' *(взвоз, зъезд, зъес, съезд)*, 'форма денотата' *(закрылина)*.

[221] Мораховская О. Н. Сопоставление лингвистических и этнографических ареалов для уточнения значения слов // Диалектология и лингвогеография русского языка. Москва: Наука, 1981.– С. 132–137.

Иванова Елена Николаевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ МЕТЕОРОЛОГИИ В ГОВОРЕ РЕЖИ

В статье дано этнолингвистическое описание метеорологической лексики в говоре Режского поселения Сямженского района. Деревни поселения (Гридино, Колтыриха, Коробицыно, Монастырская, Рассохино и др.) расположены по течению реки Режи, притока реки Ваги. В исторических источниках Режа и её центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI века. До 1935 года Режа входила в состав Тотемского уезда. В силу значительной удалённости деревень от административных центров, а также из-за отсутствия до 90-х годов XX века приемлемого транспортного сообщения, «сельские жители обитали здесь практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора» [Зорина, 2015: 9]. В 80-е – 90-е годы студентами и преподавателями ВГПИ (ВГПУ) здесь было записано около 120 диалектных слов, называющих явления природы. Эти слова представлены в Словаре вологодского режского говора [СВРГ], который был издан на кафедре русского языка Вологодского государственного университета в 2017 году.

Процессы, происходящие в природе, оказывают непосредственное влияние на жизнь северного крестьянина. В говоре Режи отражаются многовековые наблюдения за особенностями погоды, в памяти сельских жителей до сих пор сохраняются народные приметы: *Осенью погода на семёре едет: с вечера хорошая погода, проснёмся – дожж. Потом снова хорошая погода. Монаст.; Дожж, верно, будет: перевалушки дожьжёвые идут. Грид.; Сегодня сухорос – дождь будет. Монаст. (сухорос* ‘отсутствие росы по утрам при хорошей погоде’*); Сидоры прошли, дак и сиверы прошли. Монаст. (сивер* ‘холодная погода с северным ветром’*); Как большой иней утром, так бабушка сказывала: «Вот уж, деушки, седой старик приехал. Видно, скоро холода». Монаст.*

Как отмечает Т. В. Горячева, такие понятия, как зима и лето, по-разному выражены в народной речи и в литературном языке [Горячева 1974]. По мнению исследователя, в литературном языке это противопоставление существует на уровне оппозиций *мороз – жара, холодно – тепло, снег – дождь*, в говорах противопоставление *зима – лето* включает большее количество слов.

Рассмотрим лексику, входящую в тематическую группу «Летняя погода». Данная группа представлена несколькими подгруппами, из которых самой многочисленной является подгруппа «Дождь». В говоре Режи зафиксированы наименования сильного, проливного дождя и мелкого, частого дождя, свое название получил кратковременный дождь и дождь в солнечную погоду.

В наименованиях разновидностей дождя отражается определенный образ, вызываемый у человека этим природным явлением. В говоре Режи мелкий, частый дождь – *морок, морох, морозга (Надолго, видать, заладил морок-от, надолго. Грибов-от в лесу после морока бывает. Монаст., Морох так гораздо хуже сильного дождя, моросит да моросит. Монаст., Это морозга идёт. Пошла морозга, дак как сито, уж весь день морошит. Грид. Моросеет уж дождь-то, или скажут: морозга. Монаст.).*

Существительные *морок, морох, морозга* исторически восходят к тому же корню, что и слова *мрак, мерцать, меркнуть*. Моросящий дождь сравнивается с туманом, мглой, сумерками. Такой дождь не идет, не льется, он *морозжит (Это морозга идёт, пошла морозга, дак как сито уж весь день морозжит. Грид.), моросеет (Моросеет уж дождь-то. Вон вишь моросеет, так дремлется к дождику. Монаст.), морошит (Это морозга идёт. Пошла морозга, дак как сито, уж весь день морошит. Грид.).*

С этими глаголами связано слово категории состояния, обозначающее пасмурную, ненастную погоду: *морочать (Я утром встала, а уж мороцяёт. Не будет греби, верно. Грид. Морочает, морочает, а дождь не излажается. Монаст.).* Для наименования дождливой, ненастной погоды также используется словосочетание *морочная погода (Плохая погода, как морох, всё морошная. Монаст. Вот то дождик, то поперестанет – вот эдакую-то погоду и называют морошная. Монаст.).*

Мелкий, частый дождь сравнивают с мукой, просеянной через сито. В вологодских говорах моросящий дождь – *бус, бусенец* [СВГ 1: 27] (*бус* ‘мучная пыль’ [СГРС 1: 181]). Диалектные слова *ситула* ‘мелкий дождь’ [СВГ 10: 12], *ситуха* ‘мелкий дождь’ [СВГ 10: 13] исторически образованы от существительного *сито* [Фасмер 3: 628]. Как отмечает М. М. Кондратенко, представление о моросящем дожде как о «сеющем» получило отражение в лексике не только русских говоров, но и диалектов других славянских языков.[222]

[222] Кондратенко М. М. Лексика народной метеорологии в славянских языках: автореф. дисс. канд. филол. наук.– М., 1994. С. 5.

Мельчайшие частицы воды также могут сравниваться с пылью, сажей, оседающей на поверхностях: *копоть* ‘мелкая дождевая пыль’ *(Ишь, дожж-то, нани с копотью, туда-то гляди, дак ровно чад. Ну и дожж! Монаст. Много и дожжа-то не было, с копотью нани. Монаст.).*

В вологодских говорах проливной дождь – *заливень* [СВГ 2: 150], *лея* [СВГ 4: 41]. В говоре Режи для наименования сильного, проливного дождя используются словосочетания *заливный дождь (КоУда заливной дождь, воды много. Грид.), хлёсткий дождь (Дождь-от какой хлёсткий на улице! Монаст.).* Сильный, но быстропроходящий дождь – *перевальный дождь (Пошёл перевальный дожж – пошёл, прогремело, вылило за пять минут. Временный дак перевальный. Грид.). Грибовный дождь* – дождь, идущий при солнце, после которого, по народным поверьям, хорошо растут грибы *(Если из грибов, дак грибовной. И дождь грибовной. Монаст.).*

Названия дождя могут отражать и его отрицательные последствия для сельских жителей: дождь во время сенокоса – *сеногной (Мелкий доши моросит неделю, всё сырое делается, это и есь сеногной. Грид. Сеногной как что? Дошш такой зовут. Сено-то не посушишь. Дошш, а потом тепло, пар, дак какое сено посушишь. Монаст.).*

Охарактеризуем лексику, входящую в подгруппу «Облака, тучи». В говоре Режи существительное *морок* используется для наименования не только мелкого, частого дождя, но и низких слоистых облаков, в которых образуется моросящий дождь *(Морок перед дождём, а перед грозой морока нет, там тучи. Сямж. Монаст.).* От существительного *морок* в значении ‘скопление низких слоистых облаков’ образованы глаголы *морочать*, *заморочать* ‘затянуться, покрыться облаками’ *(Небо-то, погли, заморочало, поди, дождь будет. Монаст. Давече заморочало всё небо, дак мы уж думали, что гроза хорошая будет. Монаст. Замороцеет. Дожжа ждём, а сколь уж раз росходилось. Монаст.).*

В вологодских говорах сохраняется древнее восточнославянское название облака *оболок (оболоко* в форме среднего рода) [СВГ 5: 125]. Тот же корень имеют глаголы со значением ‘заволакивать, закрывать тучами’: *заболокать, заболочать, заоболачивать, заоболакивать (Девки, всё опеть заболокает, дожж, поди, срядится. Рам. В бане-то, поди, было тёмно мыться-то: с той-то стороны заболочало дак. Рам. Чего-то стало заоболачивать. Можёт, к вечеру и помочит. Вчера всё заоболачивало, а дожжа так и не было. На небе заоболачивает, да и прохладно стало. Монаст.).*

Кучево-дождевое облако, появление которого обычно предшествует грозе – *перевала, перевалка (Эдакая перевала опеть, дак*

какоё вёдро! Через день да кажный день перевала да перевала. Монаст. Может, день-то выстоит? Да нет, вон синё идёт. Перевала ишь поднимается. Грид. Пошли капусту чистить – погремливало, погремливало. Думали: пройдёт, а от Коробицына такая перевалка идёт, запокапывало, дак и побежали домой. Монаст.). Существительное *перевала* в говоре Режи обозначает и саму грозу: *У нас в деревне перевала была – у мужика телевизор сгорел. Монаст. В одном месте перевала эдакая была, что дома выворочало, ветер, погода эдакая была – кусты вырывало. Монаст.* Внутренняя форма слова отражает кратковременность грозы: гроза, как правило, быстро движется и занимает небольшую территорию.

В говоре Режи молния не *сверкает*, а *воссияет (Сначала обычно молнии воссияют, а потом и гром услышишь. Монаст. Вон как вчера в небе воссияло, так и осветилось всё. Монаст.).* Использование глаголов с церковнославянской приставкой *вос-*, вероятно, связано с народным представлением о молнии как о карающей силе, орудии Бога *(Бог на колеснице едет – и завоссияло. Монаст.).*

Как отмечает О. В. Белова, в христианизированных легендах о борьбе Бога и сатаны Бог или его помощники поражают дьявола молниями – огненными стрелами.[223] В говоре Режи находят отражение представления о молнии как об огненной стреле: *Сгремело, вышла стрела, дак и загорелось что-то. Бог на колеснице издит, торкают у неё колёса. Грид.* Молния, которая сопровождается тихим громом и имеет сферическую форму, – *огненная (Как не огненная, так она вылетит, и ничего. А как огненная, дак она как даст и сразу убьёт. Монаст. В грозу я, девки, больше всего огненной боялась. Уж как сверкать начнёт да огненная ударит, уж обязательно кого-нибудь убьёт. Монаст.).*

В вологодских говорах сохраняется слово *вёдро*, древнее общеславянское название ясной погоды: *Сегодня вёдро, можно сено грести. Монаст.* Для обозначения солнечной погоды в говоре Режи используются слова с корнем *-крас-*: *красовитый* ‘ясный, солнечный’ *(Утро красовитое, так и день хорошой будет, погода-то красовитая летось стояла. Монаст. Покудова погода-то красовитая, все сено заготовляют. Монаст.); красиво, красовито* ‘солнечно, ясно’ *(Было бы красиво на улице, подоле бы погостила. Монаст. Не было дожжа, дак красовито было. Колтыр. Сегодня не больно красовито, вцера день быУ лучче. Монаст.).*

---

[223] Белова О. В. Молния // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т.– Т. 3.– М., 1995.– С. 280–282.

В лексике режского говора нашли отражение процессы изменения погоды: *постановиться* ‘установиться, улучшиться (о погоде)’ *(КоУды погода постановится, пойдём угребать сено. Монаст.), свергнуться* ‘испортиться, перемениться (о погоде)’ *(Погода-то хорошая-хорошая, да и свергнется, дождь пойдёт. Монаст.).*

Рассмотрим слова, относящиеся к тематической группе «Зимняя погода». Данная группа включает несколько подгрупп: «Снег», «Лед», «Иней». В литературном языке отсутствует специальное слово для обозначения снега, выпавшего весной уже после обильного таяния снега. В говоре Режи такой снег – *подзимок (Когда уж тает, да ешчо снег валит, дак это называется подзимок. Монаст.).* Есть особое название и для пушистых хлопьев снега – *ляпухи (Слеця летит, слякоть пошла, мокрый снег. Как пошла ляпухами, сляка зовут ещё. Грид.)*.

Мокрый снег с дождем – *слеча, сляча, слякость (Чем выше подтон, тем лучше: при слече – осеннем ненастье – вода не подмочит сено. Грид. КоУда снег сырой валится, то слякось. Грид. На улице-то слеча идёт, а после слечи может быть один дожж или один снег. Монаст.).* В говоре Режи для обозначения сырого снегопада используется слово *юста (Как юста пойдёт, снег с водой, так сразу и грязь и вода на улице. Копыл. Без юсты не едный год не обходится, всякую осень бывает. Копыл.).* Это слово также может обозначать выпавший сырой снег *(Юста выпадёт – идёшь и проваливаёшься. Это вода и снег, всё вмисте. Юста у нас бывает цястенько. И зимой юста навалит, бывает. Робетишка которые, дак так и ходят по юсте в сапогах. Грид.)* или снежную кашу *(У нас на Новый год балуют: палку в дверину сунут, дрова раскатают. Хорош или плох хозяин, всё равно юстой двери заляпают – на морозе она замерзнет. Грид.).*

В говоре отмечены слова, называющие ледяные образования: *ледень* ‘сосулька’ (*Ледни, леденье. Кто как назовёт. Грид.); леденьё* ‘сосульки’ *(Во Введенье ломать леденье. Монаст.); глиба* ‘льдина’ (*Глибы по реке идут, это весной уж. Монаст. Глиба скажут, льдина. Монаст.); наледица* ‘гололедица’ *(А как без наледицы-то? Растаёт да замерзнет, вот тебе и скользко, вот и наледица. Монаст. Наледицы не было, дак в Вологду и поехали оне, как автобус стал ходить. Монаст.).* Существительное *наледица* также употребляется в значении ‘первый тонкий лед в период ледостава’ *(Когда первый ледок, говорят наледиця. Монаст. Наледица доУго не бывает, когда осень тёплая. Монаст.).*

В говоре Режи восточнославянское слово *шорох* называет мелкий рыхлый лед, который появляется перед ледоставом или идет

весной во время ледохода *(Лёд прошёУ, тёплая погода, потом раз – и застываёт, и пошёл шорох – меУкий-меУкий ледок. Мне морду не выташшыть из воды, в ней тонна шороху, можно морду изорвать. Зовут ещё шуга. Грид. Шорох и весной бывает, это когда ледок несёт. Придёшь в обед к реке, а она полная шороху, и рыбу не половить. Рассох.).*

В севернорусских говорах, в том числе и в вологодских, для обозначения инея используется существительное *куржа*. В говоре Режи зафиксированы ее производные, имеющие то же значение: *куржевина, куржовина, куржевятина (Закуржевала – это значит с тёплой погоды да холод пришёл, и куржевина, иней на кустах. Рассох. Ой, куржовина какая в коридоре, иней то есть. И потолок весь в куржовине. Монаст. Мороз, дак всё около двери куржеветиной покроется. Если двери хорошо законопатить, дак не будет куржеветины. Монаст.).* Корень *-курж-* имеют глаголы со значением ‘покрыться инеем, заиндеветь’: *окуржеветь, закуржевать, закуржеветь (Пойдёшь в холод да и окуржёвеешь. Монаст. Закуржевала – это значит с тёплой погоды да холод пришёл, и куржевина, иней на кустах. Рассох. Закуржёвел весь угол: видно, тепло идёт. Монаст. Вся подволока закуржёвела. Монаст.).*

Таким образом, лексика народной метеорологии является важной составной частью говора Режи. Внутренняя форма слов, обозначающих явления природы, дает представления о своеобразии взглядов северного крестьянина на окружающий мир.

Сокращения

Грид. – д. Гридино
Колтыр. – д. Колтыриха
Монаст. – д. Монастырская
Рам. – д. Раменье

Использованные словари

СВГ – Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной.– Вып. 1–12.– Вологда, 1983–2007.

СВРГ – Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / словарь / научный редактор Л. Ю. Зорина.– Вологда: ВоГУ, 2017.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева.– Т. 1–4.– Екатеринбург, 2001–2009.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.– Т. 1–4.– М., 2003.

Кузнецова Светлана Васильевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ З. Н. МАЛЬЦЕВОЙ, ПЕРВОГО ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ПРИРОДЫ ТОТЕМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

История становления и развития Тотемского краеведческого музея тесно переплетается с людскими судьбами, жизненный путь которых на протяжении десятилетий был неразрывно связан с эволюцией местного краеведения. Первый директор тотемского музея Н. А. Черницын долгие годы, являясь его руководителем, одновременно совмещал и должность научного сотрудника, единственного на тот момент в штате музея. В 30-е годы XX века на музей было обращено серьёзное внимание и его штат увеличивается до одиннадцати человек. Именно тогда в стенах музея появилась Зоя Николаевна Мальцева, посвятившая всю свою жизнь музейному делу в Тотьме. 14 августа 1938 года согласно приказу № 140 РОНО она была принята на работу в Тотемский музей имени А. Луначарского заведующей отделом природы[224].

З. Н. Мальцева в молодости (1930-е гг.)

Зоя Николаевна родилась в семье русского военнослужащего Николая Александровича Мальцева и шведки по национальности Сигне-Марии Юслин 17 ноября 1917 года в городе Вааса в Финляндии. Рассматривая фотографии из фамильного архива, на первый взгляд может показаться, что это была счастливая семья, но не многие знают, через какие испытания пришлось пройти этим людям.

Николай Александрович, отец Зои Николаевны, родился в деревне Брюхачиха Пятовской волости Тотемского уезда Вологодской губернии 4 ноября 1889 года. Он был выходцем из крестьян-середняков, по профессии – лесовод. Военную службу проходил

[224] Книга приказов по Тотемскому музею им. А. В. Луначарского за 1932–1939 гг.

во II Петроградском Пограничном конном Дивизионе. 13 августа 1916 года по делам службы был командирован в город Таммерфорс (Тампере, Финляндия). В Финляндии он и познакомился со своей будущей женой Сигне-Марией Юслин, воспитанной отцом-ремесленником и бабушкой (мать Сигне рано умерла). О полученном образовании девушки известно, что она закончила 8 классов школы и обучалась на курсах ведения домашнего хозяйства. В феврале 1917 года молодая пара заключила брак, а в июне 1918 года семья переехала на постоянное место жительства в Россию. Николай привез жену и дочь на родину, в Тотьму. 2 мая 1920 года у Мальцевых родилась вторая дочь – Маргарита. Семья обосновалась в Тотьме по адресу улица Гражданская, дом 1 (ныне улица Бабушкина, дом 5). Сигне занималась воспитанием детей и вела домашнее хозяйство. Николай работал лесничим, преподавателем в Лесной школе на Десятине, плановиком-экономистом в Тотемском леспромхозе, обеспечивая семью финансово, пока…

Пока в их дом не постучались сотрудники Тотемского районного отдела милиции. 10 июня 1933 года Н. А. Мальцева забирают под стражу. А 3 марта 1934 года он был осуждён коллегией ОГПУ по ст. 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. После ареста мужа Сигне-Мария перенесла острое психическое расстройство и попала в больницу. Впоследствии признаки нервно-психической неуравновешенности у неё повторялись неоднократно.

20 июля 1938 года в дом к Сигне-Марии Мальцевой вновь пришли сотрудники тотемского РОМ (районный отдел милиции) и провели обыск. Из протокола обыска: «Гражданка Мальцева Мария Ивановна задержана. По описи изъято: 1. Паспорт № 654419, 2. Разной переписки – 4 штуки». До 10 мая 1939 года Мальцева Мария Ивановна содержалась в Тотемской тюрьме УНКВД по Вологодской области, после чего была освобождена из-под стражи после прекращения её дела. Николай Александрович вернулся в Тотьму лишь в 1945 году.

23 февраля 1951 года в доме Мальцевых вновь был обыск (обыск длился 3,5 часа), Николая Александровича задержали и взяли под стражу. При обыске были изъяты паспорт, пенсионное удостоверение, свидетельство о рождении, профсоюзный билет, билет объединения «Осавиохима», справка-освобождение из лагеря, трудовая книжка, почетные грамоты, разных удостоверений и справок 36 штук, фотокарточек 4 штуки, разной переписки 96 листов. По постановлению особого совещания МГБ СССР он был сослан на поселение в Красноярский край под надзор органов

МГБ. В фондах музея хранится одно из писем, отправленное семье Николаем Александровичем из мест лишения свободы:

«31 января 1953 г. Здравствуйте, Сигне, Маргарита, Зоя, Б. У.!

Сегодня пошёл на почту послать маме телеграмму с днём рождения. И начальник конторы выдал по переводу 200 рублей. Большое спасибо, сердечно благодарю. Но не надо было посылать. Все деньги, которые вы послали за два года, целы и своего заработка немного. Конечно, первые переводы я расходовал, но потом вложил из заработка.

На всякий случай, мой лицевой счёт № 268 Государственной трудовой сберегательной кассы № 2442/021 Нижнеангарской почтовой конторы Удерейского района Красноярского края. На почте же получил и письмо. Телеграммы в районный центр передают по телефону и, очевидно, телефонистка не расслышала как следует и перепутала фамилии.

Поздравляю маму и желаю ей долгой счастливой жизни.

Время идёт, прошёл уже месяц 1953 года. Январь был сравнительно тёплый, эти дни северо-восточный ветер и похолодание. В феврале, наверно, получу отпуск, немного отдохну, а, главное, поработаю; надо разработать два предложения – одно для лесной промышленности: трелёвочный агрегат для поточной трелёвки, (то, что я предложил два года тому назад – судьба неизвестна) и второе для лесного хозяйства – агрегат для минерализации почвы на лесосеках. Трудно, что нет пособий, технической литературы – лесхоз и леспромхоз далеко.

Здоровье сносное, что будет к весне, тогда болезни резче выступают. Желаю вам всего лучшего, здоровья, хорошо работать на пользу Советского Социалистического строительства. Берегите себя. Всего-всего лучшего!

Н. Мальцев»[225]

Николай Александрович вернулся домой лишь в 1954 году. 28 ноября 1956 года он был реабилитирован военным трибуналом Северного военного округа.

Сложно представить, что все эти годы переживали уже взрослые, воспитанные в любви и заботе дочери Сигне и Николая, Зоя и Маргарита. Семья Мальцевых до конца своих дней прожила под одной крышей, сначала дочери поддерживали родителей, потом

[225] ТМО-36275/12. Письмо на имя Мальцевой М. И. от Мальцева Н. А. из ссылки (Красноярский край) 31.01.1953 г.

друг друга. Маргарита получила достойное образование в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, связав свою жизнь с педагогической деятельностью. Зоя после школы окончила педагогические курсы и, до поступления в музей на работу, некоторое время тоже преподавала в школе зоологию и ботанику.

Зоя Николаевна Мальцева более тридцати лет своей жизни посвятила изучению и популяризации природы родного края. Ею была проведена существенная работа по изучению природных особенностей региона: геология, полезные ископаемые, зоология, прикладная энтомология и ботаника. Первые годы трудовой деятельности в музее Зои Николаевны выпали на тяжёлое военное время Великой Отечественной войны. Сотрудникам музея приходилось не только самоотверженно трудиться на просветительском, экспозиционном, выставочном поприще, но и выполнять несвойственные им работы. Так в феврале 1944 года, в связи со сложившейся тяжёлой ситуацией в учреждениях культуры с заготовкой топлива (дров) для обогрева зданий, Райисполком просит выделить людей на заготовительные работы в лес. З. Н. Мальцева в феврале (с 21 по 28) 1944 года в 26 квартале РАЙТОПа работала на заготовке древесины для нужд музея. Она вместе с другими коллегами из музея должна была заготовить 50 куб/м дров, исходя из нормы 1,5 кб/м на человека, принимая в расчёт недостаточную квалификацию, однако добиваясь повышения производительности труда и досрочного окончания работы. Более того, Зоя Николаевна была назначена бригадиром и ответственной «…за технику безопасности и своевременный приход и уход бригады…».

В 40–50-е годы XX века в отделе природы, соответствуя требованиям тех лет, активно монтируются и появляются новые экспозиционные комплексы. К 60-м годам в природоведческой экспозиции были ярко отражены интереснейшие коллекции по исторической геологии и палеонтологии пермского и четвертичного периодов. Данный тематический комплекс появился благодаря скрупулёзному изучению заведующей отделом природы материалов экспедиций В. П. Амалицкого на реке Северная Двина, палеонтологических находок М. Б. Едемского и других дарителей музея. Посетители знакомились с богатыми разнообразными коллекциями по прикладной ботанике, лесоводству. Особенную ценность представляли коллекции по прикладной энтомологии и биологии, являющиеся по полноте представления и по оформлению лучшими из имеющихся на севере. Отдел демонстрировал обширные материалы по сельскому хозяйству и промышленности

З. Н. Мальцева. (1970-е гг.)

Тотемского края. Директор музея Н. А. Черницын сожалел, что из-за незаконченных строительных работ по расширению здания музея сотрудники не в силах показать посетителям весь собранный обширный природоведческий материал.

В научном архиве ТМО хранится достаточное количество рукописей З. Н. Мальцевой. Это в большинстве своём материалы, в которых она описывала различные группы растений, произрастающих на территории родного края: «Культурные и дикорастущие ягодные и плодовые растения», «Лекарственные и витаминные растения», «Медоносные растения», «Листовые пищевые растения для приготовления супов и салатов».

Будучи заведующей отделом природы Тотемского краеведческого музея, Зоя Николаевна Мальцева в течение нескольких лет активно занималась сбором трав для гербария и препарировала их в соответствии с определёнными правилами. Гербарные материалы она собирала в летний период 1959–1961 гг. и в 1964–1965 гг. на территории Тотемского, Тарногского и Нюксенского районов Вологодской области. В научном архиве имеется опись гербарных сборов З. Н. Мальцевой с пометками «Семейство», «Вид», «Местонахождение», «Год сбора». Гербарный фонд, собранный Зоей Николаевной, составляет более 360 единиц хранения, находится в фондах ТМО и представляет огромное научно-практическое значение.

З. Н. Мальцева проводила серьёзную работу по изучению закономерностей и периодичности явлений в жизни животных и растений в связи со сменой времён года. В научном архиве ТМО хранится Фенологический календарь города Тотьмы. Календарь был составлен в 1970 году Председателем фенологической комиссии Вологодского отдела Географического общества Союза ССР А. К. Авдошенко по материалам наблюдений фенологов-любителей

и заинтересованных учреждений – З. Н. Мальцевой, Э. М. Линькова, С. С. Лобкова, Тотемской АМ СГ (авиационная метеорологическая станция гражданская) и Тотемским Госсортоучастком. В фенологическом календаре собрано и систематизировано 131 сезонное явление природы (прилёт первых грачей, первый весенний дождь, начало ледохода на реке Сухоне, начало вегетации клевера красного, полные всходы льна, начало кущения озимой ржи, выпадение первого снега и др.), свойственное для Тотемского района с марта по ноябрь, начиная с 1937 года по 1966 год. Наблюдения зафиксированы и представлены в виде таблицы со следующими графами: наименование явления, число лет наблюдений, средняя многолетняя дата, самый ранний срок, самый поздний срок. З. Н. Мальцева в данном природном исследовании проводила визуальные наблюдения, т. е. регистрировала сроки наступления сезонных явлений с 1956 года по 1966 год. За проделанную работу она была награждена Почётной грамотой Президиума Географического общества СССР. Фенологические закономерности природных явлений, зафиксированные на территории Тотемского района до 1966 года, легли в основу составления регионального календаря природы, опубликованного в книге «Агроклиматические ресурсы Вологодской области» (Гидрометиздат, Ленинград, 1972 г.).

Фенологическими наблюдениями З. Н. Мальцева продолжила заниматься и в 1967 году. Она до 1974 года фиксировала более 160 сезонных явлений природы на территории города Тотьмы и её окрестностей. Среди прочих явлений она регистрировала первые кукования кукушки, конец листопада, вскрытие ручьев, выпадение снега в летнее время, созревание фруктов и овощей и пр. Нередко в своих дневниковых записях Зоя Николаевна оставляла подробную информацию о тех или иных закономерностях природы и их последствиях, а также интересные природоведческие факты.

«В зиму 1964–1965 гг. не улетали дрозды, т. к. в лесу было очень много рябины».

«1961 год. 27 июня. Сильный град в Мосеевском с/с. В колхозе «Объединение» градом выбило лён. 30 июня от грозы загорелась церковь, где винзавод. Тушили с 5 до 10 часов вечера».

«22 января 1960 г. В сад музея залетел ястреб-тетеревятник. Несколько раз стукнулся в окно музея нижнего этажа. Посидел на тополе и улетел. Это воронам доставило большое беспокойство, они целой стаей летали около ястреба».

«1960 год. Появился на реке Сухоне судак (мелкий)».

«Зима 1965–1966 гг. холодная и снежная. Особенно холодный месяц был январь… t доходила до –40°… Снегу намного больше, чем в прошлые годы. Старожилы не помнят такого количества снега за много лет».

«1966 год. Толщина льда на реке Сухоне 47 см»[226].

Свои наблюдения З. Н. Мальцева отправляла в Вологодский отдел Географического общества Союза ССР, о чём свидетельствуют благодарности за присланную сводку наблюдений председателя фенокомиссии А. К. Авдошенко с выражением надежды на дальнейшее сотрудничество. Зоя Николаевна своими фенологическими исследованиями делилась на страницах газет, выступала на радио, читала лекции перед различными аудиториями, тем самым привлекая к фенологической системе знаний школьников – юных натуралистов и любителей природы.

В 50–60-е годы XX века З. Н. Мальцева с коллегами достаточно часто выезжала в научные командировки в разные сельсоветы Тотемского, Тарногского, Рослятинского, Бабушкинского районов. В составе экспедиционной группы она собирала экспонаты по этнографии, прикладному искусству, истории советского периода среди населения, организовывала передвижные выставки, проводила в школах, на предприятиях и в колхозах лекции («Происхождение вселенной», «Музыка в жизни В. И. Ленина и пр.) и беседы. Нередко командировки продолжались от 7 до 10 дней.

По распоряжению Управления культуры З. Н. Мальцева в составе делегации музея посещала областные совещания музейных работников. В 1960 году участвовала во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, в 1961 году была командирована на совещание заведующих отделами природы в город Астрахань сроком на 10 дней. По обмену опытом работы, для ознакомления с фондами музеев заведующая отделом природы направлялась в командировки в Вологду, Череповец, Архангельск, Холмогоры и другие города СССР.

З. Н. Мальцева принимала активное участие в общественно-массовой работе музея: организация встреч, пионерских сборов, подготовка актива музея к вручению комсомольских билетов. Она руководила кружком юннатов учащихся восьмилетней школы № 2. В подготовке музея к 50-летию Советской власти проводила большую работу по отбору материалов и оформлению экспозиций. По поручению профсоюзной организации проводила политинформацию в коллективе музея.

---

[226] Мальцева З. Н. Фенологические наблюдения по г. Тотьме. 1956. 52 л.

Зоя Николаевна Мальцева за работой в музее (1970-е гг.)

Зоя Николаевна успевала заниматься и общественной работой на территории Тотемского района. 18 мая 1957 года она вступила во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Занималась просветительской деятельностью среди населения путем чтения лекций. Она была членом Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, членом Всероссийского общества содействия охране природы и озеленения населённых пунктов.

За свою трудовую деятельность З. Н. Мальцева неоднократно награждалась грамотами, благодарностями и денежными вознаграждениями за честную, безупречную, отличную работу в музее, за вклад в выполнение условий Всероссийского смотра музеев в честь 50-летия Советской власти и пр. В год 40-летия со Дня основания Тотемского краеведческого музея Зоя Николаевна получила Почётную грамоту Областного исполнительного комитета.

В феврале 1969 года Зоя Николаевна переходит на должность заведующей фондами Тотемского краеведческого музея. Из воспоминаний Татьяны Степановны Гаврильченко: *«С Зоей Николаевной Мальцевой я работала в музее с 1968 по 1973 годы. В это время она работала заведующей фондами. При ней началась серьёзная, скрупулёзная инвентаризация фондов. Из своего кабинета она выходила*

редко, много сил и времени отдавала работе. Зоя Николаевна была очень серьёзная и культурная. К нам, молодым сотрудникам, относилась доброжелательно, никогда не осуждала за шутки и громкий весёлый смех в коллективе. О себе и своей семье ничего не рассказывала. Близко общалась с директором музея Екатериной Павловной Соломенко. Она была частой гостьей в их доме»[227].

В ноябре 1972 года З. Н. Мальцева выходит на заслуженный отдых, но какое-то время продолжает активную трудовую деятельность в фондах музея. С 1974 года по просьбе директора музея Соломенко Е. П. в течение нескольких лет на непродолжительные отрезки времени выходит на работу в фонды в качестве заведующей. Это продолжалось до тех пор, пока 1 апреля 1977 года заведующим фондами музея не был назначен Станислав Михайлович Зайцев, работавший ранее в музее художником-оформителем.

Что же касается семейной жизни Зои Николаевны, то она была замужем за достаточно известным человеком в Тотьме – Борисом Устиновичем Поповым. Всей семьёй (родители, сестра Маргарита и Зоя Николаевна с мужем) они жили по адресу улица Бабушкина, дом 5. В их доме всегда была идеальная чистота, некрашеные доски крыльца поражали своей белизной. Во дворе дома имелся сад с плодовыми деревьями и кустарниками, большие грядки с клубникой и множество цветов. Приусадебный участок немногочисленных гостей дома впечатлял ухоженностью и красотой. В семье Поповых-Мальцевых была большая библиотека, которую скрупулёзно формировал Борис Устинович. В местных магазинах он скупал все новинки, появлявшиеся на прилавках магазинов.

Борис Устинович работал преподавателем в школе-интернате, был человеком разговорчивым и очень общительным. Многие тотьмичи знали его как талантливого художника-любителя и увлечённого фотографа. В течение пятнадцати лет он сотрудничал с тотемским музеем. Борис Устинович оказывал широкую практическую помощь музею в техническом оформлении экспозиций музея, по заказу музея изготовлял багет, монтировал витрины, консультировал сотрудников, как лучше оформить экспозицию. Борис Устинович нередко в качестве фотографа выезжал с музейщиками в экспедиции, где занимался фотофиксацией предметов. В архиве ТМО имеется достаточно много фотографий родителей и сестры Зои Николаевны, сделанных Борисом Устиновичем. За

[227] Воспоминания о З. Н. Мальцевой. Беседа с Т. С. Гаврильченко 1947 г. р. (15.11.2019).

Семья Мальцевых-Поповых (1960-е)

активную краеведческую работу он неоднократно награждался руководством музея грамотами и благодарственными письмами.

Зои Николаевны Мальцевой не стало 30 июня 1999 года. Так распорядилась судьба, что после её смерти близких родственников в России у неё не осталось. Их единственный с Борисом Устиновичем ребёнок умер в младенчестве, Маргарита Николаевна всегда была одинока. Но благородное дело, которому Зоя Николаевна посвятила свою жизнь, продолжается и в наши дни.

Коренева Наталья Ивановна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

РОДОМ ИЗ 37-ГО. ИСТОРИЯ СЕМЬИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ БОЙКО

Передо мной подлинный документ – Свидетельство о рождении Александры Устиновны Бойко. Родилась: *Тысяча девятьсот тридцать седьмого года двадцать третьего ноября*. Родители: *отец – Бойко Устин Григорьевич, мать – Бойко Марфа Макаровна*.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

ПАСПОРТ ВЫДАН 19

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

№ 44720

Гр. Бойко

(фамилия)

Александра Устиновна

(имя и отчество)

родился (лась) Тысяча девятьсот тридцать седьмого года двадцать пятого января

(прописью: год, число, месяц)

о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении за 1937 год

23 числа января месяца произведена соответствующая запись.

Родители: Отец Бойко Устин Григорьевич

Мать Бойко Наргоза Макаровна

Место рождения ребенка: город, район, селение Тотемский район, республика, край, область Вологодская

Место регистрации Усть-Печенгский сельсовет

М. П.

Завед. бюро ЗАГС

Делопроизводитель

Свидетельство о рождении Александры Устиновны Бойко

Место рождения: *Тотемский район Вологодской области, трудпоселок Брусная*. Место регистрации: *Усть-Печенгский сельсовет*. В этих, в общем-то, обычных словах что-то «цепляет» … Первое, дата рождения – *1937 год* – год начала Большого террора. Именно в 1937 году началась непрерывная кампания репрессий. Начавшись с процесса против бывших вождей, государственный террор распространился на местную номенклатуру, армейскую верхушку, «социально чуждых» горожан, «недобитых» кулаков, на священнослужителей и национальные диаспоры. Фантастические обвинения в разных лево-правых «измах» и работе на империалистические разведки невозможно повторить без бумажки, имеет хождение обобщенное понятие «враг народа». 1937 год останется в отечественной истории мрачным символом советского времени.

Называли ли в то время эти процессы репрессиями? Вряд ли…

Трудпоселок, так называли в 30-е годы специальные поселки, куда переселяли семьи с Украины из Центрального и Черноморского округов. В результате репрессивной политики на территории Тотемского района в 30-е гг. XX в. было организовано 23 спецпоселка, куда переселено 4329 семей украинцев. Трудпоселок Брусная, один из таких спецпоселений. Поселок располагался на правом берегу речки Михалицы, правого притока Печеньжицы. Существовал с 1930 по 1947 год. В народе именовался Вторым.[228] Семья Бойко, как и тысячи других украинских семей, оказалась в числе раскулаченных и высланных в Северный край. Как сложилась судьба Александры Бойко, девочки, родившейся на спецпоселке в северной Тотьме, далекой от ее родных мест? Об этом пойдет мой рассказ.

Вернемся в 1930-й год. С принятием 30 января 1930 года постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» началась реальная политика ликвидации кулачества как класса. Партийные и советские органы на местах получили директиву приступить к раскулачиванию путем лишения кулаков земельных наделов, конфискации имущества и выселения их семей из районов проживания. За 1930–1931 годы на специальные поселения были выселены около 2 миллионов человек. Причина выселения была для всех одна: *«Кулак, хозяйство зажиточное, враждебно настроен к Советской власти, идет против проводимых мероприятий»*.

Семья Бойко проживала в деревне Белозеро Б.-Белозерского района Днепропетровской области. Три брата Бойко жили одним хозяйством, в одном доме. Жили дружно. Но неожиданно нагрянула беда… В дом пришли три милиционера, объявили, что семья подлежит раскулачиванию и просили освободить дом в течение нескольких дней, захватив с собой только самое необходимое. Затем всех раскулаченных собрали на железнодорожной станции, погрузили в товарные вагоны и отправили на Север. Так, в феврале 1930 года прибыли Марфа и Устин Бойко сначала в поселок Чуриловка, а оттуда они были привезены на Второй поселок, в дальнейшем его стали называть Брусная. На тот момент Марфе Макаровне и Устину Григорьевичу исполнилось по 38 лет.

За что семью выселили с нажитого места в неизвестность, на Север, в глухие леса…? Наверное, за то, что трудились от темна до темна, имели крепкое хозяйство…

---

[228] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон.– Вологда, 2007. С. 41.

На Севере прибывших с Украины не называли кулаками. Их называли спецпереселенцами. Их жалели местные жители, понимая, в какую беду попали эти люди, и помогали им по мере возможности, хотя и у самих-то ничего не было. Из воспоминаний Александры Устиновны Бойко: *«Как рассказывала нам с братом мама, привезли прямо в лес, на поляну. Сначала строили шалаши, землянки, а потом постепенно строили бараки, хозяйственные постройки. На нашем поселке была выстроена двухэтажная школа».* Украинцы – народ был работящий, умелый. Раскорчевывали лес. Строили бараки, ложили печки, построили кузницу, баню, школу, коровник, конюшню. Разработали землю под поля и огороды. Жизнь на поселках постепенно начала налаживаться. Украинцы обзаводились своим личным хозяйством. У многих были козы, куры, поросята, даже пасеки были. Помимо основной работы на земле и лесозаготовках мужчины катали валенки, а женщины плели кружева на коклюшках – вологодские мастерицы обучали украинцев, делились тем, что умели сами. На поселке вместе с Бойко жили семьи Шкурко, Юхник, Крамаренко, Гринько, Щербина, Черняк. В семьях рождались дети. В семье Бойко родилось двое детей. В 1935 году – сын Герасим, в 37-м – дочь Александра. Их детские годы стали одновременно тяжелыми и незабываемыми.

Вспоминает Валентина Юхник, землячка Александры Бойко (она тоже родилась в поселке Брусная в 1940 г.): *«Для нас, детей, было неведомо все то, что случилось до нашего рождения, поэтому мы не унывали и были дети, как все дети: бегали по деревянным тротуарчикам, раскинув руки, изображая самолет, купались в речке, в долгие зимние вечера сидели в комнатах при лучинах и слушали сказки бабушек. Самое главное, нас любили родители, а мы любили все, что окружало нас, любили свою тихую малую родину»*[229].

Родители Герасима и Александры рано умерли. В 1946 году на 54-м году ушел из жизни Устин Григорьевич Бойко. Через год не стало Марфы Макаровны. И Александра осталась на поселке с братом Герасимом. Из воспоминаний Александры Устиновны: *«Мы с братом остались вдвоем. Жили при школе, в кубовке. Наш поселок закрыли в 1947 году, всем украинцам разрешено было вернуться домой, откуда были высланы. А нам с братом ехать было некуда. Остались мы зимовать на Втором поселке (Брусная), а в школу ходили на Первый поселок (Печенжица) за 5 км, а так как валенки были*

[229] Смирнова (Юхник) В. Здравствуй, Тотьма, боль моя, любовь моя… // Тотемские вести. 1997. 26 августа. С. 3.

Воспитанники Чуриловского детского дома.
Александра Бойко во втором ряду вторая справа

одни на двоих, то мы посещали школу по очереди, понедельно. Но свет не без добрых людей, нашлись русские люди, которые помогали сиротам, давали продукты, одежду».

В то время детей умерших, погибших и бежавших спецпереселенцев обычно направляли в детские дома. Так в детском доме оказались Герасим и Александра Бойко. Герасиму было 11 лет, Александре 9 лет. Но им в этой обездоленной жизни в чем-то повезло. Они оказались в самом ближайшем к чуриловским поселкам детском доме, только что организованном по инициативе Тотемского леспромхоза.

Чуриловский детдом был открыт в июне 1947 года. Для него был выделен деревянный двухэтажный дом постройки 1912 года. При детдоме был скотный двор и сарай для кормов. Детдом мог разместить до 60 детей.[230] В большинстве своем это были дети-сироты. Вероятно, густая сеть спецпоселений вокруг Тотьмы, где

[230] ГАВО. Ф. 2360. Оп. 2А. Д. 2589. Паспорт Чуриловского детского дома. 1947.

оставались дети без родителей, во многом и способствовала созданию этого детдома.

Первым директором детского дома стал Борис Игнатьевич Левкович, 1922 г.р., бывший фронтовик, участник Сталинградского сражения. После ранения был комиссован из армии. Сначала трудился заместителем директора по политчасти в тотемской школе ФЗО № 2, затем первым секретарем Бабушкинского РК ВЛКСМ. В мае 1947 года был назначен директором Чуриловского детского дома.[231] В марте 1954 года Б.И. Левковича на посту директора сменила Нина Васильевна Ившукова (Устинова). В детдоме до этого она была пионервожатой и воспитателем.

Для детдомовских ребят она стала «всеобщей мамой». А позже, разлетевшись в разные уголки страны, они писали ей письма: *«Здравствуйте, дорогой мой человек! С каждым годом Вы становитесь для меня все дороже... Это чувство испытывает каждый человек к самому родному существу. Верьте мне! Валентина Кокшарова»* или *«Роднуля! Здравствуйте! Дай Вам Бог жить столько, сколько хотите! Оскар Наймиллер»*.[232]

Кроме директора в штате детского дома числились два воспитателя, кладовщик, повар, две ночные няни, техничка.

В разные годы воспитателями в детдоме трудились Серафима Васильевна Дьякова, Елена Александровна Коншина, Александра Александровна Патракиева, Екатерина Игнатьевна Коптяева, Валентина Николаевна Воробьева, Мария Дмитриевна Корепина, Тамара Николаевна Шишкина (Климова).[233]

При детдоме была своя библиотека. В 1947 году в ней было 107 книг. Выписывались газеты: «Комсомольская правда» и «Пионерская правда», такие журналы как «Затейник» и «Пионер». Из спортивного инвентаря имелись лыжи – 10 пар, санки – 8 штук, коньки – 5 пар. Постоянно действовало несколько кружков: драматический, хоровой, физкультурный и рукоделия.[234]

В то трудное и голодное время для большинства детей, оказавшихся без родителей, Чуриловский дом стал «спасательным кругом». *«Детский дом мне показался раем»* – именно так об этом детдоме вспоминает его воспитанница Валентина Кокшарова,

---

[231] Фото Б.И. Левковича. ТМО-12744.

[232] Дьяковский Л.М. Тотьма – город милосердия. // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 2.– Вологда: Русь, 1995. С. 239.

[233] Архивный отдел Тотемского муниципального района. Архивная справка № 627 от 23.08.2019.

[234] ГАВО. Ф. 2360. Оп. 2А. Д. 2589. Паспорт Чуриловского детского дома. 1947.

1941 г.р. Чтобы по-настоящему почувствовать атмосферу бытия того детдомовского времени, приведем ее воспоминания: *«В 1947 году нам с братом предложили поселиться в детдоме. Я с радостью согласилась, потому что видела, какие там дружные дети и как они хорошо одеты. В детдоме меня вымыли, удалили коросты на голове, вывели вшей. Я помню чувство радости, что меня ничего не беспокоит и можно спать спокойно. Меня включили в группу наиболее истощенных детей и назначили усиленное питание: все питались четыре раза в день, а нам между завтраком и обедом давали еще стакан горячего молока с ложкой меда и ложкой сливочного масла. Выдали чистое белье и одежду. Здесь было много немецких детей из нашего барака. Все взрослые и дети отнеслись ко мне очень внимательно. И я поняла, что попала в рай.*

Наши воспитатели, выпускницы Тотемского педучилища, старались выявить и развить способности каждого воспитанника. В детдоме были кружки рукоделия, танцев, декламации, художественной гимнастики. В хоре пели практически все ребята. На территории была хорошо оборудованная спортплощадка. Много внимания уделялось чтению. Младшим детям воспитатели перед сном читали книги. В учебных комнатах мы читали книги из детдомовской библиотеки. Там же делали домашние задания, а слабым ученикам помогали воспитатели. Во всех учебных комнатах на стенах висели портреты Сталина и Ленина.

В летние месяцы тоже все было хорошо организовано. При детдоме были огород, цветники, сад с фруктовыми деревьями, хлев с коровой, свиньями и кроликами. Утром после завтрака был рабочий час, когда мы убирали территорию, ухаживали за цветами, за кроликами. В теплые дни мы ходили на берег реки Сухоны: загорали, купались, играли в разные игры. Каждый вечер пели песни: о Родине, о Сталине и другие. Некоторых детей устраивали на летние месяцы в районные пионерские лагеря, а группы из 8–10 человек – тех, кто хорошо учился и был круглым сиротой,– вывозили на отдых в Анапу, в лагерь «Артек», в Ленинград.

Когда я рассказываю о жизни в нашем детдоме, то многие слушают меня с недоверием: возможно ли было такое в послевоенное время? А я знаю, что многое зависело от администрации. Директор нашего Чуриловского детдома Борис Игнатьевич Левкович был участником войны, сражался за Сталинград. Хотя своих детей было четверо, он много времени и сил уделял нам, сиротам. Когда я была уже студенткой, Борис Игнатьевич рассказывал мне, что, вернувшись с фронта, он буквально по дорогам разыскивал маленьких

Герасим (крайний слева) и Александра Бойко. Тотьма. 1955 г.

беспризорников и привозил в детдом. Авторитет его был безграничен. Он сумел так построить отношения с отделами образования и района, и области, что в детдоме было все необходимое детям, и он считался образцовым. Фотография Бориса Игнатьевича представлена в музее Тотьмы.

Мы очень любили и заместителя директора Нину Васильевну Устинову (Ившукову). Она была строгой, требовательной, но всегда заботилась о нас, с нею мы чувствовали себя защищенными. С такими руководителями и все работники детдома относились к своим обязанностям очень ответственно, в центре внимания были воспитанники.

Я чувствовала себя в детдоме прекрасно. Хорошо училась, занималась танцами, художественной гимнастикой, декламацией. Охотно участвовала во всех концертах детдома в Тотьме, на лесопунктах, в колхозах. Мы ездили на областные слеты в Вологду и занимали призовые места.

Три четверти воспитанников были немецкими детьми, поэтому и моими друзьями были, в основном, немцы. Я шутила, что по их фамилиям можно изучать немецкий язык: Роза Фольк, Эрика Бек, Эрна Букмайер, Ира Рихтер, Рангольд Наймиллер (мой партнер по танцам). Мы хорошо дружили и, кажется, что никогда не ссорились»[235].

[235] Зельцер А.Г. Мы из XX века: воспоминания жителей Череповецкого края о политических репрессиях. Книга 2.– Череповец: Порт-Апрель. 2016. С. 286–294.

С теплотой и любовью о своих годах, проведенных в детском доме, вспоминала и Александра Бойко. Крестной мамой для нее в детдоме стала Нина Васильевна Ившукова.

После окончания четвертого класса она вместе с другими воспитанниками детдома побывала на экскурсиях в Москве. В 1951 году отдыхала на море в Анапе. В следующем 1952 году Александра Бойко закончила Усть-Печенгскую семилетнюю школу. Как и перед многими молодыми людьми, перед Александрой встал выбор – куда пойти учиться? Выбор оказался один – Тотемское педагогическое училище, куда она и поступила. Из воспоминаний А.У. Бойко: *«Было у нас на курсе два отделения: учитель начальной школы и воспитатель школьного детского дома. Я обучалась на втором отделении. В группе нашей учились шесть мальчиков. Классным руководителем все четыре года была Мария Игнатьевна Михайлова, добрейшей души человек. Она часто меня приглашала к себе домой, особенно в праздники.... Мне, как воспитаннице детдома, трудно приходилось в материальном отношении, ведь кроме стипендии не было другой помощи, родственников не было... со второго курса уже сама училась распределять свои 140 рублей стипендии на покупку одежды, обуви, на питание, учебу и другие расходы. ...Из всех кружков в училище я очень любила рукоделие и шитье, которым руководила Е.А. Копытова. Посещала с удовольствием физкультурный кружок, всегда участвовала в проводимых в городе лыжных соревнованиях. Педучилище закончила в 1956 году.*[236]

Александра Бойко, IV курс Тотемского педучилища. 13 июня 1956 года

[236] Осовская А.У. (Бойко) Дом – на четыре года. // Тотемские вести. 2002. 6 августа.

После окончания училища Александра вернулась обратно в поселок Чуриловку, в детский дом, где и начала свою педагогическую деятельность. Сначала была вожатой, затем и воспитателем. В местной газете за 1957 год Александра Бойко писала о концерте, устроенном воспитанниками детского дома перед рабочими Чуриловского лесопункта. В тот период она работала вожатой детдома.

Сама, познав детдомовскую жизнь, как могла окружала вниманием и заботой маленьких ребятишек. Но трудиться в детском доме пришлось недолго, всего полтора года, до декабря 1957 года. Чуриловский детский дом просуществовал 11 лет, до октября 1958 года. Он был закрыт на основании приказа комбината «Вологдолес» от 28.10.1957 года № 104 «О расформировании Чуриловского детского дома».[237] На тот момент в детдоме жило двадцать детей: десять детей перевели в Монзу, и еще десятерых – в Нюксеницу.

Александра Устиновна после детдома пришла на работу в детский сад. Была воспитателем и заведующей. Здесь, в Чуриловке, она нашла и свою судьбу – Леонида Осовского. Местные жители его звали попросту «кудряшом», а потом и всех домочадцев в семье Осовских стали именовать «кудряшами». Трудился Леонид Алексеевич в Чуриловском лесопункте. В поселке у молодой семьи родились две дочери: Нина и Надежда.

В 1964 году семья переехала в Тотьму. Глава семейства стал работать в Тотемском химлесхозе. Александра Устиновна продолжила работать в дошкольных учреждениях города Тотьмы. Ее воспитанниками стали те тотемские мальчишки и девчонки, которые в 60–70-е годы посещали детские сады № 3 («Незабудка») и № 5 («Чайка»). 18 лет своей трудовой деятельности Александра Устиновна посвятила детям.

В семье Осовских уже в Тотьме родилось еще две дочери: Наталья и Алена. Пройдя непростую жизненную школу, Александра Устиновна приучала своих детей с детства к труду, заниматься спортом и рукоделием. Сама очень любила вязать и вышивать.

С 1977 года Александра Осовская работала в разных учреждениях: была контролером сберкассы, инспектором по спецработе в Тотемском леспромхозе, секретарем-машинисткой в Тотемском отделении КГБ, воспитателем во вспомогательной школе, в воскресной школе прихода Святой Троицы. Где бы ни трудилась Александра Устиновна, она была требовательной к себе и отзывчивой

[237] Архивный отдел Тотемского муниципального района. Архивная справка № 627 от 23.08.2019.

на боль других. О своем прошлом вспоминала мало. Но боль и печаль о тех трагичных днях ее не покидала никогда.

С конца 80-х лет начались процессы по реабилитации тех, кто пострадал в 30-е годы XX века. В декабре 1994 года Александра Устиновна обратилась в комиссию по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий администрации Тотемского района по поводу восстановления прав и о выплате денежной компенсации незаконно конфискованного имущества.

Родители и брат Александры Осовской (Бойко) Устин Григорьевич и Марфа Макаровна были реабилитированы посмертно. Четыре года велась переписка с представителями администрации села Великая Белозерка Запорожской области. Александра Устиновна пыталась установить местонахождение родительского дома и объем конфискованного имущества. Но установить так и не удалось, так как никаких документов не сохранилось, а свидетелей, которые могли бы подтвердить факт раскулачивания, не осталось в живых. Но все-таки мизерную компенсацию в 112 гривен 50 копеек А.У. Осовская получила.

Как сложилась жизнь брата Александры – Герасима, который покинул Чуриловский дом в 1950 году? Сказать сложно, так как сведений и воспоминаний сохранилось мало. Известно, что проживал вместе со своей семьей в городе Элиста. На свою малую родину в Чуриловку приезжал всего лишь два раза. В 1994 году был признан лицом, пострадавшим от политических репрессий.

В 1997 году Александра Устиновна встречалась с Валей Юхник, которая после 1947 года уехала со спецпоселков. Потом она долгое время тщательно собирала газетные статьи о личных историях тотьмичей, кто по воле судьбы оказался на поселках в Северном крае, бережно хранила их в семейном архиве. 13 января 2014 года Александры Устиновны Осовской не стало...

В семье Осовских долгое время хранились фотографии и документы, раскрывающие страницы жизни этой семьи. Именно они дают попытку осмыслить настоящую живую историческую нить памяти с тем тяжелым временем – временем репрессий.

Мы приносим слова искренней благодарности детям Александры Устиновны Бойко: Нине Леонидовне Хороброй и Надежде Леонидовне Хороброй, которые решили передать материалы личного архива Бойко-Осовских в фонд Тотемского музейного объединения. Поистине, это бесценные документальные источники, рассказывающие о бедах, которые постигли людей в период репрессий, о помощи и сострадании, о великом терпении и милосердии, которые проявляли друг к другу родные, а часто – и совсем чужие люди.

Потапова Анна Юрьевна
Московский государственный университет международных отношений (МГИМО) МИД РФ, г. Москва

ДИАЛОГ ФОРТА РОСС И ТОТЬМЫ В 2009–2014 ГОДАХ КАК УСПЕШНЫЙ ПРИМЕР КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ И США

Форт Росс, основанный в 1812 году уроженцем Тотьмы и служащим Российско-Американской компании Иваном Кусковым, стал символом сотрудничества России и Америки. Колония была основана русскими переселенцами и коренными жителями Аляски при активном участии калифорнийских индейцев из племени Кашайя. Последние до сих пор хранят теплую память о русских поселенцах, считая договор о разрешении русским пользоваться их землей единственным успешным соглашением, подписанным с «белыми людьми». Основной целью основания форта было облегчение снабжения продовольствием Русской Аляски и расширение морской торговли, поэтому после заключения соглашения о продовольственных поставках из Британской Колумбии в 1841 году он был продан. До начала XX века сохранившиеся российские здания были переоборудованы под магазин, бар, отель, а сама крепость стала городским центром. Государственный исторический парк Форт Росс был создан и взят под охрану в 1906–1909 годах, и он стал одним из первых государственных парков штата Калифорния[238]. Для всех волн русской эмиграции в XX веке, особенно после Октябрьской революции 1917 года, Форт Росс стал особенно важным местом, символом потерянной Родины. Парк всегда поддерживался калифорнийскими русско-американскими и православными сообществами. В 1976 году была создана независимая некоммерческая организация «Общество по сохранению Форта Росс» (Fort Ross Conservancy) для поддержания существования парка. С начала 2010-х годов парк активно поддерживают российские компании Транснефть, Совкомфлот и американский Шеврон.

Активное внимание российской и американской прессы Форт Росс привлек в 2009 году. Экономический кризис в Калифорнии поставил парк под угрозу закрытия, так как руководство штата

[238] Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Автор и сост. проф. Э. А. Иванян. При участии канд. ист. наук В. И. Батюка, М. А. Литвиновой, докт. ист. наук В. О. Печатнова.– М., 2001.

приняло решение о сокращении финансирования исторических и природных парков. Именно эта ситуация положила начало Российско-американскому сближению. В сентябре 2009 года портал «Русский мир» со ссылкой на «РИА-новости» сообщил о письме, направленном послом России в Вашингтоне С. Кисляком губернатору Калифорнии А. Шварценеггеру, в котором подчеркивалось историческое значения Форта Росс в российско-американских отношениях[239]. Петиции в адрес губернатора Калифорнии направили такие общественные организации, как Конгресс русских американцев, Ассоциация Форта Росс, направивших петиции в адрес губернатора Калифорнии Независимое издание «Rusbase» со ссылкой на российское государственное информационное агентство «ИТАР-ТАСС» опубликовало новость об обращении министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова к бизнес-сообществу США с просьбой поддержать Форт Росс на ежегодном заседании Американо-российского делового совета[240]. С. В. Лавров особенно подчеркнул перспективность государственно-частного партнерства на данном направлении. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН министр вновь говорил о Форте Росс как о символе теплых отношений России и США, существовавших задолго до Холодной войны. «The Press Democrat», ежедневная газета с самым большим тиражом в Калифорнии, опубликовала материал, посвященный истории Форта Росс, его уникальности среди множества парков Калифорнии. Отдельно был отмечен рост интереса российских СМИ к штату на фоне дискуссии о судьбе парка[241].

Интернет-портал «Радио Свободная Европа», некоммерческая организация, финансируемая Конгрессом США, опубликовал материал о роли российской дипломатии и российского лобби в США в спасении Форта Росс от закрытия[242]. В комментариях

---

[239] Символ русской истории калифорнийский Форт-Росс под угрозой закрытия // Русский мир [электронный ресурс]. Режим доступа: https://russkiymir.ru/news/15581/. Дата обращения: (20.12.2019).

[240] Судакова Ю. Лавров обратился к деловым кругам США с просьбой поддержать крепость Форт Росс // Rusbase [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rb.ru/article/lavrov-obratilsya-k-delovym-krugam-ssha-s-prosboy-podderjat-krepost-fort-ross/6067747.html. Дата обращения (18.12.2019).

[241] Lebaron G. Fort Ross rich with historical, cultural significance // The press democrat [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pressdemocrat.com/news/2268459-181/fort-ross-rich-with-historical?sba=AAS. Дата обращения: (20.12.2019).

[242] Krastev N. California looks to Russia to help preserve historic settlement // RadioFreeEurope [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rferl.org/a/California_Looks_To_Russia_To_Help_Pres erve_Historic_Settlement/1841800.html. Дата обращения: (19.12.2019).

к публикации было высказано предложение о продаже прав на Форт Росс России для сохранения парка, что не было осуществлено. Важную роль в сохранении парка сыграло участие Президента РФ Дмитрия Медведева, российских бизнесменов, визиты посла Сергея Кисляка и Генерального консула РФ в США Владимира Винокурова в Форт Росс.

В июне 2010 года был подписан меморандум о сотрудничестве между губернаторством Калифорнии и ГК «Ренова», целью которого является поддержание и сохранение национального парка Калифорнии Форт Росс. Подписи под документом поставили А. Шварценеггер и председатель совета директоров группы компаний «Ренова» В. Вексельберг в присутствии Президента РФ Д. Медведева[243]. Интернет-проект газеты «Saint Francisco Chronicle» «SF Gate» (крупнейшая интернет-газета США с 33 миллионами уникальных посетителей в год) и «The Mercury News», основная ежедневная газета Сан-Хосе, крупнейшего города Кремниевой долины, опубликовали положительные отзывы о визите Президента РФ в Калифорнию[244]. Культурное сотрудничество стало важной частью процесса «потепления» в российско-американских отношениях. Президент РФ Дмитрий Медведев, уделяя особое внимание экономическому партнерству с США, придавал особое значение взаимодействию с Калифорнией. В конце 2000-х годов укрепилось российско-американское сотрудничество в различных областях, были созданы новые внешнеэкономические структуры (Российско-Американский совет делового сотрудничества, Американо-Российский деловой совет), а также Российско-американская президентская комиссия по развитию сотрудничества, управление которой осуществляли лично президенты двух стран. После визита Президента России и проведенных переговоров, Форт Росс поддержали такие американские компании и организации, как Шеврон, PepsiCO, Cisco Systems, Стэнфордский и Массачусетский технологический университеты, американский миллионер Стив Шварцман, основатель Blackstone Group. Подписание соглашения и создание Renova Fort Ross Foundation стало важным этапом в укреплении рабочих контактов между Россией и США, особенно

---

[243] Встреча с губернатором штата Калифорния Арнольдом Шварценеггером // Президент России [интернет-ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/8145. Дата обращения: (18.12.2019).

[244] Nolte C. Rich Russian comes to aid of Fort Ross // SFGATE [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sfgate.com/bayarea/article/Rich-Russian-comes-to-aid-of-Fort-Ross-3183955.php. Дата обращения: (21.12.2019).

в контексте общего развития сотрудничества российских предприятий с компаниями, расположенными в Кремниевой долине, в том числе связи с созданием инноцентра в Сколково. Нельзя не согласиться с тем, что участие в проекте В. Ф. Вексельберга вызвало продолжительный интерес в Калифорнии и России к Форту Росс[245], о чем писал в октябре 2012 журнал «Forbes».

Директор Калифорнийских парков отметил, что это первая в истории столь широкомасштабная помощь иностранного государства в сохранении исторического наследия США. Однако тот факт, что корпорации «Renova Group» на момент заключения соглашения было предъявлено обвинение в Швейцарии, стал причиной неоднозначного и даже негативного отношения американцев к участию российского бизнеса в сохранении форта[246]. Тем не менее, общий тон публикаций, заявлений политиков и бизнесменов был положительным, высказывались надежды на дальнейшее сотрудничество, в том числе в культурной и музейной сфере в связи с приближающимся 200-летием крепости. Критика в основном была направлена против властей Калифорнии и их культурной политики. Признавая значимость участия России в судьбе Форта Росс обращалось внимание на недостаточность местных программ финансирования, что рассматривалось как угроза существованию парков в долгосрочном периоде.

Начавшееся широкомасштабное сотрудничество ученых, политиков и деятелей культуры привело к созданию ряда фильмов о Форте Росс кинокомпанией «МОРОЗ фильм». Судьба документального фильма «Русская Америка» активно освещалась проектом «Russia Beyond»[247]. Он демонстрировался летом 2012 года в Русском культурном центре в Вашингтоне и вышел в России в октябре 2012. В статье отмечалась и активизация сотрудничества российских и американских ученых в связи с планирующейся публикацией монографии о российском присутствии в Калифорнии.

---

[245] Dolan K. A. Russian Billionaire Vekselberg's Non-Oil Endeavor: Raising Funds For A California State Park // Forbes [электронный журнал]. Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/kerryadolan/2012/10/19/russian-billionaire-vekselbergs-non-oil-endeavor-raising-funds-for-a-california-state-park/#31446ae471dc. (Дата обращения 20.12.2019).

[246] Pignataro A. Fined Russian firm gets Fort Ross // CALWATCHDOG [электронный ресурс]. Режим доступа: https://calwatchdog.com/2010/07/01/new-fined-russian-firm-gets-ft-ross/. (Дата обращения: 19.12.2019).

[247] Andrianova A. Why Russia lost colonies in the U.S. // Russia beyond [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbth.com/articles/2012/09/19/why_russia_lost_its_colonies_in_the_us_18407.html. (Дата обращения: 20.12.2019).

Кульминацией культурной дипломатии, связанной с Фортом Росс, стало празднование его 200-летия и 875-летия Тотьмы в 2012 году. Внимание калифорнийских газет привлекла церемония индейцев племени Кашайя в Форте Росс с участием Генерального консула Владимира Винокурова. Подчеркивалось доброжелательное отношение русских колонистов к местному населению, особенно в сравнении с испанскими конкистадорами[248].

В апреле российская делегация посетила празднования 200-летия порта Бодега-Бэй, основанного тотьмичом Иваном Кусковым. Это стало ярким примером сотрудничества музеев Тотьмы, общества «Русская Америка» в Москве и Ассоциации Форта Росс. Члены племени Кашайя совершили ответный визит в сентябре, посетив Тотьму, родину основателя Форта Росс, и другие города России. Одной из целей их визита был поиск родственников на просторах России. Посещение индейцами Вологодской области с участием в заседании местного отделения Русского географического общества вызвало волну публикаций в местных СМИ[249], а также в ориентированной на англоязычную аудиторию газете «The Moscow Times» с ярким заголовком «Коренные жители «Русской Америки» празднуют общее прошлое»[250]. Индейцы выразили надежду на рост инвестиций и совместных российско-американских программ в Калифорнии.

Важным итогом активизировавшегося сотрудничества в культурной сфере стали реставрация и открытие в Архитектурно-этнографическом музее Вологодской области дома Копылова – памятника северорусского деревянного зодчества, архитектурно близкого постройкам Форта Росс. Реставрация проводилась за счет средств областного бюджета и средств, полученных в рамках гранта Посольского фонда по сохранению культуры Государственного департамента США. Вологодскому отделению РГО в начале 2012 года также был выделен грант попечительского совета «Русского географического общества».

---

[248] Smith C. Bonds between Russian, Kashia people keep enduring // The press democrat [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pressdemocrat.com/news/2212157-181/smith-bonds-between- russian-kashia. (Дата обращения: 22.12.2019).

[249] Почтеннова Т. Индейцы Кашайя пригласили вологжан к себе в гости в Калифорнию //Cherinfo. Ru [электронный ресурс]. Режим доступа: https://cherinfo.ru/news/51112-indejcy-kasaja-priglasili- vologzan-k-sebe-v-gosti-v-kaliforniu. (Дата обращения: 20.12.2019).

[250] Earle J. Natives of 'Russian America' Salute Shared Past // The Moscow times [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.themoscowtimes.com/2012/09/17/natives-of-russian-america-salute-shared-past-a17887. (Дата обращения: 18.12.2019).

На празднованиях, организованных в Тотьме в августе 2012, присутствовал Генеральный консул США в Санкт-Петербурге Брюс Тернер. Были проведены культурные и научные мероприятия: сплав по Сухоне, межрайонная ярмарка, выступление творческих коллективов, конкурсный показ документальных фильмов «60-я параллель», фестивали рукоделия и американской народной музыки в стиле blue grass, выставка известных фотографов России и США «Открываем друг друга», круглый стол «Проблемы и перспективы сохранения исторического наследия российско-американских отношений».

Кульминацией праздника стал перезвон колоколов «Тотьма – Форт Росс». 11 августа 2012 года специалисты Вологодского филиала ОАО «Ростелеком» организовали видеотрансляцию между Входоиерусалимской церковью в Тотьме и колокольней Форта Росс. В начале лета крепости колокола подарила Вологодская область. На самом большом из них изображены герб Тотьмы и святые – тотемский Феодосий Суморин и Николай Чудотворец, покровитель всех путешественников и мореходов. Надпись на колоколе гласит: «Город Тотьма – Форт Росс – общая страница истории. 1812–2012 годы»[251]. Технический директор ОАО «Ростелеком» Владимир Тыкин совершенно справедливо заметил в данном контексте: «телекоммуникации сближают континенты»[252]. Директор исторической ассоциации Форта Росс Джон Миддлтон преподнес Тотьме символические подарки – несколько контейнеров соли, символа тотемской и индейской соледобычи, и чеканную табличку, точную копию написанной двести лет назад Иваном Кусковым и закопанную им в районе города Бодега Бэй[253].

Глава Тотемского муниципального района Сергей Селянин выразил надежду на развитие отношений между Тотьмой и Америкой в сфере туризма. Заинтересованность в экономическом сотрудничестве подтвердил и Брюс Тернер, отметив, что США могут привлечь прямые инвестиции и расширение рынков сбыта для экспорта американской продукции. Общий тон мероприятия

---

[251] Наумова Ю. Колокольным звоном поприветствовали друг друга Тотьма и Калифорния //Комсомольская правда [электронный журнал]. Режим доступа: https://www.kp.ru/online/news/1220840/. (Дата обращения: 21.12.2019).

[252] «Ростелеком» организовал видеомост Тотьма-Форт Росс (США) // Ростелеком [официальный сайт компании]. Режим доступа: https://www.company.rt.ru/press/news_fill/north_west/d335162/. (Дата обращения: 16.12.2019).

[253] Жаренкова М. От Тотьмы до Америки // Премьер. 2012. № 32 (775) [электронный ресурс] – https://premier.region35.ru/gazeta/np775/s7.html. (Дата обращения: 15.12.2019).

отлично отражают такие газетные заголовки, как «Тотьма и Форт Росс – друзья навек»[254].

Празднования вызвали даже довольно неожиданный отклик в НАСА. В научной группе, разрабатывающей методики адаптации человека в космосе, заинтересовались работами бостонского профессора истории Тая Диллиплейна, изучавшего быт первых поселенцев и их методы сохранения культурных традиций. Сам профессор Диллиплейн выступал на международном семинаре, посвященном изучению наследия русской Америки, который недавно состоялся в Вологде. В Академии наук была также организована тематическая конференция, в которой приняли участие академики, ученые, общественные деятели. Однако по сравнению с августовскими празднованиями в Тотьме она получила меньше медийного внимания.

В свою очередь в Форте Росс 28–29 июля 2012 года «Общество по сохранению Форта Росс» при поддержке корпорации «Шеврон», ПАО «Транснефть» и ПАО «Совкомфлот» организовало Фестиваль Форт Росс и первую международную конференцию «Российско-Американский диалог Форт Росс». По словам одного из научных работников Форта Росс Хэнка Бирнбаума, Форт Росс изменил взгляды многих американцев на Россию. О положительном влиянии на экономическое положение Форта Росс торжеств 2012 года писал проект «Russia Direct», специализирующийся на освещении российско-американских отношений и принадлежащий «Российской газете»[255].

Развитие культурных, торговых, энергетических связей между Россией и США стало основной целью Диалога. Основными темами форума в 2012 году было развитие российско-американских отношений под эгидой Российско-американской двусторонней Президентской комиссии и проблема разграничения экономических и территориальных вод в Тихом океане. «Russia Beyond» отметил, что форум является единственной площадкой для свободного обмена мнениями представителей двух стран, не отягощённой сложностями политического и пропагандистского

---

[254] Лаврова О. Тотьма и Форт Росс – друзья навек // Тотьма новости. [электронный ресурс] – https://www.gorodtotma.ru/1876-totma-i-fort-ross-druzya-navek.html. Дата обращения – 22.12.2019.

[255] Bobrova E. Fort Ross: Symbol of Russian-American friendship // Russia direct [электронный ресурс] – https://russia-direct.org/analysis/fort-ross-symbol-russian-american-friendship. (Дата обращения 25.12.2019).

характера[256]. Представитель Президента РФ М. Швыдкой также отметил важную роль форума во взаимодействии представителей правительства России, властей Калифорнии и бизнеса. В связи с форумом Президент России Владимир Путин и Президент США Барак Обама сделали совместное заявление о либерализации визового режима и правил усыновления. В течение 2012 года при участии В. Вексельберга была также достигнута договоренность о сотрудничестве Массачусетского технологического университета и инновационного центра «Сколково», о чем писал американский журнал «Forbes»[257].

После торжеств 2012 года сотрудничество не прекратилось, и в феврале 2013 года был организован визит президента парка Форт Росс Сары Свидлер вместе с представителями Вологодского отделения Русского географического общества, учеными и студентами Вологодского государственного педагогического университета в Тотьму. Были презентованы юбилейные издания Вологодского отделения Русского географического общества к 200-летию Форта Росс, интернет-экскурсия по крепости[258]. Ежегодный Фестиваль Форт Росс в первой половине 2010-х годов собирал порядка 1500–2000 человек, а в Тотьме на постоянной основе организовывался день «Русской Америки». Делегация Вологодской области традиционно посещала мероприятия в Калифорнии.

С 2012 года ежегодный форум «Российско-Американский диалог Форт Росс» стал основной независимой площадкой для обсуждения перспектив развития сотрудничества в различных сферах, в том числе укрепления научных и культурных связей между Вологодской областью и штатом Калифорнией. В 2013 году особое внимание привлекла церемония открытия форума – космонавты МКС отправили специальное послание, высказав надежду на наступление нового этапа в развитии долгосрочных российско-американских отношений. Активно обсуждались вопросы налаживания

---

[256] Miller P. Fort Ross celebrates its Bicentennial //Russia beyond [сайт]. Режим доступа: https://www.rbth.com/multimedia/2012/08/08/fort_ross_celebrates_its_bicentennial_17151 . (Дата обращения 20.12.2019).

[257] Kerry A. Dolan. Russian Billionaire Vekselberg's Non-Oil Endeavor…: Raising Funds For A California State Park //Forbes [электронный журнал]. Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/kerryadolan/2012/10/19/russian-billionaire-vekselbergs-non-oil-endeavor-raising-funds-for-a-california-state-park/#31446ae471dc. Дата обращения: (20.12.2019).

[258] Ложко А. Русская Америка началась на Вологодчине // [электронный ресурс]. Режим доступа: https://nvspb.ru/2014/12/27/russkaya-amerika-nachinalas-na-vologodchine-56339. Дата обращения – (20.12.2019).

студенческих обменов и открытия регулярного авиасообщения между Российским Дальним Востоком и Западным побережьем США. Одна из газет Лос-Анджелеса, Калифорния, «GlobeNewswire» опубликовала подробный материал о конференции, подчеркнув большое количество высокопоставленных представителей обеих делегаций, крупных бизнесменов, а также уникальную роль Форта Росс в развитии двухсторонних отношений в культурной, энергетической и экономической сферах[259].

Особое внимание прессы и после 2012 года вызывали шаги коренного населения Америки, а именно индейцев племени Кашайя, по укреплению связей с Россией, в частности, с Вологодской областью. Бессрочная декларация о дружбе и сотрудничестве (The Perpetual Declaration of Friendship and Cooperation), подписанная в 2012 году, стала основой музейного сотрудничества. В Тотемском музее Кускова появились деревянные скульптуры, подаренные участниками конкурса мастеров резьбы по дереву. Американское издание «The Press Democrat» в 2013 году с большим энтузиазмом анализировало перспективы сотрудничества между русскими и индейцами[260]. Директор Тотемского музейного объединения Алексей Новоселов рассматривал Тотьму как объединяющее начало для России и Америки, несмотря на политические противоречия.[261]

Таким образом, исторические взаимосвязи между Фортом Росс и Тотьмой, возобновленные в 2010–2014 годах, стали основой развития отношений на межгосударственном уровне. Поддержка Форта Росс на рубеже 2010-х годов привела к развитию сотрудничества в культурной, экономической и политической сферах. Проанализировав материалы российских и американских СМИ за указанный период, можно прийти к выводу, что «Фонд Ренова – Форт-Росс» и «Диалог Форт Росс» стали яркими примерами публичной и культурной дипломатии, позволившими наладить регулярное взаимодействие между двумя странами на высшем уровне.

---

[259] International Space Station sends message to US-Russian Fort Ross Dialogue // [электронный ресурс] – https://www.globenewswire.com/news-release/2013/07/27/562751/10042136/en/International-Space- Station-Sends-Message-to-US-Russian-Fort-Ross-Dialogue.html. Дата обращения – 22.12.2019.

[260] Smith C. Bonds between Russian, Kashia people keep enduring //The press democrat [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pressdemocrat.com/news/2212157-181/smith-bonds-between- russian-kashia. Дата обращения (22.12.2019).

[261] Romanov V. Totma-California: celebrating Russian America Day in the Vologda backwoods //Russia beyond [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbth.com/arts/2015/07/30/totma-california_celebrating_russian_america_day_in_the_vologda_backwood_48137.html. Дата обращения – (18.12.2019).

Можно с уверенностью говорить о значительной деидеологизации и деполитизации культурных обменов на примере такой новой культурной инициативы и нового обращения к историческому наследию. Важно отметить и значительное позитивное влияние рассмотренных событий на культурное развитие Вологодской области, в особенности Тотьмы.

Савкова Ирина Сергеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

КЛАДЫ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИЗ СОБРАНИЯ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, АТРИБУЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ

Во все времена людей интересовали клады. Они известны повсеместно и являются важными историческими источниками. Клады изучает наука сингология, использующая в основном историко-описательный, типологический и морфологический методы. Клад – зарытые в земле или спрятанные иным способом деньги или ценные предметы, владелец которых неизвестен и не может быть найден, или же потерял на них право[262]. Монетные клады – важнейший источник по истории товарно-денежных отношений.

Разумеется, клады прятали везде и всегда с тех пор, как появилось такое понятие, как деньги. Состав кладов, интенсивность их сокрытия и топография находок обусловлены степенью развития и характером этих отношений. Размеры и состав кладовых комплексов отражают социальный статус их владельцев. Клады привлекали внимание не только кладоискателей, но и исследователей. Важность изучения кладовых комплексов очевидна, по ним можно исследовать разные исторические эпохи, отражая реалии времени. Состав монетных кладов характеризует не только общие закономерности денежного обращения на значительных территориях, но и местные особенности.

Клады являются многогранными объектами для изучения. Представление о том, что они после нахождения и передачи оседают в музейных фондах и остаются забытыми, не совсем верно.

[262] Клад. // Советский энциклопедический словарь. Вып. 3.– Москва: «Советская энциклопедия», 1985. С. 584.

Целью моей исследовательской работы является проанализировать клады серебряных монет из собрания Тотемского музейного объединения в контексте исторического развития территории. Задачи – изучить состав монет, рассмотреть вопросы атрибуции и датировки, классифицировать сведения кладовых комплексов и предложить вытекающие из этих фактов гипотезы.

На сегодняшний день не существует общей исторической сводки кладов серебряных монет из собрания Тотемского музейного объединения. Хотя некоторые исследователи и нумизматы использовали имеющийся материал в отдельных публикациях по истории денежного обращения. Несколько кладов разобрано и определено А. В. Быковым, обзор об их общем количестве представлен в каталогах.

Клады серебряных монет (940 ед.) входят в состав коллекции «Металл драгоценный», которая насчитывает 2278 ед. хранения и представляет особую ценность и интерес. Коллекция начала формироваться с 1924 года, это документально подтверждает запись в первой музейной Книге поступления (далее – КП) датирующаяся 1915 г., под № ТМО 3432-3435 зафиксировано: *«Клад капельных монет от Петухова М. Ф. Протоколы в рукописном отделе музея за № 380 от 25.11.1924»*. В дальнейшем клады продолжали пополнять собрание музея, последняя запись о поступлении серебряных монет в КП № 22 датирована 12.03.1986 г.

При изучении данной коллекции возникали трудности в атрибуции, датировке и классификации. Некоторые экземпляры монет не читаются ввиду плохой сохранности. К сожалению, информация в учетной документации очень лаконична и малосодержательна. В настоящее время приходится собирать данные по крупицам, единственная возможность уточнить информацию в старых рукописных актах музея, которые, к сожалению, сохранились не на все поступления кладовых комплексов. В статье проанализированы все имеющиеся акты, в которых зафиксированы содержательные сведения: история места находки клада, состав и количество монет, данные о сдатчике или нашедшего клад, временной период и описание сосудов.

В настоящее время в собрании музея насчитывается 8 групп кладовых комплексов с русскими серебряными монетами XVI–XVIII вв., различного наполнения и принадлежности, их географического распространения на территории Тотемского уезда. При изучении состава кладов и определении монетных типов, я руководствовалась схемами монографии А. С. Мельниковой «Рус-

ские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого» (М., 1989). Мне было интересно также изучить информацию о кладовой таре, как вещественном источнике того временного периода, в которой находились ценности, но оказалось, что сведения имеются в единичных случаях, т. к. у большинства она не сохранилась.

Процесс атрибуции включает в себя целый комплекс направлений для исследования. В ходе научного изучения я классифицировала клады по общей характеристике на 4 группы:

1. По значимости: ценностные клады, бытовые клады, реликвийные.
2. По мотивации захоронения: сберегательные, ситуационные, культовые.
3. По типу захоронения: поверхностные, подземные, подводные.
4. По территории нахождения: городские, крестьянские, монастырские, неустановленного происхождения.

Предложенное деление как метод исследования не исключает подробной классификации монетных находок и по другим, второстепенным признакам. Не менее важен при изучении кладов вопрос об их датировке. Обычно клад датируется по его младшей и наиболее поздней монете. В статье клады расположены в хронологическом порядке, начиная с самых ранних образцов. Приводятся данные о времени бытования, истории и топографии, а также рассмотрен состав монет по номиналу и месту чеканки. У единичных комплексов удалось определить возможных владельцев клада, что является большой редкостью.

Клад № 1. Одним из самых ранних образцов и многочисленным по количеству монет в собрании ТМО является кладовой комплекс XV–XVI вв. Он насчитывает 423 экз. (ТМО 4547-4969). В архиве музея сохранился рукописный Акт № 315 от 29.06.1938 г. Клад серебряных монет номиналом в копейку и деньгу был найден 20 июня 1938 г. колхозником сельскохозяйственной артели «Первое мая» Игнашевым Михаилом Степановичем при пахоте цельной луговины около д. Брагинская Пятовского сельсовета Тотемского района. Данное событие активно обсуждалось не только среди местного населения, но и в прессе, ведь это была настоящая сенсация. Колхозник сразу решил передать клад в краеведческий музей им. А. В. Луначарского. Михаил Степанович понимал, что его удивительная и ценная находка сохранится в музее на века. Клад серебряных монет XVI века для того периода представлял большую материальную ценность. На эти деньги по существовавшим

низким ценам на хлеб в Москве в 1587 г. можно было купить 812 пудов ржи или в 1588 г.– 513 пудов пшеницы. Даже по очень высоким ценам, существовавшим в Вологодском крае, в очень тяжелый голодный 1577 г. на данные деньги можно было купить ржи 200 пудов или пшеницы 150 пудов, или овса 300 пудов[263].

Место захоронения клада было выбрано не случайно, он был найден в полукилометре от бывшего Спасо-Суморина монастыря, в направлении к д. Брагинской. По-видимому, он был зарыт в III четверти XVI в. у проходившей здесь в то время дороги, соединявшей монастырь с солеварнями сначала Прилуцкого монастыря, а с 1555 г. Тотемского, с солеварнями в местечке Варницы. Можно предположить, что клад мог принадлежать состоятельному человеку. Из сопоставления целого ряда исторических фактов и его местонахождения я предполагаю, что он был зарыт людьми, которые управляли монастырскими солеварнями и ежедневно проходили по этой дороге. Клад, помимо нумизматической ценности, является интересным историческим свидетелем начального периода существования тотемского Спасо-Суморина монастыря.

Данный кладовой комплекс состоит из монет номиналом в денгу и копейку. Самая ранняя монета – денга княжения великого Московского князя Ивана III (1462–1505 гг.), а также денги (40 экз.) и копейки-«мечевки» (382 экз.) времени Ивана IV (1535–1584 гг.). «Мечевая копейка» использовалась только при Иване IV, на ней всадник изображен с мечом на коне. По значимости относится к ценностному кладу; по мотивации захоронения – сберегательный; по типу – подземный; по территории нахождения является монастырским (т. к. был найден неподалёку от монастыря).

Клад № 2. Клад капельных монет XVI–XVII вв. в количестве 284 штуки (ТМО 28192/1-284). Согласно данным книги поступлений, известно, что клад найден 22.10.1979 г. при разборке дома в д. Овсянниково Тимановского с/с Бабушкинского р-на Вологодской области. В Тотемский музей монеты сдал рабочий Бабушкинского «Межколхозного лесхоза» Вахрушов Иван Васильевич в 1979 г. К сожалению, в записях учетной документации не зафиксировано подробной информации о владельце и самом кладе. Судя по составу и количеству монет в кладе, его оставила зажиточная семья. По временному периоду монет можно предположить, что сбережения были спрятаны в доме ввиду каких-то исторических событий. В тот период неустойчивая политика Московского государства

[263] Клад монет XV–XVI вв. // «Рабочий леса». № 124. 1938 г. С. 2.

заставляла население прятать свои сбережения. К сожалению, отсутствуют данные, в чем именно находились монеты.

Проанализировав данный клад, можно сделать выводы, что в его составе представлены монеты нескольких временных периодов: от денги Ивана III (1462–1505 гг.) до копейки Михаила Федоровича (1613–1618 гг.), разных монетных дворов: Московского, Новгородского, Псковского. В составе клада по номиналу преобладают копейки. В большем количестве встречаются копейки времени Федора Ивановича (114 экз.), далее монеты Ивана IV (74 экз.), Михаила Федоровича (60 экз.), Василия Ивановича (24 экз.). Незначительную часть представляют монеты времени Дмитрия Ивановича (6 экз.), чекан Владислава Сигизмундовича (2 экз.), с именем Федора Ивановича 1612 г. (1 экз.), чекан Второго Ополчения, Шведская оккупация в Новгороде (2 экз.).

Временной промежуток, в продолжение которого были отчеканены монеты, составляет около 100 лет. Цены на товары и услуги за этот период неоднократно менялись. Но по какой-то причине хозяин не воспользовался своими сбережениями. Можно сказать, что клад для того периода представлял значительную материальную ценность. Приведу несколько примеров цен, которые позволили это подтвердить. Например, в 1601 г. 4 пуда ржаной муки стоили 30 копеек, пуд масла – 60 копеек, шуба из овчины – 30–40 копеек, рубаха из холстины – 10–12 копеек[264].

Монета. Копейка Ивана IV. 1547–1550 гг. Серебро, чеканка. Г. Новгород. Монета овальной формы. Аверс: изображен всадник в царском венце на коне вправо, держит опущенное копье. Реверс: надпись в пять строк, содержащая имя и титул правителя: (Царь и Князь Великий Иван Всея Руси). Дар музею от Вахрушова И. В. в 1979 г. ТМО 28192/41 МД-1264

Данный клад можно отнести к группе ценностных кладов (содержащий более половины предметов общепринятых ценностей времени захоронения). Встречается также одна монета (ТМО 28192/41) с отверстием для

[264] Зарплаты и цены с XVI века. Деньги России: история и современность [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.russian-money.ru/. (Дата обращения: 17.10.2019).

ношения в качестве медальона, ее можно вполне отнести к реликвии. По мотивации захоронения является ситуационным (связан с историческими событиями в государстве). По типу захоронения можно предположить, что относится к поверхностному (т. к. был обнаружен при разборе дома). По территории нахождения является крестьянским (мог принадлежать зажиточной семье).

Клад № 3. Клад серебряных монет XVI – начала XVII в. состоит из 9 экземпляров (ТМО 4538-4546). На этот клад в собрании музея сохранилась исчерпывающая информация в книге поступлений и рукописном акте. Известно, что клад найден в д. Тиманова Гора Бабушкинского района при рытье канавы недалеко от церкви в кувшинчике на глубине около метра. Вес найденных денег 880 г., но до взвешивания много растеряно и разобрано. В музей привезены не все образцы, остальные переданы в Государственный банк. Переданы в музей от Кряталова Александра Феодосьевича, д. Жилкино Тимановского сельсовета Бабушкинского района в 1936 г. В КП запись: *«См. рукописн. отд. б-ки музея за № 298. Из клада монет, обнаруженных в Леденгском р-не»*[265].

В составе клада преобладают монеты времени Ивана IV: денга до 1547 г., Москва (1 экз.) и копейки: 1547–1550 гг., Псков (1 экз.), Новгород (2 экз.). В единичных экземплярах копейки: времени Федора Ивановича, Москва (1 экз.), Бориса Федоровича, Москва (2 экз.), Василия Ивановича, Москва (1 экз.) и чекан Шведская оккупация в Новгороде (1 экз.). Последняя монета датируется 1611–1617 гг., возможно, клад был зарыт в средине XVII в. местным населением, у которого были какие-то сбережения. Из страха их потерять прятали свои сокровища «до лучших времен».

В акте зафиксировано, что клад был найден в кувшинчике. По сей день сосуд сохранился с незначительными повреждениями и находится в коллекции «Керамика. Стекло» (ТМО-5919). В КП записан как кувшинчик-кубышка из-под клада серебряных капельных монет, XVII в. Он представляет особую ценность, является веще-

---

[265] Действительно, рукописный акт за № 298 сохранился в научном архиве музея. Он представляет обычное письмо, именуемое квитанцией № 63 от 30.09.1936 г. от Кряталова А. Ф. на имя директора тотемского музея Черницына Н. А., в котором зафиксирована содержательная информация о находке клада. Также в письме просьба, узнать какого временного периода деньги и их стоимость и письменно известить. В дополнение к письму сохранилась еще одна квитанция № 65: *«Тов. Черницын! Препровождаю ваш горшок, найденный с деньгами и денег 3 штуки. Подробности написаны почтой и расскажет податель сих вещей. Тимановский с/с д. Жилкино Кряталов А. Ф.»*. В настоящее время такие сохранившиеся письменные источники очень помогают при атрибуции *(прим. автора)*.

ственным доказательством того периода. Его можно отнести к категории редких предметов, т. к. имеется в собрании ТМО в единичном экземпляре и относится к чернолощеному типу гончарной керамики. Чернолощеная керамика – один из древнейших видов керамических изделий. Такая керамика получила широкое распространение начиная с XVII века. Известно, что в Вологодской губернии были центры этого производства. Иметь чернолощеную посуду издревле было признаком достатка и зажиточности хозяев дома. Кувшинчик изготовлен из глины на ручном гончарном круге, тулово почти шарообразной формы, горлышко слегка вытянуто кверху, в настоящее время край отбит. Сосуд небольшого размера, высотой 14 см, диаметр тулова 12 см, диаметр горла 2,8 см, диаметр дна 5,7 см, толщина стенок 0,6 см. Отверстие сверху 1,6 см, поверхность тщательно отполирована, черного оттенка. При осмотре кувшинчика выяснилось, что декор и надписи на тулове отсутствуют.

Кувшинчик-кубышка из-под клада серебряных капельных монет, XVII в. Глина, чернолощение. Передан в музей от корреспондента музея Кряталова Александра Федоровича (д. Жилкино Тимановского с/с Бабушкинского р-на). ТМО 5919 КС-50

Ознакомившись с данным кладом, можно сделать выводы: в составе преобладают монеты – копейки (1547–1606 гг.), встречается копейка эпохи Смутного времени чекана Шведской оккупации в Новгороде (1611–1617 гг.). Он относится к группе ценностных кладов, по мотивации и типу захоронения – сберегательный, подземный, по территории нахождения является крестьянским.

Клад № 4. Клад монет XVI–XVII в. состоит из 5 экземпляров (ТМО 3432-3436). Согласно данным сохранившегося рукописного акта № 380 от 25.02.1924 г. и заверенного Сибирцевым П. Е., известно: *«Клад монет был найден летом 1923 г. гр. д. Угора Маркушевской волости Тотемского уезда (в н. в. Тарногский р-он) Михаилом Федоровичем Петуховым, у деревянной стены б. Николо-Маркушевского монастыря, вправо от больших входных ворот. С его слов, подобные*

монеты часто встречались в этом месте». Клад по количеству небольшой, возможно, это личные деньги монахов.

В состав клада входят монеты времени Ивана IV, денга: до 1547 г., Тверь – 1 экз., Михаила Федоровича, копейки: 1617, 1619 гг., Москва – 3 экз., и чекан «Нефедки в Свее», копейка: 1617–1630 гг.– 1 экз.

Проанализировав данный клад, можно сделать выводы: по количеству монет клад небольшой, возможно, сдана только часть его. В составе преобладают монеты – копейки, времени Михаила Федоровича (3 экз.), в единичном экземпляре – денга Ивана IV и копейка чекан «Нефедки в Свее». Последняя монета является подделкой, имитирующей московскую копейку Михаила Федоровича. Он относится к группе ценностных кладов, по мотивации захоронения – сберегательный, подземный; по территории нахождения является монастырским (т.к. был найден около монастыря).

Клад № 5. В собрании сохранилась часть клада неустановленного происхождения. Часть клада монет XVI–XVII вв. в количестве 13 экземпляров (ТМО 3449-3461). Записи КП очень скудны, хотя топография его известна – он происходит из Тотемского уезда, поступил в собрание музея в 1924 г. из старых фондов. К сожалению, происхождение установить не представляется возможным ввиду отсутствия сведений в учетной документации.

Кладовой комплекс состоит из монет времени Ивана IV: денга 1536–1547 гг., Москва (1 экз.), 1535–1547 гг., Тверь (1 экз.) и копейки: ок. 1550 г., Новгород (1 экз.), 1560–1584 гг., Псков (1 экз.). Далее чекан Бориса Федоровича, копейка: 1603 г., Псков (1 экз.). Чекан Шведов в Новгороде, копейки: 1611–1615 гг. (1 экз.). И монеты времени Михаила Федоровича, 1614, 1616–1617, 1642 гг., Москва (5 экз.), 1617–1627 гг., Псков (1 экз.). В составе преобладают монеты – копейки, времени Михаила Федоровича – 6 экз. В составе встречается монета с отверстием для ношения в качестве медальона, ее можно отнести к реликвии (ТМО 3451). Из-за отсутствия информации невозможно определить, к какой группе он относится. Монеты без определения значительное время хранились в закрытых фондах музея в отдельной коробке в конвертах. На данный момент вопрос по их истории остается открытым до обнаружения дополнительных сведений.

Клад № 6. Клад капельных копеек XVIII века в количестве 174 экземпляров датирован периодом правления Петра I (ТМО 4178-4316, ТМО 4319-4354). В записях книги поступлений ссылка на акт № 407, сохранившийся в научном архиве музея. Из записей КП из-

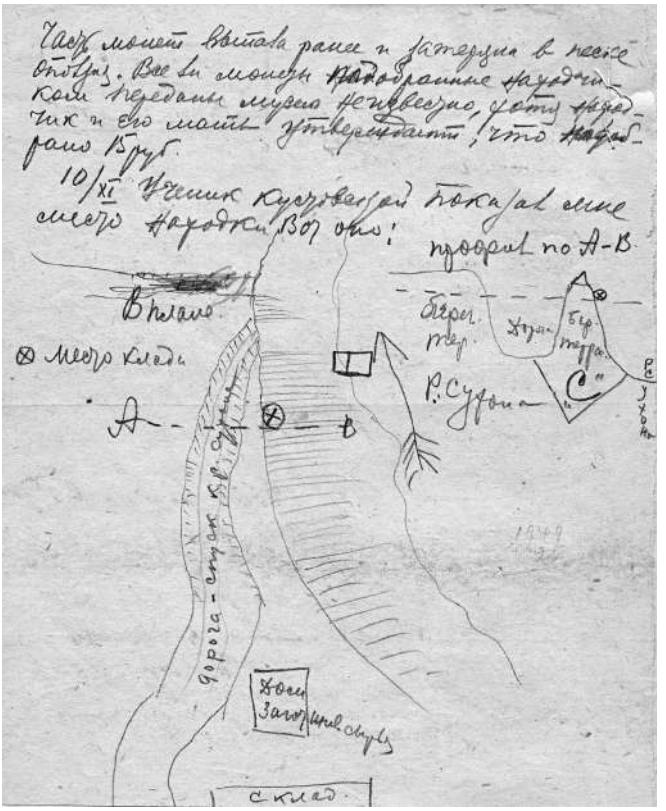
вестно, что передан в музей 26.01.1926 г. Иваном Дуровым. Найден в д. Пудково Куракинской волости Тотемского уезда в 1922 году Кичигиным А. В. Из акта следует: «*Клад в музей передал фельдшер Заозерского ветеринарного пункта Иван Дуров. Клад ему передал гражданин д. Пудково Куракинской волости Кичигин Александр Васильевич, который нашел его близ дома Ивана Александровича Попова в 1922 г. около дороги, завернутым в тряпку*». Все монеты были отчеканены с 1701 по 1717 годы во времена правления Петра I. Можно предположить, что на сокрытие клада повлияла денежная реформа Петра I. Она заключалась в системной государственной инициативе по изъятию у населения серебра, которого в качестве основного валютного средства в России тогда не хватало, и начале чеканки новой полновесной серебряной монеты европейского образца. Возможно, клад был закопан в 40-е годы XVIII века. К тому времени монеты уже несколько лет как вышли из обращения и представляли ценность только как драгоценный металл.

Можно сделать выводы, что клад состоит из копеек Петра I, с оттисками штемпелей разных монетных дворов. По значимости относится к ценностному; по мотивации захоронения – сберегательный, подземный; по территории нахождения – крестьянский (т. к. был найден около жилого дома).

Клад № 7. Клад серебряных монет, в количестве 9 экземпляров, времени правления Петра I (ТМО 30317, 30360, 30375, 30388, 30409-30413). Является одним из последних поступлений по записям КП в собрание музея. В записях КП числится под разными номерами и зафиксирован как «озерецкий клад». Передан из Тарногского музея через сотрудника Шубину Поликсенью Петровну 12.03.1986 г., акт № 34 от 12.03.1986 г. К сожалению, подробной информации не сохранилось.

Можно предположить, что название клада связано с топографией. На берегу р. Кокшеньги располагался Озерецкий православный приход, в котором было две деревянные церкви: теплая Христорождественская церковь с приделом Николая Чудотворца, построенная в 1786 году, и холодная Богородице-Рождественская церковь с приделами пророка Илии и великомученицы Параскевы Пятницы, построенная в 1735 году.[266] Вероятно, клад был найден около этих церквей, которые существовали на территории

[266] Христорождественская Озерецкая приходская церковь. // Церковно-исторический атлас Вологодской митрополии. Великоустюжская епархия.– Вологда: «Древности Севера», 2018. С. 78.

«Клад монет на берегу р. Сухоны».– Тотьма, 1949 г. (Научный архив ТМО № 575)

Тарногского р-на (в н. в.: д. Евсеевская, Озерецкий с/с, Тарногский р-н, Вологодская обл.). По номиналу клад состоит из копеек Петра (1702–1717 гг.); по значимости относится к ценностному; по мотивации захоронения – сберегательный, подземный.

Клад № 8. Клад серебряных монет XVIII в. в количестве 23 штуки (ТМО 5033-5055). Состоит из рублей и гривенников, передан в музей 13 ноября 1949 г. В. Ф. Кустовским. В КП запись на акт за № 575. Акт, сохранённый в музее, содержит следующую информацию: *«Обнаруженный в обрыве р. Сухоны, ниже Средней школы 30.10 и 13.11. 1949 г. учеником – Кустовским Влад. Флегонт. Находился в песке 25–30 см, из которого торчала часть бересты, завернутая в коробку, в которой и были захоронены деньги: 15 руб. серебряных*

от времен Петра I до Екатерины II (1720–1761 гг.). Известно, что часть монет затерялась в песке». 10.11.1949 г. ученик Кустовский В. показал место находки Черницыну Н. А., который данное место перерисовал. Удалось обнаружить, что около 1925 г. в том месте находились кузница для подковки лошадей, тянувших суда вверх по р. Сухоне, а также жилой дом, позже сгоревший. Возможно, этим жильцам клад и принадлежал. Позже, повторно обследовав местность, музейщики обнаружили 3 серебряных рубля и 5 серебряных гривенников. Гривенники найдены в завернутую в несколько слоев бумагу. Найдены были и кубышки, сплетенные из лапотного лыка в три слоя.

В XVIII в. этот участок Сухоны был оживленным, река была судоходная. По-видимому, у семьи возникли излишки денег, которые они решили припрятать в землю. В тот период можно было купить на серебро: аршин привозной ткани менее 7 рублей, пуд масла обходился в 2 рубля 14 копеек, фунт чая продавался по 2 рубля, пуд сахара – по 2,5 рубля, пуд ржаного хлеба стоил 26 копеек, пуд пшеницы – 64 копейки, пуд солонины – 12 копеек[267].

В состав клада входят рубли и гривенники времени Петра I, Екатерины II и Елизаветы Петровны. Преобладают рубли (16 экз.) 1720–1761 г. и гривенники (7 экз.) 1745–1746 г, 1753 г. Можно предположить, что по значимости клад относится к бытовому (т. к. в составе были монеты и предметы быта); по мотивации захоронения – ситуационный, подземный; по территории нахождения является городским.

В заключение следует отметить, что музей обладает значительной и разнообразной коллекцией кладов серебряных монет. В данной статье предпринята попытка атрибуции монет в контексте исторического развития территории. Можно утверждать, что сохранившиеся клады представляют значительную историческую ценность, каждая находка индивидуальна и носит в себе не только общие черты денежного обращения в стране, но и освещает проблемы на территории Тотемского уезда в определенный период времени, о чем подробнее будет сказано ниже.

Состав кладов подтверждает, что в Тотемском уезде бытовали прочные торговые связи с различными центрами, приведшие к значительным изменениям в экономике и социальном устройстве

---

[267] Цены на продукты и товары в 18 веке. // Библиотекарь.ру [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/2-8-8-istoriya-rossii-18-vek/22.htm (дата обращения 17.10.2019).

местного общества. Проанализировав все кладовые комплексы по составу и хронологии, можно сказать, что пять относятся к периоду XVI в. – 30-е гг. XVII в., три – к концу XVII в. – XVIII векам. Не случайно, что большинство кладов относится к XVII в. Это объясняется тем, что в этом столетии значительно возросли масштабы товарного производства, торговли, денежного обращения, увеличилось производство монет. В XVIII и, особенно, в XIX вв. интенсивность образования кладов резко уменьшается. Данные кладовые комплексы не содержат иноземных монет, отражая «чистоту» русского денежного обращения на территории Тотемского уезда.

Первые пять комплексов имеют близкую датировку, и это не случайно. Вероятно, в условиях внешнеполитического кризиса, который переживало Русское государство в конце правления Ивана IV, сокрытие кладов приобретало массовый характер, многие даже остались невостребованными. В них отразились бурные события «Смутного времени» и другие социально-экономические потрясения общества. Клады № 6 и 7 схожи по составу монет и временному периоду, отличаются лишь топографией. Возможно, на сокрытие кладов повлияла денежная реформа, проведенная Петром I. Активно вводятся в обращение новые монеты с разным номиналом, и прекращается чеканка серебряной проволочной копейки. Последний клад № 8 более поздний по временному периоду и отличается по номиналу. Клады № 3, 4, 7 невелики по размерам (до 10 экз.). Не исключено, что это лишь часть комплексов, которые изначально были больше. Монеты кладов распределяются по месту чекана следующим образом: преобладает Москва, затем Новгород и Псков, встречаются единичные экземпляры из Твери.

Благодаря сохранившимся рукописным актам в собрании научного архива музея, удалось провести полную атрибуцию кладовых комплексов. Выделено четыре группы кладов различного наполнения и принадлежности, их географического распространения в Тотемском уезде. В собрании преобладают клады следующих групп: ценностные, сберегательные, подземные и крестьянские, лишь один клад неизвестного происхождения. По географическому распространению, можно сказать, что клады распространены по всей территории Тотемского уезда (в настоящее время несколько территорий входят в состав Тарногского и Бабушкинского районов). Встречаются в кладах под № 2 и 5 монеты с отверстием – своеобразные реликвии, скорей всего, для ношения в качестве медальона или украшения. В собрании лишь у одного

комплекса из 8 (№ 3) сохранилась кладовая тара, что является большой редкостью.

Собранный материал является актуальным и в дальнейшем может быть использован в научной, выставочной и экспозиционной работе музея с целью популяризации коллекции. Отдельно отметим, что временная экспозиция «Тотемские клады» работала в формате выставки одного дня в рамках мероприятия «Ночь в музее» 21 мая 2016 года.

Правдина Мария Борисовна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ПОДХОДЫ К СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Коллекция осветительных приборов в собрании Тотемского музейного объединения не столь масштабна, но весьма показательна и позволяет проследить эволюцию освещения от позднего средневековья до наших дней.

Некоторые сложности в изучении темы обусловлены тем, что осветительные приборы, в зависимости от преобладающего вида материала, исторически распределились между разными фондами: «Металл», «Металл драгоценный», «Керамика. Стекло», «Дерево», «Петровская ремесленная школа». Автор выражает благодарность хранителям этих фондов И. С. Савковой, О. Н. Макаровой и О. В. Полоцкой за предоставление возможности работы с ними. Всего на сегодняшний день в собрании музея выявлено 274 светильника. Все они разнообразны по происхождению, изготовителю, времени создания и бытования, поэтому представляется разумным начать их изучение с классификации.

Традиционно принято классифицировать осветительные приборы **по типу освещения:** свечные, масляные, керосиновые, газовые и электрические. В собрании музея присутствуют осветительные приборы всех типов, кроме газовых, которые были преимущественно общественного назначения и на территории Тотемского края не были распространены. Среди оставшихся количественно преобладают свечные и керосиновые подсвечники и лампы (2/3 всего собрания). Согласно иконографическим источникам, на рубеже XIX и XX столетий в домах состоятельных

тотьмичей бытовали также светильники комбинированного типа – керосиновые лампы в сочетании с профитками и бобешками под свечи.[268] Электрическое освещение, уже получившее к этому времени распространение в столицах, в Тотьме применялось только в интерьерах общественных зданий: в учебных заведениях и магазинах. Так, построенная в начале XX века попечительством Н. И. Токарева Петровская ремесленная школа была оснащена электрическим освещением, о чем свидетельствуют документы и сохранившиеся фотографии того времени.[269] Тотемский купец А. М. Киренков в здании своего торгового дома на Сретенской улице также умело комбинировал разные типы освещения (электрическое и керосиновое), что запечатлено на фотографиях того времени.[270] Между тем, в быту купцы и тотемская интеллигенция предпочитали пользоваться традиционными способами освещения интерьеров – керосиновыми и свечными светильниками, т. к. свет электрических ламп считался слишком резким.[271] В присутственных местах предпочитали комбинировать разные источники света. На фотографиях начала XX века мы можем видеть, что в здании общественного собрания зал освещался при помощи свечной люстры и настенных керосиновых бра.[272] Масляные светильники использовались в быту лишь в виде лампад. Интересный экземпляр рельефной фарфоровой расписной лампадки[273] поступил в музей в 1988 году в дар от А. А. Антонова, жителя деревни Якуниха Погореловского сельсовета. Создана она во второй половине XIX столетия на неизвестном российском частном фарфоровом заводе и показательна по форме и декору.

Если классифицировать коллекцию осветительных приборов **по источнику происхождения и бытования,** то совершенно явно можно выделить несколько групп. Наиболее ранние из них – бытовавшие преимущественно в крестьянской среде – светцы разных

---

[268] Негатив стеклянный. Интерьер гостиной. Фотограф А. М. Киренков. Рубеж XIX–XX в. Собрание ТМО. ТМО-30751/29 ФНег-1509, 30751/2 ФНег-1472.

[269] Воронина Т. А. Петровская ремесленная школа / Т. А. Воронина [электронный ресурс] // ULR: https://www.booksite.ru/education/main/remeslo/3.htm (дата обращения 08.12.2019); Осколки времени. Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков. Краеведческий альбом.– Вологда: Древности Севера, 2017.– С. 102–103.

[270] Осколки времени. Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков. Краеведческий альбом.– Вологда: Древности Севера, 2017.– С. 12, 14–15.

[271] Фотографии из архива А. М. Киренкова в собрании ТМО: В гостиной. За регулировкой света лампы. ТМО-30751/10 ФНег-1490, ТМО-30751/25 ФНег-1505, ТМО-41066 ФНег-723.

[272] Осколки времени… С. 148.

[273] Собрание ТМО-30965 КС-682.

конфигураций, сохранявшие свои форму и назначение вплоть до XX столетия. Примером могут служить образцы, демонстрируемые в постоянной экспозиции краеведческого музея (напольные и настенные). Так, в зале, посвященном народным промыслам и ремеслам, вы можете видеть светец напольный на кольцевом основании кузнечного производства XVII столетия, где свечники для лучины мастер выполнил в виде стилизованных линий, со стояном в виде витых стержней с декоративными элементами-завитками[274]. Поступил он в 1941 году и бытовал на территории бывшего Тотемского уезда. В собрании музея насчитывается до 20 образцов, датируемых XVII–XIX столетиями.

Канделябр с фигурой амура на пять свечей, парный. Россия. Первая треть XIX века. Бронза; литье, чеканка, золочение, сборка. Передан из ЦХ ГМФ. Экспонируется в Купеческом зале краеведческого музея. ТМО-6361 М-86. Фото Людмилы Фоминской

Кроме того, отдельную группу составляют храмовые светильники (фонари, подсвечники, лампады). В собрании музея сохранилось несколько выносных фонарей разной формы (восьмигранные, цилиндрические с главками)[275], а также единичные расписные (в том числе т. н. «тощая свеча»[276]) и резные подсвечники, широкое распространение которых в деревянных храмах Тотемского уезда нам известно по сохранившимся экспедиционным зарисовкам Ф. М. Вахрушова[277]. К сожалению,

[274] Собрание ТМО-7025 М-186.

[275] Собрание ТМО-5473 М-844, ТМО-5913 М-916.

[276] Светильники Древней Руси из собрания Русского музея.– СПб.: Palace Edition, 2013.– С. 142–143, 148–149, 152–153.

[277] Собрание ТМО-7993 ИЗО-689, ТМО-7986 ИЗО-687, ТМО-7991 ИЗО-664, ТМО-7989 ИЗО-663.

паникадила традиционного типа, бытовавшие в храмах Тотемского уезда, согласно иконографическим источникам[278], в собрании музея отсутствуют.

В коллекции имеется также комплекс высокохудожественных произведений осветительной арматуры, не имеющий тотемских корней, а переданный в 1927 году из Центрального хранилища Государственного Музейного фонда (далее – ЦХ ГМФ). Это комплекты парных канделябров из золоченой и патинированной бронзы, созданные в России в первой трети XIX столетия (на две свечи с женской фигурой, на пять свечей с фигурой амура), и парные подсвечники с женскими головками[279]. Большая часть из них происходит из Строгановского фонда и отличает их высокое качество исполнения позолоты, чеканки и патины.

Люстра-корзина с хрустальным убором и внутренним фонарем на 10 свечей. Последняя четверть XVIII века. Металл, хрусталь, стекло цветное («золотой рубин»); литье, чеканка, серебрение, гранение, шлифовка, сборка. Экспонируется в музее церковной старины. ТМО-6396 М-914. Фото Александры Гросс

Светильники **по месту расположения в интерьере** можно разделить на *подвесные, навесные и стоячие*. Такое разделение позволяло равномерно распределить световые потоки внутри помещения. Среди *подвесных светильников*, ориентированных на освещение верхней части интерьеров, наибольшее распространение получили люстры и фонари. К сожалению, люстр в собрании музея едва ли наберется десяток. Интересно, что сохранились образцы с хрустальным

[278] Осколки времени. С. 61.

[279] Собрание ТМО-6368 М-75, ТМО-6369 М-74, ТМО-6360 М-87, ТМО-6361 М-86, ТМО-6366 М-125, ТМО-6367 М-126.

убором. Наибольший интерес представляет люстра-корзина с внутренним фонарем[280], происходящая из Троицкой Зеленской церкви, освященной в 1788 году. Она относится к третьему типу конструкций люстр екатерининского времени, в соответствии с классификацией И. О. Сычева[281]. По всей вероятности, время ее создания соответствует времени освящения храма. Подобные люстры ценились владельцами за красоту и высокую светоотражательную способность, поскольку свет преломлялся сквозь граненые призмы разной конфигурации и многократно усиливал световой поток. Интересно, что эти свойства были оценены и в советскую эпоху. Две парные люстры подобной конструкции в настоящее время демонстрируются в Тотемском краеведческом музее (в вестибюле и Купеческом зале)[282], а до этого они висели в актовом зале Тотемского РК КПСС с момента его постройки до поступления в музей в 1987 году.

Широкое распространение в домах состоятельных тотьмичей на рубеже XIX–XX столетий получили так называемые «столовые лампы», применение которых гарантировало направленный свет от подвесной лампы вниз – непосредственно на стол. Хотя в собрании музея подобные экземпляры отсутствуют, мы можем иметь представление об их облике и конструкции по сохранившимся аналогам и фотографиям начала XX века.[283] Это был керосиновый светильник с эмалевым или стеклянным абажуром, снабженный опускным механизмом с декоративно оформленными блоками и противовесами, посредством которого он мог быть поднят или опущен.

Коллекция фонарей Тотемского музейного объединения весьма представительна и частично уже была опубликована[284]. Имеющиеся в собрании свечные и керосиновые фонари предназначались для наружного применения, а также лестниц и коридоров внутри дома, где сквозняки были обыкновенным явлением. Стекло призвано было уберечь пламя от угасания. Большое разнообразие керосиновых фонарей, бытовавших в Тотемском районе с конца

---

[280] Собрание ТМО-6396 М-914. Экспонируется в музее церковной старины. К сожалению, в момент монтажа детали были собраны произвольно, исторический облик нарушен.

[281] Сычев И. О. Русская бронза.– М.: Трилистник, 2003.– С. 57; Сычев И. О. Русские светильники эпохи классицизма. 1760–1830.– СПб., 2003.– С. 29.

[282] Собрание ТМО-30578/1-2 М-791-792.

[283] Собрание ТМО-30751/21 ФНег-1501.

[284] Тотьма. Альбом-путеводитель по коллекциям Тотемского музейного объединения.– М.: Триквадрата, 2015.– С. 134.

XIX и на протяжении всего XX столетия, представлено в собрании. В основном это фонари типа «летучая мышь»[285], первоначально создававшиеся на заводах в Германии, а также аналоги, произведенные десятилетия спустя в Самаре и Уфе.[286]

Навесные светильники представлены в собрании музея разными видами бра и стенников. Конструкция и декор их разнообразны, но главной отличительной особенностью является способ крепежа к стене – с помощью пластины, на которой уже, в свою очередь, закреплены ветви-свечники или зеркальные отражатели.

В собрании музея имеются ранние образцы XVIII столетия, как, например, бра на четыре свечи, созданное кузнецом и представляющее собой держатель в виде ветви, состоящей из четырех свечников с декоративными завитками. Оно экспонируется в Фисташковом зале краеведческого музея.[287] Поступило от представительницы купеческого рода Ф. П. Каплиной в 1958 году. Образец зеркального отражателя, бытовавшего в 1880-е годы в доме Сибирцевых на ул. Красной, экспонируется в одной из витрин Синего зала краеведческого музея[288]. Подобные осветительные приборы восходят к образцам, созданным во второй половине XVIII столетия Иваном Кулибиным. В них благодаря закрепленным в корпусе под разными углами зеркальным вставкам многократно увеличивается световой поток от установленной на плато свечи.

Популярность настенных светильников среди горожан подтверждается их присутствием в ассортименте Петровской ремесленной школы (1899–1924). В собрании музея имеется образец жестяного стенника (на одну свечу с держателем для спичечного коробка), декорированного росписью кобальтовым растительным орнаментом по белой эмали. Поступил он в музей в составе коллекции Тотемской художественно-технической школы в ноябре 1924 года при закрытии этого учебного заведения.[289] Свечные навесные светильники часто изготавливались парными и располагались в интерьерах рядом с зеркальными поверхностями для увеличения светоотражения.

---

[285] Название происходит от немецкого «Fledermaus» – так называлась немецкая фирма, создавшая и запатентовавшая во второй половине XIX века фонарь в ветроустойчивом корпусе *(прим. автора)*.

[286] Собрание ТМО-6986 М-ТМО-33377 М-806, 33884 М-805, 33170 М-808.

[287] Собрание ТМО-16087 М-188.

[288] Собрание ТМО-17161/1 М-490.

[289] Собрание ТМО-14883 РШ-227.

Самое большое разнообразие форм демонстрируют *стоячие осветительные приборы* (канделябры, жирандоли, торшеры, подсвечники, бужуары). В соответствии с утилитарной функциональностью их можно разделить на парадные и бытовые. Парадные размещались в гостиных и столовых. Изготавливались они из дорогостоящих материалов (преимущественно бронзы) и богато декорировались. Прекрасным примером парадного осветительного прибора можно считать парные бронзовые подсвечники на одну свечу с фигурой египтянина,[290] созданные в России в первой трети XIX века по французским образцам. Бытовали они в Тотьме в семье А. А. Новоселова и были переданы им в музей в 1938 году.

Другим подобным примером являются бронзовые парные канделябры в стиле классицизм на шесть свечей[291]. К сожалению, эти светильники в процессе бытования почти полностью утратили свой хрустальный декор. Принадлежали они известному тотемскому роду Пановых и были переданы в качестве вклада в Успенскую церковь Е. В. Замяткиной. Уже после закрытия храма в 1940 году вместе с наиболее ценным имуществом они попали в музей.

Самые же многочисленные в собрании – бытовые подсвечники на одну свечу. Их насчитывается около сотни. Выполнены они из различных сплавов (меди, латуни, шпиатра, олова, чугуна и железа), иногда серебрёные, никелированные, патинированные, тонированные. Формы их весьма разнообразны – в виде колонн, вазонов, балясин, обелисков, фигурок животных и людей. Иногда мастера при их изготовлении применяли недюжинную смекалку. Так, в собрании музея имеется четыре витых подсвечника[292] на круглом плоском основании, в центре которого стоян образован полосой кованого железа, загнутой в спираль. Внутри полуцилиндр с установленной в него свечой двигался вверх-вниз по спирали, в результате – пламя свечи удерживалось на одном уровне, независимо от того, насколько она прогорела.

Для заядлых курильщиков изготовлялись подсвечники с пепельницей. В собрании музея имеется несколько подобных экземпляров[293]. Об их широком бытовании можно судить по многочислен-

---

[290] Собрание ТМО-6773 М-86, 6774 М-69.

[291] Собрание ТМО-7016 М-81, ТМО-7017 М-82.

[292] Собрание ТМО-5489 М-419, ТМО-5642 М-116, ТМО-16364 М-144, ТМО-23166 М-420.

[293] Собрание ТМО-16124 М-141, 16754 М-156, ТМО-18128/1-2 М-160-161.

ным аналогам, выпускаемым уральскими заводами[294], и по их присутствию на фотографии в интерьере тотемской гостиной.[295] В домах тотьмичей также бытовали невысокие подсвечники на одну тонкую свечу для божницы. Несколько таких экземпляров есть в собрании[296]. Их отличает устойчивое основание (часто геометрической формы), небольшая высота стояна и малый диаметр бобешки. Имеется в коллекции музея и несколько экземпляров бужуаров – низкого прикроватного или комнатного подсвечника на одну свечу, с бобешкой, закрепленной на блюдце. Такие подсвечники снабжались с одной стороны ручкой в виде кольца, петли или язычка[297].

Как показывает анализ собрания и сохранившейся иконографии, жирандоль[298] как вид осветительного прибора не был распространен в Тотьме. Торшеры же в собрании музея представлены только экземплярами 1970–1980-х годов.

Осветительные приборы воплощают в себе не только технические достижения времени, но и **стилистические предпочтения эпохи.** К сожалению, светильники русского барокко в собрании музея отсутствуют. Осветительные приборы классицизма представлены единичными экземплярами. Основные же стилевые направления XIX века отражены в имеющихся образцах в полной мере.

Прекрасным примером стиля ампир, для которого характерна подчеркнутая тектоника, стройность композиции и высочайшее качество отделки золоченой бронзы, являются высокие парные каминные канделябры в виде каннелированных колонн на семь свечей начала XIX века.[299] Переданы они были из ЦХ ГМФ в 1927 году.

Переходный период от ампира к историзму, для которого при сохранении тектоники характерны измельчённость рисунка, некоторая сухость композиции и постепенный отказ от ручной чеканки в пользу штампованных деталей, демонстрирует под-

---

[294] Художественное литье XIX–XX веков в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Каталог / Авторы-сост. О. П. Губкин, Г. П. Шайдурова.– Екатеринбург, 2005. С. 162, кат. 403.

[295] Собрание ТМО-30751/29 ФНег-1509.

[296] Собрание ТМО-16053 М-140, ТМО-16743/1-2 М-153-154.

[297] Собрание ТМО-6552 М-128, ТМО-6553 М-129, ТМО-14882 М-138, ТМО-16376/1-2 М-145-146, ТМО- 31514 М-173.

[298] Вид настольного осветительного прибора на несколько свечей, в котором главная декоративная роль отводилась хрустальному убору, а металлическая конструкция являлась лишь каркасом, бытовавшего во второй половине XVIII века *(прим. автора).*

[299] Собрание ТМО-6362 М-85, ТМО-6363 М-88.

свечник в виде колонны, созданный в России в 1830-е годы[300]. На нем нет клейма мастера, но благодаря сравнительному анализу с имеющимися экземплярами в собрании нашего и других музеев[301] можно с некоторой долей вероятности приписать его работе Московского бронзолитейного заведения Петра Петрова. Косвенным аргументом в пользу этого предположения является тот факт, что поступил он в музей в 1927 году из ЦХ ГМФ.

Черты второго рококо с его причудливыми формами и рокайльными мотивами ярким образом воплотились в парном бра с фарфоровыми деталями на четыре свечи[302]. Экспонируется оно в Купеческом зале краеведческого музея, размещено по сторонам от напольного зеркального трюмо. Поступило оно в музей из Народного суда I участка Тотемского района в 1939 году. На запрос в архивный отдел Тотемского муниципального района был получен ответ[303], что в этот период суд располагался по адресу: ул. Садовая, 6. Вероятнее всего, светильники были переданы в музей как представляющие художественную ценность при замене освещения. Кому принадлежало здание ранее, пока выяснить не удалось. Выстроено оно в характерной для Тотьмы конца XIX столетия традиции – с мезонином, торцом обращено к улице, с декоративными элементами на водосточных трубах.

Подсвечник в стиле модерн. Россия. Конец XIX – начало XX века. Бронза; литье, чеканка, сборка. Экспонируется в Синем зале краеведческого музея. ТМО-6446 М-70. Фото Валерии Наумовой

Эпоха модерна кроме технических новшеств внесла в осветительную арматуру и новые декоративные формы. Яркой иллюстрацией ее является подсвечник, экспонируемый

[300] Собрание ТМО-6365 М-124.
[301] Сычев И. О. Русские светильники эпохи классицизма, с. 189–191, ил. 956–958.
[302] Собрание ТМО-6777 М-91 и ТМО-6778 М-90.
[303] Архивная справка № 880 от 06.12.2019.

Подсвечник с бисерным стояном, парный. Россия. Конец XVIII – первая четверть XIX века. Бронза, бисер, дерево: литье, чеканка, золочение, низание, сборка. Вклад в Тотемский Спасо-Суморин монастырь. Экспонируется в музее церковной старины. ТМО-6261 М-118. Фото Александры Гросс

на пилоне в Синем зале краеведческого музея[304]. Передан он был в музей в 1928 году первым директором Н. А. Черницыным. Его стоян и основание состоят из стилизованных листьев и побегов вьюна.

Мастера при изготовлении светильников экспериментировали с разными **материалами**. В собрании музея имеются осветительные приборы, изготовленные из резного и расписного дерева,[305] фарфора,[306] граненого хрусталя (цельнолитые и с хрустальным стояном),[307] оплетенные бисером,[308] плетеные из корней деревьев.[309]

Особое место в собрании музея занимают **мемориальные** осветительные приборы, которые отсылают нас к локальной истории.

В процессе изучения и атрибуции коллекции обнаруживаются проблемы общего и частного характера.

К первым относится отсутствие авторства у большинства изучаемых предметов. Изделия редко клеймились, поэтому определить изготовителя и место создания зачастую не представляется возможным. Из 274 изученных светильников изготовителя или автора пока удалось установить лишь чуть более, чем у 11% экземпляров. Кроме того, осветитель-

[304] Собрание ТМО-6446 М-70.

[305] Собрание ТМО-5491 Д-1016, ТМО-9437 Д-2625, ТМО-9460 Д-2635, ТМО-9472 Д-2164.

[306] Собрание ТМО-6258 М-117, ТМО-9407 М-93, ТМО-9502 М-94.

[307] Собрание ТМО-30640 КС-1186, ТМО-6268 М-120.

[308] Собрание ТМО-6261 М-118, ТМО-6262 М-119.

[309] Собрание ТМО-5684 Д-956.

ные приборы стоили дорого, поэтому с переходом на новый тип освещения они переделывались. К сожалению, лишь единичные образцы дошли до нас в первозданном виде. В качестве печального примера поновления можно привести две люстры: первая – в форме корзины с хрустальным убором из музея церковной старины и вторая – в форме античного светильника эпохи ампир[310] из музея И. А. Кускова. Оба образца были приспособлены под электрическое освещение. К обручу первой припаяли патроны электрических лампочек, а корпус второй, созданный из прекрасной патинированной бронзы с золочеными деталями, был изуродован отверстиями, пайкой и шнурами.

К проблемам частного характера можно отнести отсутствие иконографического материала, который бы позволил судить об особенностях форм осветительной арматуры и традициях ее размещения в домах тотьмичей. Достоверные источники появляются лишь с широким распространением в Тотьме фотографии в последние десятилетия XIX века. Другая проблема – лакуны в учетной документации, касающиеся сведений об истории бытования большинства светильников. Зачастую информацию приходится восстанавливать по крупицам и косвенным источникам, но в большинстве случаев восполнить ее, к сожалению, уже не представляется возможным.

Дальнейшее изучение коллекции, уточнение хронологических рамок создания и бытования светильников, поиск новых источников и анализ информационного потенциала собрания позволит нащупать подходы к систематизации осветительных приборов, результатом которой может стать научный каталог и/или выставочный проект музея.

Макарова Ольга Николаевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

Еще в глубокой древности люди пытались измерять величины и пользовались для этого довольно примитивными средствами: локтем, пядью, саженью и т. п. Такие единицы измерения, конечно,

[310] Собрание ТМО-7015 М-915. Передана в 1940 году из Успенской церкви, вклад Е. В. Замяткиной – наследницы династии Пановых-Замяткиных.

не точны и зависели от индивидуальных особенностей человека. Прошли века, прежде чем выработались основные, условно взятые, меры для определения единиц.

В собрании ТМО насчитывается 74 измерительных прибора – это безмены и весы, а также в дополнение к весам идут гири – 54 ед. хр., собранные в разное время у жителей города Тотьмы, окрестных деревень, в ходе экспедиций в Тарногский, Бабушкинский, Нюксенский, Междуреченский и Сокольский районы, ранее частями входившие в состав бывшего Тотемского уезда.

Одним из ранних поступлений в музей был деревянный безмен (ТМО-5995) в 1925 году от Богданова Ивана Михайловича из д. Брусенец Тотемского уезда; одним из последних – металлодеревянный безмен (ТМО-41025), поступивший в 2016 году от Копытова Николая Пантелеймоновича из д. Пустошь сельского поселения Пятовское.

Самой многочисленной подколлекцией являются безмены, их собрано 48 единиц хранения. Традиционно безменом называют группу рычажных весов с противовесами, с помощью которых можно взвешивать, не используя гири. Появились безмены в глубокой древности, скорее всего независимо друг от друга, в разных странах. Точная дата появления безменов неизвестна и уходит в далекое прошлое.

В России словом «безмен» часто обозначали не только весы, но и единицу массы в 2,5 фунта. Датировать русский безмен с точностью до года или даже до десятилетия – довольно-таки сложная задача. К большому сожалению исследователей, на безменах редко можно найти обозначение времени или место производства. В большинстве случаев о примерном времени изготовления можно судить лишь по форме изделия. Безмены делятся на три типа: деревянные, металлодеревянные и цельнолитые.

Колоритные деревянные безмены, выточенные из комеля дерева и снабженные кожаными ремнями и подвесами на шпагате, предположительно изготавливались в XVIII – начале XIX веках. Конструкция деревянного безмена проста и оригинальна, по своей форме он напоминает булаву. На одном конце у него зафиксирована гиря (как правило, ее масса составляла порядка 1 русского фунта), далее идет рукоять с точечной измерительной шкалой, завершает изделие металлический крюк или подвес. В процессе взвешивания товар кладется на чашку или навешивается на крючок. На стержень надета петля из проволоки или струны, которую при взвешивании держат за верхний конец, передвигая по стерж-

ню до тех пор, пока безмен не придет в равновесие; при этом центр тяжести безмена, не нагруженного товаром, придется над нижним концом проволочной петли. От этого места идет счет делений, которые имеют вид небольших точечных углублений, выбитых на стержне безмена между этим местом и концом, на котором находится крючок. Небольшие грузы можно еще взвешивать с точностью до ¼ фунта или до ½ фунта, а перейдя за 20 фунтов безмены отличались меньшей точностью, однако вполне годились для использования в крестьянском быту.

Безмен-фунтовик. Россия к. XIX – н. XX в. Дерево, металл. 70×17 см. ТМО 19149

К простым безменам в российских глубинках издавна сложилось особое отношение. Их показаниям доверяли безоговорочно, их берегли как большую ценность, передавая по наследству. Этот факт нашел отражение в русской пословице «Безмен – не попова душа, не обманет» и в загадках «Сам худ, а голова с пуд», «Железная душа, не берет барыша»[311].

В коллекции музея насчитывается 10 таких безменов. Наибольший интерес представляет безмен ТМО-19145, поступивший в 1966 году от Новожилова Павла Алексеевича из деревни Корепово Пятовского с/с (ныне территория города Тотьма).

Наряду с деревянными безменами широко использовались и более сложные по конструкции, так называемые, металлодеревянные безмены, относящиеся к XVIII–XIX векам. Такие безмены выглядят богаче, состоят из деревянной, обычно дубовой, круглой палки, слегка утолщенной в средней части. Оба ее конца отделывали медью: на одном конце – противовес, на другом – железная обхватка с крюком для взвешивания предмета.

---

[311] Старинные русские безмены. // Кладовая истории [электронный ресурс]. Режим доступа: http://biblio-klad.ru/publ/stati/istorija_veshhej/starinnye_russkie_bezmeny/29-1-0-1016 (Дата обращения 17.12.2019).

Изготовлением таких безменов славились мастера Курляндии и Лифляндии, в Туле, Рязани, Калуге. Калужские безмены ценили не только за их точность, но и за удивительной красоты отделку. Стремясь выделить свои изделия среди конкурентов, местные кузнецы украшали коромысла безменов резными кольцами, а гири украшали ромбами, многогранниками, маркировали изображениями причудливых животных или надписями, свидетельствующими о времени и месте изготовления весов[312].

В собрании нашего музея насчитывается 13 безменов данной конструкции, из них «калужского типа» – 3. (ТМО-22527, поступил в 1970 г. от Капустиной Е. К. из д. Середское; ТМО-41025, поступил от Копытова Н. П. в 2016 г из д. Пустошь СП Пятовское; НВ-7482, без истории). К сожалению, ни на одном из них нет клейма.

К металлическим безменам мы можем отнести курляндские безмены (польского типа). Своему названию курляндский (лифляндский, польский) безмен обязан месту своего массового производства. Такие безмены изготавливались кустарями в основном Курляндской и Лифляндской губерний и затем расходились по всей стране. (ТМО-16109).

Конструкция курляндского безмена предусматривает наличие двойной линейки, при этом одна входит в другую. На первой линейке обозначены деления шкалы, на ее конце зафиксирован противовес, а на второй закреплена скоба, за которую удерживают безмен, а под скобой имеется крючок или чашка. При взвешивании

Безмен курляндский XIX в. Металл, дерево, литье. 47×22×3,5 см. ТМО 16109

[312] Старинные русские безмены. Часть 2. // Волгоградский музей мер и весов [сайт]. http://museum.vzvt.ru/istoriya/takie-raznye vesy/starinnye_russkie_bezmeny_chast_2/ (Дата обращения: 15.12.2019).

линейку с делениями необходимо вдвигать в основную линейку с грузом до достижения горизонтального равновесия конструкции. Шкала курляндского безмена равномерна. Изготавливали такие безмены более 100 лет: с середины XIX до середины XX века. В России они были запрещены для использования в торговле в результате метрологической реформы, осуществленной Д. И. Менделеевым в 1899 году, вследствие чего не поверялись с 1901 года. Основными причинами запрета служили низкая износоустойчивость и отсутствие указателей равновесия.

В фондах нашего музея всего лишь три таких безмена. Один из них (ТМО-16109) поступил в музей в 1958 году от Рогозиной Александры Григорьевны из д. Середское Тотемского района. Ещё один (ТМО-17735) поступил в музей в 1962 году от Кускова Михаила Григорьевича из Погореловского с/с.

Впрочем, очевидная неточность при взвешивании тяжелых грузов не помешала безменам с подвижной точкой опоры распространиться по миру. Их широко использовали жители Скандинавских стран, они были известны в Дании, Германии, Франции и других странах.

Довольно оригинальной конструкцией отличаются старинные кантарики. В качестве измерительной пружины выступает жесткое кольцо, внутри которого установлена шкала в форме полумесяца. У кантариков, изготовленных до середины XIX века, одна пара кольцо – крючок, одна шкала и, соответственно, один предел измерений. (ТМО-15871).

У более поздних кантариков появляется вторая пара кольцо – крючок, шкала становится двухсторонней, и появляется возможность взвешивать малые грузы. Максимальный вес груза при взвешивании с использованием большой шкалы для разных кантариков составляет от 8 до 10 пудов (для кантариков русской системы) или от 100 до 200 кг (для метрических кантариков). С использованием малой шкалы – от 40 до 60 фунтов или от

Безмен-кантарик. Германия. II пол. XIX в. Металл. 28×13×2 см. ТМО 15871

20 до 40 кг. Изготавливались кантарики, как правило, в Англии и Германии, предположительно с XVII века до Второй мировой войны. Кантарики русской весовой системы изготавливались и поставлялись в Россию и Польшу до начала Первой мировой.

В фондах нашего музея есть два безмена-кантарика, один из них (ТМО-15871) поступил в 1957 году от Талашова Дмитрия Николаевича из д. Мосеево Мосеевского с/с, другой (ТМО-25102) поступил в 1973 году от Постникова Александра Тимофеевича из д. Выдрино Пятовского с/с, притом найден им в металлоломе.

Безмены с цилиндрическим корпусом отличаются тем, что внутри них скрыта работающая на растяжении пружина. Они получили довольно широкое распространение начиная со второй половины XIX века и используются до сих пор. Предел взвешивания до 1000 гр. Производителями таких безменов были Германия, Англия и США. Для русских потребителей на корпусе имеется надпись: «RUSSIAN».

Один из них (ТМО-16088) поступил в 1958 году от жителя Зеленской слободы Каплина Ивана Ивановича. Другой (ТМО-32877) поступил в 1990 году от Девятовской Евфалии Яковлевны, уроженки дер. Конашевская Тарногского района.

Почти до самого конца XVIII века простой русский безмен использовался в торговле наравне с равноплечными весами. Обычные весы устанавливались в лавках, амбарах, на ярмарках, а безменами пользовались разносчики, коробейники и другие торговцы. Безмены поверяли и клеймили. По указу императора Павла I в 1797 году простой русский безмен был запрещен для применения в торговле. Он остался в употреблении только в бытовой сфере. Интересно, что аргументом при запрещении простого безмена была не его низкая точность, а то, что продавец с его помощью мог обманывать покупателя. И действительно, при взвешивании «для большей точности» безмен поворачивался шкалой вниз. В состоянии равновесия покупатель шкалу не видел. Стоило только, опуская и переворачивая безмен, слегка сдвинуть шнурок пальцем, как товар становился заметно тяжелее.

Наряду с безменами в собрании ТМО представлены и весы различных типов: это равноплечные, лабораторные, почтовые и др. Коллекция их насчитывает 26 ед. хр.

Простейшие **коромысловые весы** представляют собой равноплечий рычаг (коромысло). (ТМО-30567). В основу действия таких весов положен принцип равновесия. Изготовлением весов занимались во многих городах: это Касимов, Тула, Калуга, Новгород,

Весы рычажные. Россия. XIX в. Металл, литье. 37×69 см. ТМО 30567

с. Павлово и т. д. На коромысле указывали клеймо с датой и фамилией мастера. Среди большого количества мастеров мы можем отметить Николая Карачистова, Ивана Кастерина, Григория Букашева, Василия Кашина и многих других. В собрании нашего музея 19 единиц хранения коромысловых весов.

Весы (ТМО-30567) поступили в музей от Филева Павла Алексеевича в 1987 году. На весах клеймо: «М. ИВАНЪ 1860 г. КУЗНЕЦОВ». Весы ТМО-30806 поступили в 1988 году от Тропиной Галины Михайловны из г. Тотьма. На весах клеймо: «Григорий Иванович Букашев – Новгород». Весы (ТМО-39277) поступили в музей в 2006 году из старых фондов музея. На весах клеймо: «М. Н. Подкладкин».

Также к коромысловым весам мы можем отнести и **лабораторные весы,** которые предназначались для использования в ювелирной, фармакологической, медицинской промышленности и других отраслях, где необходимо взвешивание грузов с высокой точностью. Для работы лабораторных весов необходимо создать определенные условия. Прибор должен стоять на ровной поверхности (аналитические – на специальном антивибрационном столе), температура окружающей среды должна быть постоянной, ни в коем случае нельзя допускать сквозняков в помещении с весами, настроенные весы не рекомендуется переносить с места на место. Для стабильной работы с минимальной погрешностью лабораторные весы требуют периодической калибровки, причем калибровка бывает внешняя (необходима калибровочная гиря) и автоматическая (гиря уже встроена внутри весов). Подобный образец (ТМО-30491) поступил в музей в 1986 году от Мальцевой Зои Николаевны из г. Тотьма.

Ручные весы предназначены для взвешивания сыпучих и вязких веществ, изготавливаются с допустимой нагрузкой в 1,5, 10, 20, 50 и 100 г. Перед началом работы проверяют равновесие весов и, если есть необходимость, перемещают грузы так, чтобы стрелка полностью находилась в пределах щек. Для работы весов на штативе дужку чашки, в которую помещается взвешиваемый материал, выводят из зацепления с крючком и подвешивают чашку на крючок сверху, не вводя в зацепление с ним.

В собрании Тотемского музея – 7 ед. хр. Весы с деревянными чашами (ТМО-34846) поступили в 1993 году от Ярославцевой Любови Александровны из д. Дягилево Мосеевского с/с.

Для взвешивания на лабораторных и ручных весах используются граммовые и миллиграммовые гири, которые комплектуются в специальные наборы, называемые разновесами, и помещаются в футляры с гнездами. Граммовые гири имеют цилиндрическую форму с головкой и делаются из латуни, углеродистой стали или чугуна. Миллиграммовые – в форме пластинок из алюминия (шестигранной 500, 50 мг, четырехгранной 200, 20 мг и треугольной 100, 10 мг) и применяются для взвешивания в аптеке.

В советской торговле были разрешены к использованию исключительно рычажные весы. Так, на прилавках магазинов и на рынках часто можно было встретить чашечные весы системы Беранже. Торговые весы системы Беранже, в простонародье именуемые «уточками», всегда привлекали внимание коллекционеров благодаря своему традиционно-богатому декорированию. Они обязаны своим появлением французскому изобретателю Жозефу Беранже. Примерно в 1850 году он предложил усовершенствовать конструкцию весов своего предшественника Жиля де Роберваля дополнительными рычагами, что позволило повысить чувствительность устройства. Весы инновационной конструкции были запущены в массовое производство лишь в начале XX века. Их долгое время можно было наблюдать на прилавках советских магазинов[313].

В советское время дизайн таких весов изменился в сторону упрощения, что, однако, не повлияло на популярность конструкции. И если львы, русалки и гарпии постепенно ушли в прошлое, то весы с простыми геометрическими формами еще долгое время

---

[313] Старинные весы системы Беранже. // Волгоградский музей мер и весов. [сайт]. Режим доступа: http://museum.vzvt.ru/starinnye-vesy/vesy-sistemy-beranzhe/ (Дата обращения: 20.12.2019).

можно было наблюдать на прилавках магазинов. Советские «уточки» изготавливались с пределом взвешивания в 2, 5, 10 и 20 кг для весов обыкновенного типа, т. е. в открытом корпусе (ВНО) и с предельными нагрузками в 2 и 5 кг, если механизм помещался в закрытый металлический кожух (ВНЗ).

В собрании музея два экземпляра таких весов, одни из них (ТМО-17275) поступили в 1961 году от Поповой Марии Павловны из д. Малая Поповская Пятовского с/с. Вторые (ТМО-39199) поступили в 2006 году из старых фондов Тотемского музея.

Другим, не менее распространенным типом торговых весов были настольные циферблатные конструкции (ВНЦ). Такие механизмы могли предусматривать как наличие двух площадок для гирь и товара соответственно, так и быть одночашечными. Отличительным признаком и тех и других служили два циферблата: по одному во время взвешивания ориентировался продавец, подругому показания весов были доступны покупателю.

Взвешивание на циферблатных весах с двумя площадками производилось по классической схеме: на одну площадку помещали товар, на другую – необходимое количество гирь. Вес товара определялся по сумме массы гирь и показаний циферблата.

Весы ТМО-40194 Тулиновского приборостроительного завода с одной площадкой поступили в 2011 году от Кореневой Н. И. и использовались в Тотемском РайПО. Весы ТМО-40189 с двумя площадками имеют то же происхождение.

Для взвешивания в торговле применялись гири от 1 г до 20 кг. Промышленные предприятия СССР продолжали изготавливать гири русской системы мер вплоть до начала 1930-х годов, пока фунты и пуды полностью не вышли из употребления. Производство метрических гирь было налажено из различных материалов – керамики, фарфора. Впрочем, в силу трудоемкости процесса изготовления и, как следствие, большого количества брака производство керамических и фарфоровых гирь было вскоре приостановлено. Отныне материалом для торговых разновесов служил проверенный временем металл.

Гири от 10 г до 20 кг отливались из чугуна, а гири меньшей массы вытачивались из стали. Общепринятой была форма торговых гирь в форме цилиндров с головками. Номинал чугунной торговой гири и марка завода-изготовителя указывались на боковой поверхности, а на точеных маркировка массы наносилась на головку, а клеймо производителя ставилось на дне изделия. Для предохранения от ржавчины стальные гири никелировали. Состав

разновесов зависел от типа и предельной нагрузки используемых весов.

В музее насчитывается 54 гири, поступившие в разное время в ходе экспедиций и от местных жителей.

В XXI веке безмен окончательно утратил свое значение. Когда-то незаменимые в быту весы стали непонятны и бесполезны новому поколению. Большая их часть была сдана на пунктах металлоприема, выброшена; и лишь немногие образцы стали частью музейных и частных коллекций.

Собрание безменов и весов в фондах Тотемского музейного объединения весьма представительно. Но среди образцов в собранной коллекции отсутствуют некоторые виды: в частности, римский безмен, медицинские, торговые электронные весы и другие. Анализ коллекции позволяет наметить перспективы комплектования фонда в дальнейшем путём коммуникации с местным населением, с организациями и предприятиями по сбору вышедших из оборота и отсутствующих экземпляров.

Фирсова Наталья Игоревна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1946–1991 гг.)

Эта статья завершает процесс систематической работы по изучению, атрибуции и научному описанию наград советского периода из собрания музея. Обращаемся к послевоенному периоду (1946–1991), так как награды СССР довоенного и военного периода мною были уже изучены и представлены научному сообществу в рамках конференций 2018 и 2019 годов[314]. Относящиеся к этому

[314] Фирсова Н.И. Награды СССР в коллекциях Тотемского музейного объединения (довоенный период) // Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник материалов второй всероссийской научной конференции с международным участием (Тотьма, 1–4 марта 2018 г.) / Тотем. муз. об-ние, Вологод. гос. Университет.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. С. 141–151. Фирсова Н.И. Награды СССР в коллекциях Тотемского музейного объединения (военный период 1941–1945) // Русский Север-2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием / Тотем. музейн. об-ние, Вологод. гос. ун-т; [редкол.: Новоселов А.М. (отв. ред.) и др.] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2019.– С. 204–221.

периоду медали находятся в коллекции «Нумизматика и фалеристика». В нашем собрании насчитывается 144 награды послевоенного периода, принадлежавшие 141 награжденному. Поступали награды в музей в 1960-е – 1980-е годы и передавались самими награжденными. Единичные случаи поступления наград в конце XX века и в начале XXI-го – от наследников (жен, детей) по решению Наградной комиссии при Президенте РФ.

Охарактеризуем наградную систему этого периода в целом.

С 1947 года в наградной системе СССР появляется новый тип медали: в память юбилея города. Первой медалью в этом ряду стала медаль «В память 800-летия Москвы», позже были учреждены медаль «В память 250-летия Ленинграда» (16 мая 1957 года) и медаль «В память 1500-летия Киева» (10 мая 1982 года).

Для восстановления экономики, разрушенной войной, требовалось участие всей страны, и наградная система стала пополняться трудовыми медалями. 10 сентября 1948 года была учреждена медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса», а 18 мая 1948 года учреждена медаль «За восстановление предприятий чёрной металлургии юга».

22 февраля 1948 года учреждается юбилейная медаль «30 лет Советской Армии и Флота», которая заложила традицию – к каждому десятилетнему юбилею Советской Армии учреждать юбилейную медаль, последней в этом ряду оказалась медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР».

В 1950 году было учреждено две медали «за отличие»: «За отличие в охране государственной границы СССР», которой награждались пограничники и другие граждане, отличившиеся при охране госграницы, и «За отличную службу по охране общественного порядка», которой награждались милиционеры и граждане, отличившиеся при предотвращении преступлений и поимке уголовных правонарушителей. 20 октября 1956 года была учреждена медаль для поощрения целинников – «За освоение целинных земель». В 1957 году было учреждено две медали за персональную отвагу: «За спасение утопающих» и «За отвагу на пожаре».

В том же году Президиум Верховного Совета СССР поручил соответствующим ведомствам учредить ведомственную медаль «За безупречную службу».

7 мая 1965 года медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была заложена традиция учреждать юбилейные медали к каждому юбилею Победы: медаль юбилейная «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.», медаль юбилейная «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1967 году была учреждена юбилейная медаль «50 лет советской милиции» – единственная юбилейная медаль, связанная с органами правопорядка. 5 ноября 1969 года была учреждена медаль, посвящённая событию, которое должно было состояться в апреле 1970 года: юбилейная медаль «За доблестный труд (За воинскую доблесть). В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» медаль вручалась трём разным группам награждаемых (граждане СССР, военнослужащие СССР и иностранные граждане) и для каждой из них на реверсе медали размещался различный текст.

18 января 1974 года, одновременно с учреждением ордена Трудовой Славы (трёх степеней), была учреждена медаль «Ветеран труда», награждение которой приурочивалось к выходу на пенсию. В том же году была учреждена медаль «За отличие в воинской службе» двух степеней. А 20 мая 1976 года была учреждена медаль «Ветеран Вооружённых Сил СССР», которая являлась аналогом гражданской медали «Ветеран труда» и вручалась военнослужащим, прослужившим 25 календарных лет. Далее последовали три «созидательные» медали: «За строительство Байкало-Амурской магистрали», «За преобразование Нечерноземья РСФСР», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Последней медалью 70-х годов стала медаль «За укрепление боевого содружества», которой награждались граждане стран – участниц Организации Варшавского договора.

3 июля 1979 года было принято Общее положение об орденах, медалях и почётных званиях СССР, а 28 марта 1980 года были утверждены правила ношения государственных наград, лент орденов и медалей на планках. В тот же год, 11 июня был утверждён порядок вручения государственных наград СССР.

22 декабря 1988 года был учреждён последний советский орден – орден «За личное мужество». 29 августа 1989 года было принято постановление Президиума ВС СССР «О государственных наградах СССР лиц, подвергшихся репрессиям в период 30–40-х и начала 50-х годов и посмертно реабилитированных».

В собрании нашего музея ордена отсутствуют, а медали представлены широко и разнообразно.

Медаль юбилейная «В память 250-летия Ленинграда» – 5 ед. (Кувакина Дмитрия Георгиевича, Немирова Михаила Николаевича, Расторгуева Феодосия Феодосьевича (2 ед.). Владельца ещё одной медали установить не удалось.

На лицевой стороне медали рельефное изображение памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала на фоне Невы и здания Адмиралтейства. Позади памятника – развернутые знамена, внизу – лавровая ветвь с колосьями и изображение серпа и молота. В верхней части медали по окружности надпись: «В память 250-летия Ленинграда» и изображение пятиконечной звезды с расходящимися лучами.

На оборотной стороне медали изображение здания Смольного, над которым надпись в две строки: «ГОРОДУ-ГЕРОЮ СЛАВА!». Внизу цифра – «250». В верхней части медали в перевитом лентой венке из лавровых и дубовых листьев и колосьев изображение орденов Ленина и Красного Знамени, которыми награжден Ленинград. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой синего цвета с белыми полосками по краям. Посередине ленты красная полоса, имеющая с каждой стороны по две узких желтых полоски.

Медаль юбилейная «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (27 ед.) (Баландина Евареста Александровича, Волокитина Николая Алексеевича, Данилова Николая Ивановича, Белоусова Петра Фёдоровича, Дурова Николая Андреевича, Пономарёва Василия Васильевича, Неволина Алексея Павловича, Расторгуева Феодосия Феодосьевича, Казарина Михаила Лупановича, Плотникова Сергея Михайловича, Новгородова Василия Андреевича, Казаринова Александра Михайловича, Осовского Алексея Григорьевича, Лукина Андрея Ивановича, Никитникова Ивана Афанасьевича, Репина П. В., Филёва Павла Алексеевича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Заозерского Василия Павловича, Мишуринского Николая Николаевича, Антуфьева Алексея Васильевича, Маракова Александра Васильевича, Капустина Александра Григорьевича, Жилинского Петра Максимовича, Кокорева Петра Павловича, Медведева Петра Александровича, Елисеева Дмитрия Феодосьевича).

На лицевой стороне медали изображение памятника советскому воину-освободителю (установлен в берлинском Трептов-парке, скульптор Вучетич Е. В.) на двух скрещенных лавро-дубовых ветвях и надпись «1945–1965». На оборотной стороне медали надписи: по окружности – «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в середине медали римская цифра «XX» и звездочка на фоне расходящихся лучей. Края медали окаймлены бортиком. Изображения и надписи на медали выпуклые. Медаль

при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. На ленте три продольные чередующиеся полоски красного, зеленого и черного цветов. Край ленты после черной полосы окантован узенькой зеленой полоской.

Медаль юбилейная «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (17 ед.) (Осовского Алексея Григорьевича, Мишуринского Александра Ивановича, Лукина Андрея Ивановича, Никитникова Ивана Афанасьевича, Сибирцевой Антонины Павловны, Ляховой Александры Павловны, Андреева Константина Григорьевича, Филёва Павла Алексеевича, Фомина Александра Ильича, Мальцевой Маргариты Николаевны, Мальцевой Зои Николаевны, Попова Бориса Устиновича, Силинского Виктора Григорьевича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Заозерского Василия Павловича, Мишуринского Николая Николаевича, Макарова Василия Ивановича).

На лицевой стороне медали на фоне праздничных огней салюта в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне расположено рельефное изображение скульптуры Вучетича Е. В. «Родина-Мать» из памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы. Слева от скульптуры на лавровой ветви, опускающейся вниз, изображены пятиконечная звезда и дата «1945–1975». На оборотной стороне медали размещены: в верхней части по окружности надпись – «УЧАСТНИКУ ВОЙНЫ» или «УЧАСТНИКУ ТРУДОВОГО ФРОНТА», в середине надпись: «XXX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в нижней части – рельефное изображение серпа и молота на ленте. Края медали окаймлены бортиком. Изображения и надписи на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм с продольными чередующимися полосками черного и оранжевого цветов шириной по 3 мм каждая, красной – шириной 10 мм, зеленой и красной – по 3 мм каждая. Края ленты окантованы узкими оранжевыми полосками.

Медаль юбилейная «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (8 ед.) (Филёва Павла Алексеевича, Фомина Александра Ильича, Силинского Виктора Григорьевича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Мишуринского Николая Николаевича, Макарова Василия Ивановича, Шамаховой Анны Алексеевны, Двойнишникова Николая Григорьевича).

На лицевой стороне медали на фоне пятиконечной звезды, лавровых ветвей и огней праздничного салюта в честь победы

советского народа в Великой Отечественной войне расположены изображения скульптурной группы солдата, рабочего, колхозницы и Спасской башни Московского Кремля; в верхней части – даты «1945» и «1985». На оборотной стороне медали размещены: в верхней части по окружности надпись: «УЧАСТНИКУ ВОЙНЫ», в середине – надпись «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в нижней части – рельефное изображение серпа и молота над лентой. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Края медали окаймлены бортиком. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм с тремя продольными узкими черными полосками, чередующимися с четырьмя узкими полосками оранжевого цвета и одной – красного цвета шириной 10 мм. Края ленты окантованы узкими зелеными полосками. Таким образом, левая половина ленты повторяет в миниатюре рисунок ленты ордена Славы.

Медаль юбилейная «30 лет Советской Армии и Флота» (8 ед.) (Елисеева Дмитрия Феодосьевича, Расторгуева Феодосия Феодосьевича, Осовского Алексея Григорьевича, Мишуринского Николая Николаевича, Лукина Андрея Ивановича, Заозерского Василия Павловича, Белоусова Петра Фёдоровича, Андреева Аркадия Григорьевича).

На лицевой стороне медали – погрудное профильное изображение В. И. Ленина и И. В. Сталина. В нижней части медали – рельефная надпись: «XXX». На оборотной стороне медали надпись – по окружности: «В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ТРИДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЫ», в центре: «СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА» и дата «1918–1948». Края медали окаймлены бортиком. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой серой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты широкая красная полоска шириной 8 мм, по краям ленты узенькие красные полоски шириной по 2 мм.

Медаль юбилейная «40 лет Вооруженных Сил СССР» (Расторгуева Феодосия Феодосьевича).

На лицевой стороне медали, в центре – барельефное изображение В. И. Ленина в профиль, повернутое в левую сторону. В нижней части медали – рельефная надпись «40» на двух скрещенных лавро-дубовых ветвях. На оборотной стороне медали надпись – по окружности: «В ОЗНАМЕНОВАНИЕ СОРОКОВОЙ ГОДОВЩИНЫ», в центре: «ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР» и дата «1918–1958», внизу

изображение маленькой пятиконечной звездочки. Края медали окаймлены бортиком. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой серой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты две красные полоски шириной по 2 мм, по краям ленты также красные полоски шириной по 2 мм.

Медаль юбилейная «50 лет Вооруженных сил СССР» (23 ед.) (Никитникова Ивана Афанасьевича, Елисеева Дмитрия Феодосьевича, Фомина Александра Ильича, Филёва Павла Алексеевича, Расторгуева Феодосия Феодосьевича, Попова Бориса Устиновича, Пономарёва Василия Васильевича, Осовского Алексея Григорьевича, Новгородова Василия Андреевича (2 ед.), Мишуринского Николая Николаевича, Мишуринского Александра Ивановича, Медведева Петра Александровича, Лукина Андрея Ивановича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Кокорева Петра Павловича, Капустина Александра Григорьевича, Казаринова Александра Михайловича, Казарина Михаила Лупановича, Дурова Николая Андреевича, Баландина Евареста Александровича, Антуфьева Алексея Васильевича, Репина П. В. [К сожалению, инициалы раскрыть не удалось.]).

На лицевой стороне медали помещена пятиконечная красная эмалевая звезда. Звезда располагается на фоне пяти пучков лучей, выходящих из-под тупых углов звезды. В средней части звезды – круг диаметром 19 мм, на матовом фоне которого помещено профильное погрудное изображение двух солдат Советской Армии в будёновке и каске. По краям круга юбилейные даты: «1918» и «1968». Вокруг звезды изображен венок: левая ветвь венка – из лавровых листьев, правая – из дубовых. На оборотной стороне медали в верхней части – пятиконечная звезда, в средней части которой на матовом фоне изображение молота и плуга. Ниже звездочки надпись: «ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР». Края медали окаймлены бортиком. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой бирюзового цвета шириной 24 мм. Посередине ленты продольная белая полоска шириной 2 мм, справа и слева от которой расположены красная и белая полоски. Ширина красной полоски 2 мм, белой – 0,5 мм.

Медаль юбилейная «60 лет Вооруженных Сил СССР» (10 ед.) (Антуфьева Алексея Васильевича, Двойнишникова Николая Григорьевича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Лукина Андрея Ивановича, Мишуринского Николая Николаевича, Никитникова Ивана

Афанасьевича, Попова Бориса Устиновича, Силинского Виктора Григорьевича, Филёва Павла Алексеевича, Фомина Александра Ильича).

На лицевой стороне медали на фоне устремленных ввысь ракет и летящих боевых самолетов помещено изображение солдата Советской Армии с автоматом. Справа от фигуры солдата на горизонте моря изображена подводная лодка, над которой в две строки расположены даты «1918» и «1978». На оборотной стороне медали по окружности размещены надписи: «Шестьдесят лет» и «Вооруженных Сил СССР», разделенные звездочками. В центре – изображение пятиконечной звезды с молотом и плугом посередине, наложенное на скрещенные винтовку и шашку. Края медали окаймлены бортиком. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой серого цвета шириной 24 мм. Края ленты окантованы красной полоской шириной 5 мм. Посередине ленты продольная полоска золотистого цвета шириной 1 мм.

Медаль юбилейная «70 лет Вооруженных Сил СССР» (5 ед.) (Антуфьева Алексея Васильевича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Силинского Виктора Григорьевича, Филёва Павла Алексеевича, Фомина Александра Ильича).

На лицевой стороне медали, в центральной ее части, размещены профильные погрудные изображения летчика, моряка и солдата сухопутных войск, обращенные влево. По окружности медали проходят лавровые ветви. В верхней части аверса медали – изображение пятиконечной звезды с серпом и молотом в центре, в нижней – расположенные в две строки цифры «1918» и «1988». На оборотной стороне в пять строк расположена надпись «70 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР». Ниже надписи – лавро-дубовый венок. Края медали окаймлены бортиком. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой красного цвета шириной 24 мм. Края ленты окантованы зелеными полосками. Посередине ленты продольная полоска голубого цвета и две полоски золотистого цвета по обе стороны от голубой.

Медаль «Ветеран Вооруженных сил СССР» (Антуфьева Алексея Васильевича). Автор рисунка медали – художник Р. М. Пылыпив.

На лицевой стороне медали в верхней части помещена пятиконечная рубиново-красная эмалевая звезда, наложенная на

рельефное изображение серпа и молота. Под изображением серпа и молота расположены выпуклая надпись: «СССР» и рельефное изображение лавровой ветви. В нижней части медали по окружности на изображении ленты размещена надпись: «ВЕТЕРАН ВООРУЖЕННЫХ СИЛ». Лицевая сторона медали оксидирована, окаймлена бортиком. Оборотная сторона медали матовая. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, покрытой шёлковой серой муаровой лентой шириной 24 мм с четырьмя оранжевыми и тремя чёрными чередующимися полосками вдоль правого края ленты и двумя красными полосками вдоль её левого края. Ширина оранжевых и чёрных полосок 1 мм, красных – 3 мм и 1 мм.

Медали «За безупречную службу» Министерства Обороны I, II и III степени (Антуфьева Алексея Васильевича). Ведомственная медаль, учреждённая совместным приказом Министра обороны СССР, Министра внутренних дел СССР и Председателя Комитета государственной безопасности СССР.

На лицевой стороне медали, в центре, расположена пятиконечная звезда с расходящимися из-под тупых углов звезды пучками лучей. В центре звезды – серп и молот. По окружности звезда окружена венком из лавровых листьев. Медали изготовлялись из посеребрённой латуни (поздние выпуски). I степени: поверхность пятиконечной звезды покрыта красной эмалью (кроме серпа и молота в центре). II степени: вся поверхность медали, кроме пятиконечной звезды, посеребренная. III степени: серебрение у медали отсутствует. На оборотной стороне медали надписи: по окружности – «Вооруженные силы СССР», по центру – «За / 20 лет / безупречной / службы», «За / 15 лет / безупречной / службы», «За / 10 лет / безупречной / службы». Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шёлковой муаровой лентой красного цвета шириной 24 мм. Края ленты окаймлены узкими зелёными полосками. По центру ленты полоски золотисто-жёлтого цвета:

- для I степени – одна полоска;
- для II степени – две полоски;
- для III степени – три полоски.

Медаль «За освоение целинных земель» (Андреева Аркадия Григорьевича).

На лицевой стороне медали изображен самоходный комбайн во время уборки урожая и на горизонте поля элеватор, внизу медали в три строки надпись: «За освоение целинных земель».

На оборотной стороне медали изображены: внизу серп и молот с расходящимися от них солнечными лучами, вверху пятиугольная звездочка, с левой стороны пшеничный колос и с правой стороны кукурузные початки. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Края медали с лицевой и оборотной стороны окаймлены выпуклым бортиком. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Лента темно-зеленого цвета с двумя продольными желтыми полосками по краям. Ширина полосок по 3 мм каждая.

Медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР» (Викульевой Александры Васильевны). Автор рисунка медали – художник Лукьянов Юрий Александрович.

На лицевой стороне медали изображены трактор и вспаханное поле. Слева от края поля – животноводческий комплекс, элеватор и опора линий электропередачи, на горизонте – лесная полоса и восходящее солнце. В нижней части медали по окружности размещена надпись: «За преобразование Нечерноземья РСФСР», в верхней – изображение пшеничного колоса. Лицевая сторона медали окаймлена бортиком. На оборотной стороне медали, в центре, расположено изображение серпа и молота с вплетенными пшеничными колосьями, в верхней части – пятиконечная звездочка с расходящимися лучами. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, покрытой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм со светло-зелеными полосами по краям шириной 7 мм и голубой полосой посередине шириной 6 мм. Края ленты окантованы светло-желтыми полосками шириной 2 мм каждая.

Медаль «50 лет Советской милиции» (Соболева Иринарха Анатольевича). На лицевой стороне медали помещено изображение звезды, в верхнем луче которой расположены серп и молот. В средней и нижней части звезды изображен щит с матовой поверхностью и рельефной надписью «50 ЛЕТ». В нижней части медали по окружности – рельефное изображение дубовых ветвей. На оборотной стороне медали по окружности надпись: «В ознаменование пятидесятой годовщины», в центре – «советской милиции» и дата «1917–1967», внизу – изображение маленькой пятиконечной звездочки. Края медали окаймлены бортиком. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой синего цвета шириной 24 мм. На ленте пять

продольных красных полосок: посередине – три шириной 1 мм каждая, ближе к краям – две по 4,5 мм.

Медаль «Ветеран труда» (7 ед.). (Лукина Андрея Ивановича, Ляховой Александры Павловны, Макарова Василия Ивановича, Мальцевой Маргариты Николаевны, Сибирцевой Антонины Павловны, Филёва Павла Алексеевича, Шамаховой Генриетты Михайловны). Автор проекта медали – художник Поманский С. А.

На лицевой стороне медали на фоне расходящихся лучей расположены выпуклая надпись: «СССР», рельефное изображение лавровой ветви, серпа и молота. В нижней части медали по окружности на контурном изображении ленты размещена надпись: «ВЕТЕРАН ТРУДА». Лицевая сторона медали оксидирована. На оборотной стороне медали на матовом светлом фоне в четыре строки расположена рельефная надпись: «ЗА / ДОЛГОЛЕТНИЙ / ДОБРОСОВЕСТНЫЙ / ТРУД». Медаль выполнена с чернением аверса и серебрением реверса. Края медали окаймлены бортиком. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм с одной продольной полосой темно-серого цвета, одной полосой светло-серого и тремя узкими чередующимися продольными полосками белого и красного цветов. Ширина темно-серой полосы 7 мм, светло-серой – 8 мм. Края ленты окантованы узкими белыми полосками.

Медаль юбилейная «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (24 ед.). (Перепелицы Нины Михайловны, Белоусова Николая Васильевича, Рязанова Пантелеймона Васильевича, Чеканова Владимира Ивановича, Маслова Александра Павловича, Шумова Афанасия Петровича, Дурова Николая Андреевича, Лосевой Клавдии Константиновны, Мишуринского Александра Ивановича, Шушковой Антонины Николаевны, Белоусовой Александры Васильевны, Кринкиной Татьяны Алексеевны, Новгородова Василия Андреевича, Осовского Алексея Григорьевича, Машарина Юрия Леонидовича, Титовой Манефы Александровны, Бойкова Александра Петровича, Белякова Николая Николаевича, Андреева Константина Григорьевича, Филёва Павла Алексеевича, Заозерского Василия Павловича, Мальцевой Зои Николаевны, Антуфьева Алексея Васильевича, Макарова Василия Ивановича).

Авторами рисунка медали были художники Соколов Николай Александрович (аверс) и Козлов Александр Васильевич (реверс).

На лицевой стороне медали на матовом фоне расположено рельефное профильное изображение В.И. Ленина, повернутое влево.

В нижней части – дата «1870–1970». На оборотной стороне медали на матовом фоне размещены: в верхней части по окружности надпись: «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД», под ней изображение серпа и молота и надпись: «В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА». В нижней части – маленькая пятиконечная звездочка. Края медали окаймлены бортиком. Медаль при помощи ушка и овального звена соединяется с прямоугольной колодкой, имеющей по бокам выемку. Ширина колодки – 29 мм, высота – 25 мм (включая нижний выступ). Вдоль основания колодки идут прорези, внутренняя ее часть покрыта шелковой муаровой лентой красного цвета шириной 24 мм. На ленте четыре продольные желтые полоски: посередине – две, по краям – по одной. Колодка имеет на оборотной стороне булавку для прикрепления медали к одежде.

Благодаря анализу имеющихся в собрании наград этого периода, можно констатировать, что основную массу представляют юбилейные медали участников Великой Отечественной войны, кадровых военных и, частично, сотрудников МВД. Единичными медалями представлены участники развития Нечерноземной зоны и освоения целины.

Подводя итоги трехлетней работы по систематизации коллекций, в ходе которой были изучены, оцифрованы, идентифицированы и классифицированы награды СССР, можно сделать определенные выводы. Во-первых, при изучении, атрибуции и научном описании наград из собрания музея, приходилось выявлять специфические черты образцов, характерных для того или иного времени. Эти отличия были положены в основу типологизации. Образцы из нашего собрания находятся в разных хронологических рамках. Это связано с тем, что учреждены они были в одно время, а награждались ими и изготавливались в разные временные периоды. Во-вторых, в результате изучения наградной системы имеющихся в собрании музея образцов, была уточнена датировка большинства из них, согласно разработанной типологизации. В-третьих, были составлены списки тотьмичей-орденоносцев. В-четвертых, в результате изучения записей в книгах поступления напрашивается вывод, что с 1960-х годов работниками музея велась систематическая работа по комплектованию наград земляков. Прослеживаются несколько десятков фамилий тотьмичей, передавших музею свои награды.

В настоящий момент в музее строится экспозиция, посвященная советскому периоду. Сведения об участниках войны, кадровых военных и сотрудниках МВД, выдающихся земляках-тружениках будут использованы в работе.

Соколова Ольга Александровна,
БУК ВО «Вологодский государственный музей-заповедник»,
Союз реставраторов России, г. Вологда

ИСКУССТВО ХРАМОВОЙ РЕЗЬБЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЯ. РЕСТАВРАЦИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ[315]

Деревянная скульптура Русского Севера – явление уникальное, но малоизученное и малоизвестное за пределами музейных коллекций. Редко представленная в экспозициях деревянная скульптура, изучаемая в процессе реставрации, удивляет разнообразием техник, приемов исполнения мастеров-резчиков, воплотивших в своих произведениях живость и удивительную эмоциональность своего творчества. Наивность и реалистичность, выверенность линий и грубоватость пропорций – всё нашло своё место в этом культурном феномене.

История появления данного искусства уходит в глубь времен. Появление деревянной скульптуры на Руси было связано с язычеством. Хотя, проявившись в православных храмах, скульптуры христианских святых и ангелов блеснули ещё большим разнообразием, красотой и духовным потенциалом.

Удивительное мастерство умельцев-резчиков отмечал выдающийся исследователь русской деревянной скульптуры Н. Н. Померанцев:[316] *«Местные резчики выполняли сложные иконостасные работы, трудились над украшением храмов, часовен, крестьянских изб, резали на забаву детям игрушки»*[317].

Развитие данного вида искусства шло быстро, так как дерево на протяжении тысяч лет являлось основным материалом для строительства жилых домов, дорог, изгородей, бытовой утвари, орудий труда и многого другого, что позволило с годами плавно перерасти в традиционный промысел. Искусство резьбы по дереву с годами увеличило и преумножило художественное ремесло и стало неотъемлемой частью русской культуры. Секреты мастерства резчиков передавались из поколения в поколение, и до сих

---

[315] Материал базируется на консервационных и реставрационных работах, проведённых автором на скульптуре из фондов ТМО благодаря гранту Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко.

[316] Померанцев Н. Н. Русская деревянная скульптура, М., 1967, 1994.

[317] Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву.– Сварог и К, 2000.

пор многое строится из древесных материалов и украшается резными элементами и орнаментами[318].

Наибольшее количество резных святых присутствовало в интерьерах русских православных храмов на Севере, в дальних погостах и деревнях. При этом в оформлении иконостасов присутствуют индивидуальность исполнения, личное понимание дерева в скульптуре и приемы традиционной работы.

В течение многих десятилетий именно музейные сотрудники вели длительную работу по сохранению церковной утвари и убранства храмов при их закрытии. Благодаря перемещению предметов из закрывавшихся храмов в музейные коллекции, образцы резьбы храмового искусства сохранились.

Коллекция Тотемского музейного объединения насчитывает свыше 200 единиц хранения культовой деревянной скульптуры. Основу коллекции составляют произведения, выдающиеся по своему художественному качеству, памятники монументального характера, исторически связанные с иконостасами тотемских храмов. В помещениях основной экспозиции храма Успения Божией Матери Тотемского музейного объединения размещена лишь небольшая часть деревянной скульптуры, которая представляет створки врат, фигуры ангелов, а также законченные скульптурные композиции и фрагменты несохранившихся иконостасов XVII–XIX веков.

Коллекция многоплановая, большинство предметов обнаружены сотрудниками музея во время историко-этнографических экспедиций. Имеются интересные истории приобретения предметов, что имеет возможность поведать рассказ или собственный путь, по которому предметы попали в фонды музея.

Временной диапазон хранящихся музейных предметов охватывает небольшой промежуток истории, хотя география мест, откуда были поступления, достаточно разнообразна и охватывает почти весь бывший Тотемский уезд. Многие предметы приобрели более широкую известность у специалистов и ценителей деревянной скульптуры, за что имели возможность быть представленными на выставках.

В 2018 году благодаря финансированию Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко и вкладу Тотемского музейного объединения, экспозиция музея деревянной скульптуры

---

[318] Русская народная резьба по дереву; современный период.– М: Госместпромиздат, 1961.

Херувим. Куношская ц., Тотемский район, автор неизвестен, в процессе реставрации

была расширена. Новая экспозиция в бывшем помещении церковной палатки разместила более 30 предметов, представив значительное разнообразие скульптуры: крылатые серафимы, ростовые фигуры Ангелов, головки Херувимов, навершие и створки царских врат, картуши икон в резных рамах, небольшие кресты и складни. Представленная музейная коллекция деревянной скульптуры показывает наглядное свидетельство талантливости местного населения, наделенного природным чувством прекрасного и художественным вкусом. Выставленные предметы дают представление о развитии этого вида церковного искусства на протяжении нескольких столетий от XVIII до XIX веков.

Открыть и показать посетителям новые предметы коллекции стало возможным благодаря двухлетней работе реставраторов ООО «Образ Севера» г. Вологды. На большей части предметов проведены противоаварийные работы по укреплению грунта и позолоты, консервационные работы: обеспыливание, раскрытие от поздних закрасок, фрагментарное подведение реставрационного грунта. В целях экспозиционного показа на предметах выполнено тонирование и покрытие лаком.

Перед началом работ проведено несколько пробных укреплений, раскрытий от пылевых и засмолившихся загрязнений, давшие почти во всех случаях хорошие результаты и позволившие подобрать необходимые материалы и отработать методику реставрации. Первоочередно, в местах хорошей сохранности позолоты, было выполнено удаление пылевых загрязнений. С применением катамина АБ произведена дезинфекция от плесени.

Для укрепления грунта и позолоты применялся осетровый клей разной концентрации. Процесс был осложнен многочисленными отставаниями от основы, большими очагами осыпей, значи-

тельным количеством загрязнений, а также большим количеством резных форм и углублений рельефа: складок одежд, объемной резьбы листьев на картушах. В некоторых местах от длительного влияния влаги присутствовавший жесткий кракелюр приобрел форму с сильно загнутыми краями. Местами на резных деталях присутствуют значительные потертости золота до полимента.

Наиболее трудоемким было обеспыливание и подбор упавших кусков грунта с позолотой, а также подборка и склейка элементов резьбы, которых оказалось множество. Методом подбора деталей собрано и склеено несколько иконостасных рам, а также восполнены сколы и мелкие кусочки резьбы цветов, листьев, гирлянд.

Особенно пострадали от сколов выпуклые и верхние части фигур. Крылья ангелов, находившиеся долгое время отдельно от фигур, местами срезаны и потеряли элементы креплений. На двух фигурах больших ангелов имелись утраты глаз, лик одного из ангелов был частично закрашен масляной краской (Архангелы из Входоиерусалимской церкви г. Тотьма). Детали иконостаса и малые фигуры ангелов, имеющие в своем украшении позолоченные элементы и украшение двойником, со временем сильно окислились и почернели.

Фрагмент фигуры Архангела. ц. Входоиерусалимская г. Тотьма, автор неизвестен, до реставрации

В большинстве предметов использовался натуральный массив липы, из которого вырезаны большие формы фигур ангелов. В некоторых деталях фигур и киотных рам, достигающих размеров более трех метров, древесина склеивалась. На мелких предметах, например, головках Херувимов, резьба имеет большую деталировку в виде мелкой проработки складок, резьбы перьев на крыльях, прядей волос, черт ликов. В местах оголившегося грунта можно наглядно наблюдать резьбу высокого исполнения, чистую резку и владение формой, деталировкой складок и знанием анатомии.

Восхищает резьба гирлянд и цветов сложной формы и высокого рельефа.

Обследование предметов коллекции дало представление о технике исполнения и состоянии сохранности резьбы, грунта и позолоты, характере типичных разрушений и о необходимых реставрационных мерах.

На оборотных частях деталей иконостасных рам Входоиерусалимской церкви г. Тотьмы выявлены подлинные надписи, выполненные графическим карандашом и указывающие: информацию о названии композиций – «Праотцы», «Пророческий», «Апостолы»; информацию о расходе книжек золота – «2 книги 8 листов с половиной», «2 книги 1 лист с половиной», «2 книги 2 листа»; надписи о расположении предметов в иконостасе «на левой 1 от средника». Данные позволяют определить местонахождение рам в иконостасе.

Проведенное технико-технологическое исследование позволило выявить состав грунта, технику нанесения позолоты, выявление приемов резного искусства резчиков.

Толщина грунтов на предметах колеблется от 1,5–2 мм. На больших фигурах ангелов грунт белого цвета, достаточно толстый, основным наполнителем является отмученный мел. При исследовании с помощью увеличительных приборов, наносился в два-три приема, что можно наблюдать на оборотной стороне фигур. На лицевой стороне грунт положен строго по форме складок и имеет хорошую заглаженность поверхности.

Например, на фигурах малых ангелов (храм) грунт положен тонким слоем и с менее выглаженной поверхностью, что привело к большим площадям осыпей и поражениями плесенью.

Полимент (подкладка под золото) также имеет разный колер и приемы нанесения. На больших ангелах полимент темно-коричневого цвета нанесен толстым слоем, хорошо отполирован, поэтому золото лежит ровным слоем, с минимальным выделением границ перехлеста листов. Полимент на картушах другого иконостаса неизвестной церкви г. Тотьмы более красного колера, а на резных предметах из храмов Кокшеньги более коричневый, что придает позолоте большую матовость.

Золочение резьбы встречается как матовое клеевое (особенно на фонах картушей, царских вратах), так и полированное, блестящее на выпуклых деталях (Створка царских врат, XVII век (правая), Входоиерусалимская церковь г. Тотьмы, КП ТМО: № разм. 167×59 см с изображением Евангелистов: Лука (с символом ангела) и Матфей

(с символом вола)). Часто в резьбе использован двойник золота (Ангел на облаке кон. 18 века, дерево, левкас, темпера, резьба, роспись 57×45×26 КП ТМО 6203/7, из Входоиерусалимской церкви г. Тотьма). Крупные формы складок Ангелов, красиво подчеркивающие силуэт фигур, вызолочены сусальным золотом хорошей толстой прокатки. При золочении использовалась техника сплошной позолоты.

Некоторые предметы (картуши) вызолочены в технике «выбликовки», когда у крупных лепестков роз блестящими были только верхние, завернутые края лепестков, в невидимых местах золото не наносилось. Встречаются цветы, полированные полностью. Гладкие поверхности бус, «горох», вазы, колонки, подвергались особо тщательной полировке.

В процессе работы с предметами музейной коллекции внимание привлекли: фигуры Архангелов, картуши с элементами живописи, киотные рамы, Ангелы с подвижными руками, Серафимы, элементы царских врат. Большая часть предметов происходит из Входоиерусалимской церкви г. Тотьмы, интерьер которой по праву можно назвать шедевром народного плотницкого и резного искусства. Но, к великому сожалению, о богатстве резьбы его приходится судить исключительно по сохранившимся в архиве музея фотографиям.

Ангел. Общий вид. ц. Входоиерусалимская г. Тотьма, автор неизвестен, после реставрации

Центральная часть храма с царскими вратами и фигурами Архангелов по сторонам решена в виде пышной триумфальной арки со сложной высокой надстройкой, заполняющей подкупольное пространство. Архангелы, вырезанные выше человеческого роста, поражают величием, мощью, подобно стражникам охраняют покой входа в святые святых. (Архангел. XVIII век. Дерево, левкас, темпера; резьба, роспись, золочение. КП НВ 6203/12, ВР

Фрагмент фигуры Архангела. ц. Входоиерусалимская г. Тотьма, автор неизвестен, после реставрации

1377, разм. 167×59 см. Объёмная деревянная резьба (липа) с позолотой сусальным золотом на полименте, роспись в технике яичной темперы)

Наряду с объемной резьбой широко применена накладная ажурная резьба с традиционными элементами: листьями аканта, гирляндами отдельных цветов, листьев, драпировками ткани с тяжелыми складками, бахромой и кистями.

К великому сожалению, в музейной коллекции сохранились лишь отдельные детали и предметы. Но даже по ним можно судить о былой роскоши русских иконостасов, в резьбе которых присутствуют неподдельное мастерство авторов, а также некоторая заимствованность с аналогов высокого европейского искусства – распространенных на тот период картинок и гравюр немецких и нидерландских мастеров второй половины XVIII – первой половине XIX вв.[319] Конечно же, мастера-исполнители могли быть знакомы с образцами и использовали их в своих работах, перерабатывая и внося свое видение и манеры исполнения.

Примерами высокого мастерства могут служить рельефные фигуры святых, обрамления балдахинов, разнообразие растительных орнаментов и другое. Все эти грандиозные композиции подчинялись определенной богословской программе, в которой налицо представлено своеобразие творческой манеры, мастерство, индивидуальность исполнения и отсутствие одинаковых лиц. Мастер находит для каждого из своих героев особую позу, жест, выразительный, непохожий на других облик, изображает их за разными занятиями, порой с тем или иным предметом в руках.

[319] Лит.: Либман М.Я. Немецкая скульптура. 1350–1550. М., 1980; Vöge W. Jörg Syrlin der Ältere und seine Bildwerke.– Berlin, 1950.

Другим видом сохранившейся в коллекции резьбы служит резьба картушей, украшающая живописное исполнение икон, происходящих из разных храмов г. Тотьмы. (Картуш резной с изображением святого Василия Великого. № ВР 938/4; 167×59 см. Картуш резной с изображением святого Иоанна Златоуста, № ВР 938/2; 167×59 см. Картуш резной с изображением святого Иакова брата Божия. № ВР 938/1; 167×59 см.) Живопись, исполненная в ярких голубых, розовых, охристых тонах, на слегка выгнутой поверхности, прекрасно дополнена резьбой в виде вьющихся, больших по размеру, объемных листьев, цветов и бутонов.

Наряду с этим присутствует в собрании деревянная скульптура многоцветного раскрашивания; это дарохранительница (кон. XIV века. Дерево, левкас, темпера; резьба, роспись, золочение, серебрение 92×43×36,5; КП ТМО 9432. Происходит из Верховской Зосимо-Савватиевской церкви Тотемского уезда. Реставрация ГЦХРМ, 1976 г.). В таком исполнении иконописные приемы росписи также были заимствованы мастерами из древнерусского искусства. Поверхность скульптуры готовилась к росписи точно так же, как обычно готовилась доска для будущей иконы; сначала на поверхность дерева нанесен левкас – меловой грунт (иными словами, делалась основа, подкладка под живописный слой). Многослойная роспись выполнена яичной темперой. В росписи дарохранительницы присутствуют вставки живописи святых апостолов, а также большое разнообразие травного орнамента, исполненного в красных, зеленых, черных цветах.

Очень красивым и своеобразным является шестикрылый Херувим (Херувим кон. XVII – нач. XVIII в., дерево, левкас, темпера; резьба, роспись, позолота 57×33×7; КП ТМО 9403/1. Резчик – Кокорев. Происходит из иконостаса Воскресенской Шейбухтской церкви Шуйской волости Тотемского уезда).

Объемная резьба (липа) в форме головки херувима с крыльями покрыта сусальным золотом на полименте. Личное письмо тонко сплавленное, без заметных мазков, штришков, пятен и видимых следов движений кисти (за исключением описи), лик имеет сферический облик, предельно натуралистично выделяется яркой розовостью на щеках и легкой улыбкой.

Большой интерес представляют два резных креста на освящение храмов, с резным текстом.

Крест на освящение храма. 1578 г. 75,5×34×3.3; КП ТМО 9906, дерево, темпера, резьба, роспись. Происходит из Маркушевского монастыря. Поступление – 1940 г. от редакции газеты «Бригадир»

Нюксенского района. **Надпись на кресте:** *«Освещена бысть сия церковь иже во святых отца нашего Николы, архиепископа Мир Ликийских чудотворца и великорецкого лета 1578 1 сентября в 7 день на память святого мученика Созона при благоверном царе и великом князе Иване Всильевиче всея Русии и при его благоверных царевичах князе Иване и князе Феодоре и при освященном (митрополите) архиепископе Антонии всея Росии и при начальнике строителе старце Агапите. И пришел старец Агапит на место сие (крестить) на реку на Маркушу да на реку на Тарнагу. Хранитель крест всей вселенной и крест красо со образом Николы Чудотворца Великорецкого и на том месте поставил часовню во имя Чудотворца Николы Великорецкого и монастырь начал строить лета 7084 (1576) июля в 20 день и на том месте от образа Николы Чудотворца исцеление людям и до сего дня сему образу молится старец Онежанин*».

Другой крест на освящение придела (1772 года, дерево, левкас, темпера, 60×22,3×2 см. КП ТМО 9707) более прост. На первый взгляд, это обычный деревянный восьмиконечный крест, небольших размеров, достаточно несложен в конструкции: перекладины крепятся между собой в четверть, с помощью деревянных нагелей, в нижней части шип для установки (возможно, в дарохранительницу). Грани и плоскости креста залевкашены и покрыты темперой серо-зеленого колера, с обеих сторон на кресте надписи: на лицевой стороне черными буквами, заглавные – темно-красным. По лучам креста еще надписи в верхней части – «ЦРЪ СЛВЫ», на большой поперечине – «ІИС ХС», на перекладине – «NИ КА».

Надпись на лицевой стороне: *«Освятися жертвенникъ сей Г[оспо]да Б[о]га и Спаса нашего Ии[су]са Хр[ис]та въ прѣдълъ пресвятыя Богородицы Казанския при державъ Благочастивъишия, Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексъевны всея России, и при наслъдникъ ея Благовърномъ Государъ Цесариевичъ и великомъ Князъ Павлъ Петровичъ, по Благословению Святейшаго правительствующаго Синода и Преосвящ[еннейшего] Иоанна Епископа Великоустюжского и Тотемскаго в лето от Рождества Христова 1772 месяца июня в 25 день на память Святой мучи[ни]цы Февронии»*.

Надпись на обороте: *«Освятися жертвенникъ сей Г[оспо]да Б[о]га и Спаса нашего Ии[су]са Христа въ прѣдълъ Пресвятыя Б[огороди]цы Казанския при державъ Бл(а)гочастивиъишего Самодержавнъшаго и нашего Великого Государя Императора Александра Николаевича всея России, при (непонятно слово) его Благочастивъишей Государынъ Императрицъ Марии Александровнъ, при Матери его Благочастивъишей*

Государынъ Императрицъ Александръ Федоровнъ, при Наследнике его Благовърномъ Государъ Цесаревицъ Николаъ Александровичъ, по Благословънию Преосвященнъишаго Христофора Епископа Вологодского и Устюгскаго въ лъто от Рождества Христова 1859, месяца октября в 18 день на память святого Апостола и Евангелиста Луки».

Текст обеих надписей указывает на освящение придела, посвященного Богородице Казанской: в первом случае на 25 июня, а другой на 18 октября, с разницей в 87 лет. По актам, крест поступил в музей в 1921 году. Приделы, посвященные Казанской Божией Матери, в тотемских храмах были в Богоявленском соборе и Троицкой Зеленской церкви.

Представленная новая экспозиция деревянной скульптуры Тотемского музейного объединения стала замечательным примером новых научных открытий реставраторов и новых форм демонстрации выдающихся музейных предметов. Залогом успеха экспозиции выступили подлинность предметов, непосредственная работа мастеров – резчиков Русского Севера, в которых присутствует высокий профессионализм, легкость, изысканность, нарядность резного золоченого декора, свидетельствующая о высоком мастерстве владения инструментом, тонком вкусе и художественном чутье. Разнообразные приемы в работе с деревом превратили его в сложный сквозной узор, состоящий из переплетений растительного орнамента, включавшего цветы, плоды, ягоды. Многие мотивы получили самобытную трактовку, и в некоторых предметах высокое мастерство провинциальных мастеров неоспоримо. Остаётся надеяться, что консервационные и реставрационные работы на деревянной скульптуре из собрания ТМО будут продолжены.

Раздел третий

ЛЕДЕНГСКИЙ КРАЙ В СУДЬБЕ И ИСТОРИИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА

Пшеницын Дмитрий Александрович,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда

НАСЕЛЕНИЕ ЛЕДЕНГСКОГО УСОЛЬЯ В XVII В.

История изучения населения Леденгского усолья (современное село имени Бабушкина Вологодской области) в настоящее время является малоисследованной, поэтому требуется дальнейшая разработка темы. Если по истории изучения соляного промысла на Русском Севере, и на Леденьге в частности, имеются научные труды[320], то по исследованию населения и фамилий леденгских солеваров представлено не так уж много публикаций[321], а в опубликованной переписной книге Леденгского усолья 1713 г.[322] хотя и содержатся данные о солеварах, но там практически не указаны фамилии, поэтому публикуемая ниже информация в переписной книге Тотемского уезда 1676–1679 гг. *(см. приложение)* является актуальной, где представлены впервые численность мужского населения, указан возраст малолетних детей от 2 до 12 лет, имена жителей, даны леденгские катойконимы, фамилии и откуда, с какой местности, они родом происходят, или пришли. Поэтому

---

[320] См.: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М., 1957; Гейман В. Г. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. // «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 35, М., 1935; его же. Материалы по истории русской соляной промышленности. (Тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря 1622/1623 гг.) // «Труды гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина». Т. V (8), Л., 1958. С. 71–104; Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962 и др. Толстой М. Н. Соляной промысел и бурение скважин для нужд солеварения в России // Труды ИИЕиТ. История геолого-географических наук, горные и металлургические науки и техники. М., 1957. Т. 9. С. 73–106.

[321] Колесников П. А. Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 91–106.

[322] Троицкий С. М. Переписная книга Леденгского усолья князя А. Д. Меньшикова // Материалы по истории европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда. 1970. С. 344–352.

настоящей нашей целью является публикация с архивного источника, дабы восполнить данный пробел по истории народонаселения села.

Для начала следует отметить, что соляной промысел и местность вокруг значительно пострадали от экономического кризиса 1570–1580 гг., охватившего страну, а затем опустели во время польско-литовской интервенции в начале XVII в. Но вскоре постепенно селение начинает оживляться, а по сути, возрождаться, начиная с середины 20–30-х гг. XVII в., что и нашло отражение в переписных книгах Российского государства. Переписные книги в Русском государстве XVII – начале XVIII вв. – сводные документы подворных переписей мужского населения «тяглых» (податных) дворов с указанием возраста и родственных отношений. Переписные книги были созданы в середине XVII в. в связи с переходом к подворному описанию, в отличие от проводимого ранее с XIII в. общего хозяйственного описания в «Писцовых книгах», где в основе лежало поземельное описание земель и угодий.

О начале возрождения промысла на Леденгском усолье свидетельствует такая запись в переписной книге г. Тотьмы и Тотемского уезда 1646 г., где даже отмечен «родоначальник» – это бывший таможенный и кабацкий голова Денис Матвеевич Выдрин, выходец из черносошного крестьянского сословия Окологородной волости деревни Пудово, а Выдрино тож, что на Сухоне[323] – восстановленного селения на Леденге, который поселился с наемными рабочими людьми из Демьяновской и Вотчинской волости: *«Слобода, что был погост Спаской на реке на Леденге. Поселился в нем вновь для соленого промысла Тотемского уезду Окологородной волости крестьянин Дениско Матвеев сын Выдрин после писцов Фоки Дурова да подьячего Остафья Колюпанова. А в нем живут работные наемные люди для варнишной работы: во дворе вологжанин Безсонко Миниев; во дворе Гарасимко Онцыфоров, пришел из Вотченские волости; во дворе Омелка Цывил, пришел с Кептура для работного и трубного дела; во дворе Замятка Перфеников, белозерец, пришел из Вотченской волости; во дворе тотмянин Тимошка Иванов Желвачев Трубников, трубной мастер, пришел для трубного дела; во дворе Обрамко Исаков, Вотченские волости крестьянин; во дворе Мишка Косой, белозерец; во дворе Митка Федосеев. Изба у соляной варницы, а в ней, прибегая, живут варнишные работные ярыжные: во дворе*

[323] Кистерев С. Н. Казенное производство хлебного вина в Тотьме в 1631/32 г. // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 29. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. С. 86–92.

Переписная книга Тотемского уезда Леденгского усолья 1646 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 47 об.– 48.)

Левка Лазарев, от Соли Галицкой с посаду и слободки и Семаковские Симанова монастыря, что на Москве.

И всего в Спаском погосте за Дениском Выдриным девять дворов, а в них работных людей тож, да изба для прибегу работных же людей, что приходя, живут для варнишные работы»[324].

Затем, с 1660 г., соляной промысел на Леденге переходит во владение известного торгового человека Василия Ивановича Грудцына, который проживал в г. Великом Устюге, а владел землями как в Тотемском, Устюгском, Сольвычегодском, так и в других уездах Российского государства. Леденгское усолье, как известно, относилось тогда к Тотемскому уезду, в нём в то время были от-

[324] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 47 об.– 48. Стоит заметить, что Выдрины вообще издавна известная фамилия на Тотьме. Они есть в грамотах из Летописи Троице-Благовещенской церкви, а сам же Денис Выдрин уже был отмечен в таможенных книгах Московского государства 1634/35 г., когда он представил к продаже 3783 пуда соли, то в 1655/56 г.– 7018 пудов.– *Прим. авт.*

мечены 4 «трубы с рассолом», 9 варниц и усадебной земли по обе стороны р. Леденьги 5 десятин[325].

В исследуемом нами источнике – переписной книге Тотемского уезда 1676–1679 гг. – отмечено: в 36 избах 132 рабочих человека, из них 46 детей в возрасте от 2 до 12 лет. Наши наблюдения о составе семейств леденгских солеваров из переписной книги 1676–1679 гг. показывают следующие данные: в отношении предположительного возраста вступления в брак (в 17–26 лет), а в отношении интергенетических интервалов детской рождаемости (13-10-6-2; 12-7-2; 10-8-2; 10-8; 10-4; 10-3; 8-3; 7-2; 6-4; 6-3; 5-3; 5-2). Длительная же разница в возрасте сыновей (12 и 7, или 10 и 4, или 7 и 2 лет) наводит на мысль, что между ними в учтенных семьях были (во всяком случае, рождались) и дочери, не указанные в силу характера переписи, где женское население, кроме вдов, не фиксировалось, как неподатное.

В ходе данного исследования выяснилось: 1) предположительный возраст вступающих в брак составлял 17–26 лет; 2) в крестьянской среде была характерна двухпоколенная нуклеарная семья; 3) средняя «детность» семей составляла 2–5 чел.; 4) средний интергенетический интервал рождаемости был 2–4 года, что было характерно для традиционной модели демографического воспроизводства и поведения.

В переписи зафиксировано, откуда пришли крестьяне на Леденгский соляной промысел: *«с Тотмы с посаду, от Варниц»*, а также с Вотчинской, Демьяновской, Кептурской, Окологородной, Печенской, Толшемской волостей Тотемского уезда, и издалека – Кокшаровы *«с Кокшенги Важского уезда»*, Мезенцовы *«приходцы с Мезени»* (см. *приложение*). Также в переписной книге впервые отмечены такие фамилии, многие из которых впоследствии стали известны, как леденгские: *Бабиков, Блинов, Богданов, Говорухин, Гусев, Дудин, Зимакин, Исаков, Киселев, Кокшаров, Комаров, Кузнецов, Лапин, Липин, Лытаев, Малыгин, Маринин, Мезенцов, Окоемов, Потанин, Пошехонов, Ратуков, Скориков, Старцов, Тарунин, Торов, Шарыгин, Шовырин*, а также зафиксированы фамильные прозвища, подчеркивающие или уточняющие характер их носителей: *«Баня»*, *«Кокуй», «Нога»* и *«Шпан»*, правда иногда не всегда удается узнать, кто откуда прибыл/пришел.

---

[325] Едемский Н. Как возникло наше село // «Красное Знамя».– 1958.– 13 апреля.– № 45.

Приложение

1676–1679 гг. – Переписная книга волости Вотча Леденгского усолья Тотемского уезда писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицина.

В Вотчинской ж волости за гостем, за Василием Ивановым сыном Грутцыным, погост, что была пустошь Спаская на речке на Леденге, а в нем соляной промысел. На погосте церковь Происхождение Честного Животворящаго Креста Господня, древянная клецки с трапезою. Церковного причету: во дворе поп Мокей з детьми: з Гордюшкою да с Перфирком, да з Данилком. Гордюшка в церковных дьячках, Перфирко пономарит, поп живет на Васильеве земле Грудцына, у церкви служит из руги.

На погосте двор гостя Василья Грудцына для приезду ево, а живут в нем приказные ево люди: Игнашка Логинов, да двор скотей, а в нем живет человек ево Игнашка Потапов, да тритцать шесть изб. А в них живут работные люди, которые приходя к варницам, работают, соль варят из найму, и росол льют, и дрова секут, и всякую варнишную работу работают: Никитка Кирилов сын Липиных, Тотемского уезду Окологородние волости, с сыном Егорком, Егорко дву лет; Васка Федоров сын Шарыгин, с Тотмы от старых варниц, з детми: с Ивашком да с Микиткою, Ивашко семи лет, Микитка дву лет; да Сенка, да Первушка Кондратьевы дети Кокшаровы, приходцы из Важеского уезду с Кокшенги; Федка Прокофьев сын Гусев, с Тотмы от варниц, Ивашко Филипьев сын Баня, Федка Тимофеев сын Говорухин з детми: с Якушком, да с Микиткою, да с Ивашком, Микитка десяти лет, Ивашко осми лет, Ярунка Пошехонов з детми: с Обакумком, да с Кускою, Обакумко шти лет, Куска трех лет; Софронко Иванов, Ярунка Демьяновские волости, а Софронко – Озерские волости, Савка Аникиев з детми: с Миткою да с Петрушкою, Петрушка пяти лет, Вотчинские волости, у Митки сын Евсюнка трех лет, Вахрушка Тиманов з детми: с Авдюнкою да с Микиткою, Авдюнка осми лет, да Митка трех лет, Кептурские волости, Трифанко Иванов с сыном Ивашком, Ивашко дву лет; да Старототемские волости Тимошка Микитин сын Киселев, Афонка Сергеев сын Окоемов, Степка Федоров з детми: з Гаврилком, да с Ысачком, Исачко десяти лет; Окологородные волости деревни Чернякова Моска Иванов з детми: с Ивашком, да со Фролком, Ивашко десяти лет, Фролко осми лет; Толшемские волости Илюшка Григорье, с Толшмы ж, Бориско Данилов сын Потанин з братьями: с Федотком, да с Вавилком, у Бориска детей: сын Федка десяти лет, да Микитка осми лет, Гришка дву лет, Вотченские волости; Алешка Родионов сын Дудиных з детми: с Симанком, да с Левкою, да с Егупком, Симанко двенатцати лет, Левка семи лет, Егупко дву лет, Толшемские волости; да с Толшмы ж Овдюнка Игнатьев, у Овдюнки сын Кирилко четырех лет; Петрушка Андреев, Федка Яковлев сын Мезенцов, да братья ево: Левка, да Андрюшка, приходцы

с Мезени; Стенка Софронов сын Хорзовых, детей у него: сын Иевко, да Микитка, да Гришка, Демьяновские волости; Сенка Афонасьев сын Шовырин с сыном Ивашком, Ивашко десяти лет, с Тотмы с посаду; Сенка Кондратьев сын Исаков з детми: с Ферапонтком, да з Гришкою, да с Лучкою, да с Кирилком, Ферапонтко тринатцати лет, да Гришка десяти лет, Лучка шти лет, Кирилко дву лет, Толшемские волости; да Панка Панфилов сын Блинов з детми: с Матюшкою, да з Данилком, Матюшка шти лет, Данилко четырех лет; да Печенские волости Ивашко Борисов, Карпушка Архипов сын Торов с сыном с Викулком, Викулко десяти лет; Демьяновские волости деревни Косикова Федка Егуплов сын Пошехонов с сыном з Демкою, Демка четырех лет; Демьяновские волости деревни Коровинской Ивашко Федоров сын Тутыпин с сыном Гришкою, Гришка осми лет; с Тотьмы с посаду от Варницы Ефремко Михайлов сын Лапин з детми: с Федкою, да с Ывашком, да с Пименком, да с Ывашком же, Ивашко десяти лет; с Толшмы Сенка Данилов сын Ратуков, Вотчинские волости; Федка Елфимов сын Тарунин з детми: с Ывашком, да с Самошкою, Ивашко пяти лет, да Самошка дву лет; Окологородные волости деревни Чернякова; Аврамко Исаков, да сын у него Федка, да у Федки сын Марчко пяти лет, да Антонко дву лет, с Вотчи деревни Миткова Терешка Мартемьянов сын Маринин з детми: с Федкою, да с Москою, да с Ывашком, да с Харком, Харка десяти лет, да Вавилко трех лет; Толшемские волости Данилко Иванов сын Шпан с сыном с Архипком, Архипко шти лет, да з братом Авдейком; с Тотьмы с посаду от Варниц Якушко Михайлов сын Старцовых, Егорко Прокопьев сын Нога; с посаду от Варниц, да Вахрушка Иванов; Толшемские волости Веденийко Леонтьев сын Кузнецов з братом Демкою, Ивашко Яковлев сын Скориков с Толшмы деревни Боярского з детми: с Микифорком, да Степкою, Микифорко десяти лет, Степка четырех лет, Микешка да Петрушка Евсевьевы дети Малыгиных, у Микешки сын Офонка дву лет; Демьяновские волости деревни Косикова Епишка Васильев сын Бабиков з братьями: с Собинком да с Корманком, да с Ывашком; Вотчинские волости Емелка Иванов сын Лытаев з детми: с Ывашком, да с Ондрюшкою, да с Оскою, да з Зотком; Демьяновские волости деревни Холму Сенка Никитин; Толшемские волости деревни Ваулова Ивашко Михайлов сын Зимакин с сыном Власком, Власко дву лет; Печенские волости деревни Великово Двора Федка Романов сын прозвище Кокуй з детми: с Петрушкою, да с Ывашком, да с Васкою, Ивашко десяти лет, Васка осми лет; Сергушка Богданов Толшемские волости деревни Великово Двора, а сын ево Ивашко живет на повытье в Толшемской волости, Демка да Куска да Ивашко Романовы дети Комаровы.

И всего на погосте двор попов, да двор гостиной, да двор скотей, тритцать шесть изб, а людей в них и с поповым сто тритцать два человека. В той же Вотченской волости пожня Голява, Усольское тож на реке на Вотче. А на той пожне заведено усолье вновь: трубу делают и варницу

ставят гость Василей Грудцын да тотмянин посацкой человек Якушко Кусков. У варницы изба для работных людей.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 527–535.

Гладких Сергей Александрович,
Котласский краеведческий музей, г. Котлас, Архангельская область

УРОЖЕНЦЫ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА – МОРЯКИ-ГЕРОИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

В современном массовом сознании воинский подвиг русского народа связывается почти исключительно с Великой Отечественной войной. Это грандиозное и относительно недавнее событие в значительной мере заслонило собой другие войны, которые вела Россия на протяжении своей долгой истории. Однако воинский подвиг всегда остаётся подвигом – вне зависимости от того, где и когда он был совершён. Поэтому необходимо помнить и чтить героев других войн – героев, ныне почти безвестных. С этой целью автором предпринят поиск участников непопулярной, незнаменитой и полузабытой русско-японской войны 1904–1905 гг.

Эта война, вызванная борьбой за сферы влияния на Дальнем Востоке, шла на суше и на море, но приоритет значимости принадлежит морскому компоненту. Победу в войне Японии принесли именно действия военно-морского флота, которому удалось в 1904 г. блокировать российскую 1-ю Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре, где она была уничтожена огнём сухопутной осадной артиллерии; нанести поражение Владивостокскому отряду крейсеров, активно действовавшему на морских коммуникациях врага; а в 1905 г. разгромить в Цусимском сражении пришедшую с Балтики 2-ю Тихоокеанскую эскадру. В результате России так и не удалось нанести удар непосредственно по японской территории, надёжно защищённой морем и флотом.

В каждом морском бою японцы имели численное превосходство над противником, что в значительной мере обеспечило им победу. Тем не менее русские моряки проявили в ходе войны массовый героизм, сражаясь до последнего снаряда и уходя на дно со своими кораблями. В неравном противоборстве двух флотов довелось участвовать и морякам, призванным на военную службу

с территории современного Бабушкинского района Вологодской области. О некоторых из них уже упоминалось в предшествующих публикациях автора[326]. Ныне же вниманию читателя предлагается более развёрнутое повествование.

В состав современного Бабушкинского района входят территории существовавших в 1904–1905 гг. восьми волостей Вологодской губернии: Березниковской и Подболотной Никольского уезда; Косиковской, Леденгской, Миньковской, Фетиньинской, Харинской и Юркинской Тотемского уезда. Необходимо также указать, что уже после русско-японской войны в составе Никольского уезда появилась одноимённая Леденгская волость, территория которой ныне вошла в состав Павинского района Костромской области. Во избежание путаницы в определении мест рождения и проживания тех или иных участников русско-японской и других войн первой половины XX века, на это следует обращать особое внимание.

В связи с особенностями административно-территориального деления региона, сбор необходимых материалов существенно затруднён их рассредоточением по разным архивам. Документы об уроженцах Никольского уезда большей частью хранятся в Великоустюгском центральном архиве, а о выходцах из Тотемского уезда – в Государственном архиве Вологодской области. И, разумеется, основной массив информации содержится в фондах Российского государственного архива военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

Всего к настоящему времени выявлены имена 14 местных уроженцев, являвшихся участниками русско-японской войны на море, из пяти волостей: 5 из Березниковской, 4 из Подболотной, 3 из Миньковской, 1 из Харинской и 1 из Косиковской. В числе уроженцев Харинской волости числится ещё один моряк – боцманмат Квантунского флотского экипажа Егор Васильевич Неклюдов[327], но он является выходцем из Нижне-Печенгского сельского

---

[326] *Гладких С.А.* Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. 272 с. *Гладких С.А.* Никольский уезд Вологодской губернии – родина моряков-героев русско-японской войны // Кортик: Флот. История. Люди. 2009. Вып. 9. С. 87–103; *Гладких С.А.* Тотемские моряки – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. // Русский Север-2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 96–105.

[327] Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 287. Оп. 1. Д. 71. Л. 125 об.; Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг.– М.: [Б.и.], 2006. С. 212.

общества, ныне отошедшего к Тотемскому району[328]. Пока не обнаружено участников войны из Леденгской, Фетиньинской и Юркинской волостей. Четверо моряков – холостые, на остальных данных по семейному положению нет.

Восемь моряков защищали Порт-Артур, один служил во Владивостоке, пятеро участвовали в походе 2-й Тихоокеанской эскадры, из них четверо сражались в Цусимском бою. Пятеро погибли (двое в Порт-Артуре, трое при Цусиме), один ранен, пятеро попали в плен. Показательно, что оба погибших в Порт-Артуре моряка стали жертвами минного оружия – важного фактора войны, недооценённого в предвоенные годы.

Упомянутые моряки числились в экипажах 11 кораблей (3 эскадренных броненосца, 2 броненосных крейсера, 2 лёгких крейсера I ранга, 1 вспомогательный крейсер II ранга, 1 минный транспорт, 1 эскадренный миноносец, 1 буксирный пароход). 6 кораблей входили в состав 1-й Тихоокеанской эскадры, 5 кораблей – в состав 2-й эскадры. Один моряк (В. П. Пятовский) служил в Квантунском флотском экипаже – береговой части, комплектовавшей команды кораблей в Порт-Артуре. По флотским специальностям моряки распределяются следующим образом: три кочегара, два машиниста, два матроса, по одному водолазу, минёру, комендору. Четверо дослужились до унтер-офицеров: строевой и минный квартирмейстеры, минно-артиллерийский содержатель и боцман-мат-фельдфебель.

Пятеро моряков стали кавалерами самой почётной боевой награды нижних чинов того времени – Знака отличия Военного ордена Святого Георгия, более известного как Георгиевский крест. Четверо получили эту высокую награду за оборону Порт-Артура, один – за службу на Владивостокском отряде крейсеров. Строевой квартирмейстер А. М. Крюков стал Георгиевским кавалером дважды[329]. Самой «геройской» из местных волостей является Березниковская: из пяти уроженцев этой волости Георгиевских крестов удостоились трое.

Сохранившиеся в материалах Капитула российских императорских и царских орденов наградные формулировки содержат минимум информации и позволяют лишь отчасти восстановить обстоятельства подвигов, совершённых местными моряками. Так,

---

[328] Вологодская область: Общегеографический региональный атлас. М.: ЦЭВКФ, 2001. С. 55. 439

[329] Знак отличия Военного ордена... С. 210, 1479.

В. А. Брюханов получил Георгиевский крест за отличие в генеральном сражении с японским флотом 28 июля 1904 г.[330] в Жёлтом море, а остальные кавалеры-артурцы – за участие в боях на сухопутном фронте обороны крепости. Служивший на Владивостокском отряде крейсеров А. Г. Волков получил Георгиевский крест, вероятно, за своё геройское поведение в бою 1 августа 1904 г. Этот знак отличия был выдан ему из числа наград, предназначавшихся «в первую очередь раненым нижним чинам, эвакуируемым из Владивостока»[331], хотя сведений, подтверждающих ранение А. Г. Волкова, не обнаружено. Участники похода 2-й эскадры Знаков отличия Военного ордена не удостоились.

Первой жертвой войны среди «бабушкинских» моряков стал кочегар эскадренного броненосца «Петропавловск» Егор Терентьевич Шумилов[332]. 31 марта 1904 г. маневрировавший на внешнем рейде Порт-Артура корабль налетел на японскую мину. От её взрыва детонировали мины заграждения, хранившиеся в носовой части броненосца, затем артиллерийские погреба с боезапасом, а хлынувшая внутрь корпуса вода привела к взрыву паровых котлов. Серия страшных взрывов погубила «Петропавловск» фактически мгновенно – огромный корабль пошёл ко дну менее, чем за две минуты. Вместе с броненосцем погибли 650 моряков, в том числе командующий флотом вице-адмирал С. О. Макаров и знаменитый художник-баталист В. В. Верещагин[333]. У находившихся во внутренних помещениях броненосца кочегаров шансов спастись фактически не было...

Спустя неделю с небольшим, 8 апреля 1904 г., при постановке минного заграждения под Порт-Артуром трагически погиб минёр минного транспорта «Амур» Иван Ильич Казунин[334]. Другой минёр «Амура», В. Н. Изергин, впоследствии так вспоминал об этом случае: «Ставили на рейде наши мины с минного плотика для неприятеля, и поставили уже двенадцать мин, ещё осталось четыре мины. Вдруг заметили, что солёного контакта нет у мины.

---

[330] Все даты в тексте и приложении даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

[331] Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 524. Оп. 1. Д. 97. Л. 76; Д. 98. Л. 12 об.– 13.

[332] ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 105; РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 403. Л. 89; Журналы Никольского уездного земского собрания Вологодской губернии за 1914 год.– Никольск: Типография М. Г. Кузнецова и К⁰, 1915. С. 151.

[333] Грибовский В. Ю. Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск») // Гангут. 1992. Вып. 4. С. 48.

[334] ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 105 об.; РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 21. Л. 67.

Докладывают офицеру, что солёного контакта нет; или, говорят, только поставим и она коснётся воды, получится взрыв. Но он их не послушался, потому что сам был «под мухой», приказал ставить. Как только мина воды коснулась, получился взрыв, и все остальные мины взорвались, все полетели на воздух шестнадцать человек»[335].

В реальности при минной постановке 8 апреля 1904 г. погибли лейтенант Пётр Николаевич Пелль и 17 нижних чинов[336]. Трагедия действительно произошла по вине офицера: П. Н. Пелль приказал поставить мину с повреждённым свинцовым колпаком взрывателя, надеясь на предохранитель мины, имевший, как считалось, 20-минутное действие[337]. Информация о том, что лейтенант вышел на смертельно опасное задание находясь «в подпитии», остаётся на совести мемуариста.

Остальные моряки-«артурцы» с территории современного Бабушкинского района участвовали в обороне русской крепости от первого до последнего дня. Трое моряков, служивших на крейсере «Паллада», принимали участие в спасении и ремонте своего корабля, подорванного японской торпедой в первую ночь войны, затем сражались в морском бою 28 июля 1904 г., а после возвращения крейсера в порт перешли на сухопутный фронт. Кочегар «Паллады» Л. М. Синицын был ранен в грудь, защищая ключевой пункт обороны Порт-Артура – Высокую гору[338]. Все трое удостоились Георгиевских крестов.

Строевой квартирмейстер крейсера «Баян» А. М. Крюков из деревни Полюдово Подболотной волости вместе со своим кораблём участвовал в морских боях на артурском рейде 27 января, 12 февраля и 31 марта 1904 г., в бомбардировках береговых позиций неприятеля с моря, а после подрыва «Баяна» на японской мине также включился в вооружённую борьбу на сухопутном фронте обороны крепости. Там же сражался и минно-артиллерийский содержатель Квантунского флотского экипажа В. П. Пятовский.

Накануне капитуляции Порт-Артура шесть уцелевших русских миноносцев смогли прорвать японскую блокаду и уйти в

---

[335] «…Сколько у меня с этими минами было страху!» Из воспоминаний участника русско-японской войны минёра В. Н. Изергина // Кортик: Флот. История. Люди. 2010. Вып. 11. С. 78–79.

[336] Порт-Артур: Действия флота в 1904 году.– СПб.: АНТТ-Принт, 2003. С. 38.

[337] Крестьянинов В. Я. Морская минная война у Порт-Артура: Минные и противоминные действия русского флота при обороне Порт-Артура в 1904 г.– СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2006. С. 50–51.

[338] РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 9. Л. 209.

нейтральные порты. Один из них – «Статный» – выполнил задачу исключительной важности: вывез из сдающейся крепости секретные документы и знамёна воинских частей, защищавших город[339]. Свою роль в спасении чести русского оружия сыграл и служивший на «Статном» машинист Д. А. Шалев из деревни Суздалиха Подболотной волости[340]. Остальные русские корабли, в том числе «Амур», «Баян» и «Паллада», были потоплены японской артиллерией на внутреннем рейде крепости, а по окончании войны подняты и вошли в состав японского флота.

Уроженец Березниковской волости А. Г. Волков служил на крейсере «Громобой» из состава Владивостокского отряда крейсеров[341]. Он занимал высокую должность боцманмата-фельдфебеля, отвечавшего за внешний порядок и хозяйственную часть в одной из корабельных рот. А. Г. Волков участвовал во всех боевых походах Владивостокского отряда и имел право на вознаграждение в размере определённой доли стоимости захваченных в качестве военного приза коммерческих судов, перевозивших военную контрабанду. В морском бою 1 августа 1904 г. он под непрестанным огнём врага обходил палубы корабля, отслеживая обстановку и организуя эвакуацию раненых на перевязочный пункт крейсера[342]. Грамотно организованная эвакуация помогла спасти немало человеческих жизней.

Последним сражением войны, в котором принимали участие «бабушкинские» моряки, стал трагический Цусимский бой 14–15 мая 1905 г. Спустя полчаса с момента открытия огня вышел из строя флагманский броненосец русской эскадры «Князь Суворов». Потеряв управление вследствие полученных повреждений, он в одиночку продолжал сопротивление врагу вплоть до конца сражения. По словам известного английского историка Х. В. Вильсона, это был «самый ожесточённый бой, который когда-либо вёл броненосный корабль»[343]. «Суворов» был изуродован настолько, что его невозможно было опознать. По свидетельству очевидцев, горевший, но упорно сражавшийся корабль напоминал извергавшийся вулкан. Расстреливаемый фактически всем японским

---

[339] Порт-Артур: Действия флота... С. 121.

[340] Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. 284. Оп. 1. Д. 2471. Л. 107об.; Д. 2723. Л. 45 об.; Знак отличия Военного ордена... С. 1483.

[341] ВУЦА. Ф. 284. Оп. 1. Д. 2686. Л. 126; РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 173. Л. 455.

[342] Мельников Р. М. «Рюрик» был первым.– Л.: Судостроение, 1989. С. 184.

[343] Цит. по: Александровский Г. [Б.] Цусимский бой.– СПб.: Русская симфония, 2005. С. 124.

флотом, а иногда, по ошибке, и русской эскадрой, превращённый буквально в плавучую груду металлолома, но проявивший невероятную живучесть броненосец к концу боя был торпедирован и затонул. Среди 925 погибших на геройском корабле были двое моряков с территории современного Бабушкинского района: водолаз Яков Евграфович Ворошилов и машинист Арсений Васильевич Лобанов[344].

Заменивший «Суворова» во главе эскадры гвардейский броненосец «Император Александр III» также подвергся сосредоточенному обстрелу со стороны противника и вскоре вынужденно покинул место головного. К вечеру, окончательно утратив под огнём врага живучесть и остойчивость, он перевернулся и затонул. Из экипажа корабля не спасся ни один человек. Своим подвигом «Император Александр III» подтвердил старые слова: «Гвардия умирает, но не сдаётся». В списке 867 погибших моряков броненосца значится и комендор Василий Алексеевич Черепанов, уроженец деревни Челищево Подболотной волости[345].

Поскольку В. А. Черепанов, как и вся команда «Императора Александра III», числился в Гвардейском флотском экипаже, существует возможность отчасти восстановить его внешний облик. Василий Алексеевич обладал весьма внушительными физическими данными, так как в эту элитную воинскую часть во время своеобразных «смотрин» в Михайловском манеже Санкт-Петербурга отбирали самых крупных, рослых и широкогрудых людей даже по сравнению с другими гвардейскими формированиями[346]. А позже деревня Челищево ещё раз докажет, что она способна рождать настоящих русских богатырей: именно в этой деревне появится на свет самый северный советский космонавт Павел Иванович Беляев.

14 мая 1908 г. в сквере у Николо-Богоявленского Морского собора Санкт-Петербурга был торжественно открыт обелиск «Героям броненосца “Император Александр III”»[347] – первый в России памятник, посвящённый событиям русско-японской войны. На четырёх гранях высокой колонны красного полированного гранита,

---

[344] РГАВМФ. Циркуляр Главного Морского штаба № 4 от 04.01.1906 г.

[345] Журналы Никольского уездного земского собрания... С. 151; РГАВМФ. Алфавиты нижних чинов Тихоокеанских эскадр. Т. 9. Л. 260 об.

[346] Манвелов Н. В. Обычаи и традиции Российского Императорского флота. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 267–268.

[347] Поливанов В. Т., Бякин Г. И. Морской Гвардейский экипаж: Страницы истории.– СПб.: ПиК, 1996. С. 225.

увенчанной православным крестом и раскинувшим крылья орлом, размещены бронзовые доски с именами погибших на броненосце. В эти списки вошли далеко не все, но на южной доске в числе других упомянуто имя Василия Черепанова. И доныне он является единственным из «бабушкинских» моряков, чей подвиг увековечен в камне и бронзе. Только у этого обелиска можно склонить голову в память героя и его земляков, павших в войне 1904–1905 гг.

Буксирный пароход «Русь» в неразберихе Цусимского боя был протаранен военным транспортом «Анадырь» и пошёл ко дну. Экипаж удалось спасти. Уцелел и минный квартирмейстер В. Н. Шишкин из Миньковской волости, ранее переведённый на «Русь» с крейсера «Аврора». Интересным положительным штрихом к его психологическому портрету является тот факт, что «за непитое им вино» (то есть отказ от положенной во флоте ежедневной «чарки») с 15 ноября 1904 г. по 14 мая 1905 г. он получил 10 руб. 74 коп.[348]

В Цусимском сражении не участвовал ещё один моряк 2-й Тихоокеанской эскадры – И. В. Свистунов из Березниковской волости[349]. Он служил матросом вспомогательного крейсера «Кубань», за шесть дней до боя отделившегося от эскадры и направившегося в самостоятельное крейсерство для отвлечения внимания и распыления сил врага. «Кубань» провела в Тихом океане досмотр двух пароходов на предмет наличия военной контрабанды и, получив известие о гибели эскадры, вернулась обратно на Балтику, по пути досмотрев в Красном море ещё три парохода. На этом крейсерские операции российского флота в русско-японской войне завершились[350].

Скорее всего, перечень участвовавших в войне 1904–1905 гг. моряков – выходцев с территории современного Бабушкинского района, не исчерпывается представленными именами. Архивы содержат весьма скудную информацию о героях. Кроме того, в документах тех лет присутствует немало описок и ошибок, поэтому возможны отдельные неточности в написании фамилий и названий деревень. Детальное же восстановление биографий участников русско-японской войны возможно только усилиями краеведов с привлечением местных материалов. Поэтому предпринятую работу по выявлению забытых героев русско-японской войны нельзя считать оконченной.

---

[348] Васильев Д. М. Немцы в Цусимском бою // Гангут. 2007. Вып. 42. С 44.

[349] РГАВМФ. Алфавиты нижних чинов Тихоокеанских эскадр. Т. 9. Л. 34 об.

[350] Митюков Н. В., Фрифогель З. «Кубань» – последний рейдер русско-японской войны // Гангут. 2006. Вып. 39. С. 27–29.

Приложение

Алфавитный список моряков – участников русско-японской войны 1904–1905 гг. с территории современного Бабушкинского района

Брюханов Василий Антонович. Деревня Горка Березниковской волости. Призван в 1898 г. Кочегар 1-й статьи крейсера I ранга «Паллада». Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся в Россию. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 178271 «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 28 июля 1904 г.».

Власов Всеволод Моисеевич (Михайлович). Деревня Талица Миньковской волости. Матрос 2-й статьи крейсера I ранга «Паллада». Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся в Россию. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 178295 «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 19 декабря 1904 г. при защите крепости Порт-Артур».

Волков Алексей Григорьевич. Село Александрино Березниковской волости. Призван в 1897 г. Боцманмат-фельдфебель крейсера I ранга «Громобой». Участник походов Владивостокского отряда крейсеров. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 94761, отличие не установлено.

Ворошилов Яков Евграфович. Деревня Лодочная Косиковской волости. Холост. Водолаз эскадренного броненосца «Князь Суворов». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Казунин Иван Ильич. Деревня Душнево Березниковской волости. Призван в 1901 г. Холост. Минёр минного транспорта «Амур». Погиб от взрыва мины при постановке минного заграждения 8 апреля 1904 г. под Порт-Артуром.

Крюков Алексей Матвеевич. Деревня Полюдово Подболотной волости. Строевой квартирмейстер крейсера I ранга «Баян». Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся в Россию. Кавалер Знаков отличия Военного ордена IV ст. № 204232 «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией 30 ноября 1904 г.»; и III ст. № 27108 «за отличия, оказанные им во время военных действий с Японией 25 ноября 1904 г.».

Лобанов Арсений Васильевич. Деревня Бабья Харинской волости. Холост. Машинист 1-й статьи эскадренного броненосца «Князь Суворов». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Пятовский Василий Прохорович. Деревня Миньково Миньковской волости. Минно-артиллерийский содержатель 2-й статьи Квантунского флотского экипажа. Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости.

Свистунов Иван Васильевич. Березниковская волость. Матрос крейсера II ранга «Кубань». Участник похода 2-й Тихоокеанской эскадры.

Синицын Леонтий Матвеевич. Деревня Зеленцово Березниковской волости. Кочегар 1-й статьи крейсера I ранга «Паллада». Участник обороны Порт-Артура. Ранен на Высокой горе 15 ноября 1904 г. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся в Россию. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 174625 «за отличия, оказанные им во время военных действий с Японией 18 декабря 1904 г.».

Черепанов Василий Алексеевич. Деревня Челищево Подболотной волости. Комендор эскадренного броненосца «Император Александр III». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Шалев Дмитрий Алексеевич. Деревня Суздалиха Подболотной волости. Машинист 1-й статьи эскадренного миноносца «Статный». Участник обороны Порт-Артура. Накануне капитуляции крепости прорвался с миноносцем в Чифу, где интернирован до конца войны. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 204619 «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией 18 декабря 1904 г.».

Шишкин Влас Николаевич. Миньковская волость. Минный квартирмейстер 2-й статьи крейсера I ранга «Аврора» и буксирного судна «Русь». Участник Цусимского боя 14–15 мая 1905 г.

Шумилов Егор Терентьевич. Деревня Малое Село Подболотной волости. Холост. Кочегар 1-й статьи эскадренного броненосца «Петропавловск». Погиб при взрыве «Петропавловска» 31 марта 1904 г.

Шигаревская Ольга Викторовна,
независимый исследователь, г. Вологда

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ К ИСТОРИИ РОДА СЫСОЕВЫХ ИЗ СЕЛА ЛЕДЕНГСКОГО

В последние годы в нашей стране постоянно растет интерес к генеалогии, тысячи людей воссоздают по воспоминаниям и архивным документам историю своих семей, узнавая ранее неизвестные им имена предков. Нередко людей приводит в архивное учреждение стремление получить ответ на вопрос о достоверности передающихся из поколения в поколение тех или иных семейных преданий и легенд по поводу какой-то интересной истории из жизни предков или просто знакомых и близких людей.

В Северном лесоустроительном предприятии «Леспроект» работал с послевоенных лет и до пенсии скромный, но очень талантливый человек Сысоев Владимир Васильевич. Играл на гармони и на баяне, очень хорошо пел, рисовал. За время обеденного перерыва мог своему коллеге без предварительной разметки карандашом,

а сразу начисто чёрной тушью написать «шапку» плана или карты со всеми необходимыми атрибутами.

Рассказывал Владимир Васильевич, что отец его Василий Михайлович Сысоев был родом из Бабушкинского района Вологодской области и что Василий Михайлович будто бы был двоюродным братом известного революционера Ивана Васильевича Бабушкина; а родная сестра Василия Михайловича – Александра Михайловна Сысоева, тоже приходившаяся двоюродной сестрой И. В. Бабушкину, много лет жила в семье Ульяновых, помогая по хозяйству. Это были устные семейные предания, единственным документом, подтверждающим близость Александры Михайловны Сысоевой к семье Ульяновых, была книжка чьих-то воспоминаний, которую хранил Владимир Васильевич, и в которой упоминалась Александра Михайловна Сысоева как домработница В. И. Ленина.

Из своих родных Владимир Васильевич переписывался с Анной Александровной Меньшиковой, которая работала в Москве на центральном телевидении и тоже интересовалась своими родственными связями с И. В. Бабушкиным и А. М. Сысоевой. Владимир Васильевич умер в 1993 году, Анна Александровна – в 2000-м, а документального подтверждения их родственных связей ни при их жизни, ни после так и не было найдено.

Узнала я эту историю от одного из родственника Сысоева В. В. и была крайне заинтересована, поскольку ранее даже не слышала, что в семье Владимира Ильича Ленина жила и работала женщина, связанная с Вологодской областью. Поскольку по времени рассказ этот совпал с годом 100-летия Октябрьской революции, подумалось, что в связи с таким юбилеем великих событий было бы интересно установить по архивным документам действительные родственные связи наших земляков.

Правда, дело это мне сначала показалось безнадежным, поскольку неизвестен был ни год рождения Александры Михайловны, ни полные данные о ее родителях. Однако, оказалось, что Александра Михайловна Сысоева – личность далеко небезызвестная, отрывочные сведения о ней встречаются в нескольких источниках, которые можно найти в Интернете. В частности, ее имя упоминается в ряде воспоминаний разных лиц, в том числе водителя В. И. Ленина С. К. Гиля, который называет ее Саней Сысоевой[351].

[351] Гиль С. К. Шесть лет с Лениным. // Ленин: революционер, мыслитель, человек. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://leninism.su/memory/3575-shest-lets-leninym.html?showall=&start=7. Дата обращения (15.07.2019).

Об участии Александры Михайловны Сысоевой, бывшей домашней работницы В. И. Ленина, в создании мемориального музея в усадьбе Костино можно узнать из статьи «Дом-музей В. И. Ленина в Костино» на сайте «Город Королёв. История в фотографиях»[352].

В книге А. Е. Лазебникова «Их знал Ильич», в главе, где идет речь о пропуске с подписью В. И. Ленина на имя Сысоевой Марии Михайловны, есть такие слова: «Дому Ульяновых фамилия Сысоевых известна давно... Иван Васильевич Бабушкин еще в начале века познакомил в Петрограде свою двоюродную сестру Сысоеву с Марией Ильиничной. А позже она долго жила в семье Ульяновых, помогала по хозяйству. Ее часто посещала сестра, Мария Михайловна...»[353]

Упоминает о домработнице Ленина Саше Марина Густавовна Шторх в своих воспоминаниях об отце – известном русском философе Густаве Шпете, в семье которого домработницей служила «односельская подружка Саши, которая была с ней из одной деревни в Вологодской губернии». Наряду с интересным рассказом об обстоятельствах, при которых автор воспоминаний встречалась с Сашей, там есть описание ее внешности: «Вся в веснушках, рыжие волосы, зачесанные назад и собранные пучком, и довольно красивая по чертам лица».[354]

Поиски по Сысоевым на форуме ВГД (Всероссийское Генеалогическое Древо) привели на сайт «Сысоевы родом из с. Леденгское Тотемского уезда Вологодской губернии», где приведена информация о семье Елизаветы Михайловны Сысоевой (в браке Бабушкиной), содержащаяся в сборнике об улицах села имени Бабушкина.[355] Оказались в этой информации и сведения об интересующей нас Александре Михайловне Сысоевой.

В рассказе о коренных жителях села Леденгского – Шананине Иване Парменовиче и Шананиной (Бабушкиной) Анне Александровне указано: *«Шананины приходились по своей родословной близкими родственниками семье Ивана Васильевича Бабушкина. Бабушкина (Сысоева) Елизавета Михайловна (1873–1961), двоюродная*

---

[352] Дом-музей В. И. Ленина в Костино. // Живой Журнал [блог-платформа]. Режим доступа: https://korolew.livejournal.com/9585.html. Дата обращения (15.07.2019).

[353] Лазебников А. Е. Их знал Ильич.– М.: Советская Россия, 1967. С. 174.

[354] Чтение на выходные: «Дочь философа Шпета». Афиша daily [сайт]. Режим доступа: https://daily.afis ha.ru/archive/vozduh/books/doch-filosofa-shpeta/. Дата обращения (13.06.2019).

[355] Улицы села: [сборник] / Архивный отдел администрации Бабушкинского муниципального района; – село имени Бабушкина [Вологодской области]. Вологда: (ИЦ ВГМХА), 2013.– 94 с.

сестра И. В. Бабушкина, была родной матерью Анны Александровны (1900–1977), матери Зои Ивановны Лесниковой (Шананиной).

Тётя Зои Ивановны Александра Михайловна, сестра Елизаветы Михайловны, совсем молодой уезжает в Питер, устраивается экономкой у Г. М. Кржижановского. В. И. Ленин и Г. М. Кржижановский были большие друзья, являлись членами РСДРП.

Вскоре Александра Михайловна, как человек надёжный, сама становится членом партии (с 1915 по 1921 годы), устраивается на работу экономкой к Марии Ильиничне Ульяновой, сестре Ленина.»

В статье, помимо биографических сведений о семье Е. М. Сысоевой, изложены воспоминания ее сестры Александры Михайловны о Владимире Ильиче Ленине.

Оказалось имя Александры Михайловны Сысоевой и в картотеке краеведческого отдела Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина со ссылками на две газеты тридцатилетней давности – «Советская культура» и «Красный Север», в которых опубликованы статьи ветерана труда Лесниковой З. про ее двоюродную бабушку Александру Михайловну Сысоеву, которую она хорошо знала с детства.

В статье «Жила в семье Ульяновых» автор пишет: «*Александра Михайловна Сысоева, двоюродная сестра революционера-ленинца Ивана Васильевича Бабушкина, тоже была уроженкой села Леденгского. В молодые годы она уехала в Петербург, на заработки. Здесь И. В. Бабушкин познакомил А. М. Сысоеву с семьей Ульяновых – матерью Владимира Ильича Марией Александровной, сестрой Марией Ильиничной. Рекомендовал как верного и надежного человека.*

В 1908 году Саша в качестве домработницы жила у Марии Ильиничны вплоть до отъезда той за границу. Затем ее жизнь была связана с семьей верного друга и соратника В. И. Ленина Глеба Максимилиановича Кржижановского.

Окончательно и надолго Александра Михайловна обосновалась у Ульяновых в 1918 году, когда Владимир Ильич лечился после ранения в Горках. Тогда Надежда Константиновна Крупская уговорила Кржижановских отпустить к ним Александру Михайловну.»

Вскоре Александра Михайловна поселилась в квартире Ульяновых в Кремле, затем была вместе с ними в Подмосковном Костино и Горках. Последний раз она встречалась с В. И. Лениным 18 октября 1923 года.[356]

---

[356] Лесникова З. «Жила в семье Ульяновых» // «Красный Север». № 94. 1987. С. 2.

Как мы видим, ни в каких материалах не конкретизировано родство Александры Михайловны Сысоевой с Иваном Васильевичем Бабушкиным; непонятно, была ли она ему двоюродной сестрой со стороны матери или отца; имена ее родителей не указаны.

Ранее путем поиска в Интернете я установила, что родители И. В. Бабушкина – Василий Акинфиевич Бабушкин и Екатерина Платоновна, фамилия которой до замужества была Сысоева[357]. Но, как показали дальнейшие поиски в архиве, Бабушкиных и Сысоевых в селе Леденгском было столько, и переплетения их родственных связей в нескольких поколениях были таковы, что одних этих сведений было явно мало для того, чтобы точно восстановить дальнейшие родственные связи по нужным нам линиям этих фамилий.

Село Леденгское (ныне село имени Бабушкина одноименного района Вологодской области) до революции относилось к Тотемскому уезду Вологодской губернии и входило в приход Спасской Леденгской церкви.

Исповедных ведомостей по указанной церкви за интересующий нас период в фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО) нет, поэтому нет возможности найти сведения о полном составе семей, которые проживали в селе Леденгском в конце XIX – начале XX вв. Искать нужно было по метрическим книгам, благо по этой церкви их достаточно за длительный период времени.

И. В. Бабушкин родился в селе Леденгском 3 (15) января 1873 года. В этом же году, судя по данным в сборнике «Улицы села», родилась и сестра Александры Михайловны – Елизавета Михайловна Сысоева, в браке Бабушкина. Год ее рождения и стал отправной точкой поиска по архивным делам с целью установления данных о родителях ее самой и ее сестры Александры.

В метрической книге Спасской Леденгской церкви за 1873 год оказались обе метрические записи – и о рождении 3 января сына Иоанна у сельского обывателя Спасской Леденгской волости и селения Василия Акинфова Бабушкина и его законной жены Екатерины Платоновой[358], и о рождении 11 сентября дочери Елисаветы

---

[357] Новоселов А. М. Иван Васильевич Бабушкин.– М.: «Молодая Гвардия». 1954 г.– 368 с.

[358] Акинфов, Платонова и т. д., Иоанн, Елисавета – форма написания отчеств и имен в дореволюционных делах. Социальное положение жителей с. Леденгского со временем менялось. Первоначально они указывались как мастеровые, затем как сельские обыватели, а потом как крестьяне.

у сельского обывателя той же волости и селения Михаила Платонова Сысоева и законной жены его Александры Ивановой.[359]

Родители Елизаветы поженились 26 апреля 1872 года, жених – Спасской Леденгской волости и селения сельский обыватель Михаил Платонов Сысоев, 23 года, невеста – той же волости и селения сельского обывателя Ивана Игнатьева Харламова дочь девица Александра Иванова, 18 лет.[360]

Полное имя Михаила Платоновича Сысоева позволяло выдвинуть версию о том, что он был родным братом матери И. В. Бабушкина, но необходимо было найти более точные сведения об этом, установив, был ли у Платона Сысоева из Леденгского сын Михаил.

Родословная Ивана Васильевича Бабушкина изложена в статье П. А. Колесникова «Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина (к вопросу о формировании кадров предпролетариата и российского рабочего класса)». В этой статье П. А. Колесниковым проведена реконструкция родословной как по линии отца Ивана Васильевича Бабушкина, так и по линии его матери – Екатерины Платоновны, урожденной Сысоевой, которая была дочерью мастерового Платона Федоровича Сысоева. Там, в частности, указано, что последний имел три дочери и четыре сына, но по именам названы только две дочери и два сына: «Дочь Анна уехала в Кронштадт и вышла там замуж за матроса. Екатерина Платоновна вышла замуж за Василия Акинфиевича Бабушкина. Иван работал на заводе ямщиком (у него три года жил Иван Васильевич). У Павла Платоновича ни земли, ни скота не было».[361]

В архиве имеется фонд 657 Леденгского солеваренного завода, в делах которого имеются семейные списки мастеровых завода за несколько периодов, последний – 1857 год. Из списка за июнь месяц этого года видно, что у Платона Федоровича Сысоева, 42 лет, и его жены Ольги, 35 лет, были сыновья: Иван, 10 лет, Михаил, 9 лет, Александр, 4 лет, Егор, 2 месяцев; дочери: Анна, 15 лет, Екатерина, 12 лет, Александра, 6 лет. Егор, это, видимо, их сын, родившийся в апреле 1857 года, который был крещен как Георгий. Следующим после семьи Платона Федоровича в списке записан его старший

---

[359] Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 47. Д. 18. Л. 66 об., 90 об. Метрические книги Спасской Леденгской церкви Тотемского уезда.

[360] Там же. Л. 40 об.

[361] Колесников П. А. Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина (к вопросу о формировании кадров предпролетариата и российского рабочего класса). // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник. Вып 3. Вологда: Вологодский педагогический институт, 1973. С. 106.

сын Павел Платонович Сысоев, 19 лет, живший отдельно[362]. Другого Платона Сысоева в Леденгском не было.

Тем самым было установлено, что Михаил Платонович Сысоев действительно был родным братом Екатерины Платоновны Бабушкиной, урожденной Сысоевой.

Нашлась в метрических книгах Спасской Леденгской церкви и запись о рождении младшей сестры Елизаветы Михайловны. В 1880 году 10 апреля родилась, 12 крещена Александра, родители которой – Спасской Леденгской волости и селения сельский обыватель Михаил Платонов Сысоев и законная жена его Александра Иванова[363].

6 августа 1887 года у Михаила Платоновича и Александры Ивановны Сысоевых родился сын Александр, а 28 марта 1890 года – сын Василий.[364] У Александра Михайловича в 1919 году родилась дочь Анна Александровна.[365]

Таким образом, все интересующие нас персоны соединились точно установленными линиями родства, разрешив тем самым те вопросы, которые стояли перед нами в начале работы. Мать Ивана Васильевича Бабушкина – Екатерина Платоновна Бабушкина, оказалась родной сестрой Михаила Платоновича Сысоева, соответственно она – родная тетка отцам названных в начале статьи Сысоева В. В. и Меньшиковой А. А. – Василию Михайловичу и Александру Михайловичу Сысоевым, так же, как и их родной сестре Александре Михайловне Сысоевой, которая была домработницей у В. И. Ленина. В свою очередь сыновья и дочери Михаила Платоновича – двоюродные братья и сестры Ивана Васильевича Бабушкина.

В дополнение к изложенной П. А. Колесниковым родословной матери И. В. Бабушкина хочется привести некоторые сведения по семье Платона Федоровича Сысоева. Его женой была Ольга Асафовна, вероятно, дочь мастерового Асафа Андреевича Богданова, который умер в 1854 году в возрасте 68 лет от водяной болезни. Ольга Асафовна, которой было всего 39 лет, умерла от этой же болезни через четыре года – 12 мая 1858 года[366]. Сельский обыватель

---

[362] ГАВО. Ф. 657. Оп. 1. Д. 41. Л. 20 об. Семейные списки мастеровых и вольнонаемных людей Леденгского солеваренного завода на выдачу жалованья и провианта за июнь месяц 1857 года.

[363] ГАВО. Ф. 496. Оп. 47. Д. 29. Л. 11 об. Метрические книги Спасской Леденгской церкви.

[364] ГАВО. Ф. 496. Оп. 47. Д. 40. Л. 125 об. Д. 47. Л. 250 об.

[365] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 217. Л. 119 об.

[366] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 147. Л. 49 об., л. 282 об.

Платон Федорович Сысоев, 65 лет, умер 13 июня 1882 года от ревматизма.[367]

Сведения о его семье можно дополнить также некоторой информацией о тех его детях, имена которых не были названы в статье П. А. Колесникова. Сестра Анны и Екатерины Александра Платоновна Сысоева в 1873 году вышла замуж за Алексея Ивановича Юнина[368]. В 1882 году сочетался браком с дочерью Арсения Федотовича Петухова Александрой бессрочно отпускной 8-го флотского экипажа 1-й статьи Александр Платонович Сысоев. Умер он в 1917 году.[369]

Служил на флоте и уже известный нам сын Платона Федоровича – Иван Платонович Сысоев. В записи о его браке в 1884 году с дочерью штата Онежского соляного правления урядника Арсения Владимировича Мезенева Клавдией Иван Платонович именуется как бессрочно отпускной 2-го флотского Ея Величества Королевы эллинов экипажа 5-й роты артиллерийский унтер-офицер.[370]

Старший сын Платона Федоровича – мастеровой Павел Платонович Сысоев, с 1858 года состоял в браке с дочерью Владимира Петровича Мезенева Евдокией Владимировной.[371]

В метрической книге Спасской Леденгской церкви 1917 года есть запись о смерти умершей 14 сентября от старости Кронштадтской мещанки Екатерины Платоновны Лепик.[372] Это – запись о смерти матери И. В. Бабушкина, поскольку известно, что Екатерина Платоновна Бабушкина вторым браком была замужем за кронштадтским рабочим-котельщиком Матвеем Фомичем Лепеком.[373]

Возвращаясь снова к семье Михаила Платоновича и Александры Ивановны Сысоевых, нужно отметить, что у них помимо уже названных сыновей Александра и Василия, а также дочерей Елизаветы и Александры было еще несколько детей: Николай, 1 февраля 1876 г. р., Анна, 10 сентября 1892 г. р., Мария, 3 августа 1895 г. р.[374]

В метрических книгах имеются записи о бракосочетаниях некоторых из их детей. Так, их старшая дочь Елизавета Михайловна

---

[367] ГАВО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 29. Л. 184 об.
[368] ГАВО. Ф. 496. Оп. 47. Д. 18. Л. 106 об.
[369] ГАВО. Ф. 496. Оп. 47. Д. 29. Л. 166 об., д. 217, л. 86 об.
[370] Там же. Л. 288 об.
[371] ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 147. Л. 271 об.
[372] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 217. Л. 85 об.
[373] Новосёлов М. А. Ук. соч.
[374] ГАВО. Ф. 496. Оп. 47. Д. 21. Л. 3 об.; д. 47, л. 160 об., 14 об.

Сысоева в 1897 году сочеталась браком с уволенным в запас армии 105 пехотного Оренбургского полка 9 роты рядовым из сельских обывателей села Леденгского Александром Александровичем Бабушкиным, 23 лет.[375]

Николай Михайлович Сысоев в 1905 году вступил в брак с дочерью крестьянина Николая Марковича Юнина Анной из села Леденгского, а после ее смерти в 1917 году через два года сочетался вторым браком с крестьянской девицей из д. Фотина Марией Александровной Пожиловой.[376]

Александр Михайлович Сысоев в 1912 году женился на Елиониде Ивановне – дочери крестьянина села Леденгского Ивана Васильевича Мезенева. Его сестра Анна Михайловна вышла замуж в 1914 году. Ее мужем стал крестьянин того же села Александр Васильевич Холмогоров.[377]

На свадьбах Александры и Анны отца их уже не было с ними. Из записи в разделе об умерших метрической книги 1911 года видно, что Спасской Леденгской волости и селения крестьянин Михаил Платонов Сысоев умер 10 июня в возрасте 61 года от простуды.[378]

Имена же его сыновей и дочерей, а потом и внуков, на протяжении еще многих лет встречаются в метрических книгах Спасской Леденгской церкви. Здесь, в Леденгском, они, потомки мастерового Спасского Леденгского солеваренного завода Платона Сысоева, женились и выходили замуж, здесь у них рождались дети, многие из которых позднее, уже в советское время, разъехались по разным городам, получили образование и стали известными в нашей стране людьми. И все они, вне всякого сомнения, всегда гордились своим родством с известным революционером-ленинцем Иваном Васильевичем Бабушкиным. В селе, носящем его имя, наверняка и сейчас немало его родственников в той или иной степени родства.

Также нет сомнений в том, что в их семьях и поныне передают из поколения в поколение рассказы об одной из Сысоевых, той, что «жила в семье Ульяновых» – домработнице Владимира Ильича Ленина Александре Михайловне Сысоевой, чьи воспоминания о нем навсегда запали в душу тех, кто их слышал.

---

[375] ГАВО. Ф. 496. Оп. 47. Д. 50. Л. 75 об.
[376] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 90. Л. 139 об.; д. 217 л. 87 об., 135 об.
[377] Там же. Л. 60 об., л. 246 об.
[378] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 90. Л. 426 об.

Синицына Дженни Петровна,
МБУК «Бабушкинский районный исторический музей»,
с. им. Бабушкина, Вологодская область

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА
(на примере Бабушкинского районного исторического музея)

«Музей, как выражение всей души,
возвратит нам мир душевный,
лад внутренний, даст нам радость».
Н. Ф. Федоров

Сегодня многие рассматривают музей как центр информации, культурный центр, центр научной и художественной жизни, как место встречи различных возрастных, социальных групп, для каждой из которых посещение музея имеет свой смысл.

Музей является общедоступным общественно-культурным учреждением, хранящим в виде материальных и духовных раритетов память прошлого, историческую память и способствующим передаче исторической памяти и социализации как отдельной личности, так и всего общества. **Актуальность** исследования обусловлена не только традиционно-важным для каждого поколения интересом к своему историческому прошлому, но и возможностью извлечь из исторического опыта какой-то урок, что-то важное для современных и будущих свершений. Музеям есть место в нашей жизни, музейное наследие формирует человека, сохраняет традиции, показывает жизнь нашего народа. Подрастающему поколению необходимы вещественные доказательства того пути, который прошел народ, гордость принадлежности этому народу. Именно поэтому очень важны вещи, которые не позволяют нам бесследно потерять образ того или иного явления. Сохранившиеся документы являются носителями социально значимой информации. Музей осуществляет связь времен, дает человеку уникальную возможность окунуться в прошлое и познакомиться с настоящим.

Дом-музей И. В. Бабушкина основан в 1953 году как филиал Тотемского краеведческого музея имени А. В. Луначарского (впоследствии – Тотемского музейного объединения). С 2006 года он является самостоятельным юридическим лицом и называется **Бабушкинский районный исторический музей.**

Музей находится в селе, которое носит имя Ивана Васильевича Бабушкина рабочего-революционера, соратника В. И. Ленина. Здание районного музея расположено на центральной улице села, улице Бабушкина (ранее улица Ивановская, Кооперативная) в доме № 46. Именно в этом доме у своего родного дяди Ивана Платоновича Сысоева (по материнской линии) с 1880 по 1882 годы жил маленький Ваня[379].

Существуют разные взгляды на дату основания музея. Представители первой точки зрения считают, что вести отсчет надо от даты открытия филиала Тотемского краеведческого музея в с. им. Бабушкина (15 января 1953 г.), другие – от основания собственного музея в селе (21 июля 1975 г.). Связь даты и исторического события, без сомнения, существует, тогда, сколько же полных лет музею? Кто делал первую экспозицию? Как формировались коллекции?

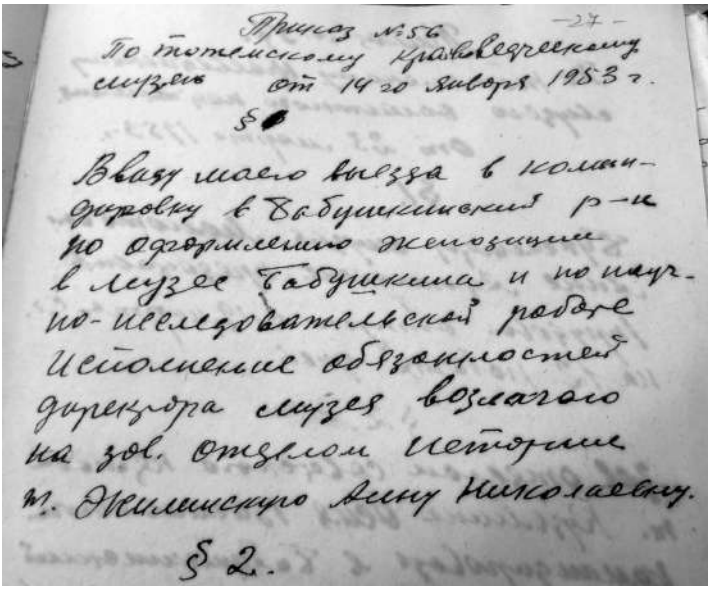
В настоящее время Книги приказов Тотемского краеведческого музея – основные документы, которые могут охарактеризовать музейную деятельность в селе имени Бабушкина. С 1950 по 1954 годы Тотемский музей возглавлял Василий Елизарович Величутин. Его лекции, беседы, экскурсии, дневники помогают научным сотрудникам знакомиться с историей прошлого нашего края[380]. Согласно Книге приказов, с марта 1952 года по июль 1954 года В. Е. Величутин шесть раз побывал в командировке в селе им. Бабушкина и Бабушкинском районе по разным вопросам музейной деятельности.

Валентина Алексеевна Притчина, заведующая музеем церковной старины ТМО, рассказала, что административную деятельность Василий Елизарович Величутин сочетал с научной, экспозиционной и собирательской работой. Например, в это время создается филиал Тотемского музея в селе Бабушкино. Документально подтверждено, что именно он являлся автором первой экспозиции этого филиала, которую он оформляет в январе 1953 года. Об этом свидетельствует выписка из Книги приказов данного периода: *«…Ввиду моего выезда в командировку в Бабушкинский район по оформлению экспозиции в музее Бабушкина и по научно-исследовательской работе исполнение обязанностей директора музея возлагаю*

---

[379] Мишкевич Г. И. Иван Васильевич Бабушкин: повесть / Г. И. Мишкевич.– Северо-Западное книжное изд-во, 1973.– 335 с.

[380] Официальный сайт: Тотемское музейное объединение: [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://totmamuz.ru. (Дата обращения: 03.01.2020).

Приказ №56 -27-
По Тотемскому краеведческому
музею от 14-го января 1953 г.
§ 1
Ввиду моего выезда в коман-
дировку в Бабушкинский р-н
по оформлению экспозиции
в музее Бабушкина и по науч.
но-исследовательской работе
Исполнение обязанностей
директора музея возлагаю
на зав. отделом истории
т. Жилинскую Анну Николаевну.
§ 2.

Приказ № 56 по Тотемскому краеведческому музею от 14-го января 1953 г.

на зав. отделом истории т. Жилинскую Анну Николаевну...»[381]. В краеведческом сборнике «Улицы села» имеются сведения о том, что 15 января 1953 года в селе имени Бабушкина на улице Трудовая (ныне улица Победы) у речки Петинки состоялось торжественное открытие Дома-музея И. В. Бабушкина. Дом-музей располагался в доме, где почти с самого рождения Иван Васильевич жил с родителями и куда переехал с семьёй с улицы Крестьянской[382].

Вот что писала районная газета «Красное Знамя»: *«...15 января 1953 года, в восьмидесятилетие со дня его рождения в районном центре был открыт домик-музей И. В. Бабушкина, в котором собраны материалы, рассказывающие о жизни и революционной деятельности выдающегося борца за освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации. Трудящиеся района чтут светлую память своего земляка И. В. Бабушкина. Со времени открытия музея в нем побывало свыше полторы тысячи человек. В записях,*

[381] Приказ № 56 по Тотемскому краеведческому музею от 14-го января 1953 г.
[382] Улицы села / сост. Г. А. Илюшина.– с. им. Бабушкина: Архивный отдел администрации Бабушкинского муниципального района, 2013.– 90 с.

15 января 1953 года по ул. Трудовой был открыт первый Дом-музей Ивана Васильевича Бабушкина

оставленных в музее, выражена гордость за своего земляка. Вот что пишут учащиеся Тотемского педучилища: «Посетив домик-музей, мы много узнали о славной жизни нашего замечательного земляка-революционера. Мы гордимся своим земляком и чтим его светлую память»[383].

О том, что экспозиция музея закрывалась на ремонт, свидетельствует материал Кузьмина «Дом-музей им. И. В. Бабушкина открыт», помещенный в номере районной газеты «Красное Знамя» № 73 от 9 сентября 1956 г.: *«После капитального ремонта дом-музей имени И. В. Бабушкина открыт для посетителей ежедневно с 9 часов утра до 4 часов дня. Вход свободный»*[384].

Семья Бабушкиных прожила в селе недолго, и дом по улице Трудовой перешел во владение дальним родственникам Ивана Васильевича. Позднее в этом доме жил еще один выдающийся земляк, племянник Бабушкина, Герой Советского союза Иван Михайлович Юнин. Сейчас этот дом все так же стоит на улице Победы под № 30, но является частной собственностью приезжающих на отдых жителей из Мурманска, к объектам культурного наследия дом не относится.

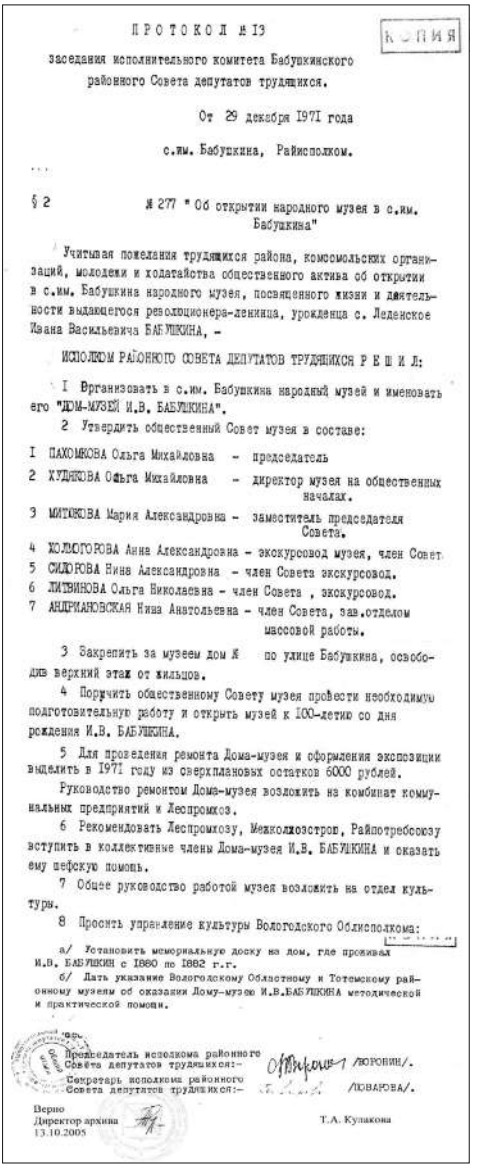
[383] В Домике-музее И. В. Бабушкина // «Красное Знамя».– 1953.– 21 мая.

[384] Кузьмин. Дом-музей им. И. В. Бабушкина открыт / Кузьмин // «Красное Знамя».– 1956.– 9 сент.

Музей в нем располагался на общественных началах и существовал лишь до 1966 года по вполне понятным причинам: малое количество экспонатов, недостаточное финансирование, хотя власть района в меру своих сил следила за состоянием дома, обеспечила капитальный ремонт. Но, скорее всего, главная причина состояла в отсутствии музейной традиции на территории района[385]. В качестве некой «компенсации» на базе Бабушкинской средней школы в октябре 1966 года открывается комната-музей И. В. Бабушкина.

Историко-краеведческая работа в период с конца 1950-х и в течение 1960-х гг. всё же не прекращалась, и потребность в создании районного музея становилась все более необходимой.

Учитывая многочисленные предложения и пожелания жителей района об открытии в с. им. Бабушкина музея, исполнительный комитет Бабушкинского

ПРОТОКОЛ № 13

КОПИЯ

заседания исполнительного комитета Бабушкинского районного Совета депутатов трудящихся.

От 29 декабря 1971 года

с.им. Бабушкина, Райисполком.

...

§ 2 № 277 "Об открытии народного музея в с.им. Бабушкина"

Учитывая пожелания трудящихся района, комсомольских организаций, молодежи и ходатайства общественного актива об открытии в с.им. Бабушкина народного музея, посвященного жизни и деятельности выдающегося революционера-ленинца, уроженца с. Леденское Ивана Васильевича БАБУШКИНА, –

ИСПОЛКОМ РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ Р Е Ш И Л:

1 Организовать в с.им. Бабушкина народный музей и именовать его "ДОМ-МУЗЕЙ И.В. БАБУШКИНА".

2 Утвердить общественный Совет музея в составе:

1 ПАХОМОВА Ольга Михайловна – председатель
2 ХУДЯКОВА Ольга Михайловна – директор музея на общественных началах.
3 МИТЮКОВА Мария Александровна – заместитель председателя Совета.
4 КОЛМОГОРОВА Анна Александровна – экскурсовод музея, член Совет.
5 СИДОРОВА Нина Александровна – член Совета экскурсовод.
6 ЛИТВИНОВА Ольга Николаевна – член Совета , экскурсовод.
7 АНДРИАНОВСКАЯ Нина Анатольевна – член Совета, зав.отделом массовой работы.

3 Закрепить за музеем дом № по улице Бабушкина, освободив верхний этаж от жильцов.

4 Поручить общественному Совету музея провести необходимую подготовительную работу и открыть музей к 100-летию со дня рождения И.В. БАБУШКИНА.

5 Для проведения ремонта Дома-музея и оформления экспозиции выделить в 1971 году из сверхплановых остатков 6000 рублей.

Руководство ремонтом Дома-музея возложить на комбинат коммунальных предприятий и Леспромхоз.

6 Рекомендовать Леспромхозу, Межколхозстрою, Райпотребсоюзу вступить в коллективные члены Дома-музея И.В. БАБУШКИНА и оказать ему шефскую помощь.

7 Общее руководство работой музея возложить на отдел культуры.

8 Просить управление культуры Вологодского Облисполкома:

а/ Установить мемориальную доску на дом, где проживал И.В. БАБУШКИН с 1880 по 1882 г.г.

б/ Дать указание Вологодскому Областному и Тотемскому районному музеям об оказании Дому-музею И.В.БАБУШКИНА методической и практической помощи.

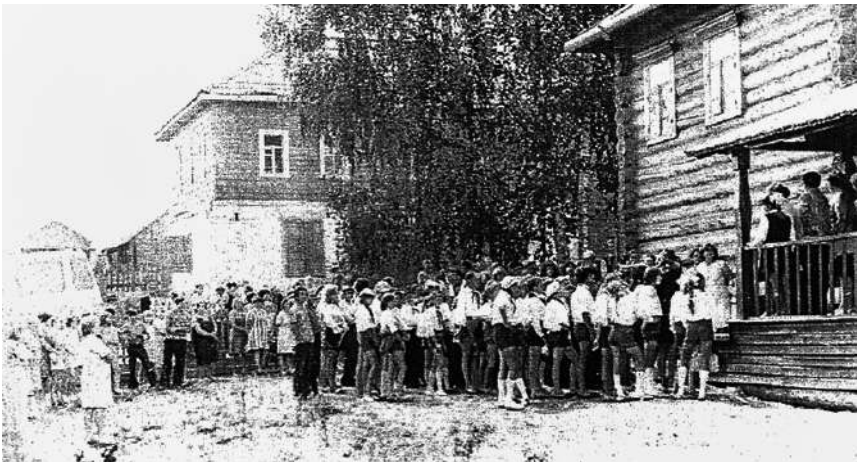
Председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся:– /ВОРОНИН/.

Секретарь исполкома районного Совета депутатов трудящихся:– /ЛОВАРОВА/.

Верно
Директор архива
13.10.2005 Т.А. Купакова

Протокол № 13 заседания исполнительного комитета Бабушкинского районного Совета депутатов трудящихся

[385] Репницына В. С. История создания и развития музея в с. им. Бабушкина: Краеведческая олимпиада «Мир через культуру» секция «Летопись родных мест» / Руководитель И. А. Пискунова.– с. им. Бабушкина, 2014.

Открытие дома-музея И. В. Бабушкина 21 июля 1975 года

районного Совета депутатов трудящихся решением от 29 декабря 1971 года открывает народный музей и именует его «Дом-музей И. В. Бабушкина», образует общественный Совет музея[386].

Предполагалось, что музей будет открыт к памятной дате 15 января 1973 г., но этого не случилось из-за возникших проблем в финансировании и организации проекта по реконструкции здания. Через 9 лет произошло значительное событие в культурной жизни района и села – открытие 21 июля 1975 года мемориального музея Ивана Васильевича Бабушкина, и вновь – как филиала Тотемского краеведческого музея. Он включал в себя две экспозиции. Первая – крестьянская изба, воспроизводившая быт села того далёкого революционного времени, представлена деревянной кроватью с пёстрым, из лоскутков ситцевым одеялом и подушкой в холщовой наволочке, кроснами с основанной на них пряжей, широкой лавкой вдоль стен, полатями с деревянными прялками и другими предметами крестьянского быта. Вторая комната-экспозиция: «Жизнь и революционная деятельность И. В. Бабушкина». Здесь можно было познакомиться с выставками «Бессмертие героя революционера», «В сибирской ссылке», «Рево-

[386] Протокол № 13 заседания исполнительного комитета Бабушкинского районного Совета депутатов трудящихся от 29 декабря 1971 года «Об открытии народного музея в с. им. И. В. Бабушкина».

люционная молодость», «Село Леденгское – родина И. В. Бабушкина»[387].

В течение многих лет сотрудниками Тотемского краеведческого музея проводилась активная экспедиционная и просветительская деятельность на территории Бабушкинского района, так как экспедиция является наиболее эффективной формой комплектования фондов музея. Валентина Алексеевна Притчина поделилась информацией о предметах из церквей Бабушкинского района, находящихся в музее церковной старины г. Тотьмы: *«В 1929 году сотрудники Тотемского краеведческого музея под руководством директора музея Н. А. Черницына побывали в экспедиции на территории Бабушкинского района. Членами экспедиции были осмотрены интерьеры храмов и привезены в музей отдельные предметы музейного значения, в том числе* ***два Евангелия****. Одно – из Казанской Старокуножской церкви. Оно было отпечатано на Московском печатном дворе 15 марта 1668 года. Книга небольшого размера 24×19,5×8 см. (размер листа 22×17 см). Другое – из Юркинской Троицкой Новокуножской церкви, датировано 1701 годом, то есть младше предыдущего на 33 года. По размерам больше – 31,5×21×9 см. Также отпечатано на Московском печатном дворе. Язык Евангелия – церковнославянский и в настоящее время они экспонируются в музее церковной старины.*

Среди медных литых изделий можно назвать ***наперсный крест*** *из Казанской Старокуножской церкви. Датирован концом XVIII – началом XIX века. Его размер 8,4×5,2×0,2 см. Он также поступил во время экспедиции 1929 года. Из открытых фондов скульптуры в экспозиции экспонируется* ***запрестольный крест XVIII в****. из Казанской Старокуножской церкви. Размеры креста 107×69,5×3 см. Крест представляет собой фигуру, закрепленную на узком шесте (ширина 4,5 см) розового цвета с двусторонним изображением иконописных сюжетов, расположенных в пяти круглых клеймах, обрамленных резным узором с несколькими сохранившимися округлыми фигурами. Из этой же церкви также экспонируются* ***два Ангела-Херувима****. Материал: дерево, левкас, темпера. Техника изготовления: резьба, роспись, позолота.* ***Икона Архистратига Михаила XVIII века,*** *поступившая с территории Бабушкинского района в 1975 году от Меньшикова Н. В. Размер иконы: 31×26,5 см, материал: паволока, левкас, темпера. В 1990 году икона реставрирована вологодским*

[387] Макарова Ф. А. Дом-музей им. И. В. Бабушкина открыт / Ф. А. Макарова // «Знамя».– 1975. – 26 июля. Архив краеведа А. Г. Илюшиной.

реставратором Н. К. Воздвиженским. Икона поступила в окладе. Размер оклада: 31×27 см, выполнен из светлого металла, в технике штамповки с элементами гравировки».

Из исследования материалов экспедиций Тотемского музейного объединения известно, какие ремёсла существовали на территории современного Бабушкинского района:

«Один из центров по производству набойки был выявлен экспедицией краеведческого музея в ноябре 1959 года в деревне Заборье Подболотного сельсовета Бабушкинского района (бывшей Ляменгской волости Никольского уезда). Во время экспедиции в музей поступило семь набойных досок из семьи мастеров Кушмеревых – Шеркуновых. Но сведения о технологии производства набойки во время первой экспедиции не были собраны.

Вторично центр в Заборье по производству набойки был обследован спустя почти 30 лет в июне 1988 года. В деревне Кокшарка Подболотного сельского совета Мария Ивановна Игнатьева с 1914 г. р., уроженка деревни Пестериха рассказала о набойщике по ткани, который жил в д. Заборье. «Звали его «Ладя» (по-видимому, это прозвище мастера), дочь его Нюрка на пекарне работает».

В этой же деревне Парасковья Михайловна Игнатьевская (1910 г. р.) продолжила рассказ о набойщике: «Намиряем на сарафан, он вытешет досочку, разломит, одну половинку нам отдаст, другую для образца привяжет к холсту. Набойку делали с «голубью» – круглые голубенькие кружочки, вот и отдавали ему «портно».

Побывав в Заборье, мы познакомились с Анной Владимировной Шеркуновой (с Нюркой). Она и рассказала о занятии набойным производством их семьи. Родоначальником был ее дед по материнской линии Ипполит Федорович Кушмерев, который в молодости работал в Петрограде в «красильных домах», где и приобрел секреты мастерства набойки. Выехав на родину в Вологодский край, он обосновался в местечке Сараево, ныне современный Кич.-Городецкий район. Его преемником стал зять – Владимир Моисеевич Шеркунов (1893 г. р., муж дочери Анны Ипполитовны). Мастерская Кушмеревых-Шеркуновых была единственной по всей Ляменгской волости.

Обычно в мастерской существовало разделение труда, и получалось так, что в производстве участвовали все члены семьи. Мужчины старшего поколения или женщины принимали заказы, главный мастер – глава семьи, занимался набойкой, а полосканием, развешиванием и разглаживанием холстов занимались женщины и подростки. Мастера набойного дела строго хранили в тайне рецептуру составления красок и растворов для производства набойки по холсту.

Секрет передавался только родственникам. Овладеть мастерством набойки Анне Владимировне помог ее отец. Производством набойки мастерица занималась в годы Великой Отечественной войны, после войны краску было трудно купить, это привело к прекращению промысла. А все принадлежности к промыслу зарыли под фундамент вновь строящегося дома.

Ярким свидетельством развития набойного промысла в Подболотье являются поступившие в 1959 году набойные доски и в более позднее время набойные сарафаны, которые здесь называли «кубовиками».

Экспедиция 1992 года выявила еще один центр производства набойки на территории современного Бабушкинского района. Он существовал в деревне Веретье (бывшая Юркинская волость Тотемского уезда). У жительницы деревни Петухово Юркинского сельского совета Клавдии Алексеевны Махиной мы приобрели в музей сарафан из набойки. Владелица его рассказала, что холст набивали мастера из соседней деревни Веретье. От нее мы также получили информацию, что набойные сарафаны носили на вечёрки и по праздникам. Второй сарафан (его владелица назвала «юбкой») был куплен в деревне Юркино у Пелагеи Ивановны Климовой (1910 г. р.). Скорее всего, холст сарафана тоже набивали мастера деревни Веретье, поскольку деревня Юркино находится по соседству.

Более раннее (1926 г.) поступление в музей пяти набойных досок из деревни Сарафаново Харинской волости от Кузнецова Василия Сергеевича дает возможность предположить наличие здесь третьего центра производства набойки. В деревне Мулино Харинского сельского совета Глафира Васильевна Воробьева продала сарафан из набойной ткани. Очевидно, это изделие местного производства. В этом же сельском совете был приобретен еще один сарафан в деревне Пожарище. Другой кубовый сарафан был куплен в деревне Митино Косиковского сельского совета у Александры Ивановны Поповой (1913 г. р.).

На данный момент это вся информация о центрах набойки на территории современного Бабушкинского района, которой мы располагаем. Но, возможно, некоторые из них не выявлены»[388].

Большую роль в формировании музейного собрания играли дары местного населения. В деревне Тиманова Гора Леденгского

[388] Набойный промысел. По материалам экспедиций Тотемского музейного объединения в Бабушкинский район. Выражаю искреннюю признательность В. А. Притчиной, заведующей музеем церковной старины Тотемского музейного объединения.

района в 1936 году был найден клад – чернолощеная кубышка, полная серебряных капельных монет времен царя Ивана Грозного. Клад был передан в Краеведческий музей в дар от А. Ф. Кряталова[389].

Наиболее распространённой формой собирательской работы музея были краткосрочные выезды (экспедиции), к которым привлекались местные специалисты. В 1983 году экспедиция держала курс на Бабушкинский район. Руководителем экспедиции была Валентина Алексеевна Притчина, в то время – научный сотрудник отдела истории. Ей был написан достаточно подробный дневник поездки. Обратимся к нему:

«Выехали в 9.30 утра из музея. Настроение у членов экспедиции хорошее. Держим маршрут Тотьма – Бабушкино. В Бабушкино нас встретила Ангелина Александровна и познакомила с разработанным ею маршрутом экспедиции». И в первый день путь был в сторону деревни Юркино, 50 км от с. им. Бабушкина. Музейщики заезжали во все встречающиеся на пути деревни и старались зайти во все дома. Приобретали для музея сарафаны из набивной ткани и прялки, изделия из бересты и дерева, старинное оружие и железный утюг, посуду из фаянса и глины, жестяные изделия и другие предметы крестьянского быта. Много экспонатов музею были подарены – лапти, трепала, серпы, кузова и совки ручной работы. Помимо сбора экспонатов, музейщики слушали о нелёгкой судьбе пенсионеров, ведь всех их коснулась Великая Отечественная война.

Во второй день экспедиция была в направлении Тимановского сельского совета. Как и в первый день, были собраны предметы – медная братыня и колоколец, прялки и одежда и многое другое.

«На этом наши сборы во II день экспедиции были закончены. Проехали за день 119 км, в Бабушкино вернулись в 21 час 15 мин. В последний день исследовали деревни, которые располагались поблизости с. им. Бабушкина, и с приличным скарбом отправились в Тотьму»[390].

В ходе исследовательской работы приведено лишь несколько примеров выездов, так как невозможно рассказать обо всех проходивших экспедициях в районе и о предметах подаренных жителями Бабушкинского района в музеи г. Тотьмы.

Всё то, что было начато, много лет назад, живет и действует до сих пор. Здесь собраны и хранятся экспонаты, которые были

---

[389] Старинная Тотьма. Тотемское музейное объединение: [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://vk.com/totma35. (Дата обращения: 17.12.2019).

[390] Там же.

подарены жителями села, района. Это не просто предметы и вещи. Посредством их нам, живущим ныне, переданы от прошлых поколений колоссальный объем знаний, чувства и созидательная энергия. Все это побуждает человека, попавшего в музей, к действию: возникает желание принести свою вещь, дотронуться до какого-либо предмета, беречь, хранить…

В настоящее время Бабушкинский районный исторический музей как самостоятельное учреждение (с 2006 года) живет активной общественной жизнью: в нем проходят уроки истории, уроки Мужества, краеведческие конференции, встречи с интересными людьми и т. д. Музей работает в тесном сотрудничестве с коллегами из Тотемского музейного объединения.

Автор данной работы разделяет позицию тех, кто считает, что отсчет существования музейного дела в селе имени Бабушкина надо вести от даты 15 января 1953 года, когда первый музей на Леденгской земле открыл свои двери для посетителей.

Раздел четвёртый

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Чугреева Наталия Николаевна,
Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, г. Москва

О ПОЧИТАНИИ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ КАЗАНСКОЙ В ВОЛОГОДСКИХ ЗЕМЛЯХ

После обретения в 1579 г. образа Богородицы в Казани, утвердившего православную веру в новообращенной казанской стране, и, особенно, после Смутного времени, когда с иконой Богоматери Казанской (списком с Явленного образа) в 1612 г. от интервентов была освобождена Москва, почитание Казанского образа стало распространяться по всей территории обширного русского государства, в том числе и в северных русских землях. В Вологде деревянная «Церковь пречистые Богородицы Казанские да предел святых апостол Иасона и Сосипатра» значится в списке 1629 г. писцовой книги Вологды 1627–1628 гг. князя Ивана Мещерского и подъячего Федора Стогова[391]. Из Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой происходит икона Богоматери Казанской первой четверти XVII столетия в окладе середины XVII в. (ВГИАХМЗ)[392]. Это одна из ранних Казанских икон-пядниц с изображениями казанских святителей Гурия и Варсонофия на полях. Иконография ее восходит к явленному в Казани образу. Из документов Спасо-Прилуцкого монастыря известно, что вклады туда делались царем Михаилом Федоровичем Романовым, патриархом Филаретом,

---

[391] Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. I. Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году.– Вологда, 1904. С. 20.

[392] *Рыбаков А.А.* Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. № 122, 123 (датировка – вторая четверть XVII в.); *Чугреева Н.Н.* Казанская икона Божией Матери. СПб., 2014. С. 31. Ил. на с. 32, 33; Иконы Вологды конца XVI–XVII века = Vologda Icons, late 16th – 17th centuries / Вологод. гос. историко-архит. и художеств. музей-заповедник, Волог. обл. картин. галерея; [редкол.: Л.В. Нерсесян (гл. ред.) и др.].– Вологда; М., 2017. Кат. № 26 (авт. описания – Ю.В. Веретнова). С. 222–227, с ил. Датировка – первая треть XVII в.

Строгановыми, князем Д. М. Пожарским[393]. Высокое мастерство иконописца позволяет предположить, что заказчиком образа был именитый почитатель Казанского образа.

Чудотворная Казанская икона находилась в Воскресенской церкви на Святой Горе Грязовецкого уезда Вологодской губернии[394]. Она была написана после Явления Богородицы в ночь на Светлое Христово Воскресение 1666 г. некоему благочестивому христианину Евсевию. Об иконе существовало рукописное Сказание. Деревянный Казанский храм выстроили на Святой Горе по челобитной стольника Тихона Беклемишева 1683 г.[395] Казанская Святогорова икона (44,5×35,6 см) была выносная, двусторонняя, с изображением на обороте святителя Николая Чудотворца. Она стояла за престолом церкви, в XIX в. ее поместили в киот (при этом рукоять была спилена). В 1894 г. почитаемый образ получил новую серебряную позолоченную ризу с эмалями и камнями, сделанную в Москве. Воскресенская церковь была взорвана в 1966 г., а Святая Гора при строительстве дороги срыта, однако чудотворный образ сохранился. В 2010 г. он был обнаружен в алтаре кладбищенского Лазаревского храма Вологды (красочный слой иконы с частичными утратами). В 2012 г. в Софийском соборе Вологды был совершен молебен по случаю обретения Святогоровой Казанской иконы. Ныне она находится в Лазаревском храме, известном своими святынями.

Во многих церквях Вологды бытовали иконы Богоматери Казанской XVII–XIX вв.; от XVIII столетия, например, сохранились происходящие из Казанской церкви на Торгу, Иоанно-Предтеченской Дюдиковой пустыни, Николаевской на Глинках, Андреевской Фрязиновской (ВГИАХМЗ)[396].

В Кирилло-Белозерском монастыре образ «Пречистые Богородицы Казанские» в басменном окладе упоминается уже в самой ранней описи 1601 г.[397] В середине XVII столетия в монастыре,

---

[393] ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 21. Л. 40 об; Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об., 3, 21.

[394] *Лебедев В. К.* Чудотворная Казанская икона Божией Матери в Воскресенской Святогоровой церкви, Грязовецкаго уезда, Вологодской епархии, и описание церкви, в которой она находится. Вологда, 1903; *Он же.* Чудотворная Казанская Святогорова икона Божией Матери в Воскресенской Святогоровой цервкви, Грязовецкаго уезда, Вологодской епархии, и описание церкви, в которой она находится.– Вологда, 1916 (2-е изд.).

[395] Летопись занятий Археографической комиссии за 1914 г. Вып. 27. Пг., 1915. С. 217 (коллекция П. И. Савваитова).

[396] ВГИАХМЗ. Инв. № ВОКМ 7691. 31×26,5 см.; Инв. № ВОКМ 6570. 31×27,5 см; Инв. № ВОКМ 7519. 34,5×28,6 см; Инв. № ВОКМ 10378. 67×48 см.

[397] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. Коммент. изд. / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов.– СПб., 1998. С. 67.

который претерпел в 1612 г. несколько приступов польско-шведских интервентов, возводятся мощные стены Нового города. Близ них, у главных ворот в монастырь, вскоре возникает деревянная Казанская церковь с трапезной, которая значится в описи Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г.: «Да вне монастыря церковь древяная Пречистые Богородицы Казанские с трапезою теплою. По левую страну предел Иоанна Богослова, верхи шатровые, кресты и главы паяны белым железом…»[398]. Справа от Царских врат в церкви по той же описи находился местный образ «явление Пречистые Богородицы Казанския с Превечным Младенцом в деянии…»[399]. Деревянную Казанскую церковь, изображенную трехглавой с высокими восьмиконечными крестами, можно видеть слева от въездной монастырской Казанской башни 1659 г., около фигуры Богоматери с Младенцем Христом, на гравюре с изображением Кирилло-Белозерского монастыря, выполненной в Санкт-Петербурге 1720 г. гравером Алексеем Ростовцевым и возобновленной в 1742 г. в Москве гравером Мартыном Нехорошевским (КБИАХМЗ)[400].

В окрестностях Кириллова, в Воскресенском Горицком девичьем монастыре на берегу реки Шексны, основанном в 1544 г. княгиней Евфросинией Старицкой, вдовой князя Андрея Ивановича Старицкого, который называли «Царское богомолье», находилась Казанская икона, присланная в дар от служившего царям Михаилу Феодоровичу и Алексею Михайловичу думного дьяка Михаила Волошенинова и его жены Татьяны, в инокинях Таисии. М. Волоше-

---

[398] Савваитов П.И. Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря: По описным книгам 1668 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. 2.– СПб., 1861. С. 339.

[399] Савваитов П.И. Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря, 1861. С. 339–340.

[400] Кирилло-Белозерский музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекциям / Сост.: С.В. Митурич.– М., 2017. (Художественные сокровища российской провинции, вып. 7). Ил. 150 на с. 111 (резцовая гравюра на металле); *Бабушкина И.М.* Кирилло-Белозерский монастырь в изображениях XVIII–XIX веков // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4.– Вологда, 2001. С. 126–129. В 1700 г. деревянная Казанская церковь была заменена каменной с деревянным верхом. См.: *Иванова Г.О.* Приходские церкви города Кириллова по архивным источникам // Кириллов: Историко- краеведческий альманах. Выпуск I.– Вологда, 1994. С. 166–167. Когда монастырская слобода в 1776 г. получила статус города, Казанская приходская церковь была обращена в городской собор. Каменный Казанский храм в стиле классицизма выстроен в 1820–1825 гг. по проекту А.И. Старова, при этом изменен декор более ранней трапезной. В Казанском соборе завершался самый многочисленный крестный ход в Кириллове 28 июля, в день иконы Богородицы Одигитрии (в память заступления Божией Матери от холеры в 1854 г.), с молебствием Царствующему Дому, Святейшему Синоду и всем православным христианам. См.: Кирилло-Белозерская икона Божией Матери Одигитрии. (По случаю пятисотлетия ея прославления – 9-го июня 1897 г.).– Одесса, 1902. С. 16.

нинов участвовал в дипломатических переговорах с Польшей, вел переговоры с послами гетмана Хмельницкого по вопросу о присоединении Украины, исполнял другие важные поручения русских государей. Из Москвы Казанский образ был привезен в 1655 г. старицей монастыря Февронией Тимофеевой, он помещался в главном каменном монастырском Воскресенском соборе 1544 г. Горицкого монастыря на аналое против правого клироса, в киоте, и имел драгоценный оклад с прикладами: «...образ Пречистые Богородицы Казанские в киоте з затворы, оклад и коруна и ризы сребряны золочены чеканные; в коруне 7 каменеи; подниз с отвесы и ожерелеицо жемчюжное низано арефетью; рясы жемчюжные, в рясах 18 пронисков сребряны золочены резные троеуголние. У того образа в прикладе крест аспиден, обложен серебром з жемчюги; 5 крестов сребряных золочены, серги турские, лапки в золоте, на них 10 жемчюжин; серги лалы на золоте з жемчюги кафимскими; серги жемчюжные на золоте, серги серебряные с простым каменьем»[401]. Вверху киота было изображено «Отечество», по бокам композиции Акафиста Богородицы, «Почи Господь в день седмый», «Достойно есть», «О Тебе радуется», «Единородный Сыне», «Взбранной Воеводе», «Величит душа моя Господа».

Из сохранившихся икон Богоматери Казанской XVII–XIX вв. из Воскресенского Горицкого монастыря две датируются XVII в. (КБИАХМЗ)[402]. В 1719 г. бывшей игуменьей Горицкого монастыря Анфисой Волоцкой (1690–1713 гг.)[403] была вложена в монастырь Казанская икона Богоматери, что следует из надписи скорописью на ее обороте: «1719 *г* декаб*р*я вде*н* поставила сей свтый // обра*з* Пр*с*тыя Бгордцы Каза*н*ские вдомъ // Воскресения Хр*с*това бе*з*выносно по своей дши // и по родителехъ бы*в*шая игумения А*н*фиса Во//лоцкая» (КБИАХМЗ)[404]. Из Кириллова и Ферапонтова монастырей происходят Казанские иконы первой половины – середины XVIII в., написанные в традиции «живоподобия» (КБИАХМЗ)[405].

---

[401] 1661 г., мая 31.– Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых. Публ. Ю. С. Васильева // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып I.– Вологда, 1994. С. 265.

[402] КБИАХМ. КП 476, инв. дж-60. 28,5×24 см. КБИАХМ. КП 431, инв. дж-17, дм-188. 32×27,5 см.

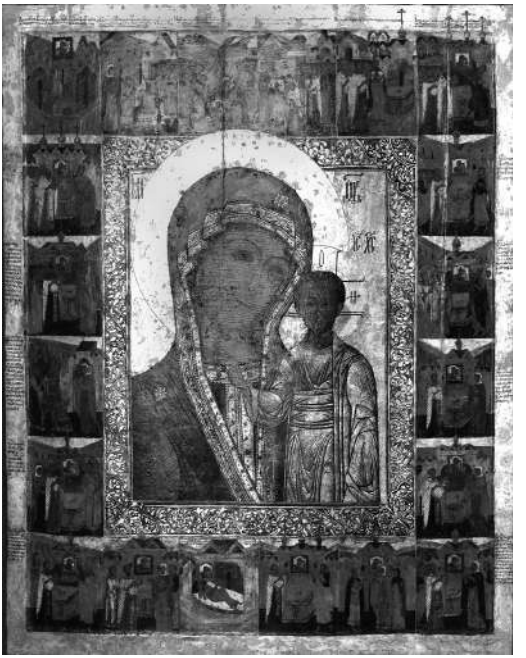
[403] Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви.– СПб., 1877. Стб. 88.

[404] КБИАХМ. КП 466, инв. дж-51. 43×38,5 см. Надпись дается в современной орфографии, выносные буквы выделены курсивом.

[405] КБИАХМ. КП 2044, инв. дж-683. 30,5×25,8 см. КБИАХМ. КП 2051, инв. дж-690. 32×26,2 см.

Самый подробный цикл из сорока четырех клейм на текст Повести митрополита Казанского Ермогена о явлении и чудесах иконы Богородицы в Казани[406] и, возможно, других источников, известен на большой Казанской иконе, происходящей из Спасо-Преображенского собора Белозерска 1668–1670 гг. (КБИАХМЗ)[407]. Клейма расположены в два ряда вверху, по бокам и внизу от средника и сопровождаются подробными надписями. Изучение иконы станет возможным после ее реставрации (раскрытия от прописей и потемневшей олифы). Во втором клейме (где олифа снята) можно видеть явление иконы Богородицы девице Матроне в полдень во дворе ее дома, от иконы снизу исходят три огненных луча.

Казанская икона Богоматери с двадцатью клеймами (Тотемское музейное объединение)[408] написана под влиянием вологодской иконописной традиции, по-видимому, тотемскими мастерами и может быть датирована серединой – третьей четвертью XVII в. Происхождение иконы неизвестно, она могла находиться в одной из церквей Тотьмы. Средник с изо-

Богоматерь Казанская, с 20-ю клеймами. Середина – третья четверть XVII века. Тотемское музейное объединение

---

[406] ГИМ. Син. 982. Повесть митрополита Ермогена. 1594/1595 г. Скоропись. 36 л. 4^0.

[407] КБИАХМ. КП 8952, инв. дж-1231. 126×97 см.

[408] ТМО. Инв. № ТКМ-20537. 119,5×96,3 см. Поступила из старых фондов музея в 1968 г. Реставрирована в 1994–1996 гг. в ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря Т. А. Миловой. Опубликована в процессе реставрации сотрудницей ВХНРЦ Е. В. Рыжаковой. См.: *Рыжакова Е. В.* Памятники древнерусской живописи Тотьмы, реставрированные во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И. Э. Грабаря // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 602, 604, 613–614 (инв. номер указан неточно). Ч-б. ил. на с. 605. Датировка – начало XVII в.

бражением Казанского образа вытянут по вертикали, клейма расположены по периметру. В них представлена история явления и обретения образа в Казани (клейма 1–5) и чудеса исцелений от него (клейма 6–20). Надписи к клеймам помещены на полях и фонах нижнего ряда клейм, они приводятся в первой публикации иконы без названия сюжетов[409]. Некоторые из сюжетов требуют уточнений при дальнейшем изучении иконы[410].

Архиепископ Иеремия с крестным ходом приходит на место явления иконы в Казани. 4-е клеймо иконы «Богоматерь Казанская, с 20-ю клеймами». Середина – третья четверть XVII века. Тотемское музейное объединение

Состав клейм: 1. Явление иконы Богородицы «во огненном образе» девице Матроне в полуденное время во сне во дворе ее дома. От иконы снизу исходят огненные лучи. 2. Девица и мать приходят к архиепископу Казанскому Иеремии и рассказывают ему о явлении иконы, но он не верит их словам и отсылает их «безделну». 3. Девица Матрона обретает икону Богородицы в земле. Над иконой изображен рукав от одежды, в который она была завернута. 4. Архиепископ приходит с крестным ходом, «со кресты», на место явления образа и коленопреклоненно молится перед ним.

[409] Рыжакова Е. В. Памятники древнерусской живописи Тотьмы..., 1997. С. 613–614 (аннотированный перечень, рубрика «Состав клейм»).

[410] Для данной публикации качественных фотографий клейм с надписями не имелось.

5. Крестный ход во главе с архиепископом приходит с иконой в церковь Николы Тульского. 6. Исцеление слепого Иосифа (по тексту Повести митрополита Ермогена – чудо 1). 7. Исцеление в Благовещенском соборе Казанского Кремля (надпись утрачена). 8. Исцеление слепого Никиты (чудо 2). Возможно, изображение этого чуда относится к 7-му клейму. 9. Исцеление слепого младенца (чудо 4). 10. Исцеление некоего человека из Свияжска, приведенного своею женой к чудотворному образу (чудо 3). 11. Исцеление сухорукой жены поселянина, жившего в веси боярского сына Василия Рагозина (чудо 6). Жена рассказывает архиепископу о поразившем ее явлении Богородицы, о чем известно из текста Повести. 12. Исцеление от болезни глаз жены попа Григория Елены из села Тагашева (чудо 8) (?). 13. Исцеление расслабленного Исака, по прозвищу Бык, из Казани (чудо 7). Исак изображен с костылем в руке уже стоящим. 14. Исцеление жены боярского сына Ивашки по прозвищу Кузьминский от болезни ног (чудо 5) (?) (надпись утрачена). 15. Исцеление от очной болезни инока Троицкого монастыря в Казани Иосифа, который утерся пеленой от чудотворного образа (чудо 9). 16. Исцеление не видевшей сорок дней Пелагеи из Казани (чудо 11) (?) (надпись утрачена). Пелагея приходит в монастырь к иконе с мужем Антоном по прозванию Кашевар. 17. Исцеление Трофима Ларионова из Самары от трясовицы и очной болезни, икона является лежащему на ложе Трофиму (чудо 12). 18. Исцеление Афанасия Ерофеева от беснования в Благовещенском соборе Казанского Кремля (чудо 15) (?) (надпись утрачена). 19. Исцеление жены свияжского попа Ивана Домны от беснования, Домну по повелению игуменьи девичьего монастыря прикладывают к иконе (чудо 13). 20. Исцеление Домны, жены скорняка Дмитрия из Казани, от болезни скорчившихся рук и ног (чудо 14).

Литературным источником для тотемской Казанской иконы послужила Повесть митрополита Ермогена (или один из ее списков). Кроме основных событий явления и обретения образа в Казани в клеймах подробно представлены чудеса от него. На раме середины XVII в. сольвычегодских мастеров также двадцать клейм, в которых помещены четырнадцать из шестнадцати чудес, описанных в Повести (СИХМ)[411]. Изображение чудес в клеймах

[411] Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. Каталог-альбом. М., 2003. Кат. № 63. С. 69–70. Цв. ил. на с. 187; *Чугреева Н. Н.* Казанский образ Богоматери в произведениях строгановских мастеров // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб, 2009. С. 96–100. Ил. 5 на вкл.; *Она же.* Казанская икона Божией Матери // ПЭ. Т. 29. М., 2012. С. 210–211. Ил. на с. 210; *Она же.* Казанская икона Божией Матери. СПб., 2014. С. 6. Ил. на с. 9–15, 17–20, 22–25.

рамы соответствует их очередности в тексте Повести, на тотемской иконе последовательность чудес по отношению к ее тексту не сохраняется. Тотемская икона существенно отличается от сольвычегодской рамы и по характеру вытянутого средника (в среднике рамы помещена Казанская икона-пядница, клейма вверху и внизу расположены в два ряда), и по композициям клейм. На раме они многоплановые, усложненные, на тотемской иконе – более простые, с развернутым действием на первом плане. Различны и формы архитектуры, и характер фигур, и колористический строй (к особенностям тотемской иконы можно отнести сочетание золота и серебра в одеждах Богоматери и Младенца Христа, на фонах и полях). При одинаковом количестве клейм и общности замысла (желании как можно полнее изобразить чудеса исцелений от Явленного образа) стилистически – это разные по культуре произведения иконописи.

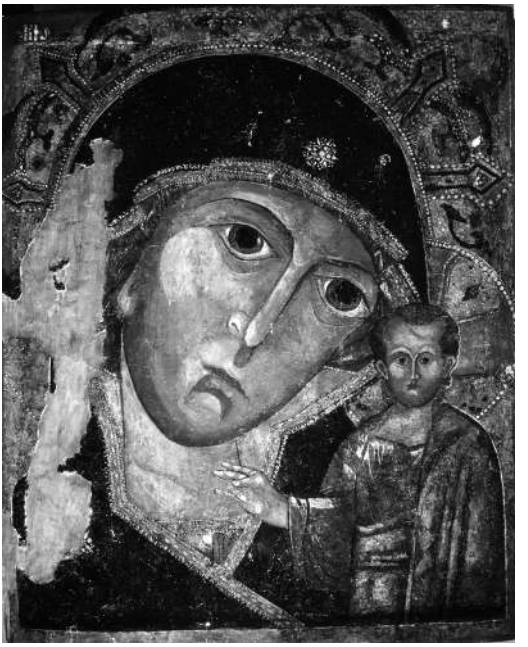
В вологодских землях существовали Казанские иконы с клеймами на текст Повести митрополита Ермогена, отличающиеся по программе от тотемской иконы, например, третьей четверти XVII в. из церкви с. Порошино Шепяковской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии (ВГИАХМЗ)[412]. Здесь в двенадцати клеймах представлены основные события истории Явленного образа, но без чудес от него. Средник помещен в орнаментальную рамку, немного напоминающую по мотиву волнообразного растительного орнамента рамку средника тотемской иконы.

Из Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни, расположенной между речками Большим и Малым Ирапом (в 57 км к северо-западу от Череповца), основанной постриженником Корнилиево-Комельского монастыря преподобным Филиппом Ирапским († 1527), происходит большая икона Богородицы Казанской (Череповецкое музейное объединение)[413]. Видимо, она являлась храмовой иконой Казанской церкви пустыни, выстроенной в 1673 г. Во всех известных списках жития XVIII–XIX вв. преподобного Филиппа Ирапского содержится рассказ о его чудесном явлении 8 мая 1673 г., в праздник святого апостола Иоанна Богослова, старцу пустыни Феодосию с повелением выстроить Казанскую церковь: «“Воздвигни церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанския – и будеши здрав ногою”». …И построиша святую церковь Пресвятыя Богородицы

[412] Иконы Вологды конца XVI–XVII века, 2017. Кат. № 110 (авт. описания – Ю. В. Веретнова, А. С. Преображенский). С. 724–735, с ил. 91×79,5 см.

[413] ЧерМО кп 280/8. 121×97,5 см. Реставрационные прописи.

Казанския при державе великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца»[414]. Монастырский образ Богородицы Казанской, выполненный, видимо, местными мастерами, доносит до нас дух северной обители, в которой продолжались традиции «пустынножительства», заложенные преподобным Кириллом Белозерским и продолженные преподобным Корнилием Комельским.

Богоматерь Казанская. Третья четверть XVII века. Череповецкое музейное объединение

В Дуниловской пустыни Вологодской губернии прославилась икона Казанской Богородицы, явившаяся 29 июня 1677 г. на берегу реки Юг, недалеко от впадения в нее речки Дуниловки[415]. После того как возникшая в 1679 г. небольшая Дуниловская пустынь[416] была приписана в 1815 г. к Сретенскому собору города Никольска[417] Дуниловский Казанский образ был перенесен туда, а в Дунилово стали совершаться крестные ходы. Во второй половине XIX в. образ получил серебряный

---

[414] Житие Филиппа Ирапского. Сказание о чудесах Филиппа Ирапского // Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елезара об Анзерском ските. Исследование и тексты. СПб, 1996. С. 209; Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель.– Вологда, 1982. Ч. I. С. 138.

[415] Лебедев В.К. Сказание о чудотворной Дуниловской иконе Божией Матери и о Дуниловской Богородицкой пустыни Вологодской епархии.– Вологда, 1899.

[416] Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. Часть IV. М., 1812. С. 62. Дуниловская пустынь упразднена в 1764 г.

[417] Об основании г. Никольска см.: Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Сост. И.К. Степановский.– Вологда, 1890. С. 412–413.

оклад с эмалями. С 1920-х гг. он вновь находился в Дунилове. В 2002 г. святыня была украдена[418]. Дуниловская Казанская икона имела вытянутые по вертикали пропорции и необычную иконографию: в верхней части – изображение Богородицы Казанской с предстоящими в рост в молении пророком Илией слева и архангелом Михаилом с зерцалом и жезлом справа, в нижней – оплечное святителя Николая Чудотворца с поясными изображениями в кругах по сторонам предстоящих епископа Тихона Амафунского и мученицы Параскевы Пятницы. Красочный слой чудотворной Дуниловской иконы имел значительные утраты и потертости. Судя по характеру типов ликов она могла относиться ко второй половине XVII в.

Преподобный Иосиф Заоникиевский (Вологодский) в молении образу Богоматери Казанской, со святыми Космой и Дамианом. Конец XIX – начало XX века. Частное собрание В.Ю. Сорокина, Казань

Одна из почитаемых Казанских икон, называемая Заоникиевской, явилась, по преданию, в вологодских землях в конце XVI в., но известна только по поздним изображениям второй половины XIX – начала XX вв. Обычно в центре на фоне леса и пещеры изображен почитавшийся чудотворцем коленопреклоненный Иосиф Заоникиевский (Вологодский) со скрещенными на груди руками. Вверху на облаках поддерживаемый ангелами образ Богоматери Казанской, по сторонам обращенные к иконе святые бессребрени-

[418] Колчеев С., прот. Дуниловская Казанская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. 16.– М., 2007. С. 333–334.

ки Космa и Дамиан на облаках[419]. Бытовали и эмалевые образки второй половины XIX в. подобной иконографии (Музей имени Андрея Рублева)[420].

Родионова Вера Юрьевна,
Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, г. Москва

ИКОНОПИСЕЦ МИХАИЛ КИРИКОВ СКАЗЫВАЕВ: К АВТОРСТВУ ПОЗДНЕЙ ЗАПИСИ НА ИКОНАХ ИЗ ПАХОМИЕВА КЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

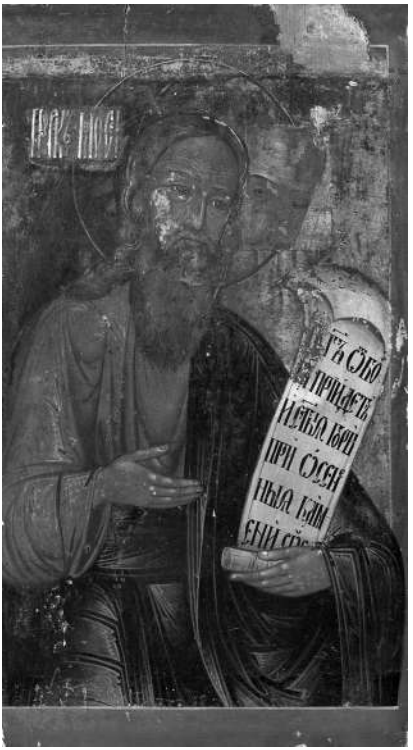
В 2018 году в Музее имени Андрея Рублева прошла выставка «Северные экспедиции». Специально к ее открытию был отреставрирован ряд памятников из Пахомиева Кенского монастыря. Шесть икон прошли полный курс реставрации и дополнили сведения об истории бытования монастыря. Всего в собрании музея хранится двенадцать икон, вывезенных в 1968 году во время научной экспедиции научным сотрудником Л. М. Евсеевой из поселка Коровино Плисецкого района Архангельской области. Первую икону – «Спас в Силах» – она обнаружила в старом заброшенном амбаре, остальные одиннадцать икон с изображением Богоматери, пророков, апостолов и праздников были собраны по домам местных жителей на другом берегу реки Кены в деревне Коровий Двор. Иконы явно принадлежали одному церковному комплексу и, по свидетельству местных жителей, происходили из местной приходской церкви, которая была закрыта в 1954 году и впоследствии полностью разрушена. Во время очередной антирелигиозной компании храм разобрали на кирпичи, а иконы из иконостаса жители унесли по домам[421].

---

[419] Собрание В. Ю. Сорокина, Казань. 30,9×26,3 см. На обороте надпись: «Въ Благословеніе отъ обители Алексею Васильевичу Морковкину. Архимандритъ Серафимъ. 1897 года. Апреля 12»; Window into Heaven. A Gift from Metropolitan Niphon (Saikali) to His Citi of Zahl . Representative Office of the Patriarchate of Antioch in Moscow, 2017. P. 119. Il. 106. 22×17,5 см.

[420] Русская эмаль XVII – начала XX века. Из собрания Музея имени Андрея Рублева.– М., 1994. С. 279–280. Ил. 186 на с. 144.

[421] Евсеева Л. М. Кенозеро: иконы Пахомиева Кенского монастыря // Северные экспедиции Музея имени Андрея Рублева. Каталог выставки. М., 2018. С. 108–111.

Икона «Пророк Моисей». XVII век (?). Из собрания ЦМиАР

Все привезенные памятники в своей основе имеют более древнюю живопись, которую исследовала Л. М. Евсеева[422]. Сам иконостас был создан в XVI веке, но поновлялся и дополнялся новыми образами в XVII и XVIII веках. Хорошо сохранился комплекс из шести образов, которые входили в пророческий ряд иконостаса: «Пророк Моисей», «Пророк Малахиа», «Пророк Илия», «Пророк Иеремия», «Пророк Фаддей» (Пророк с таким именем не упоминается в Ветхом Завете, по-видимому, это ошибочное написание имени пророка Аггея, которое указано белой краской на обороте иконы) и «Пророк Иона». Вторая группа икон происходит из деисусного чина: «Богоматерь», «Иоанн Богослов», «Апостол Филипп и неизвестный апостол». Две иконы близки по размеру и на 30 см выше остальных: упомянутая двухрядная икона «Спас в силах. Преполовение. Христос и самарянка» и икона «Святой Исаак». Икона «Преображение», по мнению Л. М. Евсеевой, была храмовым образом и размещалась в местном ряду[423].

---

[422] Евсеева Л. М. Вновь раскрытые иконы из иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 72–79.

[423] Названия икон указаны по книге поступления в музей ЦМиАР в 1968 году: «Пророк Моисей» (КП 632), «Пророк Малахиа» (КП 633), «Пророк Илия» (КП 635), «Пророк Иеремия» (КП 636), «Пророк Фаддей» (КП 637) и «Пророк Иона» (КП 638). Вторая группа икон из деисусного чина: «Богоматерь» (КП 639), «Иоанн Богослов» (КП 631), «Апостол Филипп и неизвестный апостол» (КП 641), двухрядная икона «Спас в силах. Преполовение. Христос и самарянка» (КП 642), «Святой Исаак» (КП 642). Предполагаемый храмовый образ «Преображение» (КП 634).

Л. М. Евсеева установила, что все иконы происходят из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря, основанного, по документальным сведениям, в конце XV – начале XVI века на левом берегу реки Кены при ее истоках, в четырех километрах от Кенозера[424].

Сам монастырь не сохранился. Во время правления Екатерины II в 1764 году решением Синода монастырь был упразднен, а на следующий год в 1765 году его собор стал приходским храмом. В 1800 году в храме произошел пожар, но храм погорел лишь частично. В 1804 году на месте бывшего монастыря началось строительство новой каменной церкви, в 1842 году ее освятили в честь Преображения Господня. В 1867–1868 годах на деньги каргопольской купчихи И. Насоновой в церкви проводился ремонт: с южной стороны был устроен придел во имя преподобного Пахомия Кенского и его постриженика Антония Сийского. Главный иконостас церкви был реконструирован на следующий год[425].

Масштабная переделка иконостаса затронула все иконы исследуемого нами комплекса. Старые иконные доски использовали как основу под новую живопись. При этом основы икон разделялись, после чего проводилось стесывание боковых полей, и доски заново соединялись между собой в единые горизонтальные щиты. Эту масштабную переделку иконостаса, а также живопись верхнего слоя записи исследовала научный сотрудник музея Т. Н. Нечаева.[426] На основании стилистических особенностей она отнесла ее к заонежской иконописной традиции второй половины XIX века и предположила, что поновление икон было выполнено старообрядческими мастерами, ранее работавшими на реке Выг. Действительно, на иконах, исполненных выговскими мастерами, и иконах Пахомиева Кенского монастыря можно найти общие приемы. Особенно хорошо схожие приемы заметны на иконе «Чудо Архангела

---

[424] Евсеева Л. М. Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск 2011. С. 282–296.

[425] Докучаев-Басков К. А. Подвижники и монастыри русского севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч 2. С. 254–298, 447–515.

[426] Нечаева Т. Н. Иконы из Пахомиева Кенского монастыря: к атрибуции поздней записи // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 163–167.

Михаила о Флоре и Лавре»[427]. Прием резкой разбеленной растушовки на световых участках в виде тонких штрихов на одеждах, а также резкие границы света и тени в личном письме часто встречаются у выговских мастеров. Надо сказать, что и сдержанный колорит выговских икон близок колориту рассматриваемых нами икон. И хотя все эти приемы достаточно характерны для отнесения памятников к творчеству выговских мастеров, в то же время некоторые особенности письма на иконах, вывезенных из Пахомиева Кенского монастыря, указывают на влияния академической живописи: фигуры святых, выполненные в рост, монументальны и статичны, драпированы объёмными плащами, перекинутыми через плечо с множеством свисающих пышных складок. В ликах заметно влияние «живоподобного» письма, но в упрощенном «народном» стиле. Переданы анатомические подробности: слезники в уголках глаз, веки и мешочки под глазами. Также Нечаева полагает, что на выполнение иконы старообрядческим мастером указывают написание теонимограммы «ІС ХС» и двуперстие на иконе Спасителя, но благодаря проведенной реставрации и рентгеновскому снимку выяснилось, что все иконы из этого иконостаса были полностью записаны с изменением сюжета, за исключением иконы «Спас в силах. Преполовение. Христос и самарянка», на ней верхний слой записи точно повторяет нижележащую авторскую живопись XVII века. На изображении центральной фигуры Спасителя, как и в клейме «Преполовение», художник не самостоятельно выполнил, а только повторил, скопировал у предыдущего мастера «древлеправославное» двуперстие и титлы «ІС ХС». Скорее всего это было обусловлено желанием заказчика.

Исследовав описанные выше иконы из Пахомиева Кенского монастыря, можно с уверенностью сказать, что данная поновительская запись, выполненная в 1868 году при перестройке иконостаса Пахомиева Кенского монастыря, принадлежит кисти владимирского иконописца Михаила Кирикова Сказываева. Эта живопись в определенной степени подражает академическому стилю и в тоже время не лишена влияния старообрядческих мастеров, которые сохранили традиции древнего иконописания. Этот вывод основывается на изучении и подробном анализе стиля живописи и приемов письма подписных и датированных икон Михаила Сказываева.

---

[427] ЦМиАР, КП 1839. Нечаева Т.Н. Иконы из Пахомиева Кенского монастыря: к атрибуции поздней записи // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 163–167. Икона указана Т.Н. Нечаевой в качестве аналога.

В музейном фонде ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» хранится расписное потолочное перекрытие («небо») церкви Георгия Победоносца из деревни Федоровской на Порженском озере. На его радиальной грани с изображением апостолов Иуды и Луки в 2014 году реставраторами ВХНРЦ была выявлена подпись: «1863 Года работалъ небеса копписецъ Михайло Кириков Сказываев»[428]. Расписное потолочное перекрытие в молельном зале церкви состоит из восьми радиальных граней с попарным изображением архангелов, апостолов и евангелистов. В центральном медальоне написан образ Вседержителя, на восточной грани – Распятие с предстоящими святыми. На угловых треугольных гранях – изображения трубящих ангелов. Живопись «неба» из церкви Георгия Победоносца стилистически совпадает с живописью исследуемых нами икон из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря. Фигуры выполненных в рост святых слегка приземисты, а в поясных изображениях так и вовсе укорочены, и расплющены на плоскости. Лики святых (особенно молодых) немного одутловаты, с довольно тяжелыми подбородками. Иконы «неба» выполнены масляными красками, что вероятнее всего обусловило достаточно грубое написание ликов и рук святых, но с сохранением анатомических подробностей, которые совпадают с изображением анатомических деталей на ликах святых в иконах из Пахомиева Кенского иконостаса, хотя иконы Кенского монастыря написаны темперой с плавными переходами вохрений и тонкими деталями разделки.

На переносице выделяется характерная вилочка. Под изображением нижних век прорисованы мешочки под глазами в виде складок с дополнительными линиями высветлений. Надбровные дуги также высветлены. Санкирь – светло-коричневый с плавной границей вохрений. Описи выполнены светло-коричневой краской и довольно деликатно. На волосах и бороде святых очень тонкие, мастерски выписанные пряди волос. Руки написаны довольно просто, но с характерной деталью – у основания пальцев автор неизменно изображает треугольную складку в виде тонкой белильной стрелочки. Несомненно, что эта «вилочка» или «галочка» у основания пальцев является особенностью узнаваемого почерка мастера. Руки святых пропорционально немного вытянуты и имеют характерный указующий жест с сильно удлиненным указательным пальцем.

---

[428] Анциферова А. И. Подписные и датированные иконы и расписные «небеса» из собрания Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2015 // «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2016. С. 52–61.

Сходство приемов живописи особенно заметно в изображении одежд святых. Одеяния немного раздуты и имеют множество геометрических складок. В нижней части одежд мастер часто изображает парящие в воздухе сложные слегка вспарушенные конусообразные фалды. Хорошо видны резкие темные складки, прописанные одной линией с характерными треугольниками. Длинные вертикальные белильные складки также решены одной линией с такими же треугольными зигзагообразными линиями. Световые участки на одеждах прорисованы со значительной растушевкой в виде штриховки. Но особенно примечательны геометрические завершения одеяний в виде треугольников и трапеций, свободно парящие в воздухе. Этот прием наблюдается на всех фигурах «неба» и на записанных в XIX веке иконах кенозерского комплекса в собрании ЦМиАР. Одинаково выполнены и отвороты рукавов одежд, имеющие немного выгнутую треугольную форму. Можно сказать, что это также особенности почерка мастера.

Святитель Николай. Середина XIX в. ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Колорит довольно сдержан, преобладают сочетания синего и красного или зеленого и желтого, а также иногда розового и фиолетового цветов. Фон на иконах, хранящихся в ЦМиАР,– золотой, поля и поземы – коричневые. Также золотой фон и темно-коричневые поля можно наблюдать и на иконе из Музейного фонда ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» «Святитель Николай»[429]. Предположительно, эта икона также происходит из церкви Георгия Победоносца деревни Федоровской на Порженском озере.

[429] Музейный фонд ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», КНП КП 168. Эта икона была приобретена у местного жителя Зуева Михаила Александровича, его род происходит из села Порженское, которое стоит рядом с Порженским погостом и церковью Георгия Победоносца. Оттуда семья в конце 1970-х – начале 1980-х годов переехала в деревню Ведягино, расположенную рядом с деревней Горбачиха Плесецкого района Архангельской области, где находится часовня Иоанна Крестителя. Сведения и фотографии предоставлены главным хранителем Музейного фонда ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» А. И. Анциферовой, которую автор благодарит за предоставленные фотографии, материалы и ценные сведения.

Изображение одежд святителя Николая и приемы личного письма совпадают с присутствующими на исследуемых нами иконах и потолочном перекрытии («небе»).

Из часовни Иоанна Крестителя деревни Горбачиха Плесецкого района Архангельской области происходит икона «Евангелист Марко»[430]. Икона апостола Марка написана темперой и имеет все стилистические особенности икон Пахомиева Кенского монастыря. Поясная фигура апостола также немного расплющена на плоскости, левое плечо слегка вывернуто вперед. В одеждах присутствуют те же геометрические складки и отвороты рукавов. И самое главное – в этой иконе абсолютно аналогично изображены тонко прописанные лики и особенно руки с удлинёнными пальцами и характерной «стрелочкой» у основания. Палеография надписей и орнамент на евангелиях и свитках на всех иконах также абсолютно идентичны. Фон на иконе – красно-охристый с темно-коричневыми полями. Таким образом, икона «Евангелист Марк» является прямым аналогом икон из Кенского монастыря.

«Евангелист Марко». Середина XIX в. Из часовни Иоанна Крестителя деревни Горбачиха на Кенозере. ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Необходимо отметить, что Михаил Сказываев был довольно разнообразен в своем творчестве. У иконописца с течением времени наблюдается изменение приемов письма в личном. Лики святых в небольших конах более плоские, с укрупненными, совершенно непропорциональными носами. Такие же небольшие лики, с характерными особенностями – расплющенными носиками, мы видим и на среднике деисусного ряда в клейме «Христос и самарянка» иконы «Спаса в Силах» (ЦМиАР). Но одинаковые приемы в написании одежд и облаков неизменно сохраняются на всех иконах Сказываева. Это хорошо заметно еще в одной иконе «Святые мученики Кирик и Иулита»[431], которая поступила из частного дома

[430] Музейный фонд ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», КНП КП 26. Дерево, хлопчатобумажная паволока, темпера. 51×44×3 см.

[431] Музейный фонд ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», КНП КП 251.

Святые мученики Кирик и Иулита. Середина XIX в. ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

в деревне Тырышкино, рядом с д. Горбачихой, а также на выносном двухстороннем кресте из часовни Святителя Николая деревни Вершинино[432]. Эти иконы А. И. Анциферова датировала 1850–1860-ми годами. По ее мнению, Михаил Сказываев написал достаточно много икон для местных деревень и часовен, расположенных на южном берегу Кенского озера, которые вместе с Порженским входили в Каргопольский уезд Олонецкой губернии.

Такие же приемы письма можно наблюдать и на иконах, исследованных Т. М. Кольцовой[433]. Она подробно рассмотрела все датированные произведения мастера, а также иконы, которые по стилистическим признакам могут принадлежать его авторству. Но самое важное для нашего исследования, что она определила еще одну икону, найденную в поселке Коровино и происходящую из Пахомиева Кенского монастыря[434]. Это икона «Ангел Хранитель и святой апостол евангелист Иоанн Богослов» из частного собрания Ю. Н. Мануйлова в Таллине. Как указывает Т. М. Кольцова, икона так же, как и комплекс Музея имен Андрея Рублева, написана на золотом фоне. Этот факт дополнительно доказывает, что иконы из Пахомиева Кенского монастыря в 1868 году поновлялись владимирским иконописцем Михаилом Кириковым Сказываевым.

Также ею была рассмотрена икона «Страшный суд», происходящая из Георгиевской церкви села Порженское. Т. М. Кольцова дати-

[432] Музейный фонд ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», КНП КП 126.

[433] Кольцова Т. М. «Копписец» Михаил Кириков Сказываев из Вязниковского уезда Владимирской губернии. Подписные и датированные произведения церковного искусства. Каталог выставки в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике 25 июля – 15 августа 2016 года. Кириллов, 2017. С. 35–47.

[434] Там же.

ровала ее 1860-ми годами[435]. К авторству Сказываева она относит иконы из иконостаса часовни Флора и Лавра деревни Семеновской на Кенозере: «Зосима и Савватий Соловецкие», «Макарий Унженский и Никодим Кожеозерский»[436]. Также этому комплексу принадлежит и третья икона святых жен – «Евдокия и Анастасия»[437]. Святые написаны в рост, в молении Христу, на желтом фоне с коричневым поземом и темно-коричневыми полями. Одежды святых по стилистическим признакам совпадают с изображением одежд на иконах, хранящихся в ЦМиАР, лики написаны довольно просто, с укрупнёнными носами, хотя волосы и бороды у святых выписаны достаточно тонко. К творчеству М. К. Сказываева, по мнению Т. Н. Кольцовой, также относится икона «Богородица Страстная»[438] второй четверти XIX века из собрания Каргопольского музея, на которой сохранилась короткая подпись: «Писал Ми//С…».

Также Т. М. Кольцовой приводится информация о том, что в 1858 году Михаил Сказываев написал для Богоявленской церкви села Ошвенского образ «Святая Параскева в житии», на нижнем поле которой имелась надпись: «Жертвованием крестьянина Ивана Александрова Власова в бытность старостою церковным 1858 году… сей святой образ Михайло Кириков Сказываев..»[439]. Можно предположить, что и «небеса» этой церкви были выполнены тем же иконописцем, т. к. по стилю живописи они полностью совпадают с его подписными произведениями. Также этим мастером в 1847 году было выполнено «небо» в церкви Архангела Михаила села Архангело[440]. Можно сделать вывод, что в XIX веке в Каргопольском уезде и в Кенозерье были достаточно востребованы владимирские иконописцы.

---

[435] Кольцова Т. М. «Копписец» Михаил Кириков Сказываев из Вязниковского уезда Владимирской губернии. Подписные и датированные произведения церковного искусства. Каталог выставки в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике 25 июля – 15 августа 2016 года. Кириллов, 2017. С. 35–47.

[436] Там же.

[437] Сведения предоставлены главным хранителем Музейного фонда ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» А. И. Анциферовой., которую автор сердечно благодарит за предоставленные фотографии, материалы и ценные сведения.

[438] Там же. Собрание Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

[439] Анциферова А. И. Подписные и датированные иконы и расписные «небеса» из собрания Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2016. С. 52–61.

[440] Кольцова Т. М. Иконы Каргополя. Из собрания Каргопольского государственного историко- архитектурного и художественного музея. Свод русской иконописи. Москва, 2014. С. 19–27.

В Государственном архиве Владимирской области в ревизских сказках 1834 и 1858 годов имеются сведения об иконописце Михайле Кирикове Сказываеве – крепостном крестьянине князя Бориса Александровича Лобанова-Ростовского[441]. Иконописец родился в 1816 году в деревне Сергеевской Палеховской волости Вязниковского уезда Владимирской губернии. Известно шесть мастеров с такой фамилией. Т. М. Кольцова установила степень родства династии иконописцев Сказываевых[442].

Т. Н. Нечаева предполагала, что последний слой записи XIX века иконостаса Пахомиева Кенского монастыря выполняла одна артель иконописцев во главе с мастером, «чей почерк является доминирующим и хорошо читаемым во всех иконах комплекса»[443]. Эта точка зрения не противоречит мнению, что автором этого комплекса икон является Михаил Кириков Сказываев, к тому времени ставшим уже зрелым и известным мастером, имевшим подмастерьев или работавшим семейной артелью.

Реставраторам, работавшим с поновительским слоем живописи исследуемых нами икон XIX века, удалось определить технологические приемы, которые применял Михаил Сказываев. Перед поновлением иконописец не удалял нижележащие слои живописи, а только «промывал» нижележащую живопись. Перед нанесением первого слоя роскрыши белой краской довольно смело и уверенно наносился подготовительный рисунок. Художник прорисовывал контур фигур и нимбов, на ликах намечал глаза, нос и бороду. Четкий характер линии говорит о хорошем мастерстве иконописца. Графьей мастер не пользовался.

Состав пигментов верхнего слоя живописи исследовала старший научный сотрудник лаборатории физико-химических исследований ГосНИИР химик-технолог И. Ф. Кадикова. По ее заключению, в синем цвете на одежде иконописец использовал берлинскую лазурь. А исследования М. М. Наумовой показали, что иконописец применял красную краску, возможно, собственного приготовления (Марс) – железосодержащую охру.

---

[441] Государственный архив Вологодской области. Ф. 301. Оп. 5. Д. 436. Л. 576 об.–577.

[442] Кольцова Т. М. «Копписец» Михаил Кириков Сказываев из Вязниковского уезда Владимирской губернии. Подписные и датированные произведения церковного искусства. Каталог выставки в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике 25 июля – 15 августа 2016 года. Кириллов, 2017. С. 41.

[443] Нечаева Т. Н. Иконы из Пахомиева Женского монастыря: к атрибуции поздней записи // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 165.

Михаил Кириков Сказываев как художник был достаточно разноплановым, работал с разными материалами и различными техниками. Т. М. Кольцова приводит сведения о том, что он занимался и иконописанием, разрабатывая новые композиции и образы, опираясь при этом на западноевропейские гравюры и западное классическое искусство; также принимал заказы на поновление икон масляными красками, на золочение иконостасов и даже занимался малярными работами, не гнушаясь при этом любого заработка[444].

Комплекс икон из Пахомиева Кенского монастыря написан темперными красками довольно тонко и умело; может быть, материал и техника письма диктовались заказчиком. Вполне возможно, что каргопольская купчиха И. Насонова пригласила М. К. Сказываева как уже зрелого мастера, т. к. по времени создания эта поновительская запись 1868 года на иконах относится к самому последнему периоду творчества владимирского иконописца.

Таким образом, полученные результаты исследований после проведенной реставрации икон из Пахомиева Кенского монастыря в Музее имени Андрея Рублева дают важную информацию по истории создания и бытования комплекса.

Ромашкина Светлана Николаевна,
культурно-исторический центр «Светочъ»,
г. Великий Устюг, Вологодская обл.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИКОНОПИСЦАХ И ЖИВОПИСЦАХ, ЖИТЕЛЯХ ГОРОДА ВЕЛИКОГО УСТЮГА, «С УКАЗАНИЕМ СЕМЕЙНАГО И ИМУЩЕСТВЕННАГО ПОЛОЖЕНИЯ, И ДАННЫХ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ» (2-я ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

Сведения об иконописцах и живописцах Великого Устюга XVIII в. представляют большой интерес. Расширение знаний о мастерах, оказавших значительное влияние на обширный регион, способствует углубленному изучению их жизни и творчества. В основу публикации положены материалы из архивного документа: «Кни-

[444] Кольцова Т. М. «Копписец» Михаил Кириков Сказываев из Вязниковского уезда Владимирской губернии. Подписные и датированные произведения церковного искусства. Каталог выставки в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике 25 июля – 15 августа 2016 года. Кириллов, 2017. С. 47.

га – алфавитный список жителей (облагателей) города Великого Устюга с указанием семейнаго и имущественнаго положения, и данных о государственной службе 1786 г.», дополненные из других источников. Автором вводятся в научный оборот новые имена иконописцев, уточняются происхождение и отчество некоторых уже известных мастеров, приводится возраст, а также у многих городских иконописцев и живописцев впервые сообщаются сведения о семейном и имущественном положении и данные о государственной службе к 1786 г.

Аленев Лев Алексеев, иконописец (1752–1820)[445]. В 1786 г. «Лев Алексеев сын Аленев 33 лет. Женат на девке Пелагие, взятой Варваринской церкви бывшаго священника Иакова дочере. У него дочь девка Анна 15 недель. Жительство имеет против церкви Петра и Павла в доме тещи своей бывшаго священника Иакова жены ево вдовы Феклы Ивановой дочери. Живет в городе. Имеет мастерство иконописное при том и крашение разных поделок. Был в служении в 775-м году у соляной в Устюге продажи целовальником»[446].

В 1786 г. «Гаврило Андреев сын Белых 25 лет. У него братья Василий 23 лет и Петр 18 лет. Холосты. У них мать вдова Настасья Григорьева дочь 49 лет. Дому не имеет, а жительство имеет при дяде своем Даниле Погожеве. Гаврило и Василий находятся в отлучке в Санкт Петербурге по пашпортам. Находятся у разных людей во услужениях, а Василей обучается икон[н]ому художеству. Были в служении в 1777 году от общества в магистрате сторожем». В ревизской сказке 1782 г., в Пречищенской сотне, числится «Никита Михайлов сын Белых (64, умер 767 году). У него жена Матрона Емельянова (51) 70 л. У них сын, написанной в последнюю пред сим ревизию Андрей (30, умер 768 году); у него жена Настасья, взятая бывшаго Устюжанина посацкого Григорья Погожева дочь; у них дети написаны в последнюю пред сим реви-

---

[445] *Сорокатый В.М.* Иконописцы и живописцы Великого Устюга XVIII в. Материалы для словаря // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: Статьи и материалы / Ред. сост. Э.С. Смирнова. М., 2005; *Ромашкина С.Н.* «Ведомость учиненная в великоустюжской градской земской избе устюжским купцам и мещанам имеющим разных художествам и мастерствам тож и ремеслам а кто имянно о том значится ниже, марта 1781 году» // Страницы истории и культуры Великого Устюга. Сб. статей. Вып. 1. Котлас, 2013; *Чебыкина Г.Н.* Производство печных изразцов в Великом Устюге // Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекциям народного и декоративно-прикладного искусства. М., 2013.

[446] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 131 об.

зию Гаврило, холост (3) 22 л.; Василей (1 г. и 2 недели) 20 л. и 12 недель, вновь рожденной Петр 15 л.». Петр Андреев Белых состоял в Великоустюжском красильном цехе, однако тоже занимался иконописью, например, в 1817 г. в Ергусской Сергиевской церкви Сольвычегодского уезда «устюжский мещанин Петр Андреев Белых» написал Святые образа Пророка Илии и Феодосия[447]. Белых Василий Андреев (1762 или 1763 – уп. 1786). Белых Петр Андреев (1767 или 1768–1831).

Березин Василий Козмин (1743 или 1745–1815) иконописец, живописец, сын Козмы Иванова Березина, брат Ивана, Степана, Дмитрия Козминых Березиных. Женат на вдове Александре Петрове дочери, взятой бывшего Великоустюжского купца Федора Фирсова жене.[448] В 1786 г. «Василий Козмин сын Березин 41 лет. Детей не имеет. Дому за згорением не имеет. Находится в отлучке

---

[447] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 54 об.; Ф. 145. Оп. 1. Д. 247. Л. 335 об.; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 35–35 об.; ГААО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 48. Л. 11 об.

[448] Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883; *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Попов А.* Описание Великоустюжского Иоанно-Предтечева девичья монастыря // ВЕВ. 1877. № 10; *Пономарев И.* Сборник материалов по истории г. Лальска Вологодской губернии. Том 1. С 1570 по 1800 г. В. Устюг. 1897; *Сахарова И. М.* О семье художников Березиных и их связях с общественным движением России середины XVIII века // Очерки по русскому и советскому искусству. Сб. статей. М., 1965; *Молева Н., Белютин Э.* Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1965; *Ямщиков С. В.* Русский портрет XVIII–XIX веков в музеях РСФСР. М., 1976. Табл.; *Ильина Т. В.* Иван Яковлевич Вишняков. Жизнь и творчество. М., 1979; Государственная Третьяковская галерея. Каталог живописи XVIII – начала XX века (до 1917 года). М., 1984; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Илл.; *Гуренок М. А., Федышин Н. И.* Виды русских городов XVII–XIX века. Вып. 2. М., 1987. Табл.; *Кудряшов Е. В.* Солигалич. Л., 1987; *Каптиков А. Ю.* Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII века. Проблема региональных школ. Свердловск, 1990; *Сорокатый В.М.* Вопросы биографии Г. Островского и искусство портрета в Великом Устюге XVIII в. // Памятники культуры. 1989. М., 1990; *Крючкова Т. А.* Словарь иркутских мастеров XVIII века. // Иркутское барокко. М., 1993; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись XVIII–XX века. Т. 2. М., 1998: *Кольцова Т. М.* Северные иконописцы. Опыт библиографического словаря. Архангельск, 1998; *Мальцев Н. В., Мальцева О. Н.* Мастера иконостасной скульптуры и иконописцы Северной России XVI–XVIII веков. Вып. 1. СПб., 1998. Вып. 2. СПб., 2000; *Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А.* Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год). Библиографический словарь. Иркутск. 2000; *Каткова С.* Из жизни городских художников XVIII века (первая публикация документов XVIII века) // Каткова С. Века и судьбы. Сб. статей. Кострома, 2001; *Мохова Г. А.* Вятские иконописцы. Киров, 2001; Словарь русских иконописцев XIII–XVII веков / Ред.– сост. И. А. Кочетков. М. 2003; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С.Н.* «Ведомость учиненная...; *Ромашкина С.Н.* Список мастеров иконописного цеха г. Великого Устюга 1811 г.; 1816 г.; 1834 г.; 1858 г. // Страницы истории и культуры Великого Устюга. Сб. статей. Вып. 1. Котлас, 2013.

в разных российских городех по пашпорту. Производит живописное художество»[449].

Березин Дмитрий Козмин (1731 или 1736 – уп. 1800), иконописец и живописец, сын Козмы Иванова Березина, брат Ивана, Василия, Степана Козминых Березиных[450]. В 1786 г. «Дмитрей Козмин сын Березин 49 лет. Женат на девке Анне, взятой Лальской округи Южской трети Подосиновской волости бывшаго крестьянина Ивана Чекменева дочере. У него дети: сын Андрей 4 лет и 10 месяцев; дочери девки Матрена 19 лет и Мавра 13 лет. Дому за згорением в городе не имеет, жительство имеет в деревне своей. Имеет иконописное живописное искус[с]тво. Был в служении в 766-м в словесном суде выборным[451], в 776-м при полиции десяцким»[452]. Считаем, что Андрей Дмитриев Березин написал копию портрета «Иван Грозный с судебником», которая находится в Вологодском государственном музее-заповеднике. На портрете имеется разномасштабная подпись в шесть строк белилами на живописи внизу справа: «ЦАРЬ ІОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧЬ. род: 1530 год: царь отъ 1533 по 1584. копированъ въ 1827-мъ году декабря 21-го дня поприказанію присутствующихъ мещанином Андреемъ Березинымъ». Березин Андрей Дмитриев (1781 – уп. 1827).

В 1786 г. «Алексей Степанов сын Брехов 35 лет. Женат на девице Матроне, взятой бывшаго экономическаго ведомства крестьянина Тимофея Сотниковского дочь. У него сын Иван 14 лет, у него же мать Марфа Дмитриева дочь 77 лет. Дом имеет им построенной в улице Гулыне на градской крепостной земле № 225. Живет в городе. Имеет иконное художество. Был в сужении в 1781 году при магистрате полуприставом». В ревизской сказке 1782 г., в Спасской сотне, числится «Степан Тимофеев сын Брехов (52, умер 780 году). У него жена Марфа Дмитриева (55) 74 л., взятая Усольской округи Ратмеровской волости деревни Панчихи крестьянина Дмитрея Федорова Боровинских дочь. У них написанный в последнюю ревизию причисленной в силу присланного из бывшаго Великоустюжского провинциального магистрата в прошлом 1762 года Указу, принятой в воспитание вместо сына Алексей (13) 32 л. У него жена

---

[449] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 33 об.

[450] АЕВ. 1892. № 23; *Сахарова И. М.* Указ. соч.; *Сорокатый В. М.* Вопросы биографии…; *Кольцова Т. М.* Северные иконописцы…; *Мальцев Н. В., Мальцева О. Н.* Указ. соч. Вып. 2; *Каткова С.* Указ. соч.; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы…; *Ромашкина С. Н.* «Ведомость учиненная…

[451] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 65 об.

[452] Сорокатый В. М. Иконописцы и живописцы…

Матрена Тимофеева 28 л., взятая в замужество Устюжской округи Черного стану деревни Афонинской крестьянина Тимофея Кузнецова. У них дети вновь рожденные Иван 10 л. и 10 мсцов, Петр 3 л. и 6 мсцов»[453]. Следовательно, иконописец Алексей Степанов Брехов (1750 или 1751 – уп. 1786) был приемным сыном.

Бубнов Максим Федоров (1746–1809), резчик, позолотчик, состоял в иконописном цехе. Был женат на девке Катерине, взятой бывшего канцеляриста Федора Шергина дочере[454]. В 1786 г. «Максим Федоров сын Бубнов 36 лет. Детей не имеет. Дом имеет им покупной на экономической земле № 498. Живет в городе. Имеет рукоделие резное в святые церкви коноставов и в дом кивотов и протчаго и при том и золочение той резбы. Был в служении в 767-м приставом, в 771-м десяцким, в 779-м за очередное служение дано денгами в подмогу к морю целовалнику Тимофею Полоскову 20 рублей»[455].

Бушковский Иван Васильев (уп. 1773–1781), иконописец.[456] В ревизской сказке 1782 г., в Дымковской полусотне, числится «Артамон Иванов сын Бушковской (71, умер 771 году). У него дети, написанные в последнюю ревизию: Василей (45) 64 л.; у него жена Марфа Якимова, взятая Устюжанина посадского Якима Корякина дочь; у них дети, написанные в последнюю пред сим ревизию: Иван (18 и 7 мсцов) 34 л. и 7 мсцов; у него жена Анна Александрова, взятая Устюжского мещанина Александра Кушеверского 31 года; у них дочь девка, вновь рожденная, Параскева 18 недель.». В 1786 г. «Василий Артемонов сын Бушковской 67 лет. Женат на девке Марфе, взятой бывшаго Устюжского посацкого Акима Корякина

---

[453] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 5; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 91.

[454] Устюг Великий. Материалы по истории...; *Кольцова Т. М.* Иконостасные мастера Архангельского Севера в XVIII–XIX вв. // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Сб. статей / Сост. Т. М. Кольцова. Архангельск, 1995; *Мохова Г. А.* Указ. соч.; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...; *Плаксина Н. Е.* Сведения об иконописцах и резчиках Великого Устюга по документам церквей Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и исследования: материалы IX Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2006; *Плаксина Н. Е.* Иконописцы и иконостасные мастера в Коми крае (XVII – начало XX века): словарь / Науч. ред. Т. М. Кольцова, Л. П. Рощевская. Сыктывкар, 2010; *Ромашкина С. Н.* Материалы к вопросу о резчиках по дереву и иконостасах в Устюге Великом в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. // Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности. Материалы XI Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2011.

[455] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 139 об.

[456] *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С. Н.* «Ведомость учиненная...

дочере. У него сын Иван 37 лет и 7 месяцов, женат на девице Анне, взятая Устюжского мещанина Александра Кушеверского дочь 34 лет. У него дети: дочери девки Парасковья 4 лет, Александра 2 лет, Наталья 15 недель. В доме имеет жительство в Дымковской Слободе на градской крепостной покупной Устюжского купца Козмы Смолникова земле № 976. Живет в городе. Оной Бушковской за старостию никакого ремесла не имеет, а сын ево Иван имеет мастерство иконное. От общества был в служении в 1762-м пороховым целовальником, в 765-м соцким, в 767-м при полиции десяцким, в 768-м году у сбору на покупку у воспитательной в Москву дом коров и телочек, в 772-м при полиции соцким, в 776-м при полиции десяцким, в 780-м годе у переносу на почту комветров почтарем»[457]. Бушковский Иван Васильев (1748 или 1749 – уп. 1786).

Волков Козма Потапов (1751 или 1756–1811), иконописец[458]. В 1786 г. «Козма Потапов сын Волков 31 лет. Женат на девке Елене, взятой Устюжского купца Семена Климшина дочере. У него дочь девица Федосья 7 лет. У него мать вдова Татьяна Иванова дочь 58 лет. Дому не имеет, а жительство имеет у мещанина Степана Решетова в доме. Живет в городе. Имеет иконное художество. В служении не бывал»[459]. Елена, жена Козмы Волкова, была дочерью серебряника Семена Матфеева Климшина и внучкой по материнской линии иконописца Козмы Березина[460]. Ее брат Алексей Климшин также занимался иконописью. Козма Потапов Волков обучил иконному мастерству Алексея, сына Степана Решетова, в

---

[457] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 41; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 347 об.– 348.

[458] *Савваитов П.* Описание Велико-Устюжскаго Архангельскаго и приписнаго к нему Троицкаго Гледенскаго монастырей. СПб., 1848; *Попов А., Чижов А.* Церковь св. Великомученицы Варвары в г. Устюге // ВЕВ. 1892. № 9; *Попов А.* Иоанно-Богословская церковь в г. Устюге. // ВЕВ. 1895. №№ 7–8; *Голосов А.* Великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь Вологодской епархии // ВЕВ. 1900. № 5; *Непеин А.* Святыни и достопримечательности города Великого Устюга и его окрестностей // ВЕВ. Вологда, 1915; *Евдокимов И.* Север в истории русского искусства. Вологда, 1921; Искусство земли Вологодской XIII–XX веков. Кат. выставки / Авт.-сост.: В. В. Воропанов, А. В. Пантелеев, А. А. Рыбаков. М., 1990; *Рыбаков А.* Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995; Возрожденные шедевры Русского Севера. Исследование и реставрация памятников художественной культуры Вологодской области. Кат. выставки / Авт.-сост. А. А. Рыбаков. М., 1998; *Мальцев Н. В., Мальцева О. Н.* Указ. соч. Вып. 1.; Вып. 2; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы…; Русская икона XVIII века / Авт.-сост. Н. Комашко. М., 2006; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров…

[459] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 128.

[460] Зенкова О. Б. История художественного промысла «северная чернь». XVII–XIX в. // Народный художественный промысел «северная чернь» / Авт.-сост. Ромашкина С. Н. Вологда, 2007.

доме которого проживал. Известно, что в новый иконостас городской церкви Иоанна Устюжского «местные образа писаны в 1833 году академиком Прокопием Медведковым с Устюжским иконописцем Решетовым»[461]. Решетов Алексей Степанов (1790 – уп. 1858) состоял в красильном цехе[462].

Гоголицын Дмитрий Афанасьев (1762 или 1763–1810), иконописец[463]. В ревизской сказке 1782 г. в числе «записавшихся при открытии в городе Устюге Великом в 1780-м году области в Великоустюжское купечество и мещанство ис крестьян <…> Сухонской трети Черного стану деревни Шатрово Дмитрей Афонасьев сын Гоголицын холост 20 л.». В 1786 г. вновь записавшийся при открытии наместничества в 1781 году «Дмитрей Афанасьев сын Гоголицын 23 лет. Холост. Дом имеет им покупной на Иоаннопредтечевской горе на экономической земле № 1073. Живет в городе. Имеет иконное мастерство. В служении не бывал»[464]. Из документов следует, что год рождения иконописца Д. А. Гоголицына более поздний, как и иное происхождение, чем указано в статье В. М. Сорокатого. Вероятно, последним сведения об иконописце соединены с информацией о другом Дмитрии Гоголицыне, служившем при Архиерейском доме и родившимся раньше иконописца, однако, остальные опубликованные В. М. Сорокатым сведения, скорее всего с 1789 г., относятся к иконописцу Дмитрию Афанасьеву Гоголицыну.

Износов Прокопий Андреев (1751–1801), иконописец и живописец[465]. В 1786 г. вновь записавшийся при открытии наместничества 1781 года «Прокопей Андреев сын Износов 34 лет. Женат на девке Ксении, взятой бывшаго Троицкаго Гледенскаго монастыря служителя Ивана Лахменева дочере. У него дети дочери девки Анисья 7 лет, Параскева 3 лет и 20 недель. Дом имеет им построенной на Ивановской горе на экономической земле № 1033. Живет в городе. Имеет живописное художество. В служении не бывал»[466].

---

[461] Попов А. Описание церкви св. праведного Иоанна Устюжского Чудотворца. Вологда, 1862.

[462] ВУЦА. Ф. 145. Оп. 1. Д. 696. Л. 441 об.

[463] *Сорокатый В.* 263М. Иконописцы и живописцы…; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров…

[464] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 66 об.; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 473 об.

[465] *Дедюхина В. С., Рузавин Ю. А.* История создания и реставрации иконостаса Троицкого собора Гледенского монастыря г. Великого Устюга // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. 6.(36). М., 1980; *Зенкова О. Б.* Троицкий игумен // Быть на Устюзе. Историко-краевед. сб. Вологда, 1993; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы…; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров…

[466] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 206 об.

Климшин Алексей (уп. 1770), иконописец[467]. В 1786 г. «Семен Матвеев сын Климшин 67 лет. Женат на девке Евдокие, взятой Двинской трети Ярокурского стану бывшаго крестьянина Козмы Березина дочере. У него дети Алексей 33 лет, женат на девке Наталье, взятой города Устюжны Железнополской купца Михайла Мешкова дочь 23 лет. Александр 31 года, Василей 30 лет, Дмитрей 19 лет, холосты, дочь девка Анна 16 лет. Дому не имеет, а жителство имеет у экономического крестьянина Афанасья Вологдина в доме. Живет в городе, дети ево Алексей и Василей, Дмитрей обращаются в отлучке в разных российских городех по пашпортам. Производит з детми своими разными товарами торг и из оных детей ево Александр имеет сребрянное черневое с позолотою мастерство. Был в служении в 746-м от общества с братом Андреем у соляной продажи ларешным, в 757-м Семен у отвозу в Москву казенных денег щетчиком, в 760-м пятидесяцким, в 768-м у описи питейных домов и протчаго оценщиком, в 775-м приставским старостой, в 779-м у соляной в Устюге продажи целовалником, в 781-м за рекрутами в Вологде отдатчиком, в 784-м годе у соляной в Устюге продажи выборным»[468]. Таким образом, Климшин Алексей Семенов (1753 – уп. 1786) происходит из семьи серебряников Климшиных, при этом по линии матери является внуком Козмы Березина и, следовательно, родственником всем великоустюжским живописцам Березиным.

Красильников Михаил Стефанов (1761 или 1762–1817), живописец и иконописец. Его тетя Дарья Васильева Красильникова была замужем за серебряником Осипом Ивановым Ординым.[469] В 1786 г. «Михайло Степанов сын Красилников 23 лет. Холост. Дом имеет им построенной в улице Кокуе на градской земле № 620. Живет в городе. Имеет промысел иконописной. Был в служении от общества брат ево Павел в 779-м году приставским старостой»[470].

Коняев Матфей Иванов, иконописец и позолотчик (1750 или 1751–1825), отец Ивана Матвеева Коняева (1787–1820)[471]. В 1786 г.

---

[467] Сорокатый В. М. Иконописцы и живописцы…

[468] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 214.

[469] *Попов А.* Воскресенская обыденная церковь в г. Устюге // ВЕВ. 1889. № 20; Сорокатый В.М. Иконописцы и живописцы…; *Плаксина Н. Е.* Сведения об иконописцах…; *Плаксина Н. Е.* Иконописцы и иконостасные мастера…; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров…

[470] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 140 об.

[471] *Попов А.* Иоанно-Богословская церковь в г. Устюге // ВЕВ. 1895. №№ 7–8; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы…; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров…

вновь записавшийся при открытии наместничества 1781 года «Матфей Иванов сын Коняев 34 лет. Женат на девке Александре, взятой бывшаго Устюжской Духовной Консистории подканцеляриста Ефрема Переляева дочере. У него дети Иван 10 недель, дочери девки Елисавета 5 лет, Татьяна 3 лет. Дом имеет им построенной на Преображенской площади на бывшей архангелской земле № 272. Живет в городе. Имеет мастерство живописное и золочение в святыя церкви коноставов и в домах кивотов. В служении не бывал»[472].

В 1786 г. вновь записавшийся при открытии наместничества 1781 года «Михайло Прокопьев сын Крыловской 32 лет. Холост. У него брат Василей 11 лет. Дом имеет отцом их построенной в Подгуменской слободе на экономической земле № 1307. Живет в городе. Имеет мастерство живописное иконное. В служении не бывал». В ревизской сказке 1782 г. в числе «записавшихся при открытии в городе Устюге Великом в 1780-м году области в Великоустюжское купечество и мещанство ис крестьян <...> Сухонской трети Нововышлого стану деревни Меденицыно Михайло Прокопьев сын Крыловской холост 29 л., у него брат Василей 8 л.»[473]. Следовательно, Михаил является старшим сыном иконописца Крыловского Прокопия Михайлова и братом Александра, Ивана и Василия Прокопьевых Крыловских[474]. Крыловский Михаил Прокопьев (1754 – уп. 1786).

Островский Григорий Силин (1756–1814), иконописец и живописец, портретист[475]. В 1786 г. «Петр Силин сын Островской 35 лет. Женат на девке Матроне, взятой бывшаго мещанина Василья Колобова дочере. У него дети Семен 12 лет, Степан 6 лет, дочери девки Александра 14 лет, Катерина 11 лет, Евдокия и Елисавета 2 лет. Живет в городе. У него братья. Григорей 29 лет; женат на

---

[472] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 147 об.

[473] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 150 об.; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 465.

[474] О Крыловских см.: *Кольцова Т. М.* Северные иконописцы...; *Воскобойникова Н. П.* История церковного строительства на территории Ленского района Архангельской области (Яренского уезда) в XIV–XX вв. Сыктывкар, 2000; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...; *Плаксина Н. Е.* Сведения об иконописцах...; *Плаксина Н. Е.* Иконописцы и иконостасные мастера...

[475] Устюг Великий. Материалы по истории...; *Попов А.* Покровская Красногорская церковь в г. Устюге // ВЕВ. 1893. № 20; Новые открытия советских реставраторов. Солигаличские находки. М., 1979. *Вайсфельд Я.* Новое о Григории Островском // Художник. 1979. № 12; *Лебедев В.* Портреты Григория Островского // Искусство. 1979. № 12; *Кудряшов Е. В.* Солигалич. Л., 1987; *Сорокатый В. М.* Вопросы биографии...; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...

девке Мавре, взятой бывшаго Николской округи и Кемской волости Спасского стану крестьянина Сидора Обухова дочере; у него дети сын Василей 3 лет, дочери девки Марфа 9, Параскева 2 лет; находится в отлучке в городе Тотме по данному пашпорту. Филип 27 лет; женат на девке Марье, взятой бывшаго канцеляриста Никиты Изосимина дочере; детей не имеет; живет в городе. Жителство имеют на Красной горе у отца своего священника Силы в доме. Оные Островские находятся в Великоустюжском городовом магистрате у писмянных дел и Петр, и Филип, а Григорей производит живописное художество. Был в служении в 1771-м году в поморских местах при соляной продаже целовалником»[476].

Подпругин Павел Семенов (уп. 1788–1792), иконописец[477]. В 1786 г. «Павел Семенов сын Подпругин 21 лет. Холост. Дому не имеет, а жителство имеет Успенского собора у протопопа Василья Афанасьева в доме. Живет в городе. Находится во убучении живописного художества коего отчасти и понял. В служении не бывал»[478]. Проживая у протопопа Успенского собора иконописца Василия Афанасьева Аленева, Павел Семенов учился у него иконописному мастерству. Подпругин Павел Семенов родился в 1765 г.

Попов Иван Яковлев (уп. около 1796), живописец, великоустюжский мещанин. В конце XVIII в. подал прошение в Великоустюжский городовой магистрат о желании записаться в кадниковское мещанство[479]. В ревизской сказке 1782 г. в числе «записавшихся при открытии в городе Устюге Великом в 1780-м году области в Великоустюжское купечество и мещанство ис крестьян <...> Устюжской округи Нововышлого стану записной из разночинцов Андрей Яковлев сын Попов 25 л., у него жена Наталья Петрова 20 л., взятая Устюжского мещанина Петра Ольхина дочь. У него братья: написанной в последнюю пред сим ревизию Иван, холост, 22 л.; рожденной после ревизии Михайло 15 л.». В 1786 г. записавшийся при открытии наместничества в 1781 году «Андрей Яковлев сын Попов 28 лет; женат на девке Наталье, взятой бывшаго Устюжского мещанина Петра Волгина дочере. Детей не имеет. У него братья: Иван 25 лет, Михайло, холосты. У них мать вдова Матрена Трофимова дочь 52 лет. Дом имеют ими покупной на Архангелской горе на экономической земле № 1175. Живет в городе. Имеет

[476] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 202 об.
[477] Сорокатый В.М. Иконописцы и живописцы...
[478] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 162.
[479] Сорокатый В.М. Иконописцы и живописцы...

мастерство чарошное. Был в служении от обшества в 784-м году в магистрате полуприставом»[480]. Иконописец Попов Иван Яковлев родился в 1757 или 1758 гг.

Попов Иван Федоров (1751 или 1753–1790), иконописец, сын Федора Иванова Попова, брат Стефана Федорова Попова[481]. В 1786 г. «Иван Федоров сын Попов 34 лет. Женат на девке Анне, взятой бывшаго лалского посацкого Григорья Сумкина дочере. У него дети Николай 9 лет, Степан 7 лет, дочери девки Марфа 4 лет, Матрена 6 недель. Дому в городе Устюге не имеет. А жительство имеет в городе Лальску по пашпорту. Имеет мастерство иконное. Был в служении в 700-м году приставом»[482].

Попов Федор Иванов (1728, 1730 или 1731–1799), отец Ивана Федорова Попова и Стефана Федорова Попова (1769 или 1770 – уп. 1807), иконописцы.[483]. В 1786 г. «Федор Иванов сын Попов 54 лет. Женат на девке Федосье, взятой бывшаго Устюжского купца Ивана Анисимова сына Королева дочере. У него дети Асаф 24, Стефан 16, холосты. Жителство имеет Великоустюжского областного казначейства подканцеляриста Демида Швецова. Живет в городе, находятся дети ево в отлучке в разных городех по пашпортам. Производит иконное мастерство. Был в служении в 752-м таможенным целовалником, в 766-м приставом, в 771-м десяцким, в 775-м приставом, в 779-м приставским старостой»[484].

Поточкин Иван Алексеев (1722–1790 или 1791), отец Семена Иванова Поточкина (1761 – уп. 1798), иконописцы[485]. В 1786 г. «Иван Алексеев сын Поточкин 52 лет. Женат на девке Варваре, взятой бывшаго Устюжского мещанина Степана Котелникова дочере. У него сын Семен 24 лет, женат на девке Ефимие, взятой бывшаго Устюжского мещанина Михаила Росторгуева дочь 29 лет. У него дочь девка Мария 1 году. Дом имеет им построенной по конец Шашерины улицы на градской крепостной земле, на бутырках № 411. Живет в городе. Оной Иван и сын ево Семен имеет иконное

---

[480] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 26 об.; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 429 об.– 430.

[481] Устюг Великий. Материалы по истории...; Сорокатый В.М. Иконописцы и живописцы...

[482] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 87 об.

[483] Устюг Великий. Материалы по истории...; *Попов А.* Дымковская Димитриевская церковь в г. Устюге // ВЕВ. 1875. № 7; *Попов А.* Леонтьевская церковь в г. Устюге // ВЕВ. 1894. № 20; *Сорокатый В.М.* Иконописцы и живописцы...; Русская икона... Кат. Илл.; *Ромашкина С.Н.* «Ведомость учиненная...; *Ромашкина С.Н.* Список мастеров...

[484] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 179.

[485] *Сорокатый В.М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С.Н.* «Ведомость учиненная...

художество. Был в служении 752-м и 757-м таможенным целовальником, в 761-м приставом, 766-м и 771-м при полиции десятским, в 780-м годе в Устюге у соляной продажи драчылем»[486]. Таким образом, на основании архивных документов уточним сведения В. М. Сорокатого о годе рождения иконописца. Поточкин Иван Алексеев родился не в 1722 г., а в 1734 г.

Соколов Афанасий Степанов (1724 или 1725 – уп. 1787), иконописец, сын Степана Афанасьева Соколова (1676 или 1681–1772), брат Якова Степанова Соколова, отец Петра Афанасьева Соколова (1751 или 1754–1831), Ивана Афанасьева Соколова (1760 – уп. 1795), Андрея Афанасьева Соколова (1771 или 1775 – уп. 1834)[487]. В 1786 г. «Афанасей Степанов сын Соколов 61 лет. Женат на девице Евдокие, взятой бывшаго мещанина Киприяна Федорова сына Андреевских дочере. У него дети: Петр 34 лет, женат на девице Пелагие, взятая Кичменгской волости крестьянина Родиона Матфеевых дочь; Иван 25 лет, холост; Андрей 12 лет; дочери девки: Марфа 22 лет, Катерина 8 лет. Дом имеет им построенной на бывшей на экономической земле № 262. Живет в городе. Имеет иконное художество. Был в служении в 763-м пятидесяцким, в 766-м при полиции десяцким, в 771-м и 775-м при полиции десяцким, в 779-м годе и сын ево Иван приставом»[488]. Евдокия Киприянова, жена Афанасия Соколова, приходилась племянницей серебрянику Петру Федорову Андреевских. Дочь Мария была замужем за серебряником Петром Ивановым Заградцким[489].

Соколов Яков Стефанов (1718 или 1719 – уп. 1781), иконописец, сын Степана Афанасьева Соколова, брат Афанасия Степанова Соколова, отец Петра Яковлева Соколова (1742, 1744 или 1745 – 1813), дед Прокопия Петрова Соколова (1773 или 1774 – уп. 1834)[490]. В 1786 г. «Яков Степанов сын Соколов 66 лет, вдов. У него сын Петр 40 лет 6 недель, вдов. Прокопей 11 лет. Дочери девки Александра

---

[486] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 107 об.

[487] *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...; Русская икона... Кат. Илл.; *Ромашкина С. Н.* «Ведомость учиненная...; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров...

[488] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 7.

[489] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 162 об.

[490] Искусство земли Вологодской... Кат.; *Рыбаков А.* Вологодская икона... Кат.; *Комашко Н. И.* Подписные иконы мастеров Оружейной палаты и их последователей // Антиквариат и предметы коллекционирования. № 10 (11). 2003; Иконы из частных собраний. Русская иконопись XIV – начала XX века. Каталог выставки. ЦмиАР / Вст. ст. В. М. Сорокатый, Н. И. Комашко. М., 2004. Кат.; *Сорокатый В. М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С. Н.* «Ведомость учиненная...; *Ромашкина С. Н.* Список мастеров...

18 лет, Ульяна 17 лет. Дому в городе не имеет. Живет в Морозовской слободке. Имеет иконное художество. Был в служении Яков в 1752-м пятидесяцким, Петр в 762-м пятидесяцким, в 767-м десяцким, в 771-м пятидесяцким, в 776-м приставским старостою, Яков в 782-м годе приставским старостою»[491].

Сыровацкий Александр Кондратьев (1751 или 1754–1820), иконописец.[492] В 1786 г. записавшийся при открытии наместничества в 1781 году «Александр Кондратьев сын Сыровацкой 32 года. Женат на вдове Агафие Тимофея дочере, взятой бывшаго Архангельскаго монастыря служителя Ефима Маркова жена. У него дочь девка Анна 7 лет. Дом имеет им покупной на Иоаннопредтечевской горе на экономической земле № 1055. Живет в городе. Имеет живописное художество. В служении не бывал»[493].

Шеин Федор Андреев (1737, 1740 или 1743–1819), иконописец и живописец[494]. В 1786 г. вновь записавшийся при открытии наместничества 1781 года «Федор Андреев сын Шеин 47 лет. Женат на девке Пелагие, взятой Великоустюжской канцелярии бывшаго канцеляриста Фомы Агафонова дочере. У него дети девки Парасковья 13 лет, Александра 8 лет. Дом имеет им покупной на Красной горе на экономической земле № 1325. Живет в городе. Производит иконное художество. В служении не бывал»[495].

Шергин Георгий (Егор) Александров (1743 или 1744 – уп. 1816), иконописец. В 1786 г. Георгий Александров сын Шергин 42 лет. Женат на девице Елене Устюга Великого Успенскаго собора бывшаго протопопа Афанасия Васильева Аленева дочере[496]. «У него дети: Федор 14 лет, Иван 5 лет, Александр 1 года, дочь девка Марья 7 лет. Дом имеет им построенной на берегу близ Рождественской церкви на градской крепостной земле № 159. Живет в городе. Имеет иконное художество. Был в служении в 766-м пороховым целовальником, в 771-м в поморских местах смотрителем[497], в 780-м годе щетчиком»[498].

---

[491] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 169.

[492] *Сорокатый В.М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С.Н.* Список мастеров...

[493] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 26.

[494] *Сорокатый В.М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С.Н.* Список мастеров...

[495] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 185 об.

[496] *Дедюхина В.С., Рузавин Ю.А.* Указ. соч.; Поздняя русская икона / Сост. И.Я. Ярыгина. СПб. 1994. Кат. Илл.; *Сорокатый В.М.* Иконописцы и живописцы...; *Ромашкина С.Н.* «Ведомость учиненная...

[497] ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 50.

[498] Сорокатый В.М. Иконописцы и живописцы...

В архивном документе 1786 г. записаны только городские жители – мещане, облагавшиеся налогом, поэтому в статье представлен не полный перечень иконописцев и живописцев Устюга Великого второй половины XVIII в. Однако, из источников удалось почерпнуть много нового и интересного. Впервые в научный оборот вводятся имена таких иконописцев как великоустюжские мещане Алексей Степанов Брехов, Василий Андреев и Петр Андреев Белых, а также записавшийся из крестьян Михаил Прокопьев Крыловских. У Алексея Семенова Климшина удалось определить отчество и происхождение, а также узнать, что Иван Яковлев Попов – «из разночинцов» и стал великоустюжским мещанином в 1780 г. В статье приводятся «данные о государственной службе», которую каждый глава семьи, один или с не выделенными сыновьями, обязан был регулярно «отправлять». Освободить от службы могли только по причине «слабости здоровья», однако, можно было за очередное служение дать «денгами в подмогу», как это сделал Максим Бубнов. Имущество иконописца, как правило, состояло из дома, в котором он проживал, с указанием адреса и способа его получения: наследство, строительство, купля, но встречаются ситуации, когда мастер, не имея своего дома, проживал «на квартире». Яков Соколов имел дом в «Морозовской слободке», где писал и поновлял иконы. К 1786 г. указано семейное положение всех мужчин города, что позволило установить родственные связи иконописцев Соколовых с серебряниками Андреевским и Заградским.

Прояснилась ситуация с семьей Крыловских, так как стало известно, что именно старший сын Михаил с братом Василием первым записался в великоустюжское мещанство в 1780-м году, и лишь после этого остальные члены крестьянской семьи изменяли свой сословный статус. Устюжане часто выезжали «в разные российские городы». В поморских местах служил Егор Шергин, Андрей Березин работал в Вологде, Григорий Островский – в Тотьме. Возможно, что Г. Островский не в первый раз бывал в Тотьме, так как Тотьму и Солигалич связывает старая дорога. Иван Попов жил и работал в Лальске. Впервые узнаем, что в XVIII веке в Санкт-Петербурге учился иконописи великоустюжский мещанин Василий Белых. Ранее было известно только предположение В. М. Сорокатого о том, что в рассматриваемый период из духовного сословия Василий Аленев, скорее всего, получил художественное образование в Санкт-Петербурге. Возможно, что Василий Белых обучил иконописи своего младшего брата Петра. Также впервые сообщается, что у Василия Аленева жил в учениках Павел Под-

пругин и что Козма Волков обучил иконному мастерству Алексея Решетова. Публикуемый материал дополняет общую картину развития иконописания в Великом Устюге XVIII века.

Буфеева Ирина Юрьевна,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина», г. Москва

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСКИХ РАБОТАХ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ (ИЗ СОБРАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТОДИЧЕСКОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ИСКУССТВ РГУ ИМ. А. Н. КОСЫГИНА)

«В зодчестве и иконописи языком художественных символов и иносказаний Древняя Русь ослепительно ярко выразила свои порывы, самые заветные откровения народной мудрости и веры»,– эти слова известного русского искусствоведа Михаила Алпатова можно полноправно отнести и к памятникам деревянной архитектуры Русского Севера.

Сегодня вопрос сохранения и изучения наследия русской художественной культуры актуален как никогда. XXI век – век культуры потребления, культуры бездуховной и несколько агрессивной по отношению как к окружающей среде, так и к человеческому обществу. Одна из основных ее характеристик – популярное использование любых памятников материальной и духовно-материальной культуры человечества в качестве готового образца (принцип «readymade») как источника творчества любого индивида, обозначившего себя художником-творцом. Отсюда растет стремление обесценивания подлинных произведений искусства. При этом формируется основная задача – продажа «нового произведения» как цель и как результат – личное обогащение. Одновременно особо «модной» установкой среди ряда теоретиков стало концептуальное обоснование особого неуважения и пренебрежения к лучшим произведениям мирового искусства, составляющих культурное достояние нашей цивилизации. Эти тенденции обусловили возможность развития равнодушия к древним памятникам, безразличия к их уничтожению как ненужной, ушедшей в прошлое рухляди. Касается это и памятников деревянного зодчества. Причина простая – сложность сохранения и возможность строительства нового сооружения, которое впоследствии принесет доход

владельцу. Наряду с этим усложняется и проблема сохранности там, где понимают значение культурного наследия. Все больше не хватает средств на реставрацию и поддержание зачастую ветхого памятника, а поэтому имеющаяся установка на «пренебрежение» позволяет «недоглядывать» за его постепенным разрушением…

Тем не менее, не все так плохо. Значение народной художественной культуры понимают многие, в том числе и в нашей стране. Более того, к пониманию необходимости сохранения культурного наследия России вовлекалось ранее (XX век) и продолжает вовлекаться молодое поколение.

В течение последних 40 лет проведение летней художественно-искусствоведческой практики на Русском Севере студентов-прикладников факультета прикладного искусства Московского текстильного института (ныне Институт искусств РГУ им. А. Н. Косыгина) стало традицией.

За эти годы пройдены тысячи километров Ярославской, Вологодской и Архангельской областей России, изучены и выполнены, на сегодня уже архивные, эскизы, зарисовки, живописные полотна самых различных произведений древнерусского и народного искусства: архитектуры, скульптуры, иконописи, декоративно-прикладного искусства.

Художественный фонд графических работ студентов, созданных в ходе практики на Русском Севере, сегодня составляет около 5000 единиц хранения. Среди них особое место занимают памятники северного деревянного зодчества.

«Памятники – память народная»,– отмечал русский исследователь Генрих Гунн[499]. Именно так руководители – преподаватели практики оценивают и одновременно направляют формирование творческого потенциала будущих художников-прикладников: модельеров, художников по ткани, ювелиров, фотографов, специалистов в области рекламы текстильных изделий.

Особенность отношения в институте к деревянной архитектуре Русского Севера было сформировано еще в далекие 70-е годы XX века. Именно тогда были заложены базовые основы постижения художественного наследия Русского Севера, определены задачи методики изучения памятников архитектуры, декоративно-прикладного и народного искусства. Главное сводилось к следующему: отнестись к памятнику как к живому организму, передать его внутреннюю сущность, а затем художественными

[499] Гунн Г.П. Каргополье – Онега.– Москва: Искусство. 1989. С. 5.

средствами попытаться отобразить его духовный мир как часть единой системы мироздания, что и являлось основой понимания бытия русским народом. «Русский человек всегда жил и трудился среди необъятных просторов Восточно-Европейской равнины, – замечает российский искусствовед Михаил Алпатов, – он горячо привязался к этой эпически-величавой природе, сроднился с ней, как с матерью-землей, и в своих архитектурных сооружениях прежде всего проявил к ней свое отношение. В гуще народной жизни крестьяне на Севере по старинке рубили шатровые храмы-сказки, вроде знаменитых храмов в Кижах»[500]. Подобная направленность художественной практики на Русском Севере обозначила и специфику тех выразительных средств, с помощью которых молодые художники выполняют свои рисунки. Темп очень активный. На создание той или иной работы дается ограниченное время. К тому же свободный выбор объекта изучения заставляет студентов предельно концентрироваться и делать акцент на исключительно главных свойствах памятника, поэтому основные материалы фонда – эскизы и графические зарисовки, выполненные карандашом, пастелью, акварелью, гуашью. В них есть особенность – эффект недосказанности, позволяющий придать жизненность и подвижность выбранным памятникам, а значит, главный ориентир обучения – раскрытие его образной или «душевной» характеристики. Об этой национальной особенности русского искусства продолжает говорить Михаил Алпатов: «Характерная особенность русского искусства – художник никогда не полагается на холодный расчет ума. Ему необходимо, чтобы оно было согрето живым чувством. Недаром Достоевский требовал, чтобы искусство оцарапало сердце. Горький говорил о его сердечности. Но в богатом русском языке есть еще одно слово – задушевность. Оно означает нечто еще более глубинное, находящееся где-то «за душой человека»[501]. Таким образом, основу практики составляют традиционные методики обучения, формирующие образное мышление молодых художников. При этом активно используются приемы и средства, характерные для требований нашего времени: новые материалы, новые композиционные решения – фрагментарность и обрывочность рисунка, акцентирование техник исполнения как ведущего художественного элемента построения изображения, совмещение традиционной академической школы создания рисунка с новыми способами его проектирования и т. п.

---

[500] Алпатов М. В. Немеркнущее наследие.– Москва: Просвещение. 1990. С. 45.
[501] Там же. С. 48.

Поскольку молодым художникам предоставляется свободный выбор будущей композиции (преподавателем определено общее количество заданий на пленэре, фрагментов интерьеров, предметов и отдельных элементов произведений архитектуры и декоративно-прикладного искусства), то можно определить количество работ в архиве, где воспроизведены памятники деревянного зодчества Русского Севера. Они занимают одно из ведущих мест. Этот факт говорит о том, что деревянная архитектура постоянно находится в поле зрения, вызывает интерес и привлекает внимание молодежи.

Условно студенческие работы можно подразделить на три группы: культовые памятники (церкви, колокольни, часовни), хозяйственные постройки и инженерные сооружения (амбары, мельницы, колодцы, мосты), жилые дома.

Традиционно практика начинается в Тутаеве – ныне город Романов-Борисоглебск. Он по-прежнему представляет интерес своей жилой деревянной архитектурой – как рядом построек начала XX века, так и уникальной ярославской деревянной резьбой. Обычно молодые художники отмечают и рисуют один из домов на Борисоглебской стороне с высокими светелками и небольшим

Деревянный дом н. XX века. Романов-Борисоглебск. 2013 г.

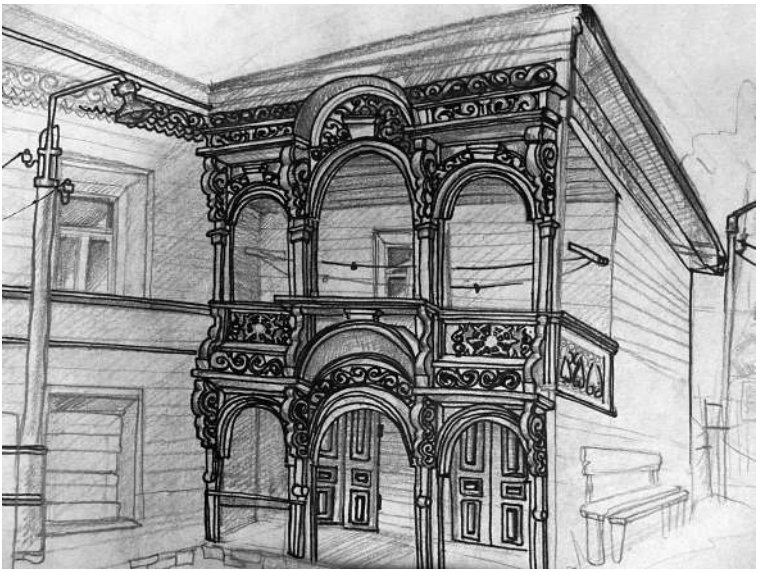
балконом, относящийся к эпохе модерна. Студентов привлекает живописная композиция отдельных деталей постройки с сочетанием элементов народной резьбы и русского модерна: срезанные щипцы крыш с характерными «огнивами» и «полотенцами», кольчато-линейный орнамент наличников характерных для губернии традиционных рубленных «в три окна» пятистенков, особая игра объемов верхней и нижней части дома. Этот момент художественно обыгран в одном из рисунков – здание предстает как живой движущийся органон.

Вологда и ее окрестности – один из основных центров прохождения практики. Здесь у молодых художников интерес вызывают как памятники культового зодчества, так и деревянная архитектура жилых построек. К сожалению, деревянные церкви, сохраняющиеся на территории вологодских музеев и монастырей, перенесены сюда из мест традиционного бытования. Бесспорно, сохранение памятника в его естественной первоначальной среде – идеальный вариант, но он чреват возможной утратой, что и происходит в последние годы (церковь в Кондопоге). Тем не менее, в архиве фонда много рисунков с изображением церкви Успения Пресвятой Богородицы Александро-Куштского монастыря (XV в.), которая ныне находится на территории Спасо-Прилуцкого монастыря. Она воспринимается молодыми художниками как живописное, растворяющееся в пространстве зеленых насаждений, стремящееся вверх живое и подвижное строение, где «могучий взлет масс блестяще подхватывает и развивает восьмерик с шатром»[502]. Более цельно и лаконично выполнены зарисовки недавно реконструированных церквей: Ильи Пророка в Цыпинском погосте близ Ферапонтова (XVIII в.) и церкви Георгия Победоносца (начало XVIII в.) в Архитектурно-этнографическом музее деревянного зодчества Вологодской области «Семенково». В этих работах прочитывается созвучная природе конструктивная суть памятника. «Конструкцию можно “прочитать”, рассматривая здания снаружи, удивляясь ее простоте, предельной логике и эстетическому совершенству»[503]. Это свойство древнерусской архитектуры в качестве достойного примера – сегодня необходимый элемент обучения студентов, противовес современным модным тенденциям «развеществления»

---

[502] Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск.– Москва: Искусство, 1966. С. 126.

[503] Мехова Г.И. Русское деревянное зодчество.– Москва: Советский художник, 1965. С. 11.

Деревянный дом, 2-я пол. XIX века. Вологда. 2010 г.

формы, а вслед за ней и разрушения органики конструктивной основы архитектурных дизайн-проектов.

Вологодское деревянное зодчество пользуется особой любовью молодых художников. Многие старинные жилые дома выбираются для зарисовок ежегодно. К сожалению, на сегодня два известных общественности жилых дома XIX века, которые пользовались повышенным вниманием молодых художников, полностью разрушены. Они сгорели, но при этом остались в художественном фонде Института искусств в качестве графических набросков студентов. Деревянный дом на Пречистенской набережной, известный как дом со «штурвалами», отличался уникальным сочетанием художественной резьбы – пропильной, объемной и накладной, в которой соединялись элементы народные и светские – «барочно-ренессансные». Именно балкон этого дома, украшенный столь необычной резьбой, постоянно привлекал внимание и становился объектом «художественного изучения». Эти зарисовки – еще одно подтверждение значимости утраченного, поскольку характеризуют степень воздействия подобных памятников на этическое и эстетическое восприятие нашей молодежью народной русской культуры.

Не меньший интерес вызывает у студентов деревянная архитектура одного из древнейших городов Русского Севера – Белозерска. В архиве Института искусств приоритетное значение имеют рисунки жилых домов города, но особой популярностью пользуется дом купца Калинина (начало XX в.), «расписанный» снизу доверху деревянной кружевной резьбой. Он настолько красочен, что сразу же привлекает внимание и даже получил негласное студенческое название – «цыганский». Его так же, как и деревянные дома Вологды, молодые художники воспринимают как живой организм с собственным характером и неподражаемой исключительной индивидуальностью. Во всех рисунках отдельные элементы дома «пляшут», подчеркивая, таким образом, его привлекательное своеобразие.

Особое место в художественной практике отводится изучению архитектуры Архангельской области, в первую очередь, города Каргополя и его окрестностей. В архиве Института искусств хранятся многочисленные эскизы, зарисовки, графические композиции и даже проекты рисунков современных тканей с изображениями памятников деревянного зодчества Каргополья: храмы, колокольни, часовни, дома, мосты, колодцы.

Среди них особое место занимают памятники, ныне утраченные (ансамбль в селе Лядины. XVIII в.), или те, которые исполнены в период их реконструкции (Сретено-Михайловская церковь XVII века в Красной Ляге). Их особенность – нахождение в месте традиционного бытования. Для студента это важно, поскольку он воспринимает древнее зодчество в естественной среде и поэтому начинает понимать значение контакта с окружающей

Сретено-Михайловская церковь XVII в. Красная Ляга. Каргополье. 2014 г.

человека природой, проникается единством человека-памятника-пейзажа. «Русских зодчих не соблазняло намерение подчинить средствами архитектуры природу воле человека. Они ограничивались более скромной задачей – вписать архитектуру в пейзаж. Русская архитектура укрепляет в человеке ощущение возможности гармонии между ним и окружающей его природой»[504].

Именно в ряде этих работ присутствует особый элемент монументальной сдержанности, присущий деревянному зодчеству данного региона. Расположение памятника на месте первоначальной постройки придает отдельным деталям дополнительный эмоциональный настрой, что и подхватывают молодые художники, предвосхищая, таким образом, его дальнейшую возможную утрату. Сохранился рисунок с очертанием ансамбля в Лядинах, передано самое главное – общность целого и одновременно ощущение особого художественного совершенства памятника. Среди работ выделяется графический эскиз ныне утраченной колокольни. В нем не только отмечено одно из ведущих свойств древнерусского деревянного шатрового зодчества – тонкий, стремящийся вверх силуэт звонницы. Особый драматичный эмоциональный настрой и одновременно монументальное величие придают рисунку включенные в композицию силуэты парящих над колокольней птиц – типичный признак погоста.

Сретено-Михайловская церковь Красная Ляга. Фрагмент. 2014 г.

В набросках церкви Сретения и ее фрагментов молодые художники с совершенно разным восприятием мира и творческими способностями ока-

[504] Алпатов М.В. Немеркнущее наследие.– Москва: Просвещение, 1990. С. 45–46.

зываются едины в одном – передаче возможной гибели одиноко стоящего в полях и лесах древнего храма. Рисунки были сделаны в 2014 году, когда только начиналась реставрация памятника. Этим графическим работам особую трагичную выразительность придает акцент, сделанный на неустойчивый силуэт, который автор увидел зауженным к низу, надломанный крест, перекошенные, разорванные временем детали алтаря и даже одиноко стоящее рядом с храмом дерево.

Разрушающиеся памятники деревянного зодчества, особенно старые жилые дома и хозяйственные постройки, постоянно привлекают внимание студентов. Возможно, это связано с элементами драматизма, придающими данным сооружениям особую живописность. Думается, что в этот момент усиливается контакт с памятником, художник испытывает ощущение сопричастности и свои переживания привносит в рисунки. Одновременно именно в этих работах раскрывается очевидная тесная связь памятника с окружающей средой. Покосившиеся амбары и избы созвучны северной русской природе – изгибам холмов, лесов, оврагов.

Отдельное место в архиве занимают рисунки с архитектурными фрагментами. Резные деревянные наличники жилых домов и причелины – постоянный объект творчества. Тонкая, как кружево, северная резьба исполняется студентами фрагментами, акцент делается на основные орнаментальные детали. Мотивы самые разнообразные – от древних, имеющих значение оберега, до украшающих витиеватых, барочно-растительных.

Таким образом, художественно-методический фонд Института искусств не только является хранилищем рисунков и набросков памятников деревянного зодчества Русского Севера. Помимо того, что сохранились фрагменты уже утраченных памятников, многие из них оказались представленными как бы в перспективе – от состояния разрушения через реставрацию к новой жизни. При этом можно выделить те культовые и жилые деревянные постройки, которые наиболее часто становятся объектом внимания молодых художников, а поэтому могут являться наиболее значимыми художественными шедеврами русского деревянного зодчества.

В свою очередь, подобный метод постижения студентами-прикладниками памятников архитектуры Русского Севера является универсальным способом изучения базовых основ художественного проектирования и дизайна. В деревянном зодчестве заложены основополагающие приемы формообразования и принципы ритмически-пропорционального конструктивного построения

архитектурного сооружения, а также средства передачи художественной выразительности, что является, на мой взгляд, достойным ориентиром в решении проблемы перспективного развития творческой деятельности в области современной культуры.

Кортович Андрей Владимирович,
Институт бизнеса и дизайна, г. Москва

ВЕРКОЛЬСКИЙ ХУДОЖНИК ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КЛОПОВ

Первое знакомство с Дмитрием Михайловичем Клоповым у меня произошло во время просмотра фильма «В той стране» (вышел на экраны в 1997 году) режиссёра Лидии Бобровой, где он играл главного персонажа – Николая Скуридина. Так убедительно сыграть эту роль никогда бы не получилось у профессионального актёра. Клопов жил в фильме, его персонаж и он сам естественно и органично сочетались с повседневным бытом архангельской деревни Веркола, где проходили съёмки. Фильм острый, пронзительный, эмоциональный. И очень русский. Заставляет зрителя за-

Дмитрий Михайлович Клопов. На открытии персональной выставки «Две жизни Дмитрия Клопова». 23 февраля 2013 года. Автор фото Вячеслав Калинин

думаться над тем, что же есть в человеческой жизни истинные непреходящие ценности, а что суета. Что от Бога, а что от лукавого. Жизнь главного героя проходит в деревенской колхозной рутине. Несмотря на смиренность (не путать с покорностью), кажущуюся простоту нрава и жизненные трудности, у Скуридина-Клопова есть основное дело, сопровождающее всю его жизнь: он создаёт из деревянной щепы птиц, которые приносят в дом счастье. В конце фильма так реалистично показан процесс изготовления Клоповым традиционных архангельских птиц, что становится ясно – перед зрителями не актёр, а народный мастер. Мастер счастья. Помимо многочисленных наград, фильм «В той стране» получил в 1998 году Государственную премию России. На Международном кинофестивале славянских и православных фильмов «Золотой витязь», проходившем в 1998 году в Киеве, Дмитрий Михайлович получил Гран-При за лучшую мужскую роль.

Из воспоминаний режиссёра фильма «В той стране» Лидии Бобровой: «Впервые Дмитрия Клопова, который играл в фильме Николая Скуридина, я увидела в церкви... Вернее, сначала я читала о нем в дневниках у Абрамова, и уже тогда у меня возник к нему интерес, а когда я его увидела, то поняла, что должна на него написать сценарий. Но я была совершенно не уверена, что он согласится сниматься. И действительно, прежде чем участвовать в пробах, он прочитал сценарий, одобрил его, сказал, что здесь написана правда и Фёдор Александрович его благословил бы. И дал согласие. Иначе он бы отказался. Ему ни деньги, ни слава не нужны.

Вообще для меня главное лицо в фильме – Николай Скуридин. Деревня эта и вся наша земля держатся на таких людях. Вот на таких незаметных, как Скуридин и как сам Дмитрий Клопов, всё у нас и стоит»[505].

Род Клоповых известен в Верколе еще с XVII века. Дмитрий Михайлович Клопов, дядя Митя, как многие звали его в родной Верколе, был моложе своего знаменитого земляка и друга писателя Фёдора Александровича Абрамова на 15 лет. Родился он 22 февраля 1935 года, был единственным сыном в семье (младший брат умер в младенчестве). Детство было не легкое. Отца, Михаила Николаевича, убили на фронте и мать, Варвара Трофимовна, растила сына одна. Митя окончил 7 классов Веркольской средней школы. Учительница начальных классов Антонида Павловна

[505] Боброва Л. Благополучная Веркола. Журнал «Искусство кино» № 5, май 1998.

Павловская давала ему перерисовывать красивые открытки, тем самым пробудив любовь к рисованию[506].

Дмитрия Михайловича призвали в армию в 1954 году. Он служил три года в радиотехнических войсках под Архангельском в Васьково и там же получил профессию шофёра. После службы в армии у Клопова был непростой выбор. Его работы увидел ленинградский художник Фёдор Фёдорович Мельников и пригласил поступать в Академию искусств имени И. Е. Репина. Он мог уехать в Ленинград и там осваивать любимую профессию или вернуться в Верколу. По настоянию матери он выбрал второе. Устроился в Лавельский леспромхоз и 7 лет проработал в лесопункте посёлка Рудуха.

В 1961 году Дмитрий Михайлович по совету карпогорского художника Владилена Бутюкова поступил на факультет рисунка и живописи Государственного заочного народного университета искусств при Центральном Доме народного творчества имени Н. К. Крупской[507], а в 1963 году с отличием окончил двухгодичный курс. В университете обучение происходило дистанционно. Студенты получали в письмах задания от своих педагогов, выполняли и отправляли по почте в университет. Это было удобно, так как обучение шло без отрыва от основной работы и без вызовов студентов в Москву. В обратных письмах приходили подробные отзывы с разбором студенческих работ, в которых акцентировалось внимание на композиционных, стилистических, колористических и прочих ошибках, выявлялись положительные качества. Индивидуальные письменные консультации педагогов ЗНУИ вдохновляли тысячи людей, многие из которых были талантливыми «самородками». Среди них знаменитые художники-примитивисты: Иван Селиванов, Павел Леонов, Эльфрида Мильтс, Александра Тяпкина и многие другие.

В родной Верколе Дмитрий Михайлович был незаменимым человеком. С 1966 по 1968 год преподавал в школе рисование, черчение и труд. И дорожным рабочим был, и в леспромхозе работал вальщиком, раскряжевщиком и вздымщиком, и колхозными делами занимался: строил дома, развозил людей и грузы, топил печи, стеклил рамы, ставил сено… Несмотря на то, что у него были ежедневные дела по своему хозяйству, колхозные и общественные

---

[506] Алина О. О Дмитрии Клопове.– Веркола. 2013.

[507] Ледяева М. Вселенная по имени «Клопов». // «Правда Севера». 21 января 2015. С. 2.

работы, большая семья (жена и пять дочерей), он всегда находил время на природе или в своей небольшой мастерской с видом на реку и монастырь бескорыстно заниматься изобразительным искусством. Для него это было основным делом жизни. Живописью занимался в небольших промежутках между повседневными заботами и по ночам. Внутренняя свобода позволяла ему постоянно находиться в творческом состоянии. «Художник должен быть свободен»,– сказал в одном интервью Дмитрий Михайлович. Картины свои никогда не продавал. «Удивительный этот Клопов человек – всё не могу привыкнуть. Работает на дорогах, 120 рублей в месяц получает – и доволен, в то время как другие помешались на деньгах. Но деньги – это ещё куда ни шло. А живописью, можно ли заниматься живописью после того, как отхлопал топором восемь часов? Клопов занимается»,[508] – восхищался своим другом Фёдор Абрамов в дневниковой записи от 17 июля 1982 года.

В 1986 году в Верколе открылся комплексно-приёмный пункт Пинежского райбытуправления. Дмитрий Михайлович работал в нём мастером по изготовлению подарочного ассортимента. Много предметов домашнего обихода создал Дмитрий Михайлович. Из-под его руки выходили деревянные щепные птицы, солонки, шкатулки, туеса, пользовавшиеся большим спросом. Все изделия выполнены в традициях северных народных мастеров, ремесленные секреты которых он перенимал в течение жизни. Из веток и кореньев, что находил в лесу, он творил «для души». Это причудливые маленькие деревянные скульптуры людей и животных, миниатюрные избушки на курьих ножках со своими характерами, кобылицы с ажурными хвостами, как у птицы счастья. Инструменты вырезания по дереву Клопов сам для себя выковывал и затачивал[509]. В 1997 году Дмитрий Михайлович награжден медалью «Ветеран труда» и в этом же году он вышел на пенсию. Появилось больше времени для занятия любимым делом – живописью.

Творчество Клопова известно далеко за пределами Верколы. Выставляться художник стал с 1963 года. Своими живописными работами он принимал участие в выставках по разным городам России[510]. В Москве (1994 г.), Ленинграде (1981 г. и 1991 г.), Архангельске (1967 г., 1981 г., 1990 г., 1992 г., 1994 г., 1996 г., 1999 г.,

---

[508] Крутикова-Абрамова Л. Дом в Верколе. Документальная повесть. Советский писатель.– Ленинград. 1988. С. 351.

[509] Птицы счастья. // «Северные просторы», 1986.

[510] Художник-любитель. // «Пинежская правда». 8 декабря 1981.

«Летнее утро». 32,5×42 см. Оргалит, масло. 1982 г. Из собрания А. В. Кортовича

2015 г.), Карпогорах (1967 г., 1982 г., 1984 г., 1993 г., 1996 г., 2010 г., 2015 г.), Верколе (1982 г., 1984 г., 1986 г., 1989 г., 1993 г., 1995 г., 2010 г., 2013 г., 2015 г.)[511] В 1996 году Министерство культуры России за выдающиеся творческие достижения и большой вклад в развитие народной художественной культуры Дмитрия Михайловича наградило грамотой.

В 1982 году в Верколе у Дмитрия Михайловича открылась персональная выставка. На вернисаже был Федор Александрович Абрамов. 27 июля 1982 года в дневнике писателя появилась такая запись. *«Клопов – художник... Кто-то в Верколе его всерьез принимал? Репин – да и только. А сегодня в клубе выставка его работ (живопись, птицы щепяные, игрушки), и народ валом валит.*

Выставку открывал я, а перед открытием сказал много хороших слов о своем друге. Имело это какое-то значение для веркольцев?

Должен признаться, я тоже по-новому увидел живопись Клопова. Очень неплохо. За некоторые вещи – ручаюсь – не было бы стыдно даже профессиональному художнику.

Эх, пропал талант!

Да, Веркола посмеивается, иногда даже потешается над Митей, а может, только он, из всех нынешних веркольцев и останется...»[512]

Видно, что Абрамов очень переживал за художественный талант своего друга. В своих записных книжках двумя годами раньше, 19 августа 1980 года, Фёдор Александрович оставил следую-

---

[511] Черемная Н. Пинежские художники. Владилен Бутюков, Дмитрий Клопов. Альбом. ГАУ АО ИД «Пинежье». 2014. Стр. 42–43.

[512] Крутикова-Абрамова Л. Ук. соч. С. 352.

щее. *«Да и Митя Клопов интересный. Пока я разгуливал по гостям, он сидел за мольбертом, писал монастырь. Закоченел – в одной рубахе, да и в тени: но способный парень. Вот уж поистине жизнь сожрала талант. Да и сам, конечно, виноват: надо было уезжать в город, а он остался в деревне, пожалел мать.*

О Мите стоит написать рассказ. Талант, который не поняли земляки, да и он сам не понял.

Пинежский Пиросмани»[513].

Но пропал ли талант? Здесь можно с Фёдором Александровичем поспорить. *«Талант-то у меня как был, так и остался. Да у любого человека так, загубить талант невозможно. Если он есть, его удастся использовать, как бы ни жил человек, плохо или хорошо»,*[514] – говорил сам художник. Дмитрия Клопова никак нельзя отнести к наивным самодеятельным художникам-примитивистам. Учась заочно в ЗНУИ, он выполнял задания по университетским дисциплинам. Постигал фундаментальные законы композиции, овладевал техникой масляной живописи и рисунка, учился работать с цветом. Общение с преподавателями шло в письмах. Благодаря деликатному педагогическому руководству, художественная природа Клопова, данная ему от рождения, не была нарушена. Со стороны преподавателей отсутствовало навязывание определённой манеры или академической грамотности, а шло стимулирование творческого процесса. Быть может, если бы Дмитрий Михайлович уехал в своё время учиться в ленинградскую Академию искусств, то стал бы одним из добротных профессиональных городских художников. Возможно, даже известным. Но не стало бы народного мастера, самобытного «пинежского Пиросмани».

Прежде всего, талант Дмитрия Александровича раскрывается в живописных пейзажах Пинежья и Верколы. В них отсутствует элемент случайности, как в работах многих художников-примитивистов. Видно, как осознанно Клопов подходит к формату каждой работы, как относится к краям композиционной плоскости и её центру. Он знает, где сделать композиционную доминанту, как увести взгляд зрителя в глубину картины. Художественное образование выдаёт и степень обобщения деталей в его работах. Он не перечисляет всё, что видит, а подходит избирательно: что-то обобщает, а самое интересное и важное выделяет из общего,

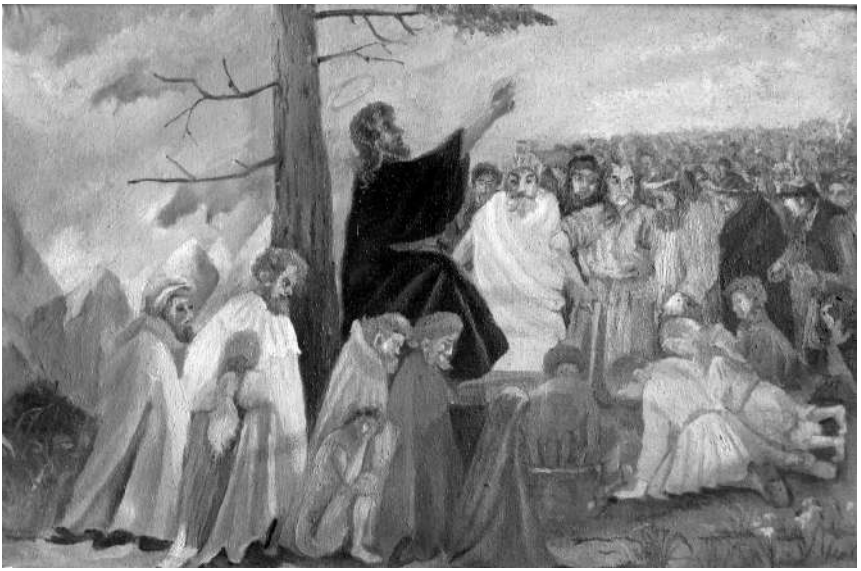
---

[513] Крутикова-Абрамова Л. Ук. соч. С. 293.

[514] Доморощенов С. Пинежский Пиросмани. Газета «Вечерний Северодвинск». 6 мая 2010.

акцентируя на нём внимание. Все пейзажные композиции разделены на три плана. Вызывая интерес у зрителя важными деталями второго плана пейзажа, первый план он даёт достаточно лапидарно, а третий план без лишних контрастов укладывает в глубину. Вполне классический изобразительный приём.

Недостаток академической художественной базы у Дмитрия Михайловича сказывается в его работах, где присутствуют человеческие фигуры, особенно многофигурные сцены, иллюстрирующие евангельские события. Здесь нередко происходит путаница в деталях, цветовых пятнах, ритмических композиционных структурах. Жесты и позы персонажей не всегда убедительны. Но зато подобные работы созданы очень искренне и с душой. В композицию картины «Проповедь Иисуса Христа» справа из-под рамки врывается мужчина, одетый в рабочую куртку, штаны, брезентовые рукавицы и обутый в резиновые сапоги. Фигура очень динамичная, она контрастирует с персонажами в старинных туниках и плащах. Конечно же, это сам Клопов прибежал в обеденный перерыв внимать словам Иисуса. Несмотря на то, что вся жизнь Клопова прошла на фоне руин Артемиево-Веркольского монастыря, что находится на противоположном берегу Пинеги, к евангельским сюжетам в своей живописи он пришёл не сразу. Но,

«Проповедь Христа». 31×47 см. Холст, масло. Из собрания А. В. Кортовича

видимо, вера в Бога, как у любого русского человека, жила в нём на генетическом уровне. В 40-х годах, когда Клопов ещё учился в школе, у него нашли дедушкино Евангелие, которое он читал. Из-за этого у него был конфликт с женой директора школы, которая хотела его «выслать за веру»[515]. Тогда же у него было горячее желание восстанавливать Веркольский монастырь. Когда в начале 90-х годов в монастыре стала возрождаться монашеская жизнь, одним из первых пришёл на помощь в восстановлении обители Дмитрий Михайлович. И здесь пригодились его руки.

Несомненно, что Клопов получал удовольствие от самого живописного процесса. Для него была важна текстура, на которую ложатся красочные слои живописи где-то пастозно, а где-то очень прозрачно. В качестве живописной основы он использовал различные материалы: от грубой мешковины на самодельных подрамниках и фанерок от ящиков из-под посылок до профессионального грунтованного холста, который иногда привозили ему городские художники, с которыми он дружил. Рамы для своих работ Клопов мастерил сам, не всегда гармонично сочетая их со своей живописью. *«Твоё дело – писать, писать и писать. А рамки без тебя сделают»,*[516] – говорил своему другу Фёдор Абрамов.

Дмитрий Клопов не раз попадал в записные книжки писателя. 24 августа 1977 года: *«Целый вечер демонстрировал нам с Щербаковым свои плотницкие и столярные инструменты, показывал работу на токарном станке.*

Великолепно!

И этюды у него неплохие.

Эх, кабы ему поучиться в свое время! Вышел бы толк. Но Дмитрий Клопов доволен своей судьбой, своей жизнью. Без верстака, без мастерской он жизни себе не представляет.

А может, так и надо?»[517]

Знакомы Клопов и Абрамов были давно, а подружились они в 1977 году. Приезжая на летние месяцы из города в родную Верколу, Фёдор Александрович обязательно проводил время с Дмитрием Михайловичем[518]. Вместе путешествовали по Пинежью, рыбачили, ходили в лес. Клопов написал себя со своим другом в

---

[515] Кузьмичева А. Две жизни «пинежского Пиросмани» Дмитрия Клопова. // Православие и мир. 10 июля 2014.

[516] Карвонен А., Алин А. Документальный фильм «Про Клопова». 2014.

[517] Крутикова-Абрамова Л. Ук. соч. С. 149.

[518] Фёдор Абрамов. Фильм из цикла «Острова». Телеканал «Культура». 26 февраля 2015.

Ф. А. Абрамов и Д. М. Клопов. Веркола. 1977 г.

одно из таких путешествий в 1977 году. Друзья сидят за столом в лесу на Хорсе на фоне охотничьей избушки. Художник что-то рассказывает и жестикулирует рукой, а писатель его внимательно слушает и записывает в тетрадь. Воспоминания Клопова об этом походе и о том, как трудно далась ему эта картина, опубликованы в статье Владимира Личутина «Душа неизъяснимая»[519], а Абрамов отметил этот поход дневниковой записью 14 августа[520]. В знак признательности и дружбы Абрамов подарил Клопову мотоцикл «Урал», на котором они вместе рассекали бездорожье Пинежья. Талантливой натурой своего друга Фёдор Александрович не раз изумлялся. Запись от 31 июля 1979 года: *«Великое удовольствие с ним быть вместе. Какие глаза, какое зрение! В три раза острее видит мир, чем я. В три раза загребает красоты больше меня»*[521]. Каждый год в конце летнего сезона Клопов провожал уезжающего из Верколы в город Абрамова. Из дневника писателя 15 августа 1982 года: *«…На прощанье посидели с Клоповым вдвоём, выпили по рюмочке и разошлись. Последняя ночь в Верколе…»*[522] А в мае 1983 года Фёдора Александровича не стало. В создании первого намогильного памятника Абрамову принимал участие Клопов – сделал табличку с текстом.

---

[519] Личутин В. Душа неизъяснимая. // Завтра. № 21 (600). 25 мая 2005.
[520] Крутикова-Абрамова Л. Ук. соч. С. 146–147.
[521] Крутикова-Абрамова Л. Ук. соч. С. 222.
[522] Крутикова-Абрамова Л. Ук. соч. С. 370.

Дмитрий Михайлович Клопов скончался в своей родной Верколе 30 марта 2016 года на 82-м году жизни.

Многие исследователи отмечали синкретичность духовной жизни русского народа, её изначальную слитность с процессом материального бытия. Народный мастер никогда не был отдельно и вне жизни крестьянской общины. Так же как песня всегда сопровождала нелёгкий деревенский труд, изобразительное творчество соединялось в жизни Клопова с его тяжелой работой. Он и сам говорил, что у него две жизни: физический труд и живопись. В его живописи мы не увидим погоню за модными городскими тенденциями, подражательство или желание понравится зрителю. Работы Клопова предельно искренние, зритель чувствует в них первоначальный импульс того мощного движения, которое побудило автора запечатлеть тот или иной сюжет. Они представляют собой модель внутреннего мира художника, его открытого и острого взгляда на жизнь.

И дети его очень любили.

И синицы к нему прилетали.

Кувайцева Марина Викторовна
целевое Учреждение «Нарвский Музей», г. Нарва, Эстония

СОВРЕМЕННЫЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЛУБОК ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ВАРУНИНА

На западный берег Чудского озера староверы заселились в конце XVII – начале XVIII вв. в результате гонений и репрессий после церковного раскола православной церкви, который произошел в России вследствие реформ патриарха Никона. «Берег был безлюден, почвы неплодородны (песок, далее болота), эстонские крестьяне здесь не селились»[523].

Староверы основали целую вереницу деревень вдоль берега Чудского озера. Иногда деревни практически сливались, как бы перетекая одна в другую. Эстонское Причудье приверженцев старой веры привлекало многим: «новопоселенцы получали от местных помещиков небольшие участки земли, арендовали право ловли на озере»[524], местные помещики и крестьяне, будучи

[523] Рихтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии. Таллин, 1996. С. 72.
[524] Там же. С. 74.

лютеранами, «достаточно равнодушно относились к различиям в "русской вере"».[525] В XVIII веке в Причудье началось строительство старообрядческих молелен, образовались религиозные общины. На данный момент в Причудье действует девять молелен: две федосеевского согласия и семь – старопоморского.

В этот заповедный край, который называют «русской Эстонией», я начала ездить в фольклорно-этнографические экспедиции с 1999 года и к настоящему моменту побывала по много раз практически во всех поселениях староверов от Муствеэ до острова Пийриссаар. Уже через несколько лет после того, как я начала ездить в экспедиции, у меня накопилось достаточно музыкального материала, и встал вопрос о выпуске сборника песен, записанных в городе Калласте. Это были так называемые «мирские» песни, то есть исполняемые вне религиозной службы. Староста старообрядческой общины города Калласте Павел Петрович Варунин посоветовал мне обратиться за поддержкой к его племяннику – Павлу Григорьевичу Варунину, председателю Союза старообрядческих приходов Эстонии. На тот момент Павел Григорьевич также возглавлял Общество культуры и развития староверов Эстонии, поэтому воспринял мое предложение с большим энтузиазмом и предложил свои услуги в качестве художника-оформителя. Он попросил прислать тексты песен, чтобы подумать над сопровождающими их рисунками. А надо сказать, что большинство песен, представленных в сборнике, можно отнести к народной культуре «нового времени», ведь такие жанры, как городские баллады и романсы, а также частушки, зародились всего 300–350 лет назад. Было в первом сборнике и несколько духовных стихов, но они по своему строению также были близки городским романсам, поэтому относились к разряду «младших» стихов, возникших примерно в то же время, что и ранее перечисленные жанры.

Увидев первые иллюстрации к песням в стиле рисованного лубка, я испытала сначала изумление, а потом восторг и осознание того, что именно лубочные картинки наиболее точно отражают характер эпохи XVIII–XIX веков, когда возникли и были на пике популярности все эти песенные жанры. В 2008 году в свет вышел сборник «Любимые песни староверов Калласте» с моими нотировками и лубочными иллюстрациями Павла Варунина. Так началось наше сотрудничество и совместная работа Нарвского Музея и Общества культуры и развития староверов Эстонии. С тех пор вышло

[525] Рихтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии. Таллин, 1996. С. 74.

П. Г. Варунин. Иллюстрация из песенника «Духовные стихи и любимые песни староверов Эстонии» / сост. М. Кувайцева. Нарва, 2012

еще несколько изданий[526] по моим экспедиционным материалам о культуре староверов Причудья с неизменными иллюстрациями Павла Григорьевича.

Павел Григорьевич Варунин родился и по сей день живет в эстонском городе Тарту. Он из старинного старообрядческого рода поморского согласия. Как художник, работает только в стиле народного лубка и древнерусской книжной миниатюры. Говорит, что именно эти стили указывают на его принадлежность к приверженцам древлеправославия.

Тяга к рисованию у Павла Варунина была с самого раннего детства. Еще в пятилетнем возрасте он нарисовал свой первый учебник. Старший брат Фёдор, уже ходивший в школу, не хотел считаться с мнением младшего брата, «ведь у него не было учебников, что он мог знать!». Тогда Павел, чтобы говорить с братом на равных, за ночь под одеялом цветными карандашами в блокноте нарисовал себе «Азбуку» и обернул ее бумагой, как в то время делали все школьники со своими учебниками. Уже тогда Павел понимал, что точно скопированная книга не будет уникальной, поэтому придумал к буквам свои собственные картинки.

[526] Имеются в виду следующие издания: *М. В. Кувайцева.* Застолица. Кухня староверов Эстонии. Тарту, 2010; Духовные стихи и любимые песни староверов Эстонии / сост. М. Кувайцева. Нарва, 2012; *М. Кувайцева.* Белая лестовка. Похоронно-поминальный обряд староверов Эстонии. Тарту, 2017; *Marina Kuvaitseva.* Katame laua! Vanausuliste toidud. Tartu, 2017; *П. Варунин, М. Кувайцева.* Ремесла и промыслы староверов Эстонии. Тарту, 2019. А также СД-диски: «Духовные стихи староверов Причудья», 2009; «Народные песни староверов Причудья» (в современной обработке), 2009.

П. Г. Варунин. Одна из концовок главы «Повседневная кухня» из книги М. Кувайцевой «Застолица. Кухня староверов Эстонии». Тарту, 2010

В детстве П. Г. Варунину нравилось копировать красивые шрифты: славянский полуустав, который он видел в старинных книгах бабушки, и готический шрифт, как в сохранившихся у нее старых газетах «эстонского времени» (1918–1940-е годы, время Первой Эстонской Республики). Потом стал придумывать собственные шрифты, увлекся составлением монограмм, пытаясь найти как можно больше комбинаций переплетения в соединении одних и тех же букв, тем самым постигая азы орнаментальной вязи. Ему хотелось научиться с помощью написанного вязью текста задавать определенный темп в прочтении надписи, передавать настроение или какую-то эмоцию. Сейчас это умение он использует в оформлении книг о культуре староверов: вязью в орнаментальной заставке пишет заглавия разделов и отдельных частей книги, к текстам придумывает орнаментированные инициалы[527] и концовки[528], а также создает свои колофоны[529]. Такие детали оформления в стиле рукописной книги никогда не повторяются и в полной мере передают дух старообрядчества.

В семье Павла Григорьевича Варунина никто не рисовал, но мама очень любила искусство и всячески поддерживала увлечение сына: покупала красочные альбомы с работами известных художников, выписывала журналы «Искусство» и «Юный художник», водила на выставки, записала его в кружки по рисованию и лепке. Наиболее близки Павлу были художники-наивисты, как Нико Пиросмани. «Я никогда не считал и до сих пор не считаю, что художник – это тот, кто хорошо рисует, какая бы у него не была феноменальная техника, хоть капли пота на лбу может передать.

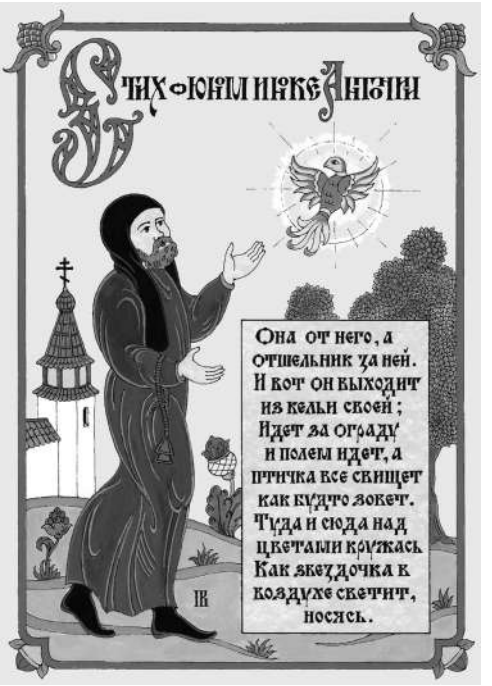
[527] Инициалы – разрисованные и увеличенные первые заглавные буквы, начинающие текст книги, ее раздела, главы.

[528] Концовки – графические декоративные или сюжетные изображения небольших размеров в конце книги или ее глав и разделов

[529] Колофон – текст на последней странице книги, в котором сообщаются данные об авторе, времени и месте создания этого произведения.

Художник тот, кто может передать эмоцию. Если у тебя картина вызывает улыбку или отвращение, или брезгливость, или ещё что-то, то это действительно художник»,[530] – говорит Павел Григорьевич. Картины наивистов притягивали его непосредственностью и трогательностью, не оставляли равнодушным, часто вызывая у него добрую улыбку, а утрированная перспектива и непропорциональный масштаб вызывали умиление. Нравилось и то, что их работы просты в понимании, так как художники не углублялись в символизм и скрытые смыслы.

Но так как П. Г. Варунин все же тяготел к графике, то сам он стал работать в стиле народного лубка еще и потому, что он связан со старообрядчеством. В лубке ему «всегда нравилась лаконичность, когда есть легко угадываемый простой и понятный образ, а для непонятливых – ещё и пояснительный текст»[531]. В своих работах он совмещает приемы иконописи и художественную манеру народной жанровой картинки. В рисунках на библейские, религиозно-исторические и религиозно-нравоучительные темы его техника исполнения близка к иконописным изображениям, но лубочный рисунок упрощен, иногда даже схематичен. Текст на таких работах сохраняется оригинальный, а шрифт имитирует старообрядческий полуустав, но «не сильно выписанный, не каллиграфический, чтобы передать крестьянский или дере-

П. Г. Варунин. Иллюстрация из песенника «Духовные стихи и любимые песни староверов Эстонии» / сост. М. Кувайцева. Нарва, 2012

[530] Вспомогательный архив ЦУ «Нарвский Музей» SA NM Abiarhiiv CD nr. 111.
[531] Там же.

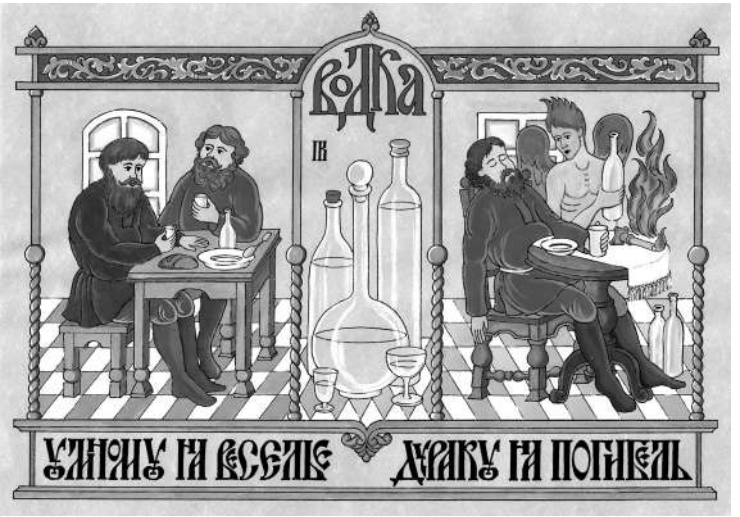
венский дух»[532]. Рисунки же на бытовые темы пронизаны тонким юмором и легкой самоиронией, чего не могло быть в традиционном старообрядческом лубке. Староверы могли иронизировать над никонианами, но никогда над собой. «Я вообще люблю иронию и самоиронию. В чём-то обыденном можно увидеть добрый юмор, а в любом святом можно увидеть и что-то не очень святое. Да и на что-то плохое можно посмотреть с иронией».[533] Пояснительный текст к картинке пишет просто печатными буквами, часто напоминающими детский почерк. На лубках с зарисовками на бытовые темы текст может быть, как фольклорным, так и придуманным самим автором. Подписывает свои работы монограммой ПВ, которая может иногда отсутствовать, если она мешает композиционно, или «просто забыл». Год написания художник обычно не ставит.

В своих рисунках Павел Варунин старается не использовать сложных композиций, так как большое количество персонажей и различных предметов рассеивает внимание. Обычно обходится одной-тремя фигурами, чтобы ясно прослеживался смысловой акцент на определенной фигуре или на ее жесте.

На создание лубочной картинки художника может подтолкнуть прочитанная или услышанная пословица, поговорка, крылатая фраза, детская потешка или загадка. Могут понравиться небылицы, суеверия или сказания, которые ему захочется изобразить. Так могут возникнуть целые серии рисунков, которые впоследствии он использует как иллюстрации. При этом много пословиц и образных выражений придумано им самим. Это можно увидеть в моих книгах «Застолица. Кухня староверов Эстонии» и «Лестовска. Похоронно-поминальный обряд староверов Эстонии», когда тексты рисованного лубка не взяты из текста книги, а просто подходят тематически.

Когда в голове художника оформится сюжет и возникнет четкая картинка, рисует ее гелиевой ручкой на листе бумаги. Предпочтение художник отдает пергаментной, так как она передает фактуру старой бумаги. Карандаш для предварительного наброска использует редко, обычно только для отдельных деталей. Либо карандашом делает набросок картинки на каком-нибудь клочке бумаги, чтобы посмотреть композицию: соотношение и расположение фигур, положение их рук или ног, место расположения текста. «Была у меня “Платок – Богу картинка”. Я ее раза

[532] Вспомогательный архив ЦУ «Нарвский Музей» SA NM Abiarhiiv CD nr. 111.
[533] Там же.

П. Г. Варунин. Иллюстрация из книги М. Кувайцевой «Застолица. Кухня староверов Эстонии». Тарту, 2010

три или четыре перерисовывал. Ну, не нравилась просто эмоция персонажей. Не было у них такой глуповатой радости от увиденного платка».[534] После того, как нарисованы все контуры черной гелиевой ручкой, раскрашивает картинку гуашью. Художник использует только шесть цветов, старается их не смешивать, чтобы рисунок был яркий. Придерживаясь традиций рисованного лубка, картинку обрамляет рамкой. После этого рисунок сканирует в большом расширении, и теперь его можно использовать в печатной продукции.

Со временем накопилось много работ и появилась возможность организации персональных выставок. Такие выставки Павла Григорьевича Варунина по современному рисованному лубку уже неоднократно проводились как в Эстонии, так и за ее пределами (Латвия, Литва, Россия). Но заниматься только рисованным лубком художник не захотел. На сегодняшний день готов печатный станок – его авторская инженерная и конструкторская разработка. В основе разработки – станок русских первопечатников. Сейчас Павел Григорьевич вырезает вручную из груши гравюры или оттиски, с которых будут печататься лубки. Известен П. Г. Варунин и

[534] Вспомогательный архив ЦУ «Нарвский Музей» SA NM Abiarhiiv CD nr. 111.

как детский писатель. В 2019 году в Эстонии он стал обладателем литературной премии за произведение «Славка и страна Древлесловия» как автор, пишущий на русском языке. Главной своей задачей Павел Варунин считает сохранение традиций староверов, поэтому он занимается не только лубком, но и восстановлением русской резной иконы. Его работы есть в храмах Эстонии, в частных коллекциях как в Эстонии, так и Латвии, Литве, России. Три года назад на месте сожжения протопопа Аввакума была поставлена часовня в ныне несуществующем городе Пустозерске. По заказу староверов Нарьян-Мара Павел Григорьевич изготовил четыре большие иконы для этой часовни.

Якушева Людмила Алентиновна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ВИКТОР РУБИНШТЕЙН: ЧЕЛОВЕК, ХУДОЖНИК, МАСТЕРОВОЙ

Виктор Николаевич Рубинштейн (1955–2016) с 1991 года работал в Вологодском драматическом театре, с 1994 окончательно связав свою жизнь с оформлением и изготовлением художественного пространства спектаклей, а с 1999 года и фестиваля «Голоса истории». В 2001 году в Вологодский драматический театр художественным руководителем был назначен Зураб Анзорович Нанобашвили (годы работы в Вологде 2001–2018), который не только возглавил, но и создал конкурентоспособный творческий коллектив.

Уже сейчас можно говорить об «эпохе Нанобашвили», с ее ярчайшими работами по русской и зарубежной классике, оцененными как профессионалами, так и зрителями. Театр – искусство эфемерное, поэтому требует разных способов фиксации происходящих в нем событий. Этому способствовали записанные в разное время стенограммы обсуждений новых спектаклей, критические заметки по итогам фестиваля «Голоса истории», выпуски собственного «Театрального альманаха» и, например, профессиональная запись спектакля «Гамлет» У. Шекспира телеканалом «Культура».

Данная публикация вносит свою лепту в осмысление творческого процесса, представляя собой расшифровку аудиозаписи беседы со сценографом театра В. Н. Рубинштейном от 27 июня 2013 года. Виктор Николаевич Рубинштейн был художником-технологом практически всех спектаклей, поставленных Зурабом Нанобашвили. В интервью он раскрывает секреты и тонкости созда-

Виктор Иванович Рубинштейн. Фото 2014 года. Автор А. Колесов. Источник: интернет-портал cultinfo.ru

ния спектаклей, которые уже вошли в историю театра, а часть из них – «Гамлет» У. Шекспира, «Гроза» А. Островского, «Дом Бернарды Альбы» Ф. Г. Лорки – еще можно увидеть на сцене. Материал актуализируется впервые, без значительных сокращений, так как хотелось передать интонационную непосредственность разговора, в котором сквозит, как представляется, неподдельная любовь собеседников к театру. Итак, в достаточно просторной выгородке декорационного цеха за столом сидел В. Н. Рубинштейн, а перед ним – интервьюер, настраивающая диктофон.

Л. Я. Я просила Катю (Е. Оганян – помощник художественного руководителя по литературной части – *Л. Я.*) договориться о встрече, и это, может быть, не на один раз, потому что я не знаю, что из этого всего получится и получится ли…

В. Р. Да я все время здесь, в принципе *(улыбаясь в усы)*.

Л. Я. Вы не сразу стали главным художником…

В. Р. Я и сейчас не главный *(невозмутимо).* У нас нет главного художника.

Л. Я. Правда? Жена моего брата, по специальности театральный художник, ушла из профессии, потому что это – с ее слов – рисование шваброй…

В. Р. Это она имела в виду декорации? Можно и шваброй… «Последний день Помпеи» писали, дописывая швабрами небо. *(пауза)* На самом деле так *(смех)*.

Л. Я. Но начинали-то вы…

В. Р. Я вообще никогда не думал, что буду сценографией заниматься. Я ведь закончил училище как дизайнер, ширпотребом занимался.

Л. Я. А дизайном… каким? Графическим?

В. Р. Я заканчивал факультет технической эстетики. У нас было головное КБ деревообработки. Там был отдел, потом сектор (сектор меньше). Этим я занимался 7 лет, до 1985 года. Потом стало все разваливаться. Но еще до этого я уже ушел в оформиловку, занимался и интерьерами. А сюда мы попали чисто случайно. Кооперативы когда возникли, нам нужна была площадь. Договорились тут, с бывшим директором: в счет аренды мы делали спектакли и, параллельно, делали свои дела. То есть не платили за свет, ничего и… оформляли садики, магазины.

Л. Я. Какой интересный бартер *(смех)*.

В. Р. Ну, да. А потом, потихонечку, через год, в 1991 он нам предложил, давайте, мол, в штат. Первую работу как сценограф я делал, как помнится, к спектаклю «Двое на качелях», когда пришел С. Таюшев, году 91–92. (Из хроники театра в 1994 – *Л. Я.*) Но она недолго шла, эта пьеса.

Л. Я. А учились вы где, в Москве?[535]

В. Р. Нет. Сначала в Ивановском училище, а потом на худграфе Костромского педа, заочно уже… Но в школе я ни одного дня не был.

Л. Я. Так никого и не учили?

В. Р. Была когда-то студия дизайнеров при станции юных техников, но это было так… формально все. Ребят мало, 2–3 человека заинтересованных, а нужно было 23 записывать, чтоб за эту ставку свои 17 рублей заработать. Где-то полгода занимались, а потом – и это все развалилось. Когда мы учились, мы были художники-конструктор*а*, слова «дизайн» еще не было. «Графики» называли нас «утюгами», потому что мы проектировали утюги, электроприемники. У меня диплом был про электроплиту. Ну, а потом они стали дизайнерами, а мы – все равно «утюги». Сейчас этого много, а раньше был один ВНИИТЭ[536]. Там и среда была, и оборудование, и паровозы, и самолеты. Филиал института находился в Ленинграде. Прихожу, а там у них унитазы. Гипсовые

---

[535] К сожалению, информации о тех, кто работает в театральном закулисье, крайне мало. Отчасти эту проблему решало издание драматического театра «Театральный альманах», которое выходило по инициативе художественного руководителя театра З. А. Нанобашвили с 2011 по 2016 год (всего вышло 11 номеров). В 2014 году (весна) в электронном журнале о культуре Вологодской области «Сфера» вышла статья В. Кустовой «Виктор Рубинштейн: моя карьера началась издалека». // Cultinfo [электронный ресурс]. Режим доступа: cultinfo.ru/journal/2014-vesna/viktor-rubinshteyn-moya-teatralnaya-karera-nachalas-izdaleka/. Дата обращения 17.11.2019.

[536] ВНИИТЭ – Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики, основан в 1962 году.

унитазы. Как у Дюшана? *(смех)* Пожалуй. Вот они их и проверяли, посадочные места. Вплоть до этого было. А театр… затянуло потом, за столько-то лет.

Л. Я. Гены, наверное, сработали.

В. Р. Может быть, может быть… Это мама занималась и театром, и историей, и педагогикой. Я вот думал о ее ученицах: «Чего они ходят? Неужели это так интересно?» *(смех)*

Л. Я. Ходили ради хождения. Ваша мама как человек была неординарной личностью. Сейчас это понимаешь, в детстве-то не очень[537]…

В. Р. Ходили к ней и взрослые. Ходили до самой смерти. Марина в библиотеке у нас работала. Два ее брата, Сергей и Леня, до самой смерти ее ходили.

Л. Я. Я расспрашивала Ноэмию Исааковну в нашу последнюю встречу про ее самые сильные театральные впечатления, а она мне вдруг начала рассказывать про лагерь. Я ее спросила, что было самым трудным в лагере. Она ответила, что совершать обычные действия, например, чистить зубы. В лагере «для уголовников» это вызывало отторжение. Причину, по которой она из аспирантуры пединститута им. Ленина попала под статью, она не знала. А самым сильным впечатлением в жизни назвала… восход солнца перед возвращением в лагерь (у нее было право ненадолго покидать лагерь)[538].

В. Р. Лагерь. С нами о лагере почти не говорила. Потом я нашел бумагу о реабилитации. Она где-то у брата затерялась. Мама старалась об этом не говорить. Это уже потом, когда Лева приехал, брат ее, когда он в 1992 приехал, рассказывал. Она все ему: «Хватит тебе об этом». А ему нравилось рассказывать, что он попал в лагерь, а не на войну: «Благодаря этому я остался жив».

Л. Я. Да, она очень выделялась, у нее была «прямая спина»». Выделялась каким-то особым набором качеств, всем.

В. Р. Это брат привез ее в Вологду. Мать-то в Москве жила. Ей нельзя было там селиться, он сюда ее привез. Сам здесь работал после лагеря и ее привез. Она преподавала, потом на льнокомбинате работала, в ФЗО № 12. Где только не преподавала. Карто-

---

[537] Ноэмия Исааковна Рубинштейн проводила занятия, которые сначала проходили прямо на дому. Когда желающих стало больше двух – в профсоюзной библиотеке Льнокомбината. Сейчас бы мы это назвали «репетиторством», тогда же это были беседы об истории России через призму литературы, драматургии и театра.

[538] Ноэмия Исааковна Рубинштейн была репрессирована в 1940 году. // Бессмертный барак [электронный ресурс]. Режим доступа: https://bessmertnybarak.ru/books/person/1804219/ (Дата обращения: 17.12.2019).

теку? Составляла. Не только картотеку, систематизировала все, особенно по театральным делам. Я потом все это в театр принес, тут и разошлось. Воспоминаний? Никаких. У тетки что-то есть, а мама – ничего не писала. Она старалась не говорить об этом. А о театре – пожалуйста. Мама любила сравнивать то, что мы ставили, и то, что к нам привозили.

Л. Я. А она застала какую-нибудь вашу работу?

В. Р. Нет, наверное. Уже не ходила. Не застала. Сейчас бы она порадовалась *(кто-то заходит, наливает чай).* Это у нас и кухня, и рабочий кабинет. Долго нам это запрещали. Не должны мы здесь сидеть *(смех).* Отгородили себе место. А помещение? Помещение рассчитано, чтобы здесь можно было расстелить занавес…

Л. Я. А актеры как-то вмешиваются в подготовительный процесс?

В. Р. Редко, но бывает. Вот сейчас делаем «Дон Жуана» под Акулова Николая. Он огромный. Рассчитываем, чтобы его видно было. Вот сейчас причал делаем, чтобы высота причала соответствовала его росту, и чтобы он с этого причала мог снять актрису. Это мне высоко, а ему – запросто *(смех)*. Есть труба под него…

Л. Я. Вы все планируется заранее или в готовый спектакль тоже что-то добавляете?

В. Р. Когда спектакль, это уже все. А вот когда репетиции идут, когда реквизит подаем – что-то меняется, ошибки исправляем. Вот сейчас сказку делали, нужна была метла Бабе-Яге. Оказалось, что она длинна. Это уже актеры сами: «Этим я зацепляю, там отпилить, тут отрезать». Но больше вопросов по обшивке. Вплоть до того, что «мне не нравится такая юбка, давайте обрежем». А у художника свой образ.

Л. Я. И как, договариваетесь? *(смех)*

В. Р. Всякое бывает. Бывает, и сами обрезают, а потом бегут обратно.

Л. Я. Это как в старой театральной байке про актрису, как она отказывалась играть партизанку босая, потому что на каблуках лучше смотрится.

В. Р. Бывают приколы такие и здесь. Иногда и по декорациям – что-то неудобно, ограждения нужно поставить, потому что боится актер.

Л. Я. А актеры интересуются вашей работой?

В. Р. Они обязательно смотрят макет. Иногда сами приходят, иногда – режиссер отправляет: «Тебе придется на такой-то высоте работать». Чтобы знать, откуда прыгать, откуда падать…

Л. Я. Чтобы падать, нужно тренироваться… А у вас есть актеры с высотобоязнью?

В. Р. Аркаша Печкин. Он очень боялся лететь на этом облаке… в «Памеле»[539] *(смех).* Привык, наверное.

Л. Я. А когда начинаются гастроли, как вы справляетесь? Трудно, например, представить, как можно «Тартюфа» перевезти[540].

В. Р. Так «Тартюфа» и не возили. «Гамлета» хотели, но не повезут. Конструкция такая, что ее сложно адаптировать, освещения много <…> На другой сцене атмосфера будет другая. Хотели, конечно. Может быть, что-нибудь Зураб Анзорович придумает[541].

Л. Я. А когда другие театры приезжают, вы помогаете?

В. Р. Редко. Ну, если когда просят. Площадки ведь почти везде одинаковые. Вызывают, когда нужно принять принципиальное решение. Например, привезли спектакль в Таганрог, а там круг другой. Пришлось отрезать задник, а потом склеивать. Жалко обрезать, но пришлось. Возили туда «Доходное место», у них круг 10 метров, а у нас – 12.

Л. Я. А неудачные работы у художника бывают?

В. Р. Бывают. Особенно, если это перевертыши, хотя меня предупреждали: никогда не делай этого. Я один раз так сделал – больше не хочу. Что такое перевертыши? Это когда из одной декорации монтировалась вторая. Вставки перевертывались с ног на голову, и к ним пристраивалось что-то другое – делался другой спектакль. Но и шли такие спектакли полсезона, потом списывались. Сказочки не все нравились. Сказки, к сожалению, нужно делать такими… их возить нужно. По лагерям. Так мы делали декорации на дежурном занавесе. Работала только авансцена. Это был год, наверное, 1992, 1993… А потом уже и обстановка изменилась, и деньги другие были.

Л. Я. Над чем сложнее, интереснее работать? Над взрослым спектаклем или детским?

В. Р. Сложно с хорошим режиссером *(смех).* Потому что он задает тон. Я ведь ничего не делаю. Придумывает все режиссер, а я уже его мысли оформляю и привожу в соответствующий порядок относительно материалов, из которых мы все это будем делать.

---

[539] «Дорогая Памела» Дж. Патрик, 2007.

[540] Декорация спектакля «Тартюф» Ж. Б. Мольера (2008) представляла собой сложную двухуровневую конструкцию: верхняя часть, имеющая значительный угол наклона, была основной площадкой действия, а из нижней части время от времени выезжала кровать с возлежащим на ней Тартюфом. В целом, читалось подобие педжента, что подчеркивало фарсовую основу 1 действия спектакля.

[541] «Гамлета» показывали в 2014 году на фестивале «Март-контакт» в Могилеве. Для выездной версии сделали специальные декорации, которые монтировали сутки. На сцене находился и зрительный зал (партер был отгорожен занавесом). Так что атмосфера Дании-тюрьмы сохранилась и в гастрольном варианте спектакля.

Л. Я. Примерно... как это бывает? Он говорит про какие-то акценты смысловые или так: «Вот тут, клетку мне подайте!»

В. Р. Он не говорит конкретно про клетку. Он говорит, *что* он придумал, *что* это должно быть. Вот должно быть такое-то пространство. Тот же «Гамлет»: потолок должен быть как мышеловка, и чтобы разные двери. Все придумывает он. Практически все. Уже потом, по ходу из него выуживаешь что-то дополнительно. Тем более, что у него мысли бегут впереди него, за ним не успеть. Он сегодня говорит одно, завтра уже придумал другое – не всегда успеваешь. А вот в итоге что-то получается, как бы находим общий интерес.

Л. Я. А стулья в «Гамлете» кто придумал?

В. Р. Стулья? Вы имеете в виду зрительские места? Мы в магазине подсмотрели. Просто нужно было. Мы 2 таких стула и стол сделали на спектакль «Сколько это стоит» и тут решили, что надо бы сделать 40 стульев. Правда, ужаснулись сами: ведь у нас ни станков, практически ничего нет.

Л. Я. Сами делали?

В. Р. Сами, конечно. Просто мы сходили в магазин, спросили цену. Нам сказали: «9.600 один стул».

Л. Я. Но мне-то они, эти стулья, вообще «Пир королей» напомнили у П. Филонова.

В. Р. Нет. Мы взяли ресторанную мебель, что-то так…

Л. Я. Но, может быть, это и хорошо, когда тебе не прямо вот так что-то навязывают, какую-то мысль, а уже потом приходит ассоциация.[542]

В. Р. Они (стулья) как раз попали. И хорошо, что мы все-таки их решили сделать. 2 месяца кропотливой работы. Как заходишь, они все перед тобой.

Л. Я. У вас и в других работах можно было встретить разные цитации: «Сколько это стоит», «Дом Бернарды Альбы». Кранах, Эль Греко…

В. Р. Это все – придумки режиссера. Просто мы уже потом решаем: как панели будут ездить, как разъезжаться. Как окно будет работать, какой цвет и все остальное. А мебель? Сами. Это уже я придумал. Технологии? Сейчас они изменились, сложнее стали. Сейчас очень много сварки, металла очень много, механизмов всевозможных. Опять же, благодаря тому, что худруку надо, чтобы

[542] Спектакль «Гамлет» У. Шекспира (2012) был поставлен на Малой сцене. Зрительские места представляли собой добротные деревянные стулья-троны.

Художественно-декорационный цех драмтеатра.
Фото 2014 года. Источник: интернет-портал cultinfo.ru

это падало, это поднималось, это исчезало. Поэтому приходится придумывать подъемники. У нас этим Сан Саныч Кулаков, завпост занимается. На нем все это. В «Гамлете» решетку пытались сделать естественно ржавой. На дождь выносили, чтобы быстрее ржавело, и соляной раствор использовали.

Л. Я. Это прямо как у А. Тарковского, для которого, если нужно, плесень выращивали.

В. Р. Перестарались мы, правда *(смех).* Сделали, а двери отличаются. Потом привели их в одно состояние. Изначально получилось по-разному. Одну обрабатывали так, а другую – иначе. Потом переделывали. Но худрук требует: «Ржавчина ему нужна… старая, ржавая».

Л. Я. А у него бывают сумасшедшие идеи? Невоплотимые?

В. Р. У него? Бывают *(смех)*, но мы все равно воплощаем. Сначала думаем: не сделать, а потом… все равно делаем. Когда делали «Макбета»[543], Зураб: «Мне нужно, чтобы стены падали». Изначально думали: не знаешь, как сделать. И все равно они стали падать…

[543] «Макбет» У. Шекспира был поставлен на Вологодской сцене в 2006 году.

Только возились с этим долго.[544] Кулаков сидит, и ему снится эта конструкция, когда уже всё достанет. И он начинает приходить и придумывать. Так же и у меня.

Л. Я. То есть, режиссер с такими сумасшедшими идеями, это даже лучше?

В. Р. Так это хорошо, да. Мы уже привыкли к нему, что у него должно что-нибудь или упасть, или уехать куда-нибудь, или откуда-то появиться. Это его фишка. Все должно двигаться! *(смех)*

Л. Я. У вас и в «Эшелоне» сложная конструкция[545].

В. Р. В «Эшелоне» падает мост. Это здесь он не падает, а на фестивале падал, как бы взрывался. В вагоне открываются все двери, опускается передняя дверь. Там не просто сложная конструкция, там огромная конструкция. Когда ее ставили, я бегал на вокзал смотреть и замерять. А время тогда было – как раз поезд под Питером взорвали, помните такое? Так я все боялся, что меня охрана арестует *(смех).* Мы как-то все вместе, но в основном, это, конечно, Сан Саныч. Мы с ним отрабатываем какие-то узлы, но, в основном, это – он. Все эти повороты, чтоб колеса поворачивались…

Л. Я. Интересно у вас получается. Это как у скульптора, который делает восковые фигуры. Там нужен и художник, и механик… А помощников у вас много? Или что-то вы любите сами делать? Мы как-то приходили к вам со студентами на экскурсию, вы что-то сами рисовали…

В. Р. У нас 2 столяра, 2 художника, одна швея. На Гамлете был 1 столяр, 1 художник. Раньше побольше было, до 5 человек доходило. Все меняется.

Л. Я. А вы со стороны свои спектакли смотрите, когда они готовы, с актерами?

В. Р. В основном я сдачи смотрю. Иногда жену вожу на премьеру, когда получается.

Л. Я. Когда спектакль получается?

В. Р. Вообще когда получается. Когда получается ее довести на премьеру *(смех)*. Дочка у меня любит ходить, когда приезжает сюда.

Л. Я. У вас семья такая театральная…

В. Р. Мама была любитель театра. Она все пыталась меня таскать, а я отказывался. Так она меня старшему брату поручала. Пару раз я ходил в филармонию с ней, жена у меня ходила. Мне

---

[544] Речь идет о мощнейшем по воздействию финале спектакля «Макбет», когда с приходом нового диктатора-властителя рушится старый мир.

[545] Спектакль «Эшелон» М. Рощина был поставлен в 2010 году, его премьера прошла на фестивале «Голоса истории».

казалось, *что* с мамой идти. Это нельзя, то нельзя: семечки нельзя, свистеть нельзя *(смеется).* Ее здесь пропускали, вахтеры все ее знали…

Л. Я. А у вас? Какое было самое сильное театральное впечатление?

В. Р. В том-то и дело, что не было. Я потому и говорил, что никогда не думал, что буду заниматься сценографией. Она все время думала, что я буду заниматься мультипликацией – я лепил очень много в детстве. А у нас где мультики? Вот так как-то все и вышло.

Л. Я. Какие критерии у вас к тому, что получился хороший спектакль?

В. Р. Не знаю. Мне так все нравится. Вот завпост у нас (речь о А. А. Кулакове – *Л. Я.*), он говорит: это уже было, это было…

Л. Я. А он любит что-то новое?

В. Р. Он вырос в театре. С 6–7 лет…

Л. Я. Не любит цитирования?

В. Р. Не знаю, я все время говорю: «Саня, скажи, что нормальный спектакль»! Нет, он говорит: «Плохо». Редко, когда «хорошо» *(смех).*

Л. Я. Имея в виду декорации, сами конструкции?

В. Р. Оформление, игру, все. «Дом Бернарды Альбы» – его любимый спектакль. Получилось что надо. На любой площадке играть можно. Мы его возили и в Питер, и в Череповец. На любой площадке хорошо смотрится.

Л. Я. А «Пиросмани»? Вот он – возимый?[546]

В. Р. Возили в Словакию. Там все придумал Зураб (З. А. Нанобашвили – *Л. Я.*)

Л. Я. На меня произвел сильное впечатление этот спектакль, запомнился еще в интерпретации Ивановского театра[547].

---

[546] Речь идет о спектаклях «Дом Бернарды Альбы» Ф. Г. Лорки (2004) и «Празднике одиночества (Пиросмани)» В. Коростылева (2011).

[547] Этот спектакль был показан на фестивале «Голоса истории» в 2001, и в том же году его создатель – режиссер З. А. Нанобашвили – был назначен художественным руководителем Вологодского драмтеатра. Пьеса и спектакль удивили тогда своим незамысловатым и нереалистичным сюжетом: суд над художником чинили не современники, не критики-профессионалы, а герои его собственных картин. Тема творческого выбора художника была представлена в разных модальностях – от едва ли не сопутствующей творчеству характеристики «высокого Одиночества», до его повседневных проявлений (нет крова, семьи, пристанища). Сюда же добавлялась и тема инаковости в силу ментального, стилистического «выпадения» из профессии. Непонимание /непризнание /неприкаянность художника в спектакле носили не бытовой характер, а вневременной. Кроме того, спектакль заполнился своей фугической формой, регистровостью мотивов. В нем гармонично сочетался выбор актеров с точностью музыкального и интонационного строя всего спектакля. Присутствовало то, что является основой психологического театра – ансамблевость.

В. Р. Мне тоже нравился это спектакль. Там все он придумал: «Тут нужна площадка пандусная. Вот тут мне нужна лестница. Это будет солнце. Давайте прорубим там дверь!» И мы только уже в размерах рассчитывали, разворачивали лестницу. Там работы художника как такового нет. Там идет только выкраска. Он нам задачу ставил полностью: вот тут должно быть черное, тут должно быть в крап, это должно быть так. Мы этот спектакль в Словакию чуть не в карманах возили *(смех)*. Побоялись самолетом. Нашу декорацию бы, конечно, не взяли. Лестницу делали упрощенную, нового жирафа (речь о репродукции картины – *Л. Я.*), уменьшенную копию. Везли картины прямо в купе. На всех разделили, а потом там и оставили…

Л. Я. Везти спектакль «в карманах» – это хорошо *(смех).* А над «Грозой» сложно было работать? И откуда родилась идея оформления в 3D формате?

В. Р. Там особой сложности не было. С картиной, конечно, пришлось повозиться, а так, все было заранее оговорено.

Л. Я. А она большая?

В. Р. Рама 4,5 на 8 метров. Когда стали делать, сварили конструкцию, сами удивлялись. Сколько весит? Килограмм 400. Да, да, это Левитан «Над вечным покоем».

Л. Я. Погоста не хватает.

В. Р. Убрали погост, растянули ее. Нам нужна была большая река. Вот и взяли ее, чтобы ничего не придумывать.

Л. Я. А кто придумал, что будет картина?

В. Р. Зурабу Анзоровичу так показалось, что нужна картина. Он-то думал, что будет обычная картина, в тоненькой рамочке. А потом она выросла в такие размеры и на себя все забрала[548]. То, что он хотел, то мы и сделали. А 3D – это уже Катя все придумала (помощник художественного руководителя по литературной части Е. Оганян – *Л. Я.*)

Л. Я. А «звучащие» декорации у вас когда-нибудь были?

В. Р. Не любит у нас Зураб Анзорович, чтобы пол скрипел. У нас сцена скрипит. Он терпеть этого не может. Она сама по себе скрипит – сделана плохо. Последний раз сделали не из того материала.

---

[548] «Гроза» А. Н. Островского, 2012. Обсуждаемая картина в спектакле выполняла не только роль интерьерной детали, но и являла, как представляется, некую режиссерскую отсылку к классике вообще – вот вы пришли в Третьяковскую галерею увидеть «Над вечным покоем» И. Левитана, или в театр на пьесу А. Островского. Вам кажется, что это все – музейное, далекое, а мы вам сейчас покажем вполне современную историю.

Раньше каждое утро уборщица из шланга поливала, чтобы доски рассыхались, не было этого скрипа. Сейчас – редко. Вообще, у нас площадка очень плохая, неровная. Менять давно надо.

Л. Я. А другие спектакли вы смотрите?

В. Р. Из наших? Я сходил в ТЮЗ, «Алые паруса» посмотрел – мне очень понравилось. Я даже немножко позавидовал этим эффектам. Как у них эти паруса опускаются, как это все придумано, неожиданно. Там открылось, тут открылось. Сам спектакль, может быть, и не очень, я замысел не очень понял – больше похоже на эстрадные номера, а декорация мне понравилась. Вот сейчас «Женитьбу» В. Фокин привозил. Саму декорацию смотрел, спектакль не видел. Нам ведь контрамарок не дают. Тем более, когда идешь с женой. Приходилось раньше и на ступеньках сидеть, а я не люблю смотреть спектакли, когда многие идут посмотреть «просто на театр». А декорацию? Ну, а как же… Мы щупаем любую декорацию, когда к нам спектакли привозят.

Л. Я. Зачем?

В. Р. Чтобы знать, как это сделано. Общения-то нет. Ездим когда сами на гастроли, я обязательно хожу по «карманам», чтобы знать, как там и что. Малый драматический театр, например, «Московский хор» привозил. Там такая сложная декорация! Очень чисто сделано.

Л. Я. Чисто? Это как?

В. Р. Когда чисто сработано. Это все еще и от монтировщиков зависит. Некоторые привозят… У нас Зураб задавил бы за такие декорации: тут не подкрашено, тут щепки отлетели, тут еще что-то. Поэтому мы и ездим с труппой на гастроли. Я обычно езжу, чтобы где-то что-то подклеить, подмазать, подкрасить, чтобы все было чисто. Зураб Анзорович очень любит культуру самой подачи декорации. Зритель, может быть, и не замечает, а мы уже привыкли, обращаем внимание на детали.

Л. Я. За творчеством каких художников вы следите? Могли бы назвать имена?

В. Р. Савин Саша, Михаил Копьев. Копьева не догнать никому.

Л. Я. Не было мысли сделать персональную выставку?

В. Р. Идеи такие были. У меня друзья в Ярославле. С 1987года не виделись, а тут списались: «Давай, говорят, приезжай. У них каждое лето пленер». Я им: «Вы, ребята, – свободные художники, а я не свободный, я завишу».

Л. Я. У вас есть график?

В. Р. Нам ставят задачу: к такому-то числу. Сейчас у нас стоит задача сделать причал к «Дон Жуану» к 1 числу. И уже перенесли на 3. Причал – там очень большой объем работы, бревна нужно тесать. С 15 актеры уходят в отпуск, а режиссеру хочется порепетировать эту сцену. Так и живем.

Л. Я. Спасибо Вам! Будем ждать премьеры!

* * *

У данного текста несколько смысловых векторов, которые оформляют границы проблемного поля будущих исследований вологодского театрального текста: творческая личность и возможности ее реализации, визуальное прочтение классики, закулисье современного спектакля, личные мотивы деятельности, творческий ландшафт современной провинции и другие. Автор данной публикации отдает себе отчет в том, что многие смысловые линии разговора могут быть уточнены с использованием дополнительных материалов, равно как и в том, что любой аналитический разбор современной театральной жизни невозможен без подобных «живых страниц», ставших вербальным свидетельством стремительно уходящего времени в его художественном измерении.

Раздел пятый

РУССКИЙ СЕВЕР В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Андрианова Лариса Сергеевна,
АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей», г. Вологда
Кашинцев Александр Юрьевич,
независимый исследователь, г. Вологда

К ВОПРОСУ О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВОЛОГЖАН В XV–XVII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ГРАНИЦАХ ВОЛОГОДСКОЙ КРЕПОСТИ[549]

В период Позднего Средневековья Вологда представляла собой довольно крупный город, раскинувшийся на 4–5 км по обоим берегам одноименной реки, застроенный преимущественно деревянными домами. В отличие от ранней истории Вологда XV–XVII вв. неплохо отражена в письменных источниках, поскольку неоднократно оказывалась в центре политической жизни Московского государства. Сохранились летописи, договорные грамоты, жития вологодских святых, переписные, писцовые, таможенные и дозорные книги, государственные и частные акты, документы приказного делопроизводства, зафиксированные свидетельства очевидцев и другие документы, отражающие политическую и экономическую историю города. Особенно много письменных источников связано с периодом правления Ивана IV Грозного, по приказу которого в Вологде были проведены грандиозные строительные работы по возведению мощных оборонительных сооружений[550]. В то же время сведения о ремесленном производстве, хозяйственной жизни и бытовом укладе вологжан встречаются значительно реже, нередко в виде общих описаний, без особых подробностей и

[549] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Вологодской области в рамках научного проекта № 18-49-350008.

[550] Кукушкин И. П. Вологодская крепость. Вологда: Древности Севера, 2018. С. 44–45.

деталей. Исключение составляют записки иностранцев, которых интересовали самые обыденные предметы, характеризующие материальную и духовную культуру вологжан.

Важнейшей частью исторического наследия города Вологды является культурный слой, сохранивший материальные остатки городской культуры. В отличие от многих русских городов в Вологде имеются значительные участки максимально информативного, влажного культурного слоя значительной мощности. Перенасыщенность грунта водой была отмечена ещё в XVII веке. В дневнике одного из поляков из свиты Марины Мнишек, пребывавшей в Вологде в 1608 году, есть несколько строк, характеризующих эту особенность города: «Поселение расположено в такой низине, что, едва заступом, раз или два, ударишь по земле, сразу появляется вода»[551]. Благодаря переувлажненному грунту, в земле сохранились бревенчатые мостовые, жилые и срубные постройки, частоколы, разнообразные предметы из органических материалов: бересты, дерева, кожи, кости. В результате охранных археологических работ, проведённых в 2007, 2008, 2011 гг. в границах крепости XVI века (крепости Ивана Грозного), были выявлены многометровые (до пяти метров) культурные напластования конца XV–XVIII вв.; получены крупные коллекции вещевого инвентаря, позволяющие расширить имеющиеся представления о материальной культуре и хозяйственной деятельности вологжан на протяжении Позднего Средневековья.[552]

К середине XVII века по числу дворов Вологда становится одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Замосковья и Поволжья. По переписи 1678 года числом дворов (1420 дворов) город уступал только Москве (4845) и Ярославлю (2236). К началу XVIII века число горожан превысило десять тысяч; среди них, по данным переписных книг, значительную часть составляли посадские люди, занимавшиеся различными промыслами, торговлей, ремеслом. В документах упоминаются около 50 специальностей: рыбники, хлебники, овчинники, дегтяри, прядильщики, серебряники, сапожники, плотники, гребенщики, но особенно многочисленными были кузнецы – в 1627 году в городе насчитывалось

---

[551] Дневник Марины Мнишек / Перевод В.Н. Козлякова. СПб., 1996. С. 115–117.

[552] Андрианова Л.С. Изучение влажного культурного слоя в границах крепости Ивана Грозного в Вологде // Русский Север-2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием. Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 234–245.

50 кузниц[553]. Археологические материалы, полученные в ходе раскопок в границах вологодской крепости, позволяют более полно изучить отдельные промыслы и ремесленные занятия вологжан на протяжении XV–XVII вв.

Интересные результаты были получены в ходе исследований трёх участков, предназначенных под строительство, в северной части крепости: раскоп 22 (пр. Победы, 20), раскоп 28 (Торговая пл, 15), раскоп 29 (Кремлёвская пл., 8а). Несмотря на относительно небольшую вскрытую площадь – 846 кв. м, удалось собрать значительную по размерам и разнообразию коллекцию находок, которая включает в себя около 4 тыс. артефактов. Впервые были выявлены хорошо сохранившиеся во влажном культурном слое деревянные конструкции: открытая дренажная система поверхностного типа конца XV–начала XVI вв. (раскоп 29); дворы-усадьбы XV–XVI вв. с хозяйственными и жилыми постройками, настилами, частоколами (раскоп 22); обнесённая частоколом городская усадьба XVII века (раскоп 28). Значительная часть предметов, обнаруженных в нижних культурных напластованиях, была связана с рыбным промыслом: рыболовные крючки, железная блесна, деревянные и берестяные поплавки, тяжёлые каменные и облегчённые керамические грузила для ставных и волоковых сетей, ботало (рогулька) для вспугивания рыбы. Большая часть находок крючных снастей и сетевой оснастки найдена в раскопе № 28, расположенном ближе остальных к реке[554]. Анализ костных остатков и чешуи рыб показал, что основным объектом рыбного промысла были щуки, карповые и другие виды рыб, обитавшие в р. Вологде[555]. По всей видимости, основным занятием людей, первыми освоивших данную местность, было речное рыболовство.

Несколько находок сельскохозяйственные орудий – деревянные вилы (рис. 4: 12), грабли, землеройные лопаты (рис. 4: 11), витень, косы-горбуши, серп (рис. 2: 18) говорят о том, что горожане достаточно долго сохраняли связь с землей. В писцовых книгах

---

[553] Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2006. С. 60.

[554] Андрианова Л.С. К вопросу о речном рыболовстве в позднесредневековой Вологде (по материалам раскопок в границах города-крепости XVI века // Археология Севера: Материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 8. Череповец, 2020 (в печати).

[555] Андрианова Л.С., Гимранов Д.О., Девяшин М.М., Яшина О.В. Исследование фаунистических остатков из раскопок на Кремлёвской площади г. Вологды в 2011 году. // Вестник ВоГУ. Вып. 1/16 (серия: исторические и филологические науки). Вологда, 2020.

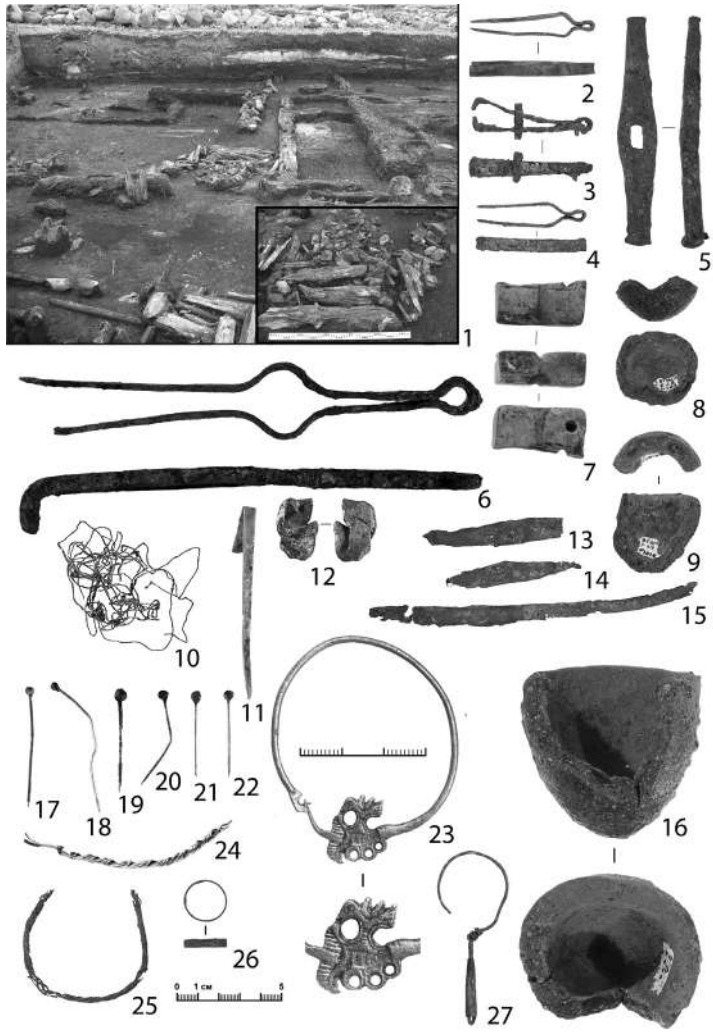

Рис. 1. *Находки, связанные с ювелирным производством: 1 – развал кирпичной печи, используемой в ювелирном деле; 2–9 – инструмент; 10–15 – материал, выплески и отходы производства; 17–27 – готовые ювелирные изделия (2–4 – пинцеты; 5 – ювелирный молоточек; 6 – щипцы для тиглей; 7 – фрагмент каменной литейной формочки; 8–9, 16 – фрагменты тиглей; 10 – моток медной проволоки; 11, 13–15 – обрезки медных и бронзовых пластин; 12 – выплеск бронзовый; 17–22 – булавки «пус йеппи»; 23 – височное кольцо; 24–25 – плетеные браслеты; 26 – кольцо; 27 – серьга)*

постоянно встречаются указания на огородные и косебные места, например: *«Огород косебной торгового иноземца Ивана Гоутмана в межах подле двора Антона Каргина в длину 84 сажени с полуаршином, поперег по лицу 150 сажен»* или *«Место дворовое и огородное посадского человека Ивана Никулина сына Мылника в длину 51 сажен с полуаршином, поперег 15 сажен»*. При этом под огород могла отводиться большая часть городского земельного участка: *«Двор посацкой вдовы Федоры Андреевой… в длину 17 сажен, а за двором огород в длину 57 сажен»*[556].

На раскопанных участках удалось зафиксировать следы различных производств, связанных с кузнечным, деревообрабатывающим, косторезным, ювелирным и кожевенным ремёслами. Одним из главных критериев выделения той или иной деятельности и ее интерпретации было существование производственных объектов, а также преобладание в слоях находок (как индивидуальных, так и массовых), прямо или косвенно указывающих на соответствующую деятельность. В раскопе 28 насчитывается свыше ста вещей, связанных с различными видами ремесла: разнообразные орудия труда, приспособления, заготовки, бракованные изделия, отходы производственной деятельности; чуть меньше в раскопах 29 и 22. Эти находки ярко характеризуют существовавшие на территории Вологды различные виды ремесленных производств, дают представление об особенностях организации производственного процесса.

В ходе раскопок обнаружено большое количество (603 экз.) разнообразных изделий из железа: ножи, топоры, гвозди, ключи, замки, дверные запоры, светцы, обувные подковки, рабочие инструменты, предметы вооружения и многое др. (рис. 2: 3–18), но данных для выделения кузнечного производства на исследованной территории пока недостаточно. Помимо кузнечного шлака и нескольких крупных криц (рис. 2: 1–2) полноценных свидетельств функционирования кузниц в раскопах не обнаружено. Вероятно, кузнечное производство как наиболее опасное в плане возникновения пожаров было вынесено на край, или за пределы городской застройки. Следы кузнечной обработки железа были прослежены на периферии Вологодского городища (раскоп 27). В небольшой яме было найдено скопление камней, кузнечных шлаков, слой прокала и множество тонких металлических пластинок – окалины,

[556] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 2. М., 2008. С. 50.

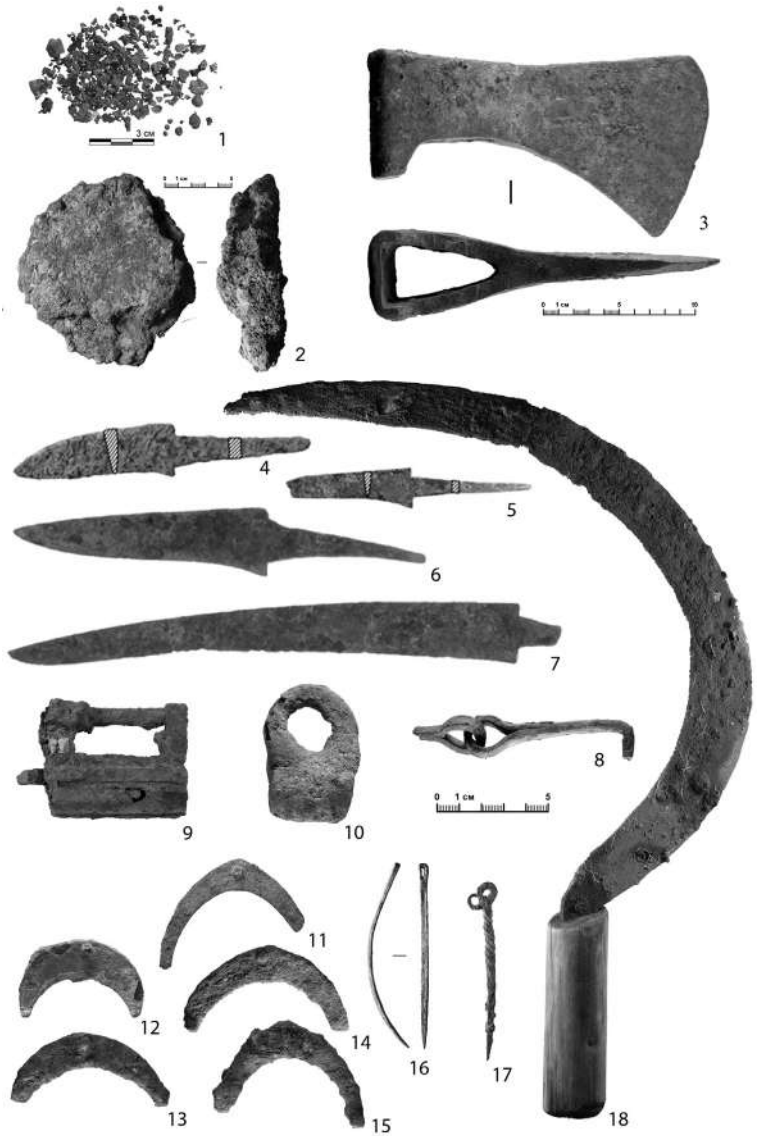

Рис. 2. *Находки, связанные с кузнечным производством: 1–2 – шлак; 3 – топор; 4–18 – готовые кузнечные изделия (1 – кузнечный шлак (окалина); 2 – крица; 3 – топор; 4–7 – ножи; 8 – дверной запор; 9–10 – замки; 11–15 – обувные подковки; 16 – сапожная игла; 17 – булавка для кудели; 18 – серп*

образующейся в процессе ковки металла; рядом находились три крицы, вероятно, запасенные для изготовления железных изделий. Изученный объект был интерпретирован, как нижняя часть кузнечного горна[557].

С ювелирным производством, по всей видимости, связан развал кирпичной печи, примыкающей к южной стене деревянной постройки (сруб жилого дома), выявленный в слое XVI века (раскоп 28) (рис. 1: 1). Вокруг печи найдено множество характерных предметов: обломок каменной литейной формочки, фрагменты тиглей, обрезки медных и бронзовых пластинок, моток медной проволоки, выплески металла, отходы производства (рис. 1: 10–15), а также инструментарий– ювелирный молоточек, разнообразные по форме пинцеты, клещи пружинного типа, предназначенные для извлечения тиглей (рис 1: 2–6); еще семь обломков тиглей найдено в раскопе 29. Предметы, связанные с ювелирным производством, обнаружены преимущественно в раскопе 28; готовые изделия (рис. 1: 17–27), отдельные пластинки и проволочки из цветных металлов найдены в каждом раскопе. Ювелирное производство, по всей видимости, не было вынесено в отдельный производственный район, как, например, кузнечное, а осуществлялось непосредственно в доме мастера, где одновременно располагалась и мастерская.

Среди изделий ювелирного ремесла стоит особо отметить женские украшения: фрагменты двух плетёных браслетов (рис. 1: 24, 25), один из которых сохранился практически полностью (утрачены концы); браслет изготовлен из семи тонких проволочек, образующих довольно сложный переплёт. В Новгороде подобные украшения встречаются в слоях XIII–XV вв. Единственная серьга (рис. 1: 27) относится к типу «серьги в виде вопросительного знака»; сделана из изогнутого проволочного стержня, на конце которого была бусина (не сохранилась). В Новгороде такие серьги получили наибольшее распространение в XIV веке, на других памятниках они встречаются и позднее, в XV веке[558].

В значительном количестве (31 экз.) встречены «пус йеппи» – тонкие булавки с округлыми головками, изготовленные из золотистого сплава (рис. 1: 17–22), хорошо известные среди поволжских древностей XIV–XVII вв. Подобные изделия найдены во многих

---

[557] Васильева Н. Б. Отчет об охранных археологических раскопках на территории г. Вологды (ул. Бурмагиных, 37) в 2010 году. Архив АУК ВО «Вологдареставрация». ВГД-10. НИР. Оп. 3, № 422.

[558] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва: Наука, 1981. С. 16–17.

Рис. 3. *Находки изделий из кости (продукция косторезного ремесла): 1 – конёк; 2, 6–7 – отходы производства пуговиц; 3–4 – резная насадка (?); 5, 15 – накладки; 8–9 – обоймицы ножей; 10–11 – кресты-тельники; 12 – пуговица; 13 – подвеска на кожаном ремешке (амулет); 14 – фрагмент гребня; 16 – стрела; 17–18 – иглы; 19–20 – брунчалки; 21 – кость для игры в бабки*

русских городах, в основном в слоях XIV–XV вв.; в Москве и Новгороде обнаружены литейные формы для отливки этих булавок[559]. По материалам раскопок можно говорить о бытовании вологодских «пус йеппи» на протяжении XVI – первой половины XVII вв.

Наиболее яркое изделие среди женских украшений – крупное кольцо из золотистого сплава (рис. 1: 23), найденное в ходе механизированной выборки верхних отложений в переотложенной части культурного слоя. Изделие округлой формы, длина окружности примерно 15 см, размер в поперечнике 4,4–4,8 см, имеет разомкнутые концы, на которых оформлен крючок для застегивания. Типологически украшение можно определить, как височное кольцо с фигурной лопастью, которые, по мнению Л. А. Голубевой, являются локальным весским типом височных украшений, а их щитки напоминают рогатую голову лося с раскрытой пастью[560]. С. Д. Захаровым были собраны сведения о 16 находках височных колец с фигурной лопастью, в том числе девять экземпляров, обнаруженных в древнерусском городе Белоозеро; все датированные кольца относятся к XI–XIV векам[561]. Ещё четыре аналогичных кольца выявлены в комплексах XV века: в погребении № 30 Тиуновского могильника[562], в г. Плёсе и Гавердовском кладе (Рязанская обл.). Лопасти на более ранних височных кольцах отдаленно напоминают голову зверя с раскрытой пастью («голова лося»), поздние имеют четкое изображение птички с поднятой головой[563]. Вологодское височное кольцо имеет фигурную лопасть 3,1×2,3 см с изображением птички со слегка опущенной головой и четко проработанными деталями: клюв, глаз, хвостовое оперение. В нижней части основания имеется небольшой выступ с тремя круглыми отверстиями, возможно, для подвесок. Форма и стилистическое оформление фигурной лопасти близко псковской находке, обнаруженной в слое XV века – створке каменной литейной формы для

---

[559] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва: Наука, 1981. С. 158.

[560] Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. Москва: Наука, 1974. С. 46.

[561] Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. Москва: изд-во Индрик, 2004. С. 170.

[562] Никитинский И. Ф. Тиуновское святилище – школа кокшаров XV века. Вологда: Древности Севера, 2007. С. 16, илл. 9: 7.

[563] Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В. Одежные булавки или височные кольца? Украшения XVI века из Твери //Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. Липецк, 2006. С. 365.

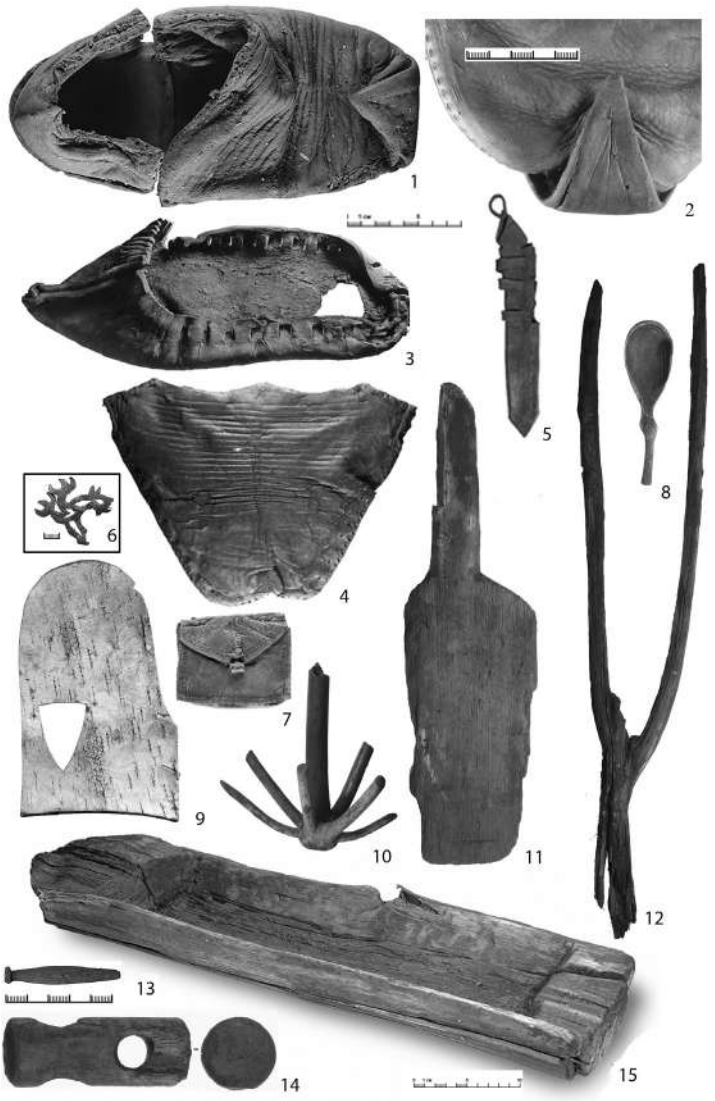

Рис. 4. *Находки изделий из кожи и дерева: 1 – сапог (нижняя часть); 2 – носок подошвы с клеймом; 3 – поршень; 4 – деталь сапога (головка с тиснением); 5 – ножны; 6 – нашивка; 7 – футляр для гребешка; 8 – ложка; 9 – лекало; 10 – мутовка; 11 – лопата землеройная; 12 – вилы; 13 – поплавок для удочки; 14 – траверс; 15 – корыто долблёное; 1–7 – кожа; 9 – береста; 8, 10–16 – дерево*

отливки височных колец с птичкой[564]. По имеющимся аналогиям украшение можно датировать XIV–XV вв. и связать с деревянными постройками нижнего строительного горизонта конца XV– начала XVI вв.

Свидетельств наличия в XV–XVII вв. на территории города ремесленных мастерских по изготовлению кожаных изделий, прежде всего обуви, достаточно. В ходе городских раскопок регулярно встречались скопления обрезков кожи, реже сапожные инструменты, изредка обувные колодки и берестяные лекала, но специализированной кожевенной мастерской пока не выявлено. Не стали исключением и раскопы 22, 28 и 29. В нижних строительных горизонтах было найдено значительное количество кожаных изделий: поршни, сапоги, мягкие детальнокроенные туфли, опорки, разрозненные детали обуви, ножны футляры, рукавицы, нашивки, шнурки (рис. 4: 1–7), в раскопе 28 зафиксировано крупное скопление кожаных обрезков. Обнаружено несколько характерных для сапожного ремесла инструментов: изогнутая сапожная игла (рис. 2: 16), колодка для обуви (?) (раскоп 22), а также лекало для выкройки рукавицы (рис. 4: 9). Обнаруженный материал скорее указывает на домашний характер обувного производства в виде мелкого ремонта (укрепление подошв дополнительными подмётками, накладывание заплаток, стягивание разрезов, изготовление простейших поршней из голенищ). Подробный анализ вологодской кожаной обуви уже сделан[565], хочется лишь ещё раз отметить некоторые особенности её изготовления. Обувь XV – первой половины XVI века, хотя и шилась по московской моде (удлинённый носок подошвы, вшитый в головку), но имела характерную деталь – наличие специфического «клейма» в виде двух или трёх сходящихся линий (угол или трилистник), нанесенных горячим металлическим стержнем на загнутый носок подошвы (рис. 4: 2). Подобный технологический приём делал носок более прочным, не давал ему расслаиваться, а кроме того, придавал сапогам

---

[564] Королева Э.В., Харлашов Б.Н. К вопросу о дворах в средневековом Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 96; рис. 9: 4.

[565] Андрианова Л.С. Коллекция кожаных изделий XV–XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. на проспекте Победы, 20) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. С-Пб, Москва – Великий Новгород, 2011. С. 210–211. Андрианова Л.С., Фёдоров А.С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 4. Череповец, 2012. С. 82–91.

дополнительный изыск и местный колорит. Ещё один интересный момент связан с клеймением обуви, которое обычно объясняют желанием конкретного мастера выделить свою продукцию на общем фоне. Принято считать, что все подошвы с клеймами появляются не ранее середины XVII века, причём, все клейма зафиксированы только на подошвах с «крокулем», на моделях с наборным каблуком[566]. В раскопе 22, в слое первой половины XVI века обнаружена характерная для этого времени подошва с удлиненным носком, на плантарную часть которой нанесено копьевидное клеймо; идентичный экземпляр был найден в Москве в слое XVII вв.[567]

Говоря о косторезном производстве, стоит вспомнить слова археолога А. В. Никитина, который по итогам работ на Вологодском городище (древнейшей части города) пришёл к выводу, что «изделия из кости, как и подавляющее большинство другой продукции ремесла, не отличались высоким мастерством, что является в какой-то мере свидетельством обслуживания потребностей местного рынка»[568]. Подобное мнение не лишено оснований: изделий из кости встречается немного, они не отличаются особым разнообразием, уровень обработки кости невысок, что подтвердили и последующие исследования. В каждом из раскопов собраны небольшие коллекции изделий из кости, в общей сложности – 185 экз. Основную часть находок составили гребни, накладки, навершия, рукояти и обоймицы ножей, кочедыки, детские игрушки (бабки, брунчалки, коньки) (рис. 3). Единичными находками представлены крест, стрела, иглы (рис. 3: 11, 16–18). Среди отходов косторезного производства преобладают отпиленные эпифизы костей и костяные пластины с круглыми отверстиями, связанные с производством пуговиц (рис. 3: 6, 7, 12). Изучение видового сырья показало, что для изготовления гребней гребенщики брали рог лося, из кости лося сделан детский конёк, для остальных изделий использованы кости свиньи, барана и коровы.[569]

Одним из ведущих занятий вологжан была обработка дерева, что, несомненно, связано с высокой распространенностью

---

[566] Осипов Д. О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. Москва, 2006. С. 73–75.

[567] Там же. С. 74, илл. 293.

[568] Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Книжное изд-во, 1961. С. 23.

[569] Васильева Н. Б. Костяные и роговые изделия позднесредневековой Вологды (по материалам раскопок в исторической части города в 2007–2008 гг.) // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 4.– Череповец, 2012. С. 94–95.

дерева как основного строительного материала. Не случайно деревообрабатывающие инструменты, применяемые в строительстве – топоры, скобели, пилы – обычно присутствуют во всех раскопах на территории города. Тема деревообрабатывающего производства обширна и требует отдельного рассмотрения с привлечением данных о многочисленных деревянных изделиях и сооружениях, сохранившихся во влажном культурном слое, поэтому отметим пока только наиболее интересные находки. В раскопе 22 найден рабочий топор XVI века отличной сохранности (рис. 2: 3) и чекмарь с клиньями для изготовления тесовых досок; в раскопе 29 топор с топорищем XVII века и скобель по дереву, в раскопе 28 – один целый и фрагменты еще двух топоров. Пока можно отметить, что находки специализированного инвентаря для обработки дерева – ножи и стамески (рис. 2: 4–7), а также заготовки и незаконченные вещи, отбракованные в процессе изготовления, позволяют говорить, что большинство деревянных вещей бытового пользования производилось городскими жителями самостоятельно, непосредственно на месте. Речь идет о вещах, для изготовления которых не требовалось специальных навыков (затычки для бочек, мутовки, поплавки, ложки, лопаточки-мешалки, веретёна, детские игрушки и пр.) (рис. 4: 8–15).

Таким образом, археологические материалы, полученные в ходе изучения относительно небольшой площади, подтверждают письменные данные о Вологде как городе с развитым ремесленным производством. Пока еще рано говорить, как использовалась произведенная продукция – для внутреннего потребления или часть ее распространялась по округе; зависело ли местное производство от внешних поставок сырья или хватало собственного; где были сконцентрированы производственные площади и многое другое. Серьезные исследования позднесредневекового ремесленного производства в Вологде начались сравнительно недавно и требуют дальнейших историко-архивных, просопографических и археологических изысканий, в том числе раскопок широкими площадями в исторической части города.

Сальникова Ирина Владимировна,
Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
Полоцкая Ольга Владимировна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЛАСТИКИ В СИБИРИ

Введение. В последнее десятилетие растет количество публикаций, посвященных анализу коллекций православной пластики, найденных в результате исследования некрополей русских поселений на территории Сибири[570].

[570] Аношко О.М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технология.– Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 259–267; Балюнов И.В. Частная коллекция нательных крестов, собранная в городе Тобольске и его окрестностях // Культура русских в археологических исследованиях.– Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014.– Т. I.– С. 200–203; Боброва А.И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях.– Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магелан, 2014.– Т. I.– С. 215–219; Бердников И.М. Нательные кресты, иконки и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (Иркутск) // Известия Иркут. гос. ун-та.– Серия Геохронология. Этнология. Антрополия.– 2012.– № 1 (1).– С. 138–165; Бердников И.М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Археология, этнография и антропология Евразии.– 2012.– № 3 (47).– С. 164–178; Воробьева Е.Е., Иванова Ю.Н. Нательные кресты царевококшайских некрополей (к вопросу систематизации). // Поволжская археология.– 2013.– № 2 (4).– С. 291–298; Данилов П.Г. Некрополи XVII–XVIII веков в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в археологических исследованиях.– Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магелан, 2014.– Т. II.– С. 19–23; Зайцева Е.В., Кенинг А.В. Погребальная обрядность русского старожильческого населения нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинского) // Культура русских в археологических исследованиях.– Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магеллан 2014.– Т. I.– С. 23–27; Кирьянов Н.С. Опыт классификации нательных крестов XIX века в Верхоянском районе Республики Саха Якутия // Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое сообщество. Наука. Наследие. Общество: Мат-лы II Всерос. научно-практической конф. с междунар. участием (г. Улан-Уде, 6–11 сентября 2019).– Улан-Уде: Изд-во БЦН СО РАН, 2019.– С. 88–91; Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами некрополя г. Иркутска // Вестн. Омского ун-та.– 2012.– № 4.– С. 222–226; Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога.– Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007.– 248 с; Молодин В.И. Очерки по ставрографии / Красноярск гос. пед. ун-т.– Красноярск, 2010.– 172 с; Перевозчикова С.А., Перевозчиков С.Е., Пастушенко И.Ю. Гольяновское кладбище – памятник нового времени в среднем Прикамье // Культура русских в археологических исследованиях.– Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014.– Т. II.– С. 40–47; Сизев А.С. Ермоленко Л.Н, Соловьев А.И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестник Кемеровского университета – № 2. С. 50–59; Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекции археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестн. Омского ун-та. Серия Исторические науки.– 2018.– № 1(17).– С. 220–231; Татурова Л.В., Кромм И.Д. К вопросу о типологии крестов – тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний.– Томск: Изд-во Агро-Пресс, 2010. С. 284–285; Хохоровски Я. Православные нательные кресты из поморских захоронений Южного Шпицбергена (по результатам польских археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011.– С. 391–415; Ширин Ю.В. Погребальный обряд кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии.– Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 416–418.

Наибольший интерес представляют предметы личного благочестия – нательные кресты. Исследователи отмечают их как неоценимый источник по реконструкции духовной культуры русского населения, которое, начиная с XVI века, активно осваивало территорию Сибири и Дальнего Востока.

Анализ коллекции православной пластики собрания Тотемского музейного объединения показал, что многие оригинальные формы нательных крестов и сюжеты медно-литой православной пластики повторяются в коллекциях, обнаруженных на территории Сибири. Цель статьи – на основе синтеза и анализа фактологических предметных и документальных источников проследить географические истоки русского заселения Сибири.

Материалы и методы исследования

Источниками для исследования послужили и документальные источники, почерпнутые из литературы, посвященной путям заселения Сибири, и предметный ряд – собрания музеев.

Историю заселения Сибири русскими следует начинать с XVI–XVII веков. Этот длительный процесс шел различными путями. Историки выделяют этапы народной торгово-промышленной колонизации, преимущественно из Поморья, и военно-государственной колонизации, в которой государству принадлежит доминирующая роль. В последнем случае к потоку черносошного крестьянства с Русского Севера с конца XVII столетия присоединяются группы из Поволжья, Западной и Южной России. Города и остроги, в том числе – Томск, основывались по указу царя.

Практиковались и целенаправленные переселения землепашцев. Государство перемещало в Сибирь группы пашенных крестьян, выдавая им денежные суммы на обзаведение. Исследователи Д. Я. Резун и М. В. Шиловский указывают, что среди мигрантов надо выделять две большие группы. Первые – переселенные «по указу», то есть по отбору местной администрацией для переселения вместе семьями. Вторые – «по прибору», то есть по вербовке добровольцев, желающих переселиться при условии, что общество[571] и администрация их отпускают. И в том, и в другом случае переселенцам полагалась выплата денежной или натуральной (инвентарем, рабочим скотом) помощи, освобождение от налогов

[571] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов.– Новосибирск, 2005.– С. 196.

на несколько лет. Размер помощи колебался от 25 до 135 рублей. Возвращению она не подлежала. Государство, организовывая переселение в Сибирь, содействовало не только в обустройстве пашен и хозяйств, но всего быта, вплоть до высылки поселенцам «женок» для создания семей.

Вот один пример подобной практики. Пашенные крестьяне Кузнецкого уезда обращались к царю: «Все мы людишки одинокие и холостые как государь с твоей государственной пашни придем хлеб печем и есть варим и толчем и мелем сами. Опочиву нет ни на один час. А кабы государь у нас сирот твоих женушки были мы хотя бы избные работы не знали… И вели нам государь прислати гулящих женочек на ком жениться».

И власти вникали, и с помощью административного ресурса пытались решить эту проблему. Как это выглядело на практике, можно судить по грамоте царя Михаила Федоровича верхотурскому воеводе М. Плещееву (1630 г.): «…Велено на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом и в Соли Вычегодской прибрати из вольных и гулящих людей в Сибирь, в Тобольск 500 человек казаков, да в тех же городах в Сибирь же, в Енисейский острог велено прибрать служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу 150 человек женок и девок». Всем «организованным» переселенцам выдавалось жалование, «подорожные» и отправляли их на государевых подводах из города в город, «не задержав ни часу».

В результате деятельности государства на этом направлении в конце 17 столетия было создано самостоятельное сословие сибирского крестьянства. В 1699 году численность государственных крестьян в регионе определялась в 9428 дворов, а в 1719 году – 105230 душ мужского пола. В 1699 году месте с дворовыми и крепостными людьми это составило 40,8% от податного населения Сибири, а в 1719 году – 63,8% от всего населения региона. Примерно таким же образом шло формирование посадского населения региона: в 1699 г. – 2521 двор (19,5% от податного населения) и в 1719 году – 13146 душ мужского пола (13,1% от всего населения Сибири).

Кроме государственной политики, целенаправленной на переселение в Сибирь пашенного крестьянства, был еще один поток переселенцев. «В конце XVII в. после указа царевны Софьи 1684 г., грозившего упорствующим в расколе сожжением на костре, пошла значительная раскольничья иммиграция в Сибирь, особенно из северного края. В промежутке времени между 1686 и 1708 гг. из 71 тысячи дворов, числившихся по переписным книгам, в Помор-

ских городах и их уездах убыло около двух третей. Раскольники бежали из северного края либо на Дон, либо в Сибирь, но большей частью – в Сибирь»[572].

Таким образом, большей частью население Сибири пришло с Русского Севера, о чем свидетельствуют исследования Мамсик Т. С.[573] Анализируя миграционные пути в Приобье по данным ономастики, она приводит ряд фамилий, предки которых пришли в Сибирь из Холмогор, Соли Вычегодской, Устюга. Та же картина наблюдается и в первых городах Западной Сибири – городе Томске. В главе «География предков Чаусцев» автор использует источник «Разборный список служилых людей г. Томска 1680 г.», где упомянуты биографические сведения о родопроисхождении 800 человек, 470 фамилий ранних военных колонистов Сибири[574]. По свидетельству автора, большинство служивых томичей пришли с территории Русского Севера. Для 20 фамилий родиной оказался Устюг Великий, для 14 – г. Яренск, далее Холмогоры, Каргаполье, Белозерье, Вятка, Новгород, Соли - Камск.

Второй документ, который является источником по географии миграционных потоков в Сибирь, это Именной список томских конных и пеших казаков. Выборка из него опубликована в статье Фурсовой Е. Ф.: «согласно этому списку встречались «москвичи» (57 чел.), «устюжане» (51 чел.), «вычегжане» (22 чел.), «новгородцы» (11 чел.), «колмогорцы» (14 чел.), «вакжане» (8 чел.), выходцы из Соли-Камской (21 чел.), «тотьмины» (4 чел.). Из данного списка тоже видно, что подавляющее число первых колонистов были выходцы из Русского Севера.[575]

Исходя из перечисленных источников, можно сделать однозначный вывод о том, что большая часть потока первых русских колонистов происходила из Русского Севера, и в Сибири сформировался стойкий северорусский компонент в культуре старожильческого населения. Здесь сохранялись этнокультурные и духовные

---

[572] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией // ВикиЧтение [электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.wikireading.ru/267856. Дата обращения: 10.01.2020.

[573] Мамсик Т. С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья (по материалам XVII – середины XIX вв.) – Новосибирск, 2012. С. 73–90.

[574] Мамсик Т. С. Чаусское Приобье.: население и хозяйство. Опыт ретроспекций по материалам XVIII–XIX вв.– Новосибирск, 2009. С. 47.

[575] Фурсова Е. Ф. Крестьяне-старожилы и переселенцы Юга Западной Сибири: севернорусский компонент в традиционной культуре (конец XIX – первая четверть XX века) // Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века).– Новосибирск, 2014. С. 99.

традиции, характерные для населения Русского Севера. Основой духовного сознания населения было православие, о чем свидетельствует традиционная архитектура сибирских деревянных храмов, повторяющие шатровые храмы Русского Севера; как пример – Церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска, которая находится на территории Музея под открытым небом Института Археологии и Этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН). Кроме этого, подтверждается устойчивыми календарно-обрядовыми праздниками, которые зафиксированы этнографами в сибирских поселениях[576], коллекциями культовых предметов, используемых в религиозной практике.

Раскрывая последний тезис, необходимо подробнее остановиться на анализе культовых предметов в собраниях Тотемского музейного объединения и сибирских музеев, в частности Красноярского краеведческого и Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Коллекция православной пластики в Тотьме немногочисленна, но ценна тем, что здесь представлены наиболее архаичные по форме нательные кресты и иконы; важен факт, что многие изделия попали в фонды в результате археологических раскопок в 1924–1926 гг., зафиксированы места их нахождения.

Крест нательный ТМО-5570, инвентарный номер М-849 и крест № 5603. Они одинаковы по форме, поэтому мы даем авторское описание первого креста. Описание: крест ажурный, четырехконечный, в средокрестии изображён рельефный восьмиконечный крест, под которым в рамке нанесена надпись: «НИКА». Периметр креста окаймлен дугами, которые соединяются рельефными шариками, орнаментирован по всей поверхности рельефными завитками. Оборотная сторона гладкая. Размеры**:** 7,2×5,6 см. Место сбора**:** Заборская волость. Дата – VIII в. Второй крест поступил в 1926 году из Спасо-Суморина монастыря.

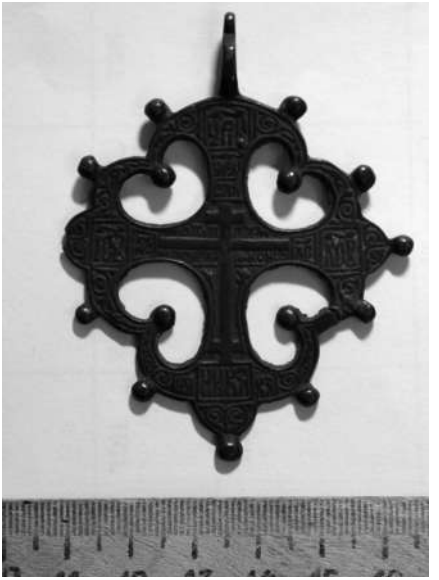
Аналогичный крест опубликован в сводном каталоге Приенисейского района[577] и входит в состав коллекции Красноярского краеведческого музея. «Крест четырехконечный, с дугами у средокрестия, с концами в форме трилистника, дугообразно изогнутые

---

[576] Черных А. В. Народный календарь в Прикамье: локальные традиции и этнокультурные взаимодействия // Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XIX века).– Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 43–55.

[577] Исаева Н. Н. Русское медное художественное литье XVI–XX вв. Приенисейский сводный каталог.– Красноярск: Изд-во ИНОПРОФ, 1996. С. 342.

боковые лепестки трилистников соединяются между собой литыми шариками, расположенными с внутренней стороны проемов средокрестия. Подобные шарики размещены также на концах креста. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест на Голгофе, видны надписи «НИКА» Дата XVII–XVIII вв. Автор каталога относит данный тип к категории 55 «Крест нательный звездообразный».[578]

Крест нательный. ТМО-5570 М-849

Следующие предметы из коллекции МБУК «Тотемское музейное объединение»: крест ТМО-5524, инвентарный номер М-857 Время и место поступления – 1921 г. из Тотемской политехнической школы, Тотемский уезд, Кокшеньга и крест аналогичной формы № ТМО-9978, инвентарный номер М-858. Время поступления – 1948 год, найден на месте старого кладбища Тотемской Успенской церкви. Описание: старообрядческий медный нательный крестик двухсторонний, четырёхконечный, увенчанный округлой петелькой для подвешивания. От средокрестия креста отходят четыре диагональных луча, на концах которых расположены мелкие шарики. Линии вписаны в окружность. В центре креста нанесено рельефное изображение восьмиконечного креста. Обратная сторона крестика украшена растительным орнаментом.

Подобные кресты достаточно часто встречаются на территории Сибири на погостах поселений русских. Сибирские исследователи используют классификацию, предложенную академиком Молодиным В. И., разработанную на основе анализа коллекции Илимского острога[579]. Он относит кресты данного вида к 4 типу, отмечая, что

---

[578] Исаева Н. Н. Русское медное художественное литье XVI–XX вв. Приенисейский сводный каталог.– Красноярск: Изд-во ИНОПРОФ, 1996. Табл. 4, рис. 10, описание. С. 51.

[579] Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога.– Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007.– 248 с.

Крест нательный.
ТМО-9978 М-857

Крест нательный.
ИАЭТ № 112

изделия данного типа имеют средокрестие, обрамленное кругом, украшенное шариками либо лучами, и от средокрестия тоже могут исходить лучи. Этот вид крестов-тельников имеет достаточно широкое распространение от Урала до Восточной Сибири. Они зафиксированы в поселении Кулаково III в Кемеровской области[580], на памятниках Изюк I, Ананьино I, в Омской области[581], в г. Иркутске[582], в могильниках Путяка и Волковский, расположенных в Томской области[583], в Илимском Остроге[584], на Кривоще-

---

[580] Сизев А.С., Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестник Кемеровского университета – № 2.– С. 50–59.

[581] Боброва А.И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях.– Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магелан, 2014.– Т. I. – С. 215–219.

[582] Бердников И.М. Нательные кресты, иконки и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (Иркутск) // Известия Иркут. гос. ун-та.– Серия Геохронология. Этнология. Антрополия.– 2012.– № 1 (1).– С. 138–165.

[583] Татурова Л.В., Кромм И.Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири. // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний.– Томск: Изд-во Агро-Пресс, 2010. С. 284–285.

[584] Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога.– Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. С. 48.

кинском погосте – современной территории города Новосибирска, раскопки 2018 года[585].

Нательный крест был неотъемлемым атрибутом каждого православного человека. Но именно в Сибири продолжалась традиция изготовления и использования в религиозной практике еще одного вида художественного православного литья – напрестольных крестов и наперсных, икон и складней. Напрестольные кресты отличаются тем, что в оглавии помещен образ Бога Саваофа, Святой дух в виде голубя, верхняя кромка украшена фигурками херувимов. Сюжеты икон аналогичны иконам на Русском Севере. Это изводы Богоматери; иконы Николай Чудотворец; иконы, посвященные двунадесятому циклу. Сохранены древние каноны, о чем свидетельствуют предметы православной литой пластики в собраниях Тотемского музея, Музея истории и культуры Сибири и Дальнего Востока, Института археологии и этнографии. «Необходимо отметить, что собрание института уникально и заслуживает особого внимания. Большая часть предметов привезена из мест компактного проживания старообрядцев. По месту

Икона Николай Чудотворец. ТМО - 39554

Икона Николай Чудотворец. ИАЭТ № 524

[585] Сальникова И.В. Нательные кресты Кривощековского некрополя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, С. 574–583.

комплектования коллекция распадается на две неравные группы. Значительную группу, около 30 единиц, составляют предметы, приобретенные в 1976 году в результате комплексной археографической экспедиции в Томскую область, поселок Майский. По свидетельству руководителя экспедиции, доктора филологических наук Е. И. Дергачевой-Скоп, в этом районе проживали представители филипповского толка – одной из ветвей беспоповского согласия, отличающиеся закрытостью и строгой приверженностью к традициям Святой Соборной и Апостольской Церкви. Известно, что филипповцы вышли из Выговской общины поморцев. Вторая часть предметов привезена из мест проживания семейских старообрядцев Забайкалья доктором исторических наук Болоневым Ф. Ф. в 70–80-е годы XX в.»[586] Примером может служит любимый сибиряками образ Николая Чудотворца, запечатленный в иконе, из собрания музея Института археологии и этнографии СО РАН и тот же образ святого в той же иконографической манере в коллекции Тотемского музея.

Выводы. Таким образом, синтез двух видов источников – документальных и фактических дает все основания для вывода о том, что в Сибири сложились устойчивые духовные традиции, что доказано многочисленными и разнообразными коллекциями нательных крестов, обнаруженных в памятниках нового времени в последнее десятилетие. Форма крестов, эпиграфические данные – титлы и надписи – свидетельствуют о том, что большая часть населения Сибири либо относилась к старообрядцам, либо использовала старообрядческие кресты с титлами ЦРЬ (Царь), СВЫ (Славы). Использование подобных крестов характерно для старожилов Сибири – старообрядцев. Вполне вероятно, что при нехватке изделий личного благочестия кресты с традиционными титлами могли быть использованы в качестве модели, поэтому их размеры возрастают по сравнению с аналогичными предметами из Центральной России. Косвенным подтверждением этого могут служить формы для отливки крестов четвертого типа, опубликованные в каталоге Российского этнографического музея[587]. Они происходят из Архангельского Погоста Онежской губернии

[586] Сальникова И. В. Коллекция меднолитых икон (собрания Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока). // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 405–407.

[587] Островский А. Б., Федоров Ю. А. Русский православный крест в собрании Российского Этнографического музея.– СПб, Арт – Паллас, 2007. С. 348.

и приобретены у Ф. А. Каликина, известного собирателя старообрядческой православной пластики. Следовательно, априорно этот тип крестов должен был использоваться в раскольнической среде. На формах видны четкие надписи и декор, а на крестах данного типа из археологических памятников Сибири сохранен только рельеф и фиксируются надписи, которые не читаются, что произошло, вероятно, из-за вторичной отливки. Форма для отливки крестов представлена в коллекции Красноярского музея, следовательно, культовые изделия изготовлялись и в Сибири[588].

Атрибуты и православные традиции в Сибирский регион привнесли и поддерживали первые колонисты – выходцы из Русского Севера и их потомки, поэтому по праву Русский Север историки называют хранителем «генофонда русской православной традиции»[589].

Попова Ольга Владимировна,
заместитель заведующего музейным комплексом
«Куликово поле», Тульская область

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА И РУССКИЙ СЕВЕР. СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Восьмого сентября 1380 года на Куликовом поле объединенные русские войска под командованием великого Московского князя Дмитрия Ивановича разгромили ордынцев беклярибека Мамая. Это сражение, известное нам как Куликовская битва (Мамаево побоище, Донское побоище), до сего дня воспринимается в сознании русского народа как одно из событий, определивших дальнейший ход отечественной истории.

«Символическим событием русской истории» назовет Куликовскую битву Александр Блок, а Лев Гумилев блестяще выразит мысль о главном – объединяющем – значении Куликовской битвы: «На Куликово поле пришли москвичи, серпуховчане, ростовчане, белозерцы, смоляне, муромляне и т. д., а ушли с него – русские…

---

[588] Исаева Н. Н. Медное русское художественное литье XVI–XX вв. Приенисейский сводный каталог.– Красноярск: Изд-во ИНОПРОФ, 1996. С. 342.

[589] Фурсова Е. Ф., Пермиловская А. В., Черных А. С., Зуев А. А.… Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XIX века), Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014.– 296 с.

Мы можем датировать осознание себя русскими как целостности восьмого сентября 1380 года»[590].

Летописные и нарративные источники дают нам весьма скудные и порой противоречивые сведения о битве, в том числе и о ее участниках, но участие в битве в составе объединенных сил представителей северных русских земель бесспорно.

В XIV веке северные территории в районе озер Лаче, Воже и Белого, бассейн реки Шексны с притоками входили в состав обширного, но малонаселенного Белозерского княжества. Наиболее обжитыми были земли в верхнем течении Шексны, где при истоке ее из Белого озера стоял единственный город княжества – Белоозеро, после опустошительного «морового поветрия» 1352 г. перенесенный на южный берег оз. Белого на 17 км к западу от старого города. Княжество изобиловало различными природными богатствами. В верховьях р. Суды были значительные выходы болотного железа, белозерские леса славились пушниной и охотничьими птицами, а реки – рыбой. Через Белозерье проходили важные военные и торговые пути, связывавшие центральные области Северо-Восточной Руси, а также Новгород Великий с Подвиньем. Политическое развитие Белозерского княжества в это время было весьма сложным. Выйдя в начале XIV века из состава Ростовского княжества, в начале 30-х годов оно переходит под власть Ивана Калиты, осуществившего «куплю» Белоозера, т. е. добывшего в Орде ярлык на него. На момент Куликовской битвы белозерские князья находились в тесных вассальных отношениях с Москвой, входили в круг особо приближенных лиц князя Дмитрия Ивановича[591].

Есть некоторые основания полагать, что примерно в середине XIV века Белозерское княжество разделилось на два удела по числу сыновей князя Романа Михайловича, упоминаемого в летописях под 1339 г. Но, несмотря на начавшийся процесс феодального дробления Белозерского княжества, политическое единство его князей не нарушалось. Главой княжества оставался старший из Романовичей – князь Федор, который руководил белозерскими полками в общерусских походах на Тверь в 1375 г. и против Мамая в 1380 г. Федор Романович был женат на дочери Ивана Калиты Феодосии, что объясняет его близость с московским великокняжеским домом и князем Дмитрием Ивановичем лично.

---

[590] Гумилев Л. Н. Эхо Куликовской битвы // Огонек. 1980. № 36. С. 17.

[591] Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980, с. 94.

Обратившись к тексту «Сказания о Мамаевом побоище», замечательного средневекового произведения, мы узнаем о том, что получивший от разведчиков сведения о золотоордынском беклярибеке Мамае, стоящем у устья реки Воронеж «во мнозе силе» и намеревающемся пойти походом на Русь, великий Московский князь Дмитрий Иванович принимает решение собрать великое войско и дать решающий бой Мамаю в Дикой степи, вдали от родных земель. Он отправляет гонцов в русские княжества с призывом встать под его знамена против общего страшного врага в Коломне на Успение святой Богородицы (то есть 15 августа 1380 года). И первыми на зов князя откликаются северяне: «…и пришли к нему князья Белозерские, готовые к бою, и прекрасное войско привели…»[592].

Задонщина называет белозерцев «отважными», а в Никоновской летописи они характеризуются как «мужественные и крепкие зело, славные удальцы».

Отец и сын Белозерские – Федор Романович и Иван Федорович – упоминаются практически во всех летописных и нарративных источниках по истории Куликовской битвы. О их участии в битве и героической гибели говорят Новгородская IV летопись, Рогожский летописец, Архивская летопись, Краткая и Пространная редакция летописной повести о Куликовской битве, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище».

«…Тогда же на томъ побоищи убьени быша на съступе: князь Феодор Романович Белоозеркии и сын его Иван…»[593].

В мартирологах Вселенского синодика Успенского собора Московского Кремля, Вселенского синодика Ростовской епархии (по списку 1642 г.), Чина Торжества православия (по списку 1491–1493 гг.) имена белозерских князей стоят на первом месте: «…Князю Феодору Белозерьскому и сыну его Ивану, оубиенным от безбожнаго Мамая. Вечная память…»[594].

«Сказание о Мамаевом побоище» в некоторых редакциях содержит более широкий список белозерских князей – участников битвы: «…князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские

---

[592] Сказание о Мамаевом побоище // Древнерусские повести.– Тула: Приокское книжное изд-во, 1987. С. 60.

[593] Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. Ч. 1. С. 390.

[594] Булычев А. А. Куликово поле. Живые и мертвые.– Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 45.

князья…»[595]. Федор Семенович и Семен Михайлович упомянуты и в «Задонщине». Кроме этого, и в «Сказании», и в «Задонщине» содержится своеобразный «численный перечень» погибших: «Нет у нас, государь, сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских…»[596].

Но не будем забывать, что при всех его несомненных достоинствах «Сказание» – позднейший памятник, относящийся к XVI веку, и это произведение наряду с «Задонщиной» прежде всего литературное, нежели историческое, со значительной долей патриотического пафоса и художественного вымысла. Более того, в других источниках по истории Куликовской битвы, прежде всего летописных, имена вышеперечисленных князей не встречаются. Поэтому мы с уверенностью можем говорить лишь о двух белозерских героях Куликовской битвы – Федоре Романовиче и Иване Федоровиче. Их имена являются достоянием истории и заслуживают того, чтобы их знали и помнили потомки.

Достойную память о себе оставили в военной истории России и потомки Белозерских князей. Павший на поле Куликовом Федор Романович имел родного младшего брата Василия, правнук которого Иван Андреевич, получив в отчину волость Вадболу, стал называться по ней князем Вадбольским и передал это имя своему потомству. Он был убит в сражении под Суздалем в 1445 году, где татары разбили и взяли в плен великого московского князя Василия II Васильевича Темного. В дальнейшем на протяжении многих столетий Вадбольские честно служили Родине, были участниками многочисленных войн и походов. Род князей Вадбольских вписан в пятую часть родословных книг губерний Владимирской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Полтавской, Рязанской, Тульской Ярославской.

Князь Константин Иванович Вадбольский служил воеводой в Казанском (1544) и Полоцком (1551) походах. Вместе с ним служил также князь Михаил Большой Вадбольский. Князь Михаил Иванович Вадбольский был воеводой в Шведском походе (1549). Князь Иван Константинович убит при взятии Казани в 1552 году.

В XVIII веке примечательны имена князей Вадбольских – Никиты Матвеевича, строителя оружейного двора в Туле, и Михаила Михайловича, титулярного советника, главы внутреннего земско-

---

[595] Сказание о Мамаевом побоище // Древнерусские повести.– Тула: Приокское книжное изд-во, 1987. С. 60.

[596] Задонщина Древнерусские повести.– Тула: Приокское книжное изд-во, 1987. С. 52.

го войска из 260 конных человек в Епифанском уезде Тульской губернии.

В Отечественной войне 1812 года участвовало 11 представителей этого славного рода. Князь Иван Михайлович Вадбольский – народный герой, участник Бородинского сражения. Отряды под его командованием сражались у Багратионовых флешей и у батареи Раевского – местах, где бои были особенно ожесточенными и кровопролитными. Проявляя доблесть, он отличился во всех значимых сражениях 1812-го года и в заграничных походах. Был удостоен высочайших наград Российской империи.

Знаменитый потомок князей Белозерских-Вадбольских – Владимир Владимирович Глебов-Вадбольский (1922–2012) – советский и российский скульптор-монументалист, народный художник РФ. 24 июня 1941 года девятнадцатилетним мальчишкой он ушел на фронт, был зачислен авиамехаником в двадцатый авиационный полк. Был участником битвы под Москвой и других сражений Великой Отечественной войны.

Памятный знак белозерцам – участникам Куликовской битвы

Память о подвиге князей Белозерских в Куликовской битве, а также о их героических потомках сохраняют на Первом ратном поле России и сегодня. Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» был образован в 1996 году, а в 2002-м на месте слияния рек Дон и Непрядва (главный географический ориентир Куликова

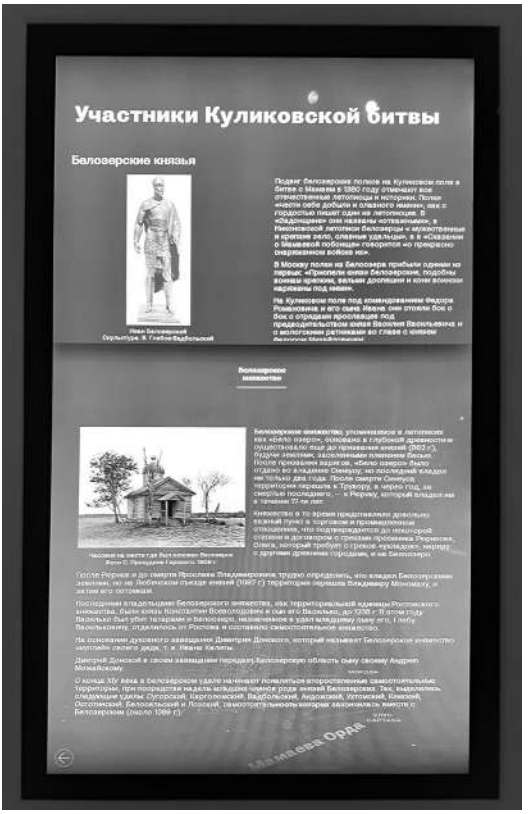
поля) открылся музейно-мемориальный комплекс героям Куликовской битвы. Помимо небольшой музейной экспозиции и храма Рождества Пресвятой Богородицы конца XIX века, комплекс включает в себя памятник Дмитрию Донскому и Аллею Памяти и Единства. Здесь можно рассмотреть памятные знаки городов и земель, воины которых участвовали в Куликовской битве. Один из первых памятных знаков, установленный в 2005 году, посвящен северянам. Надпись на нем гласит: «В память о князьях Белозерских, с дружиною павших за землю Русскую, за веру православную. От благодарных вологжан».

В октябре 2016 года была торжественно открыта основная экспозиция Музея Куликовской битвы – одного из самых больших и современных музеев Российской Федерации. В первом зале экспозиции – «Битва и битвы», содержащем информацию о символических битвах русской истории, представлены три скульптуры, автором которых является Владимир Глебов, потомок древнего рода Вадбольских-Белозерских, представители которого, как мы уже отметили, принимали участие и в Куликовской битве, и в войнах с Наполеоном в XIX веке, и в Великой Отечественной войне.

Зал «Битва и битвы» Музея Куликовской битвы

Куликовскую битву символизирует скульптура ее героя – князя Белозерского, Бородинское сражение – фигура гусара Вадбольского, участника боев с Великой армией Наполеона в 1812 году, а в костюме летчика времен Великой Отечественной войны скульптор изобразил себя.

Интерактивный планшет «Участники Куликовской битвы»

Белозерское княжество представлено на двух картах, составленных научным сотрудником музея И. Г. Бурцевым, – «Московское княжество накануне Куликовской битвы» в зале «Русь и Орда. История противостояния» и «Сбор русских и ордынских войск в 1380 г.» в зале «Военное дело Руси и Орды». Следует отметить, что на обеих картах в качестве значимого города Белозерья обозначена Тотьма.

Зал «Сказания о Куликовской битве», рассказывающий о событиях, предшествующих самому значимому сражению русского средневековья, содержит ряд стендов с цитатами из знаменитого «Сказания о Мамаевом побоище». Один из них рассказывает нам о князьях Белозерских, первыми откликнувшихся на объединяющий призыв великого Московского князя Дмитрия Ивановича.

В зале «Историки о Куликовской битве и ее эпохе» посетители могут подробнее ознакомиться с историей Белозерского княжества и немногочисленными имеющимися фактами из биографии князей Белозерских, воспользовавшись интерактивным киоском «Участники Куликовской битвы». Он содержит информацию обо

Витрина «Род Белозерских-Вадбольских в военной истории России»

всех известных науке участниках Мамаева побоища, о полках, дравшихся в битве на Дону. Необходимо выбрать интересующий персонаж, полк прикосновением пальца – и получить исчерпывающие сведения о них, подкрепленные художественными образами.

В последнем зале основной экспозиции Музея Куликовской битвы – «Куликовская битва. Значение и память» – находится витрина «Род Белозерских-Вадбольских в военной истории Отечества». В витрине представлен живописный портрет князя И. М. Вадбольского, участника Отечественной войны 1812 г. (копия с портрета Дж. Доу для военной галереи Зимнего дворца), фотографии унтер-офицера 221 пехотного Рославльского полка М. В. Вадбольского (нач. XX века) и В. В. Глебова-Вадбольского, участника Великой Отечественной войны (1941 г.).

Шесть с половиной столетий отделяет нас от Куликовской битвы, почти восемьсот километров лежит между Куликовым полем и Вологодчиной. Но связь времен и поколений тщательно поддерживается и сохраняется Государственным музеем-заповедником «Куликово поле».

Жаворонкова Дарина Юрьевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

Научные руководители:

Малахов Родион Александрович,
к. и. н., доцент кафедры отечественной истории Института истории и филологии Вологодского государственного университета, г. Вологда

Жаворонков Юрий Михайлович,
директор Вологодского филиала центра древесных экспертиз ООО «ЗДОРОВЫЙ ЛЕС», г. Вологда, руководитель комиссии «Дендрохронология» Вологодского областного отделения ВОО «Русское географическое общество»

ОНЕЖСКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ СУДНО: ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАТИРОВКИ И ВОЗМОЖНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НА ВОДНО-ВОЛОКОВЫХ ПУТЯХ РУССКОГО СЕВЕРА (ИССЛЕДОВАНИЯ 2018–2019 ГОДОВ)

«*Массивное потемневшее днище, несколько шпангоутов да пара бревен. В таком виде старинное судно вернулось домой – в Вытегру. Около трех столетий оно пролежало на дне Онежского озера, а после сильного шторма в конце лета 2018 года было выброшено на отмель. Остов заметили местные жители и сообщили о находке. Силами МЧС по Вологодской области останки судна отбуксировали в Вытегру на один из причалов, чтобы их исследовать, законсервировать и попытаться восстановить. Судно представляет большой интерес для ученых, здесь хорошо видна вся технология судостроения допетровской эпохи. Вытегорские краеведы уверены – деревянное судно построено именно в Вытегре, в XVII–XIX веках здесь был крупнейший судостроительный центр, в хороший год местные корабелы строили до сотни различных судов. Поэтому и на городском гербе изображен корабль*».[597]

До этой находки считалось, что восстановить облик древнерусских кораблей вряд ли возможно. Всё, что было обнаружено – это отдельные элементы конструкций: доски, крепёж, части каркаса. Учёные установили, что поморы соединяли доски корабельных

[597] В Вологодской области на берег Онежского озера выбросило старинное судно. // Телеканал «Россия К». [сайт]. Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/309705/. Дата обращения: (28.07.2019 г.).

корпусов железными заклёпками с квадратными клинкшайбами. Так же делали и на североевропейских кораблях того времени. Но чаще, как и на этом судне, вместо заклёпок использовали «вицу» – тонкие корни и ветви хвойных деревьев, которыми доски связывали друг с другом или, как говорили в старину, «сшивали». Это была технология, использованная с целью удешевления постройки судна в условиях недостатка железа.

Эксперт Центра подводных исследований ВОО «Русское географическое общество», историк Андрей Лукошков осмотрел останки судна. По его мнению, судно крайне интересное и ценное для изучения, это не коч, т. к. судно типа коч не имело такой широкий киль, он мешал бы вытаскиванию судна на лёд. Аналогичная конструкция составленного из нескольких брёвен плоского киля пока известна лишь по находке на берегу урочища Параниха у Никольского рукава Северной Двины в районе Северодвинска. Останки того судна были определены как «дощаник» – такие грузовые суда использовались для перевозки грузов из Вологды в Архангельск (а Архангельск в XVII веке был главным внешнеторговым терминалом Московского царства). Также А. Лукошков предположил, что судно местной онежской постройки – на это указывает и материал (сосна), и использование ластовых уплотнений швов с помощью кованных (из 99% железа) скоб, и обшивка внакрой, и «шитье» еловыми ветвями и корнями, и крепление шпангоутов еловыми нагелями.[598]

В настоящее время остов уникальной находки хранится в городе Вытегре. Дендрохронологические датировки древнего судна начались в декабре 2018 года, их выполнили и продолжают заниматься представители Вологодского областного отделения ВОО «Русское географическое общество» Юрий Жаворонков (Вологодский филиал Центра древесных экспертиз ООО «ЗДОРОВЫЙ ЛЕС») и Дарина Жаворонкова (студентка 1 курса ИИиФ ВоГУ)[599].

---

[598] Вецлер О. Ледокол поморов: как находка с берегов Онеги меняет наши представления об истории кораблестроения. // Русское географическое общество [сайт]. Режим доступа: https:// www.rgo.ru/ru/article/ledokol-pomorov-kak-nahodka-s-beregov-onegi-menyaet-nashi- predstavleniya-ob-istorii. Дата обращения: (28.07.2019 г.).

[599] В Вытегре решили судьбу деревянного судна, которое пролежало на дне Онежского озера 300 лет и было выброшено на берег в сентябре 2018 года. // Вологодское отделение РГО [сайт]. Режим доступа: http://www.vrorgo.ru/2019/02/28/v-vytegre-reshili-sudbu-derevyannogo-sudna-kotoroe-prolezhalo-na-dne-onezhskogo-ozera-300-let-i-bylo-vybrosheno-na-bereg-v-sentyabre-2018-goda/. Дата обращения: (28.07.2019 г.).

Судно, обнаруженное осенью 2018 года на берегу Онежского озера. Фото корреспондентов газеты «Красное знамя»

В конце 2018 года, по приглашению администрации Вытегорского муниципального района Вологодской области, Жаворонкову Ю. М. и Жаворонковой Д. Ю. удалось отобрать несколько образцов древесины и фрагменты мха с пропиткой с древнего судна,

для дендрохронологических[600] и ботанических исследований. Основная цель исследований: установление у представленных образцов древесины породного и видового состава (анатомические методы) и определение календарной даты прироста последнего (крайнего в кольцевом ряду) годичного кольца (дендрохронологические методы). При датировании образцов древесины с древнего судна была использована обобщенная генерализированная древесно-кольцевая хронология хвойных пород деревьев Вологодской области – VOLOGDA-CHR (1403–2017 гг.). Корректность календарных дат указанной хронологии подтверждена исследованиями в рамках проекта РФФИ[601], также для датирования образцов с онежского корабля использовалась и местная хронология, построенная по образцам из старовозрастных хвойных деревьев, произрастающих в Вытегорском и Белозерском районах Вологодской области.

Проведенными на 1 этапе исследованиями установлено:

1. Большинство образцов древесины основных деревянных конструкций древнего судна относится к древесине деревьев вида Сосна обыкновенная *(Pinus sylvestris).*

2. Образцы древесины, которыми «сшивали» части корабля,– «вица» (молодые побеги/ветви и корни деревьев), а также изогнутый деревянный элемент (шпангоут) с деревянными нагелями изготовлены из древесины деревьев вида Ель европейская *(Picea abies)*.

3. Большая часть отобранных образцов древесины относится к периоду заготовки 1649 г., незначительная часть образцов исследуемой древесины с остова корабля была заготовлена в 1633 г.

4. Исследованная древесина местного происхождения (район Онежского озера).

5. Дата постройки (или значительной перестройки) судна – 1650 г. При этом частично была использована древесина, заготовленная в 1633 г. Возможно, первоначально судно было меньших размеров и построено было в 1634–1635 гг., а затем перестроено (увеличено в размерах) в 1650 г.

Результаты исследований 1 этапа были доложены в конце декабря 2018 года в Вологодском отделении «Русского географи-

---

[600] Шиятов С.Г., Ваганов Е.А. и др. Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методическое пособие.– Красноярск: КрасГУ, 2000.– 80 с.

[601] Проект РФФИ № 18-49-350008 «Вологда в период Позднего Средневековья: междисциплинарные исследования по материалам раскопок влажного культурного слоя в границах крепости XVI века», 2018 год, отчет (дендрохронологический анализ древесины).

ческого общества», а в феврале 2019 года – в администрации Вытегорского муниципального района Вологодской области.

В июле и августе 2019 года нами при помощи специального бурава было отобрано еще пять образцов древесины (керны: №№ A, B, C, D, E) из нижней, плоской части древнего корабля и с нескольких шпангоутов.

Проведенными на 2 этапе исследованиями установлено:

1. Образец древесины «A» (керн из шпангоута) происходит от древесины породы Сосна обыкновенная *(Pinus sylvestris)*, «подкоровое» годичное кольцо не сохранилось, наружное годичное кольцо датируется 1654 годом (вероятный период заготовки древесины 1655–1656 годы).

2. Образец древесины «B» (керн из древесины шпангоута) происходит от древесины породы Сосна обыкновенная *(Pinus sylvestris)*, «подкоровое» годичное кольцо сохранилось и датируется 1652 годом (заготовка древесины производилась осенью 1652 – зимой 1653 годов).

3. Образец древесины «C» (керн из древесины плоского дна судна) происходит от древесины породы Сосна обыкновенная *(Pinus sylvestris),* «подкоровое» годичное кольцо сохранилось и датируется 1646 годом (заготовка древесины производилась осенью 1646 – зимой 1647 годов).

4. Образец древесины «D» (керн из древесины плоского дна судна) происходит от древесины породы Сосна обыкновенная *(Pinus sylvestris)*, «подкоровое» годичное кольцо сохранилось и датируется 1646 годом (заготовка древесины производилась осенью 1646 – зимой 1647 годов).

5. Образец древесины «E» (керн из древесины шпангоута) происходит от древесины породы Сосна обыкновенная *(Pinus sylvestris)*, «подкоровое» годичное кольцо не сохранилось, наружное годичное кольцо датируется 1657 годом (вероятный период заготовки древесины 1658–1659 годы).

6. Исследованная древесина местного происхождения (район Онежского озера).

7. Древесина плоского дна судна заготовлена в период с осени 1646 по весну 1647 года. Древесина для изготовления части шпангоутов судна заготавливалась в 1652 году и вероятнее всего – в период с 1655 по 1659 год. Разница в датировках древесины шпангоутов, возможно, связана с ремонтными работами на данном судне.

Исследования продолжаются, в 2020 году запланировано отбор и исследование еще 5–10 образцов древесины из остова и бортов онежского судна.

Полученные в настоящее время календарные даты постройки и возможной перестройки и/или ремонта исследуемого деревянного корабля позволяют выделить временной промежуток, когда данное плоскодонное судно (корабль) использовалось на водноволоковых путях Русского Севера (Северно-Волжских) в XVII веке.

В дальнейших исследованиях предполагается проанализировать торговые отношения на севере Руси во второй половине XVII века как на внутреннем рынке, так и во внешней торговле. Подкрепив данные о торговле за указанный период из исторических и литературных источников возможными археологическими находками-артефактами (исследования подводной археологии предполагаемого места кораблекрушения данного судна, которые запланированы на 2020–2021 годы), можно будет утвердительно говорить о грузе (товаре), который перевозил данный корабль; пока мы можем только делать свои предположения на этот счет, возможно, это было железо, поташ, корабельная смола, строительный камень или что-то другое.

Установленный период постройки судна позволит нам проанализировать местные технологии кораблестроения и сравнить их с уже известными для того времени. Также мы планируем попытаться выделить возможный временной промежуток кораблекрушения данного судна при анализе экстремальных природных явлений Севера Руси по летописным источникам.

Надеемся, данный материал будет интересен ученым-историкам, кораблестроителям-реставраторам, краеведам, вологжанам и гостям нашего региона, а также надеемся, что данные исследования будут использоваться в учебном процессе, а город Вытегра украсится уникальным историческим артефактом (плоскодонным кораблем) – памятником корабелам Русского Севера.

Матасова Татьяна Александровна,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ЧУДО О ДВИНЯНИНЕ СИМЕОНЕ ПРП. ПАВЛА ОБНОРСКОГО: ВОЛОГОДСКИЙ ПРАВЕДНИК КАК ПОКРОВИТЕЛЬ БЕЛОМОРСКИХ МОРЕХОДОВ

Монастырская и крестьянская колонизация Русского Севера XIV–XVI вв. была одним из ключевых явлений эпохи складывания

единого Русского государства. Это было удивительное время, когда духовные, интеллектуальные и материальные ресурсы были объединены и направлены на расширение границ русского мира. Огромную роль в освоении Поморского Севера сыграли выходцы из вологодского края, в т. ч. из Тотьмы. Первопроходцы молитвенно обращались с просьбами о помощи в первую очередь к свт. Николаю Чудотворцу и основателям Соловецкой обители – прп. Зосиме и Савватию, известными многочисленными морскими чудесами[602]. Они помогали терпящим бедствие морякам, зверопромышленникам, купцам... По мере укрепления православной культуры на Севере небесных заступников странствующих по северным водам людей становилось все больше. Помощью на водах известны практически все святые, земная жизнь которых была связана с Соловецким монастырем. Однако в ранний период среди покровителей беломорских мореходов выделяется и *вологодский* праведник – прп. Павел Обнорский, или Комельский (†1429). Он был учеником прп. Сергия Радонежского, основателем одного из первых общежитийных монастырей – Свято-Троицкого Обнорского монастыря.

Вид Павло-Обнорского монастыря начала XX в.

[602] См.: *Белов М. И.* Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. Т. 14.– М.; Л., 1958. С. 234–240; *Морозов С. В.* Морские чудеса Соловецких святых // Соловецкое море. Вып. 4. М.; Архангельск, 2005. С. 9–14; *Дмитриева Р. П.* О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV–XVII вв.) // ТОДРЛ. Т. 52.– СПб., 2001. С. 645–656.

В состав Жития прп. Павла входит «чудо 18-е о двинянине Симеоне», которое мало привлекало внимание исследователей как источник по истории поморской культуры[603]. Оно представляет собой рассказ, записанный со слов самогó Симеона, о том, как он с пятнадцатью спутниками шел по морю в лодье «от реки Золотицы в реку Двину». Внезапно начался шторм. Рассказчик передал страшные подробности бури: «и разбиваху лодию нашу и отразиша весло от кормы и парус раздрася на многи части, и ауже волны вливахуся в лодью нашу...» Симеон поведал, что путники стали истово молиться прп. Павлу, и подчеркнул, что один из находившихся в лодье людей видел, как в самый критический момент старец со «святолепной брадой, густой и широкой» стал управлять судном («жезлом своим правящу лодью нашу») и привел корабль к тихой пристани[604].

В 1530-е – 1540-е гг., когда создавалось Житие прп. Павла, Поморский Север активно заселялся русскими людьми. Для книжника – составителя жития прп. Павла было важно, что обнорский чудотворец освящал своим незримым присутствием Белое море – враждебную людям «пучину морскую». Образ «великого и гордого»[605] моря как недружелюбной стихии нашел яркое отражение в памятниках севернорусской книжности. Так, в Первоначальной редакции Жития прп. Зосимы и Савватия (начало XVI в.) осенние морские непогоды описаны весьма натуралистично: «Бе бо уже осень, и въздуха небеснаа применися на студень, и быста снегове. И *ста волние морское неукротимо*, и ледомъ плавающим по морю... *естество водное неукротимо преходитъ симо и овимо со устремлениемъ быстрая зело*. Сие бо Давыдъ пророкъ писа въ псаломскии книзе: духомъ устъ Его вся сила ихъ, събираа, яко михъ, воды морскиа и полагаавъ *сховищихъ бездны*... [Здесь и далее выделено мной.– *Т. М.*]»[606]. В Житии Зосимы и Савватия есть и другие подобные сюжеты. Так, прибрежные жители в первой половине XV в.

---

[603] Автору данной статьи приходилось о нем упоминать (см.: Матасова Т. А. Беломорские и итальянские сюжеты в житии преподобного Павла Обнорского // Соловецкое море. Вып. 16. Архангельск.– М., 2017. С. 58–62), однако данный материал представляет собой специальное рассмотрение этого чуда.

[604] Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского: Текст и словоуказатель / Под ред. А. С. Гердта.– СПб., 2005. С. 124–125.

[605] Толковая палея 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210.– М., 1892. Вып. 1. Л. 21 об.

[606] Минеева С. В. Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.).– М., 2001. Т. 2. Тексты. С. 21.

были убеждены, что Соловецкие острова необитаемы, ибо никто «не возмогоша тамо житие имети *страха ради морския нужа*»[607]. Когда же прп. Зосима пришел к новгородскому архиепископу, чтобы тот благословил освящение храма на Соловках, владыка отметил: «Где селико вдалее от людеи, да кто может тамо быти...»[608], подразумевая трудности, связанные с достижением островов.

Значимо, что и в чуде 17-м Жития прп. Павла подвижник вразумляет и исцеляет крестьянина Симона, происходившего «от западные страны от Студенаго моря, веси глаголемыя Кубена»[609]. Сюжет этого чуда также связывает образ прп. Павла с Поморским Севером, с вотчинами Соловецкого монастыря у Кубенского озера.

Примечательно, что общерусское почитание первых соловецких чудотворцев было установлено, как и почитание прп. Павла, на соборе 1547 г. Обнорский подвижник как «спаситель на водах» встает в один ряд с прп. Зосимой и Савватием.

Интересно отметить, что терпящие бедствие решили молиться прп. Павлу не случайно. Среди людей, находившихся в лодье, двое «исперва житие иместа в монастыри преподобнаго Павла»[610]. Откуда они происходили – неясно, но в любом случае они были причастны Вологодской земле. Как видим, русские первопроходцы, связанные с Вологодским краем, во время морехождения молитвенно обращались не только к прп. Зосиме и Савватию или свт. Николаю, но и к близкому им прп. Павлу. Впрочем, его особого почитания в Соловецком монастыре в XVI в. незаметно: по описям того времени в обители не фиксируется ни одной иконы этого святого[611]. Образ прп. Павла на Соловках упомянут (впервые?) в описи монастырского имущества 1705 г.[612] Подобное «молчание источников», впрочем, вовсе не означает, что этот праведник, необычайно широко почитавшийся на Вологодчине, не был значим для находившихся на Поморском Севере вологжан. Более того, реальные чудеса обнорского подвижника за пределами края

---

[607] Минеева С. В. Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.).– М., 2001. Т. 2. Тексты. С. 11.

[608] Там же. С. 24.

[609] Жития... С. 119.

[610] Жития... С. 124.

[611] См.: Описи Соловецкого монастыря XVI в. / Сост. З. Д. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик.– СПб., 2003.

[612] Упомянута икона, находившаяся в иконостасе Успенской церкви и представлявшая прп. Павла и Феодора Стратилата. См.: Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1404. Л. 85. Благодарю А. А. Богомазову за любезное предоставление этой информации.

способствовали распространению его почитания[613]. Знаменательно, что о чуде поведал *двинянин*, то есть уроженец другого региона.

Есть основания думать, что и хозяйственные, и религиозные связи Беломорья (и в первую очередь Соловков) с Вологодским краем (в т. ч. с Тотьмой) сыграли свою роль в формировании чувств глубокой близости между этими регионами, которые чувствовали жители Вологодчины. Примечательны в этом отношении слова тотемского крестьянина-интеллектуала начала XX в. А. А. Замараева, которыми он объяснял свое желание совершить паломничество в Соловецкий монастырь: «Как-то Бог велит съездить...»[614] Эта фраза обнаруживает не только потаенный динамизм духовной жизни крестьянина, но и ощущение им духовного родства «крайсветного» Беломорья и тотемской земли.

Чудо о двинянине Симеоне – если рассматривать его как целостное повествование – построено по вполне традиционной схеме, там легко заметны классические агиографические приемы передачи морских чудес[615]. Текст чуда раскрывает перед читателями живую и яркую картину поморской повседневности. Во-первых, отмечена внезапная перемена погоды, столь характерная для Беломорья: «егда же добре плавахом, бе бо ветръ строен плаванию нашему. Внезапу же возвея ветръ силенъ, и восташа волны великие в мори»[616]. Во-вторых, уже цитированная нами деталь о порванном парусе и отброшенном весле – верных предвестниках неминуемой гибели – это зарисовка из реальной (и порой трагичной) мореходной практики поморов.

Особого рассказа заслуживает упоминание в источнике одного из типов беломорских судов того времени – *лодьи*[617], на которой

---

[613] Исключительно широкое почитание святого обусловило бытование огромного количества его образов по всей России (самый ранний из сохранившихся восходит ко второй четверти – середине XVI в.– ко времени начала становления его общерусского почитания). До сего дня дошла лишь их малая часть. См.: Иконы Вологды конца XVI–XVII вв. / Под ред. Л. В. Нерсесяна, Е. А. Виноградовой и А. С. Преображенского.– Вологда.– М., 2017. С. 11–12, 472, 475.

[614] Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 годы / Подг. В. В. Морозов и Н. И. Решетников.– М., 1995. С. 43. См. об этом: Матасова Т. А. «Ночи теплые, светлые, нежные, как в Италии...»: портрет одного крестьянина – соловецкого паломника начала XX века // Соловецкое море. Вып. 13.– Архангельск.– М., 2014. С. 105–114.

[615] См. подробно: Дмитриева Р. П. Указ. соч.

[616] Там же.

[617] См.: Белов М. И. Указ. соч. С. 240; Морозов С. В. Беломорские суда XIII–XVI вв. // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 1.– Архангельск, 2002. С. 7–15.

в тот момент находились пятнадцать или шестнадцать человек (Симеон сообщает, что «имех на лодии моей 15 человек»[618]: неясно, включал ли он себя в это число). Лодья XVI–XVII в. представляла собой шитый корабль, обыкновенно одномачтовый[619], с одним парусом[620] и тремя якорями[621], предназначенный для перевозки людей и грузов. Исследователи выделяют *малые лодьи* и *большие лодьи*, а также – по региону изготовления – *лодьи-карелки* (они же – *онежские*) и *лодьи-двинянки*[622]. Можно предположить, что в данном случае речь шла о *малой лодье-двинянке*: именно *малые лодьи* предназначались для каботажных – как описано в Житии – плаваний (тогда как *большие* – для дальних морских походов)[623]. К сожалению, текст чуда не дает сведений о том, какие грузы перевозили в этой конкретной лодье. Но *малые лодьи* в 1540-е гг. широко использовали для перевозки соли, хлеба,

Чудо о двинянине Симеоне. Клеймо № 33 иконы прп. Павла Обнорского с житием. Вологодский государственный музей-заповедник. Середина XVII в.

---

[618] См.: Белов М. И. Указ. соч. С. 240; Морозов С. В. Беломорские суда XIII–XVI вв. // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 1.– Архангельск, 2002. С. 7–15.

[619] Филин П. А., Курноскин С. П. Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки.– СПб., 2016. С. 217–218.

[620] Богомазова А. А. Морское хозяйство Соловецкого монастыря во второй половине XVI – 70-е гг. XVII в. Кандидатская диссертация. Рукопись. М., 2020. С. 88. Выражаю А. А. Богомазовой сердечную благодарность за возможность ознакомиться с рукописью проведенного ей фундаментального исследования.

[621] Там же. С. 103.

[622] Там же. С. 64.

[623] Там же. С. 58–60, 114.

сала морского зверя и т. п. А. А. Богомазова обратила внимание на то, что именно в рассматриваемом источнике упомянуто *кормовое* (!) весло, которым «святолепный старец» управил корабль[624].

Если внимательно взглянуть на соответствующее клеймо знаменитой иконы прп. Павла Обнорского с житием из коллекции Вологодского государственного музея-заповедника, мы увидим, мягко говоря, нетипичную лодью: трехмачтовый корабль с четырьмя парусами. По всей видимости, при поновлении образа в конце XIX в.[625] это клеймо подверглось существенным изменениям и поэтому не передает тех конструктивных особенностей лодий XVI–XVII вв., о которых исследователям известно из совокупности других источников[626].

То, что среди находившихся на борту были те, кто имели опыт монастырской жизни (хотя бы в качестве трудников), (не)лишний раз подтверждает, что русские люди не представляли себе труд на Севере вне возвышенного, трансцендентного его осмысления[627]. В высшей степени справедливыми представляются слова В. Н. Матонина о том, что «мотивы, по которым поморы, осваивая Беломорье (...), претерпевали холод (...), трудности арктического мореплавания, рисковали жизнью, могли быть различны, но в предельных [т. е. критических.– *Т. М.*] обстоятельствах всегда приобретали духовный смысл и религиозное значение»[628].

Таким образом, рассмотренный эпизод из Жития прп. Павла Обнорского говорит как о распространении почитания этого праведника среди жителей Беломорья, так и содержит колоритные сведения, обнаруживающие детали повседневности поморского мира.

---

[624] Богомазова А. А. Морское хозяйство Соловецкого монастыря во второй половине XVI – 70-е гг. XVII в. Кандидатская диссертация. Рукопись. М., 2020. С. 88.

[625] Иконы Вологды. С. 275–276.

[626] Есть основания думать, что трехмачтовые лодьи широко распространяются на Белом море не ранее XVIII в., хотя двухмачтовые лодьи известны с первой половины XVII в. См.: Филин П. А., Курноскин С. П. Указ. соч. С. 218; Богомазова А. А. Указ. соч. С. 62 и др.

[627] См., напр.: Ануфриев В. В. Особенности формирования духовно-православной идентичности русских поморов // Культура русских поморов. М., 2013. С. 85–86 и др.

[628] Матонин В. Н. Арктическое мореплавание как форма аскетики и духовного делания // Река Кушерецка: Мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск, 2011. С. 25.

Столбова Валентина Петровна,
культурно-исторический центр «Светочъ», г. Санкт-Петербург

«ХОТЯ КОРАБЛИ ДЕРЕВЯННЫЕ, ДА ЛЮДИ НА НИХ ЖЕЛЕЗНЫЕ» (О ПЛАВАНИИ САМСОНА СУХАНОВА НА ГРУМАНТ)

Русский Север дал стране немало выдающихся сынов, в том числе и легендарного каменотёса Самсона Суханова, *«устроителя»* Петербурга. Суровая северная природа выковала его характер и предуготовила дальнейшую судьбу. Через множество испытаний пришлось ему пройти в юности во время плавания на Грумант.

Подробности этого рискованного похода красноречиво описаны в 1818 году со слов самого каменотёса его современником литератором Павлом Петровичем Свиньиным в очерке «Приключения Суханова, рускаго природнаго ваятеля».

В 1784 году собрался шестнадцатилетний Самсон отправиться с артелью зверобоев на Шпицберген промышлять морского зверя. О далёком Груманте [так называли архипелаг русские поморы] он, вероятно, был наслышан от земляков-устюжан. Скорее всего, кто-то из них и позвал с собой Самсона.

Компания русских купцов ежегодно посылала из Архангельска на архипелаг одно судно. Корабль выходил из порта обычно в конце мая, начале июня, как только Белое море вскрывалось ото льда. Весь путь до Груманта длиной около 2000 км при удачном стечении обстоятельств преодолевался за месяц. Судно *«прибывало в июне или в июле в бухту Магдалины (Смеренбург), где высаживало новых зимовщиков. Судно стояло здесь от двух до трех недель, чинилось, если нужно было, и затем, забрав продукты промысла и людей, отправлялось в Архангельск»*[629].

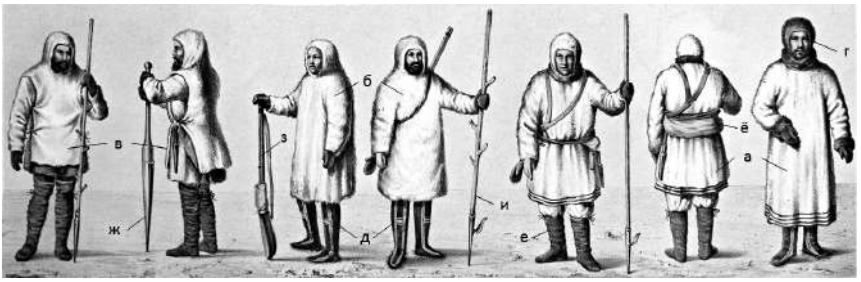
«Артель– ватага подбиралась с большим тщанием. Ни трусу, ни лодырю в неё ходу не было»[630]. *«Хотя корабли деревянные, да люди на них железные»,* – говорила поморская пословица о северных русских мореходах.

Отправляясь на зверобойный промысел, груманланы [русские промышленники, ходившие на Грумант] везли с собой только всё самое нужное: снаряжение, запас дров, *«харч»* и тёплую одежду.

---

[629] Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв. Биографический словарь.– М. Л., 1948.– С. 47–48.

[630] Рубан И. Льды. Люди. Встречи.– Л., 1985.– С. 165.

Одежда и орудия зверопромышленников Русского Севера: а – малица, б – совик, в – музцы, г – шапка-оплеуха, д – пимы, е – ловчуги, ё – хоз или сухарник, ж – пешня, з – пищаль или винтовка, и – кокот

«В пищу промышленникам запасается: ржаная и ячменная мука для хлебов, разныя крупы и пшено для каши, толокно, мёд сырой, масло поеное и коровье, солёная треска и палтусина, небольшим количеством солёная говядина, сосновые шишки, топлёное молоко в бочках, которое по архангельскому наречию называется кадное. Паче же всего морошка, которая как и молоко, почитается за наилучшее предохранительное средство от цынги»[631]. Из одежды промышленник брал с собой малицу – рубаху с рукавами, сшитую мехом внутрь, непромокаемые высокие кожаные сапоги – чулки-бахилы, меховые пимы и ловчуги, валенки-катанки, пыжиковую шапку-оплеуху в виде шлема с длинными ушами, оборачивавшимися вокруг шеи вместо шарфа, шерстяные носки и меховые рукавицы. В стужу поверх малицы надевали совик – длинную шубу с капюшоном из оленьей шкуры мехом наружу[632]. Промышленники снабжались мушкетами, винтовками, порохом, большими ножами и разными орудиями, необходимыми для лова моржей, оленей, белых медведей и песцов[633]. У каждого была с собой иконка Николы Морского, *«святого защитника и охранителя мореходов»*[634].

Дальние полярные переходы через Студёное море зверопромышленники совершали на поморских самодельных судах особой

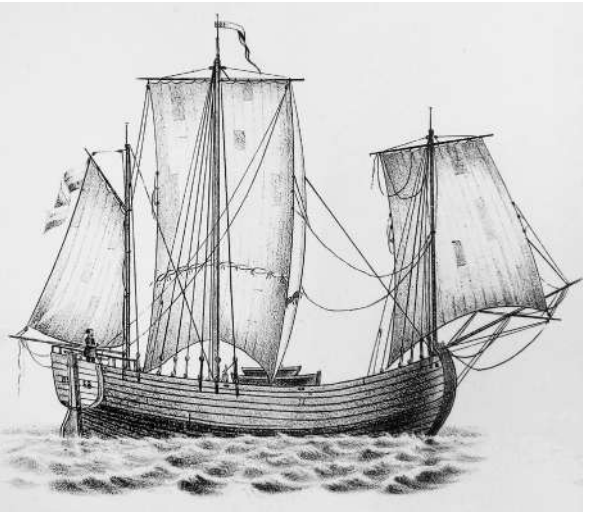
[631] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 16.

[632] Рисунки к исследованию рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях.– СПб., 1863.– Табл. В. II. 3. F. 1.

[633] Визе В. Ю. Указ. соч. С. 48.

[634] Сычёв В. И. Трудная дорога к славе: Плавания С. К. Суханова в Белом и Баренцевом морях в 1783–1793 годах // Сборник статей по материалам научно-практической конференции, посвященной 250-летию великого русского каменотёса и ваятеля Самсона Суханова. 10 июля 2018 года.– СПб., 2018. С. 97.

конструкции и оснастки. Бесценные сведения о них содержатся в «Экономических примечаниях к «Атласу Архангельской губернии», составленных в 1797 году: *«Для звериных промыслов на Грумант и Новую Землю отправляются большие мореходные суда, как то рупоры, гальоты и лодьи по первой навигации, а именно из Архангельска в начале июня; они в Малом Груманте* [острове Малом Шпицбергене] *располагаются более на западном берегу, поелику за великими льдами к восточному берегу подходить неудобно.* <…> *При каждом судне имеется по одному или по два карбаса, а для близких выездов на стреляние морских зверей по одной и по две небольших и лёгких лодок, которыя два человека удобно из воды на лёд вытащить и чрез оной переволочь могут»*[635].

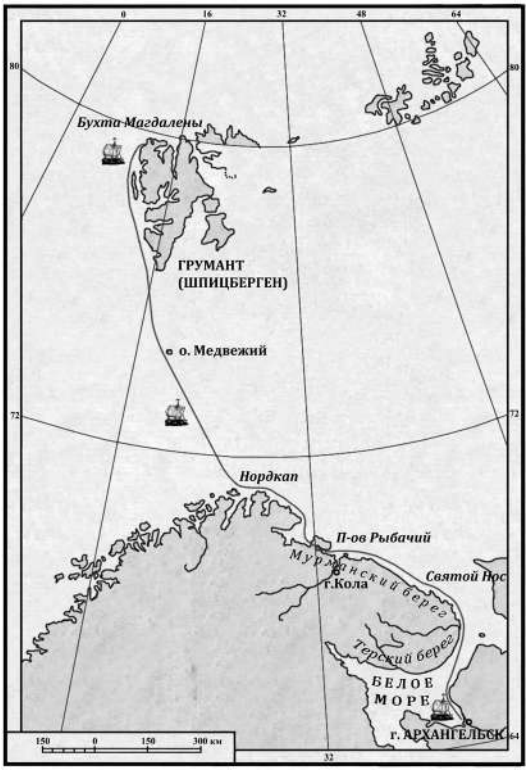
Лодья. Из кн.: Чертежи и рисунки судов, составленные П. Богославским к книге о купеческом судостроении в России. СПб. 1859

Древняя *«поморская лодья»* [ладья] представляла собой трёхмачтовое палубное деревянное судно, разделённое на три отсека. В носовом отсеке, отапливаемом печкой, размещалась команда. По своему устройству и оснастке ладья напоминала другое старинное парусно-гребное полярное судно – *«коч»*, только была в два раза его длиннее, имела более высокие борта и двухпалубную конструкцию[636]. Корпус ладьи и коча был *«одет»* в *«ледовую шубу»* или вторую деревянную обшивку, защищавшую его при сдавлении торосами. Днище

[635] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 15, 16.

[636] Ломакин В.Н. Описание основных типов поморских судов // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность. Сб. мат. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корелы». 8–11 июля 2009 года.– Архангельск, 2010. С. 340–341.

корпуса было округлым, напоминавшим половинку ореховой скорлупы. Если льды сжимали судно, то оно не раздавливалось, а выталкивалось вверх. Корма и нос судна были срезаны под углом 30 градусов, что позволяло вытягивать его на берег или перетаскивать волоком по льду между полыньями. Из-за небольшой осадки судно могло заходить в устья рек и приставать к берегу на мелководье. Паруса из оленьих шкур – *«ровдуг»* позволяли кораблю преодолевать до 120 миль в сутки. Экипаж состоял из капитана, шкипера, фельдшера, кормщика или штурмана, кока и от 15-ти до 22-х матросов[637]. Управлял судном опытный кормщик, отвечавший за благополучный исход плавания и промысла. В народе говорили: *«На промысле все по кормщику живут»*[638].

Путь следования судна Самсона Суханова

Дождавшись погожей погоды, отправился корабль с артелью в дальний путь. С этой поры начиналась для Самсона непрерывная полоса всевозможных лишений, неимоверных трудов и опасностей. Путь, по которому более трёхсот лет поморы плавали на Грумант, был известен на Русском Севере под названием *«Ход груманланский»*[639]. Он следовал по маршруту: Белое море – северный

[637] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 16; Визе В.Ю. Указ. соч. С. 47.

[638] Окладников Н.А. Российские колумбы: Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI – начало XX века).– Архангельск, 2008.– С. 16.

[639] Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики.– Т. 2. Россия и Северо-восточный поход.– М., 2001. С. 48, 51.

берег Кольского полуострова – остров Медвежий – Грумант. Для его прохода кормщики пользовались старинными лоциями, передававшимися из рода в род. В рукописных тетрадках указывался самый безопасный путь и наилучшее время для плавания судов, а также описывалось всё, что встречалось на пути следования судна [скалы – *«камени»,* кресты, подводные камни – *«потайники», «сувои»,* устья рек и становища].

Начало плавания было удачным, сулящим надежду на быстрое преодоление морского пути до места: *«Счастливо пробежали они Белое море и часть Ледовитого океана»*[640]. Сперва судно шло вдоль беломорского побережья, а путь ему указывали высокие деревянные кресты, установленные на мысах, островах, возвышениях, у становищ и устьев рек. Кресты были своего рода путевыми метками, а также древними навигационными знаками: их поперечина всегда устанавливалась в направлении меридиана[641]. Земляк и дальний родственник Самсона, художник А. А. Борисов, не раз участвовавший в арктических экспедициях, писал о них: *«На севере часто ставят вместо морских знаков кресты, обозначая этим места, удобные для стоянок судов. И сюда, если застигнет буря, идут, не боясь ни мелей, ни камней: значит, вход безопасный и есть где укрыться»*[642].

Благополучно отважные мореходы проскочили сквозь самое узкое и опасное место Белого моря – *«Горло»* – *«кладбище кораблей».* «*В горле Белого моря, где океанская вода встречается с беломорской, образуются опаснейшие водовороты, сувои*» – отмечал в путевом очерке писатель М. М. Пришвин, совершивший путешествие по Русскому Северу в 1907 году[643].

Оттуда повернули налево вдоль Терского берега Кольского полуострова. Впереди, на границе Терского и Мурманского берегов, их подстерегала новая опасность: на пути находился мыс Святой нос, имевший с давних времён дурную славу у мореплавателей. *«На полуострове* [мысе Святом носе] *есть грот или пещера, которая в течении шести часов поглощает воду и затем с большим шумом и грохотом, в виде водоворотов, выбрасывает её вон,*– предостерегал дьяк Григорий Истома, путешествовавший в 1496 году.– *Водоворот*

---

[640] Свиньин П. П. Приключения Суханова, рускаго природнаго ваятеля // Отечественные записки.– СПб. 1818. С. 196.

[641] Старков В. Ф. Указ. соч. С. 90.

[642] Борисов А. А. У самоедов: от Пинеги до Карского моря.– СПб., 1907. С. 88.

[643] Пришвин М. М. За волшебным колобком.– Петрозаводск, 1987. С. 261.

этот обладает такой силой, что притягивает к себе корабли и другие находящиеся вблизи предметы и поглощает их»[644].

Успешно преодолев на вёсельном ходу и этот опасный водоворот, судно с груманланами пустилось вдоль скалистого Мурманского берега до полуострова Рыбачьего. Перетащив судно по волоковому пути в губу Большую Волоковую, далее мореходы ходко двинулись на судне мимо чужестранных берегов к высокому обрывистому мысу Нордкапу. Здесь корабль попал в жестокий шторм. *«Сильным порывом ветра,*– писал П. П. Свиньин,– *несло судно их, непослушное уже мочной* [устар. от *мощной*] *руке кормчаго, прямо к гранитной скале; через пять минут должны были неминуемо все погибнуть в яростных волнах моря; уже все простились друг с другом, но неожиданно были спасены вдруг переменившимся ветром, задувшим с берега»*[645].

Переждав в ближайшей *«губе»* [бухте] непогоду, через десять суток, «*запасшись тут трескою и палтусиною, отправились они опять в Ледовитый океан*», прямо на север, миновав на полпути между Нордкапом и Грумантом большой Медвежий остров. В 50 верстах от Груманта корабль с промышленниками внезапно был окружен *«ледяными горами»* [айсбергами]. Девять суток они безуспешно пытались пробиться сквозь льды. Потеряв всякую надежду, видя, что измученные люди совсем выбились из сил, капитан приказал добираться до берега по льдинам, прихватив с собой шлюпку, компас, оружие и «*инструменты, принадлежащие к звериному промыслу*». *«С величайшей трудностию перебирались они с льдины на льдину, перескакивая на баграх, и нередко разлучась один с другим».* Но вдруг сильный ветер разогнал айсберги, и корабль выбрался из ледового плена. Лишь *«в исходе августа 1784 года»* он вошёл в *«Марьину губу»* [бухту Магдалины] на северо-западной оконечности самого крупного острова архипелага – Западного Груманта[646].

Высадившись на берег, промышленники поставили становую избу и баньку из привезённых с собой брёвен, а затем поодаль построили несколько небольших избушек для промысла песцов в зимнее время[647]. За четыре года до Суханова в бухте Магдалины

---

[644] Норденшёльд А. Е. Плавание на «Веге».– Т. 1. / перев. А. Бонди, ред. В. Ю. Визе.– Л., 1936. С. 73.

[645] Свиньин П. П. Указ. соч. С. 196–197.

[646] Губа – далеко вдающийся в сушу морской залив или бухта, в которые впадает крупная река; Свиньин П. П. Указ. соч. С. 198.

[647] Окладников Н. А. Указ. соч. С. 49.

Панорама бухты Магдалины. Шпицберген. Barthélemy Lauvergne, 1852

уже стояла другая становая изба, которую посетил англичанин Бакстрем. По его словам, *«тогда здесь тоже жили русские, у которых, были длинные бороды, меховые шапки, тулупы из шкур белых и черных овец шерстью вверх, сапоги и длинные ножи вроде сабли, прицепленные сбоку. <…> Жилище русских состояло из двух половин, <…> с очень низким потолком. Посредине дома стояла круглая печка, которая одновременно согревала помещение и служила кухней и хлебопекарней; она отапливалась плавником. Большая труба служила одновременно для выхода дыма и для копчения мяса. К трём стенам переднего помещения были прибиты лавки <…>, покрытые медвежьими шкурами, на которых спала команда. Постели капитана и фельдшера были постланы шкурами белых песцов, а кровати кормщика, повара, плотника и некоторых других – овечьими шкурами. Стены помещения были гладки и замечательно чисты. <…> Свет попадал в помещение через достаточное количество стеклянных окошек <…>, пол же был глиняный. Всё помещение имело с наружной стороны длину в 60 футов и ширину 34 фута; оно было построено из толстых четырехугольных бревен <…>, проконопаченных сухим мхом; пазы и щели были, кроме того, залиты глиною и песком»*[648].

[648] Визе В. Ю. Указ. соч. С. 46–47.

В «Экономических примечаниях...» говорится, что *«когда* [промысел] *бывает удачен, то промышленники возвращаются в одно лето; а ежели скуден или становище обнесётся льдом, целыми горами по морю носимым, то нередко случается, что промышленники принуждены были проводить на промысле месяцов по 13-ти, 18-ти и по два года, а иногда и совсем погибают»*[649]. Летнее время, благоприятное для охоты и возвращения домой, из-за длительных скитаний по морю было упущено, и Самсон с промышленниками вынуждены были остаться на Груманте на зимовку.

До глубокой осени зверобои промышляли морского зверя: *«Стреляли зайцев* [морских зайцев или лахтаков], *моржей и серку* [тюленей], *а в море убили огромнаго кита в 25 сажень длины»*[650]. Промысел вели следующим образом: «*Оставя в избе для варения пищи и приготовления хлебов одного человека, разделяются на партии и, севши человек по осьми и более в карбас, выезжают в море. Когда же усмотрят зверей на льдах или на воде, то стреляют в них из больших ружей пулями, а ежели застают оных на берегу, то колют особыми для сего употребления зделанными спицами. Промышленники в карбасах своих, хотя и удаляются для промысла зверей вёрст на сто от своего становища, но как скоро получают столько добычи, то карбас ею нагрузить можно, то всегда возвращаются в оные»*[651]. Особенно у промышленников ценился морж, за которым, главным образом, и приплывали они на Грумант. Этот крупный морской зверь длиной до 5 аршин давал сала больше других ластоногих животных, лучшую кожу и *«рыбий зуб»* [бивни]. Местом промысла моржей были льдины или отлогий берег. *«Моржи очень ленивы. Вскарабкавшись на льдину целым семейством, они всю осень не оставляют ея. <...> Они мычат, как стадо быков, и этот рёв гулко отдается в прибрежных утесах»*[652]. По этому рёву зверобои без труда находили стада моржей, подкрадывались к животным с подветренной стороны и нападали врасплох[653].

1-го октября наступила полярная ночь. С приходом темноты разъезды по морю прекратились[654]. Зверобои, захватив с собой «*харч, порох и разные инструменты»,* разошлись по двое по промысловым избушкам, разбросанным на расстоянии от 20 до 100

---

[649] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 16.
[650] Свиньин П. П. Указ. соч. С. 198.
[651] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 20.
[652] Архангельский край: два чтения / ред. А. Ф. Соколов.– СПб., 1904. С. 59.
[653] Леонтьев А. И. Зимняя сторона.– Архангельск, 1999. С. 375–376.
[654] Свиньин П. П. Указ. соч. С. 198.

вёрст от становища[655]. Стали Самсон с товарищем промышлять в течение зимы по *«каменным и ледяным горам»*: *«поднимали кулемки* [ловушки на мелких зверей] *и ловили клепцами* [капканами] *песцов»*[656].

Однажды Самсон впервые повстречался с белым медведем: *«Зверь шел прямо на него на задних ногах с раскрытой пастью и страшным рёвом; – не было возможности спастись бегством, должно было победить или погибнуть».* Самсон, брошенный своим напарником, пошёл с рогатиной на медведя и нанёс ему глубокую рану в бок. *«С помощью трусливаго товарища своего, несколькими ударами довершает победу, снимает с него кожу и с торжеством возвращается в жилище своё. <…> В январе 1785 года случилось ему, опять одному, напасть на зверя сего, и тогда уже он не с трусостию, но с бодростию духа шёл прямо на него и победил».* С наступлением весны охота за медведями кончилась, все вновь принялись за промысел моржей.

«В мае месяце управляющий отрядил 8 человек, в том числе и Суханова, за 150 вёрст на Пуховые острова за гагачим пухом»[657]. Гагачий пух, необыкновенно лёгкий и тёплый, был важной и прибыльной статьёй дохода груманланов: пуд очищенного пуха стоил от 160-ти до 180-ти рублей. Гагачий промысел был не менее рискованный, чем звериный: *«Чтобы добыть из гнезда дорогой пух, смельчаки охотники взбираются на неприступныя скалы и крутизны, привязывают себя верёвкой за выступ скалы и осторожно спускаются по голой скале. Вися над пропастью, выбирают охотники из гнезда гагачий пух и кладут в корзину, которая прикрепляется к поясу»*[658]. Шведский исследователь А. Э. Норденшёльд, посетивший Пуховые острова в 1858 году, написал о них: *«Самые богатые гагачьи острова, виденные мною на Шпицбергене, это Пуховые близ Горнзунда. <…> Весь остров был почти сплошь покрыт гнёздами, и, чтобы не давить яиц между ними, приходилось пробираться с величайшей осторожностью. В каждом гнезде 5–6 яиц, иногда и больше»*[659].

Жестокие испытания настигли Суханова и его сотоварищей при возвращении с Пуховых островов в становище. *«Набрав оного* [гагачьего пуха] *до 20 пуд и несколько мешков яиц, отправились обратно к другим товарищам своим и по дороге застрелили 15*

---

[655] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 21.
[656] Свиньин П. П. Указ. соч. С. 198.
[657] Там же. С. 200–202.
[658] РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 22.
[659] Норденшёльд А. Е. Указ. соч. С. 140–141.

моржей и 4-х морских зайцев. Но на половине пути чуть было не погибли от ледяных гор, которые внезапно окружили утлый челнок их. <…> Когда лодка их была совершенно растёрта, то они спаслись на льдине, и таким образом перебираясь с одной на другую, дотащились до каменнаго утёсу. Нередко льдины под ногами их разрушались, или опускались в бездну морскую, и они должны были вплавь достигать другой ближайшей. Пришедши к утёсу, странники были более приведены в отчаяние, чем обрадованы». Попасть на берег было невообразимо: *«Гранитовая стена была так высока и пряма, что казалось невозможным взобраться на неё, притом льдина колебалась под ногами и страшила ежеминутно разрушением. <…> К счастию удалось одному удальцу вскарабкаться на неприступной утёс сей; потом, с помощью связанных кушаков взобрались и все, один по одному, на крутизну. Но здесь новая беда настигла их: дул пронзительный северный ветер, оковывавший намокшую одежду их в льды; не было прутика, чтоб развести огонь, не было захолустья, чтоб укрыться от стужи».* Отчаянию смельчаков не было предела. С невообразимыми усилиями, закоченевшие и изнурённые, они пустились ночью *«по острым скалам и скользким льдам»* в сторону зимовья. *«Лишь только дотащились до дому, как обрадованные товарищи их истопили им баню, и витязи наши воскресли»*[660].

В августе 1785 года отправились промышленники в обратный путь на родимую землю. На отъезд Самсон Суханов сложил прощальную песню о Груманте, которая со временем стала народной. В ней переданы чувства и мысли Самсона о пережитом на *«угрюмом Груманте»: «На тебе жить так страшно! Бойся смерти всечасно! Рвы на буграх, косогорах, Лютые звери в норах; Снеги не сходят долой – Грумант вечно седой».*

«Не отошли путешественники наши и 150 вёрст от Шпицбергена, как захватила их страшная буря, которая носила их более месяца по морю, подвергая ежеминутно судно их очевидной опасности». Лишь в конце сентября 1785 года прибыли промышленники в Архангельск, едва успев к Маргаритинской ярмарке. Первым делом по вступлении на берег поставили они свечки Николе Морскому за благополучное возвращение. Добыча была знатная: *«В год сей упромышляли они 300 моржей, 1000 песцов голубых и белых, 80 морских зайцов, 150 разной серки, 100 белуг* [белух], *150 медведей и большое количество бочек с жиром»*[661]. Успешно сбыв на ярмарке добычу, полученную за неё выручку артель разделила на паи. На

[660] Свиньин П. П. Указ. соч. С. 204.
[661] Там же. С. 204, 206.

долю Суханова досталось 136 рублей, большие деньги по тем временам.

Пережитые испытания наложили отпечаток на дальнейшую жизнь Самсона. Он физически окреп и возмужал, научился наблюдать природу и выживать в любых условиях, обрёл стойкость и бесстрашие. *«Провидение»*, как выразился высоким слогом П. П. Свиньин, провело будущего каменотёса *«сквозь тысячи несчастий и препятствий, <…> укрепляя его в терпении и в минуту отчаяния, на краю отверзтой пропасти», чтобы поставить его «на стезю свыше начертанного ему поприща»*[662].

Николаев Иван Романович,
культурно-исторический центр «Светочъ», Москва

ПРИБРЕЖНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И МОРСКАЯ АРХИТЕКТУРА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Морское культурное наследие за последние два десятилетия стало предметом повышенного интереса, в частности, в России. Разработка нового понятия позволила объединить ранее разрозненные представления об объектах наследия, связанных с взаимодействием человека и водных пространств, а также привела к возникновению новых тем исследований, таких как морская культура[663], прибрежный культурный ландшафт[664] и ряда научных концепций в отношении самого морского наследия[665 666 667].

---

[662] Свиньин П. П. Указ. соч. С. 188.

[663] Терещенко Е. Ю. Морская культура Кольского Севера: история и современность: монография. Мурманск, 2016. С. 14.

[664] Николаев И. Р. Прибрежный культурный ландшафт: определение и содержание понятия // Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей Международной научной конференции. Москва, 2019. С. 241–249.

[665] Звягин С. А. Морское наследие в социокультурном пространстве Русского Севера (теоретико-методологические основания и концепты) // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и Социальные науки. 2014. № 6. С. 48–49.

[666] Филин П. А., Фоломеева-Вдовина С. Б. Морское наследие России: перспективы сохранения и изучения // Современные производительные силы. 2013. № 2. С. 145–155.

[667] Фазлуллин С.М. Речное историко-культурное наследие Русской равнины // Русский Север-2017: Сборник материалов межрегиональной научной конференции Тотемского музейного объединения (23–26 февраля 2017 года).– Вологда, 2017. С. 177.

Комплексным решением в понимании культурного наследия стала концепция культурных ландшафтов, развивающаяся на стыке истории, археологии, культурологии, географии и ряда других дисциплин. Морское наследие, в свою очередь, подразумевает выделение морского или прибрежного культурного ландшафта[668]. За рубежом данная концепция увидела свет в конце 70-х годов под авторством шведского исследователя Кристера Вестердаля[669] и в настоящее время продолжает активное развитие.

В работах отечественных исследователей встречаются формулировки «морской культурный ландшафт»[670], «прибрежный культурный ландшафт»[671], «аквaландшафт»[672], однако упоминаются поверхностно, сохраняя сложившуюся в исследованиях морского, речного и подводного культурного ландшафта дихотомию «Земля – Вода».

С целью преодоления данного разделения и формирования комплексных представлений о морском наследии автором данной статьи была выдвинута концепция «Прибрежный культурный ландшафт»[673], основанная на работах Вестердаля и иных зарубежных исследователей. В зарубежных трудах отсутствует контекст прибрежного культурного ландшафта как части всемирного наследия ввиду изначально археологической направленности подхода и поставленной задачи при формировании концепции – объединить находки на суше и под водой.[674] Отличием концепции автора данной статьи стало рассмотрение прибрежного культурного ландшафта с позиций информационно-аксиологического подхода.

Согласно вышеупомянутому подходу, прибрежный культурный ландшафт следует определять, как *природно-культурный*

---

[668] Филин П. А., Фоломеева-Вдовина С. Б. Морское наследие России: перспективы сохранения и изучения. С. 146.

[669] Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // The Oxford Handbook of Maritime Archaeology / edited by Alexis Catsambis, Ben Ford, Donny L. Hamilton. New York, NY, 2011. pp. 773–762.

[670] Филин П. А., Фоломеева-Вдовина С. Б. Морское наследие России: перспективы сохранения и изучения. С. 146.

[671] Мозговой С. А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник. 2013. № 9. С. 38.

[672] Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. Москва, 2004. С. 13–36.

[673] Николаев И. Р. Прибрежный культурный ландшафт: определение и содержание понятия. С. 243.

[674] Westerdahl C. Die maritime Kulturlandschaft. Schiffe, Schiffahrtswege, Häfen. Überlegungen zu einem Forschungsansatz // Deutsches Schiffahrtsarchiv. 1986. № 9. pp. 8-10.

территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия водного пространства и человека, его социокультурной, хозяйственной деятельности, сопутствующих данной деятельности явлений и включающий материальные и нематериальные сочетания взаимосвязанных природных и культурных компонентов на земле и под водой.[675]

Прибрежный культурный ландшафт включает в себя ряд составных элементов, совокупность которых образует комплекс наследия. В процессе развития теории и методологии прибрежного культурного ландшафта Вестердаль описал и со временем трансформировал свои взгляды на структурное наполнение культурного ландшафта.

В ранних работах исследователь выделяет основные «категории источников ландшафта», куда относит материальные и нематериальные аспекты, свидетельствующие о морской культуре: кораблекрушения, останки прибрежной инфраструктуры, топонимику и т. д.[676] Позднее он систематизировал составляющие объекты и привел их к шести «типам ландшафтов»: экономический (хозяйственный), транспортный (коммуникативный), ресурсный, территориальный, когнитивный и ритуальный[677].

Несмотря на возможные пересечения между составляющими различных аспектов ландшафта, их можно объединить в единую структуру, включающую как типы ландшафтов, характерные для этнокультурного подхода, так и составляющие объекты наследия. Комплексная структура представлена на схеме 1.

Аспекты прибрежного культурного ландшафта, выраженные в типах ландшафтов, многозначны и объемны. Комплекс прибрежного культурного ландшафта не обязан включать все типы и предполагает модульность в структуре. В то же время типы ландшафта могут быть настолько объемны, что могут быть самостоятельными предметами исследования. Более того, объекты культуры могут возникать в процессе взаимодействия меж дефинициями или, в процессе осмысления или освоения, меняют свою первоначальную принадлежность. Примером могут служить

---

[675] Николаев И. Р. Прибрежный культурный ландшафт: определение и содержание понятия. С. 245.

[676] Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // International Journal of Nautical Archaeology. 1992. vol. 21(1). pp. 7-9.

[677] Westerdahl C. Conclusion: The Maritime Cultural Landscape Revisited // The Archaeology of Maritime Landscapes. When the Land Meets the Sea / Edited by Ben Ford. New York, NY, 2011. p. 339.

Схема 1. Аспекты прибрежного культурного ландшафта

объекты, используемые вторично, например, корабельная доска, использованная в строительстве, объекты материальной культуры, привезенные извне, в результате торговли, войны или иного рода взаимоотношений или же особенности градостроения прибрежного поселения, архитектурные формы.

Особого внимания заслуживает архитектура как аспект прибрежного культурного ландшафта и морского наследия в целом. Большинство отечественных исследователей в области морского наследия не выделяют декоративные элементы объектов, постро-

ек как дефиницию, присущую морскому наследию. В то же время одна из основополагающих зарубежных работ на данную тему – доклад британского исследователя Эдварда О'Хары отмечает данное направление в исследованиях[678].

Единственное упоминание декоративных элементов в составе морского наследия принадлежит С. М. Фазлуллину, как и выделение особенной категории, не упомянутой более ни отечественными, ни зарубежными исследователями – морские фасады зданий[679].

В контексте прибрежного культурного ландшафта архитектурные элементы могут быть включены в территориальный аспект ландшафта. Однако, углубление в вопрос показывает, что архитектура может получать значения и с точки зрения коммуникативного, когнитивного, ритуального аспектов ландшафта. Ярким примером может выступить Тотемское барокко – архитектурный стиль, распространившийся на культовую архитектуру XVIII века, получивший наибольшее развитие и происхождение благодаря тотемским купцам.

Характерными элементами памятников Тотемского барокко выделяют большую высоту здания при относительно небольшой площади, создающую оптическую иллюзию «исчезновения» большей части здания при взгляде с торца и главный элемент – выступающие из кирпичной кладки фигурные клейма – картуши.[680]

Хотя формирование стиля напрямую связано с географическими открытиями моряков-тотьмичей, прямой связи между декоративными элементами церквей и морской культурой практически нет. Однако благодаря визуальному сходству и трудам исследователей-краеведов сформировался образ Тотемских церквей как церквей-кораблей с мачтами-колокольнями[681]. Несмотря на первоначальную отрешенность от морского наследия, церкви становятся его частью, основываясь на устойчивых ассоциациях и фольклоре – когнитивных аспектах комплекса.

Церкви зачастую выполняли роль ориентиров, что позволяет говорить о вовлеченности построек в транспортный аспект, а

---

[678] О'Хара Э. Морское и речное культурное наследие, Доклад Совета Европы от 12 октября 2000 года № 8867 // Техэксперт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902018839 (Дата обращения: 20.12.2019).

[679] Фазлуллин С.М. Речное историко-культурное наследие Русской равнины // Русский Север-2017: Сборник материалов межрегиональной научной конференции Тотемского музейного объединения (23–26 февраля 2017 года). Вологда, 2017. С. 178.

[680] Кузнецов А., Новоселов А. По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда, 2018. С. 7.

[681] Там же.

богатство украшения церквей свидетельствует о статусности построек и еще больше связывает их с территориальным аспектом прибрежного культурного ландшафта.

Тотемское барокко не уникально с точки зрения принадлежности к морскому наследию. Примеры отражения эпохи географических открытий в архитектуре – испанский стиль «платереск», португальский стиль «мануэлино», изобилующие в том числе и морскими орнаментами[682].

Наличие нескольких невзаимосвязанных примеров позволяет говорить об особой категории морского наследия – морской архитектуре. В узком смысле под морской архитектурой возможно понимать архитектурные стили, связанные материальными или нематериальными аспектами с морским наследием и освоением людьми водных пространств. В широком смысле морская архитектура включает в себя характер и особенности постройки прибрежных поселений, напрямую вовлеченный в развитие морской культуры.

В настоящее время морская архитектура как часть структуры Морского наследия и прибрежного культурного ландшафта не выделена ни в России, ни за рубежом, в то время как её изучение позволит более комплексно оценивать общую научную картину. Тема требует дальнейших исследований и теоретических разработок.

Звягин Сергей Александрович,
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики РАН им. академика Н. П. Лаверова, г. Архангельск

МОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СМЫСЛЫ ГЕОСОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОМОРЬЯ

В основе статьи представлена область научных и общественных интересов, связанных с развитием и продвижением знаний о Поморье. Это авторская попытка выразить универсальные принципы русской цивилизации, осваивающей евразийское пространство через призму социокультурного наследия Поморья.

Лейтмотив понимания пространства Поморья состоит в том, что его освоение, его «внутренний каркас» содержит морскую,

[682] Зайцев С. М. Тотемское барокко // Русская Америка. Вологда, 1994. № 1. С. 20.

таласократическую[683] парадигму в том качестве, которое определено геополитикой, имея в виду то обстоятельство, что Россия как держава мирового значения и измерения всегда связана с морем. В этом смысле «Крайний Север России» никогда не будет «окраиной», поскольку край (граница)– это то место, где наиболее отчетливо и остро переживаются тождество, родство своего и различие, инаковость чужого. В этом смысле морское наследие рассматривается нами как компонент социального пространства в его исторической динамике и многообразии.

Морское наследие Поморья понимается как особого рода символический капитал, играющий важную роль в развитии современного геосоциокультурного пространства арктических акваторий и приморских территорий. Социальные аспекты морского наследия, его аутентичность и репрезентативность в обществе, а также правомочность этой репрезентативности являются новыми проблемами, до настоящего времени практически не затронутыми исследователями. Фактически только в процессе исторического и культурологического изучения была обозначена проблема его легитимности, и благодаря этим исследованиям термин «морское наследие» вошел в Морскую доктрину России, однако статус и его место в современном обществе изучены недостаточно.

Изучение морских традиций и рефлексии морского наследия на социальную действительность могут способствовать созданию подлинной атмосферы «морского духа» в Поморье, который неприемлем для обмана, фальсификации и разного рода манипуляций в создании духовно-нравственной и истинно патриотической атмосферы в обществе.

В недавней истории России общественная жизнь и ценностное пространство культуры претерпели сложнейшие изменения, связанные с радикальными переменами в экономике, внутриполитической и государственной жизни, в социальной структуре общества. Кризис этого периода, который называют реформированием и модернизацией, оказал влияние на содержание смыслообразующих жизненных установок людей, идеалов и ценностей, правил социального взаимодействия.

Глобальный социокультурный кризис современного мира конца XX– начала XXI столетия предопределил трансформацию и в символической системе российской культуры. Непонятное формирование новой социальной модели, конфликт ценностей,

[683] От греч. thalassa – море и kratos – сила, мощь.

экономические и политические факторы оказывают сегодня влияние на процессы изменения мировоззренческого капитала в обществе. Новый внутренний социально-политический «покрой» затрагивает большой комплекс вопросов, лежащих в плоскости взаимоотношений «человек – ценностное пространство культуры – общество».

Принципиально новым аспектом рассмотрения роли морского наследия как ценностного фактора в социокультурном пространстве России предстает комплексный анализ его смыслового содержания. Выбранный ракурс нашего исследования позволяет расширить знания о морском наследии в целом, раскрыть его эвристический потенциал успешного поиска истинных причин кризисных социокультурных трансформаций, происходящих в обществе. Идея заключается в том, чтобы дать обоснование феномена морского наследия как ценностного фактора развития социокультурного пространства на прибрежных территориях России.

Мы постепенно отступаем от своей внутренней сущности, от понимания того, как в географических широтах Севера выживать, каков был духовный потенциал у предыдущих поколений. С этим сейчас связаны большие проблемы во многих сферах деятельности и жизни государства и Поморья в частности.

Для морских и прибрежных регионов России характерны сущности, которые являются жизненно необходимыми. Сегодня необходимо понять, что заставляло людей в свое время осваивать новые территории не как колонию, в отличие от западных государств, а как пространство для жизни.

Чтобы понять будущее, надо обратиться к прошлому. Отсюда вытекает, что вопросы наследия актуальны и при соответствующем внимании к этой теме могут быть полезны при формировании концептов для развития прибрежных регионов страны. В этом контексте отметим, что если не будет ориентации управленческой элиты на традиционно русские северные морские ориентиры и традиционные ценности и их смыслы – не будет, с нашей точки зрения, и соответствующей логистики в управлении и устойчивом развитии северных, арктических и приарктических территорий. Этот тезис вовсе не означает, что мы призываем к некой архаике, но без подлинного понимания истоков Поморья, его мореведческого смысла не может быть и поступательного развития региона.

Мне могут возразить, что сейчас другое время и логика дореволюционного или советского периода, к примеру, в развитии флота (гражданского, прибрежного, маломерного, речного и даже

спортивного) исчерпала свои возможности. Но дело в том, что как раз прибрежный, маломерный, а также речной флот могут составлять основу для поступательного социально-экономического развития в Поморье.

Северо-западная часть России, куда входят Архангельская область, Карелия, Коми, Вологодская область, Ленинградская область, обладает колоссальными водными ресурсами. Водные просторы этого региона настолько велики, что их использование может и должно быть логическим и базовым аргументом в продвижении и создании инфраструктуры по развитию водного морского, арктического и речного туризма, транспортных коммуникаций подлинно государственного значения.

Маринистская специфика (в том числе речная культура) своеобразна и обладает, прежде всего, устойчивыми традициями, и если рассматривать традицию как способ удержания культурного кода, то вопрос сохранения морского наследия нации становится крайне важным в осмыслении путей развития и определения целей.

Отождествлять традицию с гражданственностью и культурой в целом, на наш взгляд, будет обоснованно, когда речь идет о России как цивилизации с огромной территорией и с широким диапазоном менталитета культуры ее регионов. Гармоничность развития приморских территорий заключается не только в соотношении и соответствии социально-экономического и социокультурного баланса, но и влиянии этого баланса на рост интеллектуального ресурса России, и когда мы говорим о смыслах, вкладывая в это понятие философский контекст, уместно будет вспомнить великих наших ученых. Например, М. В. Ломоносов отводил философии функцию своеобразного методологического начала, содействующего проникновению в «сущность вещей». Именно философия, полагал он, является надежным средством понимания мироздания. От М. В. Ломоносова идёт традиция русского научно-философского реализма. Наш современник академик Д. С. Лихачев высказал замечательный тезис, в котором читается, с нашей точки зрения, важный философский подтекст. В отношении к *«новому»* он пишет: «Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – *созданием нового и осознанием старого как нового*»[684].

---

[684] Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. // Площадь Д. С. Лихачёва [электронный ресурс]. Режим доступа: www. http// lihachev.ru›pic/site/files/fulltext/pis. (Дата обращения: 17.12.2019).

В этом тезисе мы выделяем слово *«новое»* Речь идет о его глубоком смысловом значении. Именно философский смысл как необходимое условие развития и «надежное средство понимания» играет ключевую роль в оценке соответствия социально-экономического и социокультурного баланса в Поморье.

В современном мире происходят сложные процессы трансформации культурных кодов, меняются способы передачи знаний о мире, о прошлом культурной эпохи. Вопросы единого европейского экономического пространства и вопросы национальной идентичности находятся в противоречии. Современные средства массовой информации (как объекты и субъекты культуры), часто интерпретируя реальность с позиции политической или финансовой выгоды, ярко демонстрируют порой общее квазикультурное состояние, которое переживает общество.

Рыночные отношения, вероятно, могут саморегулировать процессы в политико-экономической сфере государства, но явно не могут регулировать культурные процессы. Рынок, используя экономические рычаги, прагматичен по своей сути, а комплекс вопросов, лежащих в плоскости взаимоотношений *человек – ценностное пространство культуры – общество,* затрагивает совершенно иные регуляторы. И если государство рассматривает экономический рост и прибыль как качественный показатель, то культура отображает качественную характеристику общества (социума) в государстве. Но государство не эфемерно само по себе, это форма организации общества, а «организация» как функциональный субъект обладает также качественной, *аксиологической* характеристикой. Это значит, что экономические, политические государственные устремления напрямую зависят от того, насколько культурный уровень социума предрасположен к новым изменениям в сферах политико-экономического характера.

Обращение к теме морского наследия Севера вызвано необходимостью осмысления основных вопросов, определяющих состояние развития и жизнедеятельность людей на Европейском севере России. Суть этих вопросов в следующем:

1. Какова роль морской культуры в осмыслении проблемы формирования морского сознания нации, как сохраняются традиции и механизмы морского наследия.

2. Какова роль морского наследия в жизнедеятельности Российского Севера сегодня и Поморья в частности.

В современных условиях трансформации российского гражданского общества социально-философский анализ морского насле-

дия определяется не классическими моделями образовательной и просветительской деятельности, традиционно управлявшими процессами трансляции историко-культурного наследия, а условиями модернизации, при которых постигаемые человеком смыслы нуждаются в обобщениях междисциплинарного характера и требуют новых исследовательских подходов в определении социальных смыслов, ценностей и норм. Отсюда возникает необходимость осмысления морского наследия в современном социокультурном пространстве России.

При отсутствии теоретических исследований, связанных с социально-философским осмыслением феномена морского наследия, возникает необходимость междисциплинарного изучения и выявления семиотического и функционального статуса морского наследия в современном социокультурном пространстве России.

В прикладном значении анализ морского наследия выявляет стратегию и конфигурацию социокультурных практик, направленных как на формирование программ духовно-нравственного характера и патриотического воспитания молодежи, так и на сферы социально-экономического развития в Поморье.

Выявление соотношений морского наследия и геосоциокультурного пространства Поморья актуально не только в сфере теоретического гуманитарного поиска, но и в сфере социальной деятельности человека и общества, в переосмыслении отношения к морскому наследию от «охранительной» концепции к концепции социального развития. Данный аспект определяет поиск тех качественных особенностей морского наследия, которые делают его социально значимым и непохожим на все другие инициативы и виды практики, выделяет его атрибутивные, имманентные и системообразующие качества.

Вектор изучения феномена морского наследия, смысл и значение которого заданы историческим и социокультурным фоном, изначально проникающим в его сущность, направлен к новым социокультурным обстоятельствам. При этом его смысловое поле обращено к будущему, а его связь с предшествующими социальными и историко-культурными концепциями определяется автором как социокультурная смысловая данность, ушедшая в историю незначительно. Отсюда возникают задачи рассмотрения ценностей, которые заложены в морском наследии потенциально и раскрываются в контексте новой социокультурной и пространственно-временной заданности.

Феномен «морское наследие» имеет важное эвристическое значение не только в познании духовного содержания человеческой деятельности, но и в том, что он может широко использоваться в диагностике и решениях социальных, политических и экономических реалий России, в жизни человека и общества. Тема морского наследия в геосоциокультурном пространстве Поморья многогранна и затрагивает различные стороны предмета нашего анализа.

Наиболее эффективно термин «морское наследие» зарекомендовал себя в теории и истории культуры, исторических и географических исследованиях, однако в научной публицистике широко используется термин «морская культура». В их числе труды по морской культуре современных исследователей: Е. Ю. Терещенко[685], С. А. Мозгового, П. А. Филина, Г. К. Войтоловского[686], как предмета философского анализа морской культуры труды Н. М. Теребихина[687].

Понятийное содержание термина определило постановку ключевой проблемы нашего исследования в определении морского наследия как предмета социально-философского анализа.

Одной из фундаментальных проблем социальной философии, в рамках которой мы рассматриваем Поморье, является концепция социокультурного пространства.

Морская тема, в какой бы области она не рассматривалась, связана с понятием пространства. Осмысление пространства имеет разные уровни представлений: от физического, ассоциативного, до сакрального. В результате складываются устойчивые представления о географических объектах или устойчивых культурнозначимых символах, имеющих разную степень пространственных коннотаций.

Процесс освоения пространства, именуемого традиционно «Русский Север», достаточно подробно исследован в отечественных гуманитарных науках. Так, например, В. Н. Калуцков[688], определяя *Русский Север* как геоконцепт, соотносит его с территорией

---

[685] Терещенко Е. Ю. Морфология современной морской культуры Кольского Севера // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 208–219.

[686] Теория и практика морской деятельности. Вып. 8: Факторы развития: внутренние и внешние / сост.: Батурова Г. В., Войтоловский Г. К. [и др.].– М.: СОПС, 2006. 224 с. (Серия научных публикаций / под ред. проф. Войтоловского Г. К.).

[687] Теребихин Н. М. Метафизика Севера: монография.– Архангельск, 2004. 272 с.

[688] Калуцков В. Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1, № 1. С. 27–36.

(местом) определенного сообщества, обладающего устойчивым образом. В структурном качестве геоконцепт «стягивает» и удерживает как целое образ места, топоним и определенную территорию (место). Подобной структуре соответствует концепт «Поморье», сложившийся и признанный окончательно в XIX в. и широко используемый сегодня.

Образное представление о Поморье также неотъемлемая часть анализа. Тема образов географического пространства в философии исследована в трудах Д. Н. Замятина и Н. Ю. Замятиной[689].

Обзор научно-исследовательской литературы свидетельствует об отсутствии специальных монографий, в которых морское наследие выступало бы в качестве предмета социально-философского анализа.

Вместе с тем, современные культурологические концепты, уходящие в глубокие исторические пласты формирования культуры Русского Севера и Поморья в частности, отражены в исследованиях культур философского дискурса, связанного с морской проблематикой. Особое место здесь занимает научное творчество Н. М. Теребихина, который в своих работах ярко осветил историософское начало и истоки формирования морской культуры Севера, ее сакральность.

Взятые во внимание идеи и теоретические разработки представителей отечественной и европейской мысли о значении мореведческой темы как предмета культур философского характера позволяют нам включить предложенную тему в социально-философский дискурс. В этом аспекте анализ программ и проектов в объемах государственной культурной и научно-образовательной политики позволяет нам на основе представленного исследования выявить характер и особенности постановки проблемы морского культурного наследия в современных реалиях, в понимании роли истории, культуры, традиций. Отсюда, в частности, вытекает необходимость обращения к социологическому подходу в использовании ресурсных возможностей и потенциала морского наследия в стратегии развития северных приморских территорий России. Здесь следует отметить, что в формировании

---

[689] Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов / Рос. НИИ культ. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева, Рос. гос. гуманит. ун-т. М.: Знак, 2006. 485 с.: ил.; Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 506, [1] с.; Замятина, Н. Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов // Региональные исследования. 2011. № 2 (32). С. 24–35.

социокультурного пространства приморских районов России проявляются две противоположные тенденции, диалектическое единство которых образует феномен морского наследия:

1. *Стремление к модернизации.*
2. *Сознательное стремление к традиционализму.*

Первая тенденция обусловлена военно-экономическими мотивами государства, вторая – потребностями россиян в национальном самоутверждении. Непрерывное взаимодействие данных противоположных тенденций, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступает источником развития морского наследия как феномена исторического и геосоциокультурного характера, создавая условия для обретения им статуса социального института, функционирующего в социокультурном пространстве России.

Ипостась морского наследия заключается в том, насколько актуализируются духовные и социально-репрезентативные воззрения человека и общества в формировании социокультурного пространства Поморья, насколько и как ценности морского наследия включены и могут влиять на процессы развития.

В чем суть наших изысканий? Проблема модернизации российского общества давно уже перестала быть узко-теоретической и приобретает не только политическое, но и социально-экономическое и социокультурное значение. На смену антитрадиционалистским рефлексиям, которые явно отрицательно влияли на процессы развития в 90-е годы, приходят представления о модернизационном потенциале традиций. Суть этих представлений, на наш взгляд, возможна и плодотворна лишь в случае, если инновации согласуются с традициями и традиционными представлениями о Поморье без обмана и фальсификации.

Именно с учетом данной специфики мы сможем сохранить свою историческую (цивилизационную) субъектность. Мы надеемся, что проведенный социально-философский анализ морского наследия дополнит наше представление о нем не только в сфере научно-теоретического и гуманитарного характера, но и внесет изменения в представление и оценку морского наследия как важного социального конструкта развития, содержащего креативный смысл и инновационную сущность. Это осмысление поможет выстроить в обществе понимание дальнейшего движения к прогрессу и совершенствованию социокультурного пространства Поморья.

Наумов Юрий Михайлович,
музей-заповедник «Кижи», г. Петрозаводск

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СУДОСТРОЕНИЯ И СУДОХОДСТВА РОССИИ. К ВОПРОСУ О ВОДНОМ ТУРИЗМЕ

Посвящается друзьям:
И. В. Данилову, первому звонарю России,
С. М. Зайцеву, создателю музея И. А. Кускова, г. Тотьма,
А. Н. Давыдову, к. и. н., зав. лаборатории
экологии культуры ИЭПС УрО РАН,
и нашим товарищам – участникам экспедиций
клуба «Полярный Одиссей».

Эпоха Великих географических открытий России официально начинается с Петра I, но освоение россиянами побережий и островов морей Европейской Арктики началось с первых походов новгородцев по водно-волоковым путям и побережьям Белого моря, задолго до целенаправленной государственной политики расширения границ на восток.

Географические особенности региона, разветвлённая озёрно-речная сеть, соединённая с большими реками (Волхов, Свирь, Вытегра, Шексна, Сухона, Северная Двина), обусловили освоение россиянами центрально-северной зоны Европейской части России. Сеть водных путей составляет фактически этногеографическую основу для формирования культуры и северорусских традиций, а опыт освоения этих территорий и вовлечения в общегосударственную хозяйственную и культурную жизнь новых народов позволили промышленным людям Русского Севера продолжать присоединение новых земель. Главную роль в этом продвижении северного русского по происхождению населения «встречь солнцу» сыграли традиционные лодки всех бассейнов и более крупные водные средства передвижения, в частности – поморские кочи, лодьи, шитики и другие суда. Из таких центров, как Холмогоры, Устюг Великий, Тотьма, Вологда, Белозерск и Вытегра с XVI в., всего за 100 лет российские «государевы» и вольные «охочие» люди прошли 1/3 земного меридиана до Берингова пролива и Камчатки, освоив бассейны великих сибирских рек Оби, Енисея и Лены; при поддержке коренных народов в орбиту политических и экономических процессов вошли огромные территории Азии и Америки.

Во второй половине XX в. интерес к традиционному судостроению и судоходству в Европе вышел за пределы только научных исследований и перешёл к историко-культурным экспериментам[690], начинается активное проектирование, строительство копий древних судов и моделирование плаваний по маршрутам первооткрывателей. Международный опыт навигационных экспериментов основывался на тщательной реконструкции (реплике) основных размерений и технологии постройки конкретных исторических судов. *«Точность исторического знания ... полученного таким образом, когда современный человек непосредственно погружает себя в условия и реалии далёкой ушедшей эпохи, представляет собою новую культурную и научную ценность. ... получить их можно только в экспедициях, открывающих в современном пространстве пласты исчезнувшего времени»*[691]. В то же время в СССР уже действуют тысячи клубов, все туристы в своих походах, том числе и по древним сухопутным и речным путям, стремятся к осознанию и практичес-

Коч «Помор» и лодья «Грумант» в Белом море. 1989. Фото Ю. И. Манжелей

[690] Экспедиции на репликах различных исторических судов, повторяющие традиционные маршруты соответствующего периода истории *(прим. автора).*

[691] Лебедев Г. С., Жвиташвили Ю. Б. Дракон Нево: на пути из варяг в греки.– СПб. 2000. С. 11.

кому ощущению не только условий и способов передвижения, но и реальностей истории своей страны.

В 1978 году в г. Петрозаводске был создан морской клуб «Полярный Одиссей», который одним из первых вышел в северные моря на приспособленных парусно-моторных судах. В 1987 году под руководством Виктора Дмитриева впервые в СССР была построена 13-метровая реплика исторического судна – поморский коч «Помор». С этого же времени началось многолетнее сотрудничество с Морской Арктической комплексной экспедицией (МАКЭ) Института наследия им. Д. С. Лихачева (г. Москва). П. В. Боярский стал научным руководителем совместных навигационных экспериментов 1987–90 гг. в Арктике: экспедиции на коче «Помор» и лодье «Грумант» по Белому морю, на Шпицберген («Путь на Грумант»)[692] и вокруг Скандинавии («Скандинавское кольцо»).

Полученный опыт морских походов и навигационные навыки позволили доказать способность небольших поморских судов для прибрежного плаванья преодолевать пространства открытого моря. Участниками экспедиций решались исследовательские задачи: как ходить на деревянном судне с прямыми парусами без двигателя, пользоваться компасом, картами и лоциями, понять, в каких условиях жили поморы, как осваивали морские пространства и налаживали культурные контакты с местными жителями, в том числе за границами России.

В 1990 г. были построены три древнерусские ладьи «Вера», «Надежда», «Любовь», которые, пройдя более 5 000 км по рекам и каналам Волго-Балта и Волго-Дона, совершили паломничество «за три моря» на Святую Землю и дошли до Египта[693].

В те же 1990–91 гг. экспедиция Ленинградского университета «Нево-викинг» создала прецедент международного сотрудничества. Был реконструирован «древнерусский» вариант ладьи X века для плавания по пути «из варяг в греки» и пройден маршрут от Стокгольма (Швеция) до Пирея (Греция). Экспедиция под руководством историка Г. С. Лебедева и капитана Ю. Б. Жвиташвили смогла провести археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем[694].

В 1991 году, продолжая историко-навигационные эксперименты на европейском Севере, вторая экспедиция «Скандинавское кольцо»

---

[692] Георги В. С. Путь на Грумант.– Петрозаводск. 1991.

[693] Георги В. С. К Святой Земле под парусом «Надежды».– Петрозаводск. 1992.

[694] Лебедев Г. С., Жвиташвили Ю. Б. Дракон Нево: на пути из варяг в греки.– СПб. 2000.

Древнерусские ладьи у о. Кижи в Онежском озере. 1990. Фото Ю. Л. Масляева

на поморской лодье «Св. Николай» прошла вокруг Скандинавии. Для продолжения навигационных экспериментов в морях Восточного сектора Арктики и Русской Америки на коче «Помор» в 1991–94 гг. была организована экспедиция «Колумбы Российские» на Аляску. Эта экспедиция клуба «Полярный Одиссей» была посвящена 250-летию официального открытия экспедицией под командованием А. Чирикова западного побережья Северной Америки.

Команда коча «Помор» подбиралась из региона северорусских первопроходцев: двое членов клуба – представители вологодской земли, четверо архангельских поморов, только переводчик- «толмач» был из Москвы. Штурман И. Данилов, известный учёный-этнограф и мастер колокольных звонов из Архангельска, уже участвовал в экспедициях коча «Помор», а создатель музея И. А. Кускова в г. Тотьма С. Зайцев впервые вступил на его борт. Коч «Помор» не имел двигателя, поэтому вместе с участниками экспедиции из Мурманска на борту судна для ледового плаванья «Павлин Виноградов», пройдя пять морей, был доставлен на Чукотку. Перед началом морского похода, впервые в новой России, С. Зайцев поднял на коче «Помор» триколор – флаг Русско-американской компании.

После ледового шторма коч «Помор» с буксировками прошёл вдоль берегов Чукотки и обогнул мыс Дежнёва. С берега залива

Экспедиция «Колумбы Российские» на Чукотке. 1991. Фото В. Н. Вешнякова

Лаврентия 6 октября 1991 года коч вышел в автономное плаванье курсом на Аляску. В это время года в Беринговом море в американских водах не встретилось ни одного судна, на вахтах приходилось топить печку, чистить от снега палубу и обколачивать ото льда паруса. После шторма коч «Помор» под колокольные звоны И. Данилова пришёл в эскимосскую деревню Скаммон-Бей. Эскимосы тепло приняли участников экспедиции, по решению совета старейшин было получено разрешение на зимовку, и коч был вытянут на берег. По старому поморскому обычаю на горе у деревни команда поставила обетный крест. В 1992 году, вернувшись на Аляску, участники экспедиции продолжили плаванье на коче до русской колонии Уналашка на Алеутских островах. К сожалению, не удалось найти средства на прохождение вдоль Русской Америки до Форта-Росс, пришлось остановиться в Морском музее г. Ванкувер (Канада), а в 1994 году, при поддержке Дальневосточного и Северного морских и Беломоро-Онежского пароходств, через Владивосток, Тикси, Мурманск и Архангельск удалось вернуть коч «Помор» в Петрозаводск.

Экспедиция помогла понять, что Русская Америка – это общая история России и США. Об этом напоминают имена на географических картах: Форт Росс и река Русская, Мыс Румянцева, улица лорда Баранова в Фербанксе и русские названия некоторых эскимосских селений. Это удивительный опыт позитивного развития и симбиоза русской культуры и культуры коренных народов. Много семей первых русских первопоселенцев живут на Алеутских островах, ведут традиционное хозяйство, занимаясь морскими промыслами, а коренные жители Аляски сохраняют Православие, носят русские имена и фамилии и очень горды общей историей. В эскимосском языке все слова, связанные с судостроением и судоходством, строительством домов и домашним хозяйством, промысловыми орудиями и предметами быта, имеют русское происхождение и никак не связаны с англоязычными корнями.

В 1990–2000-е гг. ведётся активная работа клуба «Полярный Одиссей» по организации международных морских фестивалей на Онежском озере, благодаря которой в 1994 г. удалось получить разовое разрешение, а в 1997 г. был введён упрощённый порядок прохода для некоммерческих иностранных прогулочных и спортивных судов по внутренним водным путям (ВВП) России. В 2004 г. по инициативе клуба «Полярный Одиссей» Институтом экономики КарНЦ РАН была разработана стратегия мега-проекта развития международного водного туризма проекта «Скандинавское кольцо».

Благодаря сотрудничеству клуба «Полярный Одиссей» с МАКЭ отработана комплексная методика навигационных экспериментов, которая включает историко-архивные изыскания для определения типов судов, традиционных для региона, сроков и этапов пути, мест стоянок на пути, исследования систем жизнеобеспечения. Комплексный подход позволяет выявить не только особенности движения по системе рек, но и специфику формирования и развития историко-культурных взаимосвязей различных этнических групп.

В 2010 г. по инициативе Чукотского АО был разработан проект «Чукотка – Территория Открытий» (научный руководитель эксперимента д. и. н., профессор П. В. Боярский, руководитель Т. А. Рогожин, координатор проекта Ю. М. Наумов, научный консультант экспедиции А. Н. Давыдов). Программа с уникальной экспедицией, повторяющей маршрут движения на судах первопроходцев с Европейской части России до Чукотки, была посвящена 365-летию открытия С. Дежневым Берингова пролива. В июне 2011 года на

Малый коч в г. Тотьма на р. Сухоне. 2011. Фото Ю. М. Наумова

верфи «Полярного Одиссея» были спущены на воду 2 парусно-моторные реплики 12 м малых кочей «Св. Николай» и «Св. Ап. Андрей». В рамках проекта «Поморское кольцо» экспедиция прошла на кочах более 2000 км по маршруту: Вытегра – Белозерск – Тотьма – Великий Устюг – Холмогоры – Архангельск – Соловецкие острова и вернулась в Петрозаводск. Экспедиция проходила отработку навигации по рекам и Белому морю как подготовительный этап реконструкции плаваний первопроходцев по реке Лене и морям Северного Ледовитого океана. Экспериментальное плаванье, с заходом на родину Семена Дежнева в Великий Устюг, включало мониторинг памятников истории и культуры Поморья, сбор материалов по освоению Севера и состоянию морской/речной обстановки для судоходства. Завершился этап участием в Кижской регате двух кочей и чукотской байдары. Музеи-заповедники «Кижи», «Соловецкие острова», «Малые Корелы» и Кирило-Белозерский являются крупнейшими экспозициями на Европейском Севере России, проект «Поморское кольцо» позволил связать самые известные музеи-заповедники Русского Севера водным маршрутом.

В 2012 году чукотские кочи были доставлены на р. Лену и продолжили движение на восток, пройдя около 5 000 км по течению р. Лены и морем до порта Тикси. Летом 2014 года, пройдя более 1 500 миль вдоль побережий Чукотского моря, в сложных погодных условиях полярного лета, почти без стоянок в отсутствие

портов и удобных бухт, кочи ошвартовались в порту столицы Чукотки Анадыре. Полученный опыт и практические результаты позволяют сделать вывод о возможности использования малых судов в освоении Сибири и арктических побережий и открытии Берингова пролива.

Главные цели проекта: привлечение интереса к Чукотке, развитие историко-культурного и спортивного туризма и патриотическое воспитание молодежи. Итогом проекта должны стать туристические программы по приёму туристов с привлечением местных жителей. Динамичное развитие в начале XXI века позволило Чукотскому автономному округу стать передовым по многим показателям. «Россия начинается с Чукотки» – так позиционируют себя местные жители региона, который впервые в России смог реализовать полномасштабный историко-навигационный эксперимент прохождения русскими первопроходцами на малых чукотских кочах по рекам России и морям Арктики.

По мнению участников и организаторов, характер передвижения по традиционным водным путям на воссозданных поморских кочах под парусами и на вёслах даёт туристам возможность погрузиться в состояние первопроходцев и вместе со специалистами реконструировать и освоить особенности плавания на судах прошлого. Отмечено, что в музеях культурных центров и населённых пунктах по всему маршруту сохраняется богатейшее наследие и есть потенциал для развития водного туризма.

Географическое положение и возможность выхода в Белое и Балтийское моря, своеобразные природные условия позволяют считать Северо-Западный Федеральный округ самой перспективной территорией для развития яхтинга и водного туризма. Ладожское и Онежское озера – самые большие пресноводные водоёмы в Европе, экзотические внутренние водные пути России, природные и культурные памятники привлекают внимание отечественных и иностранных владельцев яхтенного флота. В 2019 исполняется 30 лет первой экспедиции по маршруту «Скандинавское кольцо», клуб «Полярный Одиссей» с партнёрами вновь предложили привлечь внимание к развитию водного туризма на Северо-Западе России. Яхтинг и морской туризм имеют большое значение в экономике большинства стран Европы и мира. В проекте заложена основа для развития турбизнеса, интеграции России в международный яхтенный и круизный туризм и привлечения инвестиций в инфраструктуру ВВП России для обслуживания иностранных судов.

За 40 лет клубом «Полярный Одиссей» были воссозданы и возвращены в реальную жизнь более 30 различных исторических судов, совершивших морские экспедиции, о которых рассказывают сотни статей в российских и зарубежных СМИ, около 80-ти документальных фильмов и телевизионных сюжетов. Благодаря деятельности клуба г. Петрозаводск стал главным центром деревянного судостроения России – развились четыре верфи: «Полярный Одиссей», «Варяг», «Вокруг Света» и «Корабел», в городе проходят морские фестивали[695]. Результаты работы клуба вдохновили и объединили многих единомышленников, сохраняющих традиции российского судостроения и судоходства в нашей стране. В России уже построено около 150 исторических судов и тысячи традиционных лодок, появляются новые проекты постройки реплик, появляются новые водные фестивали, проводятся экспедиции в различных регионах России. Опыт работы клуба «Полярный Одиссей» показывает, что историческое судостроение позволяет сохранить традиции судоходства и создаёт новые возможности для межрегионального сотрудничества по развитию историко-культурных маршрутов водного туризма.

Как показал опыт, экспедиции на репликах старинных судов представляют значительный интерес для межрегиональных связей. Администрация Чукотки активно сотрудничала с комитетами по туризму Республики Карелия, Вологодской и Архангельской областей с целью использования потенциала культурного наследия по всему маршруту «Поморское кольцо». Воспитанники Школы путешественников Ф. Конюхова уже освоили маршрут по р. Сухоне из г. Тотьмы на родину С. Дежнёва в г. Великий Устюг. Такое сотрудничество, включая международное, создаёт возможности для развития новых и постоянно действующих маршрутов историко-культурного и экологического водного туризма и патриотического воспитания молодого поколения.

[695] Морской клуб «Полярный Одиссей» [сайт]. Режим доступа: http://polar-odyssey.org или в Яндексе «Виктор Дмитриев Полярный Одиссей». (Дата обращения 29.12.2019).

Дорофеева Елена Михайловна,
ФГБОУ ВО «Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова», г. Архангельск

КОЛОКОЛА ПОД ПАРУСАМИ И МОРСКИЕ ПУТИ ИВАНА ДАНИЛОВА

Иван Васильевич Данилов (1952–1998) был одним из тех, кто возрождал в России искусство колокольного звона, начиная с 1970-х годов. «Историк, звонарь, путешественник» – так подписывал он свои статьи в последние годы жизни.

Данилов учился звонить в Архангельском музее деревянного зодчества на маленькой часовне с пятью колоколами, но очень скоро слава об архангельском звонаре пошла по всей стране, а ему стало тесно в музее. Следующим этапом жизни И. В. Данилова стали морские путешествия, а он стал первым звонарем, который превратил в звонницу парусное судно.

Первое исполнение колокольных звонов с борта парусника состоялось в 1989 году на рейде норвежского города Вардё (побратима Архангельска) в дни празднования его 200-летия. На юбилей города-побратима из Архангельска приехали ученые, музыканты,

Первый опыт колокольных звонов с яхты. г. Вардё, 1989 г.

художники, народные коллективы. В числе праздничных мероприятий на самой высокой точке острова состоялся рок-концерт «На вершине Европы», который и завершал колокольными звонами Иван Данилов. Специально для этого везли из Архангельска колокола и деревянную сборную звонницу. Все это было доставлено на трех яхтах «Гринда», «Командор» и «Ася». Перед отправлением в обратный путь решили поблагодарить гостеприимных хозяев: закрепили на гике яхты «Гринда» 5 небольших колоколов, и Иван Васильевич исполнил праздничный звон. Это был его первый опыт исполнения колокольных звонов с палубы судна, и всем, кто его слышал, он показался удачным – звук хорошо распространялся по воде.

Потом подобных концертов было много: в больших городах и маленьких деревушках, в открытом море или среди льдов.

И. Данилов участвовал в нескольких экспедициях петрозаводского клуба «Полярный Одиссей» на коче «Помор», первой была экспедиция вокруг Скандинавии в 1990 году. Сначала шли вдоль Норвегии: Вадсё, Киберг, Вардё, Тромсё. Здесь, на севере Норвегии еще сохранялась память о поморах, посещавших эти земли до 30-х годов XX века. Больше месяца шли вдоль берегов от Нордкапа до Рисера – курортного городка на юге Норвегии. Впереди был Стокгольм, где проходил Международный конгресс морских музеев. Один из последних в этой экспедиции концертов Ивана Васильевича был для участников конгресса. Слушатели со всего мира – от Австралии и Японии до Великобритании и США – искренне благодарили Ивана за уникальный талант[696].

Самой сложной оказалась экспедиция к берегам Русской Америки. Тот же коч «Помор» должен был пройти по Северному морскому пути на Аляску. Члены экипажа: Юрий Наумов – руководитель программы, по судовой роли капитан, Владимир Вишняков – оператор Архангельского телевидения, Иван Данилов – мастер колокольного звона, сотрудник Института экологических проблем Севера УрО АН СССР, Станислав Зайцев – директор музея И. А. Кускова г. Тотьмы, Евгений Зимирев – архангельский художник, член Союза художников, Станислав Курицын – художник-декоратор, Андрей Григорьев – переводчик и кинооператор Юрий Колышков, но только 4 человека имели морские навыки. На борт коча еще в Петрозаводске были погружены 9 колоколов, отлитых в Воронеже, самый большой весил 120 кг.

---

[696] Терентьев С. В. Под парусами Помора // Иван Данилов – мастер колокольного звона. Архангельск, 2007. С. 140.

На палубе коча «Помор». 1991 г. Фото В. Вешнякова

В августе 1991 года в Мурманске коч погрузили на теплоход «Павлин Виноградов», закрепили на крышке трюма. Так прошли Северным морским путем через моря: Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское. Не доходя до мыса Шмидта коч спустили на воду, и Чукотское море проходили на буксире разных судов.

«Первый колокольный концерт Иван устроил на мысе Шмидта, когда мы уже автономно шли,– вспоминает Е. Зимирев.– *Вытащили колокола из трюмов, повесили их на реях. И началось! ...Тюлени да нерпы из воды повысовывались, даже белая медведица с медвежонком откуда-то появилась – оба измазанные чем-то желтым, наподобие олифы. Короче – хорошие слушатели были!»*[697]. Так – то среди льдов, то на открытой воде – звонил Иван Данилов в колокола, чтобы понять, услышать, как распространяется, от чего отражается звук, как звучат колокола при различных погодных условиях, как держать себя звонарю, как размерять силу удара, когда под ногами не каменные полы колокольни, а зыбкая палуба.

---

[697] Зимирев Е. Н. «Не валяй дурака, Америка!» // Иван Данилов – мастер колокольного звона. Архангельск, 2007. С. 150.

Ивану нравилась дружественная атмосфера на судне, риск на руле и чувство ответственности за жизнь товарищей. Он считал себя потомственным моряком, ведь еще его прадед служил в Кронштадте, да и сам он детство провел на берегу моря, собирался после школы поступить в мореходку.

Как и в предыдущих плаваниях, прибытие парусника сопровождалось колокольными концертами Ивана Данилова, и судно превращалось в плавучую звонницу: *«На мысе Шмидта несколько раз дали колокольные концерты, которые прошли с большим успехом. Причем концерты проводились и для чукчей, и для пограничников, и для свадеб, и для официальных делегаций. Это помогло нашей экспедиции получить значительную помощь по продвижению дальше»*[698]. *Такое же отношение к русским колокольным звонам отмечает Данилов на Аляске у жителей поселка Скамон-бей, куда пришел коч: «Интерес к нам был большой, особенно к нашей жизни, очень интересовались нашим кораблем и нашими колокольными звонами. Так что звонить приходилось часто, но без какой-либо оплаты за концерты»*[699].

Походы на коче дали опыт управления старинными парусными судами, новые впечатления, новые контакты. В 1992 году он принимает предложение капитана Владимира Мартуся пойти с ними на шхуне «Св. Петр». Строительство шхуны было закончено в 1992 году в Петербурге энтузиастами возрождения старинных парусных судов. По сравнению с судами, построенными в Петрозаводске, шхуна имеет более сложный такелаж и хорошую маневренность.

Первое плавание «Св. Петра» во Францию, на фестиваль парусных судов «Брест-92», произвело на всех участников огромное впечатление. Фестиваль в городе Брест на северо-западе Франции проводится один раз в два года и считается одним из самых престижных. В этом походе экипаж состоял из 12 человек. Иван был начальником вахты и, по отзывам капитана Владимира Мартуся, чувствовал себя на историческом судне превосходно, как моряк с опытом. После почти необитаемой суровой Арктики – шум, суета, яркие огни европейских городов. Как вспоминал сам Иван Васильевич, *«колокольные концерты во все дни проходили с большим успехом... Звонницу даже приходилось укреплять от давления*

---

[698] Данилов И. В. Об экспедиции на Аляску. // Иван Данилов – мастер колокольного звона. Архангельск, 2007. С. 143.

[699] Там же. С. 147.

Иван Данилов. Колокольный концерт. Берген. 1992 г.

слушателей... Как обычно, всех очень интересовала техника игры на колоколах, особенно переходы при переливах»[700].

Потом Дувиль, Гавр – и Англия: Портсмут, Сант-Гемптон – место начала многих международных регат. Шхуну «Святой Петр» везде принимали с большим интересом. Используя Кильский канал и многочисленные каналы Голландии, шхуна «Святой Петр» посетила некоторые порты Англии, в т. ч. Лондон и Харвич, а также в Голландии Роттердам, Амстердам и др. В городах, где были остановки парусника, Иван Данилов старался посетить храмы, где были карильоны, как старые, так и вновь построенные, слушал исполнение карильонной музыки. В Лондоне удалось посетить старинный колокололитейный завод. *«Наличие большой культуры старинной колокольной музыки на Западе сначала у меня вызывало сомнение в целесообразности проведения русских колокольных звонов с парусного корабля, но практика показала обратное. Разница музыки настолько велика, что на наши концерты часто приезжали из других городов»*,– вспоминал Иван Васильевич[701].

---

[700] Данилов И. В. Экспедиция на шхуне «Св. Петр» // Иван Данилов – мастер колокольного звона. Архангельск, 2007. С. 161.

[701] Там же. С. 162.

Во время этого похода Данилов исполнял колокольные звоны не только с борта судна, но и на берегу. В г. Харвиче (Англия) после кораблекрушения и вынужденного ремонта давали колокольный концерт прямо в храме. Концерт в морской церкви Св. Николая, который дал Иван Данилов, по мнению Владимира Мартуся, был одним из лучших во время путешествия. На концерте присутствовали представители городской администрации, и вечером все члены экипажа получили приглашение в мэрию города. Затем были еще несколько концертов в морском музее в исторической гавани в Роттердаме. Всего колокольные концерты проходили в 13 городах. Газеты тех городов, где они побывали, непременно публиковали интервью с капитаном, фотографии судна и обязательно – И. Данилова с колоколами.

Для исполнения колокольных звонов на берегу ещё в 1989 году была разработана небольшая сборная звонница. В этот раз она получила некоторые конструктивные новшества. Об этом достаточно подробно Данилов пишет в своем отчете: *«Во-первых, при конструкции мы использовали всего четыре бруса, хотя специально для звонницы было подготовлено пять брусьев из специального дерева, имеющие природный цвет без каких-либо тонировок. Во-вторых, при монтаже нашей звонницы мы использовали всего два болта с креплением. Все остальные крепления проводились специально подготовленными верёвками таким образом, что издали звонница казалась очень лёгкой и изящной. Все крепления закрывались колоколами, которые и выступали в первую очередь. Для сбора звонницы требуется всего 35 минут трём сборщикам»*[702].

Через всю Голландию по каналам «Св. Петр» прошел в Амстердам, а в Ленинград вернулись уже из Киля на пароме «А. Каренина».

В 1993 году И. Данилов побывал в переходе по Средиземному морю на яхте «Триумф». Там он, вероятно, также звонил и на звонницах при храмах, потому что вспоминал, как тесно колокольному звуку в узких улочках Рима.

После участия в экспедициях на парусных судах-репликах вокруг Скандинавии, в порты Европы, на Аляску в 1990–93 годах Данилов предложил программу «Музыка паруса и колокола»: на паруснике пройти по северным морям, устраивая колокольные концерты во всех прибрежных населенных пунктах, прославляя искусство русского колокольного звона во всем мире.

---

[702] Данилов И.В. Экспедиция на шхуне «Св. Петр» // Иван Данилов – мастер колокольного звона. Архангельск, 2007. С. 163.

Савина Анна Викторовна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ МЕМОРИЗАЦИЯ В МАЛОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОЗЕРСКА)

Под меморизацией принято понимать целенаправленную деятельность по сохранению, закреплению и передаче следующим поколениям памяти о том или ином события или исторической фигуре. Различные аспекты меморизации входят в проблемное поле исследований исторической памяти (memory studies), находящихся сейчас на пике популярности. Причин и предпосылок этой популярности много: увеличение доступности архивных источников и литературы, выход истории из узко научной сферы в публичную, обретение особой значимости в общественном и политическом смысле, «бум» личной (семейной) истории и новых форм краеведения – на этом фоне востребовано изучение объектов, субъектов, механизмов, метаморфоз исторической памяти.

Перспективным направлением подобных исследований является изучение города как общественного пространства, в котором коллективными усилиями увековечиваются исторические фигуры и события. Город рассматривается не просто как место проживания людей, а как социокультурное пространство, насыщенное символами, смыслами, знаками, своей историей.

По сути, меморизация и коммеморация («совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте»[703]) – это основа городской идентичности, то есть устойчивого представления человека о себе как о жителе определенного города, сопровождаемого чувством сопричастности городу и его жителям. «Память является и условием идентичности, и одновременно инструментом создания ее. Мы то, что мы соглашаемся помнить, память формирует идентичность на индивидуальном и коллективном уровнях»[704]. Практики меморизации и коммеморации – это всегда выбор того, что достойно остаться в коллектив-

[703] Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. № 4 (87). 2017. С. 10.

[704] Еремеева С. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации: Препринт WP6/2009/04. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. С. 36.

ной памяти, а что нет. Выбирая один вариант, мы отсекаем другие, фактически обрекая их на забвение. Однако со сменой поколений, политических режимов или исторической политики власти этот выбор может измениться. Поэтому любые манипуляции с памятниками (в широком смысле) наглядно отражают отношение общества и власти к прошлому, показывают ориентацию в будущее и весьма информативно отражают настоящее.

Исследований городов в этом контексте в отечественной науке за последние 10–15 лет появилось немало. Тема дает простор для междисциплинарности: историки, географы, философы, политологи, социологи, культурологи, лингвисты работают на этом «поле». Однако в основном исследования касаются Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов. Что касается средних и малых городов, то здесь относительно немного исследований.

В центре моего внимания как раз малый город, к тому же обладающий уникальной культурно-исторической средой. Белозерск – один из районных центров Вологодской области с населением около 8 тыс. жителей – является одним из древнейших городов России. Первое упоминание о Белоозере в «Повести временных лет» датируется 862 годом (хотя археологических подтверждений существованию города в IX веке пока не найдено). Возникнув на берегу Белого озера, город как минимум один раз «переехал» на другое место побережья. На современной территории город появился в XIV веке. Переживший расцвет в Средневековье, город более никогда не играл важной роли в торговле или обороне, но сохранил до наших дней уникальный земляной вал XV века, памятники церковной архитектуры XVI–XVIII веков, купеческую застройку XIX – начала XX века. Белозерск имеет официальный статус исторического поселения, входит в перечень 41 российского исторического города в совместном приказе Министерства культуры Российской Федерации и Министерства регионального развития Российской Федерации от 29.07.2010 № 418/339.

Как сохраняется историческая память и поддерживается городская идентичность в маленьком провинциальном городе, где очевидно нет динамичной жизни, больших финансовых возможностей и ярко выражены неприятие нового и тяготение к сохранению традиций? Попробуем ответить на этот вопрос, рассматривая самый очевидный и распространенный способ меморизации – установление памятников всех видов (собственно монументы, а также обелиски, памятные знаки, городские скульптуры) в честь исторических событий или личностей.

Целью исследования является изучение процессов меморизации в Белозерске с середины XIX по настоящий день. В качестве источников использовались фотодокументы (здесь большим подспорьем является Интернет, делающий доступными исторические фото как из фондов музеев, так и из семейных архивов), местная периодическая печать (районная газета, носившая несколько названий за свою историю: «Белозерский колхозник», «Новый путь», «Белозерье»), правовые нормативные и делопроизводственные документы, как опубликованные, так и находящиеся в архивах (ГАВО, ВОАНПИ).

Исследуя практики меморизации, важно задаваться вопросами: когда поставлен памятник, какие условия способствовали меморизации? От кого исходит инициатива? Каков был процесс подготовки появления памятника, как происходило открытие? Где находится памятник, почему именно здесь, как он взаимодействует со средой? Есть ли «коммуникация» жителей города с памятником в повседневной жизни, «работает» ли он на постоянное «вспоминание»? Существует ли коммеморация (специальные ритуалы, призванные актуализировать память о событии или личности)? Ведь само появление той или иной скульптуры вовсе не означает, что знак «тут же обогащает коллективную память или механически же преобразует пространство, наделяя его новыми смыслами. Процедура трансформации того и другого в значимый факт определяется (…) культурной практикой памяти, она вырабатывается постепенно, нащупывая те или иные приемы, делающие ее эффективной»[705]. Особый интерес также представляет историческая динамика меморизации: трансформация в связи с изменением политических, социально-экономических и культурных условий, тенденции развития, изменения восприятия обществом.

Имперская эпоха, в принципе не щедрая на монументальную меморизацию в городском пространстве, оставила после себя один памятник – обелиск (сужающийся кверху квадратный столб) в честь сооружения Белозерского канала как части Мариинской водной системы в 1846 году. На обелиске сохранилась доска с упоминанием императора Николая Павловича и министра путей сообщения П. А. Клейнмихеля, при которых канал был открыт. В годы Великой Отечественной войны обелиск служил ориентиром для военной авиации – здесь зимой прямо на лед садились

[705] Еремеева С. Бронзовый век российской словесности… С. 37.

самолеты[706]. Расположение этого памятника в живописном месте (на узкой полоске земли между каналом и озером) сделало его одним из любимых объектов фотографий жителей города и туристов.

Советская эпоха принесла с собой целенаправленную государственную политику меморизации. Большевики ставили цель сформировать новую систему авторитетов, ценностей и ясно осознавали роль памятников в достижении этой цели. Уже 12 апреля 1918 года В. Ленин подписал декрет СНК «О памятниках Республики», где особой комиссии предписывалось демонтировать памятники «в честь царей и их слуг», не представляющие исторической и художественной ценности, организовать конкурс проектов памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции» и установить первые модели памятников «на суд масс»[707].

Летом 1918 года под руководством А. Луначарского был составлен «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР», в котором среди 66 фамилий фигурировали исторические фигуры разных народов и эпох от Спартака и Гракха Бабефа до Пушкина и Комиссаржевской. Однако реализация плана в условиях Гражданской войны производилась спешно, точечно (и в основном в Москве и Ленинграде), большинство памятников носило временный характер из гипса и бетона и не уцелело («у советской власти не было достаточно средств на строительство памятников из мрамора или гранита»[708]). Однако, именно тогда был взят курс на массовую пропаганду средствами монументальной скульптуры.

Хотя Ленина в списке 1918 года не было, после его смерти в 1924 году началось повсеместное установление памятников вождю мирового пролетариата. Время и обстоятельства установления памятника Ленину в Белозерске пока выяснить не удалось. Сохранилось фото предположительно 1930-х, где бюст Ильича на многоступенчатом (скорее всего, деревянном) постаменте

---

[706] Коновалов Ф. Я. Град на Белом озере: от истоков российской государственности до наших дней / Ф. Я. Коновалов, А. Ф. Коновалов, А. В. Савина.– Вологда: Древности Севера, 2012. С. 77.

[707] Декрет о памятниках Республики 12 апреля 1918 г. // Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова [сайт]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm (дата обращения 16.12.2019).

[708] Шалаева Н. В. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 годы // Вестник ЧелГУ. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 34.

расположен в центре главной площади города. Позже появился памятник в полный рост (так называемый «меркуровский тип» – по имени скульптора С. Д. Меркурова) на каменном постаменте на этой же площади, но уже с южной ее стороны, где он простоял до крушения СССР. В 1990-е памятник Ленину подвергся нападениям вандалов – был облит краской и разбит. Взамен из Дома металлургов Череповца привезли более маленькую скульптуру, которая разительно не соответствовала внушительному постаменту.

После войны рядом был установлен памятник Сталину – типовой памятник в шинели, который ставили повсеместно после 1945 года. Судя по сохранившимся фото 1957 года, после XX съезда партии памятник Сталину все еще не был демонтирован. Впрочем, демонтаж по всей стране растянулся на годы, вплоть до начала 1960-х годов.

На фото 1960-х фигурирует еще один памятник Ленину – в позе сидя (тоже «меркуровский тип») в парке рядом с площадью. Судьба его неизвестна, на более поздних фото его обнаружить не удалось.

1967 год прошел под знаком 50-летия Октябрьской революции – судя по газетам, советский народ только этим и жил. К юбилею в Белозерске была торжественно открыта стела на центральной площади, в которую 7 ноября заложили письмо будущим комсомольцам 2017 года. В это время закладывание посланий потомкам было весьма распространенной практикой.

В 2012 году в связи с масштабным празднованием 1050-летия Белозерья была произведена реконструкция центра города на средства федерального бюджета. Центральная площадь была полностью очищена от идеологических коннотаций – стела и памятник Ленину убраны. Однако демемориализации не произошло: местные коммунисты в 2017 году (к столетию революции) добились установки стелы и памятника в отдельном сквере.

Кроме памятников, связанных с революцией и ее вождями, обязательной программой советской мемориализации было возведение памятников, посвященных Великой Отечественной войне, точнее, победе СССР в ней. Широкие масштабы этот процесс приобрел с 1965 года, когда собственно начали праздновать День Победы. В этот год по инициативе исполкомов районного и городского Советов народных депутатов был заложен парк Победы у северного склона вала по проекту московского архитектора В. А. Иванова, далее парк почти 15 лет обустраивался. 9 мая 1969 года был установлен и торжественно открыт памятник воину-освободите-

лю (вариация скульптуры Вучетича из Трептов-парка в Берлине, но без меча). В 1970 году появилась стела с именами погибших белозер, более 886 фамилий. На стеле высечены слова: «Да будет светлой наша память, как материнская слеза, забывчивым напомнит камень о том, что забывать нельзя». В 1975 году был зажжен Вечный огонь и установлены урны с землей братских могил. В 1979 году в парке установлен танк Т34.

До появления парка Победы митинги 9 мая происходили на главной площади города, с 1969 года – уже в парке. Надо отметить удачное расположение (между озером и валом) и проектирование парка, который стал одним из любимых мест прогулок горожан и туристов.

Также в 1960-х начинается персонификация исторической памяти о войне. В 1965–1967 гг. по инициативе школьников (и на средства, собранные благодаря сдаче макулатуры и металлолома) был установлен памятник И. П. Малоземову (1921–1943) – земляку, Герою Советского Союза, погибшему в Сталинградской битве. Бюст работы череповецкого скульптора А. В. Щепелкина поставили в специально созданном сквере на месте снесенной в 1930-х Вознесенской церкви.

Далее последовал большой перерыв в военной тематике меморизации. Только в 2014 году к 25-летию вывода войск из Афганистана была установлена боевая машина пехоты в честь воинов-интернационалистов. Инициаторами установки памятника выступили члены районного совета ветеранов войны и труда. Для установки потребовалась помощь областных правительства и Законодательного собрания – машину привезли из Костромы и торжественно открыли 26 сентября 2014 года. Правда, расположение этого нового памятника не слишком удачно: он находится со стороны выезда в Кириллов и Липин Бор, вдалеке не только от туристических маршрутов, но вне обычных маршрутов большинства белозер.

Еще одним направлением меморизации является увековечение памяти знаменитых (и/или успешных, и/или имеющих заслуги перед городом) земляков. В Белозерске были поставлены три памятника землякам, если не считать уже упомянутого Малоземова, все в 1980 – начале 1990-х.

Памятник поэту-фронтовику С. С. Орлову (1921–1977) расположен в самом центре города, в именном сквере. Его торжественно открыли к 60-летию со дня рождения поэта в 1981 году (скульптор В. П. Астапов). В 2019 г. проект белозерского музея «Планета

Орлова» получил грантовую поддержку, в результате по всему городу в ближайшем будущем будут установлены 10 арт-объектов в местах, связанных с жизнью и творчеством Сергея Орлова.

Также в центре города, в нынешнем детском парке, в 1992 году появился памятник П. К. Георгиевскому (1902–1984). Уроженец Белозерского уезда, он стал генерал-майором инженерно-технической службы, Героем Социалистического Труда, получил 10 орденов, в 1930-х служил в НКВД, где в его компетенцию входили стройки ГУЛАГа, в годы войны руководил важнейшими промышленными стройками, был заместителем министра машиностроения, работал в МВД. В 1969 году Георгиевский стал Почётным гражданином Белозерска. В 1970–1980 гг. он много помогал Белозерску по части строительства, многоквартирные пятиэтажные дома, социальные объекты (больница, гостиница, школа, Дом спорта) появились благодаря его протекции – об этом открыто говорили на заседаниях горсовета[709]. Также именно он «добыл» танк Т34 для парка Победы: для этого нужны были ходатайства, согласования, разрешения, доставка машины.

В 1987 году открыт памятник братьям Шамариным: уроженцы Белозерска Андрей, Николай, Борис, Владимир Шамарины были конструкторами-изобретателями в области водного транспорта, торпеды, фарфора, минометного вооружения, лауреатами 5 Государственных премий. Памятник расположен недалеко от Белозерского речного порта (там некоторые из братьев работали), вдалеке не только от туристических «троп», но и от центра города, поэтому даже не все белозера в курсе его существования.

Памятных знаков на белозерской земле удостоились не только земляки. В 2014 году торжественно открыт с участием губернатора памятный знак к 85-летию В. М. Шукшина и 40-летию фильма «Калина красная», который снимался в Белозерске и окрестностях. Знаковое место – в центре города, между бывшим кинотеатром «Балтика» и рестораном, который фигурирует в фильме – делает этот памятник заметным. Инициатива его установления принадлежала местной жительнице, эскиз разработала Т. Ермакова, директор районного Центра ремесел и туризма. Изготовлением занимался известный кирилловский кузнец Н. Митин. Деньги собирали всем миром.

Есть в Белозерске и курьезный памятник – знаменитому композитору М. И. Глинке. Курьезность не только в том, что Глинка

[709] См., например: ГАВО. Ф. 1568. Оп. 4. Д. 328. Л. 25.

отношения к городу не имел, но и в загадочной истории его появления в городе ходят легенды, что его привезли в 1960-х по ошибке, да так и оставили. Этот памятник долгое время стоял в сквере у вокзала, в 2012 году переместили в более приемлемое для композитора место – сквер у Дома культуры.

Целый ряд памятных знаков Белозерска связан непосредственно с историей города. В 1962 году впервые в прессе и архивных документах особо отмечается юбилей города – 1100-летие города. На этом фоне впервые установлены «туристо-ориентированные», говоря современным языком, арт-объекты в честь древней истории города: появляется надпись с возрастом города на валу, а в 1974 году – памятный камень и ладья. Так возникает «открыточный вид» Белозерска.

В 2005 году внутри вала, рядом со Спасо-Преображенским собором, к 625-летию Куликовской битвы установлен памятный знак павшим в битве белозерским воинам. Это яркий пример инициативы «снизу» – установка памятника «проталкивалась» местным клубом исторической реконструкции во главе с И. Ручиным. Кстати, в 2009 году памятный знак белозерской дружине появился и на Куликовом поле.

Также по инициативе «снизу» (предложение жительницы Белозерска Т. В. Самсоновой) и тоже рядом с храмом (Спаса Всемилостивого) в 2010 году появился знак в память о репрессированных в 1920–1950 годы. Памятник изготовил житель Санкт-Петербурга родом из Белозерска В. А. Полянский на средства городской администрации.

В 2014 году по инициативе общественности появился поклонный крест на месте разрушенной в 1962 году церкви Василия Великого в валу. Крест поставлен в память обо всех утраченных храмах города – перед революцией их было 17, осталось 9, половина из которых ныне в руинированном виде.

В 2016 году также по инициативе общественности и на деньги частных лиц возведен крест у бывшей кладбищенской Троицкой церкви; это событие подхлестнуло сбор сведений о белозерах, похороненных здесь.

В 2015 году на набережной появилась скульптура судака, изготовленная по эскизу белозера В. Смирнова череповчанином А. Шебуниным. Фигура рыбы на постаменте по замыслу должна отдать дань белозерскому рыбному промыслу: в городе с XVII века существовал «Государев рыбный двор». На открытии «памятника судаку» глава белозерской администрации объявил о ежегодном

праздновании Дня судака, но насколько нам известно, эта коммеморативная практика не прижилась. Впрочем, фигурка судака не обделена вниманием и без этого, пожалуй, это второй по популярности фон для фотографирования туристов (первый – арт-объекты у вала) и первый ответ на поисковый запрос «памятник в Белозерске» в Интернете. То, что судак – не вполне памятник, для туриста или жителя города не так важно: «в современном российском вернакулярном дискурсе практически отсутствует различение между собственно памятником и городской скульптурой или иной малой архитектурной формой»[710].

Подведем итоги. Очевидно, что для советского времени характерно единообразие практик меморизации: 1) политико-идеологические памятники, нацеленные не столько на закрепление памяти о событии или человеке, сколько на формирование определенных идеологических установок; 2) военно-патриотические, инициатива установления которых могла исходить и от власти, и от общества, и которые «вписывали» личную, семейную память о войне в общенациональный контекст.

В постсоветское время мы видим большее разнообразие тематики меморизации, увеличение внимания именно к истории города, выраженную персонификацию исторической памяти, а также наблюдаем активизацию мемориальных практик в 2000-х. В это время происходит снижение влияния власти в области политики памяти и одновременно усиливается инициатива общества – отдельных групп и частных лиц. В итоге в городском пространстве представлен некий консенсус: важные для себя символы получили коммунисты, православные, родственники репрессированных. Важно, что образ прошлого волнует людей, они не воспринимают город как данность, наблюдается стремление дополнить, восстановить историческую справедливость. Однако, несмотря на то, что жители гордятся древностью города, средневековая и имперская история с точки зрения меморизации представлены меньше всего. История Белозерского княжества, Смутное время, купечество, торговля, дворянский быт – многие страницы вычеркнуты из памяти. У современного жителя Белозерска нет идентификации с досоветскими временами, и это, к сожалению, коррелируется с общенациональными тенденциями исторической памяти.

---

[710] Радченко Д. А. Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника // Фольклор и антропология города, II (1–2). 2019. С. 234.

Чернега Артём Андреевич,
администрация Тотемского муниципального района, г. Тотьма

ПРАКТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАК ФАКТОРА СИСТЕМНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)[711]

Введение. Категория локальной социальной памяти является предметом междисциплинарных исследований. В русле философского, исторического, культурологического, социально-антропологического, социально-психологического, социологического и других подходов осуществляется анализ данного феномена. Проблемы социологического изучения феномена социальной памяти как обобщенной категории обсуждаются в статье В. В. Семеновой и Е. Рождественской[712]. Вместе с тем важно отметить, что локальная социальная память, помимо общих для социальной памяти характерных черт, обладает территориальной привязкой, что объясняется представлениями о территории, ее историческом прошлом и пр. жителей, сообществ, являющимися пользователями данной территории. Категории локальной и коллективной памяти отчасти пересекаются, но не являются тождественными: локальная память включает представления, образы, знания о том или ином месте физического пространства не только собственно жителей, но и иных его пользователей (дачники, туристы, эксперты, писатели). Вместе с тем по большей части ядро локальной памяти зиждется в структуре коллективной памяти предыдущих и нынешних жителей территории.

В основе данной статьи, с одной стороны, лежит представление о том, что социальное самочувствие и идентичность жителей локальных сельских сообществ и малых городов численностью до 30 000 чел. формируется в т. ч. под воздействием развития локальных практик социальной меморизации через сохранение и воспроизводство культурной, исторической и семейной памяти. С другой стороны, следствием влияния практик меморизации,

[711] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)».

[712] Рождественская Е., Семенова В. В. «Социальная память как объект социологического изучения» // INTER. 2011. № 6. С. 27–48.

выражаемых в процессах формирования институциональных структур музейной деятельности, туризма, реализации проектов развития территорий (как элементов социальной структуры), является изменение жизни сообществ. Исходя из исследовательского фокуса подобрана деятельностно-структурная методология, позволяющая выявить взаимовлияние деятельности людей (практик меморизации) и образования объективных структур (музеев, туристических брендов, социально-проектных технологий) как функционирование единого процесса. В рамках такого подхода не умаляется объективное существование структур, а обосновываются механизмы их формирования (конструирования) в ходе активизации деятельности людей[713]. Суть методологии наиболее точно выражена в словах Э. Гидденса, обосновавшего концепт дуальности структуры и действия: «в поведении людей, во взаимоотношениях, в которые они вступают, наблюдаются некие глубинные регулярности, а с этими регулярностями и связана идея социальной структуры»[714].

Эмпирическая база. Эмпирической базой для подготовки статьи послужили:

– анализ Интернет-пабликов в социальных сетях, количественно-качественный анализ 25 статей районных газет «Тотемские вести» и «Знамя» (Тотемский и Бабушкинский районы); анализ 8 текстов экскурсионно-туристических программ в Тотьме, с. Никольское Тотемского района, Белозерске, Кириллове, Великом Устюге;

– анализ текстов 5 социокультурных проектов в Вологодской области, получивших грантовое финансирование в период 2016–2019 гг., 3 интервью с руководителями / членами команд проектов;

– 8 интервью с жителями Тотемского, Бабушкинского районов Вологодской области, вовлеченных в деятельность по теме настоящей статьи;

– материалы комплексного социологического исследования «Факторы развития активного гражданского общества в условиях малых населенных пунктов», проведенного совместно со студен-

---

[713] Данный подход имеет несколько обозначений: П. Бурдье рассматривает его как «структуралистский конструктивизм» или «конструктивистский структурализм», Э. Гидденс определяет его как структурно-деятельностный подход, В. И. Ильин называет его также и деятельностно-конструктивистским подходом.

[714] Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 28.

тами и преподавателем 3 курса по направлению «Социальная антропология» Санкт-Петербургского государственного университета и специалистом сектора социологических исследований Государственного Эрмитажа (исследование включало проведение блиц-интервью, глубинных интервью, фокус-группы, социальный эксперимент) в г. Тотьма в феврале – марте 2019 г. (в рамках проекта МБУК «Тотемское музейное объединение» «Агентство музейного развития «Лоция», программа «Эффективная филантропия» при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина);

– включенное наблюдение 3 стратегический сессий в Тотемском районе по развитию территорий средствами проектной работы, культуры и туризма (2017–2019 гг.).

Полевая работа проводится в рамках множественного кейс-стади малых населенных пунктов Вологодской области.

Социально-территориальная структура. Территории также, как социальные общности и люди, могут занимать схожие или неравные позиции в общей структуре, вовлекаясь в логику конкуренции за получение более высокого положения в статусно-распределительной системе. Статусные позиции предопределяют наличие дистанций в социальном пространстве. Дистанция – это характеристика степени удаленности одних территорий от других, измеряемая разницей между статусными позициями, отражающей неравный доступ к обладанию различными благами. Наличие социальных дистанций предполагает иерархическое взаиморасположение статусных позиций. Иерархия – это система объективации, легитимизации и воспроизводства неравенства участков пространства. Неравенство основывается как на различиях между территориями, так и на их неравных статусах. Физические различия всегда объективны, тогда как неравенство задается в социальных координатах и интерпретируется в условиях (параметрах) социальной среды. Одним из неочевидных, но действенных в условиях современной жизни факторов, формирующих социально-территориальное неравенство, является локальная социальная память. При этом, говоря о привлекательности жизни в малых населенных пунктах, в глубинке, стоит отметить, что данный фактор приобретает особое значение. Более, чем в 70% интервью и проанализированных текстов, указанных в эмпирической базе исследования, отмечается значимость нематериального наследия, коллективной и семейной памяти, как того, что не только удерживает людей в малых населенных пунктах, но

и способствует развитию их деятельности в социокультурной и профессиональной сферах.

Практики конструирования локальной социальной памяти. Социальная память, связанная с локальным контекстом (синтез географической и историко-культурной нарративизации) – это предмет социального конструирования. Практики конструирования памяти означают превращение идей в социальные институты, представлений – в устойчивые формы социальной деятельности, ресурсов – в средства достижения целей, в структуры. Роль ресурсов отчетливо продемонстрирована в теории структурации Э. Гидденса: ресурсы становятся реальными структурами только тогда, когда воспроизводятся в процессе взаимодействия между людьми; сами по себе эти ресурсы не ведут к образованию структур[715].

Историческое прошлое как система представлений конструируется через различные ресурсы. В социологическом измерении прошлое – это, скорее, наше ощущение прошлого, сконструированное как смесь размышлений и воспоминаний, исследований и репрезентации на основе задокументированных данных, повествований (интерпретаций) и воображения[716]. Сила практик конструирования локальной памяти предопределяет социально-территориальное неравенство: об этом месте говорят больше, а об этом – меньше; этот город становится более популярным в массовом сознании, а об этом уже складываются легенды.

На основе систематизации и анализа эмпирических данных выделены некоторые типичные практики конструирования локальной социальной памяти на примере исследования в малых населенных пунктах.

Создание музейных комнат и мини-музеев. Это популярная практика меморизации локальной памяти: при домах культуры, школах, общественных организациях создаются своего рода информационно-музейные пространства. Ведется деятельность по сбору местных артефактов собственными силами, а иногда и с привлечением сил внешних, проводятся краеведческие изыскания. Типичным для людей, занимающихся такой деятельностью, является ценностный компонент: *«Для нас создание уголков памя-*

---

[715] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003.

[716] Cubitt G. Historical Approaches: History and Memory. Manchester, GBR: Manchester University Press, 2007. P.26.; Ильин В.И. История как социальный ресурс развития российской глубинки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 147.

ти, музейных комнат… это воспоминания наших родителей, память наших дедов и прадедов, наш долг – сохранить эту память... (Ж, интервью)». Музей в данном контексте понимается в широком, социологическом значении как пространство сбора, систематизации, хранения, популяризации нечто социально значимого, памятного. Нередко в такую деятельность вовлечены школьники, волонтеры, активные жители.

Музеефикация пространства. Локальная память конструируется в ценностных представлениях и исторических образах (наиболее значимые, иногда клишеированные и ключевые факты местной истории) и предстает через изменения физических общественных пространств и их символической надстройки: появляются арт-объекты, места памяти, порой изменяется физический облик целых территорий, пространство овевается легендами, дополнительными смыслами. В малых населенных пунктах Вологодской области такая практика также наблюдается: в Тотьме реализованы проекты «Кольцо исторической памяти», «Культурный квартал»; концепция реновации набережной Кускова (р. Сухона в г. Тотьме) также сформирована с учетом репрезентации исторических фактов, имеющих ценностное значение для жителей. В сельских поселениях Вологодской области по программам инициативного бюджетирования реализуются проекты благоустройства памятных мест. Например, на 2020 – юбилейный год Победы в ВОВ – жителями инициировано большее, чем обычно, число проектов по обустройству памятных мест военного и военно-патриотического значения.

Творческие практики. В целях воссоздания и сохранения средствами нематериальной культуры локальных образов, фактов, семейных, личных историй, имеющих общественное значение или значение для определенного круга лиц, сообщества, люди, обладающие характерными творческими навыками, участвуют в создании литературных, художественных, музыкальных произведений *(«Пишем стихи, публикуем... всегда трудно найти деньги на издания, а ведь стихи-то тоже наша память, память жителей и поколений»....* (Ж, интервью).

Инициирование общественных проектов и вовлечение жителей в их реализацию. Общественные проекты – это проекты, участниками и благополучателями которых являются сообщества. Проектная деятельность всё в большей мере становится фактором развития территорий как социокультурных систем. Притом речь идет не только о проектах, предполагающих грантовое

финансирование: объединяясь в группы интересов, общественные организации, инициативные группы, люди в планомерной совместной деятельности достигают результатов в репрезентации локальной памяти. Анализ материалов исследования показал, что в каждых двух из трех проанализированных материалах публикаций и проектах, реализованных за последние годы, присутствуют черты репрезентации локальной памяти (в т. ч. в проектах спортивной направленности, по благоустройству и др.).

Современные «легенды» (по форме) и общие распределенные знания. Материалы исследования показывают, что в повседневности жителей малого города / села / района наличествуют знания, характеризующие определенные компоненты локальной памяти: это так называемые локальные символы, становящиеся своего рода клише. Для Тотьмы это «картуши», «соль», «мореходы», «Николай Рубцов». Для села имени Бабушкина – «соль», для Кириллова – факты из истории православия. Общие распределенные знания становятся знаками для описания своей территории гостям, внешним пользователям или элементами нарративов в поле культурно-досуговой деятельности[717].

Туристические достопримечательности. Туристическая достопримечательность – это социальный конструкт. Конструирование достопримечательностей – это процесс превращения географических названий в географические мифы, которые затем трансформируются в туристическую инфраструктуру и устойчивые туристические практики, привязанные к месту или объекту географического пространства[718]. При этом географические мифы напрямую взаимосвязаны с историей места, духом места. Типичный пример конструирования достопримечательности – превращение Великого Устюга в родину Деда Мороза.

Театрализация и реконструкции. Творческие практики могут быть выражены через данные формы; участие в театрализации и реконструкциях в некоторых случаях принимают т. н. «культурные волонтеры». Такие кейсы встречаются и при проведении официальных торжественных мероприятий (дни городов, деревень; официальные праздники, памятные даты) и при организации специальных культурных и туристических мероприятий («Ночь в музее» в Тотьме; театрализованные экскурсии).

---

[717] Более подробно об этом см.: Новосёлов А. М., Чернега А. А. Культурно-историческое наследие как инструмент консолидации населения: тотемский кейс // Философские науки. 2016. № 1. С. 63–79.

[718] Ильин В. И. Потребление как дискурс.– СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 329.

Создание туристических и культурно-досуговых продуктов. Материалы экскурсий, турпрограмм отчетливо демонстрируют, что воссоздание образов исторических героев, местных жителей, а также практики, которые использовались предками (ремесла, фольклор, промыслы, быт и др.), являются неотъемлемой частью знакомства гостей территории с ее совокупным образом. Популяризация традиционной народной культуры, например, имеет особый символический контекст в реализации культурной политики Вологодской области.

Бизнес-практики. Разработка бизнес-продуктов (зачастую в сфере туризма и при формировании смежных туруслуг: гостиницы, точки питания, услуги) в некоторых случаях может сопровождаться обращением к локальной памяти: примеры нейминга, например, характерны для Тотьмы (история освоения Русской Америки), Великого Устюга (родина российского Деда Мороза). Проект одного из предприятий, производящих хлебобулочную продукцию, был направлен на создание и введение в продажи пряника в форме элемента и символа тотемских храмов – картушей. Именно в бизнес-практиках наиболее отчетливо вырисовывается модель как социального, так и экономического стимулирования брендинга.

К тенденциям конструирования локальной социальной памяти как фактора системного (социально-инфраструктурного) развития малых населенных пунктов, объясняющим сущность и значение данного процесса, согласно обзора полученных эмпирических данных стоит отнести следующие:

Поиск и обретение жизненных смыслов. Как показало исследование, участие активных жителей в проектной деятельности, основывающейся на конструировании локальной памяти, в краеведческой деятельности, в создании туристических программ, в социально-просветительских практиках, во многом объясняется их желанием *«реализовать мечту»* (интервью), *«сделать мир несколько более дружелюбным»* (интервью), *«внести свой вклад в общее дело»* (интервью). («*Попробовав однажды выиграть и успешно реализовать социокультурный проект…остановиться трудно…. подсела…* (Ж, интервью). Для некоторых категорий жителей малых населенных пунктов участие в деятельности, программах и проектах, предполагающих конструирование локальной памяти, связано с желанием восстановить родословную, семейную историю, *«приблизиться к корням»* (интервью). Важно отметить, что проблематика личных и семейных историй все чаще становится

предметом общественных проектов, исторических выставок. Поиск и обретение жизненных смыслов, того, *«что нельзя получить в текущей жизни, в жизненной колее»* (М., интервью) становится цементирующим фактором участия жителей малых населенных пунктов в различных формах общественной активности, основанной на воспроизводстве локальной памяти.

Формирование групповой идентичности. Значимой тенденцией является объединение людей в группы по интересам, сообщества на почве краеведческой, исследовательской работы, в рамках реализации общественных проектов. Фактически все проектные команды, структура которых и структуры партнеров которых были изучены (от благоустройства родника до реновации набережной), обладают признаками разделения общих ценностей и представления общих интересов. Групповая идентичность – важный фактор сплочения того или иного сообщества, которое начинает изменять мир вокруг себя. Интересы крупных российских благотворительных фондов на сегодняшний день в практике реализуемых программ также содействуют формированию активных людей на малых территориях, способных выстраивать социокультурные сети.

Социальное проектирование и прогнозирование, управление. Тенденцией является усиление роли социального проектирования и прогнозирования, в т. ч. как фактора активизации процесса разделения между властью и обществом (чаще – через некоммерческий сектор) принципов соучаствующего управления территорией как социокультурной системой. И поле локальной памяти является одним из наиболее характерных и доступных для этого процесса, хотя не лишено противоречий.

Территориальный брендинг и маркетинг. Локальная социальная память выступает как базовой основой, так и одним из базовых инструментов формирования брендинга малых территорий, при этом носителем и транслятором бренда (нередко – через социальные Интернет-сети) выступает местное сообщество.

Заключение. Обозначенные тенденции вскрывают системное качество процесса конструирования локальной памяти. Будучи производными от практик, они способствуют усилению личностного потенциала жителей малых территорий, усилению локальных сообществ, использованию новых управленческих систем территориального управления, что отсылает нас к интегративной методологии объяснения социальной реальности. В данной статье были «вскрыты» (на основе исследования) и обобщены практики

и тенденции конструирования локальной памяти, их более глубокий социологический анализ будет произведен в последующих публикациях.

Путилова Надежда Владимировна,
АОУ ДПО ВО «Вологодский институт развития образования»,
г. Вологда

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ВОЛОГОДСКОЙ РОСПИСИ В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Организационная форма обучения рассматривается в науке как конструкция образовательного процесса, характер которой обусловлен его «содержанием, методами, приемами, средствами, видами деятельности учащихся» и управляющей деятельностью учителя[719]. Обучение традиционной росписи было органически вплетено в повседневную разнообразную жизнь народа, его насущных потребностей и забот.

Анализ историко-архивных источников позволил раскрыть традиционные формы организации обучения росписи как вид упорядоченных групп, целенаправленно организованных для передачи опыта, описать педагогическую деятельность мастера (учителя), деятельность обучающихся.

В семье учение росписи было адаптировано к возрасту и полу детей, состояло из многократного повторения и запоминания действий родителя инструментами и материалами, выполнению упражнений под наблюдением старших. Дети постигали «вхождение в ремесло», знакомились с названиями и формой инструментов. Они оказывали мастеру помощь и получали направленные советы и указания. Им доверяли выполнять ошкуривание изделия, разметку и проведение линий, наведение эмульсий и растирание красок; исполнение краской текстурных рисунков и надписи; окраску фона цветами, работы по трафарету; покрытие олифой. Ремесленная деятельность родителей в отношении к подросткам происходила в форме советов и указаний, последовательной передачи секретов мастерства с постепенным усложнением трудовых

[719] Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева, Л. Ф. Араб-Оглы, Э. А. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1998.– 815 с.

навыков. Родители учили критически относиться к выполнению росписи, детям не мешали пробовать силы в творчестве.

Ученичество у лучшего мастера осуществлялось у достигшего совершенства в традиционной росписи мастера. Ученик оказывал помощь в мастерской и в ведении домашнего хозяйства, ученичество носило репродуктивный характер. Весь опыт продуманных и выверенных веками приемов росписи сохранялся в памяти и практике мастера, передавался к наблюдательному ученику. Никаких пособий в письменном виде не было. Практическое обучение происходило «параллельно со скупой и лаконичной, но меткой и яркой словесной передачей»[2].

Педагогическая деятельность мастера заключалась в раскрытии секретов мастерства, введения учеников в круг ценностей, принятых в среде ремесленников. Мастер обучал ученика «чему сам горазд», ничего не скрывая. Ученичество сопровождали взаимные обязательства, которые являлись актами юридического характера. Поручители ребенка несли ответственность за выполнение обязанностей до окончания учебы, в случае их нарушения платили неустойку мастеру[720].

Процесс учения **в артели** заключался в том, что среди способных и старательных подмастерьев выделяли подлинных мастеров. Основой для обучения являлись ремесленные умения, заложенные в семье, в артели они развивались. В первый сезон артельной работы подросток постигал основы росписи, выполнял простые приемы росписи кистью или подручными средствами. Ученик обзаводился собственно изготовленным и покупным инструментом, который никому не доверял. Педагогическая деятельность мастера заключалась в формировании практических умений у ученика: грунтовать изделие, окрашивать фон, наносить текстурные рисунки способом припороха мелом или углём через плотную бумагу с проколотым контуром, расписывать разные формы. У мастера не было секретов, ремесленное знание доступно: «постигай, черпай, насколько хватает ума и таланта»[721].

Процесс учения происходил непосредственно **в мастерских** под руководством приглашенных профессиональных мастеров из-за границы, которые использовали традиции обучения в госу-

---

[720] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э.Д. Днепров.– М.: Педагогика, 1989.– 480 с.

[721] Бахрушин С.В. Ремесленные ученики XVII в. / С.В. Бахрушин // Бахрушин С.В. Научные труды в 3-х т. Т. 2.– М., 1954. С. 118–133.

дарственных мастерских Византии. Производством служила мастерская в жилом помещении, где работали на заказ мастер и несколько помощников. Мастерские состояли из семей, работавших на хозяев, и одиночных мастеров. Формирование мастерских шло артелями, одну треть всех крестьян-рабочих составляли мальчики подростки-первоучки, которые не получали заработка. Оборудование небольших красильных мастерских состояло из обычных лавок и столов, куранта, мраморной доски для растирания красок, самодельных кистей из беличьих хвостов или коры липы. У учеников формировали навыки обработки древесины, щетины для изготовления кистей, росписи изделий, которые они переносили в свои семьи и пользовались ими в «отхожих» промыслах.

Деятельность учеников заключалась в познании всего технологического процесса традиционной росписи, в ходе которого осуществлялся упорный поиск сюжета, отсев лишнего, не свойственного данному времени, отбор типического и приемов нового, обогащающего синтезированное мышление народного художника.

Обучение ремеслу **в монастырской школе** соединялось с обучением грамоте под руководством мастера. Процесс учения включал копирование древнерусского орнамента, освоение кистевого травного письма и приемов лессировочных покрытий, знакомство с рецептурой эмульсий, инструментами по старопечатным книгам и рукописям. Синтез древнерусских растительных и местных мотивов составлял основу обучения росписи. В педагогическую деятельность грамотные иконописцы привносили профессиональные навыки росписи. Обучение осуществлялась по правилам: за малейшую ошибку наказывать, за плохо выполненное задание ученика секли. От детей требовалось умение читать, надписывать изделие, инвентарь, размечать орнамент, пользуясь соотношением чисел как модулем для определения пропорций предметов и орнаментальных композиций. Лучшим ученикам присваивали квалификацию монастырского «травщика» или «судописца».

Ремесленное ученичество осуществлялось по инструкции, ориентирующей учителя на сочетание обучения ремеслу росписи, счету и письму. Выполнялось от освоения простого материала к более сложному, от овладения частным приемом к общей композиции. Теоретические занятия сочетались с освоением практических навыков росписи, ленивых детей наказывали стыдом и «бичом»[722].

---

[722] Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. – М.: Педагогика, 1985.– 480 с.

Педагогическая деятельность мастера не оговаривалась, контроль осуществляла администрация. Она определяла степень квалификации ученика, переводя его в мастера или оставляя в учениках. Мастер «первой руки» умел выполнять все этапы работы профессионально, мастер «второй руки» работал под руководством первого, а подмастерью «третьей руки» доверяли приготовление малярной краски.

С повышенной строгостью сравнивали успехи ученика с переводными экзаменационными результатами лучшего ученика, ставшего мастером на основании изготовления росписи «на образец»[723]. Дети относились к своим наставникам с доверием, откровенностью и получали от них помощь, «полезное наставление»[724].

Процесс учения **в цеховой организации** осуществлялся по внедренному в начале XVIII века западному образцу для насыщения промышленности специалистами. Молодые люди различных сословий записывались в цех «на срок». Педагогическую деятельность осуществлял старшина, ответственный за качество продукции. При плохой работе он требовал от учеников переделки. В деятельности учеников существовало разделение на сложные и составные цеха, совмещавшие в себе разные ремёсла. Происходило преобразование деятельности городских ремесленников в фабрично-заводское производство.

С XVIII века процесс учения крестьянских детей из северных деревень в **недельной школе** осуществлялся по инициативе жителей соседних деревень. Для учебы крестьяне нанимали «мастера грамоты», который жил и занимался с детьми по неделе в каждом доме родителей учеников или крестьяне отдавали своих детей на обучение мастеру на срок от трёх-четырёх месяцев до трёх лет. Овладение грамотой и основами кистевого письма происходила под руководством «грамотеев».

Процесс учения **в домовой школе** происходил при объединении нескольких крестьянских дворов в ремесленных и торговых районах. Крестьяне нанимали учителя в домашнюю школу для обучения нескольких детей, расписание занятий в школе было приспособлено к распорядку сельской жизни. Получение профессиональных знаний составляло второй этап обучения, сопровождаемый переходом в новый коллектив в качестве подмастерья

---

[723] Ф. 463. Оп. 1. Д. 11. Л. 33. «Программы Вятской низшей ремесленной школы».

[724] Ф. 463. Оп. 2. Д. 2. Л. 21 об. «Кадниковское казначейство перечислило деньги от продажи ученических изделий и за работы 1913–1919 гг.».

или младшего мастера. Труд преподавателя оплачивался средствами нескольких семей или пособиями крестьянских общин. Деятельность обучающихся заключалась в оформлении религиозных книг, учебе иконописному делу, с 18 лет они начинали работать самостоятельно. Писали и подновляли иконы, расписывали бытовую утварь. Своё ремесло передавали детям, которых готовили к торговой, промышленной и ремесленной деятельности.

Обучение традиционной росписи **в школе грамоты** совмещали с освоением письменной грамоты на средства крестьян. Деятельность учителя, методы обучения и выбор книг контролировали родители и сельские общества, которые были учредителями школ. Учителей нанимали на сходе, по приговору, в котором были указаны срок найма, плата, содержание и обязанности[725]. Иногда приходилось заниматься в холодных домах, без отхожих мест. Часто со скотного двора был слышен крик голодных животных или «возня хозяйских детей»[726]. В результате обучения подростки самостоятельно выполняли ремесленную работу, зарабатывая на жизнь.

Процесс учения росписи **на кустарном промысле** связан с развитием городского ремесла и товарно-денежных отношений. Педагогическую деятельность осуществляли мастера разной квалификации: специалисты по резьбе, изготовлению прялок, живописцы с индивидуальной манерой раскраски, росписи предметов быта. Мастера с квалификацией «мастер на все руки» выполняли интерьерную живопись.

Групповая деятельность учеников происходила в условиях кустарного производства. Один мастер собирал прялку из деталей, изготовленных другим работником, живописцы занимались росписью, некоторые мастера изготовляли предметы домашнего обихода из дерева или вывозили их на продажу.

Процесс освоения приемов традиционной росписи **в отхожем промысле** считался несложным, для этого достаточно было поработать один сезон.

Народные мастера в зимние месяцы пускались в отхожий промысел на заработки и брали старательных и выносливых мальчиков 9–11 лет, выполнявших подготовительную работу под роспись. Цветочную роспись делал сам мастер, а подмастерья выполняли

---

[725] Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев.– М.: Педагогика, 1990.– 608 с.

[726] Коновалов Ф. Я. Начальная школа на Европейском Севере во второй половине XIX – начале XX вв. / Ф. Я. Коновалов // Развитие школы и педагогической мысли на Вологодчине / отв. ред. Ф. Т. Бондарь.– Вологда: ВГПИ, 1993.– С. 46–54.

подготовительную работу по окраске фона под роспись в отдельных предметах и избах. Сами их мастерили, расписывали и продавали на базаре. Деятельность мастеров заключалась в продаже своего мастерства и была вызвана необходимостью выведения в люди молодого поколения крестьян.

Процесс учения **в ремесленной школе** носил объяснительно-иллюстративный характер вследствие широкого привлечения в классно-урочное обучение элементов наглядности. Натуральный метод осуществлялся от простого материала к овладению сложными практическими навыками. Учением овладевали в производственных мастерских отдельно мальчики от девочек. Все были увлечены рисованием.

Деятельность «ученых» художников направлена на постановку системы ученичества творческого коллектива. Они учили писать по-своему. В целях развития творческой фантазии внимание уделено тематической композиции. Первоначально выбор ремесла зависит от желания родителей и наклонностей ученика. В первый год обучения дети практикуются во всех мастерских. Затем педагогический совет распределял их по мастерским. Ученикам, окончившим полный курс теоретического и практического учения, выдавали аттестат на звание «подмастерья школы». Через два года, по предъявлению свидетельства об успешной работе на фабрике или мастерских, им присваивалось звание «мастер ремесленной школы».

Деятельность грамотных подростков в возрасте 12–14 лет осуществлялась бесплатно четыре года, преимущество отдавалось сиротам, получавшим пособия. Учеников знакомили с приемами ремесла под руководством мастера, где «технично, художественно исполнялся заданный предмет». Их сразу приобщали к практической деятельности, воспитывали выносливость к труду, уважение к черновой работе. Женское отделение было организовано в виде профессиональных мастерских масляными, восковыми, гуашевыми и акварельными красками с классным преподавателем рисования. Девочки 11–13 лет знакомились с раскраской различных изделий и техникой живописи по стеклу масляными красками, в их пользовании находились «краскотёрки, плитки для растирания красок, кисти беличьи для золочения, флейцы барсучьи, плоские щетинные кисти для лака»[727]. В первой половине дня обучались

[727] Ф. 463. Оп. 3. Д. 5 «Сведения о школе: список служащих школы; докладная записка инспектора школы Тотемской уездной управы о кустарных помыслах в крае», 16 января 1901 – 8 декабря 1901 г. – Л. 86–88 об.

дисциплинам: рисунок, живопись, лепка, композиция, шрифтография, технологии материалов, ремесленным счетоводством, а после обеда работали в мастерских на станках. Выпускники отмечены золотыми медалями за «рациональную постановку обучения ремеслам, способствующих распространению художественного вкуса среди кустарей», «художественное исполнение работ»[728].

На основании решения Министерства народного просвещения «О введении обучения художественным ремеслам на уроках труда в средних общеобразовательных школах» осуществлялось приобщение к традиционной росписи **в сельской школе,** направленное на выявление способных крестьянских детей к искусной отделке вещей по образцу, подготовке их к художественно-ремесленному труду для разнообразия ассортимента ремесленных изделий в крае. Педагогическая деятельность сводилась к изложению нового материала инструкторами на основе объяснительно-иллюстративного обучения с использованием наглядных методов обучения.

Педагогическая деятельность **в школе ремесленных учеников** осуществлялась на деньги купечества, завещавшего капитал на «расширение дела обучения ремёслам» при использовании объяснительно-иллюстративного обучения, которое готовило исполнителя-ремесленника. Организованы школа ремесленных учеников им. Д. С. Пермякова 1910–1918[729], Старосельская низшая ремесленная школа им. А. К. Лукачева 1912–1926[730] по программам обучения росписи Вятской низшей ремесленной школы.

В процессе учения развивались ремесленные способности и осуществлялась теоретическая подготовка по рисованию, черчению, истории орнамента, технологии ремесла, лепке моделей, композиции. Параллельно велась практическая работа для детей с образованием не «ниже 4-х классов начального училища» в мастерских[731].

В **художественную школу** принимали прикладников с профессионально-художественным образованием. Считали, что повыше-

---

[728] Ф. 463. Оп. 3. Д. 30. Л. 22. Л. 46 об. «Протоколы заседания педагогического совета школы за 1917 г.», 31 января 1917–21 октября 1917 г.

[729] Ф. 463.Оп.1. Д.2. Л. 4–14, Л. 74–76. «1910–1918 гг. Вологодская школа ремесленников учеников имени Пермякова» «Каталог школьной библиотеки и учебных пособий 1910–1913 гг.».

[730] Ф. 463. Оп. 2. Д.1. Л. 41, 64, 79. об. «Старосельская низшая ремесленная школа им. А. К. Лукачева», 1899–1919 гг. «Журнал школьных заседаний. Протокол № 1 от 14 марта. 1918 года».

[731] Ф. 463. Оп. 1. Д. 4 Л. 8. об., Л. 86. об. *«Журнал заседаний педагогического совета от 9 февраля 1915 гг.».*

ние академической культуры поможет развитию росписи, повысит творчество промысла. Академические дисциплины доминируют в обучении. Учебные планы включали предметы: академический рисунок, живопись, история культуры, основы ремесла, технология материалов, декоративная композиция с навыками стилизации, геометрическое и техническое черчение, лепка моделей, работа в мастерских.

Педагогическая деятельность реализовывалась в классно-урочной форме при трехгодичном сроке обучения на основе календарно-тематических и поурочных планов. Освоение росписи осуществлялось на основе объяснительно-иллюстративного с элементами развивающего обучения и включало: тщательный отбор содержания, продумывание форм и методов ведения урока, видов практических работ, использование учебно-наглядных и технических средств, организация самостоятельных работ, приемов стимулирования активности учащихся, домашних заданий. Преподаватели развивали наклонности учеников методом творческого варьирования, учили создавать уникальные изделия.

Выпускники, в совершенстве освоившие росписи, вливались в творческие коллективы по производству традиционных художественных промыслов, разрабатывали образцы современной расписной продукции.

Педагогическую деятельность **в форме наставничества** осуществляли лучшие мастера предприятий художественных изделий. Они занимались обучением молодёжи традиционным приёмам росписи на занятиях в школе, раскрывали секреты мастерства, создавали в рамках традиций обновленный образ росписи. Наставники бережно относились к индивидуальным особенностям каждого ученика. При возрождении промысла они придерживались характерной организации обучения мастеров, сочетая курс академических дисциплин с изучением приемов ремесла, бытовавших на промысле. Мастера не могли конкурировать в преподавании с «учёными» художниками в умении кратко и лаконично рассказать о премудростях и тайнах традиционного искусства росписи. Они терялись перед аудиторией класса, так как не имели практики обучения большой группы учеников.

Выделенные нами традиционные организационные формы обучения Вологодской росписи адекватно отвечали запросам населения и требованиям времени.

Ценностные компоненты обучения традиционной росписи, заложенные в традиционных формах организации, отражают

изменения от: копирования к самостоятельному исполнению; репродукции к творчеству; отношений мастер-подмастерье к отношениям преподаватель-учащийся; наставников-родителей к профессиональным педагогам-художникам; замены устного слова письменным словом и печатным текстом; непосредственного наблюдения за мастером и подражания образцу к совокупности словесного, наглядного, натурного и практического методов обучения; от единства образовательных и воспитательных задач к их разделению; индивидуального ученичества к групповой, классно-урочной форме обучения; семейного ученичества к профессионально-техническим школам; разной продолжительности учебной деятельности до классно-урочной системы; выбора методов и форм обучения родителями и общественным мнением селян до государственных решений, календарно-тематических и поурочных планов; обучения в неприспособленных помещениях до учебных мастерских; единичных упражнений до многообразия специальных предметов и форм занятий; психологически индифферентного отношения к ученикам к учету индивидуальных особенностей в художественной деятельности.

Совокупность организационных форм обучения традиционной росписи демонстрирует согласованную деятельность подростка и педагога, осуществляющего учебную деятельность в установленном порядке и режиме посредством определённого материала и дополняющих друг друга ценностных компонентов обучения росписи, выражает соотношение индивидуального и коллективного в традиционной культуре.

Балуевская Светлана Владимировна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

РИТУАЛ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Семейно-обрядовая сфера жизнедеятельности человека в народной традиционной культуре основана на почитании родителей, старших представителей семейно-родового коллектива, которые играют важную роль в судьбе детей, определяя их жизненный путь. Отношение родителей к детям строится на принципах народной педагогики. Крайние формы взаимоотношений могут быть выражены в виде родительского благословения как нормативного

ритуала в культурной традиции и родительского проклятия при негативной, исключительной ситуации.

Определение «благословить» содержит две составляющие: «благо» и «словить» (глагольная форма от существительного «слово»). Это такое благодатное действо, в котором посредством молитвенного слова передается благо. Согласно словарному толкованию: «благословить» значит «желать блага, добра, счастья, призывать на кого благоденствие»[732]. Таким образом, на понятийном уровне выражается функциональное значение данного определения – обеспечить жизненное благополучие тому, кому оно адресовано.

Ритуал родительского благословения осуществляется в особых случаях:

- перед ответственным или опасным делом;
- в житейских обстоятельствах, связанных с принятием важных решений;
- в связи с отъездом в дальнюю дорогу;
- в переломные моменты жизни, к коим относятся: отправка на военную службу, женитьба или замужество, прощание с родителями перед смертью.

В кульминационный момент проводов, когда происходит окончательный разрыв семейно-родовых отношений, именно родители дают детям свое духовное напутствие, благословение, посредством которого передается необходимая семейно-родовая сила, способная защитить в трудной жизненной ситуации.

Основным ритуальным предметом благословения является икона, лик которой соотносится с гендерной принадлежностью благословляемого: парень – «мужская» икона (Спасителя, Николая Чудотворца), девушка – икона с ликом Божьей Матери (Пресвятой Богородицы).

В народных традициях Вологодской области наряду с иконой в системе свадебной обрядности (перед отправкой под венец в доме невесты, встреча в доме жениха) в качестве атрибута благословения выступает родовой хлеб, как семейно-родовая доля, к которой приобщаются молодожены (жених и невеста). Хлеб выступает в роли определяющего в системе оппозиции двух родовых сил: в обрядовой сцене «вздымания пирогов» при встрече свах в доме невесты в венчальный день (кто выше), при откусывании свадебного пирога (кто больше).

---

[732] Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка./ В. И. Даль.– Москва: Рус. яз., 1998. Т. 1. С. 94.

Наиболее атрибутивно представлена сцена благословения невесты в традиции Никольского района Вологодской области. Так, в д. Захарово Вахневского поселения зафиксирована информация о материнском благословении во время снаряжения невесты перед венцом, при котором каждый элемент свадебного костюма девушки в силу его сакрального значения включается в акциональную составляющую ритуала. Так, мать в процессе одевания невесты перекрещивает ее сначала исподней рубашкой, затем сарафаном, приговаривая при этом текст молитвы: *«Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Благодать Святого Духа!»* (Никольский р-н, Вахневский с/с, д. Захарово. Архив НОЦТНК ВоГУ, ЭВФ 135-22, 23)[733]. Подобный текст также исполняется после снаряжения при перекрещивании кусочком родового хлеба – «п**а**зушником»[734] и в завершении ритуального действа – благословении иконой.

В случае отсутствия атрибутивного ряда, в частности, в ситуации проводов в дальнюю дорогу мать благословляет, осеняя свое дитя крестным знамением, и, как вариант, с последующим прикладыванием руки родителя к голове ребенка (Сямженский р-н).

На акциональном уровне ритуал имеет различные локальные выражения в народных традициях Вологодчины. К примеру, в свадебной обрядности перед отправкой молодоженов под венец это может быть:

- благословение жениха и невесты ритуальным предметом (икона, хлеб) без соприкосновения с ним, за которым следует целование его;
- крестообразное прикладывание иконы к голове жениха и невесты по очереди или обоих вместе и т. п.

В контексте рекрутской обрядности благословение может осуществляться посредством крестообразного прикладывания иконы к голове парня с последующим обнесением ее вкруг лица благословляемого, что зафиксировано в д. Илево Визьменского с/с

---

[733] Здесь и далее в скобках указывается место записи информации на территории Вологодской области (район, сельский совет / поселение, деревня или село), номер единицы хранения записи (ЭАФ – экспедиционного аудиофонда, ЭВФ – экспедиционного видеофонда, УВФ – учебного видеофонда) в архиве фольклорно-этнографических материалов Научно-образовательного центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (НОЦТНК ВоГУ).

[734] «П**а**зушник» – небольшой кусочек хлеба, которым мать благословляет невесту во время снаряжения и кладет ей за пазуху. Невеста после венчания по дороге в дом жениха делит его со своим нареченным мужем, приговаривая «Григорий, кушай на здоровьё!» (Никольский р-н, Вахневский с/с, д. Захарово. Архив НОЦТНК ВоГУ, УВФ 086-15,16).

Белозерского района Вологодской области. Данный акциональный ряд при этом сопровождается заговорным текстом, в котором доминирует ключевой поэтический мотив «Благослови тебя, Господи», а также присутствует типовое текстовое звено, указывающее на его функциональное значение, характерное для большинства художественных форм, исполняемых в подобной обрядовой ситуации: «в темном лисе не блуд**и**тисе, на воде не тон**у**тисе»:

Господи!
Благослови, Господи,
Милую дитю,
Благослови, Господи,
Рано или поздно
От злых, лихих людей,
От больших страстей,
Напасти и ужасти.
Не допусти, Господи,
*Во зл**ы**ё руки*
***Ми**лово д**и**тё моёв**о**.*
Понеси тебя, Господи,
По земле и по воде,
*И по мурав**о**й траве.*
Дай тебе, Господи,
*Тебе в тёмном лисе не блуд**и**тися,*
*На воде не тон**у**тися.*
И благослови тебя, Господи,
На жиз[н]ь на Господню.
Благослови тебя, Господи,
*На к**а**жной день,*
*На к**а**жной час,*
*На к**а**жную минуту*
Благослови, Господи!

(Белозерский р-н, Визьменский с/с, д. Илево. Архив НОЦТНК ВоГУ, ЭВФ 297-11,12)

Следует выделить многообразие художественных форм, обеспечивающих ситуацию родительского благословения в семейно-бытовой обрядности: паремии, приговоры, заговоры, молитвы, причитания.

Тексты приговоров при благословении, как правило, включают персональное обращение к герою ритуальной ситуации с последующими благопожеланиями, предваряемыми формулой «Дай тебе, Господи…». Например:

*Дай тебе, Господи, Ор**и**нушка,*
Добра и здоровья,
*И милости Б**о**жьёй*
От сево дня до гроба.
Дай тебе, Господи,
*Всев**о** хор**о**шово:*
В скоте и в животе,
*И во всём хор**о**шом.*
*Прожить с молодым м**у**жом,*
Со всем в дружбе и в любви.

(Тарногский р-н, Илезский с/с, д. Мичуровская.
Архив НОЦТНК ВоГУ, УВФ № 031-22)

В традициях Вологодской области зафиксированы следующие благопожелания родителей в момент благословения, представим некоторые из них:

Отец невесты, благословляя жениха: *Сынок,* *Благословляю я тебя* *На дела хорошие, на счастье.* *Да благословит Бог* *На мирную жизнь!* *Живите счастливо!* Невесту благословляет мать: *Дорогая доченька!* *Благословляю тебя* *На счастливую жизнь* *На долгие годы,* *На весёлую жизнь…* (Нюксенский р-н, Городищенский с/с, д. Ляменгское. Архив НОЦТНК ВоГУ, ЭВФ 082-05)	Благословение жениха и невесты: *Благословляю вас* *На долгие-долгие годы!* *Дай вам, Господи,* *Счастья, здоровья,* *Живите богато,* *Слушайтесь друг друга! <…>* *Дай вам, Господи,* *Всев**о** хор**о**шова!* *Дай вам, Господи,* *Во имя Отца, и Сына,* *И Свят**о**ва Духа,* *И [ныне, и] присно,* *И во веки веков, аминь!* (Великоустюгский р-н, Парфеновский с/с, д. Карасово. Архив НОЦТНК ВоГУ, ЭВФ 175-42)

В д. Федотово Матвеевского сельсовета Тотемского района Вологодской области родители перед отправкой под венец благословляли девушку сначала родовым хлебом, а затем иконой. Невеста во время благословения причитала, при этом акциональный ряд ритуала строго соотносился с текстом причитания:

*Ой, дак уж ты ро...(о)д**и**мой, сударь ба...[тюшко],*
*Ой, дак уж ты о... отк**а**зваёшь, сударь ба...[тюшко],*
*Ой, дак уж мне о... от хлеба-то глядо** бе...[лово],*

(мать перекрещивает невесту хлебом, затем невеста целует хлеб)

*Ой, да уж от по... одво**р**ьиця гляд**а** тё...[плово].*

(крестят иконой, приговаривают «Под**и** с Богом!», невеста целует икону)

*Ой, дак отдаи...ит**е**-то да вы, роди...[тели],*
*Ой, меня вы чу...уж**и**м-то да всё добры... [людям].*
*Ой, дак уж вы, ми...ил**ы**ё мои роди...[тели],*
Ой, дак уж много...о я-то вам благода...[ствую],
*Ой, дак уж вы де...ерж**а**ли меня, роди...[тели].*
*Ой, дак уж я жи...ил**а**-то у вас(ы), роди...[тели]*

(во время причитания невесты родители дают жениху напутствие:

*Вот, Вас**и**лей,*
Не обижай свою молодую.
Обувай, одевай,
*Молод**и**цы не обижай!*
Пой, корми,
Хорошо веди!)

В данной традиции после венца свекровь встречает молодых в доме жениха с родовым хлебом, которым благословляет молодицу, комментируя: «Свекровь тебя это благословл**е**ёт». Невеста осеняет себя крестным знамением, отламывает кусочек хлеба, обмакивает в соль и съедает. Затем молодых угощают хмельным напитком, приговаривая: *«Давай, пей на новом-то м**и**сьте», «Пейте до дна, копите ума».* После чего хлеб кладут невесте на голову, она относит его на стол, что символизирует появление новой хозяйки в доме: *«Ташш**и** хлеб-от. На стол-от и положь. Хоз**я**йкёй ведь будёшь!»* (Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотово. Архив НОЦТНК ВоГУ, УВФ № 155-12).

При благословении сына на службу в армии в деревне Сергиевская Тарногского района Вологодской области зафиксирован следующий вариант текста:

*Даю тебе благословл**е**ньё вел**и**коё:*
*На огне не гор**я**шшоё,*

*На воде не топ**я**шшоё,*
*В л**и**се не заблуд**я**шшоё,*
*От людей не забыв**а**шшоё.*
Спаси и сохрани,
*Присвят**а**я Божья Мать Богор**о**диця,*
*Все святые оп**о**столы.*
*Б**ы**дьте мои слова*
*Крепки, лепки и п**а**метны*
Во веки веков, аминь!
Спаси, сохрани!

(Тарногский р-н, Раменский с/с, д. Сергиевская. ЭАФ НОЦТНК ВоГУ 1991-13)

Основу произносимого ритуального текста составляют типовые поэтические формулы, в которых на вербальном уровне выражаются функционально-смысловые доминанты совершаемого действа.

В свадебных традициях восточных районов Вологодской области ситуация родительского благословения может представлять собой развернутый обрядово-художественный комплекс, включающий следующие моменты:

- причетное обращение невесты к родителям с просьбой благословить;
- благопожелание родителей при осуществлении ритуального действа;
- причитание невесты, содержащее высказывание благодарности родителям.

В качестве примера приведем тексты причетного обращения невесты к родителям с просьбой «дать благословение», зафиксированные в традициях Тарногского района Вологодской области. Они основаны на тех же типовых поэтических мотивах, в которых выражена образно-функциональная характеристика ритуала:

В **Илезской** местности невеста с девушками причитали:	В **Озерецкой** местности невеста причитала:
*Ой, моя слёза ты, гор**е**чая,* *Да сухота ты, серьд**е**чная,* *Моя родимая мамушка.* *Я не прошу у тебя, мамушка,* *Да не скота, да не живота,*	*Сх**о**жо красноё солнышко,* *Мой корм**и**нец-от батюшко,* *Шчо не прошу у тебя, батюшко,* *Ни скота я ни ж**и**вота,* *Ни им**и**нья-бог**а**чества.*

*Да не бог**а**тьцьва бог**а**тово.* *Да попрошу у тебя, мамушка,* *Я Б**о**жьёво благословл**е**ньица,* *Да Б**о**жьё-то благословл**е**ньицё* *Да на огне не гор**я**шшоё,* *Да на воде не топл**я**шшоё,* *Да в лисе не заблуд**я**шшоё,* *Да в людях не забыв**а**шшоё.* *И да спасибо вам, мамушка,* *Да за хлеб, за соль великую,* *Да за всё, за всё вам хор**о**шоё.* (Тарногский, Илезский, Мичуровская, ЭВФ ЦТНК ВоГУ 025-28)	*Только прошу у тебя, батюшко,* *Божья благословл**е**ньица –* *Божья мать – Богор**о**диця,* *На воде не топл**я**шчоё,* *На огне не гор**я**шчоё,* *Да напер**е**дь-то меня пойдёт,* *Приут**о**пцет дороженьку* *Да приул**а**дит мист**е**цико,* *Да приукр**о**ёт-то кровельки,* *Шт**о**бы **е**та-то кровелька,* *Ст**о**юци не прокапала.* *Шт**о**бы я, молодёшенька,* *Ж**и**вуци не проплакала!*[735] *«Тебе спасибо жо, б**а**тюшко,* *За б**о**жьеё благословл**е**ньицё.* *Б**о**жьеё благословл**е**ньицё* *Да на огне не гор**я**шчоё,* *Да на воде не утопл**я**шчоё,* *В чужих людях не обид**я**шчоё,* *И во лесу не заблуд**я**шчоё*[736].

Невеста-сирота испрашивала благословение на кладбище, обращаясь в причитании к умершим родителям. Причетное обращение к умершему родителю с аналогичной просьбой имеет место и в ситуации похоронного обряда. Тексты причитаний, исполняемых в период пребывания покойного дома, содержат типовую образно-поэтическую характеристику «благословения великого»:

*Ой, тошнёшенько, да дай ты сердечным-то д**е**тонькам,*
*Ой, тошнёшенько, благословл**е**ньеё вел**и**коё,*
*Ой, тошнёшенько, от чиста с**е**рдця ретивого!*
*Ой, тошнёшенько, да твоё благословл**е**ньицё,*
*Ой, тошнёшенько, да на воде не топ**я**шчоё,*
*Ой, тошнёшенько, да на огне не гор**я**шчоё,*
*Ой, тошнёшенько, да в л**и**се не заблуд**я**шчоё,*
*Ой, тошнёшенько, да из темн**а** леса в**ы**ведёт,*

[735] Балашев Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Д. М. Балашев, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова.– Москва: Современник, 1985.– С. 256.

[736] Там же. С. 257.

*Ой, тошнёшенько, да из син**я** моря в**ы**несёт,*
Ой, тошнёшенько, да ото злых, от чужих людей,
*Ой, тошнёшенько, да от обидушки спас б**у**дёт!*[737]

В экспедициях НОЦТНК ВоГУ зафиксирована информация о необходимости просить благословения и прощения у умирающих родителей: **«***Прости меня, Господи, грешную» («Простите меня») – «Бог простит! Ты меня прости» («Бог вас простит»).* Согласно экспедиционным материалам именно родительское благословение определяет всю последующую жизнь детей: *«Как поч**е**ствуешь [родителей] – так и поживёшь. Как оставят [после смерти]: оставят хорошо, дак хорошо и жить будешь; оставят худо, дак худо поживёшь»* (Нюксенский р-н, Городищенский с/с, д. Околоток. Архив НОЦТНК ВоГУ, ЭАФ 2036-02). *«Раньше ст**а**рые-ти давали благословл**е**ньё – коўд**а** кто-то уходит из дому. С иконой провожали-то, у нас и икона-та была. А вот отцу, гыт, не дала благословл**е**ньё-то бабушка-то, дак он, гыт, и не верн**у**ўся с войны-то»* (Нюксенский р-н, с. Нюксеница. Архив НОЦТНК ВоГУ, ЭАФ 1418-09).

Значимость родительского благословения подчеркивается в фольклорных текстах эпитетами – «благословение великое», «Божье благословение». Сила его выражена типовыми поэтическими формулами, составляющими основу приговоров и причитаний, согласно которым благословение отца и матери должно:

- защитить от природной стихии *(«на огне не гор**я**щее», «на воде не топ**я**щее», «из темна леса выведет», «из синя моря вынесет»)*,
- спасти от людских страстей *(«в людях не забыв**а**щее», «в чужих людях не обид**я**щее», «от обидушки спас будет»)*;
- обеспечить жизненное благополучие *(«приут**о**пчет дороженьку», «приул**а**дит местечико», «приукроет кровелькой»)*.

Как значимый компонент обрядов жизненного цикла человека, родительское благословение не теряет своей актуальности и в современной практике бытия. Осознавая необходимость родительского участия в судьбе детей, важным во все времена остается воспитание почтительного отношения к родителям, родовым корням, чувства уважения к семейным традициям своего народа.

---

[737] Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область) / Б. Б. Ефименкова.– Москва: Сов. композитор, 1980.– № 35.– С. 135. Зап. в 1974 г. в д. Раменье Тарногского р-на от Анастасии Ивановны Булатовой (р. 1906) // Там же.– С. 372.

Акимова Мария Александровна,
независимый исследователь, г. Сегежа, Республика Карелия

ВОРЕНЖА УСТАМИ ВОРЕНЖАНОК

Поморская деревня-призрак «Воренжа» расположена в Выгозерском крае в средней Карелии (сегодня относится к Беломорскому району) на реке Суме приблизительно в 2 км от впадения ее в Сумозеро. Первое упоминание встречается в писцовой книге Обонежской пятины за 1563 г.,[738] хотя Жуков А. Ю. утверждает, что еще в 15 веке Воренжа была волостным центром (согласно актам Соловецкого монастыря).[739]

Информация о ней собиралась с середины 90-х. Первая весомая публикация о истории Воренжи вышла в сентябре 2019-го в сборнике «Рябининские чтения», но (так скажем) «эмоциональная» жизнь деревни с ее байками, любовными историями, рассказами о колдовстве, потустороннем мире осталась большей частью в стороне. И, конечно же, раз эмоции и тогда и сейчас считались прерогативой женщины, данный очерк основан, в основном, на воспоминаниях и рассказах воренжанок. В нем показаны их сложные судьбы, порой трагические, отражающие события 20-го века.

Меня маменька рожала в пожне под осиною,
Красоты мне вдоволь дала, долю несчастливую.
А спасибо тебе, мама, что веселой родила,
Хоть и горя-то хватает, а веселая всегда.
И не горюшка приплакать и не все перетужить,
Половину надо горюшка на радость положить.[740]

Хочется начать именно с этой частушки, любимой в арсенале удивительной воренжской певуньи и рассказчицы Галины Дмитриевны Корчуевой (Маланьюшкиной). Текст биографичен. Бабушка Галя (как она просила себя называть) действительно родилась во время сенокоса. И «горюшка» хлебнула много. После ареста и расстрела отца в 1938 г., 4-летней ссылки в Архангельскую область для троих детей и жены «врага народа» наступили голодные годы: *«Ели лепешки из муки, сделанной из перетолоченных*

---

[738] Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 156.

[739] Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в.– Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 492 с.

[740] Корчуева (Маланьюшкина) Галина Дмитриевна, 1928 г. р.

костей рыбы и пустых колосьев, а травы сколько. Тряпку бросим, на полу спали. К нам даже ночью дядя Петя да дядя Андрей ходили, проведывали. А маме никакого спасу не было. В пионеры не принимали»[741]. Младший брат, командир пулеметной роты (награжден медалями «За боевые заслуги», «За Отвагу», орденом Славы III степени), погиб в последние дни войны – как клялся, уходя на войну, отстоял честь отца. Замуж Галина вышла за карела. По ее словам, карелов в деревне недолюбливали. *«У нас отродясь карелов не было. Карелы все русые, поморов русых не бывает. У меня, знаешь, какой темный волос был! Как воронье крыло»*[742]. Женская доля на деревне в середине XX века мало отличалась от века XIX. Разводы не приветствовали, причем даже если инициатива исходила с мужской стороны. Отец с матерью могли и запретить: *«Сам выбирал. Женился – так терпи»*[743]. Свадьбы и в 60-х старались играть по старинным обычаям. *«У нас в деревне, во всех до Сумпосада, был такой как закон не закон, а просто обычай. Свадьбу играли, молодых садили значит на переднюю стену. От жениха крестный был, свидетель, от невесты крестная, свидетель, ну вот. Когда свадьба играла раньше церемонные были, деньги кидали, с двумя стопками ходили. Они деньги кидали, а перед главной стеной мужики брали ружья, ставили крест-накрест эти ружья на улице, за окнами-та и стреляли в воздух боевыми патронами. Эта была свадьба! А так, если не стреляли, эта уже не свадьба. Дак, когда выстрелили, знаешь такой звонкий, стекла дребезжат, но раньше стекла тоненькие. Так моя напугалась (смеется)! Петьки два там Чистякова стреляли поочередно. Отец с ними заодно. Браги напилися. Думали, как бы они еще никого не застрелили»*[744]. *«Нас с Таней (мне 9, ей 7 лет было) заставили даже выпить церемонную и положить деньги туда.*

Корчуева Галина Дмитриевна

[741] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.
[742] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.
[743] Маланьюшкин Александр Иванович, 1933 г. р.
[744] Маланьюшкин Александр Иванович, 1933 г. р.

Маланьюшкина Елизавета Лазаревна

Рюмочки вина. Так мы плакали, Клава пожалела даже нас. И заставили выпить»[745].

Галина Дмитриевна Корчуева после свадьбы счастья тоже не видела – свекровь невестку невзлюбила, говорила: «Ты мол женился на дочери врага». Муж стал пить, спьяну бить (бабушка Галя считала, что свекровь так сделала).

Под частушку бабушки Гали и бабка Еля «ой, как плакала». Елизавета Лазаревна Маланьюшкина из богатой семьи. *«Так ты знаешь, какие у нее были сарафаны! Ты знаешь повойники!»*[746]. О ней в деревне любили посудачить. Казалось бы, ничего дурного впереди в жизни одной из первых красавиц не предвещало. Вышла замуж за сына урядчика и смотрителя почтовой станции Степана. Стала хозяйкой в самом большом доме на деревне, расположенном напротив построенной в 1903 г. церкви. Родился сын Виктор. Но Первая мировая война все изменила – мужа убивают. *«И эта Елюшка живет с деверем* (родной брат мужа). *И родила Сашку»*[747]. Война снова лишает Елизавету Лазаревну сначала сына (Виктор погибает в концлагере в г. Кальвария, Литва), потом мужа, эвакуированного как неблагонадежного вместе с ней в Архангельскую область (Константин Маланьюшкин, якобы «кулак», раз построил вместе с братьями самый большой дом на деревне, умирает от голода на лесозаготовках). *«Елюшка-то, покойнюшка, вернулась»*[748]. Горе сломило женщину, она

[745] Степанова (Маланьюшкина) Нина Ивановна, 1949 г. р.
[746] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.
[747] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.
[748] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

начинает пить. Теперь ее зовут не иначе как «Елюшка с похмельюшка», после надругательства одного из приятелей «по рюмке» (так на деревне говорили) заканчивается и ее жизнь.

Марфа Тимофеевна Маланьюшкина в молодости

И даже, если судьба оказывалась более благосклонной, «долю» женщины на деревне и тогда нельзя было назвать легкой. Ведь помимо тяжелого труда женщина выполняла основное свое предназначение – продолжение рода. А «детей-то раньше много рождалось». Женщины рано умирали, часто при родах (так скончалась от действий неумелой повитухи моя прабабушка). На сносях много, тяжело работали – «нельзя показать было, что больно, если роды начинались «на людях». Марфа Тимофеевна Маланьюшкина (Шелонникова) всех девятерых детей (четверо выжили) родила, что называется «на ногах», только домой забежав. Предпоследнюю «выкинула», только успев до дома добраться, прямо у порога. Перед этим сено гребла, старалась улыбаться – никто не должен видеть, что схватки начались. После на лодке домой сама гребла. Ползком еле корову закрыла[749]. *«Тетю Шуру, мамину сестру, в лесу родила бабушка. И никак не отрезать пуповину-то, вот она в сарафане несла, вот так и дошла. Так женщины раньше крепче были»*[750].

Часто, бывало, и от мужей доставалось. *«Мамина-то мать была, как ее дед избивал плеткой. А вот дядя Ваня женился в первый раз на Шуры Косьяновой матери – умерла в родах. Потом на бабушкиной сестре, на Анне Федоровне. Бабушку-то звали Иринья Федоровна. Так, ребенок шевелился, она умерла, а ребенок уже большой. А в третий раз тоже женился, вот Рая Федорова, в магазине работала, так отец. И все думали, что вот-вот. Она забеременела, нет, Афоню родила и Раю родила. Замучил он их этим, половым сношением. А потом ему сказали, что ты попробуй еще!»*[751]

---

[749] Степанова (Маланьюшкина) Нина Ивановна, 1949 г. р. (рассказывает о своем рождении).

[750] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

[751] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

Несмотря на кажущуюся строгость нравов, было, когда и свекры с невестками втайне жили. И все молчали. «*А раньше тоже было всего! А раньше все тихо обходилось. Свекры, вот, например, с невестками жили. И невестки рожали. Все бабушка рассказывала. Значит у них был один сын. Невестка красивая, Наташа, была. Сын куда-то уехал (знаешь, раньше ездили за продуктами да за всем). Вот сидит Наташа, плачет, подходит свекрова и говорит: «Наташенька, ты что плачешь?» – «Да, вот батя велит по третий вечер, чтобы я пришла в овин (а знаешь, что такое овин, ригачу овином называли)» – «А не плачь, Наташа, ложись спать. Больше не позовет». Ну, она пошла, Наташа, спать. Он ушел, ждет невестку в овин, ну, в ригачу. Ну вот, прихорошилась жена-то и пошла. Он стоит уже намази. Раз свою бабку! Раз свою бабку на солому. Ну, и начинает. Еще хвастает: «То ли дело молодое тело (бабке)! То ли дело молодое тело!» Ну ладно, сделал свое дело: «На те рубль! То ли дело молодое тело! Али, я скажу! Овес продам – еще дам (а тогда три рубля корова стоила)! Ну ладно, ушел. Ну, эта бабуля… Раз, раз, раз, раз… Ходила, ходила. Там у соседки немножко посидела. Приходит. А он там: «Ах, ты, такая ты эдакая! Где ты до сих пор была! Болтаешься, шляешься!» – «Где была не была, а вот рубль нажила! А овес продашь – еще дашь!» Бабка ему показала!»*[752] Или *«У дедушка у папиного было пять братьев, а его отец, дедушка – отец, был. Вот Марфа Васильевна, она уже замуж, мужа Василием звали. И этот дедушка к ней подкатил. Так вот он ездил туда по воде. И возил туда. Бабушка боялась слова сказать, жена-то. Сушек наберет, муки, рыбы и везет туда. Она родила от него. Это уже был шестой. И она назвала Васей и Васильичем. Но все равно знают, что вот этот не его. А попробуй-ка сказать-то дедке Герасиму, что сынок еще есть шестой!»*[753]

Однако, воренжанки виду не подавали – никогда не унывали, что ни слово, то присказка, что ни рассказ, все с шуточкой. Поморки спину под тяжестью забот не гнули. Марфа Тимофеевна Маланьюшкина (Шелонникова) и за восемьдесят чашечку возьмет за край и ко рту подносит, не наклонится. Про таких женщин с гордой осанкой в деревне говорили «словно рюмочка». А уж как заговенье или масленица придут – бесёды начинаются. *«Сегодня у той бесёда, потом у другой там. Так Ольга Матвеевна все: «Валюшка, Танюшка, зайдите к тете Марфе, скажите, чтобы завтра*

[752] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.
[753] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

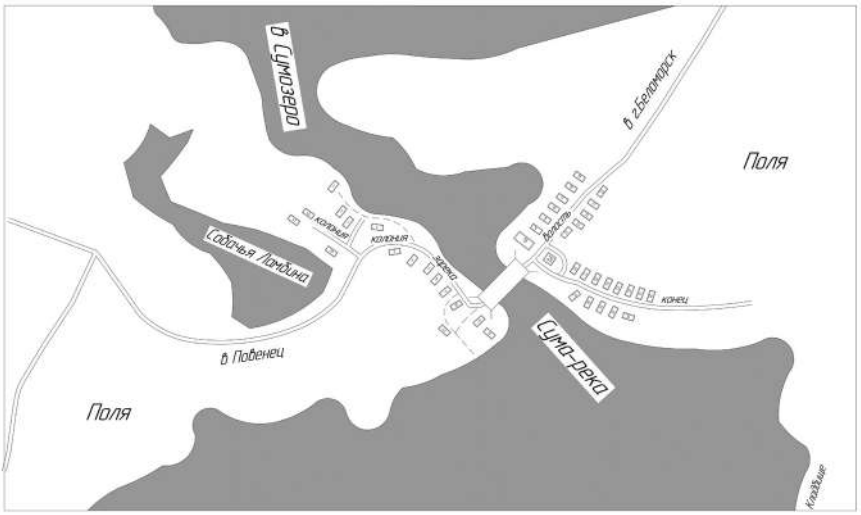
пришла к стольки-то часам.» Марфа Тимофеевна, надевши, идет. И вторая, и третья… Кто вяжет, кто прядет, кто… Но в начале чаю попьют. А пообедают! Ну, как потом у них песни! Песни – старинные-старинные. Значит там бесёда! Или, например, вот так: «Приходи завтра ко мне.» И вот опять утром уберутся все там со скотиной и идут опять на бесёду. Ну вот, через день, через два – у другого бесёда. И опять туда и собираются»[754].

Птичка, пташка, кенарейка
Утешай горе-то мое,
Утешай горе-то мое.
Ой, мое горе всем известно.
Мил уехал далеко,
Мил уехал далеко.
Ой, он уехал не простился.
Видно он забыл меня,
Видно он забыл-то меня.
Да отварю я в клетку двери,
Пущу пташу на волю,
Пущу пташу на волю.
Ой, пущу пташу ту на волю.
Два словечка ей скажу,
Два словечка ей скажу
Да два такие потайные.
Слетай-ка к милому дружку,
Слетай-ка к милому дружку
Да сядь ты на елочку коряву,
На березку зелену…

(Текст песни приведен неполный
в исполнении Г. Д. Корчуевой)

Бесёды посещали только замужние женщины или «совсем старые», молодые собирались отдельно. Позже при Советах ходили в клуб, и, не смотря на статус замужней женщины, возраст, фору могли дать и юным воренжанкам. *«Этот клуб, ни свету, ничего, с лампами. Носки шерстяные, галоши. Пляшут, гуляют. Тетя Настя-пекариха придет, начинает раздеваться. Платок разденет, кофту, фартук, носки. Как начнет раздевать…, ее остановят. Тетя Матрена была, высокая такая: «Тюх, тюх, тюх, тюх, разгорелся наш утюх…» Частушки пели: «Пьет и старый-старый дед, пьет и мой*

[754] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

Карта деревни до пожара 1938 г.

отец, пьет калека, пьет и пекарь, пьет и продавец» или «Сударушки на камушке, просил, хотела дать. Дай, сударушка, на камушке, никто не будет знать». «Хорошие старушки были. Некоторые были откровенные, а некоторые себе на уме. А весело было! До чего дружные были»[755].

С особым размахом гуляли на престольные праздники – «*деревнями роднились*». Ильин день (2 августа) – Воренжский праздник, Палеостровский (21 сентября) – Койкинецкий (с койкинчанами у воренжан были особые отношения – до 1903 г. Воренжа причислена к Койкинецкой приходской церкви), на Покров (14 ноября) ехали в Лапино, в Ендогубу – на Спасов день (19 августа)[756]. *«И находили время. Вот работаешь, работаешь, вечером праздник старинный какой-нибудь и там поют песни»*. Вечером на мосту устраивали танцы. «Ну, как танцевали, кадрили, русские, краковяк: *«Русский, немец и поляк танцевали краковяк, русский по-русски, немец по-французски, а дурак-поляк все танцует кое-как»*, яблочко[757].

---

[755] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

[756] Акимова М. А. Судьба заброшенной деревни Воренжа // Рябининские чтения-2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижи».– Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 4.

[757] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

Играли в лапту, рюхи. У дома Осиповых играли в рюхи мужчины и женщины, около церкви в мячик – молодухи *(«Играли они в мячик, да так, что только сарафаны шумят, пыль летит»)*, девочки – у дома Никоновых[758]. *«На праздники были вещи праздничные. Сарафан, кофта, передничек, платок. Кофты пошиты не такие, как сейчас. Сорочки шили сами, рукав по локоть, собранный у воротника. Из ситца шили. На сарафан доставали гарус. Это шерсть. Некогда вышивать было. Сама в 13 лет носила. В праздники были нижние юбки, тонкие, сатиновые, с поясочком, завязывали им. Поясочки длинные. Бусы носили белые, брошки носили железные. Серьги были, кольца были, кто побогаче. Бисером обделывали повойник. Кружева были, по низу у сорочек вязали, в моде были кружева. Тесьма была»*[759]. Вечером устраивали вечери. *«Ближе к осени, осенью в ригачах плясали. По 40 ригач за осень вымолотишь»*[760].

«Дружные были все, окромя Агриппины Прокопьевны»[761]. Эту женщину в деревне вспоминали шепотом: «Покойник за спиной не стоит, но свое увидит». Именно ее имя связывали с колдовством, к которому прибегали и которого боялись. При помощи магии она вносила раздор в воренжские семьи. Но, что реже вспоминают, и лечить умела.[762] Сама родом была из соседней деревни Коросозеро, вышла замуж в Воренжу: *«А где колдунья жила потом, в том доме до нее женщина жила, родила одну дочку и муж умер. Дочка наткнула ногу в лесу и хромала, но красавица была из красавиц. И все время пела:*

*Х**о**дила младе**ш**енька по-мале**н**ьку,*
*Уколола н**о**женьку наголе**н**ьку,*
*Бо**л**ит моя ноженька, но не больно,*
Любит меня миленький, но недолго.

Хромую красавицу в жены взял сосед Александр Маланьюшкин, у них родились пятеро детей. Один из сыновей Федор и женился на Агриппине Прокопьевне, возненавидевшей свекровь. Так в деревне появилась колдунья (именно так называли воренжане знающих). Хотела потом свекровь взять Варвара (ей будет мать),

---

[758] Маркова (Карачева) А. И., 1914 г. р.
[759] Маркова (Карачева) А. И., 1914 г. р.
[760] Маркова (Карачева) А. И., 1914 г. р.
[761] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.
[762] Степанова (Маланьюшкина) Н. И., 1949 г. р. (Вылечила ее в детстве от жутких головных болей, которые появились после падения на переносицу замка. Вылечила заговором на воду.)

но та не пошла. Федор боялся матери слова сказать. У свекрови руки не работали, так она зубами из люльки дитя доставала. Взяла (Агриппина Прокопьевна) после смерти свекрови свою мать, послушная была мать. Так Агриппина ее довела, что та ушла к соседке в дом напротив[763], за что и этой семье отомстила колдунья. Сама она так говорила: «Хочешь, сделаю так, чтобы ты имел вверх, а не жена», и любящий муж превращался в деспота – начинал жену поколачивать. *«Без нее не могу, а приду – волком кажется, разорвал бы ее»*,– со слов одного из информантов, пострадавшего от колдовства.

Галина Дмитриевна Корчуева о том, к чему в деревне всегда относились с осторожностью, любит поведать: *«Раньше-то, знаешь, колдовство все шло, шло. В Коросозере был дед. А тогда свадьбы справляли и венчались в Койкинецах. И вот слушай! Нужно было проезжать мимо этой деревни Коросозеро, ихний дом стоял как раз на берегу. Если он зимой около, то ты знаешь, так на санях. А если летом, то на телеге, так это он мог еще не знать. Все равно он узнает, он может так сделать, что ему если не дают ничего. И вот значит, бабушкина племянница Варвара Петровна (вой, красавица была!) выходит замуж. Как раз дело было зимой. Они поехали, он это знал. Они не остановились. И говорят, вот обвенчали еще ничего, а когда их стали подводить за столы (это раньше, знаешь) к жениху, только она села и стала куковать кукушкой: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!» Видят дело плохое, принесли шаль, накинули шаль и увели ее. Увели ее и потом искали колдунов, чтобы отколдовать. Вот кукушка все говорят, что спорченная женщина»*.

Но особое место в рассказах о колдовстве занимают истории, связанные со смертью. *«Слушай, вот тут-то тоже интересно! Марья Лазаревна (сестра Елюшки). Тут-то Петр Николаич стал подрастать. И ей захотелось, Марьи Лазаревны, попасть замуж за этого Петра Николаевича. Он женился на Александре Кузьминичны Маланьюшкиной. А знаешь, что эта Марья Лазаревна-то: «Раз он меня не взял замуж, ему не будет хорошего!» Родилась дочка Нина. И этой Нине было девятнадцать лет, Нина повесилась. А тогда раньше! Что ты! Отчего повесилась? Тайна, покрытая мраком. Возили в Беломорск, думали, она беременна. Ничего. Потом, слушай дальше. Ну, там прошло полгода или сколько, не знаю. Она (Александра Кузьминична) пошла за углями, стала угли набирать, а там клок волос (где Нина повесилась). Вот и говорят, что эта Марья Лазарев-*

[763] Корчуева (Маланьюшкина) Г. Д., 1928 г. р.

на могла так сделать. Говорят, что не дай Бог, когда волосы или иголку, или что-то такое найдут». По словам бабушки Гали, клок волос, иглы, ножи – самая страшная порча. Жечь ее нельзя, только по воде пустить со словами: «Откуда пришел, туда и поди!»[764]

«Старый-старый дед Василий Васильевич долго не мог умереть, мучался сильно, даже помешался как-будто. И посоветовали его внуку Коле: «Николай, возьми приподними шолом, в общем топором раз, отбей шолом немножко». Он так и сделал. Отбили шолом, дед вскоре умер. А вот знал ли он колдовство или нет – сказать точно нельзя»[765].

«Дед, свекр-то у меня, умер, заворот кишок был. Ветер сильный, не мог вертолет сесть. А дело было в июле, месяц прошел или нет. Пошла я за морошкой. Как ступила на болота, идет за мной дед. А на болоте не так-то быстро пойдешь. Я иду, он за мной, вот дышит за мной. Потом мне все бабушка говорила, что нельзя никогда оборачиваться. Только, думаю, мне до горки дойти. Только в горку стала подниматься, он от меня отстал»[766].

Бабушка Галины Дмитриевны Корчуевой поведала ей историю о чудесном исцелении: *«Они были с дедом на сенокосе и что-то там случилось с ним. Он заболел. И так он заболел. Бабушка у нас боевая была. Ей и говорят: «Иди, настряпай колубков и всего, да снеси туда, где он заболел». А там такие места тоже топкие, бревна почти прогнили. Только говорят: «Марья Лукинична, придешь, положи все туда (а это далеко 12 км, 6 туда и 6 обратно). Положи все и возвращайся обратно, только не оглядывайся». А ночью надо идти-то. Но летний период, еще светло. Пришла, положила все это, повернулась и пошла. Такой свист, крик за мной. Страшно. Пришла домой. Потом выздоровел, а он лежал прямо».*

Если говорить о колдунах, нельзя не упомянуть имя еще одной воренжанки Анны Ивановны Марковой (несмотря на особые знания, колдуньей ее никогда не называли, это слово имело отрицательное значение). Еще в середине 90-х можно было видеть, как за полночь она уходила за горку в лес. *«Плохого никому не делала»*. Славилась тем, что возвращала потерявшийся в лесу скот. К сожалению, знания свои никому не передала. Она же (единственная) вспоминала обряд во время похорон, схожий со свадебным: *«Когда умер Василий Маланьюшкин, лежал вверху в горнице на запад головой.*

---

[764] Корчуева (Маланьюшкина) Г.Д., 1928 г.р.
[765] Корчуева (Маланьюшкина) Г.Д., 1928 г.р.
[766] Корчуева (Маланьюшкина) Г.Д., 1928 г.р.

В день погребения перед тем, как выносить гроб из избы, стреляли из ружья на север в угол дома. Затем выносили»[767].

Сегодня выстрелы в Воренже звучат не по причине свадьбы или похорон, москвичи охотятся. Мертвы старики – некому защитить деревню. Дома скупаются теми же москвичами. Те, которые не продают (в них приезжают потомки воренжан), разоряются. Дороги в ужасном состоянии, мост, соединяющий два берега, несмотря на обещания о ремонте, разрушается. В начале 2000-х в окрестностях деревни внук Ивана Васильевича Маланьюшкина видел редкую птицу – орлана, о которой слышал от деда: «Когда-то обитала рядом с Воренжей огромная птица с человеческий рост, поражающая своей красотой». Спустя десятилетия редкая птица вернулась в деревню, воренжане туда никогда не вернутся. Воренжанки никогда не затянут свои песни. Деревня мертва.

Жбанкова Елена Васильевна,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ПЛЯСКИ РУССКОГО СЕВЕРА В ГОСУДАРСТВЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

100 с лишним лет назад в России была установлена Советская власть. В связи с этим темы, связанные с происходящим в первые послереволюционные годы, являются чрезвычайно актуальными.

Советская историография весьма подробно рассматривала вопросы, касающиеся тогдашних основных социально-экономических и политических процессов. Сейчас зачастую результаты тех исследований активно используются, но с проставлением иных акцентов, более соответствующих настоящему времени.

Однако и в советский период, и сегодня некоторым узкоспециализированным вопросам уделялось все же недостаточное внимание.

Одной из таких проблем является региональное влияние на политику советского государства в области культурного строительства. Попытаемся проследить некоторое влияние Русского Севера на сферу «культурного отдыха» трудящихся, а точнее, на танцевальный досуг советских граждан.

---

[767] Маркова (Карачева) А. И., 1914 г. р.

После Октября 1917 года бальный танец старательно изгонялся из досуга людей. Для этого нашлось множество причин. Здесь и то, что бальный танец – наследие царской России, и то, что он является пропагандистом «буржуазно-мещанских ценностей» в среде пролетариата, и то, что он обладает известной долей эротики. В первые годы советской власти было официально признано, что все это вместе взятое пролетариату чуждо. Но так как желание танцевать у человека сродни инстинкту, то окончательно запретить хореографическую практику было невозможно. Значит, нужно было предложить такой танец, который удовлетворил бы все претензии новой власти.

На смену дореволюционному бальному танцу, по мнению руководителей государства, должна была прийти массовая пляска на основе народного танца, как раз отвечающая всем требованиям нового общества. Теоретики массовой пляски призывали относиться к танцу как к одной из частей общей системы классового воспитания. Идеологически воспитывать пролетариат при помощи танца можно было, например, введением в него речи, песни, лозунга на злободневную тему. Тогда пляска являлась бы специфической иллюстрацией идеи, заложенной в текст. Массовая пляска на основе народных танцев признавалась главной формой организации отдыха трудящихся, представала как начало воспитывающее, так как могла служить подсобным средством при организации коллектива и общего культурного развития.

Для контроля над становлением и внедрением в жизнь советского человека новой формы общественного танца было создано несколько структур: комиссия по изучению ритма Государственной академии художественных наук (ГАХН), Хореологическая лаборатория ГАХН, Ассоциация ритмистов и секция по пляске Научно-технического комитета Всесоюзного Совета физической культуры (НТК ВСФК). В качестве основного практического результата внедрения массовой пляски в жизнь трудящихся советской страны можно расценивать деятельность секции по пляске НТК ВСФК.

На своих заседаниях секция обсуждала танцы, которые могли или не могли быть допущены для исполнения детьми и взрослыми на клубных вечерах. После длительного обсуждения было признано, что нельзя допускать в рабочий клуб: «русский» салонный танец, так как он представлял собой «имитацию-шарж» на народную пляску, венгерский чардаш, так как при его исполнении утрировался народный характер, фанданго из-за его

эротичности и кадриль из-за ее «слащаво-мещанской» манеры исполнения.[768]

Было утверждено, что танцы должны быть проводимы в клубах не только как здоровое развлечение, но и в качестве средства физической культуры.[769]

В 1926 г. секция провела диспут о народной пляске. Во время его проведения были показаны армянская «Зулейка», азербайджанский танец, грузинская лезгинка, горский танец «Шамиль», украинский гопак (старинный запорожский, полтавский и общераспространенный), наурская лезгинка и несколько северных плясок.[770]

Здесь нужно попытаться ответить на вопрос, почему среди народных плясок разных национальностей в качестве русских плясок к демонстрации были привлечены именно северные. Ответ прост: по общему мнению членов секции, народные пляски Севера менее всего на протяжении истории подвергались чужеродным влияниям, и потому их «русскость» представлялась наиболее основательной.

После демонстрации состоялось обсуждение, на котором были высказаны интересные мысли. Н. Филитис, председатель секции по пляске, указал, что секция имеет своей первоочередной задачей просвещение и пропаганду народных плясок как удобного метода физкультуры, поэтому следует пропагандировать наиболее несложные виды плясок, чтобы они могли быть доступны массам. Виртуозность в этом отношении, по его мнению, культивировать не стоило. А. Ларионов, заведующий Хореологической лабораторией, отметил, что в демонстрации отчетливо выступили особенности русских вообще, северных и восточных видов пляски, которые нужно учитывать при их широком распространении. А. Сидоров, член Президиума ГАХН, указал, что пляски должны пропагандироваться в качестве чисто физкультурного средства и потому должны быть просты в исполнении. Ю. Жаворонков, член секции по пляске, врач, указал, что если начать с элементарной народной пляски, то через некоторое время можно будет говорить о массовом художественном движении, поэтому необходимо как можно скорее начинать широкое внедрение массовых элементарных плясок.[771]

---

[768] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 17. Д. 5. Л. 86.
[769] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 19. Л. 27.
[770] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 3. Д. 4. Л. 55.
[771] Там же. Л. 57.

В результате секция официально признала народные пляски «средством физкультуры и искусства, позволяющим пролетариату укрепить здоровье и развить эстетическое чувство».[772]

Резолюция секции легла в основу выступления А. Ларионова на конференции научных работников по физической культуре, состоявшейся в ноябре 1926 г. Конференция обсудила целый ряд вопросов, в частности, о пляске как о средстве физкультуры и возможности ее вхождения в программы для школ I и II ступеней, для кружков физкультуры для пионеров, крестьянской молодежи, женщин, национальных меньшинств и народов Востока.[773]

Кроме этих диспутов и дискуссий в течение 1926 г. секция в тесном контакте с Хореолабораторией ГАХН занималась разработкой анкеты по собиранию и фиксации имеющихся на территории СССР видов народной пляски для последующей рекомендации их в качестве средства физкультуры в школы и клубы СССР. Экспедиция Н. Александровой в Архангельскую и Олонецкую губернию, в частности, привезла народные пляски «Метелица», «Топотушка», «Чижик», «Общая» и др. На заседании секции было сделано сообщение Н. Александровой и проведена демонстрация танцев группой членов Ассоциации ритмистов. Заседание завершилось решением, что северные пляски по своим внешним и физкультурным достоинствам более других национальных плясок заслуживают распространения в клубах при условии исключения некоторых сложных фигур.[774]

Н. А. Александрова по итогам экспедиции составила несколько методических разработок, в которых рассказывалось об особенностях северных народных танцев.

В ее работах и работах других исследователей северной пляски говорилось о том, что пляска является основным жанром русского народного танца. В народном творчестве она представлена в нескольких видах: одиночная пляска, парная, массовая и перепляс. Пляска состоит из ряда отдельных движений – элементов, которые отличаются характерной манерой исполнения, имеют русский национальный колорит, региональные особенности (в данном случае северные). «Ногам работа – душе праздник!», «Плясать – душу открывать!» – гласят народные поговорки. А еще в народе говорят так: «Плясать смолоду учись, под старость не научишься!»,

---

[772] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 4. Л. 5.
[773] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 17. Д. 5. Л. 95.
[774] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

«Ноги гнилы, так и пляски не милы!», «Не тогда плясать, когда гроб тесать!». Пляска дает возможность раскрыть личные, индивидуальные черты характера – показать свою «выходку» (манеру исполнения). «Да не пошла бы я плясать, да надо выходку казать! А вот и пляска, вот и я, а вот и выходка моя!».

В различных областях России мужская и женская пляски в зависимости от географического положения, климатических и жизненных условий, а также характера труда различаются по манере исполнения. Так, например, северяне пляшут со свойственной им сдержанностью, а южане – с присущим им темпераментом и задором.[775]

Пляска еще более расширила свои возможности, когда во второй половине XIX в. на основе местных традиций плясовых и шуточных песен возник новый, своеобразный жанр русского песенного народного творчества – частушки и страдания. Частушки или, как их называют в Архангельской губернии, «прибаски», «припевки», «выкрички» и медленные попевки – «страдания» привнесли с собой новые ритмические напевы – острые плясовые и своеобразные плавные.

Пляска на Севере шла в сопровождении многих русских народных инструментов. Наиболее распространенными из них были балалайка, гармошка, гусли, гудок (или смык), разнообразные дудки, свирель, сопель, посвистель, барабан, бубен, ложки и т. д. Иногда пляска сопровождалась игрой на гребне, на губах, иногда ритм пляски просто отхлопывался в ладоши.

В Вятской губернии, знаменитой на всю Россию своей дымковской глиняной игрушкой и изготовлением разнообразных свистулек, народ игрой на свистульках встречал весну и призывал птиц. После торжественного обряда начиналось веселье, и под аккомпанемент свистулек шла пляска или, как ее называют местные жители, свистопляска.

В Архангельской губернии плясуны и плясуньи, исполняя одиночную пляску, не занимают большого пространства. В их движениях нет широкого размаха и стремительных проходок. Парни с большим мастерством выбивают сложные дроби, как говорят, «сыпят дробь», и часто пристукивают каблуками. Руки опущены вниз, и только изредка их поднимают, чтобы сделать какое-то ухарское движение, поправить волосы, шапку и т. д. В пляске встречаются одинарные хлопки, полуприсядки, неслож-

[775] Александрова Н. А. Массовые танцы.– М., 1934. С. 76.

ные хлопушки, реже полные присядки. Одиночная пляска может начинаться с движения по кругу – проходки или с выхода в круг и исполнения какого-либо движения на месте – с выходки. Это начало пляски, ее зачин. Чаще всего она начинается с исполнения какого-то движения на месте. Парень выходит в круг. Исполнив заковыристое коленце, показав свою выходку, он встает, подбоченившись и тряхнув головой, как бы говоря всем своим видом: вот я каков, смотрите!

В Архангельской губернии в селе Дорогорском талантливый, самобытный плясун собирался жениться на девушке из соседней деревни. Но родители невесты прежде, чем дать свое согласие на их свадьбу, специально приехали в Дорогорское, чтобы убедиться в его исполнительском мастерстве. Клавдий, так звали юношу, вышел из этого испытания с честью, достойно. И свадьба состоялась! «Отплясал невесту»,– говорили потом сельчане.[776]

Парную пляску в основном исполняют парень и девушка, реже – молодые мужчина и женщина, но пожилые люди в ней участия не принимают. Содержание парной пляски – сердечный разговор, диалог влюбленных. В основном парные пляски очень лиричны. Парень и девушка ухаживают друг за другом, любуются друг другом, создавая полное впечатление двух воркующих голубей. Старинные парные пляски так и назывались «голубиные», «голубок», «голубец» и т. д.

Перепляс – это соревнование в силе, ловкости, изобретательности движений, это показ индивидуальности исполнителя, его характера, демонстрация виртуозности исполнения. В старинном традиционном русском переплясе участвовали два парня или же двое молодых мужчин, девушки в нем участия не принимали, но со временем женщины также стали танцевать перепляс. Мастера-плясуны соревновались до полной победы – кто кого перепляшет. Кто больше исполнит различных движений, тот и оказывается победителем. Принять участие в переплясе неподготовленный человек не мог: для того, чтобы переплясать своего соперника, надо было знать много колен, много тренироваться. Парни выходили в круг, вставали на некотором расстоянии друг против друга и плясали только по одному, по очереди. Начинавший перепляс делал проходку, показывая свою манеру, свою выходку, свой характер, затем исполнял движение и становился на место, вызывая жестом, притопом или кивком головы своего соперника. Второй плясун,

[776] Климов А. А. Русский народный танец.– М., 1976. С. 34.

приняв вызов, исполнял свою проходку. Показав свою манеру, свой характер, он обязан был повторить движение соперника, а затем, после небольшой проходки, выдать свое заковыристое коленце и вызвать в круг соперника. Первый плясун, пройдя по кругу, повторял движение и после небольшой проходки исполнял свое новое движение. Таким образом, плясали до полной победы одного из двух, когда соперник не мог ответить новым коленом.

Соревнование в переплясе могло идти не только по количеству движений. Иногда ставилось условие – при исполнении не улыбаться. Плясуны, исполняя различные движения, должны были сохранить невозмутимое и серьезное выражение лица, а зрители, стоявшие вокруг, старались рассмешить их. Если кто-нибудь из плясунов улыбнется или рассмеется, он сразу же выбывает из перепляса.

Со временем в переплясе появились новые правила: колена, показанные соперниками, не повторяются или оба пляшут одновременно, не придерживаясь вышеприведенных правил исполнения традиционного перепляса. Так, в Архангельской губернии бытовал перепляс с названием «ломание» или «ломака». Участие в нем принимали только плясуны, от двух и более человек. Они выходят в круг по одному, и каждый «выламывается», исполняя на присогнутых коленях своеобразные движения руками, ногами, головой и корпусом.

В Архангельской губернии в низовьях реки Мезени в селе Дорогорском пляшут перепляс «Топтушка» в манере, присущей северным пляскам: довольно сдержанно, почти совсем не улыбаясь, руки не поднимаются выше плеч, чаще всего они опущены. В движениях много мелких дробей. Оба исполнителя пляшут близко друг к другу, лицом к лицу, на небольшой площадке, мало передвигаясь по ней. А в верховьях реки Мезени тот же перепляс исполняют несколько иначе. В круг выходят уже не одна, а сразу две пары, стоящие же вокруг участники перепляса по одному, чаще всего женщины, поочередно задорно поют частушки.

Массовый пляс чаще всего исполняется в парах – один против другого. Пляшут и по одному, и по трое, и по четверо. У каждого исполнителя массового пляса есть своя задача – не только показать себя в пляске, но и сплясать лучше, чем пляшущий рядом. За многие века массовый пляс не изменил своего названия и своего содержания, лишь частично изменились лексика, характер и манера исполнения. В Архангельской губернии массовый пляс имел свое местное название – «Общая».

Групповые пляски создавались на основе народных традиций, с учетом особенностей местной манеры исполнения. На Русском Севере бытовала пляска «Чижик», в которой есть интересное движение. Местные жители называли его «чижик клюет зернышки», в некоторых районах это же движение называли короче – «чижик клюет». Во время исполнения непрерывной дробной дорожки на музыкальную фразу четыре или восемь тактов на первую половину фразы исполнитель держит корпус прямо, а на вторую ее половину наклоняет корпус вперед, а подбородок упирает в грудь, подражая птице. За время исполнения оно повторяется много раз и является основным движением пляски. Исполняется эта пляска под известную песню «Чижик-пыжик, где ты был?».[777]

Существуют пляски, названия которых происходят от их основного рисунка – построения: «Шина», «Шитье», «Плетень» (Архангельская и Олонецкая губернии) или пляска «рогульками», как ее называли в селе Хотеново. Восемь женщин или девушек стоят парами по углам квадрата и пляшут, делая в основном переходы по диагонали, пара перед парой. Исполняют эту пляску под песню «С горы на гору катала колесо», которую поют сами плясуньи. Основное обязательное движение в этой пляске – мелкая непрерывная дробная дорожка. В Хотенове это называлось ходить дробовками. Исполняя дробовки, плясуньи делают замысловатые линии, различные зигзаги, которые и называют рогульками. При исполнении дробовок корпус прямой и неподвижный, руки свободно опущены. Пляска в среднем темпе, пляшут ее долго, пока все исполнители не спляшут друг с другом.

Есть пляски, получившие свои названия от движения исполнителей или характера их исполнения: «Оттопы», «Пороша», «Топотуха», «Метелица». Часто групповые пляски называются по песне, под которую они исполняются: «Сени», «Барыня», «Страдания». Названия многих групповых плясок связаны с количеством участвующих в них исполнителей: «Напарочка», «Пятера», «Восьмерка», «Девятка».

Опишем старинную пляску «Девятка». Участвуют в ней только девять женщин, которые разбиты на три отдельные группы – тройки, не соединяющиеся между собой в течение всей пляски. Участницы каждой тройки не держатся за руки, а идут друг за другом, выписывая движением тройки большую «восьмерку». Иногда эту пляску называют «восьмерка тройками». Женщины

[777] Александрова Н. А. Массовые танцы.– М., 1934. С. 82.

поют в довольно быстром темпе веселую песню «У Егорья на горе», иногда им подыгрывает гармошка. Пляшут они с большим достоинством, грациозно – плывут, хотя и движутся довольно быстро, мелким шаркающим или, как говорят на Севере, везучим шагом. Корпус прямой, голова гордо приподнята, лишь при некоторых поворотах в пляске голова слегка склоняется набок. Руки у всех исполнительниц опущены по корпусу и плавно слегка двигаются вперед-назад.[778]

Пляски северных областей России разнообразны и очень интересны по рисунку. Темперамент и внутреннее кипение страстей у исполнителей (особенно у девушек) глубоко скрываются под внешней сдержанностью и спокойствием. «Вот это девка! Пляшет, точно в ней бес сидит, а сама и бровью не поведет»,– говорили о мастерах-исполнительницах.

После неоднократных подробных разборов и демонстраций плясок Русского Севера на заседаниях секции по пляске ею в начале 1928 г. были выработаны методические указания о массовой работе по пляске в клубах. Кроме того, секцией был создан комплекс подготовительных упражнений по пляске для кружковых занятий в клубах, комплекс подготовительных упражнений для занятий в школах и пионерских отрядах, выработаны методические указания о массовой работе по пляске на экскурсиях и прогулках.[779]

В результате было создано много практических рекомендаций для проведения массовой пляски в клубе или во время гуляния, большинство из которых было создано на основе плясок Архангельской и Олонецкой губерний.[780]

В наши задачи не входит найти ответ о результативности этой деятельности. Мы хотим отметить лишь то, что, если массовой пляске, как варианту общественной хореографии, отводилось такое значительное количество времени, значит, танец и в государстве диктатуры пролетариата оставался важнейшим средством организации людей. В целом, в 1920-е годы в СССР дело развития общественной хореографии не осталось без внимания государственных органов. Пляска была признана одним из основных средств физического воспитания и всесторонне внедря-

---

[778] Климов А. А. Русский народный танец.– М., 1976. С 61.

[779] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 4. Л. 77.

[780] Бурцева М. Е. Методика проведения массовой пляски. Харьков, 1930; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Крестьянский танец. М., 1927–28; Зеленко А. Массовые народные танцы.– М., 1927.

лась в виде формы досуга в быт граждан государства диктатуры пролетариата. Руководить и координировать процессом должны были Хореолаборатория ГАХН и секция по пляске при НТК ВСФК. У этих организаций, действующих в самом тесном контакте, были обширные и интересные планы, которым не суждено было осуществиться в полной мере. Главного – создания нового вида общественного танца для советских людей – так и не было создано. Обе эти структуры перестали существовать в начале 1930-х годов: одна – в связи с закрытием ГАХН, а другая – в ходе очередной реорганизации ВСФК. Однако идея всестороннего воспитания широких масс физическими средствами при помощи танца, с привлечением региональной народной хореографии, реализацией которой они занимались, остается интересной и актуальной и по сей день.

Раздел шестой

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО СЕВЕРА

Морозова Милена Максимовна,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н. М. РУБЦОВА: ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[781]

Поэзия Николая Рубцова стала знаковой не только для жителей Русского Севера, но и для всей России. При этом в своем творчестве Н.М. Рубцов создал яркую гамму вологодских, архангельских и мурманских образов. Запечатленные Рубцовым места и сейчас хранят своё очарование. Исследование творчества Рубцова картографическим методом представляет интерес не только потому, что позволяет пространственно представить литературные места и путешествия автора, ведь созданная в процессе подобного исследования карта является эффективным способом сохранения, переосмысления и популяризации творчества Николая Рубцова.

Традиция составления литературных карт прослеживается с начала XX в. в России (карты С. А. Золотарева)[782] и Англии (Д. Бартоломью)[783]. Литературная картография является важным разделом литературной географии, которая занимается исследованием взаимодействия литературного (художественного) и географического пространств. Литературные места, как правило, составляют основу литературных карт. Литературные места могут быть разделены на мемориальные (места жизни), ассоциативные (места, связанные с творчеством) и комплексные (т. е. такие, в которых сложно провести грань между жизнью и творчеством).

---

[781] Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект 20/2019-И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

[782] Золотарёв С. А. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России: (1661–1904).– Петроград: Кн-во б. М. В. Попова, 1916. 8 с.

[783] Bartholomew J. G. A Literary and Historical Atlas of America.– London: Dutton, 1911. 231 p.

Создание карты комплексных литературных мест начинается с выявления круга топонимов в произведениях автора, далее идёт работа с произведениями автора по определению мест жизни, работы, досуга и т. д. К каждому топониму составляется словарь с цитатами из произведений автора, в которых топоним упоминается. Это пригодится при дальнейшем анализе контекста, в котором используются топонимы. Наконец, все выделенные места отмечаются на карте. Но то, что получает в данный момент исследователь, является не готовым продуктом, а лишь начальной точкой серии исследований. С помощью литературной карты можно проводить анализ представлений писателя о пространстве мира, страны и собственного региона, исследование авторского отношения к региону, а также определять комплексные литературные места с целью их дальнейшего «оживления».

1. Составление представления о литературном пространстве Рубцова

В поэзии и прозе Николая Рубцова использование топонимов не выражено ярко. Из 438 произведений топонимы есть только в 86. Анализ процентного соотношения топонимов в его творчестве позволяет говорить о центрированности и полимасштабности пространства Рубцова. Центром пространства Рубцова является Русский Север, из 188 топонимов 37% – это топонимы Русского Севера (Вологда, Тотьма, Устюг и др.), 36% занимают страновые топонимы (Русь, Россия, Советская Страна), 23% приходится на топонимы России за пределами Русского Севера (Сибирь, Алтай, Москва и Петербург), лишь 4% занимают топонимы вне России (это Италия, Венеция, Болгария, Персия, Фивы и Дамаск). Полимасштабность проявляется в использовании автором названий объектов разного размера: от страны до отдельных небольших локусов географического пространства, например, Спасо-Прилуцкого монастыря.

Место Русского Севера в творчестве Н. М. Рубцова (по соотношению топонимов в стихотворениях поэта)

2. Ассоциативные места Николая Рубцова

Карта литературных мест Русского Севера Н. М. Рубцова позволяет детально исследовать ассоциативные места поэта. На этой карте кругами отмечены места творчества Рубцова, а треугольниками выделены места, связанные с жизнью писателя. Размер круга отражает частоту упоминания топонима. Маленькие круги – 1–2 упоминания, средние – от 3–5, самые большие – больше 6. На карте хорошо видно, что литературные места сконцентрированы в Вологодской области – Вологда, Тотьма, Никольское, Устюг, Липин Бор, реки Сухона и Вологда, озеро Белое. Тот факт, что на карте присутствуют и точечные, и площадные, и линейные объекты, говорит об освоенности данного пространства автором, в отличие от пространств других регионов.

Определив ассоциативные места и составив словарь с цитатами, мы можем исследовать образы, связанные с определенным местом. Топонимы в Архангельской и Мурманской областях – Кильдин, Мурманск, Маяк Мудьюг, Северная Двина – ассоциируются с

Карта литературных мест Русского Севера Н. М. Рубцова

флотом, темой моря, ожиданием возвращения на сушу и рыбалкой (Дальний Мудьюг).

Топонимы вологодские связаны с темой странствий по дорогам и лесам:

«Я долго ехал волоком...»,

«Топ да топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса»,

«Какая зловещая трасса!
Какая суровая быль!
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль.
Газуют во мраке таежном
По рытвинам в грозной ночи...»,

«По дрова спешит лошадка
В Сиперово, в лес».

Вологодские топонимы связаны также с темой родного края:

«Много серой воды, много серого неба,
И немного пологой родимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...»,

«Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...»,

«Пусть Вологда будет родная
Стоять нерушимо, как есть,
Пусть Тотьма, тревоги не зная,
Хранит свою ласку и честь»,

«За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!».

3. Мемориальные места Николая Рубцова

Мемориальные места выявляются на основе изучения биографической литературы. Среди мемориальных мест выделяются места рождения, учебы, работы, увлечений и смерти. В отличие

от ассоциативных мест мемориальные менее центрированы, хотя, конечно, в сравнении с другими местами в России на первый план ясно выступают места Русского Севера. Часть мест расположена в Вологодской области, другая – в Архангельской и Мурманской. Рубцов родился в Емецке, в 1937 семья переехала в Няндому, в 1941 – в Вологду, после смерти родителей Николая отправляют в детский дом (Красковский). В 1943 году его переводят в детский дом в селе Никольском, там он живет и учится семь лет. По окончании школы два года учится в Тотемском лесотехническим техникуме. Затем отправляется в Архангельск для работы в архангельском траловом флоте. Полтора года учился в горно-химическом техникуме в Кировске. В этот период посещает село Космово. Затем четыре года проходит службу в Северном флоте (1955–59).

На Русский Север возвращается в 1960-е годы, бывает то в Никольском, то в Вологде, начинает работу в качестве сотрудника газеты «Вологодский комсомолец». Отдельного внимания заслуживает путешествие Рубцова по Волго-Балту от Череповца до Вытегры совместно с другими вологодскими писателями. Начало пути проходило по реке Шексне к озеру Белому, затем по Волго-Балтийскому каналу. Останавливались в Кириллове, Ферапонтово, Белозерске и Вашках. Ферапонтово (1970) и Вашки (1968) Рубцов опишет в своих стихотворениях и прозе.

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

В 1967 году получает место в общежитии Вологодской совпартшколы (ул. Октябрьская, 19), затем перемещается в общежитие на улице Ветошкина. Далее живет в квартире по адресу Набережная 6 Армии, 209–43, близ церкви Андрея Первозванного, о которой напишет «Живу вблизи пустого храма». С 1968 года живет на улице Яшина, д. 3. В 1971 году поэт умирает. Похоронен на Пошехонском кладбище в Вологде.

4. Комплексные места Николая Рубцова

Путем нанесения на карту ассоциативных и мемориальных мест проявляются комплексные места, то есть те, которые упоминаются в творчестве писателя и в то же самое время связаны с его биографией. В пространстве Николая Рубцова такими местами

Памятник Н. М. Рубцову в Тотьме

на Русском Севере являются Вологда, Тотьма, Никольское, Липин Бор, Вашки и Мурманск. В наиболее крупных комплексных местах, то есть местах, которые нашли отношение в творчестве поэта и стали мемориальными местами, установлены памятники писателю, переименованы улицы и открыты музеи писателя: дом-музей Рубцова в селе Никольском, музей «Литература. Искусство. Век XX» в Вологде, а также памятники Рубцову в Мурманске, Вологде и Тотьме. Для мемориальных мест характерно наличие мемориальных табличек на зданиях, в которых жил, учился и работал писатель, например, в г. Апатиты и Кировске.

Выводы

Исследование литературной географии Н. М. Рубцова с использование картографического метода позволяет определить особенности авторского пространства. Пространство Николая Рубцова полимасштабно и центрировано на Русском Севере. Среди ассоциативных мест автора выделяются Устюжна, Предтеча, Бобришный Угор и Маяк Мудьюг; к мемориальным относятся Емецк, Няндома, Архангельск, Кировск, Апатиты и Череповец; комплексные места Рубцова – Мурманск, Тотьма, Вологда, Никольское, Липин Бор и Ферапонтово. Каждое ассоциативное место обладает ярким,

связанным с ним литературным образом, а в комплексных местах, как правило, возникает основная часть мемориальных объектов писателя – музеев, памятников, памятных табличек и улиц.

Составление литературных карт позволяет комплексно изучать связанные с автором литературные места и визуально представить авторское литературное пространство с маршрутами, местами жизни и творчества писателя. Сопоставление ассоциативных и мемориальных мест автора позволяет выявить комплексные литературные места, в которых, как правило, сконцентрированы музеи, памятники и улицы, посвященные писателю. Использование литературных карт в музеях и литературных турах способствует сохранению, репрезентации и популяризации творчества писателя. Это попытка представить творчество автора и связанную с ним мемориальную деятельность в пространственном отношении. Таким образом, в определенном смысле литературная география может рассматриваться в качестве нового бытия автора.

Мартюкова Галина Алексеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
с. Никольское Тотемского района, Вологодская область

НИКОЛАЙ РУБЦОВ В СЕЛЕ НИКОЛЬСКОМ

«*Именно Николе, светлому для глаза, просторному для сердца месту на Северо-Западе России обязаны мы почти половиной творческого наследия Николая Рубцова. По правде сказать, не много найдется мест в России, воспетых столь многократно и с такой поэтической силой...*»[784] – написал в статье «Переплетенные дороги» известный вологодский писатель Василий Елесин. «Люблю я деревню Николу...», «До слёз теперь любимые места...», «Тихая моя родина...»,– всё это строки стихотворений Николая Рубцова о Николе.

В селе Никольском, в детском доме, прошли семь трудных, сиротских лет его жизни. Сюда он приезжал и подолгу жил, став взрослым. В одном из писем к Александру Яшину Рубцов так написал о Николе: *«А ещё потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче пишется, легче дышится, легче ходится по земле...»*[785].

---

[784] Елесин В. «Переплетенные дороги». Вологда. 2004 год. Стр. 4.

[785] Николай Рубцов. Собрание сочинений в трех томах. Том 3.– Москва: Терра, 2000 год. С. 320.

Впервые в Николу Николай Рубцов попал в октябре 1943 года в составе группы ребят, привезенных из Красковского детского дома. По воспоминаниям воспитателя младшей группы Ждановой Антонины Михайловны, которая встречала ребят, прибыли они из Вологды на пароходе в Усть-Толшму. От Усть-Толшмы до Николы шли пешком 25 километров по осенней грязи. В детдом пришли уже, когда стемнело. К тому времени детский дом уже был переполнен. Всем даже кроватей не хватило, и ребят положили по двое – валетом. Так они проспали больше года. Жизнь в детском доме в то время была трудной: не хватало одежды, обуви, плохо было с обеспечением продовольствием.

Коля Рубцов вместе с другими прибывшими ребятами был зачислен в первый класс Никольской школы. В те годы учиться было непросто: не хватало учебников, писали на старых листах журналов или газет, чернила изготавливали сами. Но Николай учился хорошо. В Никольской школе хранится книга учета выдачи похвальных грамот учащимся школы. В графе за 1943–1944 год значится фамилия Рубцов. Всего в тот год получили грамоты четыре ученика, а учащихся было в то время более 250 человек. Из первого класса получил один Николай. За 1945–1946 и 1946–1947 годы Рубцову снова выдают похвальные грамоты, единственному из всей школы. По воспоминаниям одноклассников, часто его тетради лежали в витрине пионерской комнаты, среди тетрадей лучших учеников. Он хорошо рисовал, был членом школьной редколлегии.

Коля запомнился воспитателям и воспитанникам шустрым мальчишкой, который пользовался авторитетом среди сверстников, но в то же время был легко ранимым, обидчивым. Он любил животных, часто можно было его увидеть в компании с детдомовской собакой Розкой или катающимся на лошади. В детском доме он научился играть на гармошке. Иногда сам сочинял музыку. Мелодия получалась грустная, жалобная. Ребята из детдома ездили в Тотьму на олимпиаду среди детских домов. Девочки показывали акробатические номера, Коля Рубцов им аккомпанировал на гармошке.

Классный руководитель класса, в котором он занимался, Медведев Игорь Александрович вспоминал впоследствии, что уже в школьные годы Николай сочинял небольшие стихи о жизни класса и школы. Вот что пишет Игорь Александрович в воспоминаниях: *«Коля Рубцов ученик был скромный, умный. Я и другие товарищи-учителя в шутку часто называли его Белинским. Увлекался и*

интересовался он всеми предметами. В то время в школе и детдоме очень увлекались выпуском стенгазет. Николай Рубцов частенько мне на учительский стол подкладывал бумажки со стишками для стенгазет о жизни класса, школы, детдома, о природе. Любил он говорить, сочетать слова в рифму. Почерк его был твердым и красивым…».

По воспоминаниям одноклассников Николая Рубцова, первые уроки стихосложения дала учащимся школы учительница русского и литературы Попова Дина Михайловна. Она организовала в школе литературный кружок, который посещал и будущий поэт. До наших дней дошли несколько стихотворений, которые Рубцов написал в Никольском детском доме. Одно из них – «Зима» написано им в 1945 году в девятилетнем возрасте. Сохранились воспоминания о том, как Коля рассказывал это стихотворение около детдомовской елочки.

Стихотворение «Два пути» датировано 1950 годом, последним годом пребывания Николая Рубцова в Никольском детском доме. Рубцову тогда было 14 лет. Картину, как люди уходили по дороге из села Никольского, Николай наблюдал в детские годы много раз. Детдомовские ребятишки любили проводить время на мосту через реку Толшму. По этому мосту уходили в большие города жители местных деревенек. И его тоже эта дорога манила неизвестностью и новыми впечатлениями:

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда...

В 1950 году Рубцов оканчивает Никольскую семилетнюю школу. Попытка поступить в мореходное училище обернется для него неудачей. Нужно как-то устраивать свою жизнь, и Николай подает документы в Тотемский лесной техникум. Пока работал детский дом, он приезжал в Никольское на каникулы. 22 июля 1951 года Никольский детский дом был закрыт, приезжать стало некуда. Память о детстве, проведённом в сельском детском доме, он сохранил на всю жизнь. В стихотворении «Детство» Рубцов напишет:

Вот говорят, что скуден был паёк,
Что были ночи с холодом, с тоскою,–
Я лучше помню ивы над рекою
И запоздалый в поле огонёк.
До слез теперь любимые места!

А там, в глуши, под крышею детдома
Для нас звучало как-то незнакомо,
Нас оскорбляло слово сирота.

Через два года, так и не закончив техникум, Рубцов покинет Тотьму. Впереди его ждут годы странствий: тралфлот в Архангельске, учёба в горно-химическом техникуме города Кировска, служба на флоте, работа на заводе в Ленинграде.

Приезжал ли Николай Рубцов в село Никольское в период с 1951 по 1962 годы? В одном из писем к Валентину Сафонову из армии Рубцов пишет о том, что он мечтает *«посмотреть на давно знакомые памятные места, послоняться по голубичным болотам да по земляничным полянам или посидеть ночью у костра»*. Жительница деревни Черепанихи Коренева Александра Ивановна утверждает, что в конце 50-х годов Николая Рубцова видели в деревне Черепаниха. Рубцов был в морской форме, добирался он в село Никольское. Муж Александры перевёз Рубцова на лодке на другой берег. Добрался ли он тогда до села Никольского или отказался от этой затеи, пока сказать сложно. Он мог остановиться в селе Красном на несколько дней в ожидании попутки до Николы, а мог, не дождавшись попутного транспорта, отказаться от поездки на родину и продолжить свое путешествие в другом направлении.

Но что мы точно знаем, так это то, что в конце июля 1962 года Николай Рубцов приезжает в село Никольское.

Вернулся я, былое не вернётся!
Ну, что же? Пусть хоть это остаётся.
Продлится пусть хотя бы этот миг,–

напишет впоследствии об этом Николай Рубцов в стихотворении «Ночь на родине» (1964, село Никольское).

В свой приезд в 1962 году поэт останавливается у Шестаковой Анны Романовны. В это время в её доме снимает комнату его одноклассница Нина Геннадьевна Алферьева. По словам дочери хозяйки дома, Мужиковой Нины Николаевны, Рубцов жил у них дней десять. Часто можно было увидеть его сидящим на берегу речки Толшмы с записной книжкой в руках. На одной из сельских вечеринок Николай Рубцов встречается с Генриеттой Меньшиковой, с которой был знаком еще по детскому дому. Встреча эта окажется судьбоносной для их обоих. В апреле 1963 года у Генриетты Меньшиковой и Николая Рубцова появится на свет дочь Лена.

Огромное значение возвращения на родину будет и для Рубцова-поэта. Встреча с родными, любимыми с детствами местами,

нахлынувшие воспоминания, встреча со знакомыми людьми – всё этот даст толчок для творчества Николая Рубцова. *«Тихая моя родина! Я ничего не забыл...»*,– напишет он в стихах.

Затем будут поступление в Литературный институт и частые приезды в Никольское на каникулы. Зимние каникулы 1963 года он также проводит в Никольском. На сей раз останавливается в доме Генриетты и её матери. Зимние пейзажи села Никольского – морозная тишина полей, яркие звезды на небосклоне над селом – находят отклик в душе поэта. По словам Генриетты Михайловны, в этот период Николай Рубцов написал свою «Зимнюю песню», а также стихотворение «Чудный месяц плывет над рекою».

Лето 1963 года Николай Рубцов также проводит в Николе. Пишет стихи, нянчится с дочерью. В это время написана «Прощальная песня», посвященная Генриетте Меньшиковой и дочери Лене, а также стихотворения «Тихая моя родина», «В горнице», «Элегия», «Вот ворона сидит на заборе» и другие.

Живут Генриетта с маленькой Леной, матерью и Николаем Рубцовым в это время в старом доме на улице Дмитриевской. В этом доме была комната (в деревне её называют «горенка» или «горница»), которая служила Рубцову рабочим кабинетом. Он любил оставаться в этой комнате один, записывал на листке бумаги сложившиеся в голове строки, писал письма друзьям, читал книги. Под одной крышей с ними жила многодетная семья Чудиновых. Семьи тесно общались друг с другом, вместе отмечали праздники, ходили в лес за ягодами и грибами. Из воспоминаний Генриетты Михайловны Шамаховой (Меньшиковой): *«Жизнь была в те годы трудная. Земли в колхозе не давали, потому что мы с матерью были не колхозниками. У нас всего три сотки было, так картошки только до Нового года хватало. Я работала в клубе. Получала 36 рублей, да мать 27. Николая тогда печатали мало»*.

Осенью 1963 года Николай Рубцов добирается в Николу через Вохтогу и поселок Гремячий, пароходы уже не ходят. От поселка Гремячий транспорт один – свои ноги. В деревне Починок он останавливается отдохнуть и погреться в доме Богдановой Марии Ивановны. Мария Ивановна приняла поэта как родного, а он впоследствии напишет по этому поводу одно из лучших своих стихотворений «Русский огонек».

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек...

Из воспоминаний Владимира Аносова: *«Следующая наша встреча произошла зимой 1964 года в с. Никольском. Будучи студентом, я приехал на каникулы, а Коля учился в Литинституте и тоже был на каникулах. И опять, в долгие зимние вечера, мы часто собирались у нас на квартире, спорили о поэзии. Многие из нас не понимали стихов, и Коля пытался увлечь нас, привить любовь к стихам, причем своих стихов он не читал, а чаще всего брал гармонь или гитару и под её аккомпанемент свои стихи преображал в песню. Впоследствии многие из песен прижились в нашем селе, и вечерами можно было услышать их в исполнении моих сверстников. Например, мы пели песни на такие стихи: «В горнице», «Прощальная песня», «Осенняя песня», «Элегия»*.

В те годы Николая Рубцова можно было часто встретить в Николе или где-то на дороге, спешащим в родное село. Он ехал сюда на пароходе, на поезде, на попутном транспорте, шел пешком по бездорожью, по занесенным снегом дорогам. Часто можно было встретить его на старой дороге от села Красное в Николу. Неслучайно в 1985 году во время поездки в село Никольское группа писателей сделает остановку в местечке Борок, чтобы посмотреть старую рубцовскую дорогу. Вот что об этом пишет писатель, друг Николая Рубцова Станислав Юрьевич Куняев: *«Уже смеркалось, когда мы выехали из Николы на автобусе обратно к теплоходу и по пути отвернули в сторону, чтобы поглядеть на старую дорогу, по которой Коля Рубцов, возвращаясь из странствий, ходил пешком из Усть-Толшмы до Николы. Тридцать километров лесом, лугами, мимо заброшенных починков. Есть время подумать о многом. Сколько раз, пока дойдёшь – присядешь то у заброшенного овина, то на лесной опушке, то возле древнего погоста. Я представляю его летним днём, усталого, с чемоданчиком, где немудрёное бельишко, да сборник Тютчева, да ворох черновиков. Он идёт, а вокруг «зной звенит во все свои звонки», цветут белые ромашки, и куда ни глянь, все волнует душу, и «филин властелин», и верховые, как три богатыря, проскакавшие где-то у горизонта, и тишина... Старая дорога...*

...Бывало, что редкий грузовик догонит студента. Он садится и едет дальше, радуясь, что отдыхает усталое тело, и в то же время смутно понимая, что теряет нечто, не успевая вглядеться в небо, надышаться ветром, распахнуть душу воле, синеве, зеленому простору. А потому, не доезжая несколько километров до родного села, просит удивленного шофёра притормозить и выходит из кабины...».[786] Дорогу от Устья-Толшменского в Николу

[786] Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. Наш современник.– Москва, 2001 год. С. 168.

Николай Рубцов очень точно описал в стихотворении «Старая дорога».

14 января 1964 года подборка стихов Николая Рубцова будет опубликована в тотемской районной газете «Ленинское знамя». В этой газете увидят свет многие стихотворения поэта, созданные в Николе.

Надо сказать, что тогда в селе Никольском впервые за долгие годы скитаний у Николая Рубцова появился дом, где его ждали и любили. Ждали Генриетта и маленькая дочь Лена, и несмотря на неурядицы в институте, на порой недовольные взгляды никольского начальства, работалось ему тогда легко и вдохновенно.

В июле 1964 года в письме Виктору Бокову из Никольского Рубцов пишет: *«Стихи пишутся вроде бы легко. За несколько дней написал около двадцати стихотворений».* В этот период написаны такие стихи: «Поднявшись на холмах…», «В глуши», «Ива», «В святой обители…», По вечерам», «Осеннее», «Ночь на родине…», «После грозы», «На озере» и другие. В это время стихотворения Рубцова были опубликованы в столичных журналах: «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия», что даёт дополнительный импульс к плодотворной работе поэту. В письме Николаю Николаевичу Сидоренко от 23 сентября он пишет: *«Здешних стихов у меня около пятидесяти,– это в основном июльские и августовские, в сентябре ничего не написал. Ну, в общем, рукопись еще одной книжки есть. Куда бы её только сдать?»* В письмо вложены стихи «Венера», «Уединившись за оконцем», «Мне лошадь встретилась в кустах», «Захлебнулось поле и болото».

Летом 1964 года также написаны стихотворения «Гроза», «По вечерам», «Родная деревня», «Душа хранит», «Аленький цветок», «Природа», «Цветы» и другие.

Летний и осенний период 1964 года пребывания Николая Рубцова в селе Никольском писатель Вячеслав Белков назвал «великим сидением». По его словам, *«Это был и праздник творчества, и напряжение интеллектуальных, нравственных сил поэта. Десятки прекрасных стихотворений написаны Рубцовым в этот период. Несколько лучших писем – все это 1964 год».*

Рубцов в то время пишет не только стихи, но и статьи для местной газеты «Ленинское знамя». 7 ноября 1964 года в газете была опубликована заметка об учительнице Нине Ильиничне Нечаевой (Клыковой) «Огонек в окне». Рубцов был хорошо знаком с Ниной Ильиничной еще по школе, а став взрослым любил заходить в дом семьи Нечаевых, часто беседовал с бабушкой Клавдией,

которая знала великое множество старинных песен. Иногда брал в руки гармонь главы семейства Александра Александровича Нечаева и разводил меха.

В марте 1965 года в «Ленинском знамени» была опубликована статья о фельдшере Василии Чудинове «Вы пришли за здоровьем». Василий Алексеевич был военным фельдшером, прошел всю войну, затем возглавлял Никольскую участковую больницу. Он пользовался большим уважением среди земляков. Рубцов также с ним общался. Иногда зимними вечерами собирались в доме у Василия Алексеевича, играли в карты, общались. Небольшие гонорары из газеты были большим подспорьем в период безденежья для поэта.

На Новый 1965 год Генриетта с дочерью Леной и матерью перебираются в квартиру под сельским Советом. В соседнем от них помещении располагалась комната для приезжих. Туда же к ним прибывал и Рубцов.

Поэт об этом доме написал такие строки:

Перед этим строгим сельсоветом,
Перед этим стадом у моста,
Перед всем старинным белым светом
Я клянусь: душа моя чиста.

В письме ректору Пименову от 27 апреля 1965 года Рубцов отмечает: *«...Мне, как всякому студенту нашего института, необходимы еще творческие условия. Эти условия я всегда нахожу в одном деревенском местечке в Вологодской области. Так, например, в прошлое лето я там написал больше пятидесяти лирических стихотворений, многие из которых, сейчас приняты к публикации в Москве и других городах. Когда я ушел на заочное, я сразу же опять отправился туда, в классическое русское селение, и с творческой стороны у меня все было хорошо»*[787].

Во время жизни в Никольском Рубцов очень любил побыть один на один с самим собой и с окружающей природой. Часто по утрам он уходил из дома, а возвращался лишь под вечер. Он появлялся то в одной, то в другой никольской деревне. Его встречали то на реке, то в лесу, то в поле. Однажды Игошева Мария Васильевна встретила Рубцова в деревне Пузовка. Он шел босиком. На вопрос, куда идёт, ответил, что хочет пройти вначале по одной стороне реки, а потом по другой. Набирался впечатлений, чтоб рождались стихи.

[787] Николай Рубцов. Собрание сочинений в трех томах. Том 3. С. 338.

Село Никольское Рубцов не раз упоминает в письмах. В письме Н. Н. Сидоренкову от 10 июля 1964 он замечает: *«Пишу Вам из села Никольское, куда я собирался. Это бедное, доброе, красивое (правда, немного беспорядочное) село. По вечерам здесь бывает особенно тихо, грустно и хорошо. Люди здесь, как везде, относятся друг к другу по-разному, но мне они почему-то все кажутся почти одинаково хорошими настоящими людьми…»*.

В письме Виктору Бокову о селе пишет так: *«Село это совсем небольшое, как деревня, и расположено в очень живописной местности: дорога из леса неожиданно выходит к реке, а там, за рекой, плавно изогнувшись, поднимается в пологую гору, на горе разрушенная церковь (мне ужасно жаль ее), возле церкви старые березы, под березами какой-то одинокий крест, а вправо от этой великолепно-печальной развалины по бугристому зеленому холму и расположено Никольское (здесь его называют коротко, Николой). Вокруг села леса, все леса и через леса видны на далеких старинных холмах еще деревни. Простор, дай бог! Небо видно все полностью, от горизонта до горизонта, не то, что в городе»*. Лето и осень 1965 года Рубцов вновь проводит в родном селе. Из воспоминаний Генриетты Михайловны Шамаховой: *«Наше село Никольское Рубцов считал своей родиной, любил нашу речку, лес. Ходил в лес за грибами, на болото за клюквой. Были у него свои любимые места: Сиперово, у серого камня, за церковью у берез. Еще он очень любил наших людей…»*.

Осенью 1965 года были написаны «Осенние этюды», «Кружусь ли я в Москве бурливой», «Памяти Анциферова» и др. В это же время в Архангельске выходит первый сборник стихов Рубцова «Лирика». Книга эта кроме радости принесла много огорчений поэту. Мало того, что заплатили ему лишь часть гонорара, но ещё и некоторые стихи отредактировали.

В родной Николе он тоже не всегда находил покой и понимание. В письме Феликсу Кузнецову он пишет: *«Живу тихо, но не столько спокойно, как это некоторые могут подумать, представляя деревню. Где люди – там нет покоя…»*. Осенью 1965 года Рубцов пишет в письме Александру Романову, в то время ответственному секретарю Вологодской писательской организации: *«Стихов пишу, да много. Не знаю даже, что делать с ними. Мне самому они абсолютно не нужны, когда уже закончены, а и никому, видно, не нужны, раз их не печатают (бывают, конечно, исключительные случаи)…*

…Мне тут, в этой глуши страшно туго: работы для меня нет, местные власти начинают подозрительно смотреть на мое дли-

тельное пребывание здесь, так что я не всегда могу держаться здесь гордо, как горный орел на горной вершине...»[788].

Он срывался и уезжал из Николы. Лето 1966 года провел на Алтае. Узнав, что там тоже есть село Никольское, попросил съездить туда. «*Я ведь вырос в Николе*». Посмотрев на село, возвращался молчаливый.

Так за что же поэт так любил деревню Николу? – спрашивает в статье «За Вологдой во мгле» писатель Сергей Багров. *«И скучал он в ней часто, и жил без гроша, и раздражали его то плохая погода, то нудные разговоры, то злая необходимость искать и нигде не найти работы. И все же тянулся к своей Николе. Мог жить здесь долгими месяцами. Порою срывался куда-нибудь в Липин Бор, Вологду, на Ветлугу, говорил, что пробудет там целое лето, а возвращался через неделю, две, и был уставшим, недовольным.*

НИКОЛА ДАЛА РУБЦОВУ МНОГО ТИШИНЫ, МНОГО МИНУТ ТОГО САМОГО НАСТРОЕНИЯ, ПРИ КОТОРОМ ДУША ПОЭТА ВЗЛЕТАЕТ ВВЫСЬ, ОТКУДА ВИДНЫ ВСЯ ЗЕМЛЯ, ВСЕ ПРОСТРАНСТВО, ВСЕ ТАЙНЫ»[789].

В 1967 году выходит книга стихов Николая Рубцова «Звезда полей». Основу этой книги составили стихи, написанные в селе Никольском. По воспоминаниям Г. М. Шамаховой, летами 1967–1968 гг. Рубцов также приезжал в Николу, но жил в селе недолго. Последний раз Генриетте с Рубцовым довелось встретиться в Тотьме в сентябре 1970 года. Вместе они плыли на пароходе до Усть-Толшмы. На Новый 1971 год Генриетта с дочерью Леной собирались приехать к Рубцову в Вологду, но поездка эта не состоялась. 19 января 1971 года поэта не стало.

В селе Никольском помнят о Николае Рубцове. В 1990 году в здании детского дома был открыт музей, отмечающий в нынешнем году своё тридцатилетие. Одна из улиц села и Никольская школа носят имя поэта.

В заключение хочется привести слова писателя Сергея Петровича Багрова[790], которые написаны еще в 1994 году, но остаются актуальными и в настоящее время:

«Двадцать три года прошло с той поры, как не стало с нами поэта. Однако снова и снова тянет в Николу. Тянет не только его друзей, но и тех, кто не знал при жизни Рубцова, но, читая его стихи, полюбил поэта так горячо, что хотел бы о нем узнать исключительно все.

---

[788] Николай Рубцов. Собрание сочинений в трех томах. Том 3. С. 342–343.
[789] Багров С. П. Россия. Родина. Рубцов.– Вологда. 2005 год. С. 76.
[790] Воспоминания о Николае Рубцове.– Вологда: КИФ «Вестник», 1994. С. 53.

«За что же Рубцов так любил Николу?» – спрашивал русский поэт Передреев, обнимая задумчивым взором село. Знакомясь с Никольским, этот вопрос задавали себе почти все писатели-вологжане. И каждый почувствовал, каждый понял, что здесь у Рубцова писались стихи. Писались раскованно и свободно, как только могут они писаться на святорусской земле, у которой эпитет – родная. А в селе те самые лица! Их любил Николай Рубцов, о многих писал, создавая портреты непритязательно доброго Фили, старушек, которые машут платочками самолету, девочки Лены, шалуньи под старой березой, и многих, многих других.

У своих земляков учился Рубцов первым стойким шагам по земле. Учился у них крепко веровать в светлое и святое. Потому-то и трудно представить Рубцова без имени тихой деревни Никола, в которой он пел и воспевал суровую Русь».

Кушнерева Ксения Владимировна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФОНДА В. И. БЕЛОВА В НАУЧНОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ[791]

Василий Иванович Белов – известный русский писатель-вологжанин, прославившийся своими рассказами, повестями, романами о жизни простых крестьян в 1920–1930-е гг. – время, характеризующееся как «великий перелом», а также в послевоенный период и годы перестройки сельского хозяйства (1970–1990)[792].

Как известно, изучение вопросов социальной истории в нашей стране началось относительно недавно и гораздо позднее, чем это произошло за границей. В современной исторической науке наблюдается повышение интереса исследователей к проблемам социальной и культурной истории различных периодов становления общества. Не является исключением и изучение истории Советской России. Помимо ставших традиционными для отечественной исторической науки проблем аграрной и политической

[791] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

[792] Столетова А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 111.

истории, все чаще поднимаются вопросы социальной стратификации общества, истории повседневности, ментальности и народной культуры. Примечательно, что исследователи обращаются к неопубликованным источникам, а к опубликованным задаются новые вопросы, события рассматриваются с иного ракурса.

Очевидно, что проблемы деревни были близки российскому читателю, об этом свидетельствует большой объем эпистолярного материала. Василию Ивановичу Белову писали не только жители Вологодской области, но и читатели, жившие за пределами Европейского Севера России. Можно предположить, что территориальные рамки исследования находятся в пределах бывшего СССР. Однако необходимо отметить, что в материалах Государственного архива Вологодской области (ГАВО) имеются два письма из Германии, а также из Франции и США, написанные эмигрантами из России. Данные документы содержат ценную информацию – воспоминания очевидцев событий истории страны, области, города, района. Эмоциональный фон, оценки самых разнообразных эпизодов жизни, умозаключения делают их важным историческим источником по истории развития общественного мировоззрения. В частной переписке можно условно выделить два вида затрагиваемых проблем: вопросы быта, личных, семейных отношений и вопросы общественно – политической и культурной жизни. Как исторический источник письма отличаются субъективностью, отрывочностью, что усложняет их использование.

В контексте научной проблемы был изучен фонд № 5134. В 2000 г. Василий Иванович передал часть своего личного архива в Государственный архив Вологодской области. После научно-технической обработки документов был сформирован комплекс, который насчитывает более 700 дел. Фонд относится к категории особо ценных[793]. В его составе имеются источники, отражающие биографию Василия Ивановича, его литературную и общественную, а также депутатскую деятельность. Рукописи В. Белова дают представление, главным образом, о его публицистических работах конца XX в. В фонде имеются черновики писем разным лицам, в том числе исследователям его творчества. Наиболее объемную часть фонда составляют письма от читателей и единомышленников по проблемам общественной деятельности писателя. Отдельной единицей хранения выделены многочисленные письма

[793] Мухин А. В. Обзор фонда В. И. Белова // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 156.

начинающих писателей. При изучении эпистолярного наследия можно обнаружить несколько писем от одного и того же человека, следовательно, можно сделать вывод, что В. И. Белов являлся активным собеседником. Анализ материалов дает возможность констатировать наличие активной переписки автора с читателями.

Важно отметить отличительную особенность анализируемых документов: представленные факты прошли через призму человеческой памяти и изложены на бумаге спустя определенный промежуток времени после описываемых событий. Как известно, для достоверного отображения прошлого необходим комплексный подход к проблеме с различных точек зрения, а также привлечение опубликованных материалов. Тем не менее, изучение эпистолярного наследия занимает важное место в науке, т. к. с помощью данного вида источника можно установить проблемы, действительно волновавшие население, сюжеты творчества, показавшиеся читателю более точными.

Фонд Василия Ивановича Белова уникален и важен как для изучения истории края, так и для страны в целом. В ходе работы с письмами как историческим источником они были структурированы в следующие группы: письма читателей по поводу произведений В. Белова, письма по общественно-политическим вопросам, письма, касающиеся проблем сельского хозяйства, письма по вопросам культуры и фольклора, письма иностранных читателей.

Одним из многочисленных по числу единиц является раздел «Письма разных лиц В. И. Белову». Всего он содержит 3612 писем и открыток, из них 592 – по вопросам общественно-политической жизни. Большая часть из них уже разделена на группы: «Письма читателей В. И. Белову о его произведениях»; «Письма разных лиц В. И. Белову по вопросам борьбы за трезвость»; «Письма разных лиц В. И. Белову по вопросам народнохозяйственного комплекса и сельского хозяйства» и другие. Основной критерий деления – тематическая направленность корреспонденции. Множество писем содержат открытки, поздравления и благодарности за писательский труд подобно следующей: «Спасибо Вам за все, что было сделано Вами на благо народу»[794].

Множественна группа писем, посвященных творчеству писателя, объединенных в дело, состоящее из трех томов и 272 писем. Может показаться, что читатели, дававшие отзывы на книги, прочли все произведения Василия Ивановича или большую их

[794] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 374. Л. 7.

часть, но это не так. В основном, авторы писем – люди, ознакомившиеся с одним произведением и сразу же увидевшие в писателе родную душу, своеобразного духовника, описывающего с такой невероятной точностью близкую читателю деревню. Как правило, эти лица просили писателя отправить им другие авторские произведения. В этом факте нет ничего удивительного, ведь произведения прозаика трудно было достать как в 1960-е гг., так и в последующий период. Это объясняется тем, что книги были выпущены небольшими тиражами, а возможность их приобретения существовала только в областной столице.

Поднятые Василием Ивановичем проблемы не могли оставить читателей равнодушными. Они обращались к автору, выражая свое согласие с его идеями. Мотивы написания писем прозаику отличались большим разнообразием. Универсальна группа эпистолярного наследия, касающаяся вопросов сельского хозяйства, затронутых в литературном творчестве автора. Советские люди были обеспокоены состоянием сельского хозяйства. Так В. В. Дроздов в своём письме затронул проблему липовой урожайности: «По всем параметрам и показателям урожайность растет, закупки зерна увеличиваются, но в колхозных амбарах пусто и коровам нет даже своей соломы, не говоря уж о зерне. Зато у председателя два личных автомобиля»[795]. Таким образом поднималась острейшая проблема выделения среди жителей деревни личностей, приближенных к хозяйствованию, например, председателей колхозов и директоров совхозов. Семья Гавриковых из Горьковской области обобщали в 1969 г.: «В городе сейчас все хорошо: все трудятся, жилье получить не сложно, живут в достатке. Совсем по-другому дело обстоит в деревне. А деревню бросать нельзя, это наше все. Так может быть стоит позакрывать заводы, выжить в городе станет сложнее, и люди поедут в деревню»[796]. Так открывается еще одна проблема в меняющемся мироощущении селян: глобальная разница между городским и сельским социумом в условиях жизни. Неизвестный отправитель подтверждал: «Надо создать рабочую группу для привлечения в сельское хозяйство рабочих рук»[797]. Отправитель из г. Горький Виноградов писал: «В деревню нужно направить новую технику»[798]. Из г. Тотьма неизвестным лицом было

[795] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 404. Л. 3–4.
[796] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 17–18.
[797] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 32.
[798] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 27.

сказано: «Без кардинального пересмотра государственной политики по отношению к деревне продовольственную программу не решить. Деревня много перенесла, но все же осталась главным источником продовольствия страны»[799]. Читательница Круглова сообщала: «Говорят, что нужна частная собственность на землю, а кому ее отдать? Дельцам из теневой экономики? В деревне ведь никого нет»[800]. Н. Ю. Хадаев из г. Хабаровска продолжал эту мысль: «Закон об аренде – очередная советская бюрократическая хитрость. Непонятно лишь, почему наши русские депутаты не блокировали этот закон? Считаю, что надо развивать индивидуальное хозяйство»[801].

В произведениях, посвященных вопросам культуры, использовались элементы народного творчества. Читатели, располагавшие текстами песен частушек, направляли их писателю. В фонде № 5134 отдельной единицей хранения выделены письма, в которых содержатся произведения устного народного творчества. Закономерным будет обращение к этим письмам. Читатель Владимир Федорович в 1982 г. писал: «Целью великих дел было братское единение на основе душевного, человеческого. В народной культуре так гармонично слиты горе с “тварным”»[802]. Кроме того, население было обеспокоено вопросами сохранения русского языка. Так, Б. А. Рощин, член СП СССР писал: «Наша молодежь скоро совсем забудет русский язык»[803]. В. Э. Кречмер в 1989 г., интересуясь сельской культурой, говорил, что для него «наибольший интерес представляет русская сказка»[804].

Примечательно то, что даже занявшись политической деятельностью, Василий Белов продолжал думать о деревне и о попытках ее возрождения. Во время деятельности на депутатском посту писателю поступали народные предложения. Так, Е. Осина писала: «Основные материальные средства направить в сельское хозяйство, промышленность финансировать по остаточному принципу; надо объединить земли, снова создать колхозы и совхозы, для руководства направить проверенных людей»[805]. В контексте вышеупомянутого важно отметить, что писали люди В. Белову и

[799] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 24.
[800] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 47.
[801] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 60.
[802] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 397. Л. 12.
[803] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 397. Л. 14.
[804] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 397. Л. 23.
[805] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 8–9.

о перестройке: «В стране идет перестройка, но надо было раньше. И начинать надо с определения собственности на землю, на средства производства. Прежде всего, следует провести земельную реформу и закрепить с законом»,[806] – заключал А. Ф. Багаренков.

Исключительны письма, приходившие из заграницы. Почитатели таланта литератора отмечали невероятную точность, с какой автор описывал деревню. Приведем пример такого письма: «Пишет Вам студентка IV курса русской филологии Барбара Островска. В этом году наш курс получил темы по современной советской литературе. Я выбрала деревенскую прозу, а именно Ваши рассказы и повести. К сожалению, я читаю на польском языке Ваш юмористический сборник рассказов «День за днём» [свидетельство того, что творчество Василия Ивановича было переведено на иностранные языки]. Недавно я была на встрече с Андреем Дравичем. Он высказывался на тему Ваших рассказов, много говорил о «Привычном деле» и запретил мне читать Вас на польском языке. Так я и начала собирать Ваши рассказы. Но то, что нашла в журналах – это капля в море. Особенно мне понравился Ваш рассказ «Бухтины вологодские». Теперь с юмором и улыбкой я веду мои дни. Я должна сказать Вам, что деревенская проблематика не чужда мне. Я родилась и до сих пор живу в небольшой деревне. Не раз наблюдала за ее изменениями. Но как раз люди из моей деревни не уезжают в город. Забавно слышать, как мои родители возвращаются с какой-то экскурсии по городу и жалуются на головную боль. Я тоже чувствую себя лучше, когда пребываю в своей деревне!»[807]. Пьета Монкс сообщала автору: «Уважаемый Василий Иванович, разрешите, пожалуйста, представить себя вам. Я стажер из Англии. Я пишу свою докторскую работу о прозе о деревне, и, в связи с этим, мне, конечно, было бы очень интересно встретиться с вами, чтобы поговорить насчет ваших произведений»[808]. Таким образом, за границей также пытались понять многогранный мир деревенской прозы, в подтверждение этому имеется письмо О. Хасановой из Австралии: «Обращаюсь к Вам с просьбой, которая, надеюсь, Вас не затруднит, а мне очень поможет. Дело в том, что я пишу кандидатскую диссертацию о советской малой прозе 1960-х гг. В этой диссертации я анализирую структуру героев и структуру повествования. Моя работа заинтересовала Вашего профессора

[806] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475. Л. 14.
[807] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.
[808] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 383. Л. 15.

МГУ В. И. Кулешова, и он упомянул о ней в «Вестнике МГУ»[809]. А Ян Ярцо из Польши был обеспокоен отсутствием книг Василия Ивановича в библиотеках: «Дорогой Василий Иванович, человек, который хочет проникнуть в сердце писателя с пользой для самого себя, друзей, читателей и отечественных культурных явлений, не знает, как откликнется попытка такого вмешательства в Вашу творческую жизнь. Нет ваших книг в библиотеках»[810].

Резюмируя сказанное, отметим, что разные группы отправителей писали В. И. Белову по совершенно разным вопросам, начиная от анализа его произведений и заканчивая проблемами общественно-политического характера. Если говорить о писателе как о литературном и политическом деятеле, нельзя не отметить сосредоточение автора в своих произведениях и в выступлениях на вопросах культурной политики. Комплекс писем является подтверждением данного наблюдения. Безусловно, аграрная отрасль являлась острой проблемой, волнующей читателей. Стоит отметить, что абсолютное большинство почитателей таланта прозаика считало, что деревню возродить вполне реально и что это воскрешение решило бы большую часть проблем в стране, связанных с нехваткой продовольствия. Колхозники излагали свое виденье выхода из сложившейся ситуации, причем порой довольно оригинальное. Необходимо отметить, что большая часть писем поступала литератору от выходцев из деревень. Их встревоженность по поводу состояния дел на селе очевидна и закономерна.

Столетова Анна Сергеевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ А. Я. ЯШИНА: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ[811]

А. Я. Яшин – поэт, прозаик, писатель-деревенщик, военный корреспондент, журналист, оставивший глубокий след в литературной и общественной жизни советского государства XX столетия.

---

[809] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 383. Л. 3.
[810] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 383. Л. 5.
[811] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

Исследованием творчества известного русского писателя занимались литературоведы, библиотековеды, филологи. Назовем крупнейшие работы в комплексе книжного наследия. В 1974 г. в издательстве «Советский писатель» вышла в свет книга А. Макарова «Критик и писатель», одна из глав которой посвящена избранным произведениям А. Яшина[812]. В 1975 г. «Советской Россией» был опубликован труд А. Михайлова об А. Яшине[813], в рецензии Г. Мокина названный как обстоятельное исследование творчества и становления фигуры Александра Яковлевича как поэта[814]. В 1980 г. в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература» вышла книга А. С. Рулевой «Александр Яшин». В издании описаны вехи биографии, воспоминания друзей, первые стихи, описан творческий путь, круг чтения поэта и др.[815]

Заслуживает внимания литература, характеризующая идеологический пресс времени. О кампании, направленной против А. Яшина, прошедшей в Никольске, Вологде и Москве, ведется речь в книге А. А. Павлова. В. Есипов отмечал, что это делает публикацию чрезвычайно важным источником не только в жизнеописании прозаика, но и в изысканиях по истории русской литературы[816]. Примечательно исследование особенностей деревенской прозы 1960–1980-х гг. А. И. Разуваловой. Анна Ивановна останавливается на произведениях и идеях, выражавших консервативные и социальные культурные ценности, а также мотивах и обстоятельствах, оказавших влияние на самосознание писателей-деревенщиков, темы внутреннего диссидентства и судьбы культурно-географической периферии. А. Яшин обозначен автором как родоначальник процесса культурной реабилитации крестьянства, встретившей сопротивление со стороны власти, считавшей данную позицию антимодернизационной[817].

---

[812] Макаров А. Критик и писатель / А. Макаров.– Москва: Советский писатель, 1974.– 462 с.

[813] Михайлов А. Александр Яшин [Электронный ресурс] / А. Михайлов.– URL: https://www.booksite.ru/fulltext/uash/index.htm (дата обращения: 23.10.2018).

[814] Мокин Г. Книга о поэте-земляке / Г. Мокин // Авангард.– 1975.– 25 ноября.

[815] Старкова В. «Я обречен на подвиг»: [к выходу книги А. С. Рулевой «Александр Яшин»] / В. Старкова // Красный Север.– 1981.– 22 января.

[816] Павлов А. А. Высоко пылают сосны над Юг-рекой / А. А. Павлов.– Никольск: Редакция газеты «Авангард», 2003.– 55 с.; Есипов В. А. Яшин. Каким он был: [о книге А. Павлова «Высоко пылают сосны над Юг-рекой», посв. А. Яшину] / В. А. Есипов // Авангард. 2004.– 27 января. С. 6.

[817] Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. И. Разувалова; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исслед. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015.– 612 с.

Изучением жизни и творчества А. Я. Яшина занимались В. С. Старкова (руководитель вологодского клуба «Яшинская рябинка»[818]), М. В. Береснева (создатель литературно-просветительского яшинского центра «Земляки», г. Никольск)[819], В. А. Оботуров, В. Н. Бараков[820] и др.

Любопытны воспоминания писателей об их творческой деятельности, зачастую связанные с именем Александра Яковлевича Яшина[821]. Бережно хранит память об отце дочь писателя Наталья Александровна Попова-Яшина[822]. В отдельную группу выделим мемуары, непосредственно касающиеся литератора. В данной связи нельзя не назвать имена С. В. Викулова и А. П. Пшеничникова[823]. Книга «Край добра и чудес» под редакцией С. А. Тихомирова содержит большой материал о творчестве писателя, критике его в печати и на читательских конференциях[824]. Под редакцией С. А. Тихомирова также вышла книга «Литературные традиции Русского Севера»[825], включающая анализ работы вологодских авторов, в т. ч. сведения об А. Яшине. Достойна внимания книга «Дорогим, нежно

---

[818] Кудрявцев В. Александр Яшин: «Я обречен на подвиг»: в этом году исполняется 95 лет со дня рождения и 40 лет со дня смерти поэта Александра Яковлевича Яшина / В. Кудрявцев // Вологодская афиша.– 2008.– Весна.– С. 40–41.

[819] Цинман Г. В. Земной поклон: К дню памяти А. Яшина / Г. В. Цинман // Авангард.– 1999.– 10 июля; Павлов А. Память о поэте-земляке // Авангард.– 1977.– 26 марта.

[820] См., например: Бараков В. Н. Яшин (Попов) Александр Яковлевич // Выдающиеся вологжане: [биографические очерки] / редкол.: Г. В. Судаков (пред.) и др.– Вологда, 2010.– С. 418–421; Оботуров В. А. Родившись заново: лирическая трилогия Александра Яшина // Сквозь магический кристалл.– Вологда, 2010.– С. 11–76.

[821] См., например: Астафьев В. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове / В. Астафьев // Новый мир.– 2000.– № 2.– С. 7–36; Оботуров В. А. В буднях: Вологда литературная за 25 лет: [сборник] / В. А. Оботуров.– Архангельск, Вологда: Северо-Западное книжное изд-во. Вологодское отделение, 1988.– 318 с.; Романов А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда.– Вологда: Книжное наследие, 2007.– С. 461–483.

[822] См., например: Яшина Н. А. Воин Александр / Н. А. Яшина // Новая книга России.– 2010. – № 6.– С. 38–54.

[823] Викулов С. Поэт и власть: (Воспоминания о А. Яшине) / С. Викулов // Наш современник. – 1997.– № 9.– С. 225–255; Земляки помнят: Александр Яшин в воспоминаниях северян.– Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, Вологодское отделение, 1988.– 205 с.; Пшеничников А. П. Приезжайте в Кожаево / А. П. Пшеничников.– Никольск: Редакция газеты «Авангард», 2003.– 63 с.

[824] Край добра и чудес. Юбилейное возвращение Александра Яшина: литературная критика: исторический портрет / под ред. С.А. Тихомирова.– Вологда: Книжное наследие, 2008.– 398 с.

[825] Литературные традиции Русского Севера: Александр Яшин, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Василий Белов: исследования и материалы. Кн. 1. Писатель и его время / под ред. С. А. Тихомирова. – Вологда: Книжное наследие, 2008.– 518 с.

любимым Яшиным», подготовленная сотрудниками Вологодской областной библиотеки[826]. О писателях-вологжанах ведет речь поэт, прозаик, публицист и критик Л. Васильева в книге «Душа Вологды». Автор наполнила издание личными воспоминаниями, стихами, письмами, фотографиями, что приближает читателя к пониманию сформировавшейся литературной обстановки в Вологде[827].

Анализ литературы показывает, что проблема рассматривалась достаточно широко, однако в большей части изыскания велись с литературоведческих позиций. Более того в научной литературе недостаточно освещены вопросы, связанные с периодом учебы А. Я. Яшина в Вологде, а также о «московском» предвоенном времени. На этапе современной исторической науки исследованы траектория жизни автора, в том числе её военные страницы[828], выявлены стержневые мотивы творчества, проанализирован вклад писателя-деревенщика в развитие вологодской литературной школы[829]. Рассмотрены механизмы взаимоотношений и взаимодействия с государственными структурами, а также давления на власть посредством публикации повести «Вологодская свадьба»[830]. Отображены отзывы читателей и дискуссии вокруг остросоциальных произведений. Прослеживается процесс вызревания общественного мнения относительно творчества литератора[831].

---

[826] «Дорогим, нежно любимым Яшиным...»: библиотека Александра Яшина и членов его семьи в автографах и дарственных надписях: каталог: к 100-летию со дня рождения А. Я. Яшина.– Вологда: ВОУНБ, 2013.– 519 с.

[827] Васильева Л. Н. Душа Вологды: Книга воспоминаний, пониманий, познаний, ожиданий / Л. Н. Васильева.– Вологда: Книжное наследие, 2010.– 552 с.

[828] Столетова А. С. Военные годы в жизни и творчестве писателя А. Я. Яшина / А. С. Столетова // Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс: сборник научных статей / М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т; [гл. ред. М. А. Безнин].– Вологда: ВоГУ, 2018.– С. 101–109.

[829] Столетова А. С. Литературная репутация и творчество писателя А. Я. Яшина (исторический контекст) / А. С. Столетова // Вопросы истории.– 2019.– № 11.– С. 158–168.– DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi21.

[830] Столетова А. С. Трансформация социалистического мировоззрения писателей-деревенщиков и идеологическая основа остросоциальных произведений о крестьянском укладе жизни Русского Севера / А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета.– 2019.– № 4.– С. 135–139. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-135-139; Столетова А. С. Идеологическая кампания против писателя А. Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета.– 2019.– № 1 (12).– С. 47–50.

[831] Столетова А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А. С. Столетова; М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т.– Вологда: ВоГУ, 2018.– 143 с.

Хочется отметить, что комплексные междисциплинарные исследования жизни и деятельности, в т. ч. формирования и трансформации самосознания писателя в контексте неисчерпаемого интереса к личности А. Я. Яшина научному миру еще предстоит произвести. Поэтому весьма важным представляется освещение вопроса о материалах творческой работы писателя, отложившихся в Российской государственной библиотеке (РГБ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), а также в текущем архиве фонда МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска».

Основной массив материалов, связанный с именем писателя, содержится в Российской государственной библиотеке (РГБ), в научно-исследовательском отделе рукописей, фонд № 647 – Яшин, Александр Яковлевич (1913–1965). Архивный фонд содержит 1319 документов за 1929–2010-е гг. В описи выделены 3 тома. Том № 1 включает 924 документа за 1920–1968 гг.; № 2 – 264 документа за 1935–1968 гг.; № 3 охватывает 131 единицу хранения за 1935–2010 гг.

Том первый заключает в себе рукописи литературных произведений; письма А. Я. Яшина к разным лицам; письма разных лиц к А. Я. Яшину; материалы к биографии А. Я. Яшина; материалы других лиц; статьи и рецензии о произведениях А. Я. Яшина; фотографии; печатные материалы. Документы второго тома систематизированы по группам: творческие материалы (стихотворения и поэмы; повести, рассказы, очерки, выступления; печатные материалы); переписка (письма фондообразователя); материалы разных лиц. Имеющиеся в третьем томе документы делятся на следующие категории: биографические и служебные документы; дневники и выступления; творческие рукописи (стихотворения и поэмы, прозаические произведения и материалы к работам); отзывы разных лиц о произведениях А. Я. Яшина; переписка (письма А. Я. Яшина к разным лицам, письма разных лиц к А. Я. Яшину), материалы З. К. Поповой-Яшиной (издательская деятельность З. К. Яшиной, материалы об издании сборников А. Я. Яшина в Северо-Западном книжном издательстве, письма З. К. Яшиной к разным лицам, разных лиц к З. К. Поповой-Яшиной); материалы третьих лиц.

Информативная возможность фонда 647 РГБ заключается в том, что источники позволяют исследователю представить и определить информацию о периоде ученичества, военном этапе в жизни писателя, литературных связях и литературных судьбах современников литератора, их ролевых позициях в культуре XX века.

Аспекты общественных трансформаций отражались на мировоззренческих установках интеллигенции и передовой общественности, что отозвалось в частной переписке и представляет большой научный интерес. Упомянутые документы открывают возможность анализа таких вопросов как наставнические функции писателя, литературная критика произведений, отношение власти к творчеству прозаика. Источники дают основу в формировании представления об уровне силы литературного авторитета, популярности и репутации А. Я. Яшина (документы о культурно-массовой деятельности).

Основную часть документов в упомянутом фонде представляет эпистолярное наследие. Речь идет о переписке А. Я. Яшина с разного рода лицами, литераторами, читателями, издательствами, журналами. Это также письма к жене, друзьям и родным, деловая переписка. Многие из них представляют форму дневниковой записи. Эта часть источников позволяет определить значимые вехи процесса ломки традиционного уклада и принципов деревенской жизни, этапы модификаций политико-идеологических постулатов времени и видоизменения режима публичности в судьбе автора. Примечательно, что в корреспонденции фигурируют имена А. А. Фадеева, С. В. Викулова, С. П. Щипачева, А. А. Романова, К. И. Коничева, В. В. Овечкина, А. И. Солженицына, А. Т. Твардовского и т. д.

В свете сказанного важно отметить ценность сохранившихся архивных документов Российского государственного архива литературы и искусства. РГАЛИ не имеет в своем составе личного фонда А. Я. Яшина, однако позволяет извлечь избранные произведения, военный билет, авторское дело, письма к друзьям, композиторам, художникам, литературоведам (среди адресатов писем – Н. Н. Асеев, В. В. Вишневский, А. С. Ольхон, Э. Г. Казакевич, М. А. Светлов, М. А. Шехтер и др.), содержащие изложение сюжетов жизни писателя в период войны, послевоенное время, в ходе командировок, поездок на родину.

Фонд муниципального учреждения культуры «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска» содержит значительное количество газетных вырезок, статей, писем, фотографий, связанных с описанием юности, военного времени, периода зрелого творчества, а также личных вещей, в т. ч. сопряженных с семейными ценностями и деревенскими традициями. Газеты «Вологодский комсомолец» и «Красный Север» давали заметки о фронтовой судьбе Александра Яшина, его роли в формировании вологодской

литературной школы, о судьбе повести «Вологодская свадьба», но самый большой объем информации о жизни и творчестве писателя предоставила никольская районная газета «Авангард», архив которой также широко представлен в текущем фонде музея Никольска.

Таким образом, материалы и ресурсы РГБ, РГАЛИ, мемориального музея А. Я. Яшина представляют большую научную ценность. Анализ заложенной проблематики даёт импульс для дальнейших исследований в области изучения культурного достояния, а также истории и развития жизни писательского сообщества в XX веке. Александр Яшин является литературным символом Русского Севера, основоположником деревенской прозы, ярким представителем своего времени, своей эпохи. Его имя включено в ценность земли Вологодской, но также принадлежит России и мировой культуре. Очевидно, что популяризация творческого наследия писателя актуальна и как никогда необходима в наше сложное время[832].

Дилакторская Елена Станиславовна,
член Союза писателей России,
г. Санкт-Петербург

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ. Н. Л. ДИЛАКТОРСКАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Наталия Леонидовна Дилакторская, урожденная тотьмичка, известна как детская поэтесса, писательница и театральный педагог советского периода. Некоторые ее стихи для детей востребованы и переиздаются и в наше время. Редакторская работа Н. Л. Дилакторской связана с такими именами, как Самуил Маршак, Михаил Зощенко, Николай Тихонов, Даниил Хармс, Анна Ахматова, Борис Житков, Юрий Герман и многими другими. С выдающимися литераторами ее связывали не только редакторские, но и теплые дружеские отношения. Большим другом семьи Дилакторских был известный художник Феодосий Вахрушов, которого Наталия Леонидовна сердечно любила как старшего друга и наставника и к советам которого всегда прислушивалась.

К сожалению, многие страницы жизни и творчества Наталии Леонидовны еще не известны читателю. Совершенно иной «по-

[832] Яшин и Белов – национальное достояние России // Авангард. 2018. 24 марта. С. 2.

Н. Л. Дилакторская в кругу бойцов

черк» творческого таланта детской писательницы-тотьмички проявился во время войны. Архивные материалы сохранились у родственников писательницы и в рукописном отделе Пушкинского дома.[833]

С первых же дней войны Наталия Леонидовна записалась добровольцем на фронт. Она служила с августа 1941 года и до конца войны в действующей армии в звании младшего лейтенанта на Ленинградском фронте и была военным корреспондентом двух боевых газет – «Вперед» и «Удар по врагу».

По заданию редакции необходимо было выезжать на передовую, находиться там по нескольку дней, наблюдать за происходящим, собирать материал, как, где и что – это была журналистская работа. А Наталия Леонидовна писала о бойцах – снайперах, саперах, артиллеристах, танкистах… Записывала факты из военной жизни и превращала сухие строки истории в живые литературные произведения. Но журналистика не требует от корреспондента

[833] Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Рукописный отдел. Архив Наталии Леонидовны Дилакторской. Военная часть архива представляет собой многочисленные вырезки из газет, письма (переписка с бойцами), черновики прозаических и стихотворных произведений, дневниковые заметки и т. п.

написание очерков в форме литературных произведений и уж тем более облеченных в стихотворную форму. Писать стихи – дело нелегкое, а военная журналистика в стихах – практически невыполнимо для обыкновенного человека!

Боец! Не дай топить в крови
Твоих родных, любимых, близких!
Убей врага! Останови
Орду насильников фашистских!

Избавь от виселиц и плах,
Спаси от смерти и бесчестья.
Винтовку крепче сжав в руках,
Множь счет святой народной мести!

Так стихотворение «Я мщу» поддерживало боевой дух солдата. Одно из таких стихотворений «Не упустить врага» отражает тяжелую судьбу бойца Аксютикова, у которого враги убили четырехлетнего сына Тосика, игравшего с детьми в песочнице: фашисты умышленно раздавили танком всех малышей. *«Стихи вызвали очень горячую реакцию читателя – они использовались на беседах инструкторов»*, – пишет Н. Л. Дилакторская в своих воспоминаниях. Другое стихотворение содержит рассказ о судьбе командира Козлова, каждого из членов его семьи уничтожили враги: мать повесили, отца, дедушку расстреляли… а родную сестру с другими девушками сожгли заживо. Это стихотворение перепечатывалось в других армейских газетах, потом попадало в обращение снайперов фронтов и цитировалось командующим в речи. *(«Получала много писем, где говорилось, что бойцы плакали, читая стихи, и клялись мстить»)*. В третьем стихотворении – героические судьбы бойцов, их подвиг, жертвенная смерть. Четвертое, пятое, шестое… За всю войну создано и опубликовано в фронтовых газетах свыше шестисот стихотворений! Приведем строки из рукописи неизданной поэмы «Последний перевал»:

Куда лететь дрозду-малютке?
Гнездо родное сожжено,
А у дрозда на пестрой грудке –
Большое темное пятно.
И как початкам кукурузы
Копить амбарчик золотой,
Когда, сухой и заскорузлый,
Смят стебель, кровью залитой?
А ту, которая сажала,

Избив прикладом, повели.
И горло ей до крови сжало
Тугой петлей из конопли.
А кто? Какой монетой звонкой
Расплатится за это зло:
Ладони мертвого ребенка
Тряпичный сжали узелок.
Он еще маленький, как птенчик,
Бежал из дома своего.
Засохшей крови темный венчик
Застыл на лобике его.
Он взял с собою так немного,
И это отняли они.
Так прокляни их, прокляни
У осквернённого порога!

Пускай почувствуют враги
Возмездья грозные шаги.

Как создавались такие стихи? Наталия Леонидовна делала записи, собирала факты. Потом – поэтическая работа: она погружалась в образ, в детали происходящего как поэтесса, как журналист, военный корреспондент, как мастер своего дела. Литературный талант, довоенное общение с С. Маршаком, огромный предшествующий опыт писательской и редакторской работы… И не только. Такое творчество всегда одухотворено: она писала, в первую очередь, для солдат, которые воюют с врагом, которые все это пережили и в любой момент готовы погибнуть, защищая страну.

Беги! Беги!
Ревет река.
Беги! Беги!
Клокочет пена.
Беги!
Дорога не легка,
Не жди,
Когда издалека
Сюда
твоя
поспеет смена.

Бежать бойцу?
Молчи, река!

Еще возможна
оборона,
Еще верна
моя рука,
Еще осталось
у стрелка
Двенадцать боевых патронов.

Он остается
на посту,
Но, чтоб его
не разглядели,
Он лег
за каменный уступ
И держит мушку
на прицеле.

(Из поэмы «Комсомолец Хинесильо»)

Огромная ответственность писателя и журналиста – через страшные факты, с помощью поэзии дать солдатам почувствовать справедливость, придать им силы и мужества. На фронте

10 февраля 1943 г., № 36

ШРАПНЕЛЬЮ

ПЕРЕПОЛОХ В СЕМЕЙСТВЕ КОХ

Ефим ГРОМ

Листок из военного альбома Н.Л. Дилакторской

воевали люди разных возрастов, часто в бой шли совсем юные. Стихи и очерки, посвященные легендарному снайперу Феодосию Смолячкову, а затем баллада о гибели героя читались на передовой. Мало кто помнит, что Феодосию Смолячкову, герою войны, в январе 1942 года на момент гибели было всего 18 лет.

Среди стихов военного времени популярны были и юмористические, сатирические стихи. Писались они также на конкретную тему. Многие стихи писательницы сопровождались рисунками художников, таких, как А. Харшак, А. Шепрут, Ю. Гальперин, И. Серов, К. Иофик и другие. Рисунки – не только трагические и серьезные, но и карикатурные, шаржевые. Под стать им создавались сатирические стихи и частушки:

* * *

И Суворов, и Кутузов
Били немцев и французов.
А теперь пришел черед –
Наша часть фашистов бьет!

* * *

Немка Минни пишет мужу:
«Шубку шли, замерзну в стужу».
Что он мог ответить Минни?
Ходит сам, от стужи синий.

* * *

«Вышли шелк»,– просила Веста
Гильда – Вестова невеста.
«И без шелку проживешь,
Здесь меня заела вошь...»

Предусмотрительность

Зачем машинам на хвосты
Фашисты ставили кресты?
Чтоб каждый хвост стоял потом
Могильным памятным крестом.

Казалось бы, творческий талант Наталии Леонидовны и ее высокая, как сейчас бы сказали, популярность как писателя среди бойцов Красной Армии могли бы быть самодостаточными. Однако она задалась неслыханной целью: подготовить военкоров и

будущих поэтов из среды бойцов, тех, кто пишет с фронта и шлет в боевые газеты свои произведения, заметки, очерки и стихи, подчас неумело и просто написанные. Это была огромная литературная и педагогическая работа! На каждое письмо она отвечала, давала совет не только как редактор, но и как старший друг. Переписка с бойцами сохранилась в творческом архиве писательницы. Приведем выдержки из нее (зима 1943 г.):

* * *

...без хороших рифм не получается стихотворение. Хорошей рифмой считается, если перекликаются похожие буквы, например, *метко-разведка, грей-батарей, соседа-беседа, губ-груб, птица-напиться.*

* * *

Просим Вас побольше поработать над частушками – сделать так, чтобы каждая из них была такой, какой ей следует быть – звонкой, певучей.

* * *

Главный Ваш недостаток в том, что Вы, довольно хорошо подбирая рифмы, недостаточно продумываете, как это получается в целом, как следует строка за строкой. Когда слишком о многом хочешь сказать, важно выбрать самое главное и о нем сказать больше всего.

* * *

Когда в стихотворение всунуто слишком много разного, строчки мешают одна другой, и не получается стройного, складного стихотворения.

* * *

Откуда Вы родом и где Ваша семья? Чувствуется, что Вы еще плохо владеете русским языком. Ну да это дело поправимое.

* * *

Начинающему поэту: если понадобится более детальная консультация, зайдите в редакцию, когда будете в нашей стороне.

* * *

...а еще лучше – попробуйте написать короткие частушки о разведчиках. Над этим Вам и работать будет проще. Если придумаете

что-нибудь удачное о весне, мы Вам пришлем более подробное разъяснение, как работать над каждой строчкой. То, что пишете не часто – не смущайтесь. Если захотите работать – всё сумеете преодолеть. Правда?

* * *

Надо писать о том, что Вас очень волнует, тогда и слова найдутся убедительные, горячие, которые и других будут волновать.

* * *

Вообще, писание стихов – дело нелегкое, требует большого опыта или, когда его нет, большой работы. Но, во всяком случае, пишите о том, что очень хорошо знаете.

* * *

Чего не хватает Вашему стихотворению? Тонкости слов, крепкой складной строки. Слова у Вас такие, какими уже не раз и до Вас говорили другие. А надо, чтобы в стихотворении было вложено Ваше чувство, чтобы, читая, другой вместе с Вами переживал то, что Вы переживали, видел собственными Вашими глазами. Но самое главное – пишите искренне, горячо, тогда и нужные слова найдутся.

* * *

Нужно тщательно работать над каждой строчкой, над каждой рифмой, помнить, что стихотворение должно быть складным, как песня…

Сохранились два альбома с вырезками из газет, фотографиями и письмами, сопровождаемые комментариями писательницы. Один из них в краткой форме содержит бесценные сведения о творческой деятельности Наталии Леонидовны во время войны. «*Основной была, как всегда, работа с молодежью,*– пишет она.– *В газете «Вперед» было 42 военкора, в газете «Удар по врагу» – 180 военкоров. Переписка со многими продолжается и сейчас*».

«Письма писались и на обрывках плакатов, бумаг… Иногда это была длинная история жизни, иногда надо было решить «судьбу» человека». Это лаконичный комментарий к приклеенным в альбоме таким обрывкам-письмам. Вот содержание одного из них: *«С боевым приветом все наши разведчики и командиры батареи. К вам,*

дорогие редакторы и поэты. С приветом Л. И. Чернышев. 14.10.43». Или длинное письмо от бойца-белоруса. Наталия Леонидовна учит его русскому языку через стихи – редактируя их, помогает солдату осваивать русский язык. Он благодарен. Еще одно письмо: *«Забыли меня? Ну я помню и в суровые дни этого времени я вспоминаю Вашу доброту ко мне. С боевым приветом И. Ф. Гвоздин*».

В боевых газетах она работала с начала войны. Писательница печаталась, а также вела переписку с бойцами от имени Кузьмы Смельчакова, затем Еремы Грома, вела своеобразную рубрику – «Разговор по душам». «Стихи вызывали очень горячую реакцию человека, использовались на беседах политруков. *«Разговор по душам» – фактически о людях и их боевых делах – имел очень большой успех в дивизии»,*– отмечает в комментариях к стихам Наталия Леонидовна. Произведения из этого цикла цитировал на память Герой СССР Феодосий Смолячков, упомянутый нами выше. Он говорил: *«Стрелять – это каждый может, а вот так писать, каждый день – это другое дело, потруднее»!*

Если Кузьма Смельчаков был, в лице Наталии Леонидовны, автором весьма широкого круга произведений, печатавшихся в газете «Вперед», то с переходом в ноябре 1942 года в газету «Удар по врагу» появляется Ерема Гром, совершенно другой тип бойца, с иным характером и задачами. *«Новорожденный Ерема Гром не получил права на рассказ. Редакция не хотела фактического армейского материала, подаваемого в фельетоне. Роль Еремы Грома ограничивалась антифашистскими «мелочами»,*– пишет она с легкой досадой. Но Ерема был создан с огромной любовью и присущим автору искрометным юмором:

« – Я из деревни – весь род мой из Кокшеньги за Тотьмой. Было двое нас дома: брат Фома да я – Ерема. А наши кокшары славятся тем с давней поры, что народ подвижной, любознательный, все разведают обязательно, коль беда – не станут хныкать и дуться, без песни и шутки не обойдутся.

Возле нас – и леса, и река: рыбаки да охотники все, от мала до старика. А охота да рыбалка – есть где посмеяться не жалко.»

Веселый жизнерадостный рассказ о приключениях кокшара Еремея Громова по прозвищу Ерема Гром, приехавшего из Русского Севера в Петроград, заканчивается словами:

«Как услышал я, что война: Прощай,– говорю,– жена! Воевать я горазд, выполнял приказ каждый раз, неспроста был Громов, а прозвали Гром – учиню и теперь наглецам разгром!» С того самого дня – боевая жизнь у меня. Рассказов – короб, да все не расслышишь скоро.

Приятелей – тысяч пять, не знаешь, с кого первого начинать. Попал в пехоту, расскажу вам охотно о том, как бил фашистскую заразу!

А пока до следующего раза!»

«Лозунг и веселый материал – в основном, что требовала редакция армейской газеты», – записала Наталия Леонидовна. Но такие стихи также поднимали боевой дух солдат! Понимая это, свою досаду она легко преодолела и вскоре от имени созданного ею веселого и задорного кокшара Еремы Грома вела через газету стихотворную переписку не только с бойцами, но и с детьми.

Огромный творческий путь проделала Наталия Леонидовна за годы войны. Это и многочисленные стихи, и поэмы, разные по жанру и тематике. И записи событий, и даже выписки из боевого журнала партизанского отряда (*«Почему нет больших дел? Людей у вас много, а результат плохой. Подтянитесь! Другие лучше воюют...»* – запись от 3 января 1943 г.). Редакторская и педагогическая работа. Нет ни одного сюжета – такого, чтобы в душе оставался страх или тяжесть от прочитанного. О чем бы она ни писала, целью было утвердить в человеке чувство справедливости. Ощущение того, что и на войне есть литература, которая помогает победить. Она писала стихи об Александре Невском и о Суворове, связывая исторические победы России с грядущей Великой победой, в которую верила.

«А учение о наступлении? Как снег на голову налети! Рази, тесни – бей, гони, не давай опомниться ни пехоте, ни коннице. Кто испуган, тот побежден наполовину – бей врага в лоб и спину! У страха глаза велики – один за десятерых покажется. Трусов Суворов не прощал, а нам завещал: – Надо, чтобы солдаты смелы и храбры были, а русские прусских всегда били. Нечего зря разговаривать, да чего-то там ожидать... Учись у Суворова науке ПОБЕЖДАТЬ».

Своим творческим путем она показала «науку побеждать» как военный и литературный корреспондент, журналист, поэт и писатель. Сохранившиеся в военной части архива Н. Л. Дилакторской неизданные стихи, поэмы, прозаические произведения (рассказы, очерки), наконец, военная переписка – все это представляет, на наш взгляд, огромную литературную и историческую ценность и перспективен для издания в наши дни как высокохудожественный и крайне интересный для читателя, особенно молодежи.

Раздел седьмой

МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Решетников Николай Иванович,
Московский государственный институт культуры, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Историко-культурное наследие – понятие широкое. Всё, что связано с нашей историей и нашей культурой. Музей изучает и сохраняет памятники истории и культуры в полном объёме: вещевые, письменные, изобразительные, движимые и недвижимые. Но при этом научным сотрудникам музеев приходится решать множество различных проблем. Среди них недостаточный уровень научного потенциала музейных работников, их слабая музееведческая подготовка, отсутствие надлежащей материально-технической базы, переориентация музеев от научно-исследовательской, хранительской и научно-просветительной работы к культурно-развлекательной деятельности. В связи с этим изучение и сохранение историко-культурного наследия становится всё более актуальным.

Неразрывными и взаимодополняющими составляющими в историко-культурном наследии являются понятия «материальное» и «нематериальное». Одно другое дополняет и одно без другого является не совершенным. Материальный предмет – свадебное платье в экспозиции музея не даёт нам представления о самой свадьбе. А свадебный обряд (нематериальное) невозможно представить без свадебного платья и других материальных предметов.

При рассмотрении проблем изучении и сохранения материального и нематериального наследия естественно возникает вопрос о его музеефикации.

В музееведческой литературе музеефикация рассматривается несколько односторонне. В словаре музейных терминов определяется: «Музеефикация памятников – направление культурной

политики и отрасль музейного дела, сущность которой заключается в превращении недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа».[834] Из музейной энциклопедии следует, что музеефикация – направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. Как видим, при определении музеефикации рассматриваются только объекты как недвижимые памятники материальной культуры. А памятники нематериальной культуры из поля зрения теоретиков музейного дела выпадают. Почему? Не следует ли из этого, что наши теоретики от музееведения и практики музейного дела не ведают этого или плохо знают? Но ведь сам по себе памятник как объект музеефикации ничего не значит без своего внутреннего содержания, то есть без нематериального (духовного) наследия. Для непосвящённого человека памятник может представляться, например, просто как «мужик в пинжаке» (вспомните кинофильм «Джентльмены удачи»). Но когда мы знаем, что в этом объекте заключён образ М. Ю. Лермонтова, то сразу же меняется смысл изображения. Только при упоминании имени поэта воспринимается не столько сам памятник-объект показа, сколько его творчество, жизнь и деятельность, то есть его нематериальное наследие. Материал изготовления памятника (медь, бронза, камень, дерево), размер, цвет, полный рост, бюст, литьё из металла или резьба по камню и т. д. – вся эта информация второго плана. На первом плане – кто изображён, высечен, отлит, написан; каково его место в истории и культуре. Иными словами, каково содержание в изображённом объекте, какое в нём заключено нематериальное наследие. И только потом мы интересуемся физическими свойствами памятника. Следовательно, раскрывая понятие музеефикации, следует, прежде всего, выявлять, изучать и популяризировать нематериальное историко-культурное наследие, а потом уже раскрывать его материальные свойства.

Это одна сторона вопроса, когда музеефикации подлежат недвижимые объекты (дворцы, мосты, обелиски, природные объекты). Но ведь предметы музейного значения, движимые, которые мы выявляем в результате комплектования и превращаем их в

[834] Музейные термины // Терминологические проблемы музееведения: Сб. трудов / ЦМР СССР.– М., 1986. С. 78.

музейные предметы (а потом и в экспонаты), тоже ведь музеефицируются. В них мы определяем, прежде всего, содержательную часть, то есть его историко-культурную ценность, а потом уже описываем его внешние признаки.

В музееведческой литературе не рассматриваются некоторые важные аспекты в понятии музеефикации. Во-первых, музеефикацией в широком смысле слова можно считать переход в музейное состояние любого объекта, не только относящегося к недвижимым или средовым объектам. Во-вторых, если объект подлежит музеефикации и, следовательно, он определён как памятник, существенным является раскрытие социальной памяти, заключённой в музеефицируемом объекте. В-третьих, важна характеристика социальной среды вокруг памятника и восприятие его человеком. В полной ли мере он осознаёт действительную значимость памятника? Если осознаёт – будет к нему бережно относиться. Если не осознаёт – в лучшем случае будет его игнорировать, проходить мимо, не замечая, не задумываясь о музеефикации, в худшем – подвергать вандализму.

Музееведами отмечается, что наибольшее количество среди музеефицированных объектов составляют памятники архитектуры. Полно и разносторонне рассматривает музеефикацию М. Е. Каулен, посвящая этой проблеме свою монографию[835]. Однако в её и других работах рассматриваются лишь памятники архитектуры как таковые. Градостроительное наследие и окружающая среда не рассматриваются или только упоминаются в связи с изучаемой темой. Не рассматривается и состояние социальной памяти, а также проблемы восприятия сущности памятника.

Рассмотрим примеры различного отношения к историко-культурному наследию со стороны местного населения.

В городской черте Каргополя Архангельской области находится 13 храмов, включая соборную колокольню, две действующих и кладбищенскую церкви. Музеефицированы 7 храмов, в пяти из них располагаются экспозиции Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Один храм, Воскресенская церковь, не музеефицирован, но является памятником федерального значения и находится под охраной государства, о чём свидетельствует соответствующая табличка. Однако, кроме этой таблички, никакой охраны не осуществляется, и храм по-

[835] Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012.

степенно разрушается. Слабые попытки консервации памятника силами местной администрации и музея к желаемому результату не приводят. Но в ещё более плачевном состоянии находятся два храма Свято-Духовского прихода. Они стоят «бесхозными», без каких-либо охранных и консервационных мероприятий, и разрушаются не столько от влияния природной среды, сколько от проявлений вандализма со стороны молодёжи. А всё от того, что местное население не воспринимает эти храмы как памятники, как историко-культурное достояние. Памятник не музеефицирован, не используется как объект музейного показа, не формируется социальное сознание, не воспитывается бережное отношение к своему прошлому – отсюда и все беды.

Проблема музеефикации и формирования социальной памяти практически не раскрывается и поэтому требует специального изучения.

Любой памятник – будь то храм, обелиск, дворец, крестьянский дом, святой родник, пещера…– представляет для нас интерес не столько своим внешним обликом, сколько тем содержанием, которое в памятнике заключено. Нам важно, какую историко-культурную значимость имеет памятник, какая социальная память в нём заключена, с какими событиями ассоциируется.

Памятник может сохраняться в условиях, когда в нём испытывают потребность местные жители. Ни законы, ни материальные средства, ни охранные таблички не сохранят памятник, если в этом не заинтересованы местные жители. Отсюда необходимость формирования общественного сознания по сохранению национального достояния.

Проблема сбережения памятников тесно взаимосвязана с проблемой использования как самих памятников, так и окружающей среды. Здесь важно понять, что любое мероприятие в окружающей среде имеет воспитательное значение для молодёжи, формирует её моральный облик и характер поведения в обществе.

Известно, что отношение к памятнику зависит от складывающейся социо-культурной обстановки. Меняется эпоха, меняется политический строй, меняются экономические условия развития. Всё это ведёт к смене историко-культурных приоритетов. В каждом социуме создаются свои памятники, утверждающие господство той или иной части общества. Для увековечения памяти о происходящих событиях происходит процесс ***музеефикации***. В эпоху революционных преобразований либо при завоевательных войнах победители стремятся свергнуть памятники прошлого и

утвердить новые. Происходит обратный процесс – ***демузеефикация***. Это опасное явление. Оно приводит к утрате исторической памяти и, следовательно, не позволяет использовать опыт поколений прошлого для строительства будущего. Однако, история, развиваясь не по кругу, а по эллипсу, повторяется на более высоком уровне. Возникает потребность возвращения к прошлому опыту. И тогда общество восстанавливает порушенные памятники. Происходит процесс ***ремузеефикации***. Общество в разных его формациях затрачивает физические и моральные силы в одном случае на создание памятников, в другом – на их разрушение и в третьем – на их восстановление. Нужны ли обществу такие затраты? Не пора ли задуматься обществу над тем, что, прежде чем музеефицировать какой-либо объект, надобно проанализировать последствия такой музеефикации? Не последует ли вслед за скороспелой в угоду политической ситуации музеефикацией памятников их демузеефикация? Не возникнет ли необходимость ремузеефикации после разрушения существующих памятников?

Можно с уверенностью сказать, что рассматриваемую проблему можно решить при комплексном подходе к сохранению национального наследия. Восстановление памятника и его использование, то есть музеефикация, достигает своей цели в случае совместных усилий архитекторов, искусствоведов, реставраторов, инженеров, музееведов, церковных деятелей, работников культуры, молодёжных организаций, местного населения и, конечно же, органов власти. И здесь представляется необходимым рассмотреть наиболее важные позиции.

Формирование исторического сознания, следовательно, и сохранение историко-культурного и природного наследия может достигаться различными формами.

Прежде всего, **музеефикация** – это включение в образовательную и научно-просветительную работу изучение памятников истории и культуры в их окружающей среде.

В этой связи заслуживают внимания программы **культурно-познавательного туризма.** Интересные его формы реализуются в Вологодской области и, в частности, Тотемским музейным объединением в координации с органами местной власти. Совместные действия всех заинтересованных лиц и организаций позволяют здесь добиться эффективных результатов. Проведение же ежегодных всероссийских конференций на эту тему с участием музеев, вузов, научных учреждений способствует, с одной стороны, распространению положительного опыта, с другой – приобретению новых форм деятельности.

В музеефикации важны **формы восстановления и использования памятника**, необходимость единства в сохранении экстерьера и интерьера как реставрируемых памятников, так и городских строений. При восстановительных работах, прежде всего, решаются проблемы консервации, а затем уже и реставрации. Отсюда и предназначение восстановленного памятника. Если восстанавливается в его первоначальном использовании, это одно дело; если – в приспособлении для другого назначения в качестве памятника, то требует музеефикации. Важно при этом восстановление не только самих памятников как объектов наследия, но и культурно-ландшафтной среды, в которой находятся памятники как её неотъемлемая часть. Как отмечает Ю. А. Веденин, культурный ландшафт есть «результат сотворчества человека и природы»[836].

А как обойтись без фиксации в договорах об **ответственности реставраторов** за качество реставрационных работ и их долговечность? Практика показывает необходимость введения материальной ответственности и возмещения утрат в случае некачественно проведённых работ.

Наши памятники могут сохраняться и без ущерба использоваться при **согласованности действий пользователей историко-культурным наследием.** Положительным примером можно назвать опыт организаций и учреждений Тотемского района Вологодской области, где проблемы сохранения историко-культурного и природного наследия решают совместно и согласованно Тотемское музейное объединение, центр развития культуры «Тотьма», местный театр, Школа путешественников Фёдора Конюхова, отдел туризма и общественных проектов администрации Тотемского района, компания «ТотьмаТур», Петровская детская художественная школа. При этом тесная связь осуществляется с Клубом деловых людей Вологодского землячества, музеями Вологодской области, а также с Центром общественного просветительства «Бирюзовый дом», национальным заповедником Форт Росс (Калифорния, США) и научно-просветительным обществом «Русская Америка» (Москва). В таком взаимодействии в Тотьме музеефицируются новые памятники истории и культуры, разрабатываются новые экскурсионные маршруты, в т. ч. на Дедов остров и Лось-камень, создаётся арт-квартал, разрабатывается пешеходная зона на набережной реки Сухоны.

---

[836] Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия / Ю. А. Веденин // Обсерватория культуры. 2013. № 1. С. 66.

При музеефикации важное значение имеет изучение **предназначенности памятников при их использовании.** Каждому зданию-памятнику может быть своё предназначение. Например, в зданиях православных храмов могут создаваться музеи церковного искусства, истории православия, истории православных праздников, житийных деяний святых, православных обрядов, духовной музыки, истории церкви, истории прихода и т.д. Жилые сельские дома могут быть музеефицированы как дома-памятники крестьянского быта с проведением в них мастер-классов, как это делается в сёлах Бирякова и Никольское Вологодской области или в селе Шушенское Красноярского края.

Важно также знать, в чём заключается **сакрализация объектов культурного и природного наследия.** Понятие сакральный означает священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу. Сакраментальный – «священный, обрядовый, освящённый традицией; традиционный».[837] В реальности сакрализация происходит в живой повседневности и закрепляется в народной памяти. Так, например, в Архангельской области как сакральные есть святые рощи, родники, камни. На их месте сооружены часовни, поставлены обетные кресты. Всё это издавна сложилось в традицию почитания святых мест, и они сохранялись в течение веков самими местными жителями. Никакой государственной охраны и, естественно, их учёта не существовало. С исчезновением сельского населения в связи с разрушением деревни возникла угроза их исчезновения и забвения традиции. Но с созданием на этой территории Кенозерского национального парка все эти памятные места музеефицированы как историко-культурное достояние. Они поддерживаются на должном уровне. К ним проложены тропы. Они являются объектом публичного представления.

Следует отметить три уровня музеефикации сакральных мест. Первый уровень заключается в создании национальных парков и музеев-заповедников иногда на довольно обширной территории (Кенозерский национальный парк, Водлозерский национальный парк, музей-заповедник «Малые Корелы» и т. д.). Второй уровень – музеефикация отдельных сакральных мест. Третий уровень – это традиционное сохранение памяти о сакральных местах, не взятых на государственную охрану. Они посещаются туристами и палом-

[837] Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова (гл. ред) и Л. С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 573.

никами, не говоря уже о местных жителях. Эти памятные места ничем не обозначены, но их сакральность общепризнана, и они являются объектом поклонения. Примером может служить место в окрестностях Ошевенска Каргопольского района Архангельской области, где речка Чурьега вдруг уходит под землю и через пару километров вновь выходит на поверхность. Связано это с карстовыми явлениями. Но непонятное для крестьян это природное явление обросло легендой. Она гласит, что некогда проходил по этой земле святой Александр Ошевенский (основатель здешнего монастыря) и попросил у местных жителей воды напиться, но они ему отказали. Тогда он ударил посохом о землю и с досадой сказал: «Быть вам у воды без воды» – и вода ушла под землю. Так произошло слияние природного явления с духовным его восприятием. Место это ныне значимо и как памятник природы, и как святое место. В этом его сакральность. Можно надеяться, что со временем оно будет музеефицировано в связи с созданием по инициативе местного населения музея «Ошевенская слобода», где предполагается музеефицировать храмы, сельские дома, а также местные историко-культурные и природные достопримечательности, всю ландшафтную зону с разработкой различных туристских маршрутов и восстановлением традиционного быта и сельскохозяйственного производства.

Для поселений с традиционным развитием народных промыслов музеефикацию можно осуществить в различных вариантах: 1) музеефикация каждого дома народного мастера, разработка экскурсионных маршрутов, обеспечение деятельности мастер-классов; 2) оборудование города мастеров с организацией учебных мастерских и выставок-продаж.

Большой интерес у посетителей вызывает **пешеходная зона в исторической части поселения.** Такие зоны создаются во многих странах, в том числе и в городах нашей страны. Такая зона создана, например, в городе Дмитрове Московской области. Она расположена вдоль одной из сторон кремлёвского вала и сверху представляет собой живописное зрелище. Зона эта стала любимым местом отдыха горожан, а гости города с любопытством осматривают установленные скульптуры, отражающие историю и быт прошлых веков. И не случайно здесь появляются новые памятные объекты, например, Музей лягушки. Создание историко-культурной заповедной зоны в каждом историческом городе – это и есть одна из форм музеефикации. Этим достигается, с одной стороны, сохранение историко-архитектурного наследия, с другой –

привлекается внимание гостей, увеличивается их количество, расширяются формы работы с посетителями, что приносит доход в местный бюджет.

Ну, а как обойтись без изучения **памятника в окружающей среде, в повседневной жизни?** Памятники могут сохраняться при условии, если будут «жить» в среде бытования, если будут востребованы местным населением, если будут действовать в разнообразной форме, если внешние формы будут соответствовать внутреннему содержанию, если органы власти будут обеспечивать меры по сохранению историко-культурного наследия. Наша задача – формировать общественное сознание и ответственность за сохранение историко-культурного наследия. Объект культуры может быть признан памятником, если он востребован людьми, если он «вживается» в окружающую среду, если местное население знает и понимает его историко-культурное значение. Отсюда как следствие возникает необходимость активного использования памятника в соответствии с его изначальным предназначением.

Важно также изучать **памятник и окружающий его ландшафт**. Когда мы говорим о целостности историко-культурного наследия, то чрезвычайно трудно его понять без восприятия окружающего ландшафта. У человека всегда были разные причины поселения в том или ином месте. Кто-то поселялся на крутом берегу излучены реки, кто-то на возвышенности, кто-то в низине, кто-то в лесу и т. д. Кому-то важен был окружающий пейзаж, кому-то уединённое труднодоступное место (как в случае основания монастырей), кому-то близость реки как пути сообщения и т. д. Окружающий ландшафт диктовал и форму бытия (постройки, образ жизни, способ ведения хозяйства, семейные отношения). Ландшафт во многом определяет не только образ жизни, но и характер человека. Известно, что жители гор отличаются своим характером от жителей равнин или лесов. У каждого свой нрав, свои обычаи, своя мифология, свои отличные от других орудия труда и способы производства. Здесь мы наблюдаем исторические связи материальной и духовной культуры, человеческого сообщества с окружающим ландшафтом, который играет немаловажную роль в формировании этнической идентичности. Поэтому при музеефикации крайне важно учитывать роль ландшафта в формировании историко-культурного и природного наследия.

Иногда мы не учитываем, что каждый **памятник имеет мемориальное значение в его содержательной части**. При решении вопроса о музеефикации важно определить принадлежность

памятника к какому-либо лицу, обществу, предприятию или событию. Он должен иметь своё лицо и непосредственную коренную связь с автором, владельцем, строителем, архитектором и т. д., а также с теми событийными явлениями, которые вокруг него происходили. Когда утрачивается мемориальная связь, утрачивается и память, что приводит к разрушению самого памятника.

Естественно, что при музеефикации одним из основных условий является установление **достоверности**[838] в информационном поле. Это одна из важных проблем как в деле комплектования музейного собрания, так и в сфере музеефикации историко-культурного и природного наследия.

Таким образом, музеефикация – это не просто «превращение недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа». Это **сложный процесс всестороннего изучения, многогранного сохранения памятников и формирования исторического сознания**. Процесс этот предполагает комплекс мероприятий, в котором задействованы все виды восприятия окружающего пространства.

Реализация обозначенных проблем может способствовать решению вопроса музеефикации памятников и включения их в состав историко-культурного и природного наследия. А если памятник (материальная часть) и заключённая в нём память (не материальная часть) не музеефицированы и не включены в социальную сферу жизни, то историко-культурное наследие перестаёт быть востребованным, подвергается забвению или разрушению. Музеефикация и предназначена для того, чтобы этого не происходило.

При таких условиях не будут возникать проблемы демузеефикации и возможной последующей ремузеефикации. Местное же население и приезжающие гости будут не просто праздно лицезреть памятники и памятные места, а понимать их сущность и предназначение. Это, в свою очередь, будет создавать условия для сбережения нашего историко-культурного и природного наследия как национального достояния.

---

[838] О достоверности и других принципах см.: Решетников Н. И. Музей и комплектование его собрания: Учебное пособие. Изд. 2-е, дополн. / Под ред. И. Б. Хмельницкой. М.: МГУКИ, 2012. С. 51–67.

Немирова Светлана Сергеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЛЕВАРЕННЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Город Тотьма (Усолье Тотемское) Вологодской области – это один старейших центров солеварения в России. В 1999 году на территорию тотемских соляных промыслов была организована археологическая разведка отделом региональной культуры Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия под кураторством М. Е. Ворожейкиной, научным сотрудником, руководителем Поморской археологической экспедиции Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (Москва). Целью экспедиции было – установить, сохранились ли на территории, занятой ранее промыслом, какие-либо остатки связанных с ним средневековых производственных сооружений, и определить их перспективность для последующего археологического изучения.

В ходе экспедиции было обследовано около двух десятков деревянных обсадных труб, датированных XIX и XVIII веками. Также в ходе разведывательного археологического обследования Усолья были обнаружены детали и конструкции, расположенные вне буровых скважин, и два типа укреплений берегов р. Ковды в промысловой зоне.

В результате работы экспедиции было констатировано, что в окрестностях современного села Варницы Тотемского района находится уникальный комплекс памятников средневековой промышленной археологии. Значительное число буровых скважин, обсадных труб и связанных с ними деревянных конструкций, бесспорно, представляет значительный научный интерес как для традиционной археологической науки, так и для истории техники, наук о земле и других смежных областей исторического знания. Характерной особенностью тотемского комплекса является большое количество и хорошая сохранность конструкций солеваренного производства разных веков. Все эти конструкции сосредоточены на сравнительно небольшой территории по течению реки Ковды и большей частью доступны для изучения. В то же время беспокойство вызывает расположение жилой застройки в зоне

комплекса памятников (часть средневековых скважин находится прямо на частных огородах и в палисадниках). Использование местными жителями ресурсов реки и минеральной воды изливающихся скважин нередко наносит значительный ущерб древним сооружениям. В настоящее время ни одна из средневековых скважин или конструкций не охраняется как памятник истории.

Значение комплекса памятников Тотьмы заключается в возможности проследить поэтапно весь процесс производства соли в разные эпохи, соотнести его с технологиями, представленными в «Росписи о том, как зачать делать новыя труба на новом месте», дать обоснованный ответ на вопросы о времени и причинах перехода от одной технологии производства к другой, послужить первым объектом подробного, целенаправленного изучения раннего солеварения, стать ключом к пониманию аналогичных памятников в Архангельской, Костромской, Новгородской, а возможно, и других областях нашей страны. Но с утратой тотемского комплекса памятников средневекового промысла отечественная наука потеряет возможность изучить целый исторический пласт, связанный с зарождением и развитием солеварения на севере России[839].

К сожалению, в настоящее время территория Варниц находится в том же состоянии, разработанного и облагороженного туристического маршрута не имеется, но прекрасным образцом, сохранившимся на берегу, является рассолоподъемная труба у русла речки Солонухи, впадающей в р. Ковду. Двойная конструкция из матицы и обсадной веслой трубы содержит в себе соленый рассол малой концентрации, и это единственная труба, к которой можно подойти вплотную, еще две трубы находятся прямо в русле реки Ковды.

В августе 2015 года на территории Варниц работниками «Водоканала» случайно была обнаружена еще одна труба-матица длиной 6 метров, которая была доставлена в местный краеведческий музей, где в комплексе с ней отображает суть процесса солеварения кованый црен, доставленный в музей с берега Ковды в конце 90-х годов. В 2018 году данные предметы стали частью проекта «Соляной дворик».

24 июня 2010 г. в Соликамске была учреждена Ассоциация соляных городов. Сторонами, подписавшими документ, стали представители Соликамска, Тотьмы, Сольвычегодска, Усолья,

---

[839] Ворожейкина М. Е. Тотемские соляные промыслы: Перспективы археологического изучения.– Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь. С. 141.

Соль-Илецка, Березников, Чердыни и Велички (Польша). Учреждение Ассоциации направлено на установление долговременных дружественных отношений между соляными городами, а 12 октября 2010 г. зарегистрирован товарный знак «Тотьма – Соль земли Русской» в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации. Центральным элементом является картуш – полуразвернутый свиток для помещения подписей, икон, гербов. В нижней части картуша – бадья, которую использовали для поднятия соляного раствора. В верхней части картуша – схематичное изображение навершия Входоиерусалимского храма, построенного на доходы тотемских купцов-мореходов от промысловых экспедиций и от продажи соли.

Тема солеварения в Тотьме долгое время находила отражение только в небольшом зале экспозиции краеведческого музея. Посвящённая солеварению часть экспозиции состоит из нескольких настенных витрин, содержащих предметы, литературу и документы, каким-либо образом, в основном опосредованно, связанных с промыслом. Центральной фигурой зала является подлинная часть рассолоподъемной трубы.

Новый виток развития солеваренной темы в Тотьме начался с реализации еще одного проекта и открытия инновационной площадки, связанной с историческим промыслом. 29 апреля 2016 года в музейно-выставочном центре «На Большой Садовой» Тотемского музейного объединения открылось творческое пространство «АнтреСОЛЬ». Тема истории соляного промысла Тотьмы прекрасно раскрывается в экспозиции, которая содержит замечательный предметный ряд. Здесь есть и макет рассолоподъемной трубы матицы в натуральную величину, и уменьшенная версия црена, сковороды для выварки соли, с прекрасным дополнением в форме остатка настоящего кованого црена примерной датировки XIX в. Процесс вываривания соли наглядно представляет макет «черной» варницы в разрезе, выполненный в 1935 году музейным техником Л. И. Черницыным.

Из предметов, относящихся непосредственно к процессу солеварения, в «АнтреСОЛИ» представлены: фрезер (зубчатый венец) для прохождения буровых скважин, XVIII в., переданный в 1919 г. А. М. Кокаревой; коллекция моделей буровых инструментов; латунный ареометр от солепромышленников Кокаревых для измерения крепости рассола, XVIII в., один из первых экспонатов в тотемском музее; поршень с клапаном для выкачивания рассола, XIX в., от Кокаревых; скребок для чистки цренов, XIX в., найден в старой постройке курорта.

В «АнтреСОЛИ» также собирается коллекция видов соли, начитывающая более 40 наименований. В ней есть природные образцы, товарные упаковки и сувенирные продукты других «соляных городов».

Тотемское музейное объединение ведет активную проектную деятельность, одним из направлений которой выбрано возрождение и сохранение достояния исторического прошлого. В октябре 2019 года проект «Труба зовёт!» получил поддержку Фонда президентских грантов. Проект включает в себя комплекс мероприятий, направленных на сохранение и репрезентацию солепромышленного наследия в Тотьме и Тотемском районе. В рамках проекта предполагается расчистка территории вдоль рек Ковды и Солонухи, выявление памятников инженерного искусства – старинных рассолоподъёмных труб, объединение их в единый закольцованный маршрут с информационными стендами.

Кроме того, на территории около краеведческого музея будет завершено формирование «Соляного дворика». Отдельно будет создаваться печь для выварки, наличие которой позволит использовать в качестве сувенира настоящую выпаренную в Тотьме соль. «АнтреСОЛЬ» также технически преобразится и пополнится полноценным макетом Усолья с отображением основных этапов солеварения. Проект планируется реализовать в течение 2020 года.

Также ТМО сыграло значительную роль в возрождении работы Ассоциации соляных городов: сотрудники музея участвовали в круглом столе по обсуждению данной темы с коллегами соляных городов в рамках Фестиваля гостеприимства в Солигаличе в 2018 г., а в рамках стажировки в Пермский край в августе 2018 г. приняли участие в обсуждении работы Ассоциации с представителями администрации Соликамска.

12 июля 2019 года в Сольвычегодске Котласского района Архангельской области прошел Форум исторических городов России «Живое ремесло» в рамках программы XXII регионального АРТ-фестиваля им. Козьмы Пруткова и Прокопьевской ярмарки.

Представители шести регионов, известных своим богатым соляным прошлым, презентовали особенности репрезентации своего соляного наследия в настоящем, а также подписали документы о «перезапуске» Ассоциации соляных городов России. Участниками «перезапущенной» ассоциации стали Сольвычегодск (Архангельская область), Тотьма, с. им. Бабушкина (Вологодская область), с. Некрасовское (Ярославская область), Нёнокса (Архангельская

область), г. Соликамск (Пермский край). Этот список присутствующих регионов дистанционно дополнили еще несколько соляных территорий, в том числе Северодвинск, в состав которого входит Нёнокса (Архангельская область) и Старая Русса (Новгородская область).

Территория села им. Бабушкина (до революции Леденгск) когда-то находилась в составе Тотемского уезда, поэтому истории солеварения Тотьмы и с. им. Бабушкина тесно переплетаются. Что касается настоящего времени, Леденгск богаче Тотьмы по сохранности архитектурных памятников соляного промысла. До сих пор там функционирует Мариинская скважина, которая была пробурена в XVIII веке. Глубина Мариинской скважины составляет 230 м. Стены ее в начале XX века были перестроены – об этом говорят оставленные надписи: «1912 г.», «1913 год 13 июля» и др. Здание имело второй этаж, лестница не сохранилась. Во время активного использования Мариинская скважина давала самотечный рассол по 8 ведер в минуту. В настоящее время скважина является объектом туристического маршрута по селу.

Бабушкинский районный исторический музей бережно хранит историю солеваренного промысла. Об этом рассказывает экспозиция в музее и интерактивный туристический маршрут «Развитие солеварения в Леденгском крае». В экспозиции представлены остатки рассолоподъемной трубы, пластина кованого црена, образец рассола соляных леденгских источников. Из современных экспонатов представлен макет скважины, несколько образцов солей с разных регионов. Уникальной коллекцией является набор из соли, выпаренной лично директором музея Еленой Сергеевной Сысоевой из рассолов разных соляных территорий: Тотьмы, Леденгска, Соликамска, Сольвычегодска, Солигалича, с. Некрасовского. Также удивительным образцом применения таких рассолов является парфюмерный набор на их основе, переданный музею в подарок шеф-поваром ресторана «Белый кролик» г. Москвы Владимиром Мухиным, посетившим музей в ноябре 2017 года.

Туристический маршрут по селу, охватывающий кольцом основные исторические достопримечательности, включает в себя достаточно много объектов и мест, связанных с соляным богатством леденгской территории. В отличном состоянии находится соляной амбар, который до сих пор не передан музею как памятник архитектуры, а находится в собственности потребительского кооператива «Бабушкинский». На берегу речки Леденьги находится в открытом доступе Спасская рассолоподъемная труба, подход к которой оформлен деревянным настилом. На другом берегу реки

есть интересная часть ландшафта, характеризующаяся мелкими солеными ручейками, также впадающими в р. Леденьгу. Далее по маршруту наличествует собственно сама Мариинская скважина с вытекающим из неё соленым ручьем.

Кроме классических экскурсий на тему солеваренных традиций, индивидуальным предпринимателем Светланой Владимировной Поляшовой разработана интерактивная программа хранительницы соляных запасов – Молодухи-Солонухи.

Самым ценным современным функционалом леденгского соляного промысла является лечебный санаторий на минеральных водах «Леденгск», основанный в 1841 г. и действующий до настоящего времени. Что касается истории санатория, то ещё в XVIII веке в Леденгск съезжалось большое количество больных, которые самостоятельно устраивали себе ванны. В итоге Министерству финансов, в ведении которого в то время находился Леденгский солеваренный завод, в 1841 году пришлось установить здесь ванны и утвердить должность врача, на которую был назначен В. А. Андреевский. В 1911 году построили специальное здание на 18 кабин с деревянными ваннами и гостиницу. К этому времени, помимо минеральных ванн, здесь стали применять местные торфяные грязи. В 1914 году посещаемость курорта повышается до 1000 человек, что является доказательством истинных целебных свойств леденгских минеральных источников. В 1989 году стараниями врача-невропатолога Николая Васильевича Шамурина и представителей местной власти в «Леденгске» открылся профилакторий амбулаторного типа, а с февраля 1991 года – стационар[840]. В 1994 году профилакторий преобразован в государственное предприятие Вологодской области санаторий «Леденгск».

В ходе изучения вопросов по сохранению исторических объектов соляного промысла нам удалось посетить и изучить ещё несколько исторических «соляных» территорий: Солигалич (Костромская область), Нёнокса (Архангельская область, Приморье), Пермский край (Соликамск, Усть-Боровский сользавод, Пыскор, Орёл-городок, Новое Усолье), Сольвычегодск. Формы работы были следующие: исследование архивных документов и территории бывших сользаводов, работа в фондах посещаемых музеев, общение с коллегами, экскурсионное сообщение, изучение современной литературы и Интернет-источников.

---

[840] Санаторий Леденгск. // «Красный Север». № 3. 2009. С. 3.

В Костромской области нами был исследован пока один «соляной» город – Солигалич (Соль Галичская). Ранее этот город был в числе самых крупных центров по соледобыче, но в настоящее время он не имеет никаких объектов, связанных с этим промыслом, которые можно было бы исследовать без значительных земляных работ. Находившаяся по берегам Шишкова ручья промысловая зона в настоящее время застроена. Соляные колодцы, которые существовали еще в 60–70-е годы XX века, в настоящее время засыпаны или находятся под фундаментом городских построек. Так, например, при перестройке в 80-е годы торговых рядов в центральной части Солигалича был обнаружен один из таких колодцев, о чем было сообщено в местный краеведческий музей. Однако никаких исследований или фотофиксации колодца проведено не было. В настоящее время колодец также засыпан и находится под восстановленным фундаментом здания.

Еще один колодец (по словам некоторых старожилов – самоизливающаяся рассолоподъемная труба) функционировал на юго-восточном углу современной территории бальнеологического курорта им. Бородина. В настоящее время на месте засыпанного колодца на горизонтально положенной железобетонной плите установлена деревянная беседка.

Археологи считают именно территорию курорта наиболее перспективным участком города в плане дальнейших исследований солеварения из-за его расположения в зоне бывших соляных промыслов и отсутствия асфальтового покрытия. Также удачная для археологических работ особенность Солигалича – отсутствие подземных коммуникаций (электричество проведено по опорам, а газ и канализация отсутствуют) позволит в полной мере исследовать непотревоженные земляные пласты[841].

Кроме незначительных упоминаний о солеварении в обзорных экскурсиях по краеведческому музею и городу об этом промысле говорилось на временной выставка музея «Старейшая здравница России» к 175-летию со дня открытия Солигаличской водолечебницы.

После такого затишья ярким событием города явился фестиваль гостеприимства «Хлеб да соль», организованный по инициативе Надежды Дудиной, специалиста по туризму города Соли-

[841] Вестник Костромской археологической экспедиции. Выпуск 2 / Материалы II научной конференции, посвященной памяти В.И. Смирнова.– Отв. ред. С.И. Алексеев.– М.Е. Ворожейкина. Археологическое изучение памятников солеваренного промысла на территории современной Костромской области.– Кострома, 2006.

галича. На фестиваль были приглашены представители городов, объединенных общей историей – развитием соляного промысла в XVI–XVIII веках. В фестивале приняли участие Сольвычегодск (Архангельская область), Старая Русса (Новгородская область), село Некрасовское (Ярославская область), Тотьма и Солигалич. Круглый стол с гостями фестиваля и представителями администрации Солигалича был посвящён решению вопросов по сохранению «соляной истории» и развитию туризма на этой почве.

На территории Солигаличского района есть болото Сольцы, где также существовал соляной промысел. Вот там, по мнению интересующихся данной темой граждан, еще, возможно, сохранились рассолоподъёмные трубы, которые устанавливали здесь вместо колодцев уже с приходом на солигаличские соляные источники тотемского купца Кокарева.

В Северодвинском городском краеведческом музее, базовым для такой известной «соляной» территории, как Нёнокса, экспозиция «История Поморского края с древнейших времён до начала XX века» создаёт представление о том, как исторические процессы минувших столетий отразились на развитии Русского Севера и в чём особенности этого развития. Среди всех исторических особенностей экспозиция показывает основные промыслы и занятия населения Поморья, а также представляет Нёнокский посад как центр солеварения на Русском Севере, известный уникальным деревянным храмовым ансамблем XVIII века.

Среди программ, представляющих соляной промысел Поморья, предлагаются обзорная экскурсия по музею и интерактивная игра для детского возраста об археологии. Обзорную экскурсию по музею отлично дополняет макетный ряд: «Усолье Нёнокса», интерактивный макет, Буглак К. В.; деревянный макет солеварни XIX века в разрезе.

Из предметов, относящихся к промыслу солеварения, сохранилась труба рассолоподъемного насоса, которая была законсервирована, но, к сожалению, не представлена в экспозиции музея из-за больших размеров самой трубы и малой вместимости залов музея. Труба была найдена и передана музею археологами во время раскопок 2011 года на территории последней сохранившейся в Нёноксе солеварни. На раскопках работали профессиональные археологи, приглашенные из Москвы, под руководством М. Ворожейкиной. Также имеется в наличии и часть црена XIX века – сковороды для выварки соли, а также пара деревянных желобов для переливания рассола.

Более ценным источником, позволяющим наглядно представить промысел солеварения на русском севере, является непосредственно само село Нёнокса, находящееся на востоке Онежского полуострова, в 40 километрах от Северодвинска.

Село Нёнокса – одно из древнейших центров солеварения на севере России, восстанавливать свою историю начало в 1992 году, когда там открыли филиал Северодвинского городского краеведческого музея «Музей истории села Нёнокса». Музей был открыт усилиями многих местных жителей: учительницы Галины Ивановны Сабельской, поэта А. Трапезникова, депутата сельсовета В. Голубицкого и других. Изначально филиал располагался в здании бывшего магазина, а в 2007 году для музея было построено новое здание на том же месте. В двух залах музея среди экспонатов, относящихся к различным периодам истории Нёноксы, особое место уделялось свадебному женскому наряду XIX века.

С 2009 года, после первых раскопок, тема солеварения постепенно выходила на передний план, а в 2010 году уже планировалась выставка по солеварению «Загадки нёнокских солеварен». В настоящее история солеварения занимает важное место в экспозиции музея, посвященной истории села от стоянок первобытного человека до современности.

Хотя в самой экспозиции не так много предметов, относящихся непосредственно к соляному промыслу (в основном, это документы, карты, чертежи и схемы из различных литературных источников), данная тема отлично раскрыта в экскурсионном сообщении. Ну, а самым ценным достоянием соляного прошлого села являются сооружения на нёнокских землях, сохранившиеся до наших дней. Одно из них – соляная варница XVIII века, которая является памятником градостроения и архитектуры, хотя находится в таком плачевном состояние, что даже не подлежит реставрации. Эта последняя сохранившаяся нёнокская солеварня, Яковлевская, представляет собой сруб, рубленый «в обло», без окон, с двумя дверными проёмами (в южной и северной стенах). Крыша была двускатной, с двумя деревянными вытяжными трубами (она обрушилась задолго до начала археологических исследований). В варнице находилась печь (печная яма), в настоящее время она закрыта рухнувшим цреном. Находящийся в солеварне црен – сварной, изготовлен, по словам местных жителей, в 1943 г. и занимает почти всю площадь солеварни. Возраст варницы – около 170 лет.

Также на Усолье Нёнокса археологи исследовали два рассольных колодца: Великоместный (возле варницы) и Наволочный

(возле расчищенного участка поддувального коридора). Последний открыт в 2011 г., квадратный в плане, с двойным срубом, рубленным «в прямую лапу». Размер внешнего сруба около 3×3 м, внутреннего 1.4×1.7 м (по внутреннему периметру). Расстояние между срубами 10–20 см. Колодцами вместо скважин Нёнокса также отличалась от Тотьмы и Соликамска. Благодаря неглубокому залеганию соляных рассолов, нёнокские солепромышленники избегали дорогостоящего и длительного бурения скважин.

Труба, хранящаяся в Северодвинском музее, как раз была извлечена в 2011 г. из Наволочного колодца. Она изготовлена из цельного ствола дерева хвойной породы. Длина – около 7 м, внешний диаметр – 29 см (верхний обрез – комель) и 23 см (нижний обрез – верхушка). По продольной оси ствола высверлен сквозной канал диаметром около 8 см, с нижнего конца трубы канал плотно заглушён деревянной пробкой. Поперёк продольной оси трубы на расстоянии 47–55 см от её нижнего обреза прорезан ещё один канал, перпендикулярный основному (вероятно, использовался как рассолозаборный). Труба обжата двумя коваными железными хомутами. Вдоль всей средней части трубы установлены четыре деревянные накладки.

На всем протяжении расчищенной части поддувального коридора была обнаружена система желобов, все секции которой были вытесаны из цельных бревен. При стыковке между собой зауженный конец верхнего жёлоба вставлялся внахлест в конец следующего нижележащего. Уклон конструкции был направлен в сторону реки. Археологи пока лишь предполагают, что могло течь по этим желобам. Учитывая направление уклона, это могли быть жидкие отходы солеварения, сливавшиеся в реку. Однако они могли служить и для распределения по варницам рассола, ведь выше по ходу желобов находился рассольный колодец.[842]

По другую сторону холма, на котором располагается знаменитый храмовый комплекс, состоящий из Троицкого храма с колокольней и Никольской церкви, имеется еще одна достопримечательность села, имеющая историческую ценность в изучении солеваренного достояния ввиду своего «дефицита» на других соляных территориях – два сохранившихся соляных амбара на берегу озера.

---

[842] Материалы о результатах раскопок в Нёнокском Усолье. // Северодвинский краеведческий музей [сайт]. Режим доступа: http://musey29.ru/filial-nyonoksa/virtual-ny-j-muzej-soli/ob-ekty-solevarennogo-promy-sla/. Дата обращения (15.12.2019).

Один из них был отреставрирован, и сейчас в нём находится «Музей соли». Здесь посетители могут получить представление о главном промысле нёнокшан, узнать технологию традиционной выварки соли. В центре экспозиции расположен выполненный из дерева макет, где воспроизведены в мельчайших деталях солеварни и колодцы для добывания рассола. Экспозицию дополняют информационные стенды о конструкции самого амбара и устройстве солеварен и рассольных колодцев.

К сожалению, музей в амбаре – это холодное неотапливаемое помещение, что не позволяет перевезти в него для хранения найденные желоба и насосную трубу. Также это обстоятельство затрудняет хранение образцов соли из коллекции и проведение экскурсий и мероприятий в зимний период.

«Музей соли» как часть Северодвинского музея активно участвует в проектной деятельности, благодаря чему и удалось реставрировать соляной амбар и сделать первую тематическую выставку. Постоянную экспозицию с информационными стендами, макетом Усолья и стеллажами для коллекции соли делали уже с помощью муниципального финансирования.

Пермский край в современном мире как «соляная территория» известен несколькими территориями. Конечно же, это известная фраза «Пермяк – солёные уши», чему и посвящён известный в Перми арт-объект. Более ярко, чем данным арт-объектом, тема солеваренного промысла Пермского края в самой Перми больше нигде не представлена. Но зато Прикамье известно своими сользаводами в Соликамске и Усть-Боровске и строгановскими вотчинами Усолья.

Соликамск – «соляная столица России». Существенная роль в снабжении страны солью принадлежала Прикамским промыслам, берущим начало с Соли Камской. Неглубокое залегание концентрированных соляных рассолов на месте древнего Пермского моря, наличие нетронутых лесных массивов, обеспечивающих промыслы топливом, и разветвлённая сеть речных транспортных путей создали благоприятные условия для развития солеварения. Масштабы производства в Соликамске были впечатляющими. Одна Соль Камская давала соли в несколько раз больше, чем все остальные центры солеварения, вместе взятые.[843]

В настоящее время в соликамских музеях промыслу солеварения уделено должное внимание в формате обзорных экскурсий и

---

[843] Харитонова Е. Д. История солеваренных хозяйств Прикамья XVIII века. // Материалы научно-практической конференции «Соль и освоение края».– Соликамск, 1986.– С. 89.

экспозиции в Доме воеводы с предметным рядом, состоящим из остатка рассолоподъемной трубы-матицы XVII века с реки Боровой, современным берестяным сосудом с образцом 13-процентного рассола и берестяной солонки с образцом соли «пермянки». Экспозиция дополнена парой нарисованных изображений старых солеварен и чертежей устройства колодцев и буровых установок. К слову, данные изображения являются теми немногими из десятка общеизвестных изображений технологии добычи соли и в целом не выявляют особенностей соликамского солеваренного промысла.

Из природных достопримечательностей Соликамска, которые связаны с соляным прошлым, сохраняются Калинниковская скважина и Людмилинская скважина в русле реки Усолки.

Основной ценностью, сохранившейся до наших дней благодаря позднему существованию и неравнодушию инициативных людей, является архитектурно-ландшафтный комплекс Усть-Боровского сользавода, который с начала 1950-х годов оставался единственным действующим солеваренным предприятием Прикамья. Предприятие считалось убыточным, но проработало до 1971 года. В 1972 году администрацией было принято решение создать здесь музей. Это был первый завод-музей в России.[844] В настоящее время МАУК «Музей истории соли» является единственным в мире музеем деревянного промышленного зодчества XIX века под открытым небом, демонстрирующим технологическую цепочку солеварения в России XVII–XX вв. Этот музей активно участвует в проектной деятельности и привлекает большое количество посетителей со всего мира. Для работы с посетителями разработано множество программ мероприятий, самым ярким из которых является фестиваль кузнечного мастерства «Огни Гефеста», проводимый на территории сользавода и насчитывающий уже 13 сезонов.

Исследовав современное состояние бывших известных крупных соляных центров, можно сделать выводы, что самой доступной формой для представления обществу истории северного солеварения являются музейные экспозиции с макетным и предметным рядом. Более редко встречаются сохраненные ландшафтные достопримечательности и разработанные по ним обзорные экскурсии. А самым современным способом привлечения к теме

[844] Буяновский Илья. Соликамск. Часть 3: Усть-Боровский сользавод. // Живой журнал [блог-платформа]. Режим доступа: https://varandej.livejournal.com/296319.html. Дата обращения (15.12.2019).

солеварения является проектная деятельность, имеющая целью либо реконструкцию бывших промыслов, либо создание новоделов на основе исторических фактов.

Радует то, что данная тема пользуется спросом у туристов и посетителей музеев, значит, люди помнят и интересуются таким ценным промыслом Русского Севера, как солеварение. В этом русле для развития и популяризации современных исторических соляных центров важную роль должна сыграть возрождённая Ассоциация соляных городов.

Антропова Ирина Анатольевна,
ФГБУК «Государственный Русский музей»,
г. Санкт-Петербург

ЭКСПЕДИЦИИ РУССКОГО МУЗЕЯ В ВОЛОГОДСКУЮ ОБЛАСТЬ. (О ПОСТУПЛЕНИИ В ОТДЕЛ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА ЭКСПОНАТОВ ИЗ ВЫТЕГОРСКОГО МУЗЕЯ)

Экспедиционные поездки по выявлению и сохранению памятников древнерусского искусства, возобновленные Русским музеем в 1954 г.[845], почти на два десятилетия стали важнейшим направлением музейной деятельности. За это время были обследованы десятки населенных пунктов Северо-Запада России, спасены сотни памятников, осмотрены и описаны церкви и часовни, значительное количество которых не сохранилось до наших дней. Первые итоги этих исследований были подведены на конференции, состоявшейся в Русском музее летом 1966 г.[846] Вместе с тем, несмотря на важность проделанной работы, до сих пор остаются неизвестными многие материалы, связанные с экспедиционной деятельностью. Одной такой забытой страницей истории является поступление в Отдел древнерусского искусства произведений из Вытегорского музея.

---

[845] Русский музей начал свою экспедиционную деятельность еще в 1920-е гг., проводя ее как самостоятельно, так и вместе с областным музейным фондом: Пушкарев В.А. Экспедиционная деятельность Государственного Русского музея // Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвящено новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966. С. 56.

[846] Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвящено новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966.

Летом 1958 г. экспедиция Русского музея, в состав которой входили научные сотрудники народного и древнерусского отделов И. Н. Паньшина, Э. С. Смирнова и реставратор С. Ф. Коненков, обследовала Вытегорский, Ковжинский и Белозерский районы Вологодской области. Выбор маршрута во многом был определен предстоящей реконструкцией Волго-Балтийской водной системы, при которой находящиеся вдоль водной трассы населенные пункты должны были быть затоплены[847].

В Вытегорском районе были осмотрены Покровская церковь в с. Анхимово (1708 г.), Успенская церковь в с. Девятины (1770 г., использовалась под сеновал) и церковь в с. Палтога (1733 г., использовалась как клуб). В Ковжинском районе участники экспедиции сосредоточились на изучении народного искусства, поскольку по сведениям местного отдела культуры церковных строений с внутренним убранством в районе не сохранилось. Большая работа была проделана экспедицией в Белозерском районе, где были обследованы каменные Успенский и Спасо-Преображенский соборы, деревянная Ильинская церковь г. Белозерска, деревянная церковь Успения в д. Усть-Андога, Кирилло-Новоозерский монастырь, в котором до мая 1958 г. находилась колония для уголовных преступников.

Кроме церквей и часовен указанных районов, экспедиция посетила фонды Вологодского областного краеведческого музея, Череповецкого районного краеведческого музея, Кирилловского историко-художественного музея и Ферапонтова монастыря. В каждом музее были осмотрены памятники древнерусского искусства на предмет их состояния и условий хранения. При необходимости прямо на месте производилось профилактическое укрепление красочного слоя икон реставратором Русского музея С. Ф. Коненковым[848].

Особое внимание экспедиция уделила ныне не существующей Анхимовской Покровской церкви – значительному памятнику северного деревянного зодчества, созданному в 1708 г., архитектурной предшественнице знаменитого Спасо-Преображенского храма в Кижах. Обследование церкви и описание ее интерьера, сделанные сотрудниками Русского музея, стало последним по времени источником, позволяющим составить представление о ее

---

[847] ГРМ ОДРИ. Архив. Вологодская экспедиция. Отчет 1958 г. Л. 1–2.

[848] В особых случаях для выяснения сохранности или датировки делались небольшие пробные расчистки: Там же. Приложение I.

Церковь Покрова в с. Анхимово. 1708 г. Фото экспедиции 1958 г.

состоянии на тот момент. Экспедиционные записи и фотографии свидетельствуют о том, что большая часть внутреннего убранства храма сохранилась. В церкви находился четырехрядный тябловый иконостас[849], паникадило, церковная утварь, богослужебные книги, а также документы, связанные с жизнью Вытегорского погоста в XVIII–XIX вв. Кроме того, потолок был украшен 16-гранным «небом». Члены экспедиции отметили несомненную важность и большое историко-художественное значение Покровского храма.

Вместе с тем, общая ситуация, сложившаяся в то время вокруг Анхимовской церкви, была весьма непростой. В отчете приводятся сведения, сообщенные директором Вытегорского краеведческого музея А. Ф. Малыгиным, из которых следует, что «до недавнего времени весьма остро стоял вопрос о том, чтобы вообще ликвидировать старинное внутреннее убранство церкви, разобрав ее иконостас. Местные органы власти, выдвигая это предложение и

[849] По мнению Э. С. Смирновой, иконы местного и праздничного рядов относились к началу XVIII в., т. е. были одновременны строительству храма, а иконы деисусного и пророческого чина, возможно, были созданы или поновлены в конце XVIII в., во время ремонтных работ (1793 г.): там же. С. 3.

Церковь Покрова в с. Анхимово. Интерьер. Фото экспедиции 1958 г.

настаивая на его быстрейшем исполнении, объясняли это необходимостью прекратить просьбы верующих, поднимавших вопрос о возобновлении в церкви богослужения»[850]. Лишь публикация письма «Об изучении древнерусского искусства» профессора Н. Н. Воронина в газете «Правда» спасла от возможного уничтожения сохранившийся интерьер храма[851].

Участники экспедиции зафиксировали неудовлетворительное состояние Покровской церкви. В их отчете отмечено, что закрытый храм не охранялся должным образом, здание было захламлено: «Иконы, книги, рукописи находятся в беспорядке. Наряду с ценными произведениями искусства в церкви лежат посторонняя макулатура, ломаный хозяйственный инвентарь»[852]. Для улучшения ситуации было предложено выделить сторожа для охраны, уборки и обеспечения пожарной безопасности. Также, учитывая сохранившееся внутреннее убранство, было высказано пожелание привести церковь в экспозиционный вид.

---

[850] Там же. Л. 3–4.
[851] Данные публикуются по сведениям, указанным в Отчете: Л. 4.
[852] Там же. Л. 4.

Помимо церквей сотрудники Русского музея посетили Вытегорский районный краеведческий музей, который располагался в Сретенском соборе. К 1958 г. он обладал сравнительно небольшой (около 200), но очень ценной коллекцией икон, собранных из закрытых церквей Вытегорского и Ковжинского районов. К сожалению, условия хранения икон в музее были не надлежащими. Отведенные для фондов древнерусской живописи помещения были сырыми, что приводило к постоянному появлению плесени на иконах. В связи с непригодностью места хранения музею порекомендовали передать наиболее ценные иконы в историко-художественный Кирилловский музей, где были созданы более благоприятные условия для сбережения древних памятников. Итогами экспедиционного обследования Вытегорского района 1958 г. стали постановка на учет 39 икон, фотофиксация и описание состояния церквей и их интерьеров, а также была достигнута договоренность о передаче икон из Вытегорского районного краеведческого музея.

Следующая экспедиция Русского музея в Вытегорский район состоялась летом 1962 г. и была вызвана печальными событиями. 10 июня варварски была разграблена Покровская Анхимовская церковь, в результате чего внутреннее убранство храма сильно пострадало. Об этом свидетельствует акт, составленный сотрудниками ГРМ В. К. Лауриной и Н. В. Мальцевым, доцентом ВХПУ им. Мухиной В. Г. Козьменко, директором Вытегорского музея Н. В. Иокубаускасом. Благодаря ранее составленным описям выяснилось, что были похищены несколько книг, иконы и богослужебная утварь. Также в документе было указано семьдесят два предмета разной церковной утвари, которые были испорчены или частично уничтожены[853]. В акте от 11 июля зафиксировано общее состояние храма: «Вся церковь в настоящее время не имеет застекления, что уже привело не только к порче внутренней обшивки стен пола, но и к полному уничтожению росписи стен и сводов в

[853] В качестве примера приведем следующее описание: «№ 1. Евангелие – оторван и поломан переплет. Повреждены и оторваны металлические угольники, 4 из них отсутствуют. Повреждены и оторваны первые листы. Цена 80 рублей. ... № 8. Служебник 19 века. Уничтожен переплет и многие листы отсутствуют. Приведен в негодное состояние. Цена 40 рублей. ... № 16. Икона Отечества. Разбито стекло киота, уничтожены в двух местах большие части деревянной золоченой резьбы. Оторваны и поломаны венчики серебряного оклада. Сильно поврежден красочный слой в нескольких местах иконы (до доски). Цена ущерба 2000 рублей.»: Акт оценки материальных и историко-художественных ценностей испорченных, уничтоженных и похищенных в Анхимовской церкви от 06.07.1962 г.: ГРМ. Архив ОДРИ.

ряде мест… Иконопись, церковная утварь, ткани, книги требуют немедленной консервации, реставрации и иных условий хранения». В документе подчеркивалось, что требуется немедленное принятие мер по ремонту и застеклению окон[854]. По подсчетам комиссии общая сумма ущерба составила 11021 руб. К сожалению, местные органы власти не сделали должных выводов из произошедшего инцидента и не приложили достаточных усилий для охраны церкви. Выдающийся памятник древнерусского деревянного зодчества, уникальный еще и своей сохранностью внутреннего декора, сгорел в октябре 1963 г.[855]

При повторном посещении Вытегорского музея подтвердилось данное несколькими годами ранее заключение, что музей не располагает помещениями, соответствующими хранению древних произведений. Сотрудники Русского музея вместе с директором Вытегорского музея отобрали рукописные и старопечатные книги, памятники древнерусской живописи и деревянной резьбы для передачи их в ГРМ. 13 июля в Министерство Культуры РСФСР и Управление культуры Вологодской области было послано письмо с просьбой о передаче произведений, подписанное директором Вытегорского музея Н. В. Иокубаускасом и научным сотрудником ГРМ Н. В. Мальцевым.

Таким образом, в 1962 г. из Вытегорского музея в Русский музей поступило 76 предметов. Из них в Отдел древнерусского искусства на постоянное хранение было передано 46 произведений: 22 иконы, 23 книги, одна намогильная доска; в Отдел народного искусства – 25 произведений: 23 резных памятника, 1 икона,

---

[854] В ответ было получено письмо из Министерства культуры РСФСР (зам. начальника Главка А. Серегин) от 9 августа 1962 г.: «Главное управление культурно-просветительных учреждений Министерства культуры РСФСР в связи с Вашим письмом о неудовлетворительной сохранности бывшей деревянной Покровской церкви 1708 г. дало указание Управлению культуры Вологодского облисполкома (№ 07-74 от 9.8.1962 г.) безотлагательно осуществить необходимые ремонтные работы по памятнику, а также обеспечить надежную охрану указанного памятника». Однако в письме директора ГРМ В. А. Пушкарева в августе 1962 г. еще раз подчеркнуто, что «несмотря на неоднократные запроса директора Вытегорского музея и председателя Сельсовета деревни Анхимово, Отделы культуры и охраны памятников Вологодской области из-за отсутствия средств до сих пор не приняли мер по застеклению окон».

[855] Как становится понятным из проекта письма, подготовленного Министру культуры РСФСР в ноябре 1963 г. (уже после гибели церкви), суд над преступниками, расхитившими церковное имущество летом 1962 г., был достаточно условным. К уголовной ответственности были привлечены не все участники преступления, а привлеченные получили крайне маленькие сроки наказания и были выпущены досрочно.

1 книга[856]. Важно отметить, что большая часть поступивших икон имеет происхождение: шесть икон из Спасо-Преображенской Куржекской церкви (близ Андомского монастыря)[857], четыре – из Анхимовской церкви Покрова[858], две из Успенской церкви в с. Девятины[859], по одной из с. Замошье[860], д. Клинов[861], Кондуши[862] и Ковского погоста[863], одна икона была куплена у Л. А. Гладковой[864]. Происхождение пяти икон пока не установлено.

Поступление икон, связанных с искусством юго-восточной части Обонежья, существенно обогатило собрание Отдела древнерусского искусства Русского музея. Наиболее ранние памятники были частично или полностью раскрыты и введены в научный оборот[865]. Так, например, в литературе не раз упоминались иконы из Куржекской церкви: часть небольшого ростового деисусного чина (без центрального образа Спаса) XVI в.[866] и образ «Покров Богоматери» начала XVI в.[867] Неоднократно экспонировалась на выставках и икона «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре» второй половины XVI в. из д. Замошье[868]. Большой удачей является то, что из Анхимовской церкви сохранилось четыре иконы. Особый

---

[856] ВА ГРМ. Ф. 1 (ГРМ). Оп. 6а. Д. 332. Л. 1. отчет н.с. ОНИ ГРМ Мальцева Н. В. об экспедиции в Вологодскую область. Еще несколько книг было передано в Отдел гравюры и библиотеку.

[857] Деисусный чин: Иоанн Предтеча (ГРМ ДРЖ 2958), Богоматерь (ГРМ ДРЖ 2959), Архангел Гавриил (ГРМ ДРЖ 2960), Апостол Петр (ГРМ ДРЖ 2961), Архангел Михаил (ГРМ ДРЖ 2962); икона «Покров» (ГРМ ДРЖ 2965).

[858] «Покров» (ГРМ ДРЖ 2966), «Неопалимая Купина» (ГРМ ДРЖ Б 726), «Единородный Сын» (ГРМ ДРЖ Б 729), «Богоматерь Одигитрия» (ГРМ ДРЖ Б 747).

[859] «Архангел Михаил, из чина» (ГРМ ДРЖ 2963), «Успение» (ГРМ ДРЖ 2964).

[860] «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре» (ГРМ ДРЖ 2957).

[861] «Огненное восхождение пророка Илии» (ГРМ ДРЖ Б 727).

[862] «Св. Николай» (ГРМ ДРЖ 2956).

[863] «Рождество Христово» (ГРМ ДРЖ 2955).

[864] «Богоматерь» (ГРМ ДРЖ 2970).

[865] Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV–XVI вв. М., 1967. С. 79; Она же. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века . М., 1976. Илл. С. 227. Новгородская икона XII–XVII веков. Л., 1983. № 227. С. 331; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. 1994. Кат. 78. С. 136.

[866] Рыбаков А. А. Устюжна. Череповец. Вытегра. Л., 1981. С.171–176; Он же. Живопись вытегорского ареала художественной культуры Обонежья XVI-XVIII вв.// Рябининские чтения – 2003. Петрозаводск, 2003; https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/108.html

[867] Новгородская икона XII–XVII веков. Л., 1983. № 227, С. 331; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Кат. 78. С. 136.

[868] Выставки: Выставка новых поступлений. Древнерусское искусство. Каталог. Л., 1978. Кат. 31. С. 20; «Побеждая время...» Реставрация в Русском музее. Каталог выставки. ГРМ, 1998. С. 37.

интерес представляет образ «Покров Богоматери», относящийся к началу XVIII в.[869] Если допустить, что икона написана для вновь построенного храма, то мы можем предположить, насколько ярко и празднично выглядел иконостас северной церкви, а также оценить уровень мастерства местных иконописцев.

Икона «Чудо о Флоре и Лавре» из церкви д. Замошье

Из 23 книг, поступивших в Отдел древнерусского искусства, две являются рукописными: сборник первой половины XVIII в. из Маткозерского погоста[870] и «Служба преподобных святых отцов наших Зосимы и Савватия Соловецких» второй четверти XIX в.[871] Остальные – печатные богослужебные книги – относятся к XVII–XIX вв. Не все книги, поступившие из Вытегорского музея, имеют точное происхождение. Известно лишь, что Анхимовской Покровской церкви принадлежали шесть книг[872], еще две связаны с Воскресенской церковью в Кондушах[873]

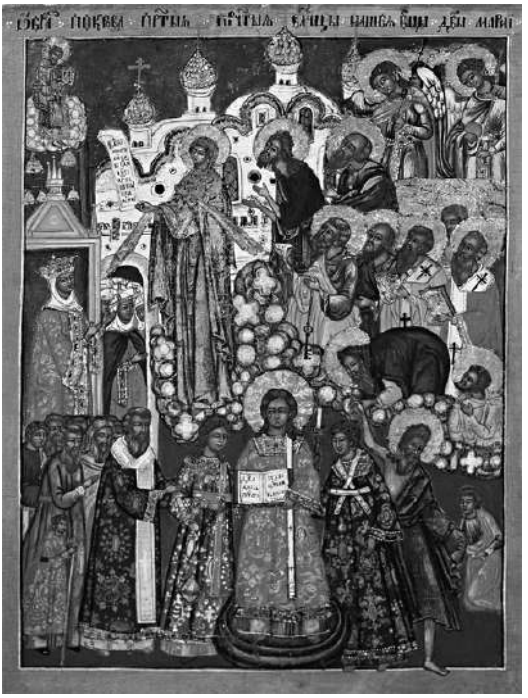
[869] Размер: 53,2×42,0×3,2. Дерево, одна доска, 2 врезные встречные шпонки, без ковчега, левкас, паволока одна доска; темпера. Раскрыта в рм ГРМ частично И. П. Ярославцевым в 1966 г. и полностью в 1972 г. И. В. Ярыгиной: Русская живопись XVII–XVIII вв. Каталог выставки. Л., 1977. С. 10–11, 130; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...»... Кат. 80. С. 137.

[870] ДРЖ ПМ 7260.

[871] ДРЖ ПМ 7259.

[872] ГРМ ДР/ГР 116, Апостол, 1697 г., ГРМ ПМ 7245, Минея на июнь, 1693 г., ГРМ ПМ 4246, Минея на июль, 1691 г., ГРМ ПМ 7248, Минея на август, 1691 г., ГРМ ПМ 7255, Типикон печатный, 1695 г., ГРМ ПМ 7256, Служебник печатный, конец XVII – начало XVIII в.

[873] ГРМ ПМ 7247, Минея на июль.

Икона «Покров Богоматери»
из ц. Покрова с. Анхимово

и Петропавловской кладбищенской церковью[874].

Экспедиционные привозы памятников иконописи значительно пополнили собрание Отдела древнерусского искусства Русского музея. Вместе с тем, по прошествии более полувека, стало очевидно, что и отчеты, составленные участниками поездок, приобрели отдельную ценность, поскольку многие церкви и часовни разрушились от времени или погибли, а художественные памятники были утрачены. Сохранившиеся материалы по обследованию Вытегорского района Вологодской области музейной экспедицией 1958–1962 гг. доказывают необходимость и важность проделанной работы.

[874] ГРМ ПМ 7253, Октоих печатный.

Фролова Александра Викторовна,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ВОЛОГОДСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ С РОСПИСЬЮ В СОБРАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН[875]

С 1992 года в структуре ведущего профильного научного учреждения – Института этнологии и антропологии РАН (далее – ИЭА РАН) действует этнографический кабинет как специализированный этнографический музей, в сферу деятельности которого входит собирательская, хранительская, научная, экспозиционная, методическая и просветительская работа, изучение проблем музееведения и истории материальной культуры народов мира.[876]

Из более чем 200 коллекций, включающих около 3 800 номеров единиц хранения по культуре населения России и зарубежных стран, Русский этнографический фонд составляет в музее весьма значительную часть. В этом фонде достаточно представительна коллекция деревянных предметов с росписью из Вологодской области. Коллекция наполнялась из нескольких источников. Часть предметов была собрана в ходе музейно-этнографической экспедиции этнографического кабинета ИЭА РАН в октябре 2002 года в Вологодскую область Сямженский р-н, дд. Голузино, Пирогово, Климушино, Сидорово, руководителем отряда являлась Турьинская Х. М., с. н. с., к. и. н., возглавляющая в настоящее время этнографический кабинет.[877]

Несколько предметов были подарены кабинету в 2003 году Ворониной Т. А. известным этнографом, вед. н. с, д. и. н. ИЭА РАН, многие годы проводившей этнографические экспедиции на территории Вологодской области, особенно в любимом ею Тотемском р-не.[878]

Становление и развитие самобытных форм художественной деятельности на европейской части Русского Севера тесно связано

---

[875] Исследование выполнено в рамках НИР 0177-2020-0001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие. Россия XX–XXI вв. Сохранение и развитие традиций».

[876] См. подробнее: Турьинская Х. М. Двадцатилетие этнографического музея Института этнологии и антропологии РАН: формирование русского фонда // Вопросы музеелогии. 2(8)/ 2013. С. 94–101.

[877] Этнографический кабинет-музей ИЭА РАН: 2002 г., кол. № 85.

[878] Этнографический кабинет-музей ИЭА РАН: 2003 г., кол. № 112.

с историей этого края. Северное крестьянство, зависимое от государства, не знало унижений крепостничества, что во многом способствовало развитию крестьянской культуры. Другим, не меньшим по значению фактором, был достаточно высокий уровень грамотности северян, чего требовала экономическая жизнь с ее организацией землевладения, землепользования, торговли и ремесленной, промышленной деятельности населения. Этот регион миновали события разрушительных войн, в том числе Отечественной 1812 года и Первой мировой. К XVIII веку выделяются отдельные центры народного искусства с яркими локальными особенностями. Необходимо отметить, что для крестьян занятия тем или иным видом подсобной деятельности становится общим не только в рамках одной деревни, но иногда и для целого гнезда деревень. Крестьянские мастера продолжали в своем творчестве художественные традиции, унаследованные от мастеров предыдущих поколений.

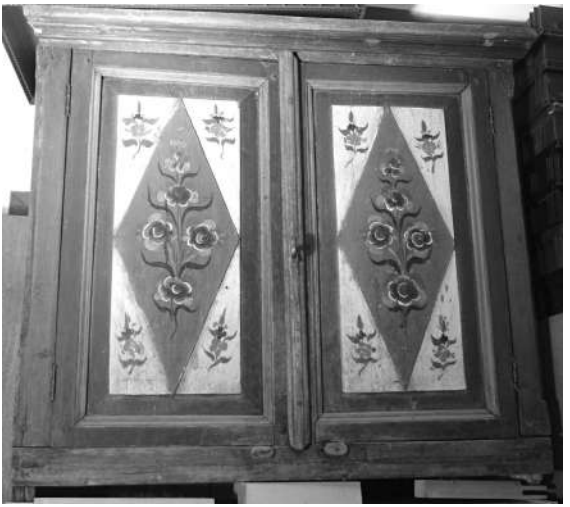
Украшение крестьянского дома росписью и резьбой – традиция древняя, а в таком лесном северном краю всегда активно развивающаяся. Из пород дерева мастера использовали березу, сосну, ель, и др., обрабатывали как собственно древесину, так и луб, кору молодой березы – бересту.

Живопись в доме, как и на фасаде доме, считалась признаком богатства. Применение росписей в интерьере русского северного дома было взаимосвязано с размещением жилого пространства. В XIX веке роспись могла покрывать почти весь интерьер северной избы. Конечно, в первую очередь украшали деревянную обшивку печи с *голбцем* (крытая отгородка рядом с печкой, с дверью на лестницу в нижнюю клеть), *подпечек* со створками (в котором прятали ухваты), *заборки*, шкафы-*поставцы*, *залавошники* для посуды, *судницы* в несколько створок, которые шли от печки вдоль боковой стены, *воронец* (балка для полатей), полку для икон в красном углу и другие детали. Помимо украшения своего жилища, крестьяне расписывали и орудия труда, средства передвижения и предметы быта. Обязательно присутствовали в избе расписные прялки, выставлявшиеся на лавках, сундуки, знаменитая расписная посуда, которую берегли и использовали в праздничных застольях. Перед зимними праздниками на специальное место вешали расписные хомуты. Иногда расписывали входные двери, столы, люльки.

Композиция и место росписей в избе могли варьироваться в зависимости от района, местных особенностей и предпочтений хозяина дома или самих художников. Роспись крестьянской мебели всегда была очень декоративна и гармонична по колориту.

В собрании кабинета-музея представлены редкие по своей сохранности подобные предметы: шкаф 1884 г. с авторским рисунком, люлька *(зыбка).*

Шкаф (№ 85-10) деревянный с росписью, сколочен металлическими гвоздями. Две дверцы крепятся на металлических петлях, на одной из дверей прикреплена металлическая ручка. Дверцы покрыты

Шкаф (№ 85-10) деревянный с росписью

Правая боковая сторона шкафа (№ 85-10) с изображением мужчины в сюртуке

росписью с цветочными мотивами, синего, красного, зеленого, желтого, белого, черного цветов. На правой боковой стенке изображен мужчина в сюртуке с курительной трубкой, под ним написаны цифры «1884», предположительно дата изготовления. Внутри шкафа одна горизонтальная полка. Высота – 80 см, ширина – 88 см, глубина – 29 см, масса 35 кг.

Люлька (№ 112-103), *зыбка*. Является одним из интереснейших по своей художественной ценности

Люлька (№ 112-103), зыбка. Конец XIX в. Деревянная росписная. Приобретена в с. Усть-Печенга Тотемского р-на в конце 1980-х-начале 1990 гг.

предметов в Русском этнографическом фонде. Конец XIX в. Деревянная расписная. К люльке железными кольцами крепятся две дуги для подвешивания ее к потолку. По бокам люльки орнамент – цветочные гирлянды. Приобретена в с. Усть-Печенга Тотемского р-на в конце 1980-х – начале 1990 гг.

Прялка была постоянной принадлежностью быта русской женщины, с юности и до глубокой старости. В ее художественное оформление вкладывалось много душевного тепла. Очень часто прялку делал молодой мастер для своей невесты. Иногда прялка делалась для молодой жены, иногда прославленный и многоопытный мастер украшал прялку в приданое на счастье своей дочери. Прялки хранили всю жизнь и передавали как память о матери следующему поколению. В собрании находятся разнообразные расписные и резные прялки *кореннушки* и *пресницы.*

Наиболее колоритна в коллекции прялка пресница с «окошками» из

Прялка пресница с «окошками» из Сямженского р-на (№ 85-54). Высота – 87 см, ширина лопасти – 20 см, длина донца – 52 см. Ширина донца в самой широкой части – 12,5 см

Сямженского р-на (№ 85-54). Изготовлена из березы. Прялка цельная – *коренушка*, как говорили на Русском Севере. Лопасть и копыл окрашены красно-коричневой краской, по бокам лопасти нанесены резные выемки для привязывания кудели. Верх лопасти декорирован вырезанными зубчиками. Сама лопасть украшена прорезанными насквозь тремя маленькими оконцами сверху и одним большим окном в центре, на котором по бокам и на лицевой части нанесен цветочный орнамент. На всех окошках синей и желтой краской нарисованы наличники. На лопасти со стороны пряхи внизу, под большим окном, вырезаны буквы «А. В. О.». Копыл в сечении прямоугольный, в верхней части с боков расположен орнамент в виде трех зарубок. Донце массивное, неокрашенное. Высота – 87 см, ширина лопасти – 20 см, длина донца – 52 см. Ширина донца в самой широкой части – 12,5 см.

Символика Сямженского варианта прялочных форм может стать темой для отдельного исследования, и собранные материалы позволяют предположить, что мотив окна в сквозной резьбе как элемент декора характерен для прялок Сямженского района.[879]

Другая прялка цельная – *пресница* (№ 112-33). Начало XX в. Лопасть со стояком и частью донца покрашены красной краской. Внешняя сторона лопасти и верхняя часть стояка украшены резьбой. Орнамент геометрический: ромбы, розетки, сегменты, раскрашены синей, красной, зеленой и золотистой красками. К верху лопасти прикреплена веревка для привязывания кудели, по бокам нанесены две зарубки и вбито два гвоздя. Приобретена в с. Усть-Печенга Тотемского р-на в конце 1980-х – начале 1990 гг. Высота – 85 см, длина лопасти – 24 см, ширина лопасти – 17 см, длина донца – 53 см.

В коллекции представлены и более простые прялки (№ 112-32). Прялка так же цельная – *пресница*, однако лопасть со стояком и частью донца полностью покрашены зеленой краской. По бокам лопасти зарубки для привязывания кудели. Приобретена в с. Усть-Печенга Тотемского р-на в конце 1980-х – нач. 1990 гг. Высота 84 см, длина лопасти – 30 см, ширина лопасти – 17,5 см, длина донца – 52,5 см.

Народное творчество – историческая основа, на которой развивается художественная культура этноса. Значение традиций в

---

[879] Турьинская Х. М. Двадцатилетие этнографического музея Института этнологии и антропологии РАН: формирование русского фонда // Вопросы музеелогии. 2(8)/ 2013. С. 96.

народном искусстве, их роль в становлении художественных и технологических приемов в передаче мастерства от поколения к поколению трудно переоценить.

В сферу деятельности кабинета-музея входит не только собирательская, хранительская, научная, экспозиционная, но и просветительская, и методическая работа, а также изучение проблем музееведения и истории материальной культуры как русского народа, так и других народов России.

Автор выражает благодарность Турьинской Х. М. за оказанную помощь в работе с коллекцией предметов.

Пригодина Ольга Борисовна,
ГБУК АО «Каргопольский музей», г. Каргополь, Архангельская обл.

КНИГИ ИЗ МОНАСТЫРСКИХ И ПРИХОДСКИХ БИБЛИОТЕК В СОБРАНИИ КАРГОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ[880]

Книжное собрание музея состоит из рукописей, книг гражданской и кириллической печати. В собрании музея сохранились более 50 рукописных и печатных книг XVI–XIX века, на которых сохранились записи о принадлежности монастырям и приходам Каргополья. Большая часть книг происходят из монастырей и церквей города Каргополя. Книг из сельских приходских церквей Каргопольского уезда в собрании музея имеется небольшое количество: одна рукопись из Георгиевской церкви деревни Река, пять печатных книг из Тихмангского прихода, единичные экземпляры книг из Ольховского и Полуборского приходов Каргопольского уезда.

В конце XIX – начале XX века в городе Каргополе было два монастыря и восемь приходов. Спасский мужской монастырь (Вассианова Строкина пустынь) был основан в начале XVI века иноком Вассианом. По численному составу монахов монастырь был сравнительно небольшим на протяжении всего времени своего существования. Монастырская библиотека как единое целое до наших дней не сохранилась. История формирования библиотеки

[880] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-49-290007р_а («Книжно-рукописная традиция Каргополья. Реконструкция монастырских и приходских библиотек»).

тесно связана с историей самого монастыря[881]. В собрании Каргопольского музея сохранилось шесть рукописей и двадцать три печатных книги из библиотеки Спасо-Преображенского монастыря. Одна из ранних рукописных книг монастыря датируется второй половиной XVI века – это сборник богослужебный с записью: «…тщание и радение многогрешнаго и непотребнаго раба Иякова Симонова, сына Трапезникова, отдал сию богодуховновенную книгу, глаголемую Каноник, во обитель Всемилостивуму Спасу по родителех своих, ради поминовения, помянут за упокой Симона и Ксении, а подписал…» (КГИАХМ КП 12866).

Еще одна из интересных рукописей – Евангелие, о котором писал В. О. Срезневский в 1904 году: «В монастырской ризнице хранится четвероевангелие начала XVII века, с черными изображениями Евангелистов перед каждым Евангелием, с черными заставками и начальными буквами и киноварными указаниями чтений; на верхней доске переплета находится писанное по левкасу изображение распятия с предстоящими, луною, солнцем и Иерусалимскими зданиями и четырех евангелистов»[882]. Написано Евангелие попом Василием Иоанновичем Поповым для церкви святой Троицы в Каргополе, затем хранилось в Спасо-Преображенском монастыре г. Каргополя. Оно представляет большой интерес как работа местного писца. (КГИАХМ, КП 12861)

Судя по записям на книгах, поступали они в монастырь разными путями: книги вкладывали, покупали, жертвовали. Книга Жезл Правления (М; 1752 г.) была пожертвована в монастырь санкт – петербургской мещанкой, вдовой Вассою Савишной Уральцевой в 1842 году. Другая книга – Евангелие, напечатанное в 1896 года в медном окладе, имеет запись: «Жертвовано от семейства Алексея Александры и чад их млад. Марии, Димитрия, Николая Ладыгина ноября 23 дня 1899 года». Книга «История Российской иерархии» была положена вкладом в 1849 году каргопольским мещанином. На форзаце **з**апись «…сия книга вкладом дана …стариком Ефимом

---

[881] О библиотеках монастыря публикации: Пригодина О. Б. Монастырские и приходские библиотеки города Каргополя / Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Вып. 7: сб. ст. / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова. 2018 г. С. 35–36; Черкасова М. С. К изучению церковно-монастырских книжных собраний на Севере России XVI–XVII в. // Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. Москва. Каргополь. 2016 г.

[882] Срезневский В. И. Отчет Отделению русского языка и словесности императорской Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 года). СПб., 1904 г. С. 15.

и сыном его Иваном Копчиковым в вечное поминовение их в Спасо-Каргопольский монастырь».

Наиболее ценная из книг кириллической печати – Евангелие, изданное в Москве в 1677 году и данное вкладом в Спасо-Преображенский монастырь Семеном Киприяновым. Киприяновы были богатыми купцами, одалживавшими значительные суммы Соловецкому монастырю, отважными мореходами, не боявшимися свирепых северных морей, городскими управителями, распределявшими налоги среди горожан, любознательными книгочеями, собиравшими книжные сокровища, благотворителями, жертвовавшими в храмы и монастыри земли, деньги, книги, иконы[883]. Полистная запись в этой книге сообщает: «Лета 7187 [1679] году / месяца майя въ день / в дом Боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа / и Рожества Пресвятыя Владычицы / нашея Богородицы и Приснодевы / Марии положил сие святое / Евангелие ради своего / душевнаго спасения / и родителей своих помяновения / каргополец посадской человекъ Семен / Еуплов Киприяновых / вкладом за семь рублевъ» (КП 12751, л. 25–52). Представитель этого рода Второй (Евпл) Кузьмин сын в 1648–1649 годах присутствовал как выборный делегат на Земском соборе в Москве, на котором приняли Соборное уложение 1649 года[884]. В 1653 году он принял постриг в Соловецком монастыре под именем Ефрема, участвовал в борьбе партий накануне восстания монастыря против церковной реформы, был выслан в Ошевенский монастырь, умер в Спасо-Преображенском монастыре в 1674 году. Его дети, Андрей, Семён и Евфимий Второвы, делали значительные вклады в монастырь, поминая родителя[885].

Как видно из записей, практика книжных вкладов сохранялась на протяжении всего времени существования монастыря.

В собрании музея имеется книга из библиотеки Александро-Свирского монастыря: Служебник 1646 года, напечатанный во Львове в типографии М. Слезки. (КГИАХМ КП 2293). На л. 1 запись:

---

[883] Старицын А.Н., Пигин А.В. Каргопольское путешествие: семь маршрутов на северорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем.– М.: Программа «Первая публикация Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина». 2014 г. С. 182–183.

[884] Старицын А.Н. Два просопографических сюжета // Старообрядчество Русского Севера. Москва – Каргополь. 1998. С. 78–79.

[885] Старицын А.Н., Пигин А.В. Каргопольское путешествие: семь маршрутов на северорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М.: Программа «Первая публикация Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина». 2014 г. С. 182–183.

«А: Свирского монастыря». Возможно, что книга могла оказаться в Спасо-Преображенском монастыре г. Каргополя, откуда и поступила в фонды музея.

В южной части города Каргополя находился Успенский женский монастырь, основанный в конце XVI века. В фондах музея хранится три рукописи из Успенского женского монастыря. Одна рукопись содержит Службу Александру Ошевенскому в поздней редакции (КП 12841). Вторая рукопись: агиографический сборник второй половины XVII в., который содержит Житие преподобного Александра Ошевенского (КГИАХМ КП 12871). Первоначально эта рукопись принадлежала семье Поповых. На л. 485 об. рукопись имеет владельческую запись: «Сия книга каргополца посадского человека Андрея Евгениева сына Попова да сына его Ивана Андреева».[886] В середине XVIII века книга принадлежала посадскому человеку Якиму Холмову. В середине XIX века книга находилась в Успенском женском монастыре, где была сделана следующая запись: «Сия книга Успенского девичьяго монастыря казенная. Подписана того монастыря пономарем Яковомъ Васильевым Уствольским в 1861-м году». (КГИАХМ КП 12871). Первый владелец – каргопольский купец Иван Андреев сын Попов был влиятельным как в светских, так и в церковных кругах Каргополя. Длительное время был поповским старостой каргопольской церкви Воздвижения Честного Креста[887]. В собрании музея сохранилось несколько книги кириллической печати из библиотеки Ивана Андреева Попова. Первая книга – Триодь цветная (М, 1699 г.) была положена в церковь Воздвижения соловецким старцем Евфимием. На нижней крышке переплета имеется запись, в которой содержатся сведения о благодеяниях Ивана Попова: «…в церкви поновлены образы / местные образы Воздвижения Честного Креста / и Пресвятой Богородицы Одигитрия межъвратные /…с праздники и тщанием и труды / церковного старосты Ивана Андреева сына Попова…». В Воздвиженскую церковь Иван Попов передал книгу из своей библиотеки: Минею служебную: месяц июнь. (М., 1690 г.), о чем свидетельствует полистная запись: «Сия книга / города Каргополя посадского человека / Андрея Евсегниева сына…Попова / подписал сын его / Ивашка Андреев/ / сия книга / города Каргополя

---

[886] Пигин А.В. О владельческой записи XVII века в рукописи из собрания М.Н. Тихомирова № 382 (Житие Александра Ошевенского). // Вестник Новосибирского государственного университета / Серия: История, филология. 2012 г. Т. 11. Вып. 12: филология. С. 50.

[887] Там же. С. 203.

/ церкви / Воздвижения креста / Господня». (КИАХМ КП 12888). Отец Ивана Попова – Андрей Евсегниев в последние годы своей жизни болел, умер 21 октября 1700 года, приняв перед смертью схиму с именем Антоний и был погребен в Каргополе у церкви Воскресения Христова[888]. Андрей Евсегниев Попов был прихожанином Воскресенского прихода. В собрании музея сохранилось Евангелие (М., 1698 г.) с записью: «…положил / сие / святое Евангелие/ в Каргополе на посаде / в дом Живоностаго Воскресения / Христа Бога нашего Нерукотворенного его образа / тоя же церкви прихожанин / каргополец посадской человекъ / Андрей Евгениев Попов … подписал сын его Ивашка Андреев» (КГИАХМ КП 12812, л. 1–15). Иван Андреев Попов был человеком книжным, и, судя по всему, имел богатую библиотеку. В настоящее время известно семь книг с автографами И. А. Попова или с записями, где он упоминается.

Александро-Ошевенский монастырь был основан преподобным Александром в 1453 году, в 60 верстах от Каргополя. Как и многие монастырские библиотеки, библиотека Александро-Ошевенского монастыря не сохранилась до наших дней. В собрании музея имеется одна рукописная, две печатные книги и 4 брошюры из монастыря. Книга гражданской печати: «Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств, сочиненное Готтфридом Ахенваллом», изданная в Санкт-Петербурге в 1779 году. (КГИАХМ; КП 12141), имеет запись Иринахра игумена Александро-Ошевенского монастыря. Затем книга была подарена иеродиаконом Нифонтом ученику Новгородской семинарии Федору Успенскому.

Рукописная книга Стихирарь была переписана послушником Александро-Ошевенского монастыря Николаем Осиповичем Зуевым в 1909 году. (КГИАХМ КП 13462). В 1977 году в музей поступили три брошюры каргопольского краеведа К. А. Докучаева – Баскова и Олонецкий патерик, которые были найдены на территории Александро-Ошевенского монастыря.

В Христорождественский приход города Каргополя входило два храма: собор Рождества Христова, Введенская церковь и приписная к ним Крестовоздвиженская церквь. В собрании музея хранится четырнадцать книг кириллической и гражданской печати из собора Рождества Христова, которые датируются XVIII–XIX вв.

---

[888] Пигин А. В. О владельческой записи XVII века в рукописи из собрания М. Н. Тихомирова № 382 (Житие Александра Ошевенского) // Вестник Новосибирского государственного университета / Серия: История, филология. 2012 г. Т. 11. Вып. 12: филология. С. 203.

Одна из самых ценных Синодик типа Леонтия Бунина – цельногравированное издание второй половины XVIII века. (КГИАХМ КП 12827). Синодик интересен как памятник книжного искусства. Это одно из последних изданий синодиков типа Леонтия Бунина, гравера конца XVII–XVIII века. Включает гравюры, отпечатанные со старых досок, неоднократно правленых, со следами от развитых трещин досок, в том числе Леонтия Бунина. На 36 гравюрах изображены сцены расставания души с телом, загробного воздаяния и поминовения усопших: и лежащее в гробу тело, и плачущие возле него родственники, и ангел, принимающий душу из уст умирающего[889]. На всех книгах, происходящих из собора, имеется оттиск штампа: «Библиотека Христорождественского собора».

В фондах музея хранится восемь книг из церкви Иоанна Предтечи: четыре рукописи и четыре печатных книги. Две рукописи написаны священником этого же прихода Иоанном Матвеевым Ивановским[890]. Первая рукописная книга – Пасхалия: «Издатель сей ручной пасхалии преосвященный Симонъ, архиепископъ Рязанский. Издана и напечатана в 1799-мъ году. У грековъ оная называется ручною Соломоновою. В Малороссии называется она рукою Дамаскиновою. Московский священникъ Василий Петров въ 1787 году издалъ руку Богословлю. Въ настоящей Пасхалии, для упрощения оной, сдЪланы измЪнения и прибавления противъ прочихъ Пасхалий Каргопольской градской Предтеченской церкви священникъ Иоаннъ Ивановский 1860 года». (КГИАХМ КП 12858).

Вторая рукописная книга, написанная священником И. Ивановским, состоит из нескольких частей. В первой части содержатся «Исторические сведения о Каргопольском градском Предтеченском приходе», во второй – «Дополнительные статистические сведения по Каргопольскому Предтеченскому приходу», далее – «Заметки на книгу «Очерк города Каргополя», «Сборник слов каргопольских» и исторический очерк «Город Каргополь». Рукопись содержит сведения по географии, истории и этнографии и содержит описание приходов города Каргополя. Эта рукопись дает

---

[889] Старицын А. Н., Пигин А. В. Синодики и надгробные плиты // Каргопольское путешествие: семь маршрутов на северорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем.– М.: Программа «Первая публикация Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина». 2014 г. С. 182–183.

[890] Пригодина О. Б. Монастырские и приходские библиотеки города Каргополя / Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Вып. 7: сб. ст. / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова.– Архангельск, 2018 г. С. 35– 36.

ценную информацию по истории каргопольского края. (КГИАХМ КП 10258).

Две книги Трефолой (М, 1637 г.) и Служебник (М, 1676 г.) были положены: первая – в Спасо-Преображенский монастырь, вторая – в церковь Федора Стратилата Новгородским Митрополитом Корнилием. Корнилий принимал участие в формировании облика церкви Рождества Богородицы в Каргополе[891] и, как показывают записи на книгах, жертвовал книги в каргопольские храмы.

На некоторых книгах сохранились записи, которые раскрывают историю бытования книг в советский период. Пять книг имеют записи о том, что в 1945–1947 годах они находились в Никольской церкви Тихмангского прихода. Интересно, что записи выполнены ссыльным священником Иоаникием Ремизовым[892]. Одна из них – Требник (М., 1789 г.) ранее была в библиотеке собора Рождества Христова г. Каргополя. Скорее всего, верующие сохранили эту книгу в годы гонений и репрессий, а когда в 1945 году разрешили открыть ряд приходов в Каргопольском районе, передали ее в храм.

Изучение книжного собрания музея говорит о широком бытовании книги как рукописной, так и печатной с XVII века в каргопольских монастырях и приходах. На рукописных книгах мы встречаем имена писцов, а владельческие записи дают ценную информацию о каргопольцах и исторических личностях.

Список сокращений:

КГИАХМ – Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей.

АО МО КР – архивный отдел муниципального образования «Каргопольский район».

---

[891] Пятницкая Т.Н. Благовещенская церковь Троицкого Зеленского монастыря и церковь Рождества Богородицы Каргополя // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольский научной конференции.– Каргополь, 2012. С 128–129.

[892] АО МО КР Ф. 178. Оп. 1 д. 44 Л. 138.

Анциферова Анна Ивановна,
главный хранитель музейных фондов
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»,
г. Архангельск

ЭКСТЕРЬЕРНЫЕ И ИНТЕРЬЕРНЫЕ РОСПИСИ КЕНОЗЕРЬЯ

Целью данного исследования является систематизация сведений о сохранившихся или уже утраченных домовых росписях в кенозерских деревнях (под Кенозерьем понимается территория национального парка «Кенозерский», созданного в 1991 г. на юго-западе Архангельской области), определение художественных особенностей и принципов, образов и мотивов, распространенных на этой территории, выявление причин и времени появления в Кенозерье домовых росписей, обобщение информации об авторах.

О времени, причинах появления, основных сюжетах и авторах домовых росписей еще в 1927 г. писал в своей статье «Крестьянская изба Кенозера» архитектор М. А. Ильин. «Внесение декоративного момента приурочивается к самому последнему времени (30–40 лет тому назад), причем декоративная орнаментика зависит прямо от прежних городских художественных форм, своеобразно преломившихся в сознании крестьянского понимания. Все убранство в виде живописи и разделок филенками дверец, шкафчиков и дверей (последних очень редко) всецело относится к стилю «empire», в своеобразной трактовке. <...>. Лишь лет 30 тому назад стали “подшивать подшивку”, но и то не на всех домах. В большинстве случаев зашит тесом низ правил (бревна, выступающие над фронтоном.– *А. А.*), но не имеет никакой росписи, лишь за последнее время стала появляться роспись: цветы, небо со звездами, птицы, львы и т. д.»[1]. А архитектор М. И. Мильчик появление домовых росписей на Русском Севере в конце XIX – начале XX в. объясняет следующим образом: «Никаких сведений о росписях крестьянских домов до середины XIX века у нас нет. Да и вряд ли такое вообще было возможно: ведь почти все избы тогда топились по-черному и внутри них царил полумрак. Не случайно все исследователи появление домовой росписи в крестьянской среде связывают с распространением белых изб, появлением остекленных окон, т. е. примерно с серединой позапрошлого столетия. Все это

[1] Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозера // РАНИОН. Труды секции археологии. Вып. 4.– М., 1928. С. 247, 252.

Дом с расписным фронтоном и наличниками в деревне Першлахта. 1950-е гг. Фото А. В. Ополовникова из фондов Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева

и подготовило появление монументальных росписей как средства повышения репрезентативности дома»[2].

Среди зафиксированных в Кенозерье домовых росписей встречается ряд датированных, что позволяет точнее определить период их распространения на этой территории. Так, на филенках шкафа из д. Майлахта в состав росписи встроена дата: «1895 года». Среди фотографий архитектора А. В. Ополовникова 1950-х гг., хранящихся в Государственном музее архитектуры имени А. В. Щусева, имеется фотография дома из д. Першлахта, на фронтоне которого помещена надпись с фамилией хозяина *«Колотихин»* и датой постройки дома – «1904 год». Подшивка свесов кровли декорирована растительным орнаментом, а на самом фронтоне читаются изображения львов[3]. Самая поздняя из из-

[2] Мильчик М. И. Расписные дома Русского Севера: Поважье // Тальцы. 2004. № 3. С. 76.

[3] Дудина Т. А. Обзор материалов по Кенозерью в собрании Музея архитектуры имени А. В. Щусева // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник.– Архангельск, 2009. С. 175.

вестных на сегодняшний день датировка росписи находится так же в д. Першлахта. На фронтоне двухэтажного дома роспись в виде цветов в вазоне и дата: «1928 ГОДА».

Расширить хронологические рамки росписей в Кенозерье можно и на примере датированных прялок, находящихся на постоянном хранении в музейном фонде национального парка «Кенозерский» или выявленных у местных жителей. Именно на рубеже XIX и XX столетий традиционными стали надписи, которые обычно наносились на лопастке прялки резцом, но чаще – кистью. Содержание надписей в большинстве случаев ограничивалось либо датой, либо датой и инициалами владелицы, либо частичным или полным именем владелицы и датой. Для ремесленного живописца, работавшего по заказу, изделие всегда носило адресный характер, поэтому часто в состав росписи входило имя будущей владелицы[4]. На лопасти наиболее ранней из датированных расписных прялок кенозерского типа, включенных в музейный фонд Кенозерского национального парка, имеется владельческая и датирующая подпись: «СІЯ ПРЯЛКА ДОМНЫ М. ШИШКИНОЙ 1889 Г.». Роспись наиболее ранней кенозерской прялки, принадлежащей частным собственникам, выполнена в 1885 г. Таким образом, можно утверждать, что домовые росписи получили широкое распространение в Кенозерье в 1880–1920-х гг.

Прялка И. В. Старицыной. 1885 год. Фото Т. Р. Вальковой

[4] Анциферова А. И. Традиции бытовой росписи и резьбы (на материале музейных коллекций Кенозерского национального парка) // Кенозерские чтения – 2016: «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская. Архангельск, 2017. С. 136.

Одна из важнейших задач данного исследования – выявление авторов домовых росписей, существовавших или бытующих в настоящее время на территории национального парка «Кенозерский».

В 1927 г. М. А. Ильин писал, что роспись традиционного кенозерского жилья «относится целиком к произведениям зашедших сюда лет 30–40 тому назад костромских мастеров»[5]. По сведениям, зафиксированным этнографической экспедицией Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова в начале 1980-х гг., во многих кенозерских деревнях на рубеже XIX и XX вв. трудились «пришлые маляры из Карелии», «мастера-красильщики приезжали на Благовещенскую ярмарку на Кенозеро из Карелии, вместе с рыбными обозами»[6].

Целая группа авторских датирующих подписей зафиксирована в составе домовых росписей нескольких кенозерских деревень. Все эти росписи датируются 1912–1916 гг. Они принадлежат Федору Яковлевичу Никифорову и, возможно, его сыну Константину Федоровичу Никифорову. Первая из надписей зафиксирована на часовне во имя святых мучеников Флора и Лавра д. Семеново «К. ФЕДОР НИКИФОРОВ, 1912 ГОД, 21-ГО МАЯ»[7]. На прялке КП 326 имеется надпись: «К. М. (красил мастер.– *А. А.*) ФЕДОРЪ НИКИФОРОВЪ 1913 г.»[8]. На фасаде дома Нифантовых в д. Майлахта, подшивка свесов кровли которого расписана звездами по голубому фону, подпись гласила: «1916 Г. [...] ІЮНЯ К.М. ѲЕОДОРЪ ЯКО НИКИФОРОВЪ»[9]. «Шкафы, расписанные цветами, сохраняются ныне также в доме... А. Е. Панфиловой (д. Семеново), которая назвала даже автора росписи своего шкафа: Константин Федорович Никифоров»[10]. На верхней части

---

[5] Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозера // РАНИОН. Труды секции археологии. Вып. 4. М., 1928. С. 252.

[6] Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Т. 2. Архангельск, 1982 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 400. С. 52.

[7] Там же. С. 53.

[8] Анциферова А. И. Традиции бытовой росписи и резьбы (на материале музейных коллекций Кенозерского национального парка) // Кенозерские чтения – 2016: «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская. Архангельск, 2017. С. 137.

[9] Мильчик М. И., Шевелева Е. В. Расписные дома русского Севера: Поонежье // Тальцы. 2005. № 1 (24). С. 18.

[10] Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Т. 2. Архангельск, 1982 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 400. С. 53.

не сохранившегося шкафа – заборки из д. Горбачиха, делившего пространство избы на две части, имелась аналогичная подпись с датой: «3 ИЮНЯ 1916 ГОДА». Федора и Константина Никифоровых, скорее всего, можно считать «пришлыми», сезонными мастерами.

Однако исследователям удавалось зафиксировать, что «были и местные мастера, расписывавшие прялки и мебель. Местные жители вспоминали, что шкафы расписывали Григорий Дометиевич Мелехов (1880–1952)[11] из д. Поварницыной, он расписывал также ставни, подзоры домов, – ездил по разным деревням. Шкафы расписывал Григорий Андреевич (фамилию установить не удалось.– *А. А.*) из деревни Федосовой, в деревне Спицыно Прокопий Дмитриевич Запольный делал прялки, шкафы и расписывал их»[12]. Жители д. Першлахта вспоминали «братьев Старицыных как "красильщиков", т. е. мастеров росписи»[13].

Тимохина Анастасия Владимировна,
художник-реставратор реставрационной мастерской
Центрального Музея им. Андрея Рублева
г. Москва

РЕСТАВРАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ИКОНЫ «ПРОРОК ДАВИД» (СЕЛО ПРЕЧИСТОЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ) ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Икона «Пророк Давид»[14], согласно имеющимся в музее сведениям, происходит из церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Пречистое Любимского района Ярославской области, построенной в 1814 году. Комплекс икон был привезен сотрудником музея В. Н. Сергеевым в 1970 году в результате экспедиции музея в Ярославскую область.

Из иконостаса этого храма также происходят несколько икон пророческого ряда, а также частично сохранившиеся деисусный

---

[11] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 39, т. 2. Д. 582. Л. 53 об.– 54.

[12] Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Т. 2. Архангельск, 1982 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 400. С. 54.

[13] Там же. С. 52.

[14] КП ЦМиАР 1324, Инв. №1221-I, ГК 9161786.

и праздничный ряд иконостаса.[15] В акте приема указано: «из бывшей церкви с. Пречистое неиспользованные иконы в остро аварийном состоянии в количестве двадцати пяти. Иконы представляют собой памятники конца XVIII – начала XIX века, покрыты грязью, плесенью, лишены связующего в грунте и красочном слое, сплошь шелушатся, на многих иконах вздутия, доски отсырели и гниют».

Икона «Пророк Давид» и еще три иконы из этого комплекса поступили на кафедру реставрации ПСТГУ в 2018 году в качестве дипломных работ.

При поступлении на реставрацию икона «Пророк Давид» находилась в аварийном состоянии. Основа с незначительным короблением, изготовлена из древесины хвойных пород. На обороте имеются две встречные несквозные шпонки, прочно удерживающиеся в пазах. Поверхность оборота грубо обработана топором.

Левкас прочный, белого цвета, лежит равномерным слоем. Связь его с основой была ослаблена. По периметру иконы имелись многочисленные мелкие и среднего размера утраты. Некоторые из них были закрашены красной краской, соответствующей цвету опуши. На изображении одежд внизу было крупное вздутие с изломом по гребню.

Техника исполнения – яичная темпера с золочением на фоне и нимбе.

Еще до поступления на реставрацию в музее было выполнено рентгенографирование памятника, в результате которого выявлены фрагментарная тканевая паволока с прямым переплетением

---

[15] Икона «Богоматерь» XVIII века (ЦМиАР КП-1336, Инв. № 1236-I, ГК 9161873), икона «Иоанн Предтеча» XVIII века (КП-1337, Инв. № 1232-I, ГК 9161807), икона «Архангел Михаил» XVIII века (КП-1334, Инв. № 1059-I, ГК 9161864), икона «Архангел Гавриил» XVIII века (КП-1330, Инв. № 1227-I, ГК 9161817), икона «Апостол Лука» XVIII века (КП-1335, Инв. № 1230-I, ГК 9161775), икона «Апостол Филипп» XVIII века (КП-1329, Инв. № 1226-I, ГК 9161857), икона «Апостол Иаков» XVIII века (КП-1339, Инв. № 1061-I, ГК 9161860), икона «Апостол Петр» XVIII века (КП-1332, Инв. № 1229-I, ГК 9161869), икона «Апостол Иоанн Богослов» XVIII века (КП-1333, Инв. № 1058-I, ГК 9161853), икона «Апостол Марк» XVIII века (КП-1340, Инв. № 1062-I, ГК 9161782), икона «Апостол Андрей Первозванный» XVIII века (КП-1326, Инв. № 1223-I, ГК 9161788), икона «Апостол Варфоломей» XVIII века (КП-1331, Инв. № 1228-I, ГК 9161785), икона «Апостол Павел» XVIII века (КП-1338, Инв. № 1060-I, ГК 9161822), икона «Пророк Моисей» XVIII века (КП-1321, Инв. № 1057-I, ГК 9161840), икона «Пророк Самуил» XVIII века (КП-1323, Инв. № 1220-I, ГК 9161837), икона «Пророк Елисей» XVIII века (КП-1328, Инв. № 1225-I, ГК 9161811), икона «Жены мироносицы у гроба» XVIII века (ЦМиАР КП-1341, Инв. № 956-I, ГК 9161824), икона «Вход в Иерусалим» XVIII века (КП-1342, Инв. № 220-I, ГК 9161847), икона «Рождество Богоматери с житийными клеймами» XVIII века (КП-1343, Инв. № 1466-I, ГК 9161809) и икона «Св. Никола с 12-ю житийными клеймами» (КП-1344, Инв. № 1633-I, ГК 9479714).

нитей, авторская графья по основным деталям изображения и рисунку складок одежд, а также нижележащий слой живописи, имеющий хорошую сохранность.

Во время работы на разных этапах раскрытия проводились исследования иконы в инфракрасном излучении для выявления рисунка под потемневшим покрытием.

Исследование иконы в инфракрасном излучении до реставрации позволило выявить плохо различимые под потемневшим покрытием детали изображения: контур фигуры пророка Давида, рисунок личного, рисунок одежд, ковчега и надпись на свитке.

Общий вид иконы до реставрации

Далее было выполнено пробное раскрытие авторской живописи для выявления ее сохранности и количества слоев записи, по результатам проб определена стратиграфия слоев: 1) поновительское покрытие, 2) слой записи и прописей на различных участках, 3) плотное авторское покрытие, 4) авторский красочный слой. По решению Реставрационного совета были последовательно удалены поновительское потемневшее покрытие, слой записи и потемневшее авторское покрытие.

После того как было снято поновительское покрытие, стало возможным точное выявление участков записи и прописей. На

Фрагмент с изображением лика в процессе реставрации, после удаления записи

фоне и одеждах лежал плотный поновительский слой записи. На поземе пропись лежала только на участке двойной опуши, выполненной красным и черным колером. На свитке – частичная плотная белильная пропись с обходом авторских букв. На короне имелась темная пропись по контуру, на изображении драгоценных камней и жемчужин. На орнаменте одежд прописи лежали поверх изображения драгоценных камней. На книге – прописи в виде рисунка из тонких линий, выполненных светлым колером. На лике запись или прописи отсутствовали.

По всей поверхности иконы присутствовала копоть, сильно въевшаяся в запись, прописи и авторское покрытие.

В результате удаления записи выявился равномерный плотный и сильно потемневший слой покрытия. Под ним возле поновительских надписей были выявлены трудноразличимые буквы авторской надписи. Вдоль верхнего и нижнего краев под авторским покрытием видны поля со светлой разграничительной линией, нижнее поле значительно у́же верхнего. Вдоль боковых сторон поля не просматривались, вероятно, они были опилены.

На данном этапе раскрытия было выполнено повторное исследование в инфракрасном излучении, что позволило выявить под сильно потемневшим покрытием авторский рисунок. Авторские надписи в инфракрасном излучении не просматривались, возможно, из-за того, что они выполнены красным колером, близким по цвету к авторскому покрытию. Поэтому было принято решение

выполнить микропробы раскрытия авторской живописи в местах, где буквы просматривались под потемневшим покрытием, для выявления наличия и степени сохранности авторских надписей. Были раскрыты участки живописи с фрагментами букв авторских надписей. Оказалось, что буквы выполнены темно-красным колером и имеют хорошую сохранность.

Фрагмент с изображением лика после реставрации

Авторское покрытие утончалось в несколько этапов, так как важно было определить степень толщины сохраняемой пленки. В результате была раскрыта авторская живопись хорошей сохранности. В процессе утончения покрытия было выявлено изменение надписи в авторском слое живописи. Авторские буквы надписи имеют немного меньший размер. Первая часть надписи отличается от поновительской: «СВ ПРОРОКЪ» меняется на «ЦРЬ», где слово «царь» представлено в кратком варианте написания с титлом, также сокращено и имя святого. На завершающем этапе реставрации были восполнены утраты левкаса, выполнены тонировки и нанесено защитное покрытие.

Проходившая реставрацию икона написана на высоком художественном уровне. Иконописец использовал в ней разные техники – листовое золото, твореное серебро, цветные лаки.

Образ пророка Давида здесь традиционен. Святой представлен старцем с короткими кудрявыми волосами и небольшой бородой, в царских одеждах. Фигура изображена в рост, почти фронтально в небольшом повороте влево. В левой руке святого традиционный атрибут – ковчег завета в виде здания с двускатной кровлей.

Общий вид иконы после реставрации

В правой руке Давид держит раскрытый свиток с надписью: «Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя», представляющую собой 11 стих из 44 псалма пророка Давида.

Фон иконы светлого сине-зеленого цвета, мазки краски лежат фактурно, особенно в верхней части. Позем двойной, выполнен крупно тёртым пигментом: полоса с небольшой градацией темно-зеленого цвета у границы с фоном и холмы, написанные зеленым колером с градацией темно-зеленого цвета.

У иконы сохранились только верхнее и нижнее поле, нижнее значительно у́же по ширине. Поля темно-зеленого колера с белой полосой разгранки вдоль внутреннего края.

Колорит иконы яркий, построен на сочетании красного, желтого и зеленого цветов различных оттенков. На голове Давида золотая корона с рисунком, имитирующим драгоценные камни. Он одет в царские одежды: зеленую мантию, скрепленную фибулой у правого плеча, длинную тунику красных оттенков с золотой каймой, рисунок которой имитирует драгоценные камни и жемчуг. Разделки одежд выполнены твореным золотом и серебром. На ногах пророка красные сапожки. Нимб

циркульный, выполнен листовым золотом и обведен красным контуром.

В Любимском районе Ярославской области расположено два села с названием Пречистое, однако у каждого из них имеется и второе название. Первое Пречистое – Станоуспенское, где находится Успенская церковь, построенная в 1801 году. Второе село – Богородское в Осеку – было переименовано в Пречистое только после 1917 года. Здесь находится церковь Рождества Пресвятой Богородицы, из которой происходят музейные иконы.

В книге «Краткие сведения о монастырях и церквах Ярославской епархии» в разделе, посвященном Любимскому уезду, указано: «Церковь Рождества Пресвятой Богородицы каменная, приходская, летняя и зимняя вместе, прочная. Престолов три: в настоящей холодной – в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в теплой (два придела) – на южной стороне – во имя Св. Великомуч. Димитрия Мироточиваго и на северной стороне – во имя Св. муч. Флора и Лавра. Церковь построена в 1814 году на средства прихожан»[16].

В XVII веке по административно-территориальному делению село входило в Костромской уезд в Осетцкий стан. По церковно-административному делению приход относился к Костромской десятине. К 1628 году относится упоминание церкви «Рождества Пречистые Богородицы в Осеку»[17], в 1814 году церковь, вероятно, перестраивалась. Храм был закрыт в 1959 году и занят под склады. Сейчас здание церкви пустует и находится в аварийном состоянии.

Иконы пророческого и деисусного ряда иконостаса имеют разные размеры по высоте, но совпадают по ширине (деисусный 97×39 см, пророческий 80×39 см), при этом иконы «Апостол Матфей» и «Апостол Андрей Первозванный» имеют тот же формат, что и иконы пророческого ряда. Все иконы были опилены. Скорее всего, они находились еще в первоначальном храме Рождества Богородицы или были привезены из другого места и опилены при подгонке в новый иконостас. Иконы «Апостол Матфей» и «Апостол Андрей Первозванный» при этом вошли в пророческий ряд, чем объясняется их одинаковый размер с иконами пророков.

---

[16] Краткие сведения о монастырях и церквах Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 288, 313.

[17] Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 4. Костромская десятина жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1908.

Любимский район Ярославской области находится на границе Костромских и Вологодских земель, где имелись собственные традиции иконного письма. Обе они оказывали влияние на иконописание пограничных территорий и непосредственно повлияли на стиль живописи комплекса икон из села Пречистого. С другой стороны, большое влияние на иконописцев этого региона оказала мастерская московской Оружейной палаты. В стиле костромской иконописи, включая провинцию, прослеживается следование столичным тенденциям и, одновременно, сохраняется связь со спецификой местной художественной традиции[18].

По итогам реставрационных работ музейное собрание обогатилось новым памятником костромской художественной традиции начала XVIII века.

[18] Костромская икона XIII–XIX веков. Свод русской иконописи / Авт.-сост. Н. И. Комашко, С. С. Каткова. М., 2004. С. 28.

Раздел восьмой

КНИГА В КНИГЕ

Копытков Василий Викентьевич,
культурно-исторический центр «Светочъ», г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич,
независимый исследователь, д. Устье, Тотемский район

«ОСТРОЖНОЕ ДЕЛО НА ТОТЬМЕ» В XVI–XVII ВЕКАХ

Первое письменное упоминание о поселении тотьмян (тотьмичей) содержится в «данной» грамоте 1499 года тиуна великого князя Ивана III Федоса Микулина. По мнению историка П. А. Колесникова там было зафиксировано название *«посад Соли Тотемской»*[893]. Ссылки на текст упомянутого выше источника имеются в более позднем деле 1650 года[894], на который и опирался историк, но текст документа был уже опубликован раньше, в 1883 году (из рукописей Е. В. Барсова)[895], а затем снова в 1964-м[896]. *«Посад Соли Тотемской»* в этом акте не упоминается, а есть лишь косвенная отсылка к нему: *«тиун тотомской»* вкупе с местным топонимом *«от усть Песьи Деньги»*[897]. Посад Соли Тотемской (позднее – Усолье Тотемское) располагался на реке Ковде при впадении в неё Солонухи и Ляпунихи (Ляпуньки).

В. Т. Попов, автор первой краеведческой книги о Тотьме, видел в рукописной церковной летописи городской Иоанно-Предтеченской церкви следующее сообщение: *«Около 1500 года была уже у варниц, при речке Ляпунихе, церковь св. Ильи»*[898]. Однако никакого указания на акты начала XVI века краевед в своём труде не привёл. Летопись Иоанно-Предтеченской церкви тоже не сохранилась, поэтому найти источник этого сообщения

---

[893] Колесников П. А. Город Тотьма в XVII веке: К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города // Тотьма: Краеведческий альманах.– Вып. 3.– Вологда, 2001. С. 205.

[894] Там же. С. 271. Автор даёт ссылку на неопубликованное дело 1650 года из фонда «Приказные дела старых лет» РГАДА.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. Д. 30.

[895] Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете.– 1883.– Кн. 1.– Смесь.– С. 3.

[896] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI веков / сост. И. А. Голубцов.– Том III.– М., 1964.– С. 296.

[897] Там же. С. 296.

[898] Попов В. Т. Город Тотьма Вологодской губернии.– Вологда, 1886. С. 10.

пока невозможно. Ляпуниха – левый приток Ковды, в связи с чем можно сделать вывод о расположении деревянной Ильинской церкви тоже на посаде Соли Тотемской. Этот же храм упоминается в «данной» грамоте 1514 года, как построенный известным солеваром тех лет Артемием Саблей. Сам документ до наших дней опять же не дошёл, но на него есть прямая ссылка в другой «данной» грамоте 1644 года, опубликованной в «Вологодских епархиальных ведомостях» за 1902 год: *«В прошлом, де, 7022 году... дал в дом к церкви Ильи Пророка, что строили Ортемей Сабля с детьми на Тотьме у варниц на речке Ляпунихе...»*[899].

Важнейшие своды по истории Русского Севера – «Устюжская» и «Вологодско-Пермская летописи» – только единожды, под 1526 годом, упоминают Тотьму: *«Того же лета по Руским городом хлеб был дорог: ...а на Тотме купили четверть по рублю»*[900]. Скорее всего и здесь ойконим Тотьма относился к посаду солеваров у варниц. До середины XVI века это

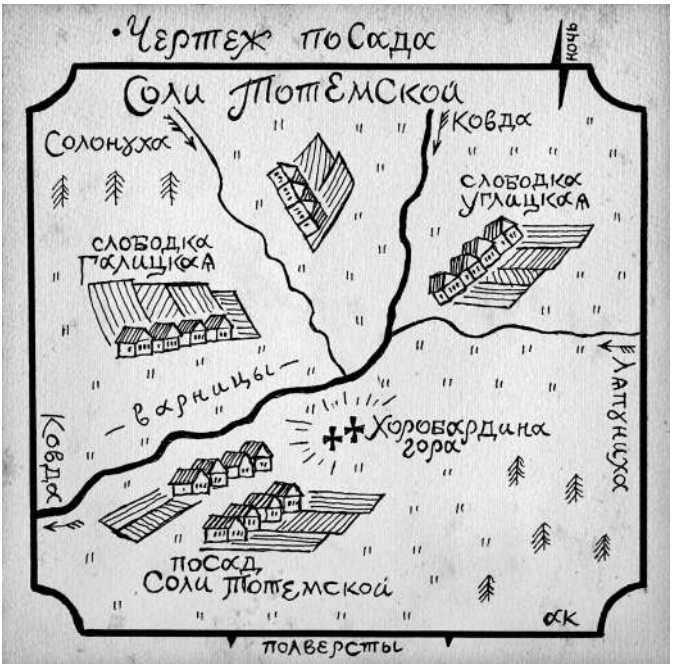

Чертёж посада Соли Тотемской.
Реконструкция А. В. Кузнецова, 2020 г.

[899] К истории Тотемской городской церкви во имя св. Иоанна Предтечи // ВЕВ.– 1902.– № 13. С. 390.

[900] ПСРЛ.– Т. 26.– М.; Л., 1959. С. 313.

был относительно небольшой населённый пункт вокруг первоначального Никольского (с XVII века – Воскресенского) погоста на Хоробардине горе, что возвышается на левобережье Ковды. Когда здесь появился посад Соли Тотемской – неизвестно. Однако раз был посад, логично предположить, что рядом с ним имелось и какое-то укрепление-убежище, но никаких свидетельств в документальных источниках о его существовании не обнаружено. Крупномасштабных археологических раскопок на месте бывшей Соли Тотемской не проводилось, лишь данные топонимики косвенно подтверждают предположение об имевшемся здесь в старину остроге. Дело в том, что рядом с посадом стояли слободки – Углицкая (Запинкина) и Галицкая (Кромина). Последняя располагалась на противоположном от Хоробардиной горы правом берегу Ковды, а между ними, в долине реки, находились самые старые соляные источники, трубы и варницы. Название Кромина могло произойти от прозвища человека *Крома – «богатый, зажиточный»*[901], но есть и исторический термин *кром* в значении *«кремль, городовое укрепление»*[902]. Что, если на месте современной деревни Галицкой (или рядом с ней) в старину как раз и располагался небольшой острог? Подтвердить или опровергнуть это можно только после археологической разведки на местности…

На Ковду, к соляным источникам, люди стали переселяться с более раннего места жительства тотьмичей от устья реки Старая Тотьма, где археологи при раскопках городища нашли артефакты, датируемые XIII веком. Река Старая Тотьма впадает в Сухону справа в 16 км ниже современного города. Старототемское городище (или точнее – селище) занимает часть узкого (всего 20–30 м шириной) мыса между Сухоной и рекой Тотьмой. Первым на этот памятник обратил внимание краевед Е. И. Праведников в 1921 году. Археолог Н. А. Черницын неоднократно исследовал его (включая раскопки) в период с 1921 по 1940 годы. Позднее обследовалось в 1956 году А. В. Никитиным, в 1977–1978 годах – Н. В. Гуслистовым, в 1982 году – Н. А. Макаровым.

Селище представляет собой ровную площадку (речную террасу) с небольшим возвышением на северо-восточной оконечности. Никаких видимых следов земляных валов или рвов на памятнике в настоящее время нет. Однако, по мнению Н. А. Черницына (что отражено на его картосхемах Старототемского селища, выставленных в экспозиции Тотемского краеведческого музея) в первой половине XX века ещё прослеживались остатки рвов или перекопов в двух местах между береговыми обрывами. Возможно, во времена существования этого селения его жители для защиты от возможных нападений использовали два *«тына»* или *«плетня»* в северо-восточной и юго-западной части мыса, но от них за прошедшие века уже ничего не осталось. Также Н. А. Черницын считал, что на северо-

---

[901] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.– Т. 2.– М., 2000. С. 197–198.

[902] Там же. С. 197.

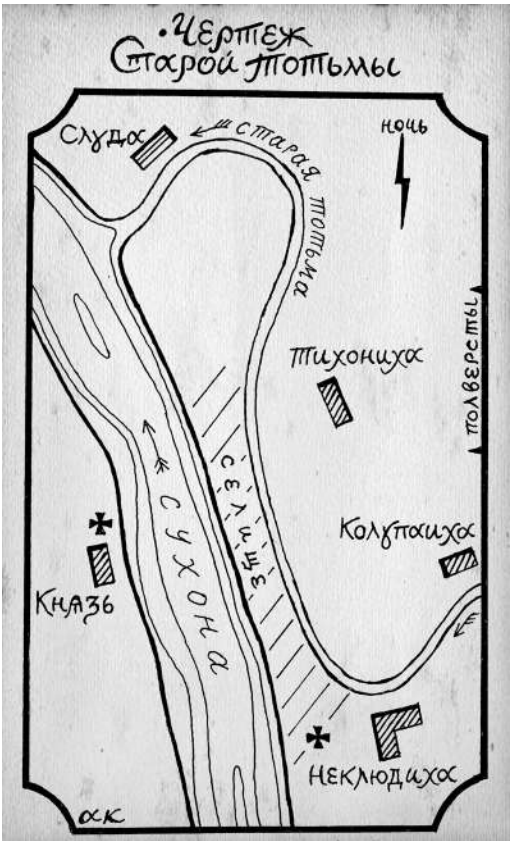

Чертёж Старой Тотьмы.
Реконструкция А. В. Кузнецова, 2020 г.

восточном возвышении стояла древняя деревянная церковь. Со стороны рек Сухоны и Тотьмы селище было защищено обрывистыми берегами высотой до 15 м. Сегодня они заросли лесом, преимущественно сосновым, но в древности, по всей видимости, представляли собой крутые склоны, лишённые растительности и постоянно подмываемые речными водами.

Какой-то период селение на устье Старой Тотьмы и посад Соли Тотемской на Ковде существовали одновременно. Это подтверждается более поздними изображениями на западноевропейских картах Гесселя Герритса (1613), Йоханнеса Янсониуса (1646–1657), Гийома Делиля (1706), а также на карте русского учёного Семёна Ремизова (1701), где показаны и Усолье, и Тотьма на разных берегах Сухоны. Все эти картографы при создании своих карт использовали более ранние русские чертежи XVI века, позднее утраченные.

Видимо, вся эта территория от устья реки Тотьмы до посада солеваров на Ковде носила название Тотемская волость, а в XV–XVI столетиях она относилась к Устюжской земле. Во второй половине XVI столетия поселение при устье реки Тотьмы прекратило своё существование, но рядом с ним продолжали развиваться четыре деревни: Слуда (Ванеевское), Неклюдиха (Федосеевская), Тихониха (Обирково) и Колупаиха (Козловская), а также Благовещенский погост. Эта местность (волость) и сама река с XVI века стали именоваться Старой Тотьмой.

Следующее, после «Вологодско-Пермской летописи» 1526 года, косвенное упоминание Тотьмы в источниках относится к 1539 году. В одном

Карта Семёна Ремизова, 1701 г.

из первых изданий «Истории России» известного русского историка Н. М. Карамзина есть следующие строки: *«Казанцы два года злодействовали в областях Нижнего, Балахны..., Тотьмы, Устюга, Вологды»*[903]. Краевед Н. М. Черницын в своё время в газетной статье по этому поводу писал: *«Казанские татары вторгались в пределы Устюжской земли в XV–XVI веках неоднократно. Тотьмичи, чтобы обезопасить себя, в 1536 году соорудили на месте теперешнего кинотеатра «Октябрь» мощную крепость. По местным историческим документам, татары в Тотьме появились в конце лета и начале осени 1539 года и ушли осенью 1542 года, т.е. они «хозяйничали» в Тотьме и волости целых три года. О татарских зверствах у нас свидетельствует рукопись 1662 года (судя по языку, возможно список с подлинной, более древней)»*[904]. На какую рукопись опирался Н. А. Черницын, обосновывая дату строительства нового острога (1536) около впадения реки Песья Деньга в Сухону – неизвестно, поэтому все эти утверждения краеведа нуждаются ещё в документальных подтверждениях.

---

[903] Цитируем по: Попов В. Т. Указ. соч. С. 9.

[904] Черницын Н. А. Набег казанских татар на Тотьму и Тотемскую волость. // Ленинское знамя (Тотьма).– 27.07.1960.

За три года господства татар в Тотьме пришла в полный упадок добыча соли, так как солевары скрывались по окрестным лесам и пустошам в выстроенных наскоро землянках и избушках. Полностью был разорён Борисоглебский монастырь, созданный незадолго до этого игуменом Серапионом (Сидоровым) на Новом Усолье, на берегу реки Ковды (близ современной деревни Пятовская (Сидоровская)), который так и не был восстановлен[905].

Археолог-краевед Н. А. Черницын в результате раскопок в Окологородье обнаружил две необычные для Тотьмы братские могилы времён «казанского ига»: одну на высоком коренном берегу долины Песьи Деньги близ Фетихи, а другую – у деревни Ворлыгино на правобережье речки Ковды. На Фетихе захоронение обнаружили случайно, при земляных работах в конце 1950-х годов, когда верхний слой почвы снимался бульдозером, а место ворлыгинского могильника археологу указали крестьяне (в полевой сезон 1939 года он был тщательно раскопан). Всего в братских могилах было захоронено около 100 тотьмян и окологородных крестьян (около 70 на Фетихе и 24 у Ворлыгино). Краевед высказал предположение, что это были жертвы татар, убивавших местных жителей только за то, что те отказались принять ислам. В отчёте археолог сообщал, что на Фетихе обнаружил фрагменты скелетов, которые принадлежали женщинам, старикам и детям (последних было 14, в возрасте от 5 до 15 лет). Все они были нагромождены в беспорядке в блюдообразной могиле или угольной яме, без всякой ориентации по сторонам света. *«В западной части могилы найдены лежавшие в куче восемь черепов взрослых, лишь с частью шейных позвонков. Стоит предположить, что головы этих людей были отрублены в результате преднамеренной казни»,*– писал краевед. При этом никаких артефактов в братских могилах не обнаружилось. *«Лишь небольшое овальное пятно окислов меди под головкой одной правой бедренной кости свидетельствует, по-видимому, о медном наконечнике стрелы»*[906].

Правда, могилы, найденные Н. А. Черницыным, могли быть и *«скудельницами»* – общими захоронениями в годы годуновского Царь-голода или в результате какого-то мора, но достоверных сведений на эти темы не сохранилось. П. Арсеньевский отмечал в своей «Летописи Тотьмы» под 1571 годом *«мор великий, что истреблял людей сотнями»*, а в 1671 году – *«голод на Тотьме, отчего умерло людей многое множество»*[907], поэтому данный вопрос до конца ещё не решён. В пользу версии Черницына говорят отрубленные головы у людей и найденный наконечник стрелы.

---

[905] Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности // Тотьма: Историко-литературный альманах. – Вып. 1.– Вологда, 1995. С. 202.

[906] Спирина Д. В. Научно-археологическое наследие Н. А. Черницына // Тотьма: Краеведческий альманах.– Вып. 2.– Вологда, 1997. С. 5–16. В научном архиве ТМО (№ 344) хранится рукопись Н. А. Черницына «Коллективное погребение под г. Тотьмой (зверские расправы казанских татар, опустошивших Тотьму в 1539 году)». – *Прим. авт.*

Тот же П. Арсеньевский осторожно пишет, что *«около 1543 года жители из старого посада от варниц стали переселяться на берег реки Сухоны; это было началом острожного места на Соборной горе. В это же время при основании города на новом месте построен был первый тотемский храм Богоявления Господня»*[908]. Опять же, никаких ссылок на акты тех лет автор не даёт. Скорее всего, он опирался на недатированное сообщение из более поздней «данной» грамоты 1644 года: *«в прошлых же годах посацкие жилецкие люди из того Усолья от варниц переведены на житьё на реку Сухону, где ныне стоит Тотьма посад»*[909]. Кроме того, П. Арсеньевский ошибался с наименованием первого храма в остроге; другой краевед, Д. А. Григоров на основе источников начала XVII века показал, что сначала внутри стен (в *городе*) была возведена церковь Рождества Богородицы (Дмитрий Александрович даже предположил: «*в память закладки города*» на день этого церковного праздника), а второй острожный храм Богоявления был построен только в 1623–1625 годах[910].

П. А. Колесников на основе комплекса рассмотренных источников считал, что тотьмичи создали новый посад в устье Песьи Деньги к 1554 году[911], но точную дату строительства острога историк в своих работах не называл.

По всей видимости, после открытия Ричардом Ченслером пути в Западную Европу через Белое море на реке Сухоне от Вологды до Устюга появилось несколько небольших деревянных острогов для контроля за новым торговым путём и для защиты местного населения от возможных нападений старых врагов с поволжского юга (казанских татар, черемисов, ногайцев). На карте Московии английского дипломата и путешественника Энтони (Антония) Дженкинсона, изданной в нескольких редакциях (самая ранняя 1562 года), вдоль течения Сухоны показана целая россыпь населённых пунктов, среди названий которых узнаются Шуйское (Suchko), Тотьма

Карта Антония Дженкинсона, 1652 г.

---

[907] Арсеньевский П. Хронологическая летопись событий существования города Тотьмы в XVI, XVII, XVIII столетиях // Преображение в веках.– Вологда, 2007. С. 172, 175.

[908] Там же. С. 171.

[909] К истории Тотемской городской церкви… С. 390.

[910] Григоров Д. А. Указ. соч. С. 141–142.

[911] Колесников П. А. Указ. соч. С. 206.

(Totma), Брусенец (Brousensko), Бобровское (Bobrouesco), Стрельна (Strelna). Рядом с ними показаны раскрашенные красным цветом условные знаки крепостей, а на карте Гийома Делиля даже недвусмысленно подписано Brousenskoi gorodok. Эти же городки на Сухоне присутствуют и в описании «Большого Чертежа» Русского государства: *«...от Вологды 90 верст город Шуйский; от Шуйского 130 верст город Тотьма на берегу на левой стороне, под ним пала речка Песья Деньга; от Тотьмы 60 верст город Брусенеск; от Брусенска до Городишна 50 верст; от Городишного 50 верст до Бобровска; от Бобровского 50 верст до Стрельного; от Стрельного 50 верст до Устюга Великого»*[912]. Здесь стоит обратить внимание на кратность расстояний между построенными вдоль Сухоны городками, что свидетельствует о спланированном строительстве.

О Тотьме Дженкинсон в своей книге сообщает кратко: *«Выехав из Устюга по реке Сухоне, мы прибыли в город, называемый Тотьмой. Здесь река очень мелка и дно каменисто; это место очень опасно для прохода здешних судов и лодок...»*[913]. Никакого острога автор не видел.

Косвенным свидетельством существования острога служит упоминание *«пречистенского попа Третьяка»* в приписке к завещанию Феодосия Суморина 1568 года. Храм в честь Рождества Пречистой Богородицы, стоявший внутри острожных стен, возможно, был построен одновременно с укреплениями[914].

Никаких описаний тотемского острога в источниках XVI века не сохранилось. При Иване Грозном были присланы из Москвы писец Юрий Иванович Симанов *«со товарищи»* для переписи двух тотемских посадов, недавно заведённого Феодосиевого монастыря, да погостов по всем волостям, но эта, самая первая, «Писцовая книга 1556 года» безвозвратно утрачена[915]. В 1564/1565 году тотемские волости в составе Устюжской земли были описаны Иваном Петровичем Невежиным с подьячим Петром Афанасьевым в связи с переходом в опричнину. Валовое описание вновь образованного Тотемского уезда в 1587/1588 году провели Михаил Пушкин с тем же подьячим Петром Афанасьевым. К большому сожалению, и эти две писцовые книги, или какие-то выписи из них, не сохранились[916].

---

[912] Выписка из рукописной книги: Описание градов, монастырей и рек и озёр государства Московского всея Руси // ВГВ.– 1848.– № 35.– С. 393–394.

[913] Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / перев. Ю. В. Готье.– М., 1938.– С. 58–59.

[914] Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни / сост. П. И. Савваитов, Н. И. Суворов, И. Н. Суворов.– Вологда, 1911.– С. 7; Григоров Д. А. Указ соч.– С. 142.

[915] Колесников П. А. Указ. соч.– С. 207. Автор отмечал, что факт проведения этой переписи основан лишь на упоминании её в церковной летописи Тотемской Иоанно-Предтеченской церкви. Сама летопись не сохранилась, а известный русский историк С. Б. Веселовский перепись Тотьмы 1556 года не подтверждает.

[916] Писцовые книги Русского Севера / сост. Н. П. Воскобойникова.– М., 2001.– С. 320.

Для возведения новой крепости тотьмичи выбрали высокий холм с плоской вершиной при устье реки Песьи Деньги. В народе этот высокий холм при впадении речки Песьи Деньги в Сухону исстари именовали Красная горка и в первые тёплые весенние деньки водили тут хороводы, пели красивые протяжные песни – торопили солнышко, чтобы быстрей растаял снег и пришла наконец-то весна-красна. Укрепление на Красной горке стало называться *острогом,* а территория внутри него – *городом,* в то время как жилая застройка в ближайших окрестностях (по берегам Сухоны и Песьи Деньги) именовалась *посадом.* Иногда его называли Новый посад, в отличие от Старого посада около соляных промыслов на Ковде.

В дальнейшем (со второй половины XVII века) от деревянных построек тотемского острога ничего не осталось, но так как внутри него в XVIII столетии был выстроен каменный городской собор, то и место старого городища стало называться Соборная горка. Вологодский краевед И.К. Степановский в своём историко-археологическом сборнике «Вологодская старина» сообщал о Соборной горке следующее: *«Гора эта представляет собой искусственную насыпь. Предание гласит, что внутри горы в былое время существовали подземелья, в коих спрятывались во время нападения неприятеля ценные имущества. До сих пор с северного бока горы на дне рва остаются признаки бывшего входа, как надо думать, в значительное подземелье»*[917]. Конечно же, всё это не более чем досужие вымыслы, повторяемые в любом городе России, где имелось какое-либо укрепление, кремль или острог.

С южной стороны крутой склон бывшего городища обращён к реке Сухоне, с запада подмывается рекой Песьей Деньгой, а на востоке оно ограничено выкопанным рвом, хорошо сохранившимся до наших дней. Дореволюционный краевед Н. Голубков сообщал о нём такие сведения: *«до 100 сажень длины и до 7 глубины, и шириною от 2 сажень на дне до 8-ми при поверхности»*[918]. Любопытно также свидетельство этого автора о том, что луговой берег от склона городища до Сухоны в старину *«во время весеннего разлива»* полностью затоплялся, а *«вода поднималась почти до самой горы, и, обхватив её со всех сторон, наполняла находящийся при ней ров, который, в виду подобных случаев, на восточной стороне сверху до низу обложен диким камнем толщиною в аршин»*[919]. Сам Н. Голубков подобных разливов не видел, да и за полтора века (с середины XIX-го) более-менее регулярных научных наблюдений за уровнем воды в реке Сухоне ничего подобного не зафиксировано, поэтому сообщение о заходе половодья в ров можно расценить лишь как предание. С северной стороны Соборная горка омывается небольшим Климентовским ручьём, протекающим по

---

[917] Степановский И.К. Вологодская старина: Историко-археологический сборник.– Вологда, 1890.– С. 385.

[918] Голубков Н. Описание Богоявленского собора в г. Тотьме.– Вологда, 1884.– С. 3.

[919] Там же. С. 3.

довольно глубокой долине. Четыреста лет назад ручей вытекал из небольшого болотца, расположенного в нижней части нынешней центральной городской Торговой площади. На окраине этого болота (там, где сегодня липовый скверик в чугунной ограде) стояла деревянная церковь во имя святого Климента, папы Римского, от которой ручей и получил своё название. Прежде на ручье существовало несколько небольших плотин (запруд), и он представлял собой цепочку прудов.

Ниже мы рассмотрим ход *«острожного дела на Тотьме»* со Смутного времени и далее на основе материалов недавно опубликованных указных грамот, а также дозорных, писцовых и переписных книг XVII века вместе с комплексом выявленных авторами архивных документов из РГАДА, не вводившихся ранее в научный оборот.

Главную свою задачу – защиту от врагов – Тотемский острог выполнил трижды. Первый раз осенью 1612 года Тотьма приняла беженцев из Вологды, после нападения на неё отряда *«панов»* и *«казачьей вольницы»,* отделившихся от гетмана Ходкевича, который шёл к Москве на помощь полякам. В челобитной грамоте тех лет говорится, что *«нынешнего 121 года, сентября в 22 день, воры и литовские люди град Вологду выжгли, а нас бедных разорили до основания… И мы, достальные хрестьянишка ушли на Тотьму душою и телом, и на Тотьме нас воры и литовские люди и досталь разорили и пограбили. И с Тотьмы приволоклися к Вологде…»*[920]. Сообщение противоречивое: с одной стороны, Тотьма приняла вологодских беженцев, а с другой, и в городе на Сухоне литовцы их вновь *«разорили».* П. А. Колесников писал по этому поводу, что *«часть вологжан нашла спасение за стенами Тотемского острога»*[921], но в процитированной только что челобитной грамоте острог не упоминается вовсе. И в указной грамоте от 7 марта 1613 года о назначении вместо Ивана Яковлевича Горихвастова новым воеводой на Тотьме Аксентия Яковлевича Дашкова сказано: *«А велено ему у вас на Тотьме острог поставити…»*[922]. Это известие загадочно. Существовал ли тогда ещё старый острог XVI века, или же в 1612–1613 годах на Красной горке уже ничего не было, а тотьмичи построили новое укрепление именно в 1613 году – не ясно…

О второй защите сохранилось известие в церковной летописи Богоявленского собора: *«В 1613 году при нападении на Тотьму поляко-литовцев жители города твёрдо решились защищаться до последней крайности»*[923]. В указной грамоте от 16 июля того же года сообщалось, что *«пришли к Тотьме литовские люди в ноче безвесно, и Тотьму посады жгли, и… кабацкую и таможенную казну взяли, и таможенново голову Гришку Еремеева*

---

[920] Суворов Н. И. Две челобитные вологодскому архиепископу Сильвестру // ВГВ.– 1861.– № 27.– С. 185.

[921] Колесников П. А. Указ. соч.– С. 208.

[922] Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / отв. ред. И. В. Пугач.– М., 2012.– С. 157.

[923] Голубков Н. Указ соч.– С. 5.

убили»[924]. В «отписи» *«от Соли Тотемской»* в Спасо-Прилуцкий монастырь *«чернец Боголепище»* писал после разорения: *«приходили к Тотьме… литовские люди, и посад, и город выжгли, и Козму Строганова в полон с собою взяли, и двор его выжгли, и многих людей присекли, и Спасовых старцев секли, и слуг и работников всех присекли; и которого было хлебного запасу, и оне овёс и ячмень то всё скормили лошадьми, а осталось в житнице ржи по сметке чети со сто; а книги расходные и приходные и кабалы и всякие крепости на дворовом деле сгорели; ни судов, ни чего не осталось, все разорено до основания, лишь стоит двор да варницы, да в анбарах соли, что уварено было при старцах; да деревни Спасовы целы; да осталось на конюшенном двору скота – кобыла третьячина, да трое селетков, да корова, да бык; а старцы и слуги лежат ныне убитые наги в церкви, а похоронити некому, нет священников ни черных, ни белых…»*[925]. В этой «отписи» речь идёт в основном о разорении посада Соли Тотемской на реке Ковде, где стоял и двор тотемского воеводы Козьмы Строганова.

В. Т. Попов в своей книге приводил другие подробности этого военного действия: *«Поляко-литовцы шли от Холмогор вверх по Двине, разорив по пути Сольвычегодск. Устюжане нападение отбили, враги отступили за Сухону. Один из отрядов польской шайки сделал нападение и на Тотьму, но тотьмичи всех нападавших прибили на берегу реки Песьи Деньги, вблизи городского укрепления»*[926]. Из каких источников Василий Тимофеевич взял эти сведения – неизвестно. Но уже в августе 1614 года, в очередной указной грамоте, недвусмысленно сообщается о передаче следующему воеводе Кузьме Гавриловичу Малышеву от Аксентия Яковлевича Дашкова острожных ключей, наряда, зелья, свинца, а также сообщается, что стрельцов в городе 50 человек, а пушкарей и затинщиков – 20[927]. Через год (25 сентября 1614 года) тому же Малышеву было предписано набрать 100 стрельцов на Тотьме и усилить борьбу *«с черкасами и русскими ворами»*, а для этого *«острог бы есте в которых местах некрепко, велели поделывать и крепити гораздо, чтобы вам стояти было крепко и безстрашно»*[928].

Любопытно свидетельство *«гостя из Галанской земли»* Юрия Иванова сына Клинка от 21 апреля 1615 года. Будучи в Тотьме как раз во время нападения *«воров»* в 1613 году, он пожаловался воеводе, что *«осталось, де, у него от литовского розгрому и от тотемского раззоренья свинцу, как приходили воровские люди на Тотьму и ево, де, погромили, и животы поимали, и судно сожгли и порохом разорвало, и что свинцу в том судне*

---

[924] Указные грамоты городовым воеводам…– С. 157–158.

[925] Суворов Н. И. Две отписи из Тотьмы в вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь о разорении этого города поляко-литовцами в 1613 году // ВГВ.– 1862.– № 29.– С. 120.

[926] Попов В. Т. Город Тотьма…– С. 28.

[927] Указные грамоты городовым воеводам…– С. 171.

[928] Там же. С. 172.

осталось, и тот свинец под берегом на Тотьме потопило». Свинец из воды тогда достали и убытки купцу вернули[929].

В ноябре 1618 года к Тотьме вновь подступили шайки грабителей, мародёров и убийц, известных в народе под именами *«литвы»* и *«панов».* Дома и жители Старого (у варниц) и Нового (на Сухоне) посадов пострадали тогда от литовских людей жестоко – много тотьмян было убито, множество изб сожжено. В «Дозорной книге 1619 года» князя Ивана Козловского и подьячего Марка Мартемьянова неоднократно встречаются такие строки: *«На Пробойной улице двор Оксенки Григорьева, а его убили литовские люди»; «Двор Семенки Кузнеца, а его убили и двор сожгли литовские люди»*[930].

Атаман этой шайки Яков Шиш 24–25 ноября 1618 года дважды пытался одолеть стены острога, но так и не смог. Защитники крепости, видя своё численное превосходство над противником, сделали удачную вылазку и разбили отряд польских и литовских *«панов»* на устье Песьи Деньги. После этого тотьмичи просили царя его о новом дозоре Тотьмы, объясняя свою просьбу тем, что *«в нынешнем 126-м году пришли к Тотьме полковнек Якушко Шиш с литовскими людьми и с русскими воры с казаки. И посацкие люди в острог ушли душею и телом, и к тотемскому острогу со всех сторон приступали два дня жестокими приступы с приметы и щитами, и сели за щитами у ворот, и они с литовскими людми бились два дни да две ночи, и тех литовских людей з города и на выласках многих побили, а иных ранили, и знамена поимали и щиты зажгли. И те, де, литовские люди на посаде церковь божии и посад весь, и торговых людей промыслы, и окологородные деревни пожгли без остатку, и в Тотемском уезде села и деревни выжгли ж, и волостных многих крестьян побили»*[931]. За оба нападения 1613 и 1618 годов на посаде было сожжено 36 дворов и 30 торговых лавок, а 22 дворовладельца убиты. Доктор исторических наук П. А. Колесников приводил эти цифры в одной из своих публикаций. Далее он писал: *«Фактически восточная и северная части посада с торговыми рядами и четырьмя храмами были полностью сожжены «литвой»*[932].

В «Дозорной книге города Тотьмы и уезда 1619 года» об остроге сообщается очень кратко: *«На реке на Сухоне, на ходучей стороне острог стоячей, а меж стен восемь башен. В остроге соборный храм Рождество Пресвятой Богородицы, древян вверх клецки...».* Термин *«острог стоячей»* говорит о том, что между рублеными башнями стены были сделаны из вертикально стоящих брёвен, заострённых вверху и плотно пригнан-

---

[929] Там же. С. 168.

[930] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 4 об., 6. Авторы выражают благодарность исследователю И. Р. Николаеву за предоставленный перевод текста «Дозорной книги города Тотьмы и уезда 1619 года».

[931] Указные грамоты городовым воеводам...– С. 205. Этот же источник частично процитировал в своё время Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных книг в первые годы царствования Михаила Фёдоровича.– М., 1909.– Приложение 70.

[932] Колесников П. А. Указ соч.– С. 210.

ных друг к другу. Такое сооружение ещё именовали *«тыном».* В словаре В. И. Даля *«тын»* – это *«деревянный сплошной забор, заплот, городьба, частокол, огорожа»,* с пояснением, что тын как городская стена делался частоколом, либо заплотом, а рубленый город был *«одвустен, в срубах с перемычками»*[933]. Высота стоячих брёвен тотемского острога в источниках не отмечена, но в иных русских острогах она обычно составляла от 4 до 6 м.

Далее в «Дозорной книге 1619 года» идёт описание строений внутри стен острога, где было *«два двора поповых, двор воевоцкой, изба съезжая воевоцкая, двор земской, анбар зелейной пороховой, три двора монастырских, двор Ольги Даниловой жены Строгонова, изба стрелецкая, два анбара посадцких людей, одиннатцать дворов осадных посадцких лучших людей, шестьдесят шесть изб осадных посадцких лучших людей, четырнатцать лавок посадцких людей, три лавки Ольги Даниловы жены Строгонова»*[934], то есть, на площади в 1 620 квадратных сажень размещалось 107 различных строений[935]. Фактически здания стояли бок о бок, впритык друг к другу…

Монастырские дворы в остроге принадлежали Николо-Угрешской, Спасо-Прилуцкой обителям и местной Суморинской пустыни.

Внутри стен активно шла торговля: *«В остроге ж лавки тотмичей торговых лучших и середних людей: лавка Остапки Титова, торгует солью; лавка Елисея Федорова, торгует рыбою и хмелем, и воском; лавка Микитки Мясникова, торгует крашенинами и сапогами; лавка Семейки Корепова, торгует сукном и шелком; лавка Харламова, торгует суконами и шелком; лавка Николка Харламова, торгует суконами и сапогами, и крашенинами; две лавки Богдашка да Никитки Новоселовых, торгуют рыбою и воском, и московитным товаром; лавка Некраска Вахрамеева, торгует хмелем; лавка Гриши Одинцова, торгует рыбою; лавка Фирска Ширина, торгует солью; лавка Ивашка Потемы, торгует московитным товаром; лавка соборного диакона Давыда, торгует солью и рыбою; лавка с перерубом Богдашка Новосёлова и Дружинки Гулина, торгует сапогами и крашенинами; лавка Шумилка Синцова, торгует солью; три лавки Ольги Даниловы жены Строганова, торгует в них солью»*[936].

А вот перечень осадных дворов, в которых на случай нападения можно было укрыться с семьями и, кроме того, хранить там своё добро и товары: *«Избы тотемских посадских лутчих и середних, и молотчих людей, и уездных крестьян: двор Иванка Харламова з братьею; двор Богдашка Савельева сына Новосела; двор Осипка Денисова сына Истомина соловара; изба Жданка Корякина; изба Нестерка Фомина; изба Якунки Кузнеца; изба Ивашки Мухина; изба Максимка Кузнеца; двор окологородново крестьянина*

---

[933] Даль В. И. Указ соч.– Т. 4.– С. 447.
[934] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 1, 5 об.
[935] Колесников П. А. Указ. соч.– С. 211.
[936] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 1 об.– 2 об.

Федьки Брагина; изба Дружинки Гулина да Ивашка Потемы; изба Федоски Васильевские жены Овдокимова; изба Оленки Богдановой жены Веселова; изба окологородного крестьянина Данилка Остафьева; двор окологородного крестьянина Первушки Каплина; изба вдовы Марфицы Дружинины жены Исакова; изба Зиновка Петернина; изба Капиталинки Калитимские; изба Богдашка Саблина; изба Первушки Упадышева; двор земской мирской; изба Епиши Суслова; изба Окомека Микифорова; изба Коняшки Швеца; изба вдовы крестьянки Григорьевы жены Брудачева; изба окологородново крестьянина Треньки Шубарина; изба окологородново крестьянина Богдашка Колосова; изба Федьки Суслова; изба Ивашка Милкова; изба Жданка Козла; изба Екушки Татоура; изба Томилка Васильева; изба Артюшки Высокова; изба Ивашка Борисова; изба окологородных крестьян Ивашка да Максимка Ивановых детей Литвинова; изба Васки Корепы; изба Семейки Чезлова; изба Сидорка Шубина; изба вдовы Капителинки Онисьивы жены Олешетина; изба Пашка Чертовского; изба Неустройка Роспутина; изба Гришки Хоритонова; двор Дружинки да Максимка Кубасовых, живет на нем Обросимко Олексеев; изба окологородных крестьян Дружинки Епишина з братьею; изба окологородново крестьянина Ивашка Брилякова з братом; изба окологородново крестьянина Титка Карпова; изба Якуньки Попова; изба Менщика Ситникова; изба Ортюшки Плешкова; изба Бессонка Кускова; изба Естюньки Клышина; изба Терешки Карпова; двор воскресенского попа Якова; изба Терешки Нерастова; двор Неустройка Чекалева, а живет в нем сын его Томилко; двор Фирска Шимрина, а живет на нем Фирскова сестра вдова Оксиница Петрова жена Иванова; двор Семейки Корепова з братьею; двор окологородново крестьянина Куземки Фирсова з братьею, кузнеца земскоя; двор окологородних крестьян Ортемка да Петрушки Брагиных; изба окологородново крестьянина Онтропка Чигарева; изба окологородного крестьянина Суетки Моклоковского; изба Тимошка Головина; изба Ивашка Гаврилова; изба Мишки Сидорова; изба Савки Васинова; изба Ивашка Рокеина; изба Дружинки Мотафонникова; изба Посника Мясникова; изба Первушки Сергеева; изба Гришки Одинцова; изба Елисейка Федорова з братьеми; изба Ивашка Михайлова; изба Илюшки Кобылина Розсылщика; изба Незговорка Овдеева; изба вдовы Федорки Тимофеевы жены Переляива; изба Грязки Тыричина; изба Семейки Попова; изба черново попа Ферапонта; онбар окологородного крестьянина Ивашка Никифорова»[937].

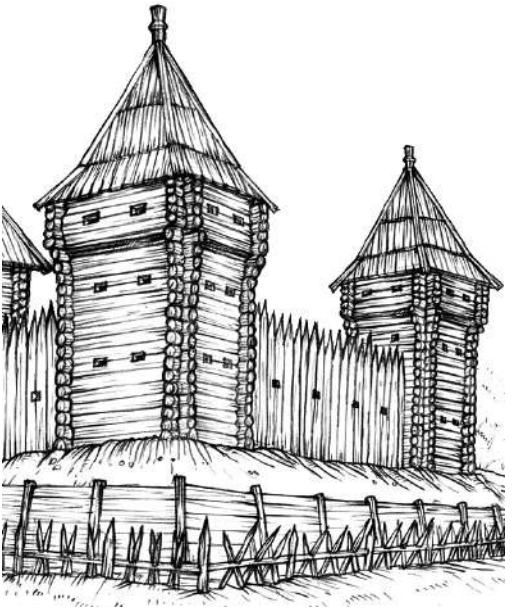
Многие современные жители Тотьмы по сохранившимся и через 400 лет фамилиям легко найдут в этом списке своих предков.

Интересные сведения об остроге содержатся в указной грамоте от 9 сентября 1623 года. Из Москвы тотемскому воеводе Филону Михайловичу Оничкову предписывалось провести ремонт крепостных сооружений и составить сметную роспись для строительства новой крепости. *«На Тотьме на посаде острог подгнил и того острогу бурею повалило сажень з дватцеть, и чеснок, подгнив, весь розвалился, и башни ветром*

[937] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 2 об.–5 об.

роскрыло, и ров позаплыл...». Далее от имени царя Михаила Фёдоровича воеводе было велено *«острог и чеснок прежней поставити и башни покрыть прежнею кровлею мочно, которая пригодится. А буде старой острог и чеснок, и башенная кровля к делу не пригодитца и вперед не прочно, и ты б на Тотьме созвал к себе в съезжую избу тотемских посадцких и Тотемского уезда волостных земских судеек, и старост, и целовальников, и посадцких людей, и волостных крестьян, а созвав бы еси, их про то острожное дело роспросил имянно, сколь давно тот острог преже сево делан и какими людьми, и во што стал со всем в отделке. А роспрося по тому ж, сам с ними сметил, сколко на тот острог и чеснок, и на башенные кровли все ново лесу нанова порознь надобно, и во что тот острог и башенная кровля в отделке со всем станет»*[938].

Тот факт, что сильным ветром повалило часть стен острога, как раз и подтверждает устройство их из вкопанных брёвен. Чесноком в старину называли наклонно вбитые в землю колья или специально устроенные рогатки, обращённые остриём в сторону нападавших на острог врагов. На картине известного художника Ф. М. Вахрушова (выставлена в экспозиции Тотемского краеведческого музея) показан внешний вид острога со стороны реки Сухоны. Живописец постарался восстановить укрепления в том состоянии, когда и стены, и башни ещё стояли крепко, а не *«розвалялись»* и *«погнили»,* как в середине XVII столетия. Однако стены между башнями Ф. М. Вахрушев изобразил неверно – не из вертикальных брёвен, а из горизонтально рубленных ряжей, да и чеснока на картине нет.

Острог стоячий с чесноком. Реконструкция А. В. Кузнецова, 2020 г.

В 1622–1625 годах в Тотемском уезде прошла новая перепись, от которой осталась «Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова

[938] Указные грамоты городовым воеводам... С. 264.

Картина «Тотемская крепость-острог» (XVII век).
Худ. Ф. М. Вахрушов, нач. XX в.

Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова»[939]. Однако, первые два листа её не сохранились и описание острога отсутствует. До нас дошли лишь только несколько строк, посвящённых внутриострожным строениям: *«… лавка была посадцкого человека Шумилки Сивцова, а ныне на том лавочном месте стоит храм теплой Богоявления господа бога и Спаса нашего. А от алтаря с острогу до тарасов две сажени»*[940]. *«Тарасами»* в старину именовались рубленые наружные укрепления, срубы, нередко крытые дранью или тёсом[941]. В данном случае тарасами, вероятно, названы или башни острога, либо какие-то дополнительные сооружения сразу за тыном, с помощью которых можно было вести огонь по врагу из-за стен.

Состояние острога и далее продолжало волновать тотемские власти. В архиве сохранилась отписка тотемского воеводы Меньшого Головачёва о ветхости острога и о необходимости его ремонта, датированная 11 февраля 1633 года: *«Государю, царю и великому князю Михайлу Федоровичу всея Русии холоп твой… Головачев челом бьет. По твоему государеву… указу велено мне холопу твоему быть на твоей государевой службе на Тотьме и о всяких делах велено писать тебе государю к Москве в Устюжскую четверть. И на Тотьме, государь, тотемской острог весь погнил и повалялся и острожные башни розвалялись, а подел дать без твоего государева указу не смею… И о том, государь, мне холопу своему как укажешь»*[942].

18 августа того же года датирована и другая воеводская описка об отсутствии ночных сторожей у *«зелейной казны»* в остроге и о необходимости починки пищалей в нём: *«И на Тотьме, государь, твоя государева зелейная казна и ружья и ядра и всякие пушечные запасы положены во остроге в казенном онбаре. А острожных, государь, сторожов на ето*

---

[939] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480, 486. Л. 1–1094.
[940] Григоров Д. А. Указ соч. – С. 142.
[941] Даль В. И. Указ соч.– Т. 4.– С. 391.
[942] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Ч. 9. 1633 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 302–302 об.

толко два человека, и те живут в острожных воротех в дне и в ноче на переменах по одному человеку. А по ночам, государь, для твоей, государь, зелейные казны и наряду в остроге сторожей у зелейные казны нет. А у посадских, государь, людей и у волостных крестьян для конныя сторожи людей без твоего государева указу взять несмею. А без сторожей в ночи быть страшно, чтоб над твоею царскою казною какие порухи не случилось, <потому> что острог весь подгнил и мне холопу твоему в том от тебя государя во опале не быть. А многие, государь, пищали попортились и замки повалялись, а подел дать я, холоп твой, без твоего государева указу не смею. И о том мне холопу своему как укажешь»[943].

Вскоре из Москвы тотемскому воеводе Головачёву последовал указ: *«И как к тебе сея наша грамота придет и ты над нашею пороховою казною и над нарядом вели зделать навес и покрыть гораздо, чтоб летом дождем не накапало, а зимою снегом не набивало. А сделав навес, вели пищали починить и замки поделать и устроить под навесом их, вели у нашей пороховой казны и наряду сторожей по прежнему нашему указу, а к прежним сторожам веле сторожей взять с Тотмы с посаду и с уезду в прибавку дву человек и веле им быть у наряда и у казны попеременно без отходу. А во что тот навес, к наряду замки со всем в отделке станет и в котором месте тот наряд пороховую казну устроить и чтоб о том о всем к нам отписал. А отписку веле отдать в Устюжской четверти дьяку нашему Понтелею Чирикову, чтоб про то в четверти было ведомо. Писано на Москве лета 7141 августа в 30 день»*[944].

Следующий источник, где можно найти сведения о Тотемском остроге – это «Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом 1646 года переписи дворянина князя Ивана Семеновича Вяземского и подьячего Леонтия Нестерова». Источник находится на хранении в Российском государственном архиве древних актов, а выписки из него есть в научном архиве Тотемского музейного объединения. Описание острожных укреплений в этой книге отличается краткостью: *«На Тотьме острог стоячей на реке на Сухоне и на речке на Песье Деньге. В остроге ж соборная церковь Рождество Пречистые Богородицы да в пределе церковь преподобного Михаила Малеина. Да другая церковь теплая Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. В остроге ж по правую сторону церкви двор воеводской, да по левую сторону церкви двор посацкой бобыля Богдашки Новоселова…»*[945]. Таким образом, к середине XVII столетия внутри острога (в *городе*) стояли уже две деревянные церкви (одна с приделом). Кстати говоря, от наименования этого придела, возможно, происходит известная тотемская фамилия рода Малевинских, основатель которой как раз и мог служить в церкви Михаила Малеина (Малевина).

Иван Семёнович Вяземский и Леонтий Нестеров досконально, как и требовали от них служебные обязанности писца и подьячего, перечислили

---

[943] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Ч. 9. 1633 г. Д. 4. Ч. 2. Л. 513–513 об.
[944] Там же. Л. 515.
[945] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 1–139.

вооружение острога, среди которого была, например, отмечена пушка медная в станку лежачем с 260 ядрами, *«весом по полфунта по 12 золотников»,* 7 пищалей *«затинных»* (т. е. стоявших *за тыном*, за крепостной стеной), а к ним 3 056 пулек по 9, 8 и 4 золотника… Далее среди оружия названы тюфяки, мушкеты, карабины, а сверх того, в подвале хранилось в бочках 8 пудов пушечного пороху[946]. Всё это добро охранялось специально поставленными сторожами, но со временем оружие проржавело, порох скис, а остатки тотемского арсенала в XVIII столетии разошлись по рукам. В речке Песье Деньге, под бывшей Тайнишной башней, доморощенные археологи находили впоследствии и старинные секиры, и пушечные ядра, да и сами пушки XVII века. Кое-что из этих случайных находок попало в краеведческий музей, другие артефакты ушли в руки частных коллекционеров…

Внутри стен стоял воеводский двор *(«в длину 30 сажень, поперек 14 сажень, ото рва 10 сажень, подле церкви Благовещенья, между Воротной и Воскресенской башнями»)* и два деревянных храма (Богородицкий и Богоявленский), да рядом с ними – колокольня-четверик с часами-курантами. Одноглавая крыша колокольни держалась на стропилах. Храм Рождества Богородицы имел пять куполов на основном восьмерике и один – на приделе. Церковь окружала тесовая паперть. Тёплый (зимний) храм Богоявления Господня был сооружён с трапезной (предхрамием), а верх у него завершался бочкой с одной главой. Здесь же была ещё отдельная небольшая часовня, сведения о которой минимальны. Кроме того, близ Троицкой башни существовал *«осадный колодезь»,* иначе – глубокий колодец, где содержались запасы воды на случай штурма крепости[947].

Краевед Е. Кичин писал в газете «Вологодские губернские ведомости» за 1847 год, что лет 25 тому назад на Соборной горке при копании колодца отыскали интересный клад. В кожаное голенище от сапога, старательно зашитое с двух сторон, были запрятаны серебряные монеты времён царя Алексея Михайловича (годы правления – с 1645 по 1676)[948]. По тем временам – это целое состояние. Ясно, что сокровище было зарыто в землю кем-то из тотемских *«лучших людей»* в надежде вернуться к нему, но по какой-то причине хозяину денег сделать этого не довелось… Дальнейшая судьба клада неизвестна. Вероятно, монеты просто переплавили в серебро, которое продали. Но Соборная горка раскрыла далеко не все свои тайны, и сколько ещё закопанных капиталов первых тотьмичей-предпринимателей в ней спрятано, никому неведомо.

И. К. Степановский в своё время также собрал сведения о том, что *«с северного бока Соборной горы на дне рва остаются признаки бывшего входа в значительное подземелье»,* а при постройке каменного здания собора

---

[946] Выписки из писцовой книги 1647 года // Научный архив Тотемского краеведческого музея.– Личный фонд В. Е. Величутина.– № 647.– С. 1.

[947] Там же. С. 1.

[948] Кичин Е. Соборная гора в городе Тотьме // ВГВ.– 1847.– № 52.– С. 532.

в 1863 году был обнаружен *«подвал с опускной деревянной лестницей»* и два склепа[949]. К сожалению, до сих пор на месте старинного острога не проводилось серьёзных археологических раскопок. Вероятно, это дело будущего. А пока мы ходим прямо по культурному слою прежних лет и не догадываемся, какие тайны он в себе хранит...

В последующее время после «Переписной книги 1646 года» никаких работ по ремонту острога в Тотьме не проводилось. В феврале 1671 года очередной воевода Андрей Непейцын принял у бывшего главы уезда Максима Ртищева сам город, городовые ключи и всякие запасы, и отправил в Москву царю «отписку» следующего содержания: *«Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, холоп твой Андрюшка Непейцын челом бьет.*

По твоему великого государя... указу велено мне холопу твоему на Тотьме быть воеводою на Максимово место Ртищева, и принять город и городовые ключи и на городе наряд и всякие пушечные запасы. И февраля, государь, в 1 день нынешнего 179 (1671) году воевода Максим Ртищев написал мне холопу твоему в росписном списке и отдал городовых два ключа, а города, государь, и башен, и городовые стены, и пороху, и свинцу на Тотьме нет; и крепости никакие от воеводного времяни на Тотьме не учинено. А каков, государь, на Тотьме город был по старому валу и сколких сажень и сколко городовых башен было и тому роспись под сею отпискою к тебе, великому государю... к Москве послал я холоп твой в приказ Устюжские чети. И о том, государь, городовом деле вели, государь, мне холопу своему свой великого государя указ учинить»[950].

26 февраля *«тотемской пристав Илюшка Старухинов»* доставил «отписку» воеводы Непейцына в Москву, в приказ Устюжской четверти. К ней прилагалась «Роспись старому тотемскому городовому месту, каков был мерою и сколько башен и по сколку сажень меж башен были стены». Приведём документ полностью.

«С приезду была башня Воротная, в ширину 4 сажени, поперег тож.

От того воротного места, идучи в город, по правую сторону до уголного башенного места, что была Егорьевская башня, стенного места 25 сажень.

По левую сторону, идучи в город, от того воротнего места до уголного места, что была Воскресенская башня, стенного места 22 сажени с полусаженью; башенного места в ширину 2 сажени, поперег тож.

А от того места до середнего башенного места, что была Благовещенская башня, стенного места 21 сажень с полусаженью; башенного места в ширину 2 сажени, поперег тож.

А от того места до уголного места, что была Троецкая башня, стенного места 19 сажень с полусаженью; башенного места в ширину 2 сажени, поперег тож.

---

[949] Степановский И.К. Указ соч.– С. 382, 385.

[950] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4.– 1671 г. Д. 101.– Л. 1–1 об.

А от того места до Тайнишного башенного места стенного места 17 сажень; а башенного места в ширину 2 сажени, поперег тож.

А от того башенного места до уголного места, что была Рождественская башня, стенного места 25 сажень; а башенного места в ширину 2 сажени, поперег тож.

А от того места до середнего башенного места, что была Николская башня, стенного места 18 сажень с полусаженью; того башенного места ширина 2 сажени, поперег тож.

А от того места до уголного места, что была Егорьевская башня, стенного места 17 сажень; а башенного места ширина 2 сажени, поперег тож.

И всего городового места кругом по валу и з башенными местами 184 сажени в трехаршинную сажень»[951].

Впервые эту отписку опубликовал в своей книге В. Т. Попов[952]. Фактически это первое по времени подробное описание острога, правда, уже бывшего. Измерения его размеров производились уже тогда, когда от острога остались лишь следы в виде развалин или нижних венцов башен. По приведённым в документе параметрам можно составить план городского укрепления в масштабе.

Всего в остроге было 8 башен, носивших названия: Воротная, Воскресенская Наугольная (т. е. *Угловая*), Благовещенская Середняя, Троицкая Наугольная, Тайнишная, Рождественская Наугольная, Никольская Середняя и Егорьевская Наугольная. Воротная башня стояла напротив Тайнишной и эта ось, по которой проходила главная «улица» внутри города, была в крепости определяющей.

Шесть башен получили свои имена от названий посадских церквей, ближайших к острожным стенам. Например, Троицкая башня смотрела прямо на храм Троицы на Зелене, а Егорьевская – на Георгиевскую церковь (стояла недалеко от нынешнего памятника В. И. Ленину). Рождественская башня указывала на церковь Рождества Христова, Никольская – на Николо-Великорецкий храм, сожжённый литовцами в 1613 году при нападении на Тотьму (размещался недалеко от Георгиевской церкви), а Благовещенская – на храм Благовещения Пресвятой Богородицы (стоял рядом с Троицкой Зеленской до строительства каменной церкви). Соседняя с Воротной Воскресенская башня напоминала о церкви Воскресения Христова на берегу Сухоны (ныне – здание, принадлежащее ТМО). В Воротной башне имелись тяжёлые навесные ворота, в случае опасности прочно замыкавшиеся засовами изнутри города. Через них в крепость вёл проход и проезд со стороны посада. Перед Воротной башней надо рвом был перекинут мост. Глубокий ров шёл от Егорьевской до Воскресенской башни. Тайнишная башня грозно возвышалась над обрывистым берегом речки Песьи Деньги.

---

[951] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4.– 1671 г. Д. 101.– Л. 2–3.

[952] Попов В. Т. Указ. соч.– С. 36–38. В 1953 году его также использовал П. А. Колесников при подготовке кандидатской диссертации об истории Тотьмы в XVII веке.– *Прим. авт.*

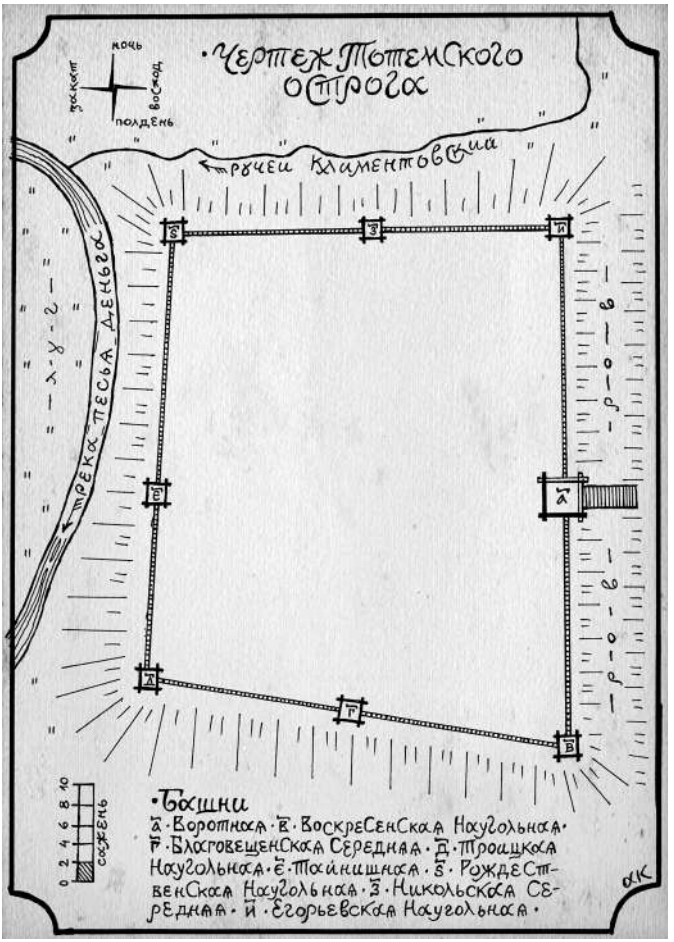

Чертёж Тотемского острога.
Реконструкция А. В. Кузнецова, 2020 г.

В марте 1671 года воевода Андрей Непейцын писал в Москву о необходимости поправления городового строения и о построении вновь казённого погреба и амбара для пороховой и свинцовой казны и пушечных ядер: *«Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу холоп твой Андрюшка Непейцын челом бьет.*

В нынешнем во 179 (1671) году февраля в 13 день писал я холоп твой к тебе великому государю... к Москве в приказ Устюжские четверти... что...

города и башен и городовые стены и свинцу и пороху на Тотьме нет, и крепости никакие от военного времени не учинено. А каков, государь, на Тотьме город был по старому валу и колких сажень и что в башенных местех и меж башен по городовому валу мерою сажень, и тому всему роспись в тебе великому государю к Москве послал я холоп твой под тою своею отпиской с ним же Мишкою. И по той, государь, моей холопа твоего отписке твоего великого государя указу ко мне холопу твоему марта по 14 число небывало.

Да в нынешнем же, государь, по 179 (1671) году марта в 11 день по моей холопа твоего отписке писал ко мне от Соли Вычегодской воевода Иван Нарматцкой, а в отписке ево написано: в нынешнем, де, во 179 (1671) году февраля в 12 день приведен к Соли Вычегодской гулящей человек, а в роспросе, де, ис пыток сказался он Гришкою зовут, Дементьев сын, крестьянин столника князь Петра Иванова сына Львова, с воровским, де, казаком с Илюшкой Ивановым с товарыщи воровали на Ветлуге и многих приказных людей до смерти побивали и животы их имали, а было, де, их всех в собранье пятсот человек, а с Ветлуги, де, шли на Унжу и хотели идти для разоренья на Тотьму и на Устюг Великий и к Соли Вычегоцкой и по иным городом. И как, де, они услышали, что атаман их Илюшка Иванов с товарыщи на Тотьме поиман и они, де, все розбрелись врознь по волостем скитатца и призывать к себе в товарыщи многих охочих людей и на весну собратся в Усолском уезде в Онтропьеве Слободе на пустом месте выше Аникинского приходу, хотели струги делать и на тех стругах торговых и всяких чинов людей разорять.

И в нынешнем, государь, во 179 (1671) году били челом тебе... Тотьмы города Всемилостиваго Спасу Суморина монастыря игумен Иона и попы и всяких чинов люди, а мне холопу твоему подали они челобитную за своими руками о тотемском городовом строении, и чтобы ты великий государь пожаловал их велел тою их челобитную с Тотьмы под отпискою послать к тебе великому государю к Москве. И тою, государь, их челобитную за их руками к тебе великому государю... послал к Москве я холоп твой под сею отпискою с тотемским приставом з Гришкою Борисовым в нынешнем 179 (1671) году марта в 14 день, и велел ему сю отписку и заручную их челобитную подать в приказе Устюжские четверти твоему великого государя думному дьяку Александру Дурову.

Да на Тотьме ж, государь, казенного погреба и онбара на твою государьскую пороховую и свинцовую казну и на пушечные ядра и на всякие пушечные запасы нет, а которой был старой онбар и тот ветх и розвалился и пороховой, государь, казне стоять нельзя; а которая, государь, пороховая казна была преж сего до моего... приезду и та при прежних воеводах от дождей и от снегу испортилась и порох слился слитком; и о том, государь, городовом и на казну онбарном строении, что ты великий государь мне холопу своему укажешь»[953].

---

[953] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 70. Л. 1–2.

Указ царя Алексея Михайловича воеводе Андрею Яковлевичу Непейцыну, датированный 28 марта 1671 года, предписывал: *«...и как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты б зелье велел перекрутить тот час, а грацким и уезным и всяких чинов людям великого государя милость сказать, что они на городовое строение хотят лес готовить и велел им грацким и уезным людем город или острог зделать собою, а наших великого государя доходов на то строение денег давать невелел, а которые денежные доходы в зборе есть, те денги прислать к нам великому государю к Москве тотчас»*[954].

К этому же делу подшита грамота монахов Спасо-Суморина монастыря, о которой сообщалось выше: *«Милостивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович..., пожалуй нас богомолцев и холопей и сирот своих, вели государь на Тотьме построить город, а на городовое строение всякой лес готовить нам богомолцом и холопем и сиротам твоим посошно; а на строение для нашей бедности и немерного бесхлебного времяни вели, государь, ис своих великого государя тотемских денежных доходов давать денги сколко доведетца, чтоб без грацкие крепости от всяких воровских людей твоей великого государя казне в погрaблении, а нам бы богомолцам и холопем и сиротам твоим впредь живучи на Тотьме в разорении не быть, и домишков и промыслишков своих неотбыть. И о том вели, государь, на Тотьму дать свою великого государя грамоту к воеводе к Ондрею Яковлевичу Непейцыну. А сю нашу челобитную вели государь с Тотьмы под отпискою послать к себе великому государю к Москве...»*[955].

В ответ на «отписку» воеводе Андрею Непейцыну из Москвы 19 апреля 1671 года пришла грамота, в которой указывалось на необходимость строительства нового острога и заготовки леса для этих работ. Очередное послание тотемского воеводы доставлено в Москву приставом Мишкой Поповым 24 июня того же года: *«...велено мне холопу твоему и тотемцом посадцким и уездным всяких чинов людям твою великого государя милость сказать, что они на городовое строение хотят лес готовить и город или острог зделать бы им собою посошно, а ис твоих великого государя доходов на то городовое строение денег давать мне холопу твоему невелено.*

И... я холоп твой тотмяном и посадцким и уездным людем твою великого государя милость, собрав их в съезжую избу, всем сказал, и город или острог и зелейной анбар зделать им собою велел.

И ныне били челом тебе, великому государю... они ж тотемцы градцкие и уездные всяких чинов люди, а мне холопу твоему подали челобитную за своими руками о том городовом строении, что, де, они против твоего великого государя указу и грамоты и своего прежнего челобитья на то городовое дело и на зелейной анбар всякой лес готовить рады, а города строить без твоей великого государя денежной казны за бедностью нечем.

---

[954] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 70. Л. 4.
[955] Там же. Л. 5–5 об.

И тою, государь, их челобитную под сею отпискою к тебе… к Москве послал я холоп твой с тотемским приставом с Мишкою Поповым в нынешнем во 179 (1671) году маия в 31 день, и велел ему ту отписку и заручную челобитную подать в приказ Устюжские четверти твоему… думному дворянину Ивану Савостьяновичу Болшому Хитрово да дьяку Авраму Кощееву.

Да в той же… великого государя грамоте написано: велети б мне холопу твоему на Тотьме или в Тотемском уезде сыскать зелейного мастера, и велети б зелья перекрутить. И на Тотьме, государь, и в Тотемском уезде таких зелейных мастеров нет и того зелья перекрутить некому; а так к стрельбе никоемы, государь, делы не годитца. А о пушечной и о свинцовой казне против прежней моей холопа твоего отписки в той твоей великого государя грамоте не написано и твоего великого государя указу мне холопу твоему маия по 31 число о том небывало. А на Тотьме, государь, пушек и свинцу нет и пороху в казне мало, к стрельбе не годитца. И о той государь пушечной и о свинцовой и о пороховой казне вели… мне холопу своему свой великого государя указ учинить»[956].

В силу безденежья тотьмичи были готовы самостоятельно только заготовить лес для нового острога, а средства на строительство просили из Москвы. Однако столица Тотьме в этом отказала: *«…июня в 24 день писал ты к нам великому государю к Москве… чтоб нам… пожаловать и велеть на Тотьме для приводу всяких людей зделать город или острог, а на тот город до моего великого государя указу тотмяном посацким и уездным людям в то городовом строении для их бедности и хлебного недороду отсрочить до нового великого государя указу.*

И как к тебе ся наша великого государя грамота придет и тебе, тотмяном посацким и уезным людям города или острога отсрочить до нашего великого государя указу делать не велю и в том городовом строении до… великого государя указу. Писано на Москве лета 7179 июля в 10 день»[957].

Различие терминов *город* и *острог* в выше приведённом документе заключалось, прежде всего, в объёмах строительства. Под городом подразумевались капитальные рубленые стены и башни, а острог, как было сказано раньше, мог быть *«стоячим»* и сооружение его для местной казны было не так накладно.

В июле 1671 года посадские люди Тотьмы отправили в Москву челобитную царю, в которой жаловались на свою скудость и бедность, сообщая о том, что даже острога построить не могут: *«Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу бьют челом сироты твои тотемские мирские челобитчики Ивашко Спасской, Федотко Быков, Оска Еремеев и во всех место осталых тотмян посадцких людишек и Тотемского уезду волостных крестьян.*

В нынешнем, государь, во 179 (1671) году по твоему великого государя указу велено у нас на Тотьме построить нам бедным город. А преж сего,

---

[956] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4.1671 г. Д. 197. Л. 1.

[957] Там же. Л. 2–3.

государь, города на Тотьме небывало, а был острог. И нам бедным последним сиротам твоим ныне от хлебной скудости, и от накладных болших стрелецких и от доимочных денег с пустых вытей, и от платежу на городовое каменное строение Архангелского города, и от ямской гонбы на Тотьме ныне не токмя что город построить, ино и острогу, государь, построить нечем и немочно, что многие государь крестьянишка покиня свои домишка в пусто розбрелись врознь, а мы бедные осталые сироты твои от хлебного недороду и от накладных болших стрелецких и от доимочных денег обнищали и обсиротали и в конец погибли.

Милостивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... пожалуй нас бедных последних сирот своих, вели, государь, в том острожном строении для нашей бедности и скудости дать нам сроку покеж месть ты, великий государь, пожалуешь. И о том вели, государь, нам бедным последним сиротам своим свой... милостивой указ учинить и дать свою великого государя грамоту»[958].

На обороте листа – резолюция: *«179 (1671) году июля в 3 день для их бедности до указу не делать»*[959].

В этот же году в Москву ушла вторая челобитная: *«Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу... бьют челом Тотьмы города богомолцы твои Всемилостивого Спаса Суморина монастыря игумен Иона и священницы, да холопи и сироты твои гостиные сотни и тотемцы посадцкие и уездные людишка.*

В нынешнем, государь, во 179 (1671) году били челом тебе великому государю..., а на Тотьме в съезжей избе воеводе Андрею Яковлевичу Непейцыну подали челобитную о городовом строении, чтоб ты, великий государь, пожаловал нас богомолцов и холопей и сирот своих, велел на Тотьме для приходу от всяких воровских людей город построить, а на городовое строение всякой лес готовить нам богомолцам и холопем и сиротам своим посошно, а для нашие бедности и безмерного голодного времяни на строение того города ис своей великого государя казны ис тотемских денежных доходов давать денег сколко доведетца.

И по тому, государь, нашему челобитью прислана на Тотьму твоя великого государя грамота..., а по той... грамоте для того нашего городового челобитья велено воеводе... нам богомолцам и холопем и сиротам твоим сказать твоя великого государя милость, и на городовое строение лес готовить и город строить нам собою, а ис твоей великого государя казны ис тотемских денежных доходов на то городовое строение денег давать невелено.

И по той твоей великого государя грамоте мы богомолцы и холопе и сироты твои на городовое строение всякой лес готовить рады, а строить, государь, без твоей... денежные казны нам не в мочь, <потому> что государь грех ради наших к нынешнему 179 (1671) году хлебной недород был

---

[958] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 292. Л. 1.
[959] Там же. Л. 1 об.

болшой и многие, государь, крестьяне в Тотемском уезде в волостях от бесхлебия едши солому и сено и кору сосновую и еловую и вар ту<т> померли, а иные государь розбрелись врознь с женами и з детми безвестно, пометав тяглые свои жеребьи впусте. И в нынешнем… году вешнего севу против прошлых лет несеяно и десятой доли.

Милостивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович… пожалуй нас, богомолцов и холопей и сирот своих, призри, государь, нас бедных своим государским милосердием, вели, государь, на то городовое строение ис своей великого государя казны из тотемских денежных доходов денги давать сколко доведетца для нашей немерной бедности и безхлебного голодного времяни, а лес всякой готовить мы богомолцы и холопи и сироты твои рады, чтоб… без грацкие крепости воровских людей твоей великого государя казне в пограблении, а нам бы богомолцам и холопем и сиротам твоим живучи на Тотьме без пристанища в разорении не быть и домишков своих и промыслишков неотбыть, и з женишками своими от воровского пленного разхищения врознь нерозбрести, и твоей бы великого государя вотчине незапустеть.

И вели, государь… нам бедным свой… милостивой указ учинить и дать свою великого государя грамоту на Тотьму к воеводе к Ондрею Яковлевичу Непейцыну»[960].

На обороте документа инскрипт: *«К сей челобитной Спаса Суморина монастыря игумен Иона руку приложил»*[961], а далее многочисленное рукоприкладство тотемских попов и посадских людей.

Бесхлебное голодное время стало одной из причин того, что новый острог в Тотьме так и не начали строить.

В 1686–1688 годах писцы Никифор Кондратьевич Озеров и подьячий Иван Гордеев провели очередное описание Тотемского уезда. В Писцовой книге» их письма обозначено местоположение ранее стоявшего острога и постройки внутри его периметра: *«На Тотьме на посаде место, где острог был на реке на Сухоне и на речке Песье Деньге, а на острожном месте четыре башни погнили и розвалялись древяные рубленые. От болшого посаду от торгу с приезду башня Воротная, в длину четыре сажени, поперег тож. В тое башне ворот, вьезду и выезду нет. От Воротные <башни> идучи в город по правую сторону, где была Егорьевская Наугольная башня по острожному месту до угла по ров двадцать шесть сажень с полусаженью, а по левую сторону идучи в город от Воротные башни где была Воскресенская башня по острожному месту по ров двадцать четыре сажени с полусаженью. А где была Воскресенская башня, и от той башни ото рву по острожному месту до Середней Благовещенской башни двадцать три сажени с полусаженью. Башня Благовещенская в длину две сажени, поперег тож. От Середние Благовещенские башни до Уголные Троецкие башни по острожному месту девятнатцать сажень. Троецкая Наугольная башня в*

[960] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 604. Л. 1–4.
[961] Там же. Л. 1 об.

длину две сажени, поперег тож. А от Троецкие Наугольные башни до тайника, где был тайник и Тайнишная башня и до Рожественской Наугольной башни по острожному месту сорок четыре сажени; а тайника и Тайнишные башни нет, только знак. А Наугольная Рожественская башня в длину две сажени, поперег тож. А от Рожественские Наугольные башни по острожному месту, где была Никольская башня семнадцать сажень с полусаженью. А от того башенного места по острожному месту, где была Георгиевская башня до рву до угла на башенном местом девятнатцать сажень. Да у Троецкой башни меж Тайничным местом, где бывал колодезь осадной обвалился.

Да во остроге соборная церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы, да в пределе церковь Михаила Малеина; обе холодные, древянная рубленная углом, паперти по олтарь забраны тесом. Верхи у тое церкви клинчатые о пяти главах, крыты тесом, а на пределе шестая глава.

Другая церковь теплая с трапезою во имя Богоявления Господа Бога нашего Иисуса Христа. У церкви верх бочешной об одной главе. Колокольня рубленая в замок на четыре угла, верх на стропилах, с главою. На колокольне пять колоколов, часы железные. У колокольни приделана часовня с одну сторону, дверь с решеткою железною. А те церкви и в церквах Божие милосердие иконы и всякая церковная утварь и колокола строение все мирское. А церковного причту протопоп Феодор Михайлов, да попов Иван Иванов, Иван Корнильев, да дьяконов Иван Киприянов, Василей Игнатьев, пономарь Федка Игнатьев живут в посаде. А руга им Великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев идет из земские избы <…>.

В остроге ж идучи в город воеводцкой двор по левую сторону подле церкви, в длину тритцать сажень, поперег четырнатцать сажень. От рва в другом конце от Благовещенские башни десять сажень»[962].

Далее идёт описание оружейных запасов, сохранившихся от ранних времён. Зелейный амбар для них, судя по опубликованным выше документам, был построен недавно: *«В остроге анбар казенной государской, мерою длина полчетверты сажени шесть вершков, поперег полтретьи сажени четыре вершка, крыт тесом з зубцами. Перед анбаром перила з затвором. В анбаре пушечка медная гладкая в станку лежачем бес колес, прибита обоймами железными. Признак вылитых и вырезаных на ней нет; мерою она два аршина с четвертью; а к ней двести шестесят ядер железных весом ядро по полу фунта по двенатцати золотников. Дватцать семь пищалей затинных железных с жаграми, а мерою они порознь: две пищали по два аршина по полтретья вершка, у одной знамена нет; пять пищалей по два аршина без полувершка; четыре пищали по два аршина бес трёх вершков; две пищали по два аршина без дву вершков; пищаль два аршина без четверти; пять пищалей по два аршина без полупята вершка; две пищали по одному аршину по девяти вершков; три пищали по одному аршину по полуосьма вершка; пищаль один аршин без полутора вершка; пищаль*

[962] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 227.– Л. 1–2 об.

полтора аршина с полувершком; пищаль три четверти аршинные; ствол пищалной два аршина без пяти вершков. А к тем пищалем три тысячи пятдесят шесть пулек железных; весом пулка по девяти и по шести и по четыре золотника. Четыре тюфяка железных, один попорчен; восемь зарядов железных; тритцать мушкетов з замками, мерою по одному аршину по девяти вершков с полу вершком; девятнатцать мушкетов з замками по одному аршину по шти вершков, у одного приклад обломлен; двенатцать мушкетов по полутора аршина; два мушкета по одному аршину по пяти вершков з жаграми; три мушкета с жаграми ж по одному аршину по полутретья вершка; пищаль гладкая с прикладом и з замком мерою один аршин девять вершков; две пищали гладкие с прикладом и з замками по одному аршину и с четвертью аршина; две пищали гладкие с прикладом же, одна без замка, мерою по одному аршину по полтретья вершка; три пищали гладкие с прикладом и з замками мерою по одному аршину бес полутора вершков; одиннадцать карабинов з замками мерою по одному аршину по два вершка; шесть карабинов з замками мерою по одному аршину; три ствола рваных мушкетных; десять ядер железных, два ядра весом по пуду с четвертью, три ядра по пуду с пятью гривенками, пять ядер по пуду; дватцать два копья; два сердешника; запор воротной железной; три молота железных. Под онбаром погреб мерою вдоль полторы сажени, поперег тож, глубина сажень. Пороху пушечного и з бочкою восмь пуд, слипся, стреляти им нельзя. А тот великих государей наряд: пушка и затинные, и мушкеты, и ядра, и пулки, и все в казенном анбаре мирское; а за отчетом и за мерою тотемских земских старост, которые выбираютца по годам. А пушкарей и затинщиков, и воротников, и стрелцов на Тотьме нет.

В городе по правую сторону подле теплую церковь место дворовое пустое гостя Алексея Булгакова, что бывало за вдовою Ольгою Даниловою женою Строгонова, в длину одиннатцать сажень, поперег десять сажень с четвертью; место дворовое пусто Спаса Прилуцкого монастыря, в длину десять сажень, поперег три сажени с полу саженью; место дворовое пустое Спаса Суморина монастыря в длину восмь сажень, поперег три сажени с полу саженью; место дворовое пустое Николы Чудотворца Угрешского монастыря, в длину пять сажень, поперег четыре сажени.

Да в остроге ж пустых мест, на которые места нихто крепостей не положили, и не указали и памятухов про них нет. Длиннику тем пустым местам сорок сажень, поперег тринатцать сажень. Место дворовое Афонки Каплина, что бывало отца ево, в длину одиннатцать сажень, поперег тож.

В остроге въезд и выезд один подле ворот, где бывали ворота. Да крепости подле острожного места от болшего посаду от торгу два рва. Один от острожного места в ширину десять сажень, а в глубину три сажени. Ото рва до другово рва полово места тринатцать сажень, ширина того рва семь сажень. Через оба рвы к острожному месту к Воротной башне мосты: один на столбах, другой рублен на клетках. От острожного места с приезду до лавок площади полого места через оба рва мостом шестьдесят три

сажени; со обеми рвы да с тое ж стороны от Воскресенского башенного места до посацких дворов через ров полого места дватцать три сажени. До Егорьевского Наугольного башенного места до тюрмы через оба рвы полого места сорок три сажени. На том полом месте меж рвов съезжая изба двойня с сенми, места под съезжей избою в длину десять сажень, поперег четыре сажени. З другую сторону до Сухоны реки от острожные стороны полого места восмьдесят пять сажень. Под осыпью ров, ширина две сажени, глубина сажень; около рва тын, и чесноку нет. С третюю сторону до реки Песьи Деньги от острожного места, где была острожная стена полого места пятьдесят пять сажень; под осыпью ров шириной две сажени, глубина сажень, а круг рва тын, и чеснока нет. С четвёртую сторону от Никольские башни полого места до кузниц, где преж сего были стрелецкие огороды, сорок пять сажень, и со рвы один от острогу, ширина дватцать сажень, глубина пять сажень, тыну и чесноку нет. По обе стороны два рва по берегу, а другой ров ширина десять сажень, глубина три сажени; промеж рвов полого места десять сажень, в длину от ручья к Песье Деньге шездесят три сажени, а во всех рвах чесноку и тыну нет и водою розмыло»[963].

Довольно подробное описание бывшего острога в «Писцовой книге 1686–1688 годов» позволяет уточнить систему обороны тотемского укрепления. Оказывается, что кроме сохранившегося до наших дней рва (через который позже был проложен земляной мост, а ниже его в XX веке устроена баскетбольная и волейбольная площадки), три других рва окружали внизу осыпь со всех сторон (от Сухоны, Песьи Деньги и ручья Климентовского). Причём, в долине ручья ров был двойной, видимо, по обе стороны русла. Около ручья когда-то были стрелецкие огороды, а потом – кузницы. Вдоль рвов, внизу под осыпью, был устроен тын с чесноком. Таким образом, острог имел двойную систему деревянных укреплений: внизу тын с чесноком и вверху, по краю Красной горки – второй тын стоячий между рубленых башен. Описание 1686–1688 годов говорит также о двух мостах через рвы – один вёл к Воротной башне, положение второго точно по источнику не установить.

Осенью 1694 года главные строения в *городе* сгорели – пострадали воеводский двор и обе церкви. Воевода Мелентий Лупандин отправил в Москву государям Иоанну и Петру Алексеевичам и царевне Софье челобитную (принята в приказе Устюжской четверти *«7203 (1695) году февраля в 18 день»): «...В нынешнем, государи, во 203 (1695) году генваря в <__> день прислана ваша... грамота на Тотьму ко мне холопу вашему из Устюжского приказу за приписью дьяка Василья Посникова. А в той... грамоте велено на Тотьме соборную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы да в пределе Михайла Малевина, да другую церковь Богоявления Господня теплую, да воевоцкой двор построить против прежняго тотемскими посацкими и уездными людми, розверстав по тяглу повытно и по четвертям; а у того строения быть земским старостам и выбор-*

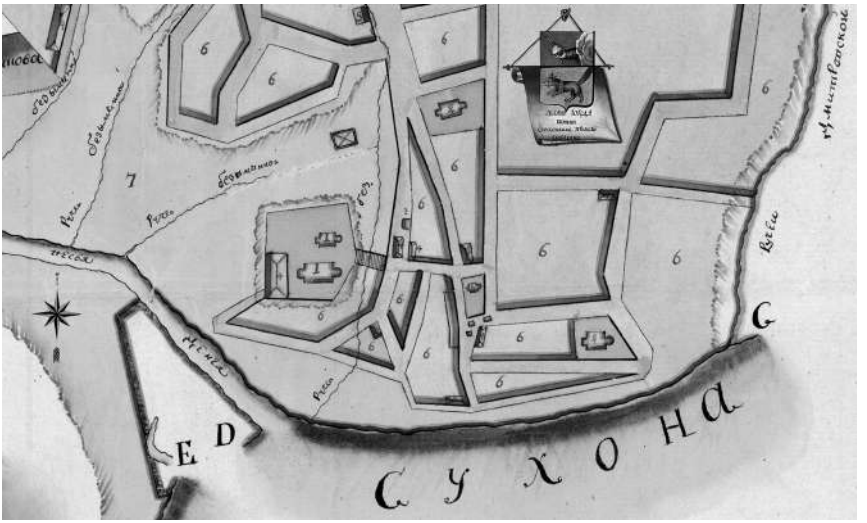
[963] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 227.– Л. 2 об.– 6.

ным мирским целовальникам и лутчим людям кому б в том можно было верить; а что какого строения в вышеписанных церквах и на воевоцком дворе построено будет, и во что оное строение станет, и тому всему учиня книги порознь по статьям за моею холопа вашего рукою и земских старост и церковников и выборных людей за руками прислать к Москве в Устюжской приказ.

И по тому вашему… указу я холоп ваш тотемских земских старост Алешку Мясникова, Ивашка Самыловского в приказную избу призывал по многие дни и ваш… указ им старостам… учинить велел; и они земские старосты к тому строению выборных целовалников и лутчих людей не выбрали, розверстки меж себя никакой и доныне… неучинили, лесу на то строение не ронят и в город не возят неведомо для чего и учинятся мне холопу вашему в том строении непослушны. А я холоп ваш живу ныне на постоялых тесных дворишках с великою теснотою и быть, государи, мне холопу вашему на тех постоялых дворех никакими мерами невозможно. А лес, государи, на тою постройку есть от города в самых ближних местах, и тот лес ронить и возить и строить Божии церкви и воевоцкой двор ныне зимним временем мочно, и о том, что вы великие государи мне холопу своему укажете. А отписку, государи, велел я холоп ваш подать в Устюжском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву с товарищи»[964].

В отправленной одновременно с воеводским посланием в Москву челобитной от земских старост Алёшки Мясникова, Ивашки Самыловского и посадских целовальников и волостных мирских выборных людей тотемцы пытаются объяснить, почему они сразу не могут построить обе церкви и воеводский двор: *«И по тем вашим великих государей указом он стольник и воевода Мелентий Леонтьев в нынешнем в 203 (1695) году те соборные церкви да воевоцкой двор строить велит все вместе… А ныне, государь, нам сиротам тех соборных церквей да воевоцкого двора всех вместе против прежняго за оскудением своим и за неокупными болшими долгами строить и лесу нынешним зимним путем возить на Тотьму из уезду из волостей невозможно, потому что в уезде волостишка стоят в далнем разстоянии от города, далные волости верст ста за полтора, а ближние волости верст по дватцати и по тритцати. Да в нынешнем 203 (1695) году по вашему великих государей указу Устюжского приказу подьячий Степан Ветлицкой правит на нас сиротах… стрелецких дворовых и оброчных денег на прошлые годы из доимки, а нынешний 203 (1694/1695) год по окладу сполна многие тысячи. Да мы ж сироты бедные гоняем конную большую и безпрогонную гонбу без вашего великих государей жалования и без подмоги против столных болших городов Вологды и Устюга Великого. И от той ямской гонбы и от неправого писма Богдана Засецкого и от хлебного недороду и от скоцкого падежу сироты ваши оскудели и обнищали и пришли в великую скудость.*

[964] РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1695 г. Д. 52. Л. 1–2.

Фрагмент плана города Тотьмы, 1782 г.
Российский государственный архив древних актов

Милосердные великие государи.... пожалуйте нас бедных сирот своих, велите тех соборных церквей да воевоцкого двора всех вместе в нынешнем в 203 (1695) году нестроить, а только одну теплую во имя Богоявления Господня строить, а другую и воевоцкий двор впредь в иные годы»[965].

Челобитная подписана целовальниками и тотемцами посадскими людьми и крестьянами. К ней приложена выписка из справки в Устюжском приказе о времени, когда случился пожар в городе: *«...и ноября в 22 день нынешнего 203 (1694) году писал великим государям стольник и воевода Мелентий Лупандин, что октября против 6 числа в другом часу ночи зажжен воеводцкой двор с всяким дворовым строением, так же и соборные церкви згорели; и о том бы ему великих государей указ учинить... И декабря в 13 день великие государи, слушав, указали и бояре приговорили, на Тотьме сгоревшие храмы и двор воеводский построить»*[966].

Какого-либо решения по этому вопросу в деле, как водится, нет.

Таким образом, к завершению XVII века в Тотьме на Красной горке остались лишь следы от бывшего острога и несколько строений внутри него (колокольня, амбар с вооружением, тюрьма и съезжая изба). Обе церкви и воеводский двор сгорели, а воевода был вынужден жить на постоялом дворе, на посаде.

---

[965] РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1695 г. Д. 52. Л. 3–4.
[966] Там же. Л. 6–7.

Тотьма. Соборная гора. Фото А. В. Кузнецова, 2019 г.

Позднее, в XVIII столетии, из казённых и общественных зданий в Тотьме числились *«изба приказная, где сидят воеводы и приказные люди для всяких расправных дел; два двора кружечных; изба таможенная, где сидят выборные головы и целовальники; амбар оружейный да место амбарное; тюрьма одна да сторожня; одна изба писчая; два двора да полдвора мирские для приезду приказных людей»*[967]. В 1745–1749 и в 1764 годах (после очередного городского пожара 4 мая 1743 года) вместо деревянных соборных церквей на месте бывшего острога были возведены каменные церкви – Богоявленская и Казанская[968], отмеченные на одном из первых планов города Тотьма, датированном 1781 годом. На этом же чертеже рядом с Богоявленским собором, около бывшей Троицкой Наугольной башни отмечено большое казённое деревянное строение – приказная изба[969]. В дальнейшем на площадке бывшего острога, на Соборной горке, началось строительство жилых зданий тотемских мещан.

---

[967] Величутин В. Е. Тотьма в первой половине XVIII столетия // Рабочий леса (Тотьма).– 21/09/1956.

[968] Кузнецов А. В., Новосёлов А. М. По следам тотемского барокко.– Вологда, 2018.– С. 26, 46; Попов В. Т. Указ. соч. С. 50.

[969] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 595.

В настоящее время Тотемское городище является памятником археологии[970] с соответствующим охранным режимом. Разведки на площадке городища проводились в 1941 году Н. А. Черницыным, в 1958 году – А. В. Никитиным, в 1978 году – Н. В. Гуслистовым. Масштабных раскопок пока что не было.

Список принятых сокращений

ВГВ – Вологодские губернские ведомости.
ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).
ТМО – Тотемское музейное объединение.

Архивные источники

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Ч. 9. 1633 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 302–302 об. – Отписка Тотемского воеводы Меньшого Головачева о ветхости тотемского острога и о необходимости его ремонта. 11 февраля 1633 года.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Ч. 9. 1633 г. Д. 4. Ч. 2. Л. 513–513 об. – Отписка Тотемского воеводы Меньшого Головачева об отсутствии ночных сторожей у зелейной казны в остроге и о необходимости починки острога и пищалей и о прочем. 18 августа 1633 года.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. Д. 30. Л. 1–538. – Всякие дела Устюжской четверти, как то о жалованьи разных людей, о сборе кабацких и других доходов с разных городов и уездов и о прочем. 1650 год.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. Д. 70. Л. 1–5. – Дело по отписке Тотемского воеводы Андрея Непейцына о поправлении городового строения и о построении вновь казённого погреба и анбара для пороховой и свинцовой казны и пушечных ядер. 13 февраля 1671 года.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 101. Л. 1–3. – Отписка Тотемского воеводы Андрея Непейцына о принятии им у бывшего воеводы Максима Ртищева города, городовых ключей и всяких запасов; о не имеющихся на Тотьме городовых стен, пороху и прочего; и о приложении при том росписи, каков прежде на Тотьме город был, и сколько сажень и сколько городовых башен имелось. 26 февраля 1671 года.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 197. Л. 1–3. – Дело по отписке от Тотемского воеводы Андрея Непейцына о несостоянии тотемцов посацких и уездных людей строить город без государевой денежной казны. 19 апреля 1671 года.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 292. Л. 1–1 об. – Челобитная тотемцов Ивана Спасскова с товарищи о даче им сроку на построение острога. Июль 1671 года.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 604. Л. 1–4. – Челобитная Спаса Суморина монастыря игумена Ионы со священниками, посадских и уездных людей о

---

[970] Иванищева М. В., Спирина Д. Археологические памятники Тотемского района // Тотьма: Краеведческий альманах.– Вып. 2.– Вологда, 1997. С. 26.

вспомоществовании им государевой денежной казной в построении города. 1671 год.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1695 г. Д. 52. Л. 1–2. – Дело о строении на Тотьме вновь на соборных погорелых местах двух церквей и воеводского дома. 18 февраля 1695 года.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 227. Л. 1–877. – Писцовая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и меры Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Ивана Гордеева. 1686–1688 годы.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 1–382. – Дозорная книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и дозора князя Ивана Андреевича Козловского и дьяка Марка Мартемьянова. Сентябрь 1619 года.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480, 486. Л. 1–1094. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова. 1622–1625 годы.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 1–139. – Переписная книга гор. Тотьмы с посадом и уездом переписи дворянина кн. Ивана Семеновича Вяземского и подьячего Леонтия Нестерова. Март 1646 года.

РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 595. – План города Тотьмы с поселенными при нём слободами. 1782 год.

Раздел девятый

РЕЦЕНЗИИ

Мелёхина Наталья Михайловна,
прозаик, г. Вологда

СОБРАЛИ ПО ОСКОЛКАМ

«Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков»
Издательство «Древности Севера», 2017 год
Ответственный редактор и составитель – А. М. Новосёлов.
Авторский коллектив: А. М. Новосёлов, Н. И. Коренева, Е. В. Филиппова, О. В. Полоцкая, В. А. Притчина, В. Н. Галушкина, С. П. Белов

Эта книга относится к категории всегда востребованных изданий: перед нами краеведческий альбом с шикарно подобранными фотографиями, предназначенный как для туристов, гостящих в Тотьме, так и для жителей этого старинного русского города. Собственно, само содержание раскрыто уже в названии. В книге опубликованы фотографии, сделанные разными людьми на переломе эпохи – на рубеже XIX–XX веков, когда старая царская Россия уже уходила в прошлое, и на смену ей шествовала под громкими лозунгами новая советская страна.

Сейчас в Интернете популярны фотоподборки с названиями наподобие «За минуту до трагедии». То есть снимал человек, скажем, цунами, а потом – ап! – и сам был убит этой гигантской волной. При разглядывании таких фотографий захватывает дух в ожидании чего-то неотвратимого, неизбежного, чему отдельный человек противостоять не в силах. Революции 1905 и 1917 годов – чем не цунами? И могли ли остановить историю или повернуть ее вспять купец Александр Киренков, автор многих фотографий из этой книги, гимназистка Наташа Дилакторская или крестьянин Замараев, чьи дневниковые записи использованы в издании, или ученики знаменитой Петровской ремесленной школы? Ответ очевиден.

Острое ощущение грядущего апокалипсиса авторы книги создают последовательно, уже начиная с эпиграфа – с цитаты Леонида Парфенова: «*В советские времена любили приводить статистику «по сравнению с 1913 годом»,– мол, вот настолько стало больше чугуна и стали на душу населения в стране. «А чего стало меньше?» – теперь-то мы вправе сказать: меньше стало России. А той, 1913 года, не стало вовсе*». Как приговор, звучит его фраза: «*Мы сами на свою цивилизацию изверглись*».

Стоит заметить, что «изверглись» дважды, ведь и от советского прошлого мы впоследствии открестились, как от чумы, настолько рьяно, что современные дети и молодежь крайне плохо его представляют. Вспоминается рассказ Сергея Румянцева, руководителя музея корпоративной истории Вологодского вагоноремонтного завода. Историю этого предприятия не отделишь от войн и революций XX века, и за год богатейшие экспозиции на заводе посещают до 1000 школьников. На вопрос Сергея Александровича, кто победил в Гражданской войне, ребята молниеносно отвечают: «Север!» Они имеют в виду, конечно же, войну севера и юга в США. «Что случилось в октябре 1917 года?» – любопытствует Сергей Александрович. «Может, царя убили?» – робко вопрошают школьники. «А кто победил фашистов?» – не сдается Сергей Румянцев. «США!» – бодро рапортуют дети. Что ж, верно: «меньше стало России» не только в нас самих, но и в наших потомках. Именно этот период – рубеж XIX–XX веков – в наши дни все еще является предметом политических спекуляций, и за этими грязными игрищами мы постепенно забываем, что нет большей трагедии, чем разрыв культурно-исторических связей между разными поколениями одного народа.

Книга «Осколки памяти» – это как раз работа с прошлым на будущее. В фотографиях, в дневниковых записях, в аналитических статьях, созданных по материалам Тотемского музейного объединения, мы увидим не только отдельно взятый городок на переломе эпохи, но и на его примере всю нашу страну. В книге рассказывается о значении реки Сухоны в формировании социального и экономического статуса Тотьмы, описан внешний облик города, его планировка и застройка, храмы, Окологородье. Отдельная глава посвящена Спасо-Суморину монастырю. Но город – это не только архитектура и не только экономика. Авторы описали повседневную жизнь всех слоев населения – от крестьянства до тотемской интеллигенции, от духовенства до ссыльных, причем, сделали это через биографии, воспоминания и дневниковые записи конкретных людей, таких, как тот же крестьянин Замараев или художник Вахрушов. Радует, что в издании есть статья «Первая мировая война и ее влияние на жизнь уездного города», поскольку обычно эта тематика остается в тени, зачастую ее как бы «затмевает» Великая Отечественная.

Большим достоинством книги является сам стиль изложения: простой, понятный, но не легковесный. К месту использованы цитаты, интересные истории из биографий жителей Тотьмы, противопоставления, пейзажные описания и т. п. В Вологодской области в последние лет десять краеведческие издания нередко грешат тяжеловесностью слога. Стиль научных диссертаций, сухость изложения, отсутствие ярких цитат и образов – это вовсе не достоинство в книгах, рассчитанных на массовую аудиторию. Это недостаток, с которым следует безжалостно бороться. Как бы ни было в книге много фактов, цифр, ценных сведений, все это впустую, если воспользоваться информацией смогут исключительно люди, имеющие профессиональное историческое образование.

Здесь вспоминается притча о мастере кунг-фу, к которому пришел хорошо подготовленный ученик. «Я знаю то и это!» – похвалялся он. «Выпьем чаю»,– предложил мастер и стал наливать напиток в чашечку. Вот она переполнилась, и чай растекся по столу, а мастер продолжал лить, как будто ничего не замечая. «Что ты делаешь, учитель?!» – закричал ученик. «Польза чашки в ее пустоте»,– ответил мастер. Вот и нам, ученым, писателям, журналистам, краеведам и т. д., не стоит забывать, что «польза чашки в ее пустоте». В первую очередь книги пишутся не для тех, кто и без нас всё знает, а для тех, кто знает мало или не знает ничего.

Остается добавить, что за два минувших года книга была замечена и обычными читателями, и экспертами. Этот краеведческий альбом вошел в ТОП-50 региональных изданий за 2017 год, кроме того, «Осколки времени» получили прекрасные отзывы от жюри конкурса «Вологодская книга года-2017».

Новосёлов Алексей Михайлович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ТОЛШМЕНСКАЯ КАРТИНА МИРА

«Толшменская картина мира глазами участников экспедиций»
Издательство «Полиграф-Периодика», 2018 год
Ответственные редакторы и составители – М. Кошелева, А. Чернова.

– Так что же нам делать, узнать интересно...
– А ты,– говорит,– полюби и жалей,
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
Николай Рубцов

Жизнь показывает, что повторить успех всегда сложнее, чем достигнуть его впервые. Очень трудно дважды стать олимпийским чемпионом. Сиквел фильма обычно слабее, чем первая часть. Даже повторная поездка в какой-нибудь полюбившийся город вымывает из-под ретуши прошлых восторгов крапиву, покосившиеся сараи или грязь по обочинам. Второе впечатление всегда требовательнее первого.

Марина и Андрей Кошелевы, мощно дебютировавшие в 2011 году, явно были готовы к тому, что их второе полновесное издание обречено на широкое внимание публики. Альбом «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова», который можно считать эталонным и одним из самых лучших произведений из числа тех, что когда-либо писались и издавались о поэте, задал очень высокую планку для всего, что делается под грифом АНО «Бирюзовый дом». Отсутствие какой-либо провокационности, надуманности в сюжетах, точное следование историческим

фактам и вместе с тем очень тонко переданное фотографиями настроение стихов Николая Рубцова сделали книгу «Что вспомню я?» лауреатом очередного конкурса «Вологодская книга года».

До следующего значимого издания авторы добирались семь лет, и этот путь был чрезвычайно насыщен событиями. Кошелевы окончательно перебрались в рубцовскую Николу, выкупили часть столетнего дома и создали – исключительно на энтузиазме – музейно-выставочный центр с арт-резиденцией. Для столичных школьников и для всех желающих туристов Кошелевыми был организован ряд экспедиций, нацеленных в первую очередь на образовательные практики. Гостям Николы предлагалось освоить навыки, актуальные для сельских жителей, а через призму рубцовских стихов понять дух места – чтобы, по выражению Марины Кошелевой, *«приехать в глубинку москвичами, а вернуться – россиянами»*.

Самой значимой из всех стала экспедиция 2017 года, когда на Толшму, помимо художников-пленэристов, творческих людей и просто любопытствующей публики, прибыла целая команда профессиональных филологов-исследователей. Её целью было изучение фольклора долины реки Толшмы, а по выражению Марины Кошелевой – ни много ни мало *«толшменской картины мира»*.

Спустя год с небольшим «Бирюзовый дом» получил президентский грант, и всего за полтора месяца вместе с москвичкой, кандидатом филологических наук Анастасией Черновой супруги-энтузиасты составили текст книги, выпущенной в вологодской «Полиграф-Периодике» неплохим по нашим временам тиражом 300 экземпляров. О книге и хочется сказать несколько важных слов.

Хочется сразу оговориться, что заданную Кошелевыми и их изданием «Что вспомню я?» издательскую планку новое издание не уронило. По-прежнему на высоте полиграфия, художественное оформление и дизайн. Книгу приятно взять в руки. Печальнее то, что в тексте в избытке фигурируют неточности, расхождения в именах и фамилиях, ошибки в названиях населённых пунктов, орфографические и пунктуационные «ляпы». Можно оправдать это тем, что книга действительно была выпущена в очень сжатые сроки, диктуемые правилами грантодателя (и эта безумная гонка нам, работающим с краткосрочными проектами, хорошо знакома). Менее понятно желание «Бирюзового дома» членить текст на абзацы, выделяя между ними крупные пробелы; но, в конце концов, всё это не столь важно, главное – содержание.

И тут мы подходим к одному из важнейших вопросов книги – к дискуссионности заголовка. Толшменская картина мира – существует ли она вообще? – спросит въедливый историк. Безусловно, есть какой-то спектр воспоминаний, преданий и легенд, который составляет некое единое целое под названием «устное народное творчество Толшмы». Но можно ли считать, что эта картина мира будет серьёзно отличаться от аналогичной на других территориях Тотемского района или в сопредельных местах Костромской области? Можно ли утверждать, что здесь

есть некая «инакость», отличающая толшмяков от тотьмичей и солигаличан?

Вопрос сложный, и на него вряд ли можно дать однозначный ответ в рамках одной экспедиции. Чтобы уверенно говорить о «толшменской картине», надо собирать материалы по сопредельным территориям и доказывать различия – в говоре, в особенностях быта, в обрядах… И вместе с тем, я бы назвал Толшму действительно важным микрорегионом, который такую собственную картину иметь может. Тому способствует целый ряд факторов. Нахождение территории на самой южной границе Русского Севера, между очень разными костромскими и вологодскими землями, между крепостничеством (всего лишь в тридцати километрах к югу!) и относительной крестьянской свободой, а также достаточно обособленно от уездного центра Тотьмы – всё это не могло не способствовать формированию здесь особого менталитета. Среди черт, характерных для толшмяка, всегда выделялась способность к «самостоянию», актуальная для территории, где с одной стороны – «безбрежное болото», с другой – бескрайний лес, а дороги такие, что «проезжий» до сих пор может их проклинать. Толшмяки продолжают «обогревать свои острова» и жить «без лишнего добра», и Рубцов, конечно, не мог не подмечать эту особенность.

Вообще, о Рубцове, как мне кажется, написан один из важнейших разделов книги. Остаётся только жалеть, что он составляет всего лишь четыре страницы. Чрезвычайно интересно понимать, каким поэт воспринимается жителями Толшмы в наши дни – когда в головах у людей должна была возникнуть некая неразбериха (обычный мужик, с которым я / родные / друзья гуляли вместе на свадьбе и вместе с тем гениальный поэт, издающийся огромными тиражами, которому ставят памятник). Этот причудливый сплав двух несопоставимых образов, в общем, и присутствует в опубликованных отрывках. Вспоминают о том, как Рубцов, ставший уже достаточно известным, прилетал в Тотьму на самолёте (воспоминаний об этом ранее нигде не встречается; «Рубцов и самолёты» – чрезвычайно удачный заголовок, как и многие в книге). «*Действительно великий человек. А на вид чего и смотреть*»,– сделала тогда вывод одна из местных жительниц.

На некое непонимание, отчуждённость в отношении сельских жителей к себе жаловался и сам поэт, в одном из писем досадливо отмечавший, что *«почти поисчезали и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых – одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившиеся здесь»*.

Впрочем, перелистывая страницы книги «Толшменская картина мира», с Рубцовым вряд ли согласишься. Откуда-то из глубин сознания, из того самого времени, когда *«колокольня вдали деревни ещё оглашала набатом, и ночью светились в домах фитили»,* появляются народные предания, вспоминаются обычаи, легенды. Встречаются и песни – как

«новые, советские», так и «грустной старины», приводятся примером и иллюстрацией к рассказам о праздниках многочисленные частушки. Народная культура, которой мрачный XX век должен был вогнать последние гвозди в крышку гроба, сохранилась на Толшме – и продолжает жить. Возможно, это один из главных выводов этой книги.

Остаётся только пожалеть о том, что мировоззренческие установки авторов лишили всех нас интереснейшей главы про гадания, которая, я уверен, воспринималась бы не как руководство к действию, а как ещё один интересный срез местной картины мира.

«В деревне виднее природа и люди» – но мало говорить о том, что эта картина живёт в воспоминаниях людей и присутствует в настоящем. Много других территорий ещё помнили старину и поделились ею с учёными, да немного материалов о том вышло. Новое издание Кошелевых ценно тем, что оно фактически стало первым систематизированным материалом по итогам конкретной фольклорно-исторической экспедиции в Тотемском районе.

Разрозненные сведения о тех или иных территориях находятся в виде дневников экспедиций в архиве Тотемского музейного объединения, малотиражных статьях в труднодоступных научных журналах или вообще канули в лету. Вышедшая книга – буквально луч света в пока довольно тёмном царстве изучения этнографии Тотемского края[971].

Засиять этому лучу помогли десятки волонтёров со всей страны. Проект издания книги «Толшменская картина мира» стал по-настоящему народным, и это не преувеличение. Понимая, что быстро обработать собранный материал не удастся, супруги Кошелевы вместе с Анастасией Черновой кинули клич в соцсетях с просьбой помочь в расшифровке диктофонных записей.

Эффект превзошел все ожидания. Москвичи, вологжане, жители других городов объединились для того, чтобы тексты появились как можно скорей (я сам с большим удивлением узнал, что в работе над книгой участвовали мой хороший знакомый из столицы и известная мне колле-

---

[971] Надо отметить, что не все исследователи так позитивно относятся к данной книге. С моим мнением не согласен кандидат педагогических наук, руководитель ВРО МАН «Интеллект будущего» А. А. Огарков, проживающий в селе Никольском Тотемского района. Он отмечает, что в рамках экспедиции был проанализирован этнографический материал, собранный не только у коренных жителей Толшмы, но и у прибывших сюда на постоянное место жительства людей из других регионов. Профессиональный анализ различий в «картине мира» людей из разных местностей в книге осуществлён не был. В этом аспекте с А. А. Огарковым трудно не согласиться, и возникает лёгкая досада от того, что М. Н. Кошелева редко советуется с кем-либо и практически никогда не предоставляет материал на рецензию до выхода печатных изданий. Если бы текст заранее был отсмотрен и обработан, стилистических и фактических ошибок в книге было бы куда меньше. Следующая книга Кошелевых «Толшма от устья к истокам» (Вологда, «Древности Севера», 2019), профессионально отредактированная кандидатом исторических наук М. В. Васильевой, тому подтверждение.

га-вологжанка). Это было весомым вкладом в проект. «Бирюзовый дом» в очередной раз показал, что ему удаётся сплачивать людей в разных городах, протягивать некий «мост дружбы» между толшменской глубинкой и различными городами, будь то Москва, Петербург, Череповец или Солигалич. Это не может не вызывать уважение.

Впрочем, неверно было бы говорить о том, что «Толшменская картина мира» представляет собой лишь своеобразно обработанный этнографический материал. Книга напоминает некое лоскутное одеяло, в котором лоскуты сложились как будто бы хаотично, но каждый из них раскрывает те или иные особенности народного мировосприятия на Толшме.

В материале, посвящённом личности Х. Толшемского, Марина Кошелева показала себя незаурядным краеведом-исследователем и смогла решить интересную историческую загадку (намеренно не раскрываю подробности, ибо материал сам по себе очень увлекателен и достоин прочтения). Чрезвычайно удачно, на мой взгляд, в книгу вписались стихи уроженцев толшменской земли – Валентины Скорюковой, Елены Мартюковой и Валентины Игошевой.

Очень важным «лоскутом» являются воспоминания Елены Рубцовой, дочери поэта. «Чужих не бьют!» – ещё одно важное кредо Толшмы, а ледовые переправы и связанные с ними переживания – безусловно, часть местного мироощущения. Образ паромного перевоза, личности сухонских паромщиков и бакенщиков – неотъемлемые черты усть-толшменской картины мира, которая, пожалуй, может быть даже выделена в некую отдельную «подкартину», об этом справедливо пишет Галина Узорова.

Материал Татьяны Новосёловой о зашугомских плотниках и домах села Красного смотрится более подходящим скорее для альманаха «Толшма», чем для данного издания. Однако он даёт ещё одну отсылку к Костромской земле и некому промежуточному положению толшменских земель между севером и центром, а значит – вводит в текст важные для «картины мира» смыслы.

Заключительным в книге поставлен, пожалуй, самый дискуссионный материал. Мария Акимова размышляет о нужности литературно-краеведческой работы в российской глубинке, в том числе, разумеется, в селе Никольском. Важность этой работы действительно трудно переоценить; в конце концов, если бы не поэт Рубцов, скорее всего, никогда бы не появились в Николе супруги Кошелевы, не случилось бы никаких экспедиций, а «Толшменская картина мира» была бы не более доступна нам, чем, допустим, вожбальская или великодворская.

То, что на Толшме так активно кипит жизнь, что там выходят серьезные издания, альманахи – прямой результат влияния «гения места» (который, если угодно, может выражаться хоть в бюджетных ставках в музее Рубцова, хоть в непередаваемо поэтической атмосфере села). И потому изначально меня удивил тот факт, что в «Толшменской картине

мира» не нашлось места хотя бы нескольким стихам Николая Рубцова, которые эта самая картина и есть.

Кроме того, довольно остры поставленные Марией Акимовой проблемы, которые необходимо решать для того, чтобы «Толшменская картина мира» оставалась не только на бумаге, а рубцовские ландшафты вернулись в жизнь села Никольского. Село пока остаётся крупным, но молодёжь удержать становится всё сложнее. Не могу согласиться с тем, что возрождение коллективных форм сельского хозяйства сможет стать панацеей. Очевидно, нельзя уповать и на массовый туризм (Рубцов не обладает известностью Пушкина, а дороги – должным для больших автобусов асфальтовым покрытием). Важно и нужно искать новые пути развития, которые помогут толшменской глубинке удержаться в век стремительной урбанизации.

Однако важный шаг в этом направлении сделан. «Толшменская картина мира» как некий срез идентичности, как некая энциклопедия местного быта, местных нравов и привычек уже сейчас – путеводная звезда для местных школьников. Чем больше выходит таких книг, тем больше шансов, что молодёжь будет задумываться не только о том, как побыстрее уехать из бездорожья и глуши, а о том, как сохранять и возрождать здесь жизнь.

Есть же позитивные примеры: в частности, молодой предприниматель, который строит на Толшме большой комплекс по переработке древесины – хотя, проживая в Вологде, мог бы сделать это ближе к областному центру и магистральным потокам. «Здесь моя родина, и я хочу быть ей полезен»,– ёмко сформулировал он в беседе с нами свою жизненную позицию, так созвучную позиции того же Феодосия Михайловича Вахрушова.

Если таких людей станет больше, значит, задача и Кошелевых, и «Толшменской картины мира», и конференции «Русский Север» будет выполнена.

СОДЕРЖАНИЕ

Новосёлов Алексей Михайлович, директор МБУК «Тотемское музейное объединение»
ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Раздел первый
ФЕОДОСИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАХРУШОВ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ 12

Правдина Мария Борисовна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФЕОДОСИЯ МИХАЙЛОВИЧА ВАХРУШОВА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ 12

Притчина Валентина Алексеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ХУДОЖНИКЕ ФЕОДОСИИ МИХАЙЛОВИЧЕ ВАХРУШОВЕ 20

Полоцкая Ольга Владимировна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
Ф. М. ВАХРУШОВ: КРАЕВЕДЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО. У ИСТОКОВ ОСНОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ТОТЬМЕ 33

Балашова Ирина Борисовна, БУК ВО «Вологодская областная картинная галерея», г. Вологда
ФЕОДОСИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАХРУШОВ: ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА 39

Раздел второй
ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА 43

Беженару Людмила Ефимовна, д-р филолог. наук, доцент кафедры Славистики, Ясский университет Ал. И. Куза, г. Яссы, Румыния
ТОТЬМА КАК ТЕКСТ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА 43

Черкасова Марина Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ТОТЬМА В СИСТЕМЕ ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ НА СЕВЕРЕ В XVI–XVI ВВ. 48

Пахнин Анатолий Владимирович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ЕКАТЕРИНЫ ПРОХОРОВНЫ КУСКОВОЙ, СУПРУГИ ТОТЬМИЧА-МОРЕХОДА ИВАНА КУСКОВА 57

Головизнин Марк Васильевич, Институт глобализации и социальных движений, г. Москва
О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ БАРОЧНОГО АРХИТЕКТУРНОГО КАРТУША. АСПЕКТЫ ВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЙ В АРХИТЕКТУРЕ И КУЛЬТУРЕ БАРОККО 68

Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, д. Устье, Тотемский район
Новосёлов Алексей Михайлович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
РАННИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР В ТОТЬМЕ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ ВОТЧИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ – НОВЫЕ ВЫЯВЛЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ ТОТЕМСКОГО БАРОККО 79

Галушкина Вера Николаевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НАРОДНЫЕ СУЕВЕРИЯ КРЕСТЬЯН ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 91

Быков Александр Владимирович, ООО «Центр краеведческих исследований «Пава»», г. Вологда
АЛЬБОМ НЕМЕЦКОГО ОХОТНИКА 1898–99 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX В. 101

Андреева Елена Павловна, ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
НАИМЕНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ И НАДВОРНЫХ ПОСТРОЕК В ТОТЕМСКИХ ГОВОРАХ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 107

Иванова Елена Николаевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ МЕТЕОРОЛОГИИ В ГОВОРЕ РЕЖИ 114

Кузнецова Светлана Васильевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ З. Н. МАЛЬЦЕВОЙ, ПЕРВОГО ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ПРИРОДЫ ТОТЕМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 120

Коренева Наталья Ивановна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
РОДОМ ИЗ 37-ГО. ИСТОРИЯ СЕМЬИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ БОЙКО 129

Потапова Анна Юрьевна, Московский государственный университет международных отношений (МГИМО) МИД РФ, г. Москва
ДИАЛОГ ФОРТА РОСС И ТОТЬМЫ В 2009–2014 ГОДАХ КАК УСПЕШНЫЙ ПРИМЕР КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ И США 140

Савкова Ирина Сергеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
КЛАДЫ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИЗ СОБРАНИЯ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, АТРИБУЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ 149

Правдина Мария Борисовна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ПОДХОДЫ К СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ 161

Макарова Ольга Николаевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ 171

Фирсова Наталья Игоревна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1946–1991 гг.) 180

Соколова Ольга Александровна, БУК ВО «Вологодский государственный музей-заповедник», Союз реставраторов России, г. Вологда
ИСКУССТВО ХРАМОВОЙ РЕЗЬБЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЯ. РЕСТАВРАЦИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ 192

Раздел третий
ЛЕДЕНГСКИЙ КРАЙ В СУДЬБЕ И ИСТОРИИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА 202

Пшеницын Дмитрий Александрович, культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда
НАСЕЛЕНИЕ ЛЕДЕНГСКОГО УСОЛЬЯ В XVII В. 202

Гладких Сергей Александрович, Котласский краеведческий музей, г. Котлас, Архангельская область
УРОЖЕНЦЫ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА – МОРЯКИ-ГЕРОИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. 208

Шигаревская Ольга Викторовна, независимый исследователь, г. Вологда
НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ К ИСТОРИИ РОДА СЫСОЕВЫХ ИЗ СЕЛА ЛЕДЕНГСКОГО 217

Синицына Дженни Петровна, МБУК «Бабушкинский районный исторический музей», с. им. Бабушкина, Вологодская область
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА (на примере Бабушкинского районного исторического музея) 226

Раздел четвёртый

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА 237

Чугреева Наталия Николаевна, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, г. Москва
О ПОЧИТАНИИ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ КАЗАНСКОЙ В ВОЛОГОДСКИХ ЗЕМЛЯХ 237

Родионова Вера Юрьевна, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, г. Москва
ИКОНОПИСЕЦ МИХАИЛ КИРИКОВ СКАЗЫВАЕВ: К АВТОРСТВУ ПОЗДНЕЙ ЗАПИСИ НА ИКОНАХ ИЗ ПАХОМИЕВА КЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ 247

Ромашкина Светлана Николаевна, культурно-исторический центр «Светочъ», г. Великий Устюг, Вологодская обл.
СВЕДЕНИЯ ОБ ИКОНОПИСЦАХ И ЖИВОПИСЦАХ, ЖИТЕЛЯХ ГОРОДА ВЕЛИКОГО УСТЮГА, «С УКАЗАНИЕМ СЕМЕЙНАГО И ИМУЩЕСТВЕННАГО ПОЛОЖЕНИЯ, И ДАННЫХ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ» (2-я ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА) 257

Буфеева Ирина Юрьевна, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина», г. Москва
ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСКИХ РАБОТАХ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ (ИЗ СОБРАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТОДИЧЕСКОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ИСКУССТВ РГУ ИМ. А. Н. КОСЫГИНА) 271

Кортович Андрей Владимирович, Институт бизнеса и дизайна, г. Москва
ВЕРКОЛЬСКИЙ ХУДОЖНИК ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КЛОПОВ 280

Кувайцева Марина Викторовна, целевое Учреждение «Нарвский Музей», г. Нарва, Эстония
СОВРЕМЕННЫЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЛУБОК ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ВАРУНИНА 289

Якушева Людмила Алентиновна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ВИКТОР РУБИНШТЕЙН: ЧЕЛОВЕК, ХУДОЖНИК, МАСТЕРОВОЙ 296

Раздел пятый

РУССКИЙ СЕВЕР В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК 309

Андрианова Лариса Сергеевна, АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей», г. Вологда
Кашинцев Александр Юрьевич, независимый исследователь, г. Вологда
К ВОПРОСУ О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВОЛОГЖАН В XV–XVII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ГРАНИЦАХ ВОЛОГОДСКОЙ КРЕПОСТИ 309

Сальникова Ирина Владимировна, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
Полоцкая Ольга Владимировна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
К ВОПРОСУ О СЕВЕРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЛАСТИКИ В СИБИРИ 322

Попова Ольга Владимировна, заместитель заведующего музейным комплексом «Куликово поле», Тульская область
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА И РУССКИЙ СЕВЕР. СВЯЗЬ ВРЕМЕН 331

Жаворонкова Дарина Юрьевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
Научные руководители:
Малахов Родион Александрович, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории Института истории и филологии Вологодского государственного университета, г. Вологда
Жаворонков Юрий Михайлович, директор Вологодского филиала центра древесных экспертиз ООО «ЗДОРОВЫЙ ЛЕС», г. Вологда, руководитель комиссии «Дендрохронология» Вологодского областного отделения ВОО «Русское географическое общество»
ОНЕЖСКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ СУДНО: ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАТИРОВКИ И ВОЗМОЖНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НА ВОДНО-ВОЛОКОВЫХ ПУТЯХ РУССКОГО СЕВЕРА (ИССЛЕДОВАНИЯ 2018–2019 ГОДОВ) 339

Матасова Татьяна Александровна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва
ЧУДО О ДВИНЯНИНЕ СИМЕОНЕ ПРП. ПАВЛА ОБНОРСКОГО: ВОЛОГОДСКИЙ ПРАВЕДНИК КАК ПОКРОВИТЕЛЬ БЕЛОМОРСКИХ МОРЕХОДОВ 344

Столбова Валентина Петровна, культурно-исторический центр «Светочъ», г. Санкт-Петербург
«ХОТЯ КОРАБЛИ ДЕРЕВЯННЫЕ, ДА ЛЮДИ НА НИХ ЖЕЛЕЗНЫЕ» (О ПЛАВАНИИ САМСОНА СУХАНОВА НА ГРУМАНТ) 351

Николаев Иван Романович, культурно-исторический центр «Светочъ», Москва
ПРИБРЕЖНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И МОРСКАЯ АРХИТЕКТУРА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 361
Звягин Сергей Александрович, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики РАН им. академика Н. П. Лаверова, г. Архангельск
МОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СМЫСЛЫ ГЕОСОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОМОРЬЯ 366

Наумов Юрий Михайлович, музей-заповедник «Кижи», г. Петрозаводск
АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СУДОСТРОЕНИЯ И СУДОХОДСТВА РОССИИ. К ВОПРОСУ О ВОДНОМ ТУРИЗМЕ 375

Дорофеева Елена Михайловна, ФГБОУ ВО «Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова», г. Архангельск
КОЛОКОЛА ПОД ПАРУСАМИ И МОРСКИЕ ПУТИ ИВАНА ДАНИЛОВА 384

Савина Анна Викторовна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ МЕМОРИЗАЦИЯ В МАЛОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОЗЕРСКА) 390

Чернега Артём Андреевич, администрация Тотемского муниципального района, г. Тотьма
ПРАКТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАК ФАКТОРА СИСТЕМНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 399

Путилова Надежда Владимировна, АОУ ДПО ВО «Вологодский институт развития образования», г. Вологда
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ВОЛОГОДСКОЙ РОСПИСИ В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 407

Балуевская Светлана Владимировна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
РИТУАЛ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 415

Акимова Мария Александровна, независимый исследователь, г. Сегежа, Республика Карелия
ВОРЕНЖА УСТАМИ ВОРЕНЖАНОК 424

Жбанкова Елена Васильевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва
ПЛЯСКИ РУССКОГО СЕВЕРА В ГОСУДАРСТВЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА 434

Раздел шестой
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО СЕВЕРА 444

Морозова Милена Максимовна, *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва*
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н. М. РУБЦОВА: ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 444

Мартюкова Галина Алексеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», с. Никольское Тотемского района, Вологодская область
НИКОЛАЙ РУБЦОВ В СЕЛЕ НИКОЛЬСКОМ 450

Кушнерева Ксения Владимировна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФОНДА В.И. БЕЛОВА В НАУЧНОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ 460

Столетова Анна Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ А.Я. ЯШИНА: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ 466

Дилакторская Елена Станиславовна, член Союза писателей России, г. Санкт-Петербург
НАУКА ПОБЕЖДАТЬ. Н.Л. ДИЛАКТОРСКАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 472

Раздел седьмой
МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА 482

Решетников Николай Иванович, Московский государственный институт культуры, г. Москва
ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ 482

Немирова Светлана Сергеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЛЕВАРЕННЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ 492

Антропова Ирина Анатольевна, ФГБУК «Государственный Русский музей», г. Санкт-Петербург
ЭКСПЕДИЦИИ РУССКОГО МУЗЕЯ В ВОЛОГОДСКУЮ ОБЛАСТЬ. (О ПОСТУПЛЕНИИ В ОТДЕЛ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА ЭКСПОНАТОВ ИЗ ВЫТЕГОРСКОГО МУЗЕЯ) 504

Фролова Александра Викторовна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
ВОЛОГОДСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ С РОСПИСЬЮ В СОБРАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН 513

Пригодина Ольга Борисовна, ГБУК АО «Каргопольский музей», г. Каргополь, Архангельская обл.
КНИГИ ИЗ МОНАСТЫРСКИХ И ПРИХОДСКИХ БИБЛИОТЕК В СОБРАНИИ КАРГОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ 518

Анциферова Анна Ивановна, главный хранитель музейных фондов ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск
ЭКСТЕРЬЕРНЫЕ И ИНТЕРЬЕРНЫЕ РОСПИСИ КЕНОЗЕРЬЯ 525

Тимохина Анастасия Владимировна, художник-реставратор реставрационной мастерской Центрального Музея им. Андрея Рублева, г. Москва
РЕСТАВРАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ИКОНЫ «ПРОРОК ДАВИД» (СЕЛО ПРЕЧИСТОЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ) ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА 529

Раздел восьмой
КНИГА В КНИГЕ 537

Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светочъ», г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, д. Устье, Тотемский район
«ОСТРОЖНОЕ ДЕЛО НА ТОТЬМЕ» В XVI–XVII ВЕКАХ 537

Раздел девятый
РЕЦЕНЗИИ 571

Мелёхина Наталья Михайловна, прозаик, г. Вологда
СОБРАЛИ ПО ОСКОЛКАМ 571

Новосёлов Алексей Михайлович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ТОЛШМЕНСКАЯ КАРТИНА МИРА 573

Научное издание

РУССКИЙ СЕВЕР - 2020: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием

Подписано в печать 00.02.2020. Формат 60×84/16. Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,288.
Тираж 500. Заказ 1057.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com

587